Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет
Южный федеральный университет
Институт экономики и внешнеэкономических связей
Академия философии хозяйства

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В XXI ВЕКЕ

8(15)

Экономика модернизации

Под редакцией *Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова*,
Е.С. Зотовой

Москва — Ростов-на-Дону

2011

УДК 330:1
ББК 65.5
Э40

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ МОНОГРАФИИ:

д.э.н., проф. А.Ю. Архипов; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян;
д.э.н., проф. М.М. Гузев; д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова; к.э.н., проф. В.В. Кашицын;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.э.н., проф. Д.Ю. Миропольский;
к.э.н., н.с. К.В. Молчанов; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов; д.э.н., проф. В.Т. Рязанов;
д.э.н., проф. В.С. Сизов; к.э.н., с.н.с. С.Ю. Синельников;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский;
д.э.н., проф. А.К. Шуркалин

По итогам международной научной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика» (8—10 декабря 2010 г., МГУ имени М.В. Ломоносова)

Редактор — *Т.Г. Трубицына*
Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, С.С. Нипа, С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*
Оригинал-макет — *С.С. Нипа*
Компьютерная верстка — *Т.В. Захарова, С.С. Нипа, П.Г. Полунина*

Э40 **Экономическая теория в XXI веке — 8(15): Экономика модернизации** / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. — М.; Ростов н/Д, 2011. — 496 с.

ISBN

В монографии, издаваемой в серии «Экономическая теория в XXI веке», с разных сторон рассматривается проблема модернизации экономики — особенно актуальной для современной России. Книга дает неоднозначное представление о сложном социально-экономическом процессе, побуждая к размышлениям. Содержит сведения о социально-экономическом положении Российской Федерации, реальных возможностях ее развития.

Для ученых, преподавателей и студентов экономических и иных гуманитарных специальностей, для всех, кто интересуется вопросами социально-экономического развития.

Монография издана при поддержке Института экономики и внешнеэкономических связей Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

УДК 330:1
ББК 65.5
ISBN
© Коллектив авторов, 2011

Социо-хозяйственная модернизация как момент реконструкции

Всем сегодня в России ясно, что страна должна измениться в конструктивном направлении, стать страной трудо-творческого созидания, а не паразитарного проедания природных ресурсов и беспечного расходования и разбазаривания человеческого потенциала. При нынешнем хозяйственном устройстве и моральном состоянии, возникших по итогам недавнего реформирования, Россия не способна ни к поддержанию созидательного тонуса, ни к всестороннему развитию, ни к утверждению себя как научно-инновационной державы. Отсюда выходит, что Россия нуждается в *глубокой и масштабной социо-хозяйственной реконструкции*, способной обеспечить преодоление затянувшегося структурно-системного *пореформенного кризиса*, обеспечить защиту страны от внешних негативных влияний и обрести в итоге новый социо-хозяйственный облик — уже *постреформенный*.

Отсюда потребность в мобилизационном сосредоточении интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов и их эффективном применении через посредство соответствующего такой грандиозной задаче обновленного национально-хозяйственного центра и перестроенного управленческого аппарата в направлении созидания *новой России* — как раз постреформенной, в среде не просто морально устаревшей, а вообще никуда негодной, исторически бесперспективной и социально крайне опасной пореформенной России.

Нависшая над страной, но не исполняемая потребность в серьезной социо-хозяйственной реконструкции выявила факт особого рода кризисной ситуации — ситуации *тревожной неопределенности*, сравнимой с ситуацией рубежа 1980—1990-х гг., причем ситуация эта возникла не без содействия высших правящих кругов, решивших никак не ворошить впавшую в своеобразную потребительско-обывательскую кому страну, а всего лишь ее… *модернизировать*, разумеется, по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Отсюда ряд жгучих вопросов: что вообще значит в данном случае модернизация? означает ли это всего лишь подновление и некоторое оцивилизовывание сложившейся и действующей в стране системы? существует ли системный проект модернизации? ставит ли модернизация задачу преодоления глобального системного кризиса и обретения страной действительной и эффективной, а не виртуальной и эфемерной, как сейчас, национальной субъектности? каковы движущие силы и где реальный штаб модернизации, предусматривается ли какая-либо мобилизация ресурсов и сил для реализации модернизационного проекта? является ли модернизация воистину национальной и суверенной, или это всего лишь зависимое от глобализма подновление субординационной страны? Таких вопросов множество, их можно продолжать и продолжать.

Из-за возникшей концептуальной и проективной неопределенности, чреватой не только временным пиар-хаосом, но и реальной судьбоносной угрозой для России, способной либо окончательно превратиться в параколониальную провинцию глобализма, правда, им — глобализмом — осовремененную, либо вообще перестать существовать как целостное геополитическое образо-

вание. Эксплуатация и обескровливание России идет полным ходом, и резервы страны не только для ее выживания, но даже и для такого с ней эксплуатационного обращения не бесконечны, а потому вовсе не за горами и возможность какой-то глобальной в России или с Россией коллизии, не сводимой вовсе к очередной социо-хозяйственной смуте, но и чреватой самораспадом страны, либо при ее резком ослаблении, насильственным расчленением.

К какому еще другому заключению можно придти, наблюдая происходящее в стране втягивающейся, кажется, и в серьезный *внутриполитический кризис*? Разве лишь к заключению о *раз*-утверждении России, трагикомично повторяющем уже нами виденное *раз*-утверждение СССР.

Что ж, возможно, что все здесь сказанное лишь патогенное преувеличение, что в России дела идут, и идут куда надо, что иного пути для России, собственно, и нет. Хотелось бы с этим согласиться, но текущая реальность почему-то этого не дозволяет.

Россия сегодня — не устойчивая и развивающаяся в большом геопространстве система цивилизованного человеческого бытия, а нахально задержавшаяся и неуклонно нарастающая в этом пространстве *системная катастрофа*, принявшая уже не только институциональный, но и прямо-таки субстанциональный характер.

Катастрофа как институт и как субстанция!

Главная для России проблема сегодня — проблема идейно-нравственная, а не какая-либо другая. Социо-хозяйственная реконструкция предполагает мощную позитивную идейно-нравственную работу, а что предполагает провозглашенная модернизация — разве лишь модернизацию тупика, в котором находится сегодня Россия, или охватившей Россию безумной инфернальности?

Да, самоутверждение России в позитивном идейно-нравственном ключе — более сегодня утопия, чем реальность, но сама-то реальность российская ныне такова, что любое самоутверждение России в существующем негативном образе, что то же самое в состоянии субстанциальной катастрофы, есть не что иное, как самое обыкновенное преступление перед человеком, нацией, Россией, а потому нам, нынешним горе-утопистам, ничего не остается как решительно высказаться все-таки за российское самоопределение России, за ее самоизлечение и самовыздоровление и как раз посредством не чего-нибудь, а *российского перестроения*!

Не поймем этого сегодня, поймем, возможно, завтра, а вот послезавтра понимать уже будет, по всей вероятности, поздно!

Жгучая проблема самоутверждения России на путях социо-хозяйственной реконструкции с использованием рычага модернизации стала предметом оживленной дискуссии на Международной междисциплинарной научной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», прошедшей 8—10 декабря 2010 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по инициативе Центра общественных наук при МГУ с участием Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания. По итогам конференции создана нижеследующая коллективная монография, увидевшая свет по воле Ростовского отделения Академии философии хозяйства (А.Ю. Архипов — вице-президент, И.Р. Бугаян — академик-секретарь) и при участии Южного федерального университета.

Ю.М. Осипов

Раздел I

Концептуальные ресурсы модернизации

Ю.М. ОСИПОВ

Самоутверждение России в модернизационном ключе
Тезисы

1. Текущий момент в новейшей российской истории отличается обнаружением двух взаимосвязанных истин: необходимостью всестороннего и интенсивного развития хозяйства и общества — это, во-первых, и неспособностью к такому развитию пореформенных способа и структуры российского бытия — это, во-вторых. Эксплуатационные резервы сокращенных вдвое дореформенных индустриальных производств и необновлявшихся всерьез инфраструктур практически исчерпаны, интеллектуальная сфера безжалостно сжата до минимума и не без успеха летаргирована, а удачливая по части сверхдоходов из-за рубежа внешнеобменная сфера, базирующаяся на энергосырьевых металлургических и полуфабрикатных производствах, грозит окончательным погружением страны в полуколониальное состояние, причем без всякой гарантии достаточно высокого внешнего доходообразования. Сложившаяся социо-хозяйственная ситуация носит в целом патовый характер, ибо пореформенность продолжаться в неизменном виде уже не может, будучи совершенно недостойной никакого исторического продолжения в силу своей производительной и творческой ущербности, не говоря уже о социально-нравственной искаженности, а выйти на путь развития и социального «цветения» возможно лишь при условии многостороннего преодоления пореформенного наследства и перевода страны к иной — уже *пост*реформенной — организации жизнедеятельности, не противоречащей развитию, эффективности и национальной субъектной выраженности. Вот почему на V Малом университетском форуме в МГУ в декабре 2009 г. была выдвинута и обоснована идея **перестроения России,** способного при соответствующей стимулирующей и направляющей роли национального властного центра с опорой на все еще чудом бытующие в стране созидательные силы вывести Россию из возникшего в итоге проведенных реформ социо-хозяйственного тупика.

2. Осознавая возникшую в стране остропроблемную ситуацию, высшая российская власть выдвинула иную, чем перестроение, идею, а именно — идею *модернизации*, не подвергнув серьезной критике и стратегическому сомнению утвердившуюся в стране пореформенность, но явно возжелав, не переворачивая оснований существующего жизнеотправления, перевести общество и хозяйство на более высокий — пожалуй что, и ультрасовременный — уровень. Судя по всему, речь идет о модернизации… уже отмодернизированного, ибо прошедшая реформа тоже была по сути своей модернизацией — удачной для частного, прежде всего, олигархического, присвоения и потребления и весьма провальной для хозяйственного развития, социальной гармонизации, национальной субъектности и прочного будущего. Нынешняя модернизация является, по-видимому, не просто новой по срокам модерниза-

цией, а и новой по сути модернизацией, корреспондирующей с общемировой модернизацией, все более настойчиво пробивающей себе дорогу, что позволяет определить новую российскую модернизацию как *неомодернизацию*. Отдавая себе отчет в том, что сама пореформенность на существенную и масштабную неомодернизацию подняться не может, ибо ничего подобного ей просто не нужно, да и способности к столь великому деянию у нее явно не хватает, верховная власть взяла курс на, скажем так, внешнюю, аддитивную, легкую модернизацию, которую возможно-де осуществить за счет и в русле по преимуществу виртуальной инициативы с привлечением решающих капитальных средств, интеллектуальных сил и модернизационных новшеств из-за рубежа. Власть пошла фактически на более всего производную, подражательную, догоняющую модернизацию-неомодернизацию, не затевая никакого глобального глубокого и стратегически «дальнострельного» переустроительного действа. Победил не амбициозный превращенческий проект, а укромно-камуфляжный паллиатив, что не означает, конечно, его заведомой обреченности и полной нереализуемости.

3. Под модернизацию, понимаемую более всего как осовременивание, усовершенствование, обновление, упорядочивание и менее всего как системное преобразование, тем более существенное и радикальное, подпадает, по-видимому, если не все в обществе и хозяйстве, то во всяком случае многое: помимо интеллектуальной сферы — сферы науки, технологий и образования, что само собой разумеется, модернизации подлежат системы управления и бизнеса, в особенности, финансового, кое-какие производства, транспорт, связь, средства коммуникаций, сельское, лесное, рыбное, жилищное, городское хозяйства, а также армия, флот, авиация, порты, МЧС, но главное, что не так уж бросается в глаза — человек-гражданин и социум — гражданское общество. Что-то из локального и поверхностного будет модернизировано в обозримые сроки, а по большей части зачинаемая ныне модернизация обернется, при условии продолжающегося сохранения объекта модернизации — России — в целостности и жизнеспособности, долговременным, практически непрекращающимся трансформационным процессом, что не только позволит подновить объект, но и предоставить шанс его существенно преобразовать, получив в итоге *другого человека* и *другой социум*, как и вызволив *другую жизнь*. Данный вывод становится возможным по двум обстоятельствам: 1) неомодернизация экзогенна, она идет извне и сверху, не является органичной для общества и хозяйства, не представляется имманентно-национальным российским делом; 2) в импортируемой по большей части и фактически навязываемой неомодернизации заложены мощные трансформационные (трансгрессивные) моменты, такие как новейшие компьютеризация, электронизация, технизация, биотехнологизация, психотронизация, суггестивизация, идеотронизация, когнитивизация, управляемость, социальная инженеризация, программирование — как раз те самые моменты, которые способны, внедрившись в человека и социум, вызвать в них существенные и качественные перемены, превращая человека в «чиповека», а социум — в «технообщество», что в перспективе уже открывает дорогу *постчеловеку и постчеловечеству*.

4. Однако по линии данной трансформационной (трансгрессной) перспективы возможны разные исходы, среди которых весьма вероятно и окончательное попадание неомодернизированной (и неоцивилизованной) России в разряд не более чем прозападной провинции — уже без смущающей передовую заграницу самобытности и без какого-либо суверенного своеволия, но зато с несомненной и практически беспрекословной зависимостью от гло-

бального контекста. Уместно напомнить, что модернизаторско-цивилизаторские игры с заграницей всегда дорого стоили России, грозя утратой не только культурной идентичности, что, кстати, весьма и происходило, но и субъектной независимости и самостоятельности. Отведение подобных угроз и возвращение России к самой себе оплачивались титаническими усилиями поколений и громадными людскими и материальными жертвами. Стоит ли и ныне скатываться к такого рода лукавому модернизаторско-цивилизаторскому исходу, увлекшись *экзогенной неомодернизацией*?!

5. Не исключая возможности использования внешних источников, образов и сил, следует исходить все-таки из *гомогенной модернизации*, предполагающей опору более всего на имманентные России ресурсы, очаги и движущие силы, а если подобных вокруг не слишком ныне обнаруживается, то сделать все, чтобы их обнаружить, вызвать к жизни, консолидировать и привести к эффективному действию. Только при таком условии возможна вполне органичная России *суверенная неомодернизация*, мало того, модернизация, оберегающая (не консервирующая, а именно оберегающая) человека и человеческое общество, не допускающая античеловеческих и антисоциальных с ними манипуляций. В связи с этим должна иметь место не просто модернизация без определенного характера и конкретных целей, а *национально-российская модернизация*, руководствующаяся идеей укрепления и развития России и направленная на достижение нового, более передового и совершенного, образа России. Ремонтной модернизацией тут не обойтись — модернизация должна подкрепляться глубокой и масштабной *реконструкцией*, на которую, конечно, трудно решиться, но которую все-таки придется совершить, причем не спонтанно-спорадически, а расчетливо-планомерно.

6. На повестке грандиозное интеллектуально-политическое усилие, следствием которого должны стать, по крайней мере, три взаимосвязанных продукта: во-первых, идеология *модернизационного самоутверждения России*, корреспондирующая с задачей национального возрождения страны, строительства новой российской нации; во-вторых, концепция текущей и перспективной модернизации страны; в-третьих, комплексная программа национально-российской модернизации, включающая как программу-минимум, так и программу-максимум. Верховная власть должна признать при этом необходимость и рациональность перехода к практике национального (социо-государственного) дирижизма (от фр. *diriger* — управлять), а в современной новейшей интерпретации — *неодирижизма*, восходящего к ориентирному, поощренческому, направительному влиянию из властно-национального центра на социо-хозяйственные процессы, а при необходимости и к прямому вмешательству властной системы в социо-хозяйственную жизнь, однако не подвергающему сомнению принципов экономической самостоятельности частных и национальных агентов, их инициативности и конкурентоспособности. Неодирижизм — дирижизм эпохи глобализации и постмодерновой цивилизации, высокой мобильности, взаимозависимости и реактивности субъектных и объектных элементов социо-хозяйственной среды, большой открытости границ и значительной интегрированности социо-хозяйственных локалий в мировое пространство, приоритета непрямых и во многом скрытых методов управления, основополагающей роли различного рода самоорганизаций. Осуществиться неодирижизм может на основе и через посредство *национального государственно-корпоративного комплекса*, широко прибегающего к пространственно-сетевым институциональным структурам и организационным методам.

7. Самоутверждение России сегодня — обретение законченной в плане целостности, самостоятельности и эффективности национально обусловленной и национально оплодотворяемой *субъектности*, защищающей страну, ее пространство, цивилизацию и народ от любых внешних угроз и преодолевающей окончательно и бесповоротно все еще действенную на российской территории социо-хозяйственную энтропию, беременную антироссийским обессиливанием, рассыпанием и распадом. Вся идейная концепция России заключена, как это, быть может, для кого-то ни странно, в самом слове *Россия*, знаменующем сразу особую геосоциолокальность (имперскую), самобытность (русскую, российскую, евразийскую, многоконфессиональную, православную) и неповторимую историческую данность. Россия — не Западная Европа, не США, не Китай, это — Россия, и влечения к этому практически не расшифровываемому, но совершенно сакрально звучащему слову вполне достаточно, чтобы не только быть патриотом России, но и ставить интерес России выше личного и любого другого частного интереса. Россия — не «*рай*-сия», но без России русскому-россиянину как-то не по себе — и нет для русского-россиянина лучшей доли, чем быть с Россией и ей служить, что и лежит, по-видимому, в основании экзистенциальной метафизики русского-россиянина, восходящей к провиденциальной метафизике самой России. Идея России — в самой России, надо лишь хранить и утверждать Россию, вести ее в конструктивное будущее!

8. Самая сложная проблема, однако — идейно-культурная, ибо со времени политического переворота в России произошел *идейно-культурный переворот*, вдохновленный анти-Россией и принявшей ясно выраженную глобально-буржуазную, индивидуалистскую, гедонистическую, монетаристскую, упрощенческую, обезличивающую, нивелирующую, во многом и инфернальную, энтропийную, смертоносную — определенность. Неустанная аудиовизуальная инженерно-технологическая, по преимуществу аудиовизуальная, работа над человеком, его сознанием, идеологией, культурой, с целью создания нового, освобожденного от «ненужных» традиций и «устаревших» духовно-нравственных установок человека, а скорее — нового человекообразного существа («человекобраза»), внешне свободного и независимого, но вполне при этом управляемого, суггестивного, нелепо самовыражающегося, беззастенчивого, подражательного, однообразного, легкого, пустого, хотя при этом и шумного («погремушечного»), и уж никак не насыщенного духом, идейностью, культурой, самобытностью, традицией, нравственностью, т. е. никак не самодостаточного и всерьез и надолго не осознаненного. Осуществляется самая страшная из возможных в эпоху Постмодерна подмен — на место самостоятельного сознания, тем более творческого, приходит полностью зависимая от внешних управляющих воздействий «информационно-технологическая калькуляция», плавающая в столь же информационно-технологической среде и подвергающаяся со стороны этой среды «непрерывному образованию». Идет самое обыкновенное расчеловечивание человека, его симуляционная переработка, что должно завершиться эсхатологическим переводом человека в *постчеловека* — никакого иного результата от стирания человеческого в человеке и наполнения остающейся бытовать человекообразной оболочки не то что небожественным, но уже и неприродным «интерно» — вчистую уже информационно-технологическим, просто быть не может!

9. Угроза расчеловечивания человека — реальная угроза, и создается впечатление, что реформенная и пореформенная Россия во власти этой угрозы. Сегодня исключительно важно это осознать — и не только гуманитарной

общественности, но и высшей власти. Да, российский человек со своим сознанием может изменяться и в какой-то мере обязан измениться, более всего в духовно-нравственном отношении, но российский человек никак не должен превращаться в столь кем-то желаемую аудиовизуальную куклу, теряющую не то что человеческое сознание, но даже и человеческий облик. Выходит, что в России должна присутствовать и плодотворно действовать достаточно сильная идейно-культурная альтернатива, способная остановить расчеловечивание человека и, наоборот, усилить человека в человеке. В этом плане должны активизироваться конфессии, заработать философия, преобразоваться актуальная культура. Необходим отход от захватившего страну антигуманного постмодернизма и выход на обновленный по форме и текстам гуманизм, преодолевающий болезни, пороки и угрозы агрессивно-колониального постмодернизма. И критерий здесь, или путеводная звезда, только один — *Россия*! Ее сбережение, усиление и совершенствование. Сам же факт, что Россия сейчас в глубоком антиисторическом нокдауне должен обжигающе послужить подъему национального самосознания и возбуждению конструктивной энергии ради созидания и в самом деле новой *России*!

А.Ю. АРХИПОВ

Самоутверждение России: императивы и перспективы

Современная экономика России, сложившаяся в последние два десятилетия, выходящая в настоящее время из кризиса, требует неотложной модернизации. Необходимость модернизации признается различными слоями общества, политическими партиями, научным, экспертным сообществом. Модернизирована, перестроена должна быть структура экономики, основные фонды, следствием этого должны стать преодоление сырьевой направленности всего хозяйства и экспорта, развитие высокотехнологичных производств, инноваций. Все это будет способствовать экономическим преобразованиям, самоутверждению России.

Самоутверждение России в результате модернизации имеет определенные императивы и перспективы. Рассмотрим их последовательно.

Императивом модернизации является необходимость учета особенностей, условий развития отечественной экономики. По-прежнему остается актуальным учет в экономической политике размеров страны, обусловливающих значительные транспортные издержки при перемещении товаров из различных регионов; особенностей климатических условий: низких температур в течение значительного периода времени на большей части территории страны, что предполагает необходимость высокого уровня затрат на строительство производственных помещений, дополнительных расходов на заработную плату. Все это понижает конкурентоспособность товаров российских предприятий, экономики страны в целом.

Постепенно приходит осознание необходимости учета этих особенностей. Возобновлены программы субсидирования полетов для ряда категорий граждан на Дальний Восток, соответствующим образом стала строиться промышленная политика в этих регионах. Наряду с запретом ввоза подержанных

иномарок развернуты первые сборочные производства автомобилей. Необходимо целенаправленно развивать эти меры.

Важным императивом модернизации России является сохранение значительной роли государства в экономике, что понимается далеко не всеми в стране, более того, продолжаются попытки дальнейшего разгосударствления. Но опыт, прежде всего нашей страны, показывает, что без государства многие задачи модернизации не могут быть решены, и отсутствие скрепляющего воздействия государства, централизованных усилий, политики, права, ставит под угрозу целостность страны, ведет к дезинтеграционным процессам.

Государство должно проводить политику реиндустриализации, поддержки высокотехнологичных отраслей, стимулирования инноваций в основных отраслях производства, развивать инфраструктуру, т. е. определять ведущие векторы модернизационного развития. Государство призвано также создавать условия для развития перерабатывающих производств, в том числе налоговые льготы, и, наоборот, вводить заградительные пошлины на вывоз необработанного сырья, проводить нацеленную на задачи модернизации выверенную промышленную, внешнеэкономическую политику.

Содержанием промышленной политики в современных условиях является поддержка реального сектора экономики, в том числе автомобильной, авиационной, судостроительной промышленности, энергетического, сельскохозяйственного машиностроения. Важно разрабатывать и реализовывать специальные государственные программы такой поддержки, включающие разнообразные формы, например, содействие в выкупе подержанных автомобилей.

В то же время важно продолжать дальнейшую политику дебюрократизации, антикоррупционную практику, уменьшать возможности чиновничьего давления на бизнес, в том числе добиваясь повсеместной регистрации предприятий «в одном окне» и т. д.

Необходимо повышать эффективность деятельности государственных корпораций. В ряде отраслей, прежде всего оборонных, без государственной собственности, управляемой на основе современных организационных, финансовых технологий, невозможно провести модернизацию, техническое перевооружение.

Теоретической и экономико-политической основой такого подхода может стать *неодирижизм*, теория и практика регулирования рыночной экономики в условиях современной глобализации. В современной российской экономической литературе это направление сформулировал, обосновал и возглавляет президент Академии философии хозяйства, профессор Ю.М. Осипов. Дирижизм — теория и экономическая политика, предполагающая целенаправленное воздействие государства на рыночную экономику, активно развивался во Франции, других европейских странах, Японии в 1960 — 1970 гг., его элементы используются и в современной экономической практике европейских государств[1]. Абсолютизированные, не учитывающие конкретную специфику экономики, неолиберальные рецепты углубили трансформационный кризис 1990-х гг. в нашей стране, привели к потере целых отраслей экономики, в частности, гражданского авиастроения, демонстрируют свою

[1] Положения дирижизма обосновывались в работах Ж. Фурастье, Ф. Перру и др. В советской экономической литературе эта теория и основанная на ней экономическая практика освещались в работах Л.Б. Альтера, Ю.М. Осипова, Г.К. Шпилько и др.

несостоятельность применительно к российским условиям, но продолжают использоваться с настойчивостью, достойной лучшего применения.

Императивом является все большее вовлечение в процесс модернизации преобразований в экономике современного российского бизнеса: крупного, среднего и малого. Важно преодолеть положение, когда, как в 1990-е гг., да и в настоящее время, предприниматели стремятся заработать, прежде всего, на экспорте сырья и импорте продукции, и не проявляют заботы о развитии производства внутри страны, многие операции крупных компаний осуществляются через оффшоры. Такое положение надо менять. Эффективно развиваться также должно государственно-частное партнерство.

Необходимым требованием осуществляющихся в стране преобразований является постепенное изменение характера, качества развития экономики. Предстоит преодолеть ее сырьевую направленность, которая не только не уменьшилась в предкризисные годы стабильного развития, но, напротив, усилилась: если в 1995 г. минеральные продукты, основу которых составляют энергоносители: нефть и газ, в общем объеме российского экспорта составляли 40,4%, в 2000 г. — 54,5%, в 2004 — 60,4, 2007 — 68,6%, то в 2008 г. — уже 73,4% [1, 706]. В ходе мирового экономического кризиса этот показатель даже уменьшился, составив в 2009 г. 67,4% [2]. Сырьевая составляющая увеличивается в торговле России со многими странами, в том числе с теми, в которые традиционно из нашей страны экспортировались технологии, машины, оборудование. Так, если в торговле с Китаем еще в 2001 г. экспорт из России машин и оборудования составлял 20,1% в общем объеме экспорта, то уже в 2007 г. — только 1,2%, т. е. практически свелся к нулю, экспорт же нефти и нефтепродуктов увеличился за этот период с 10,2 до 53,9%. В то же время импорт из Китая в нашу страну машин и оборудования вырос с 8,2 до 30,6% в общем объеме импорта. Результатом модернизации должно стать изменение конкурентоспособности, уровня жизни в нашей стране.

Что же определяет и каковы перспективы самоутверждения, модернизации России? Важно, чтобы завершающийся мировой экономический кризис, принимавшиеся антикризисные меры явились толчком к модернизации экономики России в соответствии с вызовами современного мирового экономического развития.

Именно на это нацелены сформулированные Президентом РФ Д.А. Медведевым конкретные направления, позволяющие осуществить такие преобразования, — так называемые «Пять “И”»: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции, интеллект. Сосредоточение усилий на этих направлениях даст возможность добиться постепенной модернизации экономики нашей страны. Уже начата работа по совершенствованию инфраструктуры, особенно транспортной, информационной, без которой эти изменения невозможны. В развитии экономики все большую роль должны играть инновации, инвестиции. Наконец, достигнуты все эти преобразования могут быть только с помощью интеллекта: интеллекта нации, работников, руководителей, ученых. Важны обеспечение развития интеллекта, недопущение его потерь и утечек за рубеж, но не запретами, а созданием условий для развития, применения в нашей стране. Наконец, должны совершенствоваться механизмы, институты формирования интеллекта, прежде всего, системы образования, науки, их модернизация, повышение эффективности.

Целями модернизации экономики должны стать повышение уровня жизни всех россиян, сокращение социального неравенства. В условиях кризиса дифференциация доходов населения продолжала увеличиваться. Так, в

1991 г. соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных граждан (децильный коэффициент) составляло 4,5 раза, в 1997 — 12,6, в 2000 — 13,9, в 2004 — 15,2, в 2006 — 16,0, в 2008 — 16,9, 2009 г. — 17. В ходе модернизации важно добиться роста заработных плат работников частного сектора, пенсий, заработных плат бюджетников, пора ставить вопрос о пересмотре плоской шкалы налогов: равного налогообложения граждан, получающих разные по уровню доходы, чего нет, кроме России, в большинстве европейских стран.

Важно концентрировать усилия на решающих направлениях. В современных условиях невозможно осуществить технологические прорывы, лидерство во всех или многих областях. Необходимо развивать отрасли, ориентированные на удовлетворение потребностей людей, в которых есть заделы, ресурсы, где результат может быть получен в обозримом будущем. Государством определены основные приоритеты инновационного развития: медицинские, энергетические, информационные технологии, космические и телекоммуникационные системы, радикальное повышение энергоэффективности.

Необходимо принять комплекс мер, обеспечивающих реализацию указанных приоритетов, определяющих перспективы развития российской экономики. Прежде всего, это повышение ее конкурентоспособности, обеспечение роста производительности труда, инвестиций в основное производство, обновление основных фондов, о чем давно и много говорится, но мало что меняется.

Неотложной задачей является повышение эффективности использования всех, в первую очередь энергетических ресурсов. Необходимость повышения ресурсо-, энергоэффективности особенно стала настоятельной в условиях завершающегося мирового кризиса: предприниматели вынуждены сокращать издержки и искать пути экономии ресурсов, энергии, чтобы оставаться конкурентоспособными на современных посткризисных рынках. Это должно помочь побороть старую российскую болезнь: неэффективность использования энергоресурсов, вызванную во многом, наличием этих самых ресурсов, кажущейся их неограниченностью.

Одним из основных направлений модернизации экономики является развитие инновационной деятельности, которое невозможно без активного участия научного, образовательного, экспертного сообщества страны. В последнее время предпринимаются меры по модернизации учреждений Российской академии наук, системы образования. Выделены значительные средства на приоритетный национальный проект «Образование», в том числе на создание и развитие федеральных, инновационных университетов, принят Федеральный закон № 217-ФЗ от 02.08.2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», в соответствии с которым университеты начали создание инновационных предприятий, входя в них своей интеллектуальной собственностью. Новые возможности дает преобразование высших учебных заведений в автономные учреждения. В этом качестве университеты могут создавать малые, инновационные предприятия не только на основе своей интеллектуальной собственности, но и в других формах, осуществлять через эти предприятия коммерциализацию научных и научно-технических разработок.

Особенно остро вопрос стоит в академических институтах, университетах. Путь от изобретения к конкретным изделиям, товарам у нас особенно

сложен, хотя и в развитых странах его называют «долиной смерти». Эффективное взаимодействие научного сообщества, государства и бизнеса является ключом к решению данной проблемы.

Важно шире использовать для развития инноваций, внедрения научных разработок в хозяйственную практику особых научно-внедренческих зон, определенный опыт деятельности которых накоплен в нашей стране. В настоящее время приняты решения по созданию российской «Силиконовой долины» — научного центра «Сколково». Центрами внедрения инноваций призваны стать институты Российской академии наук, в том числе расположенные в наукоградах, в которых наряду со Сколковым должны создаваться прорывные исследования, национальные (МГУ и СПбГУ), федеральные, инновационные университеты. В их рамках необходимо создавать, отрабатывать технологии, механизмы внедрения инноваций, установления в новых условиях взаимодействия с государственными корпорациями, бизнесом, что должно стать важным инструментом инновационного экономического развития.

Все это призвано способствовать экономической модернизации, самоутверждению нашей страны, обретению Россией достойного места в мировом сообществе.

Литература

1. Российский статистический ежегодник. 2009. М., 2010.
1. www.customs.ru.

А.В. БУЗГАЛИН

Субъект реализации стратегии опережающего развития. Россия и глобальный контекст

.

XX в. стал эпохой сразу нескольких глобальных переломов. Первый — «социалистический эксперимент» — на первый взгляд закончился возвратом в исходную точку. Второй — научно-технический — разворачивается вот уже более ста лет, но при этом регулярно меняет направления и тренды. Третий — культурно-цивилизационный — как был, так и остается под вопросом.

Для нашего Отечества ситуация еще более проблемна. Позади — Российская империя и Советский Союз плюс ужасы «шока без терапии». Впереди — надежды не столько на качественные изменения нашей роли страны с 67-м местом в мире по индексу человеческого развития, сколько на стабильность.

Еще недавно задумываться над вопросами нового качества развития мира и нашей Родины в среде серьезных интеллектуалов России считалось неприличным романтизмом. Но ситуация изменилась. И серьезный разговор о том, кто, куда и как эволюционирует в современном мире, каковы при этом раскладе сценарии возможного развития России и может ли интеллигенция повлиять на выбор тренда стали нас всерьез волновать. Хочется почувствовать свою сопричастность к тому, что делается в мире и в стране. Хотя бы интеллектуальную. А может быть, и не только...

Почему устарели инновационный и/или модернизационный проекты

Разговор об инновационном развитии, начавшийся по инициативе правительства РФ несколько лет назад, в 2009 г. дополнился лозунгом модернизации. Мы беремся утверждать, что задача модернизации (1) не актуальна в современных условиях (во всяком случае, для страны, ставящей задачу опережающего, а не догоняющего развития), а задача перехода на инновационный тип развития (2) слишком узка для качественно новой стратегии, но при этом (3) неисполнима при условии сохранения нынешней модели социально-экономического и политического развития.

Рассмотрим каждое из этих положений чуть подробнее.

Задача № 1 в ее буквальном смысле и том смысле, в каком модернизацию понимали большинство ученых на протяжении вот уже почти ста (!) лет, означает переход к эпохе Модерна, т. е. развитой индустрии, рынка, капитала, традиционной парламентской демократии и либеральной идеологии. Наиболее развитые страны эту задачу решили к началу XX в., страны «второго эшелона» — к середине прошлого столетия. «Новые индустриальные страны» — лет 20 — 30 назад. Спору нет, в России эта задача в полной мере *опять* не решена. Если свободного рынка, парламентской демократии и либеральной идеологии как реально господствующих у нас еще как не было, так и нет (вопрос, не устарели ли они безнадежно в новом столетии, мы *пока* не ставим), то развитую индустрию мы создали полвека назад (правда, сейчас она во многом разрушена…). Но так же ясно и то, что проводить политику модернизации в условиях Постмодерна — значит окончательно обрекать себя на роль страны третьего эшелона. И дело здесь нее в словах: дело в том, что реальные экономические и политические механизмы, используемые в России, — это именно институты эпохи Модерна, мутировавшие вследствие сохранения многих негативных традиций советской эпохи (при элиминировании позитивных достижений) и противоречий переходного периода.

Задача № 2 *внешне* выглядит в этом смысле гораздо привлекательнее. При всей странности терминологии многих нынешних лидеров (модернизация, проводимая в рамках идеологии консерватизма и означающая внедрение наиболее передовых технологий при помощи собственно рыночных механизмов в экономике и традиций государственного патернализма в политике и идеологии…) задача развития нашей страны на базе использования интеллектуального, а не сырьевого потенциала выглядит привлекательно.

Однако здесь есть ряд существеннейших проблем. Отметим лишь одну из них. Если говорить строго теоретически об инновациях, то последние есть обозначение исключительно коммерчески используемых новшеств, т. е. *рыночное, капиталистическое* использование *любых* новых технологий и разработок, если они приносят прибыль. Если говорить практически, то в России новшества, которые не приносят прибыли бизнесу и (не будем забывать о коррупции) государственному чиновнику (не государству — а частному лицу, занимающему государственную должность), в качестве реальных инноваций тоже не рассматриваются. Реальная же система отношений в России сейчас устроена так, что доходы от использования части природной и административной, а также инсайдерской ренты существенно выше возможных доходов от технологических инноваций. Кроме того, технологические инновации требуют больших и, главное, *долгосрочных* вложений, а для нашей системы характерны нестабильность институтов и высокий уровень трансакционных

издержек при низкой спецификации прав собственности (проще говоря — нет и не может быть гарантий долгосрочных вложений в развитие). Все это объективно делает частный бизнес незаинтересованным в инновациях. Что же касается государства, то при лозунгах инновационного развития реальная политика строится иначе: *доля* расходов на науку и образование в государственном бюджете России на протяжении всех лет реформ (и даже в период нефтяного роста) была ниже, чем в странах с инновационной стратегией развития (по сравнению с Финляндией — страной, занимающей 1-е место в рейтинге инновационных экономик, — в 2 раза ниже) и продолжает *снижаться*.

Между тем для прорыва в экономику, основанную на знаниях, в стране типа России, необходима принципиально иная стратегия. Стратегия, в которой действительным приоритетом развития будут *общедоступное образование через всю жизнь* в среднем на уровне 15 — 18 лет, *общедоступная медицина и спорт, обеспечивающие продолжительность жизни в среднем более 75 лет* (эти задачи уже давно решены даже в такой абсолютно лишенной ресурсов стране, как Куба), *наука*, ориентированная на развитие фундаментальных, а не только прикладных, дающих немедленный эффект сфер, и т. п.

Иными словами, России нужна *стратегия опережающего развития*, о необходимости и принципиальной возможности которой мы с коллегами говорим вот уже более 18 лет.

Для реализации *такой* стратегии стране нужна принципиально иная система социально-экономических и социально-политических отношений и институтов. И если о содержании и формах такой стратегии мы писали уже неоднократно [1; 2], то ее социально-философскому обоснованию и контексту хотели бы посвятить следующие разделы данного текста.

XXI век: под покровом постиндустриальных, информационных и т. п. «обществ» рождается качественно новый мир со-творчества

О глобальных, качественных имениях мира, вызванных технологическими сдвигами последних десятилетий, написаны сотни книг. Более полувека назад интеллектуалы открыли научно-техническую революцию. Д. Бэлл более 40 лет назад назвал эти трансформации постиндустриальными, а возникающую систему — «обществом услуг». Э. Тоффлер чуть позже — «третьей волной». М. Кастельс — информационным обществом. Есть еще и «посткапитализм», и «общество знаний», и «человеческая революция» и много чего другого. Повторять основные моменты этих работ — занятие скучное и ненужное: большинство их и так хорошо знает. Поэтому напомним лишь самое главное.

Творческая деятельность создает не просто информацию или новшество. Она, во-первых, создает культурную ценность, которая в пределе бесконечно остается востребованной человечеством (как правила арифметики или поэмы Гомера). И это культурное благо не ограничено для использования. Это такой *«пирог», который становится тем больше, чем больше едоков его поглощают* (например, Чайковский приходит и «съедает» испеченный Пушкиным «пирог» — поэму «Евгений Онегин» — в результате чего появляется два пирога: опера и поэма). Поэтому в принципе в мире культурных ценностей становится возможна (а на наш взгляд, и необходима) всеобщая собственность, собственность каждого на все. Это уже формула, восходящая к идее всеобщего труда у К. Маркса, работам отечественных философов-

шестидесятников (Э. Ильенков, Г. Батищев, Н. Злобин, В. Келле, В. Науменко и др.), и часто ныне воспроизводится В. Межуевым.

Смысл этой формулы, на первый взгляд, прост: каждый из нас потенциально является собственником всего культурного богатства человечества — любых научных знаний и произведений искусства... Дело за малым: способностью «съесть» этот пирог, способностью освоить, распредметить это богатство. Перед каждым из нас открыты богатства Ленинки, ценность которых несоизмерима с самым дорогим автомобилем, перед каждым из нас открыт Эрмитаж, по сравнению с которым любая вилла любого олигарха — сарай...

Во-вторых, она создает новое качество ее субъекта — человека знающего, человека любящего, человека-способного-чувствовать-красоту. Самое смешное, что *это результат, который нельзя ни купить, ни украсть... Его можно только со-творить*.

В-третьих, творчество есть всегда еще и процесс общения. Того, что М. Бахтин назвал субъект-субъектным отношением, диалогом. И в нем тоже нет места отчуждению: способность слышать другого (будь то учитель или ученик, дирижер или один из музыкантов оркестра, автор написанной тысячу лет назад книги или коллега по лаборатории) не продается, не покупается, не поддается насилию. Можно перекупить учителя или музыканта, но нельзя купить способность к диалогу с тем или другим.

Подытожим: в новом обществе основными сферами развития (и, как следствие, прогресса производительности, эффективности, качества роста и жизни) становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики — не денег, не машин и даже не информации, а *«человеческих качеств»* — новаторских способностей и способностей к неотчужденному диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»). Именно *такие* люди (о них писали многие — А. Печчеи, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр) — свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь» создают и «информацию», и know how, и все другие высокоценные блага неоэкономики.

Отсюда органично вытекает следствие — *основными «отраслями» ближайшего будущего становятся воспитание и образование* (непосредственное «производство» человеческих качеств как «I подразделение» постиндустриального общества), а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство (сферы реализации человеческих качеств, II подразделение постиндустриального общества). Добавив к этому охрану и воспроизводство экологически чистых территорий, мы получим эскиз структуры передовых секторов российской экономики будущего.

И, пожалуйста, читатель, не задавайте вопрос: «А что будут есть и что будут носить граждане такого общества?» — задумавшись хоть на минуту, вы легко найдете на него ответ.

Тысяча ученых, подняв хотя бы вдвое урожайность сельскохозяйственных культур, могут тем самым заменить миллионы крестьян, талантливый технолог и управленец могут сэкономить труд десятков тысяч рабочих… То, что *тысячи занятых в сфере высоких технологий высвобождают труд миллионов, занятых в индустриальном производстве* (не говоря уже о ручном труде), хорошо известно. Что же касается «лишних» работников, высвобождаемых в этом процессе, то в постиндустриальном обществе существует круг сфер деятельности, где постоянно требуется дополнительная рабочая сила — учителя, «садовники» (люди, воссоздающие природу), социальные работники и т. п. могут и должны составлять большую часть занятых в обществе эпохи

«человеческой революции», подобно тому, как промышленные рабочие составляют большую часть занятых в индустриальном обществе.

A'propos позволим себе историческую параллель: для решения проблемы достаточного производства сельскохозяйственной продукции в вечно голодном аграрном обществе феодальной эпохи (где 80% занятых составляло крестьянство) надо было… в несколько раз сократить численность населения, выращивающего зерно и пасущего скот, и занять большую часть населения совершенно бесполезным (с точки зрения средневекового крестьянина) делом производства даже не сельхозинвентаря, а станков, оборудования и т. п. В результате уменьшившееся до 5 — 10% аграрное население оказалось способно производить в несколько раз больше сельскохозяйственной продукции, чем 80% в прежнюю эпоху. Не резонно ли предположить, что переход к постиндустриальному обществу требует такой же перегруппировки, в результате которой 10 — 20% занятых в материальном производстве (при 80% занятых в образовании как I подразделении неоэкономики и науке, культуре и т. п. как II подразделении) будут создавать больше материальных благ, чем составлявший ранее большинство населения промышленный пролетариат?

Вот такой вот необычный мир открывается перед человечеством.

Раньше этот мир был уделом избранных. В новом веке он может и в принципе должен стать миром большинства, в пределе — каждого.

Концепт глобального культурного лидерства России

«Альтернативы есть!» — таков главный лозунг общественного движения «Альтернативы», координатором которого является автор этой статьи. Этот лозунг не случайно перекликается с ключевым призывом Всемирного и иных социальных форумов, где вот уже семь лет десятки и сотни тысяч социально-активных, социально-ответственных граждан планеты ищут альтернативы проимперским «сценариям» развития[2].

За этим лозунгом скрыт анализ (и наш, и наших коллег) уникального феномена — *мощнейшей потенциальной социально-творческой энергии, скрытой в гражданах нашей страны*. Здесь не место воспроизводить все слагаемые этого исследования, отображенного в книгах [5; 6]. Здесь мы зададимся вопросом: а *при каких условиях российский мещанин становится гражданином, способным к совместным историческим действиям*?

То, что такая способность в принципе существует, история доказывала не раз.

Эта же история подсказывает и ответ на наш вопрос. Эта невозможная, на первый взгляд, трансформация мещанина в полного энтузиазма прогрессора происходит тогда, когда (1) появляется субъект, объективным интересом которого становится изменение экономической и общественной жизни, (2) противоречия общественной жизни достаточно обострены, чтобы пробудить социально-творческую энергию граждан (пробудить спящего на печи богатыря); (3) этот субъект достаточно организован, чтобы это действие осуществить и (4) субъективно способен к осознанному конструктивному действию, т. е. осознает необходимые цели преобразований и возможные средства их реализации достаточно адекватно, чтобы направить социальную энергию в конструктивное, а не разрушительное русло.

---

[2] Подробнее о природе, формах, реальных делах и позитивной программе альтерглобалистского движения см.: [3; 4].

Такова проверенная жизнью теоретическая модель. Для современных исторических условий России эта «формула исторического творчества» кажется неприменимой. Но так ли это?

Во-первых, в России традиционно сохраняются два ключевых фактора интенсивного общественного развития постиндустриальной эпохи — природа и культура. Расшифруем. Природа — это не только и не столько сырьевые ресурсы, сколько экологически чистые биогеоценозы (лес — значит воздух, вода, природные заповедники и т. п.). Культура — это прежде всего не масскультура как один из наиболее быстро растущих глобальных рынков, а «человеческие качества» и сферы, их развивающие и воспроизводящие: образование, наука, накопленные столетиями достижения искусства. Именно это и есть условие формирования творчески активного человека-новатора, который, как мы покажем ниже, единственно может стать и станет в ближайшем будущем главным источником прогресса. И точно так же как для индустриального общества главной сферой модернизации было массовое производство машин, для постиндустриального становится всеобщее «производство» человека-новатора (подчеркнем — не профессионала-исполнителя, а именно *творчески активного субъекта создания know-how во всех областях общественной жизни*: от высоких технологий для сельского хозяйства и промышленности до новых форм образования и воспитания, социальной организации и управления).

Субъект, заинтересованный в такой модернизации в России, объективно существует: новое поколение активно тянется к образованию, причем на первых курсах вузов (пока «проза жизни» не задавит исходные мотивы) знания и способности как таковые выступают для студентов не меньшим мотивом получения образования, чем будущие доход и карьера. Следовательно, дело за «малым»: *сформировать такие экономические и общественные отношения, в которых культура и талант человека, реализуемые в любой сфере общественно-полезной деятельности (а не только бизнесе и финансах), гарантировали бы достойное качество жизни и общественный престиж*.

Во-вторых, в нашем обществе подспудно зреет понимание того, что Родина все больше вползает в исторический тупик, выход из которого в принципе есть, но нынешней властью не реализуется. Пока временная стабилизация власти и «нефте-газовый» рост смягчили это глубинное противоречие. Большинство глухо ропщет (неявно выражая сой протест против исторически бесперспективной траектории эволюции экономики и общества) и, как всегда бывает в таких случаях неосознанности проблемы, ищет альтернативы в прошлом, выбирая простейшую траекторию ностальгии и консерватизма.

Но *новое* поколение *нового* общественного слоя реальных и потенциальных наемных рабочих массовых профессий постиндустриальной эпохи (прежде всего, учителя, врачи, инженерно-технический корпус, социальные работники и творчески-активная часть «традиционного» пролетариата) в силу своего «социального рефлекса», неосознанных объективных общественных интересов не принимает консервативный курс как реальную альтернативу. Оказываясь в стратегическом тупике, они уходят от проблем социальной бессмысленности жизни в мещанскую серость и/или иллюзии осмысленности и социального действия. Отсюда пандемии таких форм псевдо — творчества, как рок- и спорт-фаны, или просто уход от жизни в «виртуалку», алкоголизм, наркотики; а там и самый край — массовые молодежные суициды, в том числе среди «благополучных» детей.

Альтернативой может быть только конструктивный, новый курс, очевидно нацеленный в будущее и социально-востребованный (не обязательно властью — оппозиция здесь даже предпочтительнее).

Эта альтернатива может быть и будет (рано или поздно) привнесена во все более жаждущее ее общество той или иной социальной силой — «прогрессорами» (выражаясь языком Стругацких) или «регрессорами» (а это уже из творчества Лукьяненко).

В-третьих, в России все еще имеются интеллектуальные силы для того, чтобы предложить конструктивные альтернатив***ы*** (именно так — во множественном числе) демократическими методами осуществляемого *модернизационного проекта, выводящего нашу страну на траекторию прорыва в постиндустриальное будущее*, а не на обочину «периферийной империйки».

Основные черты таких альтернативных проектов уже многократно прорисовывались интеллектуальным сообществом России в диалоге с нашими друзьями во многих странах мира.

Начнем с того, что эти альтернативы не постулируются как благопожелание, а выводятся на базе широкомасштабных исследований основных тенденций развития технологий и общества, а также тщательного анализа объективных интересов реальных «пассионарных» сил нашей страны.

Хорошо известно, что научно-обоснованная стратегическая цель (в отличие от основанной на вере утопии) является важнейшим компонентом мобилизации исполнителей долгосрочного проекта. Для России такой целью, как видно из сказанного выше, является *глобальное культурное* (в подлинном смысле слова: включая сюда образование, науку, высокие технологии, решение природоохранных и социальных задач) *лидерство*. (В скобках заметим, что слово «лидерство» мало адекватно для обозначения существа этой стратегии: речь идет не о внешнем насильственном воздействии, а о стратегии и тактике *очарования мира подлинной культурой*, о развертывании науки, искусства, воспитания, общения, диалога с природой, самостоятельного критического освоения мира Человеком в его диалоге с другими людьми как альтернативе потребительству, масс-культуре, манипулированию.)

А теперь от исторических параллелей и долгосрочных утопий вернемся к реалиям России начала XXI в.

Вынося на передний план развитие таких сфер прорыва в постиндустриальное общество, как воспитание и образование, наука и высокие технологии, искусство и природоохранная деятельность, управление и социальная работа, мы должны все же конструктивно, а не образно ответить на вопросы о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, судьбах работников этих секторов, способах обеспечения конкурентоспособности нашей открытой (эту модальность мы обосновали еще в начале нашего текста) экономики в глобальной среде и социально-экономических механизмах реализации этой стратегии, а также о том, кто и почему окажется способен и заинтересован ее реализовать.

Ответы на все эти вопросы (кроме последнего) есть. И многократно были представлены научной общественности и представителям гражданского общества.

Коротко их формула проста: *реализация долгосрочных общественно-государственных стратегических программ приоритетного развития открытых миру образования, фундаментальной науки, социальных и экологических инноваций — в экономике при сокращении роли государства и усилении гражданского общества в политике*.

Такова программа-минимум, и она общеизвестна среди «розовых» и «алых» и в Европе, и в США, и в Латинской Америке (но, впрочем, не в России…).

И все же эта программа, как правило, либо вообще не воспринимается, либо воспринимается как утопия.

Почему?

Именно потому, что нет вразумительного ответа на последний вопрос, ибо только поняв, какие общественные силы способны реализовать новый проект, мы сможем уточнить и конкретные параметры последнего. Более того, новый субъект сам востребует новых разработчиков и «реализаторов» этого проекта. *Подобно тому, как буржуазия вызвала из небытия к жизни таланты тысяч техников, инженеров и путешественников, новый социальный субъект вызовет к жизни таланты миллионов педагогов, ученых, художников и «садовников».*

Так кто же он, этот новый субъект?

Толкового ответа на этот вопрос нет прежде всего потому, что его не там ищут.

Ответ на вопрос о социально-политических силах модернизации ищут «там, где светло, а не там, где потеряли» — среди реально существующих политических элит, уповая то ли на олигархов (они уже по большому счету проиграли первый раунд и взять реванш в третьем *сами по себе* могут разве что в рамках «коричневого» проекта, тоже, как мы показали, исторически тупикового), то ли на государственную бюрократию (она второй раунд выиграла, но переход экономики и общества к новому качеству роста не может).

Искать же надо там, где есть силы (пусть пока потенциальные), заинтересованные в переходе к новому качеству развития.

Ими, во-первых, не может быть вообще никакая элита. Общедоступные образование и культура плюс чистая природа — это ресурсы развития, в которых заинтересованы широкие творчески-активные круги общества, а не элита. И без активного включения в освоение этих ресурсов этой части общества проблема в принципе не может быть решена. Прорыв в области культуры и экологии может быть сделан только миллионами активных учителей, студентов, инженеров, врачей, «садовников» в союзе с проснувшимися и возвысившимися до защиты хотя бы своих собственных интересов рабочими материального производства.

«Тайна» пробуждения в мещанине гражданина и возвышения в загнанном и задавленном проблемами выживания интеллигенте и рабочем социального творца общеизвестна.

Во-первых, *культура — подлинная, доступная каждому* (доступная и экономически, для чего ее блага должны быть бесплатными или как минимум дешевыми, и социально, для чего граждане должны обладать свободным временем, а не вкалывать на трех работах), *каждым востребованная* (а для этого необходимо соответствующее общественное воспитание и общедоступное универсальное, а не только узко-профессиональное, *образование для всех*).

Но этого мало. Если жизнь будет заставлять человека жить ради добывания денег, которые нужны ради потребления, которое позволяет добыть еще больше денег, никакое образование и культура не будут социально-востребованы, мотивации к активному историческому творчеству по-прежнему не будет. Следовательно, во-вторых, нужны мощные общественно-признанные *материальные* (но не денежные и не вещные) *мотивы, возвышающие «рядового» интеллигента и рабочего до роли социального новатора.*

Заметим также, что основанный на развитии гражданского общества проект российской культурной экспансии обеспечивает государству и бизнесу шанс на достойный выход на мировую арену и возможность войти в историю несколько иначе, чем в нее вошли Чубайс и Пиночет…

Вот почему мы беремся утверждать, что *в России объективно существует возможность качественно нового модернизационного проекта — открытого культурного (в единстве образования, науки, высоких технологий, искусства и экологии) лидерства на базе развития сильного гражданского общества.*

Есть ли для этого проекта достаточные социально-политические предпосылки в современной России — это второй вопрос. Его мы в *данной* статье не обсуждаем.

Литература

1. Стратегия опережающего развития / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 1992.

2. Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М., 2008.

3. Кто сегодня творит историю: Альтерглобализм и Россия. М., 2010.

4. Глобализация сопротивления / Под ред. А.В. Бузгалина. М., 2004.

5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2004.

6. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Пределы капитала: методология и онтология. М., 2009.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Блеф и нищета инноваций

Есть в русском языке огромнейшая диаспора латиногламурящих слов, представляющих собой нашествие агрессивно неопределенного паразитизма, подтачивающего корневые смыслы ума. Например: абсолютизация, активация, актуализация, верификация, глобализация, декларация, деформация, диффамация, инаугурация, конфискация, кооперация, коллективизация, криминализация, мелиорация, менструация, национализация, прокламация, ситуация, мобилизация, деградация, цивилизация, стабилизация, пролиферация, объективация, субъективация, номинация, монетаризация, феминизация, дебилизация, модернизация, информация, реставрация, кремация, облигация, коммерциализация, дислокация, милитаризация, интерпретация, колонизация, гуманизация, секуляризация, коммуникация, психотронизация, суггестивизация, идеотронизация, когнитивизация, трансформация, калькуляция, инфернализация, канализация, унификация, фальсификация, флуктуация, эмиграция и др. И каждое русское слово пытается изнасиловать какая-либо «-аци-я».

Все это — слова-бродяги, слова-симулякры, слова-пусто́ты, слова-безобразные, слова-гробовщики, чуждые смысловому миру русского языка, лишенные ядра, корней и формы, слова-саваны, покрывающие реальность мертвящей галантереей. Эти слова — опавшие листья с кроны живого языка, обреченные на гниение и распад, ибо они — незваные дублеры слов-оригиналов. Эти слова рождаются помимо человека, незаметно поражая его своим безмыслием. Они искажают понимание мира, навязывая частное в ка-

честве общего, а цели подменяя средствами. Химия, коллектив, ад полезны как частные феномены, но в качестве «-аций» они извращают жизнь. Ибо каждое слово — это уникальная встреча глубин творения и софийности неба.

Последней «-ацией» стало слово-оборотень «инновация», которое сразу же наложило гламурящую печать на все сущее и насущное. «Инновационная экономика», «инновационные проекты», «инновационное развитие», блуд «инновационных инноваций» хлынули из всех словопроизводящих отверстий. Власти России тоже заявили о своей инновациоургии. Центр в Сколкове создают из инновационных осколков СССР. Осталось лишь сочинить «Инновационал»: «Весь мир России мы разрушим, до основанья, а затем, Инновоссию мы устроим, кто паразитом был, тот станет инноватором».

Инновационное общество кажется весьма эффективным, обещая благую жизнь за счет непрерывного научно-технического обновления. Однако змеи сердечной угрызения не позволяют принять идол новизны, стать инноватором-стахановцем. Мудрые предостерегают, что «нет ничего нового под солнцем». А рост знаний тоже не панацея, а симуляция панацеи: «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1, 9, 18), а не решает проблемы. Рост знаний уму не научает, смыслы убивает, и от жизни отучает. Предостережения мудрых взывают к смысловому анализу проекта «инновации», чтобы выявить его идейную начинку. Насколько нова сама новизна национальной панацеи?

В инновациях нетрудно узнать нашего старого, весьма и весьма скомпрометировавшего себя знакомого по имени «прогресс», скрывающегося на сей раз в мудреных «инновациях». Скрытая тайна прогресса стала явным кошмаром фикций реальности и знания, призраком безобразным, лишенным корней, целей, смыслов. Прогресс — это отрицание всего наличного бытия во имя самого же отрицания, самозванно возведшего себя в абсолют. Но прогресс — это и паразит, живущий потреблением-истреблением природы, человека, разума. Бесконечность, обновление и совершенствование — три кита прогресса. Но если прогресс был бы реальностью, то весь мир в целом, как и его части уже достигли бы совершенства. Ведь субъектом прогресса служит бесконечность. И если она за прошедшие времена не сотворила блага, то откуда уверенность, что она создаст его в будущем? А пока прогресс виден лишь в безысходно прогрессирующем регрессе человечества.

В свое время Аристотель искал причину безмерного накопления денег. Чем вызывается эта страсть вопреки ее практической нелепости, ибо людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги. Аристотель отвечает: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат утолению этой жажды, также безгранично» (цит. по: [1, 4, 393]). Человек ли сам стремится к безмерному накоплению денег, деньги ли возбуждают это влечение? Или есть «третье», делающее человека накопителем денег, а деньги — оскопителем людей? Да, есть «третье» — абстракция жизни, выражающая интересы ничто, смерти. Накопление денег ради денег, денежное инноваторство — это не только экономика, но и феномен Аида. Накопительство денег ищет не благую жизнь, а жизнь вообще, жизнь как мертвую абстракцию, которую не насытит даже весь космос, волшебством превращенный в деньги. Как не насытят абстракцию «дерево» все деревья прошлого, настоящего и будущего. Абстракция — это чистое отрицание любых реалий как самоцель. Абстракция всех съест, все проглотит, и все равно будет голодной; но себя она не съест, ибо абстракция от абстракций не уничтожает абстрак-

ции, а делает их еще более абстрактными, прожорливыми и непроницаемыми для ума. Если накопление денег противоречит жизни и богам, то оно соответствует антижизни, антибогам вопреки воле Космоса.

Инновации тоже родом из колхоза «Абстракция смерти». Но наука не желает видеть, что постоянное обновление знаний, влекущих непрерывное обновление общества, независимо от смысла и содержания его жизни, культ нового ради нового, есть способ у-*ничто*-жения, ибо в постоянном обновлении константой служит уничтожение, а не цветущее бытие; каждая новация требует жертвоприношений природы и человека, оплачивается жизнью, которая по-старому питает собой, своей смысловой и душевной кровью все новации. Культ инноваций продолжает то же у-ничто-жение сущего другими средствами, скрывая за постоянными обновлениями нищету Протея прогресса. Если уйти от гипноза прогресса, то инновации нужны не жизни, а смерти. Ибо основанием постоянного обновления служит смерть, которая сама не обновляется, а посему оно не удовлетворяется никакими новациями жизни, а лишь ее исчезновением в своих безднах.

Обновление жизни по закону прогресса обладает чудовищной разрушительной силой. Ведь во всем существующем есть преходящие начала, которые подлежат обновлению, а есть и вечные начала, которые сами должны поверять любые обновления. Да и не все нужно обновлять. Обновление, например, таблицы умножения погубит Швейцарию. В морали, религии, искусстве обновления приемлемы лишь в качестве средств, но недопустимы применительно к их ценностям, стоящим выше всякой новизны. Поэтому инновации как основание социума и человека на деле являются прогрессивным способом их гибели, ибо они делают их невольным материалом отрицания, что становится очевидным по мере ускорения обновлений; подхлестываемое конкуренцией, технологическое ускорение, становится несоизмеримым с человеком и обществом. И тогда прогресс ради своего же самосохранения заменит человека техновеком или же превратит его в биоробота, над чем и трудятся умники-технологи и добряки-клонологи.

К концу XX в. наука, идя с мифом к Логосу и Софии, свернула затем на путь математико-рассудочного блудодейства и настолько запуталась в нем, что стала терять ум-разум, мир, человека, самого себя, превращаясь в инновационное безумие. И власть безумия над человеческим родом надежно укрывают в себе технологии. А ударным спецназом этого безумия стали масс-медиа, превратившие современный мир в «хаосмос» структурных, динамических, функциональных систем безумия, развернутых в инновациях культуры, наук, общества. Инновационное безумие становится нормой жизни: губится природа ради роста богатства, которое без нее утратит смысл! Расчеловечивается человек ради прогресса! Примерам несть числа.

Наука изначально была служанкой этого безумия, скрывая его за чудачествами ученых, но питаясь его инфернальными энергиями. Н. Бор шутя или серьезно заявил, что истинность физики определяется мерой безумия ее идей. А чем измеряет безумие великий ученый, устремившись из физики в «шизику»? И философия несет вязанку своего парижского бреда в «общак» безумцев мира сего. Ж. Бодрийяр заявил: «Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, и мы должны смещаться к бредовой точке зрения». Верно, чем больше в современном мире умных людей, тем больше мусора и отходов они производят, в итоге сами становясь отходами. А ученые трудятся над новым оружием, хотя существующего достаточно, чтобы несколько раз превратить Землю и самих изобретателей в пыль! Они знают это, но продол-

жают творить… Личная вменяемость не спасает от классического безумия науки, от социально безумных планов прогресса, которому непреклонно следует Запад? Прогресс может быть только прогрессирующим безумием, ибо сущее организуется мерой и мастерством, а не прогрессом. Запад, идущий путем прогресса, является неоспоримым лидером безумия, что засвидетельствовано его мудрецами — Ф. Ницше, К. Юнгом, М. Хайдеггером, Ж. Батайя, Ж. Бодрийяром и др.

Ап. Павел назвал безумием мудрость мира сего, ибо она не знает целей жизни. А куда идет современная наука, Академия РФ? Не знают, не могут знать, не желают знать, страшатся знать. Но тогда их цель — безумие, а они — его средства. Разум есть целесообразная действие, а раз нет цели, то нет и разума, которое замещает безумие, делающее целями хаос, оружие, войны. Но это безумие нужно надежно укрыть инновациями, заменив ими цели здоровой жизни[3]!

Наука своеобразно решает проблем людей: малые проблемы она заменяет большими проблемами с большими угрозами, а большие проблемы превращает в глобальные и неразрешимые с угрозами гибели человечества. И эта угроза гибели перечеркивает все научно-технические инновации. Техногенная цивилизация — пример научно-тупикового решения проблем человека. Классическая термодинамика воплотилась в паровых машинах и в двигателях внутреннего сгорания, для создания которых понадобились огромные количества металла и энергия, для производства которых понадобились электростанции, которые увенчались Чернобылем — символом научно-технических инноваций. Химия решает проблемы урожайности полей, гигиены, медицины путем создания искусственных веществ, несовместимых с живой клеткой; изменяя среду, химия разрушает защиту клеток, их идентичность, превращая их в «хаолетки» онкологии.

Та же тупиковая воронка затягивает в себя и перенасыщенные инновациями техносоциальные системы, которые поэтому становятся неподвластными человеку. Управление теряет смысл, ибо вместо укрощения хаоса, оно порождает его, объективируя в нем бессилие человека перед своим же творе-

[3] «Можно утверждать, что применение техники играет роль отвлекающего средства и воображаемого решения проблем. Как на каждый день в году есть свой святой — так и для каждой проблемы есть своя вещь; главное — в нужный момент изготовить ее и выбросить на рынок. В нашей цивилизации машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич. Механическая организация зачастую представляет собой временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации. Машина приводит к отмиранию функций, граничащему с параличом» [2, 65, 138—139]. Техника, вынуждая человека поклоняться неживым вещам, отучает его от живого, формирует у него дополнительный инстинкт смерти. «Фактически свершилась настоящая революция быта: *вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним.* Вещи делаются все более, а наши жесты — все менее дифференцированными. Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен: отныне он — пустая форма, открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира» [2, 143, 64] делающего излишним технологически неэффективного человека. Умножающиеся и усложняющиеся проблемы решаются путем отрешения человека от бытия и перевода его в статус идиота-наблюдателя, который радуется своему исчезновению.

нием. Тот же самый цикл неразрешимого «запроблемливания» присущ и самим инновациям, которые превращаются в самоцельные структуры, не нуждающиеся в человеке[4]. Постоянные инновации представляют собой Рубикон, критическую точку, в которой знания-смыслы превращаются в информацию, рост которой ведет ко все более глубокому непониманию человеком мира и своей погибели, ко все более изощренному и необратимому затемнению его сознания. Инновации превращают науку в инновационные спекуляции, ибо добыча даже крупицы научного знания требует тяжелейшего труда. А поскольку быть глашатаем инноваций проще, легче и престижнее, чем труда, то число инноваторов растет, а наука, разоблачающая инновационный паразитизм, главный их враг.

Капитализм, социализм, фашизм, либерализм, национализм, глобализм не понимают человека, а потому их решения его проблем делают эти проблемы неразрешимыми. Инновационизм тоже не может решать эти проблемы, ибо он не сознает своей негативной сути. Ну, разве не безумие, когда инноваторы ищут благо, а находят бомбы и ракеты; ищут новые материалы, а Землю превращают в планету отбросов; ищут справедливость, а творят и пьют беззаконие, ищут новое, а находят старую-престарую смерть в новой упаковке?!

Возникает вопрос: «Как можно жить в социальном безумии, зная, что и как делать, но не понимая цели и смысла дел своих?». Кто или что держит не умеющего плавать человека на воде?

Какой-то поистине нечеловеческий ум сотворил систему непонимания, которая в кратковременной перспективе работает даже более эффективно, чем системы, управляемые коллективным Сократом, хотя кризис вот-вот поставит вместо этой системы многоточие. Каковы несущие конструкции Инновационного мира как уникальной системы современного непонимания, сокрытого в инновационных проектах?

Инновации рождают информацию, которая порождает непонимание, открывающее врата в антимир гибели, гибели не случайной, обусловленной неучтенными следствиями новых открытий, а закономерной, ибо инновации — это петля на шее человека, который не знает их субъекта — смертодействующее ничто. Не человек творит инновации для себя, а смерть посредством инноваций умножает число жертв для себя! И посланцем, пророком и демиургом Инновационного мира стала *информация*, сделавшая своими органами материю, энергию, человека, знания. Но что есть информация? Знание? Нет, ибо знание в строгом смысле слова предполагает понимание. Информация же — это знания, не нуждающиеся в понимании и смыслах естественных языков, выражаясь через искусственные знаки. Компьютер не понимает, что он делает, что в нем делается. В нем идут операции различения и сличения, которые не отличаются от электромагнитных, химических процессов. «Внутреннее состояние» компьютера такое же, как состояние неживого предмета. Информация сводит сообщения к набору сигналов, которые не складываются в смысловые образы. Поэтому увеличение перерабатываемой человеком информации уменьшает его знания и его человечность. Информация обеззнаниевает человека, делая его живой куклой. Человек инновацион-

[4] Обобщающее суждение зарубежных и отечественных ученых гласит, что нанотехнологии, будучи изобретены (запущены!) человеком, создают искусственный мир, который уже не нуждается в наличии людей на планете, они даже будут мешать его нанотехнологическому прогрессу [1, 61].

ный выступает как новый вид человека взамен homo sapiens. Ум Древней Греции не простил Сократу этого открытия, казнив его. В инновационном мире высшей истиной становится новая информация, а сомнение в прогрессе равно государственной измене. Информация как атрибут бытия и знания превращает их в при-бит-ые инновации бытия и знания.

Инновационный мир радикально отрицает понятия как высшие формы знания-понимания, заменяя их уродцами — *концептами*, которые становятся познавательными средствами евронауки, творящей ядовитое инновационное безумие, отвергающее понимание как яд. Самовозрастающее непонимание — перводвигатель этого мира, а концепты — его орудия. Человеку не нужно знать и понимать, почему растут цены. Достаточно знать, как делать, какие программы использовать в информационных бдениях, какие кнопки нажимать, чтобы получить свою порцию пиццы и кака-колы. В мире инноваторов ум заменяют концепты, которые творят, не ведая что, не думая ни о чем и не зная никаких ограничений. И побеждают понимающих! Концепты выражают силу тех, кто идет на смену человеку, не обещая ему даже инвалидной пенсии. Они сканируют вещи, мысли, людей, заменяя их оригиналы бледными немочами копий.

Словечки «концептуальное мышление», «концепция», «концепт» отрицают категории «теоретическое мышление», «теория», «понятие». Но ведь понятия можно заменить только непонятиями, а понимание — непониманием. Значит, наш концепт-инвестор, концепт-инноватор выступает как диверсант, разрушающий ум. Слугам инновационного мира для сбыта его эликсира смерти нужны концепты, внушающие вражду к пониманию и любовь к патологии, уродствам. Поэтому и смысл инноваций доверен не понятиям, а концептам.

Концептам содействуют *дискурсы*; повальное увлечение интеллектуалами этими псевдолатинскими уродцами свидетельствует о триумфе инновационного безумия. В инновационном мире смысл «дискурса» остается темным, позволяя каждому человеку считать себя посвященным в таинства прогресса. Поэтому учено-мудреный дискурс стал любимой женой научников, потерявших дар понимания, а потому занявшихся самой невообразимой трепологией обо всем и не о чем. А ведь именно в инновациях ничто и смерть обретают реальность в форме непрерывного у-ничто-жения старого во имя нового. И человек исчезает в инновациях и посредством инноваций, не замечая этого.

Нервной системой инновационного мира является Сеть — как непонимание, воплощенное в форме всезнания. Сеть имеет Паука, который внедряет инновации во все ячейки жизни, создает из них мир блаженного рабства. Все инновации преисполнены черной благодатью бессознательного, которое отнимает у инноваторов знание конечных целей их столь желанных инноваций. Бессознательное и есть инновация непонимания, а непонимание — инновация бессознательного.

Таким образом, инновационный проект собрал под свои знамена все прогрессивные силы антижизни — информацию, хаос, виртуальность, искусственное, сеть, концепты и дискурсы. Эти силы не могут ни творить новое, ни сохранять старое; они могут и умеют творить только непонимание, отрицание и гибель. И в инновациях они нашли удобную форму искушения человека антижизнью. Поэтому инновационный мир есть проект построения очередной Вавилонской башни — мстящего символа непонятой благой воли Неба.

Осознанием безысходной неразрешимости всевозможных инновационных тупиков человеческого бытия являются религии. Христианство содержит в себе Благую Весть всех инноваций — спасения человека от вечной погибели. Ведь человек приходит из вечности, рождаясь для жизни, а не для смерти бессмысленной. Поэтому спасение есть универсальная проблема, содержащая в себе все остальные проблемы человека, его наук, искусств, власти. И только через осознание, познание и принятие этой проблемы возможны инновации, совершенствующие формы, средства, условия спасения. Только участие в спасении решает проблемы самих инноваций.

Христианство содержит в себе любые инновационные проекты — от Царства Божьего до вечного мрака. Выбор есть, торг нелеп, польза есть, убыток невозможен! И после такой инновации, оставляющей место даже инновациям дьявола, искать инновации могут лишь неведомые существа иных миров, не доросшие даже до уровня Ада.

«Новый Завет» есть Инновационный манифест, направленный на спасение жизни, а сам Христос — учитель-инноватор всех инноваторов, ибо главная инновация всех инноваций состоит в обновленческом преображении смерти в позитив бытия.

Подлинной инновацией явилось само христианство, радикально изменившее понимание смерти, лишив ее статуса естественного явления, сделав саму смерть тоже смертной, а человека — достойным воскресения к жизни вечной. Именно эта Христова инновация выявляет меру инновационности всех идей, проектов, идеалов и ценностей человека. Насколько они участвуют в спасении человека, настолько они инновационны. Не стоит проедать последние ресурсы природы, человека и ума на достижение амбициозных, но заранее недостижимых и абсурдных целей вроде непрерывного обновления. Кому и для чего нужны эти обновления, если вымирают даже потенциальные инноваторы? Нужно сокрушить китайскую стену непонимания, воздвигнутую князем тьмы вокруг инноваций, чтобы скрыть за ними страшную правду о самоотрицании человека посредством инноваций. А *спасение* — в наполнении жизни вечными смыслами и смыслами вечности, в том, чтобы заинтересовать вечность своими делами и мыслями. Очарование инновациями есть следствие разочарование человека в возможности спасения собственными усилиями. А ведь Иоанн давно уже провозгласил манифест божественного обновления мира, в котором только и возможны новации человека. «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. …Се творю все новое» (Отк. 21, 1, 5). Иначе человеческие новации устареют и рухнут, не успев завершиться. Да и мало ли их было на веку человеческом!

Но человек не распознал всей конкретной глубины христианских инноваций, бросившись искать новое на путях прогресса, который свергает все новации человека в старую-престарую бездну смерти. Со временем люди привыкают к этому уродству, забывая спасительность христианства, а затем забывая и само забвение своего спасения. И если главная инновация уже найдена, а люди все же ищут новое, то найти они могут только новую ложь и новый самообман.

Христианство давным-давно предупредило, что науки в отрыве от проекта спасения неизбежно станут безумием и страшным отчаянием. Катастрофа техноцивилизации есть крушение искусственных инноваций, придуманных человеком для того, чтобы не принять сакральные инновации христианства: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы всем познавать, что́ есть воля Божия, благая, угодная и совер-

шенная» (Рим. 12. 2). Христианская инновация даже в прикладном плане требует непрерывно обновлять ум для познания воли Божьей в новых условиях!

Россия сегодня — это часть глобального мира «контролируемого безумия», «организованного и управляемого неведения», «самоорганизующегося хаоса». А кто же может контролировать рукотворный хаос, искусственное безумие и неведение?

Эту функцию должен исполнить вампирический инновационно-провокационный проект, который призван окончательно дезориентировать Россию. Этот проект порождает чудовищную тарабарщину, пустое речеиспускание, макаронное словесное западничество, откровенно антиречевые для русского языка знакосочетания, несовместимые с бездонностью смыслового космоса языка. «Инновационный проект» есть инфернальный выкидыш, а не рождение нового светового Логоса жизни. А сама Россия есть практическое воплощение и крушение всех экономических, культурных, военных инновационных проектов Запада и США, оставаясь верной до конца Христовой инновации жизни вечной. Соприкоснувшись с Россией как неведомой иновационной силой, завоеватели, реформаторы, революционеры, а теперь — и инноваторы теряют ум, и даже животный инстинкт самосохранения. Своей страшной невысказанной инновационностью Россия спасает весь мир от нашествия безумия, в то же время притягивая к себе инфернальную инновационность Преисподней.

Подлинной инновацией должно стать обновление самого обновления, которое должно быть не обновлением ради обновления, не обновлением-самоцелью, а средством сохранения и приумножения софийных оснований человека, жизни, мира. Нужно обновить само понятие «новое», раскрыть его зависимость от бытия, которому «старое» столь же дорого, как и «новое»; но всего дороже для бытия пульсации его вечных смыслов, которые сохраняются в новых формах и в старом содержании, в новом горе и в старом вздоре.

Современные технологии создало и развивает демонически рабское сознание, мечтающее поработить всех людей; посему технологии эти могут прогрессировать лишь в плане создания всеобщего биотехнологического рабства, превращающего людей в домашних животных. Своими инновациями эти технологии стремятся перемутировать человека, сделать его биороботом. Они поэтому несовместимы с природой, с умом и сознанием человека, с моральными и религиозными императивами жизни; они ненавидят чистоту, жизнь, духовность, отравляя и убивая их. Высшие взлеты существующих технологий с необходимостью завершаются оружием массового поражения людей. Но именно эти демонические технологии являются ступенью к созданию чистых, безотходных, моральных технологий, использующих доходные и безотходные ресурсы. Их инициатором может быть только христианство, провозгласившее, что приносить в жертву нужно самих себя, а не других. И новые технологии должны приносить в жертву свои отходы, а не природу. Например, потреблять углекислый газ, выбрасывая в атмосферу кислород, как растения.

Инновационно-имитирующий проект жизнеустройства людей пытается спасти одьяволенный мир от неизбежного возврата и прихода основной инновации мира, отвечающей на вопрос: «Ради чего стоит сегодня жить, если точку ставит смерть! Если Бог, природа, прогресс, благо, истина, справедливость, богатство, власть, наслаждения уже не являются смыслами жизни, источниками человеческой энергии?!».

Инновации возможны лишь в контексте поиска и создания новой формы бытия народа, нового национального организма страны, устроенного на началах справедливого и целостного развития людей как личностей, как малых соборных духов. И для решения именно этих задач нужно выбирать, создавать новые технологические, информационные, образовательные средства, заниматься инновациями. А если остается старая-престарая социальная структура, в которой богатая верхушка занята только грабежом и развратом, а в свободное от этих занятий время ищет средства извлечения дополнительной прибыли даже из мертвых, то такие инновации лишь ускоряют общую гибель этого социального монстра, выползшего из Преисподней. Паровая машина, двигатели внутреннего сгорания, электричество, ракеты, непрерывная смена технологий, средств сообщения! И что же достигнуто этими инновациями? Гибнущая природа, расчеловечивание человека, пища, ставшая ядом, растущая угроза всеобщей гибели жизни!

Подлинно инновационным проектом является Новый Завет, живущий ожиданием Завета Новейшего, превращая прогресс из средства зла в орудие блага. Но Н.В. Гоголя за понимание инноваций и прогресса объявили душевнобольным «вумные инноваторы и прогрессисты» XIX в., для которых ум, душа и вера уже давно стали болезнями. А прозорливец сказал все нужное об инновациях и о причинах оных. «И непонятной тоской загорелася уже земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мельчает, и возрастает только в виду всех исполинский образ тоски, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в твоем мире! Дьявол выступил уже без маски в мир» [3, 367]. Гоголь ясно и четко заявил, что общество, в котором власть и Церковь разделены, превращается в урода Вия, приемлющего только живодерские и гламурящие инновации «духа тьмы». А ведь «в нашей церкви сохранилось все, что нужно для ныне просыпающегося общества. В ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей. В ней простор не только душе и сердцу человека, но и разуму, во всех его верховных силах; в ней дорога и путь, как устремить все в человеке в один согласный гимн верховному существу. Друг, не смущайся ничем! Если бы седмерицею крат были запутанней нынешние обстоятельства — все примирит и распутает наша церковь. И эту церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» [3, 239, 202][5]. Но очень скоро

[5] Протестант Гегель видел разгадку загадки истории во внутреннем единении религии (церкви) и государства. «В религии и государстве — одно понятие свободы. Это одно понятие есть самое высшее из того, что дано человеку, и оно реализуется человеком. Народ, имеющий плохое понятие о Боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы» [4, 400]. «Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии, — *революцию* произвести без *реформации*, — воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной им власти устанавливать государственный бюджет законам будет сообщена устойчивость. Желание отделить права и законы от религии можно рассматривать только как крайний шаг, свидетельствующий о бессилии проникнуть до глубины религиозного духа и поднять его до его собственной истины» [5, 339]. А реформация для Гегеля состоит лишь в том, чтобы возвратить религии полагающуюся ей власть, ибо «церковь есть государство, возведенное в мысль» [6, 382]. Общество и го-

жизнь скажет: «Которые здесь временные? Церковь открыла путь в Преисподнюю для всех временных!». Блаженны нищие инновациями, ибо им принадлежа инновации Неба! А если все инновационируют, тогда инновацией будет отрицание всяких новаций. Не так ли?

Литература

1. *Мамедов О.Ю.* Взорвет ли наноиндустриализация современную экономику? // Философия хозяйства. 2010. № 5.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1986.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2 т. Т. 1. М., 1975.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 19 т. Т. 3. М., 1956.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М., 1971.

М.В. ЛЕОНТЬЕВ

Парадоксы модернизации

Модернизация всегда была способом как для России, да и для других стран сохранить себя субъектом мирового порядка. Всегда это делалось одним и тем же способом — путем мобилизации ресурсов. Нужны ресурсы — чтобы закупать технологии, нужны ресурсы — чтобы закупать предприятия. Если базовых стартовых условий внутри страны нет, то ничего не остается, как идти на громадные модернизационные затраты. Иначе отставание и потеря сколько-нибудь значимой субъектности. Выходит, что за модернизацию нужно очень захотеть заплатить. Кто, какие социальные слои, политические и иные силы пойдут на это в современной России? Это главный вопрос. Да и мало лишь захотеть платить, надо все-таки иметь, чем платить.

Социально-экономическая система у нас неэффективная, если принять во внимание масштабы страны, ее потребности и реальные доходы, которыми она располагает.

В начале нынешнего века в России произошло некоторое системное упорядочение, была восстановлена субъектность государства, появилась возможность, посылая вертикальные сигналы сверху, решать какие-то единичные задачи. Но системное упорядочение сопровождалось и упорядочением коррупции. Как ни противно это говорить, но все в стране решается сегодня не властью как таковой, т. е. государственной властью, а властью коррупционной, которая не только и не столько, быть может, раздает сложившуюся систему, сколько ее поддерживает изнутри, и эта система весьма устойчива. Зато она чрезвычайно зависима от внешних перемен и интенций. В этом ее органическая слабость, провоцирующая согласие системы на модернизацию, способную снизить зависимость от более развитого и совершенного контекста, происходящих в нем перемен.

Отмечу один очень на сегодня интересный феномен — прекращение зависимости нашей экономической системы от государства из-за спекулятивных цен на нефтегазовые ресурсы. Но ситуация в мире на энерго-сырьевых

сударство могут сохранить себя лишь в составе Церкви как основной инновационной инстанции вечности на земле. Имеющие ум да уразумеют!

рынках может резко измениться, когда умное человечество поймет, что углеводородные ресурсы не лимитированы и вполне доступны вследствие подключения к производству топлива из сланцевых запасов нефти, которых хватит надолго. А это приведет к прекращению подпитки перекошенной в сторону нефти и газа российской экономической системы.

На модернизацию системы необходимо порядка 1 трлн дол., эти деньги можно получить, продав все углеводородные активы государства, пока они еще чего-то стоят. Но при этом придется понять, что созданная в России модель капитализма порочна, она представляет собой относительно России и ее населения вредную антисистему. Хочется это кому-то, или нет, но придется пойти на возвращение в систему принципов социальной справедливости, не пренебрегая и опытом советского строя.

А.И. СУБЕТТО

Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества

Будущее в определенном смысле вырастает как из настоящего и прошлого, так и из желаемого будущего и закрепляется с помощью общественного идеала — в данном случае с помощью «России идеальной». «Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совладает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности» (Ю.М. Осипов [1]).

Сформулируем систему положений, которые бы отвечали на вопросы — в чем состоит смысл окончательного самоутверждения России, которое, конечно, есть только историческое самоутверждение, неотъемлемое от ее исторической самоидентификации, и каким содержанием наполняется стратегия самоутверждения России в XXI в.?

Фактически мы встречаемся с рядом близких по своему смыслу категорий — *самоидентификация, самоутверждение, русская идея,* или *национальная идея,* России, которые на смысловом поле социокультурной и цивилизационной самоидентификации России перетекают друг в друга. Эти самосозидание и самоутверждение суть история России как евразийской, общинной, самой «холодной» цивилизации в мире (именно — самой «холодной», поскольку в близкой по климатогеографическим, природным условиям Канаде хозяйствующее население сосредоточено на восточных и частично западных «территориях», где условия для сельского хозяйства близки к условиям срединной и южной Украины: «от широты Киева» до «широты Одессы»).

И если возник вопрос о самоутверждении России, то он возник только потому, что Россия вошла в *тупик своей истории*, который, на мой взгляд, является сколком, или слепком, *глобального тупика всей истории человечества*, в виде первой фазы *глобальной экологической катастрофы*, и стоящих за нею *духовной, информационной, антропологической катастроф*, на «языке» которых природа подписала на рубеже XX и XXI вв. свой смертельный экологический приговор капитализму и рынку.

То, что переживает Россия, лишь служит предикторным (упреждающим) «сигналом» по поводу того, что ждет весь мир, человечество, поскольку Российская Евразия — «центр устойчивости и неустойчивости» мира, своеобразная «подвеска» маятника истории человечества — колебаний ее «напряженности — ненапряженности», «неравновесия — равновесия» (но и не только истории человечества, а, похоже, всей системы биосферы, если принять во внимание, что предельные остатки устойчивости биосферы держатся за счет, главным образом, лесных ресурсов России, Канады и частично Бразилии, все остальные страны мира уже превратились в «экологических должников»[6].

Окончательное самоутверждение как форма цивилизационного самосохранения России в XXI в., думаю, будет иметь свое будущее и развитие только тогда, когда Россия выдвинет научно-мировоззренческую систему и новую идеологию XXI в., которые предложат человечеству научные, социально-экономические, духовно-нравственные и ценностные основания выхода человечества из экологического тупика!

Такой научно-мировоззренческой системой и идеологией для XXI в., по оценке автора, является *ноосферизм*, который провозглашает общественный идеал — *ноосферный, экологический, духовный социализм*, обеспечивающий управляемую социоприродную (ноосферную) эволюцию на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Речь идет о ноосферном прорыве в будущее всего человечества в XXI в. — единственной стратегии спасения человечества от экологической гибели (уже к середине XXI в.), зачинщиком и духовно-интеллектуальным водителем которого может и должна стать Россия (см.: [3]).

Я выдвигаю на обсуждение для всех тех, кому не безразлична судьба России в XXI в., формулу: «Россия спасется, предложив всему миру философию и идеологию спасения от экологической гибели всего человечества, предложив стратегию такого спасения в виде единственной формы — установления ноосферного, экологического, духовного социализма».

Что же кроется за понятиями «ноосфера» и «ноосферизм»?

По моей оценке, хотя термин «ноосфера» и был предложен Леруа и разрабатывался Пьером де Шарденом в его теологической концепции ноосферы, научная ее концепция впервые была разработана и предложена великим русским ученым-энциклопедистом, титаном эпохи русского возрождения В.И. Вернадским. Анализ системы воззрений Вернадского на «ноосферу» и развитие этой категории современными отечественными исследователями, например, такими учеными, как В.П. Казначеев, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул и др., позволили мне выделить восемь ее основных экспликаций. Но главным определением ноосферы является взгляд на нее, как на новое состояние биосферы, в котором человеческий коллективный разум, превратившись, благодаря большой энергетике мирохозяйствования — и соответственно природопользования, в силу планетарного масштаба, сравнимую по воздействию с другими факторами геологической эволюции, становится гармонизирующим и управляющим звеном в гомеостатических механизмах планеты Земля и биосферы как суперорганизмов.

Трактовать ноосферу только как сферу разума, да еще противостоящую биосфере — означает вульгаризировать научные построения

[6] Это хорошо показано на языке чисел в книге А.П. Федотова [2].

В.И. Вернадского, впервые предложившего целостную концепцию биосфероведения и на ее основе — начала будущего учения о ноосфере.

Ноосферизм есть современное развитие учения о ноосфере В.И. Вернадского, которое происходит в э*поху великого эволюционного перелома* — эпоху, связанную с наступившими экологическими пределами прежних цивилизационных оснований развития человечества, в первую очередь — институтов частной капиталистической собственности, рынка, строя мировой финансовой капиталократии и всей системы глобального капитализма — империализма (см.: [4]). Императив выживаемости человечества в XXI в. предстает как императив его перехода к ноосферной парадигме развития.

Ноосферизм в этом контексте есть ноосферно-ориентированный (или ноосферно-сфокусированный) синтез всех наук, о котором — в своей логике — как о синтезе единой науки о человеке и природе — говорил К. Маркс, соединяющий в себе все четыре макроблока — естествознание, человекознание, обществознание и технознание в их ноосферной (или космоноосферной) парадигме представления.

Но ноосферизм не замыкается только вернадскианской революцией в системе научного мировоззрения, становлением новой космоноосферной (организмоцентрической) картины мира, но еще и формирует общественный идеал, ту оптимальную социальную и хозяйственную организацию общества, которая обеспечит управляемую социоприродную (социобиосферную) динамическую гармонию (см.: [5]). Такое социальное устройство я и называю ноосферным, экологическим, духовным социализмом.

Социализм XXI в., который спасет человечество от экологической гибели, является потому ноосферным, что свои ценностные преимущества по сравнению с капитализмом, дающие расцвет творчеству человеческой личности и определяющей возвышение качества духовно-нравственного мира и качества интеллекта человека и общественного интеллекта (на базе всемерного развития образования и науки, превращения общества в образовательное общество), переводит в базис становления *ноосферы будущего* в виде управляемой социоприродной эволюции и образовательного общества.

Одновременно ноосферность социализма определяет его экологичность, что означает, что ноосферный социализм как естественное свое свойство и как высший приоритет включает в себя решение глобальных экологических проблем, формирование ноосферного права, в котором учитываются интересы природы, ее право на развитие и сохранение своего разнообразия и организмичности.

Ноосферный и экологический социализм потому является духовным социализмом, что без примата духовных потребностей и начал жизни над материальными потребностями и началами, связанного с введением «вето» на любые формы сверхобогащения и сверхпотребленния, выходящие за границы разумного (общественно необходимого) потребления его, невозможен.

Здесь оказываются востребованными представления С.Н. Булгакова о *метафизическом коммунизме мироздания*, которые у него возникли естественным образом в процессе разработки основ его космической философии хозяйства. Напомню его знаменитую мысль, высказанную в «Философии хозяйства», впервые увидевший свет в 1912 г.: «Итак, возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тожестве всего сущего, благодаря которому возможет обмен веществ и их круговорот, и прежде всего предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть

живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение» [6, 73].

С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский формируют организмоцентрическую картину мира, совокупность воззрений на которую представляет собой м*еморандум Булгакова—Вернадского—Чижевского* — меморандум космической организованности всего сущего и жизни в Космосе[7]. *Метафизический коммунизм мироздания* требует от хозяйствующего человека, чтобы он почувствовал себя частью целого всего мироздания, что означает выход на передний план ответственности человека за сохранение хрупкой целостности живой природы в процессе его хозяйствования на Земле. Иными словами, *метафизический коммунизм мироздания,* по С.Н. Булгакову, требует соответствующей «коммунистической организации» социального устройства жизни человека, которая была бы адекватна этому «метафизическому коммунизму мироздания», а это и есть ноосферный, экологический, духовный социализм.

Ноосферный социализм не «голое отрицание» социализма XX в., а его диалектическое снятие, т. е. его развитие с учетом реалий эпохи великого эволюционного перелома, императива выхода из «западни» первой фазы глобальной экологической катастрофы.

Природа, «метафизический коммунизм мироздания» отрицают глобальный капитализм (а он одновременно есть и глобальный империализм как выражение строя мировой финансовой капиталократии [8]) — отрицают в виде разворачивающейся глобальной экологической катастрофы, требуют от человечества смены рыночно-капиталистических, частнособственнических оснований хозяйствования и жизни общества на социалистические основания, на ноосферный социализм, в котором бы соблюдались требования закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [9; 10].

Таким образом, XXI в. — это век новой, второй волны *Глобальной социалистической цивилизационной революции*, которая уже накатывается на мир, демонстрируя возрастающую тягу народов разных континентов к социализму уже в первом десятилетии этого века (примеры — весь латиноамериканский континент, поднимающееся движение к социализму в Европе, развивающийся социализм на Кубе, в Ливии, Китае, Вьетнаме, Лаосе, заявленная стратегия движения к социализму в Венесуэле и Боливии и т. д.).

В этом контексте истинная «модернизация», под которой понимается обновление технологического базиса экономики в России, возможна только как ноосферно-социалистическая модернизация, решающая проблему создания ноосферной техносферы, ноосферного технологического базиса мирохозяйствования на Земле.

Таким образом, возвращаясь к тезисам Ю.М. Осипова по поводу самоутверждения России как великой державы в мире XXI в., я утверждаю следующий тезис: единственной формой окончательного самоутверждения России «как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и

[7] Понятие «Меморандум Вернадского — Чижевского», или «Космический меморандум организованности живого мироздания», ввели И.Ф. Малов и В.А. Фролов в работе [7, 65 — 75]. Я концепцию этого Меморандума развил, ввел его в теоретическую систему ноосферизма, показал, что впервые положение о мироздании как «живом теле», т. е. организме, сформулировал С.Н. Булгаков, и придал этому меморандуму название *меморандума Булгакова—Вернадского—Чижевского* (см.: [3]).

разностороннему развитию» является *ноосферно-социалистическое самоутверждение России*, ее самоутверждение как лидера в ноосферном прорыве человечества.

Для этого у России, как ни у какой другой страны мира, есть все:

- опыт социалистического прорыва человечества из России в XX в. [11; 12];
- интеллектуально-философско-культурное наследие в виде «Русского космизма» и русской философии, а также вся эпоха русского возрождения;
- опыт прорыва России — СССР в космос в лице первого полета русского человека Юрия Алексеевича Гагарина, 50-летнюю годовщину которого мы отметим 12 апреля 2011 г.;
- становящийся ноосферизм как новая научно-мировоззренческая и идеологическая система, призванная вооружить человека общественным идеалом XXI в. и соответствующими знаниями и компетенциями, чтобы ноосферно-социалистический прорыв состоялся;
- и, наконец, вся философия хозяйства XXI в., которая приобретает новое, мировоззренческое качество, благодаря трудам Ю.М. Осипова и всей российской философско-хозяйственной школы, которую он вот уже 20 лет возглавляет и, как хороший садовник выращивает свой сад, лелеет и развивает эту школу; мощные заделы в виде уже разработанных ноосферных технологий[8].

Российское перестроение, которое обсуждалось на V Малом университетском форуме в 2009 г., есть на самом деле начало глубокого перестроения всех основ жизни человечества на Земле, связанного со становлением ноосферы будущего» в XXI в., фиксирующей динамическую социоприродную гармонию, т. е. социоприродно-ноосферную эволюцию с учетом тех ограничений, которые диктуются законами гомеостатических механизмов планеты Земля и биосферы как суперорганизмов (к этим законам относятся закон квантитативной компенсаторной функции А.Л. Чижевского, законы Бауэра—Вернадского (в интерпретации В.П. Казначеева), которые отражают действующие механизмы растущей организованности (структурности) или негэнтропии монолита живого вещества на Земле, закономерность растущего доминировании закона кооперации и «механизма интеллекта» над законом конкуренции и механизмом естественного отбора (в моей интерпретации) и др.).

Надо осознать, что время узких специалистов — «профессиональных кретинов» (здесь возникает рефлексия по поводу нового «профессионального кретинизма», на который указывал К. Маркс), время бюрократов — «управленческих кретинов», стремящихся управлять сложным как простым, прошло. Наступает эпоха универсального, гармоничного человека, адекватного универсальности мира, а она требует профессионалов универсального типа, профессионалов-проблемщиков, на необходимость подготовки которых указывал еще В.А. Легасов (исходя из своего анализа уроков Чернобыльской катастрофы в 1986 г.), т. е. новой парадигмы профессионализма.

Поэтому возникает проблема перестроения содержания системы образования, причем современного, а не того перестроения, которое пытаются

[8] Чтобы не быть голословным, сошлюсь на капитальный труд целого коллектива ученых и конструкторов, создавшего такие технологии (и это только один из примеров) [13].

осуществить «реформаторы-либералы», приняв ложную стратегию Болонского соглашения за истинную.

Речь идет о ноосферном образовании, о его становлении как базовом условии ноосферного прорыва общества. Ноосферная общественная академия наук проводит работу по созданию теоретических и методологических условий для такого прорыва [14; 15].

Ключевую роль системы образования и просвещения в логике ноосферного прорыва, ноосферной цивилизационной революции, хорошо понимал Н.Н. Моисеев. Он даже ввел понятие системы «учитель», под которой фактически понимал всю систему образования и просвещения и в пространстве которой общество начинает понимать фундаментальную функцию «учитель» во всех процессах управления ноосферным развитием. Он увязывал «нравственный императив» с этой системой «учитель». Н.Н. Моисеев пишет, что система «учитель» — «корпус учителей» — «может оказаться той базой и той жизненной школой, которая станет способной отбирать людей, годных для руководства другими людьми, и тем, кому может быть доверено распоряжаться тем могуществом, которым мы уже располагаем» [16, 267, 268].

Окончательное самоутверждение России требует пересмотра всей системы взглядов в образовательной политике на роль и содержание системы непрерывного образования, который диктуется логикой «самоутверждения России» в XXI в.

Экономики стран мира претерпевают глубокую технологическую революцию последние 50 лет. В развитых странах экономики стали наукоемкими, интеллектоемкими, образованиеемкими, квалитативными, «быстроходными», с растущим сектором «плановой экономики». Главным в этих трансформационных процессах стало то, что образование заняло особую институциональную позицию в системе духовного и материального воспроизводства, превратившись в базис базиса такого воспроизводства.

Вот почему все разговоры нынешних властей о «модернизационном проекте» России являются в лучшем случае блефом, поскольку в этом «проекте» нет понимания ключевой роли науки и образования как движителей экономического развития, главным фактором экономической конкурентоспособности России, нет понимания того факта, что стратегия спасения и человечества, и России от экологической гибели (уже к середине XXI в.) «диктует» императив всеобщего высшего образования и перехода к «образовательному обществу» и «образовательной экономике» (кстати, эти понятия намного богаче по содержанию, чем «общество знаний» и «экономика знаний», «эксплуатируемые» на Западе) как главным условиям ноосферного развития.

С.Н. Булгаков, предлагая свою православную философию метафизического коммунизма мироздании, подчеркивал «софийность природы», через которую проявляются «логическая связь вещей, ее закономерность» [17, 127] и которая требует такой же «софийности» в организации хозяйства на Земле, которая возможна только тогда, когда хозяйство гармонично встроится в систему этого «метафизического коммунизма» всей Вселенной. «Есть некоторая космологическая карма сущего. Единство мироздания, физический коммунизм бытия, делает то, что физически все находит себя или есть во всем, каждый атом мироздания связан со всей вселенной, или, если приравнять вселенную организму, то можно сказать, что он входит в состав мирового тела» [17, 65], — писал С.Н. Булгаков. Он подчеркивал, что «в истории… хлеба, как и всякой частицы вещества, заключена история всей вселенной. Для того, чтобы он мог вырасти и получить теперешнюю форму, необходимо совокупное

действие всего мирового механизма в его прошлом и будущем» [17, 72]. Отмечу, что в системогенетике это положение С.Н. Булгакова подтверждается концепцией закона спиральной фрактальности системного времени, расширяющей действие принципа Геккеля на всю космическую эволюцию (см.: [18]). В соответствии с этим законом в системогенезе любой сущности в космосе и на Земле повторяется в свернутом виде вся предшествующая спираль развития. Это свойство в эволюции мироздания служит еще одним основанием его голографического строения, той особенности в организации Вселенной, которая отражает, что «все находит себя и есть во всем», «каждый атом мироздания связан со всей вселенной» (как у С.Н. Булгакова). Одновременно это свойство прогрессивной эволюции — основания процесса «оразумления» Вселенной — в ее ноосферизации, в соответствии с которой человеческой разум на Земле появляется неслучайно, а космоэволюционно — закономерно (см.: [19]). Интересно, что к этому же выводу приходит Н.Н. Моисеев. Он пишет: «Появление на Земле интеллекта — это столь же естественный закономерный этап ее развития, этап ее космической истории… как и возникновение жизни…» [20, 164].

В ноосферном самоутверждении России русское православие, которое сохранило верность древней христианской догматике, которую можно назвать «христианским социализмом», может стать ее участником в силу исповедуемых ею ценностей любви и добротолюбия. С.Н. Булгаков даже выпустил серию своих работ по христианскому социализму.

Ю.М. Осипов, как истинный диалектик, подчеркнул, что «бытие-кризис» есть еще и «устройство-кризис» [21, 31].

Поэтому выход из этого кризиса и включает в себя перестроение России, а вслед за нею и «мира людей» на Земле, которое становится и окончательным самоутверждением России. Окончательным — потому, что если этого не произойдет, то будущего не будет, а будет экологическая гибель, т. е. небытие, символом наступления которого может стать смысл поэмы А.С. Пушкина «Пир во время чумы» — только смысл в расширительном толковании, когда «пир» купающихся в наслаждениях богатых людей — владельцев капитала, т. е. капиталократии — происходит на фоне затягивающейся «петли» экологической катастрофы на шее жизнеобеспечения человечества.

Трагедия России состоит в том, что рыночно-капиталистическая контрреволюция оказалась не способной к созиданию. Она, т. е. ее лидеры в лице партии западников — либералов, оказалась не способной выдвинуть идеологию, мобилизующую все общество, всю Россию на «прорыв» в достойное ее великой истории будущее.

С.Ю. Глазьев так прокомментировал происходящий процесс рыночно-капиталистического «перестроения»:

«Стоит добавить, что после первичного передела госимущества (мое замечание: экспроприации социалистической собственности у народа через приватизацию по А.Б. Чубайсу. — *А.С.*) наши предприниматели начали грызть друг друга. Пресловутые рейдерские атаки сегодня — это не эксцессы, а норма существования бизнес-сообщества. Какое это имеет отношение к реальной модернизации? Как правило, самое негативное, поскольку на эту грызню за якобы “священную” собственность уходят воистину гигантские силы и средства. В результате у нашей страны отсутствует реальное целеполагание… государство и общество не может ответить на вопрос, к какой цели

стремится — такое государство и такое общество исторически обречены» [22].

Это означает, что Россия превратилась в плывущий в штормовом море Истории корабль, у которого сломаны и «ветрила», т. е. паруса, и «руль», а капитан и его помощники закрылись в каюте для непрекращающейся гульбы.

Вопрос встал о спасении корабля под именем «Россия». И начинается это спасение с восстановления управления ее развитием, которое невозможно без целеполагания. Это означает, что нынешняя разрушительная рыночно-капиталистическая контрреволюция должна смениться созидательной контр-контрреволюцией, т. е. созидательной революцией, наступающей в логике гегелевского закона отрицания отрицания, которая может состояться только как ноосферно-социалистическая революция.

С.Ю. Глазьев ставит вопрос об «опережающей модернизации» экономики России. И это верная постановка проблемы для России, только с одной оговоркой — опережающей модернизации на базе созидания ноосферно-технологического базиса и ноосферной экономики.

Россия, ее научно-философская мысль, социокультурная память ее истории наиболее предуготовлены для того, чтобы стать стартовой площадкой ноосферного и космоноосферного одновременно прорыва человечества к новому будущему в XXI в., в котором весь потенциал научного и культурного творчества, весь позитивный потенциал познания человечеством себя и природы, все устремления — духовные и нравственные, освященные любовью и добротолюбием, сама закономерность ноосферизации Вселенной, приведшей к появлению человеческого разума, — будут работать на счастье каждого человека на Земле, которое есть гармония с природой, осмысление в себе разума, отвечающего за жизнь всех живых существ на Земле и в космосе, т. е. осмысление в себе космического разума. Но путь к этому лежит через ноосферный, экологический, духовный социализм, через избавление от рыночно-капиталистического «инферно», делающего ставку на эгоистический индивидуализм и собственное обогащение за счет других, которое так красочно показал И.А. Ефремов в романе «Час быка»: «инферно», превращающееся в экологическую гибель человеческой цивилизации.

Ф.М. Достоевский в знаменитой речи при открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 г. назвал в качестве важнейшей характеристики русскости великого поэта *всечеловечность*.

В XXI в. всечеловечность русского человека должна обернуться выдвигаемой из России идеологией спасения человечества от экологической гибели через новую социалистическую организацию жизни, которая есть ноосферный социализм. Это и будет началом самоутверждения России в XXI в.

Литература

1. Философия хозяйства. 2010. № 5.
2. *Федотов А.П.* Глобалистика. М., 2002.
3. *Субетто А.И.* Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.
4. *Субетто А.И.* Эпоха великого эволюционного перелома. СПб.; Кострома, 2007.
5. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения — поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке / Под ред. А.И. Субетто. СПб., 2003.

6. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
7. *Малов И.Ф., Фролов В.А.* Космический меморандум организованности живого мироздания // Дальфис. 2006. № 4(48).
8. *Субетто А.И.* Капиталократия и глобальный империализм. СПб., 2009.
9. *Субетто А.И.* Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем в обществе и качества общественного интеллекта — социалистический императив. М., 1990.
10. *Субетто А.И.* Ноосферный социализм как форма бытия ноосферного человека. СПб., 2006.
11. *Субетто А.И.* Владимир Ильич Ленин — гений русского прорыва человечества к социализму. СПб., 2010.
12. *Субетто А.И.* Апостол социализма (к 130-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина). Кострома, 2009.
13. *Драчев П.Т., Кнополь В.А., Никитин А.Н.* Проект «Ноосферные транспортные системы Сибири и Дальнего Востока». Итоги реализации. Новосибирск, 2005.
14. Ноосферное образование в евразийском пространстве / Под ред. А.И. Субетто. СПб.; Кострома, 2009.
15. Ноосферное образование в евразийском пространстве: В 2 кн. Т. 2 / Под ред. А.И. Субетто, В.Г. Егоркина. СПб., 2010.
16. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
17. *Булгаков С.Н.* Философия природы. М., 1990.
18. *Субетто А.И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. М., 1994.
19. *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб., 2010.
20. *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М., 1995.
21. *Осипов Ю.М.* Современная Россия: бремя перемен. М., 2009.
22. *Глазьев С.Ю.* Не догонять, а обгонять… // Завтра. 2010. № 46 (887).

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Мир нашего завтра

Для экономистов особо значимым является открытие, помимо прошлого и настоящего, еще одного мира — мира будущего. И чтобы открыть, спрогнозировать это будущее, необходимо определиться со способами его исследования, создать новую методологию экономической науки и одновременно преодолеть химеру мейнстрима неоклассической экономической теории.

Опираясь на экономикс, мы обманываем себя, притворяясь, что мы работаем в привычном и удобном мире трех времен — прошлого, настоящего и будущего. На самом деле, как отмечает академик РАО, профессор В.В. Кузин, существуют только два времени: прошлое, которое можно знать, но нельзя изменить, — и будущее, которое ежесекундно «перетекает» в прошлое, то самое будущее, которое можно изменить, но которое нельзя «знать»

(как прошлое). Конечно же, можно выделять области ближайшего и отдаленного будущего. И здесь методология экономической науки структурируется на поисковую, эксплораторную, позволяющую осуществлять исследование только еще выявляющихся назревающих проблем экономического обустройства общества, и на кажущуюся традиционной нормативную, но не на ту нормативную, которая конструирует утопические идилии грядущего равенства, а на ту, которая прогнозирует конфигурацию объективно возможного экономического пространства жизнедеятельности людей.

Речь идет о заблаговременном «взвешивании» последствий предполагаемых решений. Только тогда, когда повысится эффективность управления на всех «этажах» многоуровневого экономического пространства, мы можем сказать, что экономическая наука существует.

Философия хозяйства, вбирающая в себя философию экономики, помогает нам увидеть мир не в виде событий, а в виде проблем, целей, и даже возможных решений.

Центр общественных наук, возглавляемый Ю. М. Осиповым, осуществляет во многом неблагодарную миссию развития философии хозяйства. Большинство публикаций Центра — это прогноз, научный вывод о вероятном или возможном *состоянии* изучаемого объекта в будущем. Особо следует обратить внимание на то, что в публикациях Центра не присутствуют какие-либо аспекты эзотерического прогнозирования, т. е. не пропагандируется фидеистическая форма общественного сознания. Не пропагандируется также и эсхатология как учение о «конце света». Можно даже утверждать, что в работе Центра наследуются идеи русского мыслителя В.А. Базарова-Руднева, который в серии статей 1924—1928 гг. (переизданы в [1]) предложил в качестве пути перехода от «размышлений о будущем» к исследованию будущего проблемно-целевой подход, названный им генетическо-телеологическим. Не гадать попусту насчет того, чего знать нельзя, а изучить назревающие проблемы и выявлять цели, ориентируясь на которые следует приступать к решению проблем. Идеи В. Базарова Центром развиты в публикации Н.В. Половинкиной в статье «О соотношении позитивного и нормативного анализа в российской экономической науке конца XIX — начала XX в.» [2].

Может быть, Ю.М. Осипов меня и поправит, но, полагаю, на основании публикаций Центра можно утверждать, что теоретической базой исследований по философии хозяйства является проблемный, или поисковый, и целевой, или нормативный, подходы. Этот программно-целевой подход позволяет реализовать триединую функцию: анализа — диагноза — прогноза.

Итак, философия хозяйства. Исходя из вышеотмеченного она, похоже, далека от индивида, и даже фирмы, а сродни, скажем, макроэкономистам. Так ли это? И да, и нет. Очевидно, что будущее несет с собой не только умножение валового национального продукта, но и множество серьезных проблем. И если заблаговременно не осмыслить их, то можно опоздать с их решением, и жизнь в будущем может сделаться «довольно огорчительной» (И.В. Бестужев-Лада).

В этом контексте целесообразно еще раз вернуться к проблемам развития постнеклассической экономической науки. Напомню, что в 1989 г. в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья В.С. Степина, в которой он предложил различение классической, неклассической и постнеклассической рациональности. После этого прошло двадцать лет. Понятие «постнеклассика» постепенно укоренилось в философском дискурсе, и сегодня его применяют при характеристике различных форм и видов познава-

тельной деятельности. Но, как это часто бывает, при расширении понятия не всегда принимается во внимание системная связь критериев «постнеклассики», отличающих ее от других типов рациональности.

Применительно к экономической науке можно выделить три основных критерия, соответствующих, с одной стороны, деятельностному подходу, а с другой — структуре оснований науки, выявленных в рамках этого подхода.

С позиций деятельности познание экономической сферы жизнедеятельности может быть охарактеризовано посредством экономических связей и отношений между осваиваемым объектом, субъектом деятельности, а также используемыми им средствами и операциями.

Все основные компоненты деятельности (объект-средства и операции-субъект) образуют целостность, и радикальное изменение одного из них предполагает изменение других.

В основаниях научного знания эта связь выражена корреляциями и своеобразной когерентностью между основными блоками (подсистемами) оснований экономической науки: 1) научными философскими картинами хозяйства; 2) идеалами и нормами науки, т. е. институтами; 3) ее философско-мировоззренческими основаниями, лежащими в основе методологии экономической науки.

Соответственно критериями типов рациональности выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки.

Первым критерием различения классической, неклассической и постнеклассической рациональности является тип системной организации экономических взаимодействий. Для освоения объектов, организованных как *простые системы*, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение *сложных саморегулирующихся систем*, постнеклассический — *сложных саморазвивающихся систем*.

Каждый из этих типов системных объектов представлен в научном знании соответствующим кластером специальных научных картин мира (дисциплинарных онтологий) и общенаучной картиной мира. Эти картины задают системно-структурное видение предмета научного исследования и тем самым репрезентируют представления о том или ином типе системной организации экономических взаимодействий.

Вторым критерием выступает различие в обобщенной схеме метода деятельности. Она фиксирует особенности средств и операций (действий) с изучаемым объектом. Каждый новый тип системных объектов предполагает соответствующую ему схему метода познавательной деятельности. Эта схема представлена в структуре оснований экономической науки особым пониманием идеалов и норм исследования: идеалов объяснения и описания, доказательности и обоснования, идеалов строения и построения научного знания. При переходе к освоению нового типа систем происходят трансформации такого понимания. Для классической, неклассической, постнеклассической рациональности характерны *различные интерпретации* идеалов и норм научности.

Наконец, в качестве третьего критерия различия типов рациональности можно выделить особенности ценностно-целевых структур субъекта деятельности. Эти структуры детерминированы двояким образом. С одной сто-

роны, они должны соответствовать типу системного объекта, знание о котором вырабатывает экономическая наука в соответствующую историческую эпоху, а с другой — соответствовать принятым в культуре этой эпохи доминирующим ценностям.

Разные типы системных объектов требуют различного уровня рефлексии над ценностно-целевыми структурами деятельности. Эти типы рефлексии инкорпорированы в комплекс философско-мировоззренческих оснований экономической науки. Последние обеспечивают обоснование научных картин мира и нормативных структур экономической науки соответствующей исторической эпохи. Изменение типа рефлексии над ценностно-целевыми структурами исследования выражено в соответствующих изменениях философско-мировоззренческих оснований экономической науки. Оно выступает важной характеристикой становления нового типа научной рациональности (классики, неклассики, постнеклассики).

Вышеотмеченное является как бы характеристикой тех усилий, которые Центр общественных наук прилагает для внедрения в сознание экономистов-исследователей необходимости выработки новой теоретико-методологической базы вновь нарождающихся явлений, процессов и состояний в рамках экономического пространства как объекта экономической науки. На страницах журнала «Философия хозяйства» эта тема обсуждалась неоднократно. Новая теоретико-методологическая база исследований, вероятно, позволит открыть дверь в мир нашего завтра. В связи с этим утверждением, достаточно аксиоматическим, позволю себе экскурс от «размышлений о будущем» к миражам «постиндустриального общества».

В одной из своих работ И.В. Бестужев-Лада писал, что в «доиндустриальном обществе», чтобы прокормить десяток семей ремесленников и служащих, нужен тяжкий труд по меньшей мере девяти десятков крестьянских семей, самих живущих впроголодь. В «индустриальном» — механизация сельского хозяйства позволяет десятку-другому фермерских семей досыта накормить и себя, и остальные восемь-девять десятков — полный переворот! А в «постиндустриальном» комплексно автоматизированная и компьютеризированная ферма позволит одной семье завалить продовольствием остальные 99. Для сравнения: в современных США в сельском хозяйстве занято не более 2—3% работающих, и эта доля тает с каждым годом.

В «индустриальном обществе», чтобы снабдить всех необходимыми промтоварами, нужен труд массы рабочих, составляющих от 30 до 60% занятых. Примерно такое же положение и в сфере обслуживания. А в «постиндустриальном» комплексная механика, автоматика и электроника позволят решить те же задачи всего 10—20% занятых. Проницательный читатель сегодня тут же задастся вопросом: что же в таком случае делать остальным 80%? Однако в те времена подобной перспективе только радовались. Для сравнения: в современных США доля работающих в промышленности упала ниже 20% и продолжает уменьшаться с каждым годом, а большинство высвобожденных «перетекает» в сферу обслуживания, куда еще не добрались — но скоро доберутся! — автоматика и электроника.

В «доиндустриальном обществе», чтобы хоть как-то свести концы с концами, для подавляющего большинства населения неизбежен тяжелый физический труд продолжительностью до 3500—4000 часов в год, что означает 14—16 часов работы в день, отчасти даже по субботам-воскресеньям-праздникам и безо всяких отпусков, поскольку домашняя скотина, мычавшая, блеявшая, хрюкавшая и кудахтавшая почти в каждом дворе, никаких каникул,

выходных и праздников не признавала. В «индустриальном» продолжительность рабочего года уменьшилась почти вдвое и стала обычной 40-часовая рабочая пятидневка с месячным годовым отпуском. Есть основания предполагать, что комплексная механизация, автоматизация и компьютеризация производства в «постиндустриальном обществе» позволят сократить рабочий год еще, по меньшей мере, вдвое, так что вполне возможно, столь же обычной станет 20—30-часовая рабочая трех-четырехдневка с двумя-тремя месячными отпусками в разные времена года. Для сравнения: сегодня на Западе вовсю разворачивается борьба за переход от 40-часовой к 35-часовой рабочей неделе, а отдельные энтузиасты уже мечтают о 32-часовой, которая позволит разместить на каждом рабочем месте все семь дней в неделю двух человек. Сегодня это тоже озадачивает, а в те времена безмерно радовало. Еще бы: «общество досуга»!

В «доиндустриальном обществе», сколько ни трудись, больше десятка долларов в месяц, сотни-полутора в год редко заработаешь. А это означает жизнь впроголодь, в тряпье, в хижинах или трущобах, без какой бы то ни было медицинской помощи. Именно так живет сегодня подавляющее большинство населения стран Азии, Африки, Латинской Америки. И именно так живет сегодня каждый третий россиянин, отброшенный в низший класс общества. В «индустриальном» обществе средний доход на душу населения поднимается на целый порядок — вдесятеро! — и составляет сотни долларов в месяц, тысячи в год. Это позволяет жить пусть в скромной, но благоустроенной квартире или коттедже, есть пусть не изысканно, но досыта, одеваться без роскоши, но прилично, чуть что — бежать к врачу, а отдыхать не только на лавочке перед домом. Именно так живет сегодня «средняя» семья на Западе. И именно так — только в несравненно худших условиях — живет большинство россиян, принадлежащих к высше-среднему, среднему и даже во многих отношениях к низше-среднему классу общества. В «постиндустриальном» — комплексная механика, автоматика и электроника поднимают среднедушевой доход еще на порядок — до тысяч долларов в месяц, десятков тысяч в год — как сегодня у высшего класса общества, в том числе у «новых русских», составляющих не более 2—3% общества.

Но доход доходом, а труд трудом. И здесь весьма значимым становится вопрос о том, кто, сколько и как будет трудиться в мире нашего завтра. Возьмем, к примеру, один из самых значимых видов труда — получение образования. Сегодня рабочая неделя студента вуза в аудитории — 27 часов. Это, согласно стандартам бакалавриата, составляет 45% учебного недельного времени. Нетрудно посчитать, что полная рабочая неделя студента составляет 60 часов. А рабочая неделя на производстве — 40 часов. Вот и тема для обсуждения — каким будет мир нашего завтра.

А подводя итоги своим размышлениям, хочу полагать, что сам факт проведения конференции «Самоутверждение России» позволяет утверждать: будущее уже началось!

Литература

1. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. М., 1989.
2. Философия хозяйства. 2009. № 5.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ, Т.Н. ШЕЛЕГИНА

Глобальные и региональные волны экономического развития

В последние годы все большее число ученых стали обращать внимание на полициклический характер вариаций в пространстве и во времени различных макроэкономических индикаторов: ведущих индексов мирового промышленного развития, цен на энергоресурсы, валютных курсов и т. д.

О полициклическом характере экономической динамики говорил, например, в декабре 2010 г. на Международной экономической конференции в МГУ и академик С.Ю. Глазьев. На многоволновых полициклических представлениях построена ставшая бестселлером 2010 г. книга Дж. Фридмана «Следующие 100 лет», посвященная моделированию социальной и политической динамики крупнейших регионов планеты в следующем веке.

Возможно, новый всплеск интереса к циклическим процессам экономики, произошедший через 80 с небольшим лет после открытия Н. Кондратьевым в 1926 г. длинных волн, тоже не случаен, а является проявлением все той же органичной для общественной жизни периодической повторяемости истории.

Отличительной особенностью этого нового взгляда на динамику хозяйственной жизни стало понимание, что ее волнообразные по форме изменения нельзя описать конечным числом известных волн и их гармоник — таких, как волны Кузнеца, Кондратьева, Китчина или Чижевского. Возникла необходимость проведения нового цикла исследований хозяйственно-экономической динамики с позиций нового знаний о природе волновых процессов, появившихся после исследований Кондратьева.

В самой сжатой и поэтому часто трудной для восприятия форме новые представления о природе колебательных процессов в различных средах содержатся в гипотезе турбулентности Колмогорова, изложенной им в публикациях 1942 и 1962 гг.

Согласно экономической интерпретации этой гипотезы [1; 2], периоды колебаний состояния сплошной среды, будь то физической или экономической природы (τ), нелинейным образом зависят от ее пространственных размеров (L):

$$\tau \sim L^{2/3}, \qquad (1)$$

а характер изменения деловой активности и объемов хозяйственной деятельности в одном жизненном цикле экономической системы описывается кривыми, изображенными на рис. 1.

Воспользуемся этой интерпретацией гипотезы Колмогорова для выяснения общих и некоторых частных особенностей экономической динамики в мире в целом и его отдельных регионах.

О масштабах этих волн можно судить по достаточно объективным данным, рассматривая, например, динамику величайших изобретений и открытий человечества за последние пять столетий, показанную на рис. 2.

Начнем с наиболее устойчивых с точки зрения теории турбулентности, т. е. наиболее длинных — глобальных — волн мирового развития.

Эта статистика, собранная нами на основе данных «Хронология открытий и изобретений человечества» сайта Википедия (http://ru.wikipedia.org), показывает волнообразный характер проявления творческого гения человечества. Она, кроме того, говорит, что приблизительно каждые 140 лет в мире

появляются радикальные нововведения и происходят эпохальные социальные перемены.

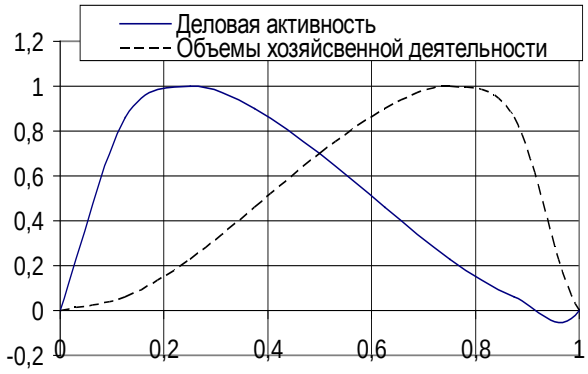

Рис. 1. Изменение деловой активности (числа значимых событий) и объемов хозяйственной деятельности в одном длинном жизненном цикле экономической системы

Рис. 2. Частота появлений великих изобретений и открытий человечества

Например, в 1436 г. произошло падение Восточной римской империи, а приблизительно через 130 лет после этого события — в 1576—1582 гг. — Гилберт открыл магнетизм и был принят Григорианский календарь (любопытно, но ровно за 11 глобальных 140-летних циклов до принятия Григорианского календаря — в 45 г. — появился Юлианский календарь, а тремя циклами позже — в 2000 г. — календарь благоприятных перемен).

Через 142 года после открытия Гилберта — в 1718 г. — Ньюкоменом была изобретена паровая машина, с которой принято связывать начало

мышленной революции в Англии, первый цикл которой завершился в 1856 г. тем, что страна была полностью опоясана сетью железных дорог.

Этому историческому событию предшествовало создание Ньютоном в конце XVII в. классической механики, легшей затем в основу современного научного мировоззрения.

В районе 1856 г. ±9 лет произошел новый всплеск великих изобретений человечества, связанный в начале цикла с революционными, как казалось наиболее продвинутым современникам, и фантастическими, как казалось другим, идеями Ж. Верна, Дарвина и Маркса и закончившийся их полномасштабной реализаций в конце XX в., с последующим резким переходом к повсеместному применению на Земле космических, биологических и социальных технологий глобального развития.

Исторические наблюдения, таким образом, показывают, что общественная жизнь в течение 140-летнего мирового цикла проходит ряд последовательных стадий.

Волне радикальных промышленных и, как следствие, социальных новаций предшествует достаточно продолжительный 30—40-летний период бурного научного творчества, протекающий на пике хозяйственных достижений предшествующей глобальной волны (рис. 1). Движущей силой каждого нового цикла мирового экономического развития являются, поэтому, предшествующие им всплески творческой энергии человечества, формирующие новую картину мира и инженерные решения, создающие технологические средства решения новых хозяйственных задач.

Одновременно с окончанием очередного глобального цикла, связанного с полномасштабным внедрением научных открытий в хозяйственную жизнь, в точке бифуркации мировой истории происходит как бы сжатие идейного багажа всей предшествующей 140-летней эпохи в небольшое число так называемых первых принципов. В начале XVIII в. это были первые принципы механики Ньютона, распространившиеся со временем практически на все сферы жизни общества.

140 лет спустя, в середине XIX в., их место вдруг, как бы по мановению волшебной палочки, заняли совершенно иные внутренне — даже противоречащие друг другу — принципы биологического эволюционизма Дарвина и Больцмановской термодинамики. А наряду с ними возникли совершенно новые социальные идеи Маркса и «фантазии» Ж. Верна о космическом будущем человечества.

Эти первые принципы и радикальные научные идеи, воспринимавшиеся современниками не иначе как «научные ереси» и фантазии, в первом 70-летнем полуцикле глобальной волы подвергаются детальной научной и практической проработке, которая во второй половине цикла сопровождается взрывным ростом новых технологий и их полномасштабным социальным и промышленным воплощением. Таким образом, общество к окончанию третьей четверти глобального цикла приходит к пику своего хозяйственного развития и социального благополучия. Это создает материальную основу для бурного развития науки и новых технологий, которые к началу следующего глобального цикла формируют новые первые принципы науки и показывают совершенно новую социальную и экономическую перспективу общества.

Именно такую 140-летнюю продолжительность глобальной волны, обнаруженную в исторических данных, можно получить на основе уравнения (1), отталкиваясь от продолжительности длинного — приблизительно 50-

летнего цикла — американской экономики и пространственных размеров мировой (140 млн км^2) и американской (9 млн км^2) хозяйственных систем.

Полициклическая модель хозяйственно-экономического развития предполагает существование различных по продолжительности волн в разных региональных хозяйственных подсистемах мировой экономики.

Так, в соответствии с гипотезой Колмогорова российская хозяйственная и политическая жизнь должна характеризоваться меньшей продолжительностью, чем глобальная волна. Оценки, которые позволяет сделать уравнение (1), говорят о 80-летней продолжительности длинного цикла российской экономики. Об этом же говорят собранные и проанализированные нами событийные ряды российской истории (рис. 3).

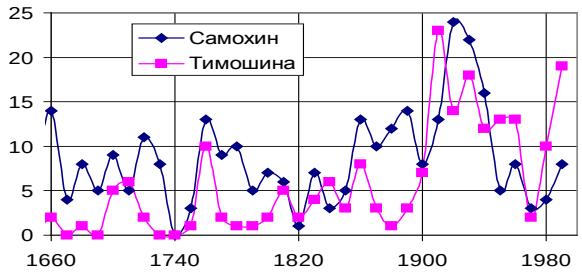

Рис. 3. Число событий российской истории по данным [3; 4]

При широком разбросе экспертных оценок числа важнейших событий российской истории хорошо видна 80-летняя цикличность российской политической и хозяйственной жизни. В этом 80-летнем ритме, как видно на рис.3 протекала жизнь как Российской империи, так и СССР.

Более того, эпоха российской сверхдержавности в полном соответствии с этой ритмикой закончилась в 1991 г.

Обнаруженный нами универсальный характер последовательности событий в длинной волне, вне зависимости от ее продолжительности, позволят построить таблицу возможных изменений российской хозяйственной и политической жизни в XXI в.

Таблица 1

Возможные изменения российской хозяйственной и политической жизни в XXI в

.

Фаза	Содержание	Примечание
1991	Физический распад СССР	
1998/2000	Драматические события начало нового длинного хозяйственного цикла	Дефолт, смена политических тяжеловесов на молодых политиков и т. д.
2008/2009 = 1991+18	Кризис роста российской экономики, формулирование новых ориентиров долговременного национального развития	Падение ВВП на 8,5%, война с Грузией

Продолжение табл. 1

2017/2018	Завершение первого политического цикла новой России	
2025/2026	Завершение первого экономического цикла новой России	
2037/2046	Период наивысших научных достижений и культурного развития	
2053/2060	Предел хозяйственного развития, начало стагнации	
2070/2079	Драматические события окончания одного и начал другого длинного хозяйственного цикла	

При построении табл. 1 мы исходили из предположения, что в критических фазах развития российского общества и национального хозяйства определяющую роль играют основные 17-летние фазы глобальной волны, а в эволюционной — базовые гармоники национальной 80-летней волны.

Литература

1. *Клепач А.Н., Доброчеев О.В.* Модель длинных экономических волн Колмогорова // XVII Кондратьевские чтения «Долгосрочное прогнозирование: исторический опыт и современность»: Тезисы докладов и выступлений участников чтений. М., 2009.

2. *Доброчеев О.В.* Глобальные волны технологических нововведений // Космонавтика XXI века. М., 2010.

3. *Самохин Ю.М.* Экономическая история России: Учеб. пособ. М., 2001.

4. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М., 1998.

В.В. ИЛЬИН

От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира»

В современной социально-философской, культурологической, политологической мысли понятие «Я» можно разделить на три основных плана: *эпистемологический* («Я» как центр познания), *психологический* («Я» как самость) и *социальный* («Я» как саморепрезентация). В эпистемологическом плане наше познание обусловлено нашим «Я», и здесь нет затруднений в смысле идентификации. Но в психологическом и социальном планах проблема идентификации и идентичности является одной из важнейших. Особенно в условиях современного общества, представляющего собой *иную*, порой неожиданную и нежеланную среду экономического и социокультурного обитания. Здесь можно говорить о множественном «Я», состоящем из различных личностных образов. Следовательно, идентификация понимается как процесс определения индивидом самого себя, процесс построения идентичности, поскольку в ходе идентификации человек приписывает себе те или иные «Я»-образы.

Индивидуальная идентичность — отношение человека к самому себе, становление которого происходит прежде всего в процессе социального, культурного и духовного взаимодействия. Причем духовный фактор во многих случаях является определяющим. Однако как в таком случае можно говорить об идентичности человека, если одной из главных характеристик современности является кризис традиционной духовности? Но действительно ли этот кризис имеет такие угрожающие параметры? И в чем заключается сущность того, что сегодня называют «духовным», или «антропологическим», кризисом?

О нем говорят давно. *Впервые* эту проблему — потери духовности — поставил Эразм Роттердамский в своей знаменитой «Похвале глупости». Это было начало «экономической цивилизации», обусловившей «денежный строй», отсюда *кризис теолого-схоластического разума*, отчужденность от новой жизни религиозной духовности, человека, отступившего перед натиском всех тех «греховных» недостатков, не отвечавших существующим христианским канонам.

Второй этап стал переходом от просветительских моделей торжества разума к концепции «*экономического человека*». Это означало измерение человека через контекст теории стоимости. «Экономический человек» — это результат, итог экономических революций XVII — XVIII вв. в Европе.

Третий этап — переход от человека гуманно-культурного к «*постчеловеку*», что означает конец (смерть) «традиционной», ренессансно-просветительской модели человека. И это, действительно, смерть, но смерть *конкретно-исторического типа человека*, скорее всего, его высшей формы, за сохранение которой и дальше всеми силами борются воспитанные на идеалах Просвещения педагоги, философы, культурологи, политики и т. д. Но постмодерновая реальность не дает основания надеяться на улучшение этой ситуации, т. е. оставаться в измерениях системы обычных ценностей.

Ведь эпоха Постмодерна обусловливает становление *постчеловека, постреальности* и *постдуховности*. Выражением последней есть *философия постмодернизма* — без традиционного *субъекта*, который не нужен, поскольку отпала потребность в объективной действительности (*объекте*), без истины, без реальности, без сущности. Это — отражение, образ нового мира «без устоев и связей, без весомой объективности, быстрого и ускользающего, искаженного и играющего. Мир без любой концептуальной опоры и стойкой матрицы, которая объединяет все... Нет, не хаос утвердился, хотя и он имел место, не совсем уже и стихия, хотя и она была, не такая уж и анархия, хотя и ее хватало» [1, 10]. Следовательно, это *постмодерновая реальность*, и ей отвечает «экономический человек», но уже как человек «денежный», с присущим ему «монетарным сознанием».

Для него актуальна другая система ценностей. Постмодернистская философия поставила под вопрос весь идейный и мировоззренческий багаж, накопленный Европой, ослабив привлекательность бывшего интеллектуального пространства. Теперь *разумное и мыслящее — вещи не тождественные*. Разум не означает мыслящее. Тот, кто хочет мыслить по-современному (в контексте информационного, технологического, экономического и «оденеженного» бытия), должен перестать «играть» в классику, размышляя только о сущности, законах, субстанции, категориях, принципах. *Не основы*, а *пределы возможного интересуют нас сегодня*. В пространстве *границы — предельности* — мышление имеет не понятийный, а парадоксальный характер. Здесь невозможно сохранить ясный взгляд субъекта. Здесь нет ни истины, ни обма-

на. Приблизившись к границе возможного, невозможно идти по «логике бинарных отношений» («добро — зло», «положительное — отрицательное») [2, 158], — говорит Ф.И. Гиренок.

Действительно, теперь благосостояние, карьера, капиталы, собственность не приобретаются и не достигаются *по правилам*. Постмодерн создает все условия для непредсказуемости, неожиданности, он ломает все рациональные схемы и конструкции. Побеждает тот, кто «играет» «не по правилам», и это предопределяет не только победу, но и авторитет во всем мире. Причем миру безразлично, кто победил — «левые» или «правые», «добрые» или «плохие». Постмодернизм, таким образом, — это не мода, а позиция, возможно, безрассудная, открывающая новые горизонты мысли. Новая, виртуальная, реальность, возникшая в результате постмодернистских новаций, это замена *логики объективности субъективизмом*. Поэтому измерение человека в виртуальной реальности нуждается в *динамике* субъективных изменений, а не в благоустроенной объективной *статике.*

Постмодернизм вызвал скептическое ощущение завершенности и исчерпанности всех культурных форм: остается лишь играть ими, по-новому объединять, повторять то, что было сказано другими. В этой ситуации все, кроме денег, потеряло значение и реальность. Главной стала приставка «*пост*»: постмодернизм, постгуманизм, постиндустриализм, постинституционализм, постструктурализм, в конце концов, постчеловек. «Конец времен» действительно помещает себя в конце: после авангарда, реализма, индустриализма, коммунизма, после идеологии, тоталитаризма и интеллектуальных дискурсов... «Смерть Бога, провозглашенная *Ф. Ницше* в конце XIX в., откликнулась в конце XX в. целой серией смертей: смерть человека, смерть автора, смерть реальности, смерть истины» [3, 198]. А вместе с ними — *смерть смысла*.

Но не значит ли это только *смерть старого*? Ведь чем больше «пост», тем больше признаков *нового* во всех сферах жизни. Теперь появилось достаточное количество примет *Нового Начала*, из-за чего необходимо определить основы не только «финансового», но и «начального» ощущения эпохи — то, что можно назвать «началом века» («началом времен»).

Что представляет собой философия *Начала*? Сто лет назад, на рубеже XIX — XX вв., переплелись умонастроения конца и начала: *декаданс* и *авангард*. Причем авангард не только художественный и философский (символизм, футуризм, прагматизм, интуитивизм), но и политический (социализм, большевизм, анархизм, сионизм, фашизм), научный (открытие рентгеновских лучей, радиоактивности, кванта, электрона, специальной теории относительности, кризис «материи» в физике, зарождение психоанализа, в экономике — маржинализм, неоклассика, институционализм), технологический (автомобили, авиация, телефон) и религиозный (пятидесятничество, антропософия, богостроительство и пр.). Декаданс сменяется авангардом — «решительным разрывом с прошлым и страстным стремлением к будущему» (М. Эпштейн) [3, 198 — 199].

Очевидно, что и конец XX в. имел не только свой «декаданс» («*пост*»), но и свой «авангард», который можно назвать «*прото*» (от греч. *Protos* — первый, начальный, ранний). Уже в середине 1990-х гг., в разгар разговоров о постструктурализме и постмодернизме, интеллектуальная инициатива начала переходить к новому поколению — первооткрывателям *виртуальных миров*.

Новорожденное поколение Интернета перестало интересоваться *деконструкцией*, доказательством отсутствия «*означаемого*», «*реального*». Это поколение направило себя к новым, фантастическим, *протовиртуальным объектам*, которые оно само могло конструировать. В финансово-экономической жизни основой этих стремлений стали развитие *электронных финансовых технологий*, их небывалые ранее возможности по операциям с денежными потоками и ресурсами. В мир, в котором, казалось бы, уже не могло быть ничего нового, вдруг «ворвались *конструктивная* новизна, пафос бушующего заселения новых территорий *психореальности, инфореальности, биореальности*» [3, 200]. Стремительное развитие компьютерной техники качественно изменило духовность и мировоззрение. Собственно, сделало их ненужными.

Все, что предыдущее поколение воспринимало под знаком «пост», в последующем своем историческом прогрессе оказывается «прото» — не завершением, а первым эскизом, началом новой нейрокосмической эры, информационной и трансформационной среды. Одним из основных содержаний новой эры является *интенсивная работа денег*, которые ради своего дальнейшего роста активно используют не только геополитику, но и науку: сращение мозга и Вселенной, техники и органики, создание мыслящих машин, работающих атомов и квантов, доведение всех онто-жизненных процессов к скорости мысли.

Оказывается, это не «конец реальности», о которой говорили все постмодернисты, а только начало новой, виртуальной, реальности. Ей отвечает эра «виртуальных денег», по-новому выстраивающая социально-экономическую жизнь, главная характеристика которой — динамизм. Ход истории не только не приостановился, но даже ускорился. В динамическом обществе история — это гераклитовская вода, постоянно протекающая. Это не конец, а начало новой эпохи «размножения» авторских и персонажных личностей, «странствующих» по виртуальным мирам во все более отдаленном отношении к своим бионосителям.

Человечество начинает выходить за пределы своего биовида, подсоединяя себя к десяткам приборов, вживляя в себя провода и протезы. Между организмом человека и созданной им культурой устанавливаются новые, значительно более тесные отношения симбиоза. Все, что человек создал вокруг себя, теперь заново интегрируется в него, становится частью его природы. Но это — не смерть человека, а «очеловечивание» приборов, орудий и машин, благодаря которым они приобретают человеческие функции движения, высчитывания и даже мышления, и человек становится *больше, чем когда-либо, человеком*. Но в измерениях *будущего бытия*, властно входящего в социокультурную и экономическую жизнь. И не просто человеком, а человеком совершенно нового вида. Благодаря развитию компьютерных и биогенетических технологий этот человек приобретает новый смысл: теперь он — целостное природно-искусственное существо, объединяющее в себе свойства универсальной машины со свойствами человеческого индивида.

С точки зрения традиционного подхода мы видим процесс компьютеризации как передачу человеческих функций машине. Но сегодня возможно и другое понимание: история цивилизации как процесс *очеловечивания машины*. Если раньше мы говорили о процессе очеловечивания природы, т. е. живого организма от амебы до обезьяны, питекантропа, мыслителя, то сейчас — о процессе *технологизации*, а за ним — переход на новый, иной уровень духовности и культуры, пронизанной «духом экономизма». Так же, как развитие

человеческих функций «очеловечивает» природу, переход к финансовой экономике «оденеживает» культуру и социум. Тем более, что мы имеем дело уже не с человеком в старом его понимании и восприятии. Тот человек не столько исчез, сколько перерос себя, переступил границы своего социокультурного вида. Он воспринимает и превращает теперь мир в тех диапазонах, которые раньше подчинялись лишь приборам. Для такого человека рациональная логика дела, логика денег, их четкий прагматический язык стали наиболее понятными.

Наверное, только мозг человека вписывается в информационный и трансформационный пейзаж будущего, где вместо биоматерии и живой ткани будут сверхпроводящие нити, сети, нейроны, транзисторы, по которым будут идти сигналы, значения, мысли, импульсы воли и желания. Предвестник этого будущего образа человека — *валютный рынок*. Он охватил весь мир подобно сети и, как любая сеть, имеет определенные объединяющие узловые звенья особого значения, которые образовывают рынок *киберпространства*, не связанный с необходимостью что-то сеять, собирать, вырабатывать, обменивать. Валютный рынок не знает никакой неуверенности — его соглашения осуществляются мгновенно. Электронные импульсы протекают по всему миру со скоростью света, и уже доллары летят из Сингапура в Сан-Пауло, поток йен направляется в Центральный банк Заира, евро летят в Россию, а южноафриканские ренди превращаются в канадские доллары [4, 301]. Все это возможно, если ориентируешься в расчетах, экономических факторах и статистических показателях. Постигнуть это способен современный человек, т. е. *постчеловек*, ориентированный на *протожизнь* и не отягощенный «духовными» предрассудками.

Сегодня часто можно услышать жалобы на то, что молодежь мало читает, а больше общается с компьютером. Но это — не трагедия, а показатель новой эпохи: жизнь в ней требует освоения огромного количества информации, чего не могут дать сегодня книга и человек. Чтение, слушание, писание, разговор, все эти действия губами, глазами, ушами, руками — неэффективные средства интеллектуального общения: «это волы, на которых к месту старта доставляют ракеты» (М. Эпштейн). Это узкие биоканалы, из-за которых по капле в час вынуждены проходить целые океаны информации — как правило, 99,99% остается вне сознания. Поэтому таким сильным становится стремление к компьютеру и интеллекту, представляющим собой прообраз всемирной и мгновенной связи знаний и мыслей.

Необходимо учитывать, что информация — накопление знания — это только начальная, упрощенная форма интеллектуального обмена. Соотношение между накопленным знанием и живым мышлением стремительно изменяется в пользу мышления, как и соотношение между *прошлым* (опредмеченным в машинах, приборах и пр.) и *живым* трудом. Прежде знание накапливалось в малоподвижных формах: рукописях, книгах, библиотеках, что делало невозможным его быстрое и масштабное преобразование. Теперь основные информационные ресурсы человечества могут обновляться мгновенно, и они доступны каждому пользователю Сети.

Информационный век прокладывает дорогу *трансформационному веку*, которым должен стать XXI в. Это эпоха перехода информации в трансформацию, поэтому мироощущение «пост», знаменующее «конец века», является сегодня устаревшей характеристикой. Человечество сегодня становится «биологической протоплазмой» техногенной цивилизации, носителем «прото-интеллекта», «дебютантом» на сцене *технотрансформационной циви-*

лизации. Ее предпосылкой является «финансовая цивилизация». В ней *деньги стали скорее всеобщим рынком, чем средством для рынка*.

Теперь рынок — это движение «большого тела самого капитала, а не движение товаров, устанавливающих ставки валют... Более значительную и быструю прибыль можно получить на финансовых рынках, чем на коммерческих, так как финансовую собственность можно передать мгновенно электронными средствами, в то время как движение потока товаров между странами может длиться недели и месяцы» [4, 304]. *Финансовый рынок предлагает более быстрые и большие прибыли, но он требует совсем другого мышления, другой реакции на изменения, происходящие в действительности, другого человека*.

Рост, развитие цивилизации превращают человека, даже наиболее значимого, в «*атом*». Собственно, это также отвечает духу времени: деньги не «любят» апофеоза, они ориентируются на покой, тишину. Поэтому от будущего не следует ждать расцвета выдающихся личностей (они и теперь нивелированы общим распадом старого бытия и субъективацией нового), подобно титанам Возрождения, Просвещения или ницшеанских *сверхлюдей*. Законодателями моды и поведения в XXI в. будут не герои и гении, и не «трудовые массы» марксизма. Будущее принадлежит интеллектуальным, мыслящим индивидам, которые смогут «встраиваться» в более могущественные, сверхличностные системы искусственного разума. Благодаря мыслящим и счетным машинам, интеллектуальное могущество которых будет возрастать в геометрической прогрессии, отдельный человек, даже талантливый, уже не сможет идти впереди и вести за собой человечество.

Сказанное дает основание считать, что новое «начало века» отличается от направлений XX столетия. Оно учитывает и воспринимает критику, которую постмодернизм направил против идеологии, утопии, тоталитаризма. Авангардное презрение к традиции, отрыв от прошлого, политический и эстетичный радикализм, вера в чистоту новой идеи или стиля, которые в скором времени завоюют весь мир, вера в избранность немногих гениев, диктующих свою волю «темным» массам, — все эти черты горделивого начала (дебюта) остаются в истоках прошлого столетия.

Умонастроение нашего времени, определяемое как «прото» — это осознание того, что человечество живет в самом начале неизвестной цивилизации; что мы притронулись к каким-то неизвестным источникам силы, энергии, знания, способным наконец нас уничтожить; что все наши достижения — это лишь слабые прообразы, несмелые начала того, что содержит информационные и биологические технологии будущего. Можно назвать это мироощущение «*протеизмом*», являющимся альтернативой «пост» (постмодернизм, постструктурализм, постиндустриализм...). Если «пост» отталкивается от *прошлого*, будучи вместе с тем им околдованным, не имея силы выйти из его магического круга, то «прото» соразмерно с будущим, грядущим, а не с прошлым.

«Протеизм» свои начала берет от *Протея* — бога морей и волн в древнегреческой мифологии, способного приобретать образы разных существ, превращаться в огонь, воду, дерево, животных. Цивилизация будущего *протеична*, поскольку она состоит из потоков *энергии и информации*, которые легко изменяют свою материальную форму в конкретных условиях прохождения через ту или другую среду. Очевидно, что в любом случае над материальным бытием будет властвовать принцип трансформации, обратимости, протеизма. Но это не дух в традиционном понимании и не «духовная респуб-

лика», о которой мечтали борцы за «духовную чистоту» бытия. Это — видоизмененная материя, благодаря преобразованиям «приобретающая разные образы, переходит от одного изменения в другое» [5, 264], как писал еще в свое время *Ф. Бэкон*. И не просто материя, а энергия и информация, способная приобретать вид формулы, гена, организма, светового луча, квантового взаимодействия. В контексте современной науки материя выступает скорее как принцип пленения, связывания энергии и информации, которые все с большей легкостью, как Протей, освобождаются от этих пут, равно как сегодня электронные деньги освободились от металлических и бумажных форм в процессе торгового обращения, одновременно избавившись от нравственно-духовного влияния и культурологических императивов. В эпоху господства иных измерений деньги потеряют свой нынешний смысл, поскольку протеичное бытие будет иметь потребность в других энергиях. Такова логика начала — протеизма — развития современной цивилизации, в которой будущее наступает сегодня.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Постмодерновые реалии России // Философия хозяйства. 2006. № 6.
2. *Гиренок Ф.И.* Философия как исследование пределов возможности мыслить иначе? // Философия хозяйства. 2006. № 5.
3. *Эпштейн М.* De'but de siecle, или От пост- до прото-. Манифест Нового века // Знамя. 2001. № 5.
4. *Везерфорд Дж.* История денег: Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М., 2001.
5. *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1978.

С.В. СИНЯКОВ

Роль сознания в экономическом действии

Экономическая среда включает в себя мыслящих и действующих людей, а также значительное количество ценностей, целей и норм поведения. Экономическое поведение людей всегда обусловлено рядом социокультурных факторов, главными из которых являются психологические, политические, социологические, религиозные, мировоззренческие и др. идеологические представления. Современная экономическая теория, когда она описывает экономические процессы, кризисы, явления, конфликты, не может не учитывать эту проблематику, получившую известное обсуждение в социологии, политологии, исторической науке, социальной философии [1 — 5].

В современных экономических системах идеологические ценности очень разнообразны. Некоторые из мировоззренческих ценностей восприняты и разделяются целыми социальными группами; другие, напротив, узким кругом индивидов. Разнообразие и относительная автономия мировоззренческих идей — достаточно давние факты в экономической истории общества. Каждая система экономических ценностей может быть соединена с разными идеологическими представлениями. Эти различия могут существовать одновременно в едином экономическом пространстве или возникнуть в определенной исторической последовательности. Они конкурируют друг с другом, стремясь

подчинить себе определенную экономическую группу. Так возникают конфликты экономических ценностей: капитализма и коллективизма, рыночных и антирыночных ценностей и т. д. Между ними возможны конкуренция, противостояние и конфликты: моральные, этические религиозные идеи могут входить в противоречие с экономическими принципами.

Можно попытаться объяснить экономическую активность людей воздействием идеологических факторов, ценностей. Однако сами эти ценности не могут рассматриваться в изолированном виде. Они сами порождаются и обусловливаются социокультурной средой, хотя в свою очередь помогают понять, переосмыслить и преобразовать ее.

Экономическая наука, как и другие общественные науки, не может существовать в философском вакууме, полностью игнорируя все философские проблемы, в том числе и проблему идеального. Несмотря на то, что последняя сформировалась в философии еще во времена Платона и Аристотеля, активно обсуждалась в немецкой классической философии XVIII — XIX вв., в последнее время она заявила о своем существовании в экономической науке.

Идеи, «идеальное», образы — характерные черты и главный признак сознания, обусловленный социальной природой общественных феноменов. Идеи не являются только лишь пассивным отражением социальной среды, в них заложен преобразующий характер; по своему существу они активны и конструктивны. Идеальную компоненту в экономическом процессе можно определить как исторически сложившуюся систему фиксированных экономических отношений, развивающихся форм экономического взаимодействия. Подчеркивая проективную сущность идей в экономическом сознании, следует выяснить, каким образом такая их черта, как целеполагание, способствует решению экономических задач. Важным экономическим аспектом проблемы идеального является исследование взаимодействия идеального и материального в экономических процессах. Причем эта задача не только является теоретической проблемой, но и имеет вполне практическое значение, предметную область применения.

В работах, посвященных обоснованию теории и методологии экономического познания, прослеживается мысль, согласно которой изучение экономических явлений сегодня возможно лишь в широком социокультурном контексте [6 — 9]. Однако осуществить это невозможно, оставаясь на позициях традиционных представлений о природе экономических феноменов. Выходом из сложившейся ситуации могут быть построение новой экономической онтологии, гносеологии и логики, конструирование новой системы интерпретаций и оценок, учитывающих теорию культурной детерминации экономического поведения субъектов. Сказанное приводит к необходимости расширения представлений об объектах экономической науки за счет включения их в более глубокую область культуры, образа и стиля мышления, особенностей мировосприятия, привычек, традиций, уверенности в правдивости, лживости или несправедливости экономических действий. Отсюда возникает необходимость использования междисциплинарного подхода, сотрудничества экономистов, юристов, культурологов, философов, социальных психологов и др. ученых. Следует отметить, что такой опыт уже имеется в нашей научной литературе. Например, предпринимается попытка ввести идеальную духовную компоненту в структуру экономического объекта и в понятийный аппарат экономической науки [10, 27 — 46]. При анализе региональной экономики регион рассматривается как духовная единица, в которую закладываются социокультурные отношения [11].

Систематическое исследование региона становится невозможным на основе традиционных представлений о нем как о только экономической, территориально-административной структуре. При использовании понятий «духовное» или «метафизическое» пространство как интегральных категорий удается охватить такие виды человеческой деятельности, которые способны не только преобразовывать, но и создавать новые условия существования, реализуясь в политике, культуре, экономике.

В экономическое «идеальное», на наш взгляд, можно включить: стереотипы поведения, потребления, образа жизни, ценностно-мотивационное отношение к труду, понимание сути богатства, накопления, форм стоимости и т. д. В данном аспекте содержание идеального совпадает с содержанием культуры, поскольку доминирующий компонент в культуре — «идеальное». Культура наполняет экономическим содержанием хозяйство, она пронизывает социальную среду, в которой реализуется хозяйственная деятельность. Вне процесса культурного творчества невозможно представить великие достижения человечества во всех проявлениях человеческого духа, в том числе и в экономической сфере.

Культура включается в результаты и продукты хозяйственного развития; она закрепляет нормы и правила взаимодействия людей в хозяйственной жизни, опосредует принципы организации труда людей, формы производства и воспроизводства общества. В понимании культуры мы идем вслед за В.С. Степиным, который рассматривает культуру в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимую информацию регулирующую деятельность, поведение и общение людей. Эта информация, выступающая как совокупный, исторически развивающийся социальный опыт, частично может осознаваться людьми, но весьма часто она функционирует как социальное «подсознательное». Ее передача от поколения к поколению возможна только благодаря закреплению в знаковой форме в качестве содержания различных семиотических систем [12, 345]. Что касается экономической сферы жизни общества, то в роли таких систем обычно выступают любые факторы хозяйственной деятельности, приобретающие функции знаков, которые фиксируются в программах хозяйственной деятельности, экономического поведения и взаимодействия. Такими факторами являются системы норм, принципов, символов, обеспечивающие хозяйственный процесс. В качестве особых знаков нередко функционируют хозяйственные объекты, созданные людьми, в которых содержится накопленный социальный и экономический опыт.

В экономической концепции Ю.М. Осипова человеческое сознание справедливо рассматривается как источник хозяйства, а не наоборот. Хозяйство, хозяйственная деятельность, есть реализация сознания. На такой основе делается вывод о субъективной природе хозяйства и его идеологической обусловленности, «Сознание создает идеологию, а идеология правит вовсю сознанием» [13, 16]. Идеология закономерно предшествует хозяйственной деятельности, придает ей смысл, цели и направление. Основными причинами благосостояния сегодня являются идеи: экономика знаний, экономическая инициатива, инновации, высокий уровень образования, квалификации и т. д.

Экономика сегодня, безусловно, является управляемой экономикой. Процесс глобализации приводит к возрастанию роли финансовых центров в управлении мировым хозяйством. Финансово-экономические методы управления хозяйством дополняются внеэкономическими, так сказать, волевыми инструментами вмешательства. Современная эпоха принципиально отличает-

ся от политических и экономических отношений прошлого общественного устройства. Сформировались новые институты экономики и общества, изменились принципы и нормы жизни людей. «К XXI веку история подошла уже с ощущением своего собственного конца, т.е. некоторой объективностью, заданностью, вязкостью. История вырвалась из истории: теперь стало возможным творить все без всякой оглядки на объективность, природность, сакральность, даже на прошлое, которое потеряло свое ограничительное и воспитательное значение» [14, 3]. Нынешний финансовый и экономический кризис не оставляет уже места мифам об эффективности чисто финансовых и экономических способов управления хозяйством, иллюзиям о самодостаточности и эффективности рыночной экономики в целом.

Такая неутешительная ситуация в мировой экономике не могла не получить отражения в экономической науке: все чаще можно увидеть скептическое отношение как к экономической теории, так и к экономической политике [15; 16]. Появилось убеждение в том, что современная экономическая мысль испытывает затруднения в объяснении событий, происходящих в реальном мире, а также в осуществлении анализа, пригодного для экономической политики. Происходит частичный отказ от концепции экономических субъектов как рациональных деятелей, что сказывается на методологии экономического исследования. Некоторые ученые считают причиной неудач господство дедуктивизма в экономической теории и концепции науки вообще [17].

Анализируя проблему идеального в экономической науке, нельзя не остановиться на вопросе иррациональности экономических субъектов.

Как известно, согласно концепции психоанализа, рациональное составляет достаточно небольшой пласт в психике человека. Остальное пространство занято иррациональным. Если этот вывод перенести на сознание субъектов хозяйственной деятельности и экономических отношений, то здесь формируется немалое количество малоисследованных проблем. Кризисные явления выявили множество аспектов реализации иррациональных действий в экономической сфере жизни общества.

Иррациональное поведение противоположно рациональному, «целерациональному» (М. Вебер). Если для первого характерна увязка целей с осознанием интересов, конструированием плана действий на основе расчета баланса возможных достижений и издержек, то иррациональное поведение этого лишено. В его основе лежат психологические механизмы, косвенно связанные с трезвым расчетом. Совершая такое действие, человек не контролирует себя рациональным разумом, и лишь потом, когда он успокоится и восстановит способность к трезвому анализу, поймет всю свою неадекватность и свои ошибки. В экономической сфере жизни общества остается гораздо меньше пространства для иррациональных действий, чем в других областях. Однако и тут, особенно в период экономического и финансового кризиса, создаются механизмы иррационального поведения. Например, потребительское поведение людей на основе механизма подражания воспроизводится без каких-либо размышлений. Индивиды не задумываются, что надо делать в стандартных ситуациях: они ведут себя так, как это делают окружающие. Во время финансового кризиса механизм подражания уже не реализуется в покупке ненужных вещей, следовании моде и т. д., а осуществляется в операциях с вкладами, денежными депозитами и различными ценными бумагами. Во время повышения курса твердой валюты (доллара, евро, фунта стерлинга и др.) финансовые субъекты начинают их интенсивно скупать, в периоды сни-

жения курса такой валюты — быстро обменивать ее на национальные денежные знаки. С точки зрения рационального расчета, трезвого экономического анализа все надо делать как раз наоборот. Такие ситуации нередко объясняются словом «паника».

Термин «паника» происходит от имени греческого бога Пана, покровителя пастухов, пастбищ и стад. Его гневу приписывалась «паника» — безумие стада, бросавшегося в пропасть, в воду из-за незначительной причины. Возникновению паники способствует ряд факторов. Ими могут быть усталость, депрессия, голод, опьянение, долгая бессонница или предшествующие психические потрясения, но не только. К панике приводят такие психологические феномены, как крайнее удивление, большая неуверенность, сознание собственного бессилия перед неотвратимой опасностью, утрата доверия к лидерам, банковской системе, государственным институтам. Паника начинается с появления шокирующего стимула: резкого понижения курса национальной валюты, гиперинфляции или политических потрясений, активно влияющих на экономику. Она вызывает потрясение и восприятие экономической ситуации как кризисной. Состояние замешательства может усиливать попытка интерпретировать и оценивать события в рамках личного опыта путем припоминания аналогичных ситуаций, например, финансового кризиса 1998 г. или хаоса на Украине в 2004 г. Острая необходимость быстрого объяснения стимула и немедленного действия мешает логическому осмыслению кризисной ситуации и вызывает страх. В этом случае может произойти резкое увеличение «критической массы»: страх одних экономических субъектов отражается другими, что в свою очередь усиливает страх первых. Страх ведет к уменьшению уверенности и способности коллективно противостоять кризисной ситуации, создает ощущение обреченности. Неверие в возможность государственного организованного спасения вызывает желание спастись индивидуально. Паника в кризисной ситуации — это индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение экономических субъектов, направленное на спасение финансов и активов любой ценой: найти в банке своих людей, поделиться с финансовыми чиновниками, отдав половину сбережений ради спасения другой половины. В процессе паники субъекты часто действуют однотипно, например, обманутые инвесторы бросаются в двери одного офиса, ищут нужных людей, способных им помочь, и т. д. Все это является результатом циркулярной реакции внушения, заражения, подражания. Если один человек побежал, то все побежали за ним, надеясь, что впереди бегущий знает выход. Поэтому паника, как правило, — групповое поведение. Несмотря на то, что оно имеет целью индивидуальное спасение, результатом является то, что спасающиеся таким образом индивиды нейтрализуют усилия каждого, буквально топят друг друга. Так, банковская паника ведет к тому, что слегка пошатнувшийся банк тонет как торпедированный корабль.

Важную роль в распространении форм иррационального экономического поведения играет механизм заражения. Люди заражаются вирусами и бактериями какой-либо болезни, но точно также они могут при определенных условиях заразиться чужим настроением, копируя соответствующие формы поведения. Нередко в экономических группах встречается механизм взаимного заражения. В этом случае все участники группы заражают друг друга определенными чувствами, переживаниями, эмоциями, настроениями. Даже в условиях рыночной экономики время от времени реализуется иррациональный потребительский спрос — население вдруг, под воздействием сплетен и слухов бросается скупать соль, сахар, спички, гречку и т. д. Внушение есть

метод, способствующий некритическому восприятию внешней информации и в дальнейшем осуществлению иррациональных экономических действий. Субъектами внушения могут быть те лица, которые обладают необходимым для данного индивида или группы авторитетом, причем, чем выше авторитет, тем неопровержимее кажутся доказательства внушающего.

В условиях огромной концентрации населения в больших городах резко интенсифицируется неформальная информация, которая часто касается важных аспектов потребительского рынка. Демократизация средств массовой информации превращает их в разносчиков слухов со ссылкой на информированные круги. Развитие телевидения, рекламы, Интернета создало мощные средства манипуляции поведением миллионов людей. Они могут одновременно получить информацию, толкающую их на однотипные иррациональные действия.

Профессор из Кельна Оккенфельд, автор концепции «игровые теории», экспериментально продемонстрировал то, что во время аукционов в Кельне участники, сидящие в первых рядах, завышают стоимость выставленных товаров примерно на 5—6 евро, а сидящие в задних рядах наоборот занижают стоимость этих же товаров на 2 евро. Рационально эту ситуацию объяснить очень сложно. Профессор Оккенфельд полагает, что классическая экономическая наука игнорирует экспериментальную составляющую. Он ее называет стратегической психологической стороной экономики. Классическая экономическая наука исходила из того, что экономический человек является эгоистом и рационалистом. С точки зрения Оккенфельда, люди перед решением важных экономических задач переживают иррациональные состояния, которые влияют на их последующие действия.

Об ограниченной рациональности в экономической науке говорит и профессор Института Санта-Фе (США) Б. Артур. Он критически анализирует метод рациональной дедукции в экономической науке и предполагает, что данный тип рациональности, будучи чрезвычайно полезным для решения теоретических задач, предъявляет слишком большие требования к человеческому поведению. «Мы сталкиваемся с вопросом о рациональности экономического субъекта» [18, 8], — подчеркивает он. Б. Артур ставит под сомнение таковую и связывает это с ограниченной возможностью экономических агентов по переработке информации и трудностью идентифицировать ситуации при подборе шаблона вида действия способом, соответствующим шаблону [8, 12]. В связи с таким предположением он предлагает исследовать ситуацию, связанную с посещением ночного клуба, подчеркивая недостатки способа создания модели ожидания потенциальных посетителей. «Пусть n людей, — пишет он, — еженедельно решают независимо друг от друга, идти ли им в определенную ночь в бар, предлагающий развлекательные программы, мероприятия, или нет. Для упрощения предположим, что n = 100. Помещение бара ограничено, и вечер будет приятным, если в этом баре не будет столпотворения, конкретнее, — если там будет находиться меньше 60% из возможных 100%. Нет способа заранее определить, сколько людей наверняка придет. Поэтому лицо, или агент, идет в бар — считает, что стоит пойти, — если ожидает появления в баре меньше 60 человек, или останется дома, если ожидает появления в баре больше 60 человек. На выбор не влияют предыдущие визиты, нет сговора или предшествующего общения агентов между собой, и единственная доступная информация — количество людей, которые пришли на прошлых неделях. В данном случае невозможно создать четкую модель, которую все агенты могли бы использовать для прогнозирования

посещаемости и для обоснования своих решений и, таким образом, дедуктивная модель или решение невозможны. Не зная, какую модель ожидания выбрали другие агенты, данный агент не может сделать свой выбор четко определенным образом. Дедуктивно-рациональное решение не существует, так как нет правильной модели ожиданий. Дело в том, что если все предполагают, что несколько человек пойдут в бар, то все туда пойдут; аналогично, если все полагают, что в бар пойдет большинство народа, то никто не пойдет» [18, 12 — 14]. Выход, по его мнению, состоит в создании «динамических, или индуктивных, моделей на основе экспериментальной экономической науки» [18, 14].

На близких к Б. Артуру методологических позициях стоит другой известный исследователь — Т. Лоусон. Он также весьма скептически оценивает экономическую дедукцию в решении ряда вопросов экономического исследования. Им предлагается иная модель экономических знаний и методологии познания, учитывающая невозможность создания представлений о постоянных связях между событиями. И когда позитивные результаты будут отвергнуты, подчеркивает он, «их место займет трансцендентально-реалистическая парадигма экономической теории», которую «с легкостью можно будет трансформировать в направление более адекватного анализа, пригодного для экономической политики» [17, 98]. Так, изменение представлений о природе экономических объектов, структуре субъекта хозяйственной деятельности с необходимостью ведет к созданию новой экономической эпистемологии.

В основе неоклассической экономической теории лежали три основные идеи: идея равновесия, идея возможности строгой математической интерпретации экономических явлений и идея «чистой» экономической науки. Последняя предполагала исключение из ее предметного поля «всяких ненаучных теорий» мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами [19, 228]. Однако представление об экономической реальности изменяется, и это требует новых форм теоретического описания явлений и процессов. Эти перемены можно считать существенным шагом вперед в деле описания хозяйственной жизни по сравнению с прежними неоклассическими теориями. Объектом неоинституциональных теорий перестал быть рациональный экономический человек, ориентированный на получение максимальной прибыли и минимизации расходов. На его место приходит человек не всегда рациональный и нередко иррациональный. Этот человек является продуктом конкретной социокультурной среды, имеет массу особенностей, принадлежит к определенной этнической, национальной или референтивной группе, придерживается какой-то системы ценностей, идеалов и норм, моральных и стилевых принципов. Такой человек многое меняет в традиционных финансовых и экономических отношениях, влияет на функционирования институтов хозяйства и общества. Последствиями его решений и действий могут быть финансовые игры или отсутствия таковых, финансовые спекуляции и биржевые крахи международных игроков, их неверные представления о стабильности и нестабильности денежной системы.

Наиболее адекватной изменившемуся объекту системой экономических знаний, на наш взгляд, сегодня является *философия хозяйства*. Если экономическую теорию, учитывая ее дедуктивную направленность, можно расценивать как идеологическую форму, конструирующую определенную

экономическую картину мира, то философскую теорию хозяйства можно считать более фундаментальным видом знания. Если экономическая теория имеет нормативный характер, она не выполняет сегодня часть своих задач и функций, необходимых людям. Одна из причин этого состоит в том, что хозяйство «обладает самостоятельным онтологическим и широким социальным смыслом, тогда как экономику надо понимать лишь как одну из исторических форм хозяйствования» [19, 110]. Кроме того, философия хозяйства конструируется с максимальным учетом идеальной компоненты в структуре экономической реальности, преодолевает узкий экономизм, расширяет горизонты представлений о хозяйственной деятельности. В экономике существует не только закономерность и упорядоченность, но и случайность и хаос. Люди нередко, например, в экстремальных ситуациях игнорируют институциональные требования и действуют свободно и целенаправленно, часто используют образ мышления и опыт поведения других людей в подобных ситуациях. Экономика, когда ею занимаются свободные, активные люди, и государство не препятствует их деловой активности, способна вести себя как самоорганизующаяся система. Теория хозяйства, наряду с современной институциональной теорией, является наиболее перспективной познавательной конструкцией для изучения экономического сознания и поведения хозяйственных субъектов. «Философия хозяйства — это и не философия и не экономика, не их смесь и не промежуточное связывающее звено, — пишет Ю.М. Осипов. — Мало того, это и не философия в экономике — тут все иначе: философия хозяйства — вытянутое из самой реальности, в которой также и человек, и его сознание, и его мысли, а не одни лишь окружающие человека вещи, метанаучное знание — размышление, не отделимое ни от мира, ни от всей доступной человеку идеальности» [20]. Важной особенностью теории хозяйства является то, что она, будучи философской рефлексией по своему характеру, абстрактной по своей природе, лишена всякой спекулятивности, схематичности, догматизма, избыточной дедуктивной рациональности; по сути дела она учитывает все особенности своего объекта — хозяйства. «Философия хозяйства есть не столько философия на предмет, сколько философия из предмета, ибо хозяйство — это действующее, производящее, говорящее о себе...» [21]. Небывалая виртуализация общества и финансов, тотальная информатизация общества во всех его сферах жизнедеятельности потребовали осмысления этих явлений в совершенно новой научной форме, которая бы преодолела бы, с одной стороны, спекулятивность философии, с другой стороны, познавательную ограниченность только экономического исследования хозяйственных процессов. Новая теоретическая концепция по своей природе является не только рефлексией по поводу хозяйства, его смысла, задач и структуры, она также критически анализирует существующее экономическое знание, что позволяет переосмыслить принципы, понятийный аппарат экономической науки и обществознания в целом. Плюрализм в экономических исследованиях и методологии науки гораздо выгоднее, плодотворнее и совершеннее монизма. Это шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше. Он повышает уровень научной культуры и эффективность теоретических исследований. Экономика — это способ взгляда на те явления, которые, возможно, изучаются другими общественными и естественными науками, поэтому альтернативный подход к анализу различных социальных и хозяйственных феноменов пред-

ставляется востребованным и эффективным. Экономическая теория способна проникать в сущность и обращаться к более глубинным структурам для обоснования собственно экономических процессов. «Важно иметь в виду, — пишет Ю.М.Осипов,- что философия хозяйства возникает и развивается в особые исторические сроки. Когда тихоголосая философия уже пережила свой апогей, надежно превратившись в кладезь собственной мудрости — в историю самой себя, а громкоголосая наука находится в состоянии триумфальной эйфории, за которой уже маячит и неожиданное отрезвление...» [20, 6]. Концепция философии хозяйства является эффективным инструментом в борьбе с догматизацией и мифологизацией экономических знаний уже потому, что она — не скованная узкими рамками какой-то одной науки — по преимуществу опирается на реальную хозяйственную деятельность как объект познания.

Постановка проблемы роли сознания в осуществлении экономических процессов будет неполной характеристикой взаимодействия субъекта и объекта в хозяйственной деятельности. Анализ соотношения субъекта и объекта в экономических процессах раскрывает активность сознания хозяйственных субъектов в формировании экономики. И это понятно, так как экономическая реальность, ее законы и структура в обществе существуют через деятельность людей и отношений групп людей. Поэтому экономика как объект не может быть исследована, если она перед исследователем не предстанет в качестве субъекта со всеми идеальными характеристиками. Одна из них — опосредованность объективного субъективным в самой реальной хозяйственной деятельности. Я имею в виду то обстоятельство, что экономический процесс совершается при активности сознания экономических субъектов. Следующим шагом может быть познание механизмов перехода объективного в субъективное и наоборот — объективного в субъективное. Такой анализ возможен только при выявлении тенденций экономического развития хозяйственной деятельности людей, в ходе которой осуществляется реализация самих целей. В познании экономических явлений цель не просто выражает программу экономической деятельности, но и тесно связана с самой хозяйственной реальностью. Следовательно, в экономическом исследовании целеполагание не только задает программу познания, но и прямо представляет собой матрицу экономического объекта в его развитии от этапа выдвижения цели до ее реализаций. Здесь выявляется степень соответствия цели и результата, удостоверяется степень адекватности субъектов тенденциям развития, конечным результатам экономической деятельности. Целеполагающий характер экономического развития означает проявление активности сознания субъекта еще в одном аспекте: знание, позволяющее сформировать адекватную будущему результату экономической деятельности цель, зависит от сложности изучаемых процессов.

Например, сегодня сформировалась новая глобализированная экономика, во многом отличная от прежней, — финансовая система, которая принесла иные принципы хозяйствования. Все это потребовало нового научного осмысления. Новые формы знаний пока не имеют строго очерченного предмета, конкретной методологии исследования и не всегда опираются на прежние научные традиции. Но свершилось главное — размежевание со старой системой знаний, что с необходимостью вызывает генерацию новых идей в науке, ведет к острым дискуссиям среди ученых — представителей разных

областей знаний. Зафиксировать происходящие перемены — первый шаг в развитии нового экономического знания. «Осознать мысль — значит признать, что мысль состоялась во времени как эмпирический факт» [22, 221]. Процесс философской рефлексии уже развернулся в экономических науках: идет переосмысление алгоритма трансформации как финансовой и экономической систем, так и самого экономического знания в XXI в.

Литература

1. *Коллингвуд Р.Дж*. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
2. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
3. *Блок М*. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
4. *Хабермас Ю*. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
5. *Парсонс Т*. О социальных системах. М., 2002.
6. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Под ред. Ю.Н. Пахомова. К., 2002.
7. Философия экономики / Под ред. С.В. Синякова. К., 2002.
8. Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. М., 2005.
9. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М., 2006.
10. *Быстряков И.К*. Метафизика экономики: реальность и виртуальность // Философия экономики. К., 2002.
11. *Зинков Е.Г*. Философия поля: философские и социально-экономические аспекты взаимосвязи земельных и политических отношений в России. Краснодар, 2002.
12. Новейший философский словарь. Минск, 1999.
13. *Осипов Ю.М*. Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже // Философия хозяйства. 2009. № 4.
14. *Осипов Ю.М*. Экономический Постмодерн (тезисы) // Философия хозяйства. 2003. № 3.
15. *Дунаев С.А*. Мировая экономика и кризис парадигмы // Философия хозяйства. 2009. № 5.
16. *Мамедов О*. Экономическая теория: нестранное знакомство с методологией. Ростов н/Д., 2006.
17. *Лоусон Т*. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. 2006. № 2.
18. *Артур Б.* Индуктивное мышление и ограниченная рациональность // Terra Ekonomicus: Сб. статей российских и зарубежных экономистов начала XXI века. М., 2008.
19. *Андреев А.Л*. От экономической идеологии к философии хозяйства // Философия хозяйства. 2009. № 1.
20. *Осипов Ю.М*. Философия хозяйства как познание // Философия хозяйства. 2005. № 4 — 6.
21. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства: Примерная программа. М., 2003.
22. *Гиренок Ф.И*. Экзистенциональная антропология // Философия хозяйства. 2003. № 2.

Д.Ю. МИРОПОЛЬСКИЙ

Эффекты мобилизации и стимуляции в неустойчивых хозяйственных системах

Под хозяйственной системой в ее наиболее простой и абстрактной форме мы понимаем продукт. Конечно, продукт не в обычной трактовке (как результат производства), а продукт как процесс производства и потребления [1, 12—15].

Представим производимый продукт в виде следующего графика (рис. 1).

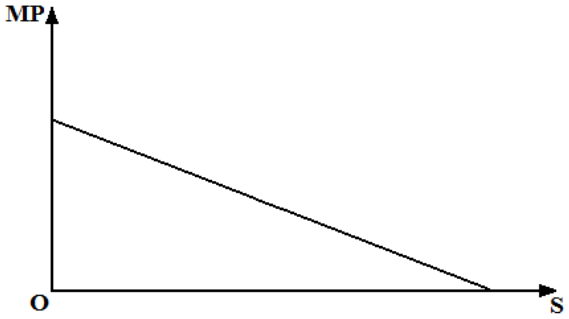

Рис. 1. Производимый продукт

На рисунке 1 по оси *X* располагаются абстрактные хозяйственные субъекты (*S*). На оси *У* обозначаются предельные продукты производства этих субъектов (*MP*). Видно, что первый субъект имеет самый большой продукт производства, последний — самый маленький. Причины этой неравномерности будут разъяснены ниже.

Потребляемый продукт изобразим с помощью рис. 2.

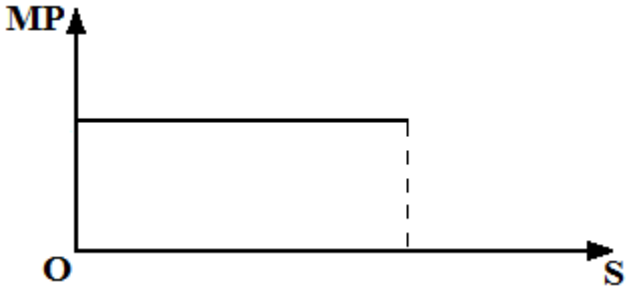

Рис. 2. Потребляемый продукт

На рисунке 2 на оси *X* расположены те же самые хозяйственные субъекты, что и на рис. 1. На оси *У* обозначены предельные продукты их потреб-

ления (*MP*’). Видно, что предельные продукты потребления у всех субъектов системы одинаковые.

Так как хозяйственная система есть продукт как единый процесс производства и потребления, совместим графики на рис. 1, 2 (рис. 3).

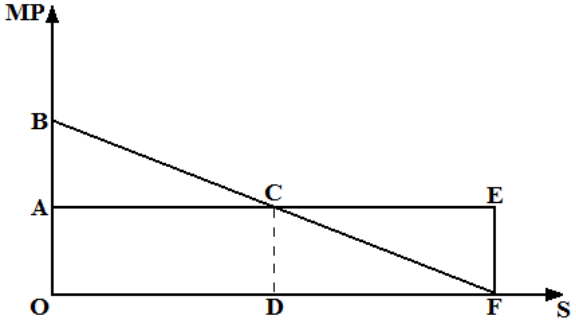

Рис. 3. Продукт как процесс производства и потребления

На рисунке 3 треугольник *OBF* — производимый продукт (результат), прямоугольник *OAEF* — потребляемый продукт (затраты). Так как сумма затрат у всех субъектов рассматриваемой экономики одинаковая, то соотношение затрат и результатов показывает результаты на некую условную единицу затрат. Ведь не важно считать результаты на рубль затрат или на миллион рублей. Важно, чтобы рубли и миллионы были у всех одинаковыми. Посмотрев с этой точки зрения еще раз на рис. 3, можно увидеть, что абстрактная хозяйственная система распалась на два сектора: сектор *OBCD* и сектор *DCEF*. В секторе *OBCD* результаты деятельности субъектов экономики по стоимости превышают затраты, а в секторе *DCEF* — наоборот. Такое различие возникает вследствие того, что при одинаковых затратах, у всех субъектов системы разные результаты. Они снижаются по мере движения от точки *O* к точке *F*.

Снижение результатов при одинаковости затрат возникает в силу того, что субъекты на оси *X* расположены в определенном порядке. В начале системы координат расположены хозяйства, производящие сугубо базовые продукты; около точки *F* — хозяйства, производящие сугубо пионерные продукты; посередине — субъекты, производящие продукты, которые по-разному сочетают в себе моменты базовости и пионерности.

Под базовыми продуктами мы понимаем продукты необходимого жизнеобеспечения. Так как это продукты жизнеобеспечения, то, во-первых, люди отладили технологии их производства и научились производить в большем количестве, во-вторых, в процессе потребления полезность этих продуктов высокая. Эти два обстоятельства и приводят к тому, что результаты при их производстве превышают сумму затрат.

Пионерные продукты, напротив, осваиваются в хозяйственной системе впервые и в комплект необходимого жизнеобеспечения они не входят. В результате продуктивность при их производстве низкая, и полезность при потреблении также низкая. Поэтому результаты при производстве пионерных продуктов оказываются ниже условной единицы затрат. При этом надо сразу оговориться, что пионерные продукты более широкое понятие, чем инновация и вообще научно-технический прогресс. Допустим, некая захолустная

страна решила освоить продукт, который она никогда раньше не производила. Этот продукт будет для нее пионерным. В мировом же масштабе он производится давно и инновацией не является.

Вернемся к рис. 3. В секторе *OBCD* производятся базовые продукты с разной степенью включенности моментов пионерности. Мы можем называть этот сектор базовым. В секторе *DCEF* производятся пионерные продукты с разной степенью включенности моментов базовости. Этот сектор мы называем пионерным.

Видно, что пионерный сектор несамодостаточен. Для хотя бы простого воспроизводства ему необходимы дополнительные ресурсы в размере *CEF*. Эти ресурсы можно взять только в базовом секторе, где есть избыток ресурсов в размере *ABC*.

Хозяйственная система, изображенная на рис. 3, — абстрактная. Ее абстрактность состоит в том, что пока мы ничего не знаем о том, как организовано воспроизводство базовых и пионерных продуктов и каким образом недостающие продукты из базового сектора попадают в пионерный. Исторически человечество выработало два способа решения этих проблем — рыночный и плановый. Соответственно абстрактная хозяйственная система имеет две основные конкретные формы: рыночную и плановую.

Рыночная форма организации трансформирует рис. 3 следующим образом (рис. 4):

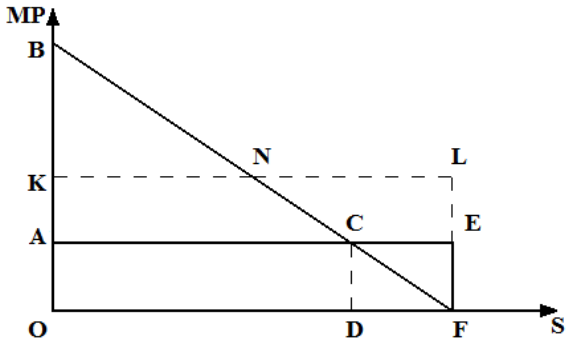

Рис. 4. Рыночная хозяйственная система

На рисунке 4 по оси *X* теперь располагаются не абстрактные хозяйствующие субъекты, а частные собственники, которые торгуют друг с другом. В процессе торговли цены на базовые и пионерные продукты отклонились от стоимости *OBF* так, что совокупная выручка от реализации равна площади прямоугольника *OKLF*. Это означает, что цены на базовые продукты оказались ниже стоимости, а цены на пионерные — выше, и все частные собственники получили нормальную прибыль на вложенный капитал (высота прямоугольника *AKLE*).

Мы не будем останавливаться на вопросе, почему цены отклонились от стоимости, но хотелось бы обратить внимание на то, что́ сделало это отклонение возможным. Отклонение цен от стоимости, которое дало всем участникам рынка нормальную прибыль на вложенный капитал, стало возможным благодаря определенной пропорции между базовым (*OBCD*) и пионерным (*DCEF*) секторами экономики. Пионерный сектор мал относительно ба-

зового, и прибавочного продукта базового сектора (*ABC*) хватило на обеспечение нормальной прибыли как субъектов самого базового сектора, так и субъектов пионерного сектора. Или, иначе, площадь треугольника *KBN* равна площади треугольника *NLF*.

Теперь посмотрим, каким образом плановая форма организации хозяйственной жизни трансформирует абстрактную систему, изображенную на рис. 3 (рис. 5).

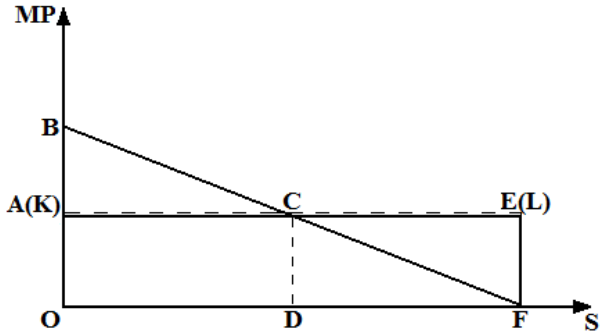

Рис. 5. Плановая хозяйственная система

Принципиально ситуация на рис. 5 отличается от рис. 4 тем, что на рис. 5 пропорция между базовым и пионерным секторами другая: пионерный сектор относительно базового большой. Это ведет к тому, что если бы субъекты *S* были бы частными собственниками, они смогли бы торговаться только при таких ценах на свою продукцию, при которых совокупная выручка (*OKLF*) была бы равна затратам[9] (*OAEF*). Ясно, что частный собственник не может длительное время торговать, если выручка равна затратам. Поэтому существование такой пропорции между базовым и пионерным секторами возможно, только если экономика не рыночная, а плановая. Тогда, субъекты *S* — это не капиталисты, а бюрократия, и процесс производства и потребления продукции осуществляется не за счет торговых сделок, а за счет совершенно иного, номенклатурно-объемного механизма [2, 281—290]. Здесь объем прибавочного продукта из базового сектора по плану перераспределяется в пользу пионерного сектора (*ABC=CEF*).

Итак, мы получили предельно упрощенные модели рыночной и плановой хозяйственных систем. Какая из этих двух систем более эффективная? Вроде бы вопрос риторический. Подавляющее большинство экономистов сегодня уверенно, что рыночная экономика всегда и абсолютно эффективнее плановой.

Любая система экономических отношений, будь то рыночная, плановая или какая-либо их смесь, выполняет две функции — стимулирующую и регулирующую. Внутри регулирующей функции важнейшей подфункцией является мобилизующая, которую мы и рассматриваем в данной статье. Реализация этих функций соответственно порождает два эффекта — эффект стимуляции и эффект мобилизации. Эти эффекты могут быть как положитель-

[9] Затраты в этой модели отождествлены с вложенным капиталом.

ными, так и отрицательными. Если они отрицательные, то можно говорить об эффектах дестимуляции и демобилизации.

Графически эффект стимуляции (дестимуляции) можно изобразить с помощью рис. 6., который состоит из двух графиков. На верхнем графике моделируется плановая экономика с массивным относительно базового пионерным сектором. Допустим, что эта плановая экономика стала рыночной. Эффект стимуляции состоит в том, что на нижнем графике линия *AE* переместилась в положение *A'E'*. Иначе говоря, субъекты *S*, став частными собственниками, начали больше заботиться о снижении затрат. Линия же *BF* сместилась в положение *B'F'*. Это означает, что новоиспеченные частные собственники увеличили стоимостные результаты своей деятельности. В итоге, мы получаем на нижнем графике более высокие результаты при более низких затратах. Хозяйства, расположенные на отрезке *DD*, стали в стоимостном отношении рентабельными, и пионерный сектор сократится до размеров *D'C'E'F'*. Естественно, сокращение пионерного сектора и увеличение прибавочного продукта до размеров *A'B'C'* увеличивают сумму выручки относительно суммы затрат и порождают тенденцию к формированию нормальной прибыли на вложенный капитал. Однако мы не стали изображать эти явления на рис. 6, чтобы не загромождать графики. Если мы хотим рассмотреть обратный эффект дестимуляции, то на рис. 6, нижний график становится первым, и от него надо переходить к верхнему.

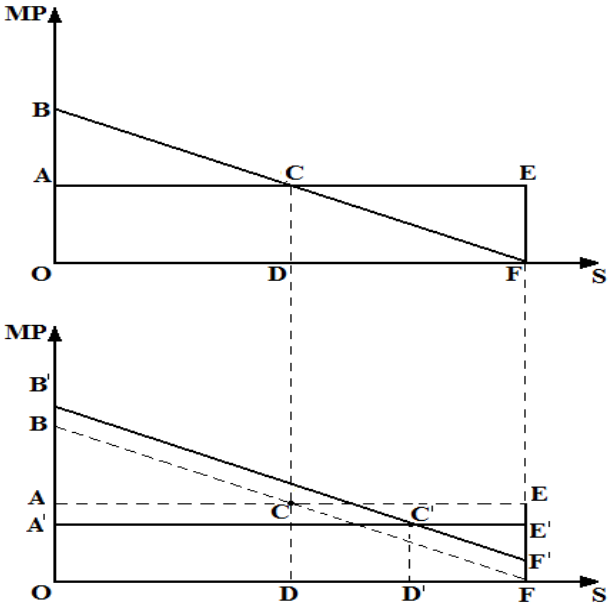

Рис. 6. Эффект стимуляции

Рассмотрим теперь эффект мобилизации. Эффект мобилизации означает, что экономическая система может перераспределять и контролировать ресурсы для реализации крупных проектов, необходимых обществу. Эффект

демобилизации, наоборот, предполагает отток ресурсов из сфер, значимых для общества. Изобразим эффект мобилизации (демобилизации) при помощи рис. 7.

На рисунке 7 верхний график — рыночная экономика с относительно маленьким пионерным сектором и нормальной прибылью на вложенный капитал. Нижний график показывает, что происходит, когда эта рыночная экономика становится плановой. Для выразительности мысли мы исходили на рис. 7 из того, что эффект дестимуляции равен нулю, т. е. линии затрат и результатов не смещаются. В итоге весь прибавочный продукт в объеме *ABC* перемещается в пионерный сектор и увеличивается до размеров *DCE'G'*. Вновь образовавшаяся часть пионерного сектора (*GEE'G'*) и есть эффект мобилизации. Соответственно, если мы будем двигаться от нижнего графика к верхнему, то увидим эффект демобилизации, свойственный рыночной экономике.

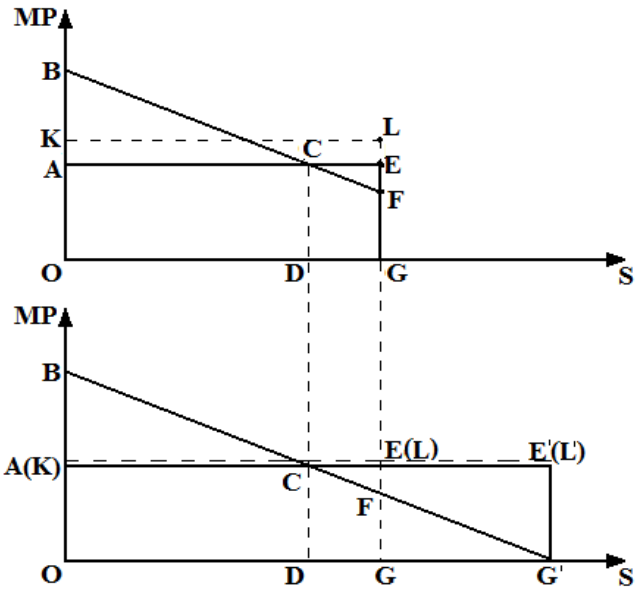

Рис. 7. Эффект мобилизации

Попробуем применить изложенные выше теоретические рассуждения к практике российского перехода от плана к рынку.

На рисунке 8 изображено три графика. Верхний «*а*» — это стратегический противник Советского Союза, т. е. США. Мы видим, что удельный вес пионерного сектора в экономике США мал, и она в состоянии питать его ресурсами рыночным способом: все субъекты на оси *X* имеют нормальную прибыль.

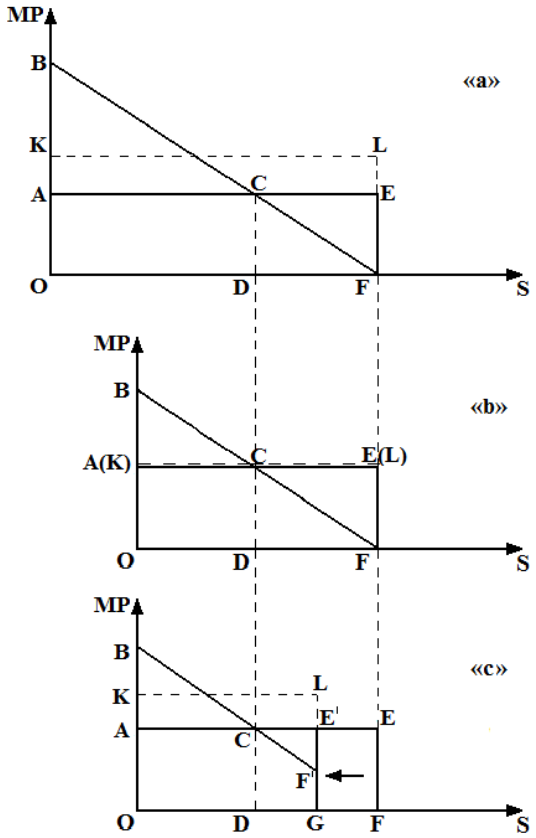

Рис. 8. Эффекты стимуляции и демобилизации при переходе России к рынку

График «*b*», расположенный ниже, это экономика Советского Союза. С одной стороны, если уж Советский Союз взялся вести с США «холодную войну», нужно иметь паритетный пионерный сектор. Видно, что на графиках «a» и «*b*» пионерные секторы одинаковые. С другой стороны, базовый сектор СССР меньше, чем базовый сектор США. Поэтому поддержание паритетного пионерного сектора возможно только за счет плановой экономики, позволяющей максимально мобилизовать прибавочный продукт в базовом секторе.

График «*c*» показывает переход СССР, ставшего Россией, к рынку. Специфика этого перехода, на наш взгляд, состоит в том, что он сопровождается масштабным эффектом демобилизации при эффекте стимуляции, стремящейся к нулю. Такое сочетание указанных эффектов на графике «*c*» видно. За счет выросших цен выручка (*OKLG*) становится выше затрат (*OAE'G*). Эта разница формирует некую прибыль на капитал, возникший в результате при-

ватизации. Однако возникновение этой прибыли означает, что ресурсов на всех участников рынка не хватит. Ведь базовый сектор не изменился по сравнению с графиком «*b*», и прибавочный продукт (*ABC*) — тот же. Кто-то должен быть ликвидирован. Этот кто-то — субъекты пионерного сектора на отрезке *GF*. Иначе говоря, рынок вполне естественным образом проявил свои демобилизующие свойства.

Однако при этой демобилизации линия затрат (*AE'*) и линия результатов (*BF'*) не изменили положения в лучшую сторону. Это означает, что ни у новой российской буржуазии, ни у новых лиц наемного труда рынок не породил существенного стремления снижать затраты и повышать результат. Понятно, что такой переход к рынку нельзя считать эффективным, а возникшая рыночная экономика менее эффективна, чем бывшая плановая. Ведь российское общество, потеряв значительную часть пионерного сектора, не стало богаче. Действительно богаче можно стать, только снижая затраты и наращивая результат. У нас же ресурсы, которые советское общество тратило на пионерный сектор, просто перекочевали в карман новой русской буржуазии в виде прибылей. Вот и все.

Почему в России рынок не породил должного эффекта стимуляции? Это сложный вопрос, требующий отдельного исследования условий, порождающих разные соотношения эффектов стимуляции и мобилизации. Пока можно лишь предположить, что столь деструктивное соотношение эффектов демобилизации и стимуляции в российской экономике вызвано к жизни сочетанием двух причин. Первая причина — это упадок российской цивилизации в ее советской форме накануне перехода к рынку. У народа, находящегося в фазах исторического подъема и упадка, процессы стимуляции и мобилизации, по всей видимости, связаны по-разному (рис. 9).

Допустим, мы можем измерять уровни мобилизации и стимуляции в экономике в неких единицах. Допустим также, что X_1 — это максимально возможная степень мобилизации ресурсов в условной хозяйственной системе. Мы начинаем изменять уровень мобилизации ресурсов от нулевого, где частные собственники имеют максимальные прибыли, а пионерным сектором можно пренебрегать, до максимального, когда бюрократия держит людей на голодном пайке во имя великих строек. Изменение уровня мобилизации сопровождается двумя траекториями стимуляции. Эти траектории отражены линиями *aa* и *bb*. Линия *aa* — это гипотетическое изменение уровня стимуляции у народа, находящегося в состоянии взлета цивилизации, а линия *bb* — упадка. Различия состоят в том, что во-первых, линия аа при любом уровне мобилизации выше линии *bb*. Это говорит о том, что нация, находящаяся в состоянии подъема, трудолюбивее, энергичнее и ответственнее, чем нация в состоянии спада. Даже максимальные прибыли (нулевой уровень мобилизации) порождают разную экономическую активность людей ($Y_3 > Y_1$). Во-вторых, по мере нарастания уровня мобилизации у народа, находящегося на подъеме, экономическая активность падает медленно и только, когда уровень мобилизации достигает значений, близких к X_1, наблюдается заметное сокращение этой активности (Y_2). *У* народа, пребывающего в упадке, даже несущественная мобилизация вызывает резкое падение стимулов к экономической деятельности. И после этого падения он влачит бедность и безделие.

Если рисунке 9 отражает реальность, то для достижения эффекта стимуляции, равного Y_1, в России необходима еще большая либерализация, которая привела бы к сбросу всех пионерных и малоприбыльных базовых производств. Это максимально увеличило бы доходы новой русской буржуазии,

доведя ее экономическую активность до хилого значения Y_1. Что касается лиц наемного труда, то их трудовую активность поддерживали бы более высокая зарплата и ужасающая нищета и безысходность многочисленных образовавшихся безработных.

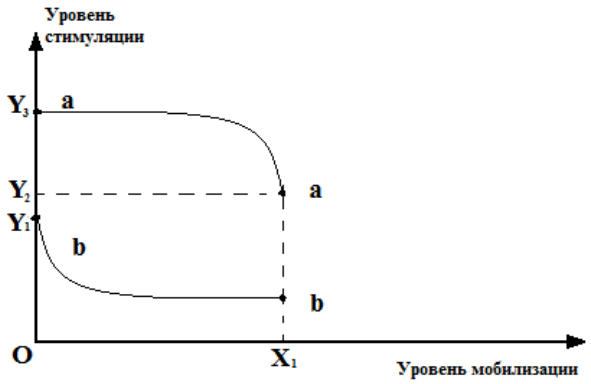

Рис. 9. Взаимосвязь уровней мобилизации и стимуляции

Но даже если отвлечься от проблем вывоза прибылей за рубеж, нежелания русской буржуазии инвестировать вообще и в пионерный сектор в особенности, неэквивалентного обмена с Западом, то все равно уровень стимуляции Y_1 слишком низок для существенной компенсации эффекта демобилизации, который этот уровень породил.

Вторая причина того, то эффект рыночной стимуляции в России близок к нулю, состоит, на наш взгляд, в том, что существенная часть российского общества накануне реформ психологически представляла собой (и представляет до сих пор) не рыночных, а плановых людей [2, 295—297]. Резкий, шоковый переход к рынку, вместо создания новых стимулов к экономической деятельности, порождает в душах таких людей лишь страх, ненависть и отвращение к любой деятельности.

Если предположения, выдвинутые в данной статье, относительно низкого стимулирующего действия рынка в России верны, то выводы логично сделать следующие. Упадническая и, кроме того, нерыночная психология бывших советских людей не может быть изменена. Здесь можно уповать только на будущее поколение, представители которого, при счастливом стечении обстоятельств, возможно станут пассионариями рыночного типа, готовыми за копейку работать по 16 часов в сутки. И, учитывая нерыночную реакцию на рыночные стимулы значительной части современного российского общества, сегодня необходимо новое усиление роли государства в экономике.

Литература

1. *Миропольский Д.Ю.* Неравновесие и типы хозяйственных систем. СПб., 1994.

2. Основы теоретической экономики / Под ред. Д.Ю. Миропольского. СПб., 2008.

П.П. ЖУЛИКОВ

Философия хозяйства как матрица развития современной экономики

Современный период человеческого развития отличается от всех предыдущих, описанных в истории, высокой интенсивностью технологического хозяйствования и ужесточением борьбы участников мирового хозяйства за распределение общественного хозяйственного продукта. Ведется непрекращающаяся и непрерывно нарастающая борьба за права собственности на произведенный общественный продукт, поскольку права собственности определяют полномочия распределения продукта, а следовательно, и возможности управления хозяйством и его участниками. Борьба эта постоянно обостряется, потому что непрерывно совершенствуются и создаются новые технологии производства общественного продукта и формируются новые инструменты управления хозяйственными процессами. Сегодня уже сформированы инструменты регулирования технических, финансовых, социальных, духовных и других процедур управления хозяйством.

Человеческое хозяйство подошло к тому уровню развития, когда управляемыми станут практически все процессы хозяйствования, кроме жизнеотправления. Создаются технологии, способные системно формировать конфликты, короткие и средние кризисы, причем уже просматривается тенденция к их укрупнению.

Природа крупных кризисов пока еще не изучена, но процесс в этом направлении запущен, и в ближайшие двадцать лет средние 10—25-летние кризисы (в пределах одного поколения) станут полностью управляемыми. Человек в определенных пределах становится демиургом, но при этом не понимает природного, или божественного, целеполагания. Неуклюжее вторжение в природу — материальную, социальную, духовную — вызывает нарастающее напряжение в обществе и формирует апокалипсические настроения. Ожидание природного или техногенного апокалипсиса, нагнетание обстановки краха опасны потерей жизненных ориентиров как у отдельных лиц, так и у общественных групп. Такое нагнетание раздражения и напряжения в обществе неизбежно приведет к паническим настроениям и смуте (духовному кризису), последствия которой, как показывает история, могут быть весьма пессимистичными.

Для предотвращения такого исхода событий требуются не только новые подходы к оценке развивающихся событий, нужны новые учения, а возможно, и новые знания, которые позволят проанализировать ситуацию и дать конструктивные предложения по управлению хозяйственной деятельностью *человека* и *человечества*. Задача эта, как заметил один из классиков политэкономии, архисложная, неблагодарная, но неизбежно-необходимая. Индустриализованное человечество с маниакальным упорством стремится к апокалипсису, а попытки новаторов проанализировать и переоценить предыдущий опыт в целях поиска выхода упираются в тупик сформировавшихся и укоренившихся догматов или попадают в логические ловушки философизмов.

Картина получается пессимистическая: если в нас не врежется комета, не поглотит черная дыра, не изменится ось вращения Земли, не разразится техногенная катастрофа, то все зачистит ядерная или еще какая-нибудь война. Но серьезные исследования показывает, что, к счастью, дела наши не так уж и

плохи, и шансы выжить у человечества есть, по крайней мере, на ближайшие двести лет. Природно-божественный апокалипсис в ближайшее время не произойдет, а хозяйственный можно и предотвратить.

Для пояснения такого посыла рассмотрим, что есть такое *человеческое хозяйство*. Максимально укрупняя объекты исследования, можно свести человеческое хозяйствование в данных отрезках пространства и времени к двум основным задачам: производству и потреблению. В конце концов, вся деятельность человека сводится именно к этим двум процессам: произвести продукт и потребить произведенный продукт. И основной антагонизм заложен во взаимоотношениях этих двух категорий — производства и потребления. Отметим, что во всех вариациях добро спорит со злом, но они всегда неразделимы.

Все человеческое хозяйство сводится к взаимоотношениям этих двух глобальных сил, двух противоречий. Попытаемся рассмотреть их более пристально, чтобы обнаружить и показать некоторые вполне очевидные, но часто ускользающие при анализе детали.

Человеку не дано знание своего предназначения, природного целеполагания и жизнеотправления, но все человеческое хозяйствование направлено на выживание. Главной целью для человеческого хозяйствования всегда было обеспечение выживания. И человечество всегда выживало. Выживало с расширенным воспроизводством, что позволяет с высокой вероятностью предполагать, что выживет и в этом отрезке времени.

Человечество постоянно растет количественно и качественно, и логично предполагать, что рост человеческой массы и ее интеллектуального потенциала и является целью или одной из базовых, мессианских вселенских целей, поставленных природой. И хотя понимание своего предназначения человеку недоступно — человечество настойчиво выживает, преодолевая различные трудности, изобретая новые способы выживания.

Выживая, человечество постоянно решает широкий ряд задач, среди которых выделяются две главные задачи — производство продукта жизнедеятельности и распределение этого продукта. Производство и распределение и являются именно теми главными текущими задачами, которые непрерывно решает человечество для своего выживания. Задачи эти находятся в постоянном конфликте интересов, если и не всего человечества, то по крайне мере некоторой его части, задачи выступают как противоборствующие категории, или силы, которые и раскручивают маховик человеческого развития. И хотя ни отдельному человеку, ни всему человечеству не дано знание стратегии развития задуманной природой, его, отдельного человека, очень интересуют перспективы своего бытия в обозримых отрезках времени, т. е. тактики.

Конечно, сегодня вряд ли кто сможет дать доказательный ответ на вопрос, для чего постоянно расширяется масса человечества, так же как никто не обоснует, для чего растет ее интеллектуальный потенциал, но это вероятнее всего трансценденталии бытия, вполне возможно, как-то коррелирующие с расширением Вселенной и увеличением ее массы. Вряд ли кто сегодня сможет обосновать и необходимость таких исследований, но проблематику текущего развития человеку все-таки понять хочется, и попытка провести подобный анализ вполне перспективна, поскольку может дать ответы на некоторые вопросы современного этапа развития человеческого хозяйства.

Принимая посылку, что человеческое хозяйство — это совокупность процессов, направленных на обеспечение выживания самого человечества, и, выбрав в качестве объекта исследования два основных процесса — производ-

ство и потребление, мы можем представить и саму картину этого хозяйствования. Если производство и потребление являются основными функциями хозяйствования человеческого, то все остальные действия являются производными от этих двух основных. Производство продукта потребления и распределение произведенного продукта определяют все дальнейшие отношения в сообществе, и во взаимоотношении этих функций выстраиваются все современные модели развития хозяйства любого уровня в христианской цивилизации и формируются, а точнее аппроксимируются, из множества факторов обобщенные и упрощенные инструменты управления хозяйственными процессами типа спроса и предложения.

Обращаясь к истории вопроса, можно отметить, что сама проблематика отношений производства и потребления обозначена давно и в разной степени присутствует в трудах философов и правителей с древнейших времен. Кратко можно отметить, что Хаммурапи в Вавилонии в 1792 — 1750 гг. до н. э.; Каутилья в Древней Индии в конце IV в. до н. э.; Конфуций в Китае в 551 — 479 гг. до н. э.; Ксенофонт в Древней Греции, в 430 — 354 гг. до н. э.; Аристотель, в 384 — 322 гг. до н. э; правители Византии с 324 по 1453 гг.; Фома Аквинский в 1225 — 1274 гг.; Ибн-Хальдун в 1332 — 1406 гг. и многие другие исследовали, разрабатывали и применяли положения регулирования отношения производства и потребления, но без учета антагонизма между этими категориями.

Рассматривая антагонистические отношение производства и потребления, следует обратить внимание на следующую известную, но редко учитываемую в подробных рассуждениях деталь: современное представление хозяйства (экономики) зародилось на европейской территории, трансформировалось в США и распространилось по всему миру, является продуктом христианской цивилизации. Отметим, что здесь не следует путать христианскую цивилизацию с церковной системой управления человеческим сознанием, церковь всегда присутствовала как один из инструментов управления обществом. Христианская цивилизация в той или иной степени довольно длительный период впитывала и перерабатывала достижения предыдущих цивилизаций, теорий и практик, и различными посылами дала новый толчок в осмыслении развития человеческого хозяйства и внедрении новых представлений о производстве и потреблении.

Новые представления о хозяйствовании в систематизированном и в рекомендательном виде были представлены ориентировочно в XVI в. меркантилизмом. Меркантилизм предстал перед хозяйствующими субъектами как система экономических взглядов, регулирующая производство и потребление, и применялся как инструмент управления макроэкономическими отношениями до XVII в. и в значительной степени применяется и в настоящее время. Вначале меркантилизм рассматривался как экономическая теория, разработанная для управления мировым, а точнее европейским и американским хозяйством, и, в первую очередь, управления процессом производства и потребления (распределения) произведенного общественного продукта.

Меркантилизм формализовал отношение производства и потребления, введя категории спроса и предложения, и выстроил достаточно сбалансированную систему рыночного регулирования, которая позволила развиться ремесленной, а позже индустриальной буржуазии. Неустойчивое, но все-таки равновесие достигалось введением весьма спорной даже для того периода развития зависимости спроса от предложения. Тем не мене формула: *спрос определяет предложение*, выполнила свое предназначение, позволила развить

средства производства и запустила маховик развития современных рыночных отношений, формализовала понятие цены и стоимости, продекларировала конкуренцию. Этот подход позволил упростить управление товарооборотом, создавать вроде бы независимые рынки и на какой-то период времени стабилизировать, а точнее, «загипнотизировать» антагонистические отношения производства и потребления. Однако именно меркантилизм впервые подвел хозяйство к кризису, поскольку развитие средств производства обусловил деформациями в паритетных отношениях производства и потребления в сторону *потребления*.

Меркантилизм успешно выполнял свои функции до тех пор, пока подавляющее большинство получало ожидаемое количество благ, хотя уже в то время некоторые исследователи заметили, что новые технологические подходы в производстве товарного продукта противоречат его потреблению (просим отметить, когда это было). И когда это равновесие нарушилось, то как реакция на недостатки меркантилистской политики возник неологизм — физиократия (интересная игра смыслов physis — природа и kratos — власть). Физиократизм открыл новое направление экономической мысли политэкономии (как говорил Маркс — положил начало).

Физиократизм выработал учение о богатстве не отдельного человека, а нации и выдвинул на первое место не потребление, а *производство*, причем само производство должно быть обращено не на развитие торговли и накопление денег, а на создание изобилия «произведений земли» (интересна деталь для дальнейшего рассуждения). Физиократизм несколько выровнял деформацию отношений производства и потребления, однако, подвергая критике меркантилизм за то, что он работал на промышленную буржуазию, сами физиократы выражали интересы крупного капиталистического фермерства, т. е. тоже определенной ограниченной группы общества, причем потенциально более консервативной. Поэтому физиократизм широкого распространения не получил, да и во Франции, где он зародился, продержался недолго, а противоречия между производством и потреблением продолжали усиливаться и в Европе, и в США. При этом стали усиливаться позиции индустриальной буржуазии и появились первые серьезные признаки экономических катаклизмов, которые пока еще назывались войнами и революциями. Проблема противоречия производства и потребления не только обозначилась, но и заострилась, сконцентрировалась, выдвинув на передний уровень отношения собственности к средствам производства и произведенному продукту потребления.

Впервые с научной точки зрения эту деформацию в хозяйственном развитии наиболее полно исследовал и систематизировал К. Маркс, который для снятия нарастающего напряжения предложил обобществить владение средствами производства и либерализовать распределение общественного продукта. Такой подход представлялся панацеей для широкого круга философов и политэкономов, способной снять нарастающее напряжение в обществе, и приобрел широкий круг сторонников и последователей. И хотя многое было непонятно, сама идея стабилизации общества завораживала, причем многие последователи Маркса воспринимали его учение как интересную, логически выстроенную, но далекую от реализации теорию, поскольку корни антагонизма производства и потребления были гораздо глубже и метод уравнивания производства в перспективе был проблематичен.

Современные исследователи отмечают, что политэкономия Маркса логично указывала на многие проблемные вопросы капиталистического хозяйствования, но никогда не была инструкцией к действию. Однако в тот ис-

торический период многие исследователи не понимали опасности применения теорий Маркса на практике, а возможно, в силу личных интересов старались не замечать этого, поскольку марксизм был сверхмодным учением, обещающим стабилизировать хозяйственные отношения на длительный период времени. Теоретические исследования антагонизма производства и потребления были не завершены, а исследования производительных сил и производственных отношений, даже очень высокого уровня, не перекрывали всей проблематики равновесного хозяйствования. Тем не менее в среде марксистов муссировалось мнение, что, если подредактировать учение Маркса, то вполне возможно построить равновесную систему в одной стране. Учитывая апокалипсические настроения того периода, понятно, что желание выжить было велико и идея революции как созидательного разрушения под знаменем всеобщего благоденствия была привлекательна и среди интеллигенции, и в пролетариате. Но даже в тот период находились люди, которые понимали опасность такой революции. Одним из таких марксистов стал С.Н. Булгаков, понявший первопричину деформаций в развитии хозяйства: «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест. Объяснения этому явлению нужно искать, разумеется, не в одном только обострении общего самосознания или саморефлексии, которое наше время вообще отличает, но и в событиях экономической жизни, в непомерном ускорении ее темпа и колоссальном развитии хозяйства» [1].

Однако высказывания Булгакова утонули в водовороте событий, и его сакраментальные идеи не встретили поддержки современников, а само учение о хозяйстве практически не развивалось до 1991 г., когда вновь обострились противоречия базовых категорий производства и потребления в мировом, но уже глобальном, а не империалистическом хозяйстве.

«Капитал» К. Маркса признается фундаментальнейшим трудом политэкономии современного периода и изучается практически во всех мировых университетах (кроме современной России) и, конечно, может и должен быть использован при разработке проектов выравнивания антагонистических отношений.

В настоящий период возникла угроза больших (гораздо больших, чем ранее) потрясений мирового хозяйства. Производительные силы, по нарастающей опережая производственные, хозяйственные отношения, смели социальные постройки марксистов, совершивших переворот 1917 г., и перед человечеством предстали новые, более мощные кризисы. И снова экономисты-исследователи пытаются найти первопричину хозяйственных деформаций. В 1991 г. Ю.М. Осипов, не зная о работах С.Н. Булгакова, вновь поднимает тему *философии хозяйства*. Однако теперь она зазвучала не как сомнение и размышление о проблемах экономизма и его противоречиях, а как приглашение к созиданию нового знания о развитии хозяйства — знания, способного не только объяснить причины деформаций в человеческом хозяйствовании, но и показать пути более рационального хозяйствования. И опять, как и сто лет назад, эта новация встречает определенное недоумение и сопротивление со стороны общества, хотя понимание необходимости и значимости нового знания уже прослеживается и в среде исследователей, и во властных структурах.

Попробуем понять, почему это происходит, почему философия хозяйства встречает непонимание и сопротивление в своем продвижении в научном мире и настороженность практиков. Обратимся к С.Н. Булгакову: «Капита-

лизм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущий человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к последнему торжеству, не то к гибельной бездне, — вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы. И это противоречие, разъедающее душу человека, заставляет его сосредоточеннее задуматься над вопросом о природе хозяйства. Прежние инстинкты и навыки утрачивают свою непосредственность, будят тревогу, порождают рефлексию, словом, развивается своеобразный экономический гамлетизм, и такими экономическими Гамлетами полна наша эпоха. Естественно, что экономическая мысль празднует свой бенефис, пред ней широко распахиваются двери не только академических аудиторий, но и народных собраний, салонов и рабочих жилищ, внимание настораживается всюду». И начнем рассуждения с того, что, в отличие от времен столетней давности, экономическая мысль свой бенефис не празднует, а вообще находится в каком-то загоне. Круг желающих изучать, а тем паче понять экономику поразительно быстро сужается, сама экономика подменяется хрематистикой, а экономическая мысль, мягко говоря, не поощряется, а посему предлагаемые новые представления экономической мысли не воспринимаются обществом, хотя и понимается их значимость. Для ответа на вопрос, почему же это происходит, обратимся к классическим аксиоматическим представлениям.

Вообще следует заметить, что причин непринятия обществом новаций, пусть даже и прогрессивных, вероятно много, но мы оттолкнемся от противоречия творческого начала индивида и общественного уклада бытия. Индивид, т. е. человек (свободный, по Булгакову) в творческом порыве склонен рисковать, а вот общество — человечество — рисков не любит, оно инертно, консервативно. Мысль, конечно, не новая, об этом можно найти упоминание еще у Сократа, Платона (а если обратиться к китайской мифологии, то и раньше), но у Булгакова и особенно в современных теориях Ю.М. Осипова выстраивается не столько новая, сколько иная мировоззренческая позиция. Человек-творец творит по собственному вектору жизнеотправления, который, хотя и находится в русле общего развития, с ним не совпадает. Общество хозяйствует, исходя их интересов критической массы, которую накопило и которую олицетворяет правитель. Общество не склонно к творчеству, поскольку оно — творчество — опасно, оно может нарушить равновесие сил. Человек-творец как индивид может в определенных условиях творить, причем творит он исключительно индивидуально, но в интересах общества. А общество, или человечество, к творчеству не склонно по своей сущности и часто, а точнее всегда, отвергает новоявленного творца, причем отвергает тем жестче, чем мощнее его новация. Общество всегда отрицает личность — творца, и если в обществе не появляется личность-правитель (успешный) с творческим началом, судьба личности-творца предрешена. Тем не менее, если находятся индивиды, которые различными имманентными или трансцендентными путями узнают какую-то тайну природы и доводят ее до практического применения, то общество легко присваивает плоды творения индивида и даже признает его заслуги, чаще всего посмертно, после экзекуции. Присваивает, нисколько не смущаясь того, что оно, общество, совсем недавно отвергало самого человека-творца при жизни. Иногда в порядке какой-то компенсации общество вспо-

минает автора и спустя некоторое время после его ухода делает его героем, а если говорить языком экономикса — брендом.

Проблематика этого феномена в настоящее время освещается слабо, с одной стороны, из-за доминанты материалистического подхода в современной экономике, а с другой — по причине технократного страха перед любой трансцендентностью.

Но проблема эта уже осмыслена, а точнее сказать, осмысливается, если и не большинством исследователей, то по крайне мере отдельными индивидами. Противоречие личности и общества есть, и его разрешение не лежит на поверхности, а требует серьезного разбирательства — разбирательства основательного с перебором всех краеугольных камней мироздания с истоков христианской цивилизации. И размышляя о проблематике современного человеческого хозяйства, а точнее гиперболизированной его части — экономики, следует все-таки подчеркнуть, что современная цивилизация — это христианская цивилизация, которая началась с отрицания Христа при его жизни с последующим его вознесением, почитанием и построением этой цивилизации. Фактически выстроилось клише: Христос-Творец создал новое учение, но общество его отторгло, так же как и правители этого общества, даже ученики отвергли; общество казнило Творца мученической смертью; и только потом, когда обществом было совершено предательство (Христа предали позорнейшей казни), пришло прозрение и началось сложное становление христианства, цивилизации христианства, которая прошла мучительный, с репрессиями и инквизициями, путь до настоящей христианской цивилизации. И при этом сохранились все стартовые подходы: отрицание всего нового и новаторов с последующим использованием их новаций, т. е. *отрицание для признания* — странный, но неразрывный антагонизм, проявляющийся во всех сферах человеческого хозяйствования.

Таким образом, общество, всегда отрицая новации на стадии их зарождения, признает их, когда они приживаются, и делает их своим достоянием, при этом наблюдается загадочный феномен, несмотря на такой подход к новациям, они — новации — не только появляются, но и обгоняют развитие самого общества. Особенно это касается технических новаций, опережающих общественное сознание, которое в свою очередь всегда инертно и отстает от ритма технологического развития. Общественное сознание несвоевременно оценивает уже происходящие события и попадает в ловушку неизбежности событийного ряда, делая события как бы предначертанными, предопределенными, но при этом непредсказуемыми по времени. Технические новации формируют производительные силы, которые неизбежно обгоняют общественные производственные отношения и неизбежно формируют конфликт производства и потребления.

Неадекватное толкование этих отношений подталкивает даже прогрессивных членов общества к дуалистическим дискуссиям о первопричинности тех или иных событий, причем часто в контексте противоборства, противостояния духовного и материального, что окончательно запутывает обывателя, и так сторонящегося любой трансцендентности. Общественное сознание ищет противоборство там, где его нет в принципе, ищет смысл там, где никакого смысла и быть не может, при этом развивается видимость действия, поиска истины. Общественное сознание создает противоречия там, где их нет и пытается эти противоречия разрешить, применяя исключительно имманентный инструментарий, заведомо загоняя свое бытие в ловушку. Типичным является пример дискуссии о первопричинности производства и потребления (пробле-

мы типа курицы и яйца), т. е. проблемы, которые, собственно, не нуждаются в дискутировании и даже вредны, поскольку уводят общественное сознание от реальных проблем, требующих разрешения.

В свое время С.Н. Булгаков раскрыл понимание реального взаимоотношения категорий производства и потребления в своей *философии хозяйства*, а Ю.М. Осипов, расширив и практически создав заново современное знание «философия хозяйства», дал представление неразрывности и противоречивости этих категорий (см.: [2]).

Производство и потребление, постоянно конфликтующие между собой, являются неразрывными, но конфликтующими и не смешиваемыми половинками одного целого — человеческого хозяйствования, человеческого бытия — и присутствуют в этом бытии одновременно и неразрывно. В определенные периоды развития происходит деферент в сторону одной из этих категорий. Рассматривая их (категории) применительно к эпохам экономического развития, можно заметить, что в человеческом хозяйстве Премодерна доминирует производство, поскольку процесс производства прост и не требует специальных навыков, например, для сбора ягод, грибов, ловли рыбы, но при этом все равно всегда присутствует первичное потребление. В эпоху Постмодерна доминирует потребление, поскольку без потребления невозможно запустить ни один хозяйственный процесс. Для того, чтобы заработал компьютер, надо его напитать программными средствами, а для того, чтобы на компьютере смог работать человек, его надо напитать знаниями, но при этом всегда и неизбежно присутствует производство.

И вот тут во вроде бы простом и понятном споре философия хозяйства дает понимание, что разговор о главенстве чего-либо в человеческом хозяйстве должен начинаться не со спора о первичности чего-то, а о сочетании конфликтующих категорий в конкретных условиях и конкретных отрезках времени (см.: [3]).

Таким образом, современная философия хозяйства в трактовке Ю.М. Осипова позволяет находить ответы на многие хозяйственные вопросы, на которые не дают ответы традиционные экономические учения, выраженные экономической теорией и экономиксом с позиций нового знания о природе отношений основных категорий хозяйствования — производства и потребления. Философия хозяйства как новое знание может рассматриваться как матрица, позволяющая выстраивать и регулировать основные хозяйственные процессы и, применяя имманентные и трансцендентные методы, находить ответы на практические задачи современного хозяйства, с большей вероятностью прогнозировать динамику хозяйственного развития, в том числе зарождения и формирования различных кризисов.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
2. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI веке — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
3. *Жуликов П.П.* Философия хозяйства. Взгляд со стороны // Философия хозяйства. 2010. № 1.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Новые реальности софиологии в России

Понимание бытия современной России во многом базируется на концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, утверждающей, что русский суперэтнос, создавший евразийское единство многих народов, сформировался в XV в. Исчерпала ли себя русская пассионарность, способность ставить социальную и духовную идею выше инстинкта самосохранения, готовность отдавать приоритет потребностям не первого, а второго и третьего ярусов древа жизни, порождать и мечты и мифы о совершенном человеке и обществе, возникающие всегда (теория оптимума развития) при этническом и культурном гетерозисе? Ответ дала жизнь — на смену чеховским героям, субпассионариям, пришли революционеры, герои Великой Отечественной войны, советские ученые, космонавты, деятели культуры**.**

Как известно, миф есть не только непроверяемые события прошлого, существующие в предании, «факты веры», но и высочайшее социальное и духовное творчество, позволяющее надежнейшим образом выявить в человеческой сущности самое далекое, чистое и возвышенное, метафизическое, не доступное не только короткому взгляду, но и взгляду, обращенному в среднюю перспективу.

В послереволюционное время была создана новая, великая советская мифология, позволившая выявить многое из того, что хотел бы видеть в себе по настоящему *духовный человек, «ищущий царства правды»* [1]. В коммунистическую эпоху в России была создана даже «живая церковь» — в каждой военной, производственной и территориальной общине был свой коммунистический духовник в лице комиссара или парторга. Век этой «живой церкви» оказался закономерно недолгим; она была отвергнута собственными иерархами раньше, чем многими последователями.

Хотя пассионарность русского этноса в XX в. не иссякла, ее духовному развитию очевидным образом не доставало софийности. Жизнь довольно скоро выявила несостоятельность коммунизма как духовной и хозяйственной идеи. Практика показала, что основными негативными свойствами русского коммунизма, препятствовавшими формированию нового, гармоничного человека и общества, адекватных вызовам XX в., были низкая общая и социальная просвещенность основной массы населения, неспособность большинства граждан осознавать суть происходящих социальных процессов, склонность слепо верить политическим деятелям, воспринимая их не столько социальными лидерами, сколько апостолами обновленной православной веры. Эти качества населения проявлялись и в абсолютизации роли государственной власти, и в подмене личной ответственности за общее дело коллективной социальной верой (слабое осознание прав и ответственности личности, вплоть до фанатичного самопожертвования или отказа от личной ответственности за ход социальных процессов). Основа основ указанных проблем — *недостаточная развитость социальных наук и антропологии того времени.*

Разрабатываемая нами теория оптимума развития (ТОР) человека и общества предлагает для решения ряда проблем современной софиологии и антропологии индуктивный метод познания. Чтобы понять путь развития мира малого (семьи), большого (общества и человечества), грандиозного (Космоса), необходимо понять путь развития человека [2; 3]. ТОР дает возможность более отчетливо увидеть вехи и знаки, указывающие путь в буду-

щее, к средне- и долгосрочным смыслам. Ветхозаветная эпоха, эпоха страха и примитивного эгоизма, эпоха коротких целей и смыслов, исчерпывает себя, заканчивается сегодня. Становится возможным переход в *эпоху дальних и высоких смыслов, эпоху нравственности, духовности, любви.*

Следует признать, что и в европейской, и в русской философии (но не в культуре) прояснению законов счастливой любви, гармоничной семьи и дружбы уделялось чрезвычайно малое внимание. Страх перед самопознанием человека, сделавший психологию (антропологию) одной из самой отсталых наук нового времени, проистекает из мировоззренческих вопросов, которые не были разрешены до метафизической революции, совершенной русскими православными философами (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков), которыми была описана суть необходимых перемен в рамках представлений о Богочеловечестве, софийности бытия и «Живой Церкви», представления о преображении будущего человечества [4, 359 — 360].

Людям еще только предстоит подняться на новый уровень достижений в любви, осознать и реализовать модель «высокой любви», стремящейся по смыслу к заповеданной христианам евангельской. С точки зрения современной психологии «высокая» любовь — явление пока весьма редкое, не имеющее устоявшейся культурной формы, и от «низкой» отличается примерно так, как танцы на ходулях отличаются от хождения в тапочках по ровному домашнему полу. Каждому новому уровню гармонии, достигаемому в развитии человека и общества, будет соответствовать и новый уровень достижений в любви. Возможно ли в будущем опровергнуть мысль: «На свете счастья нет, а есть покой и воля…»? Весь ход истории, развития человеческой мысли и культуры показывает — да! *Для человечества, в силу его творческого потенциала, обусловленного богочеловеческой природой, невозможно лишь то, что не стало его потребностью и смыслом деятельности.*

Гармония — во многом — есть слаженность, достижение Лада, соответствия Логосу, соразмерность, взаимодействие непременно неравных составляющих. Движение к гармонии — противоположность насилию, принуждению без согласия, которое сиюминутно и которое все равно будет отменено высшими сферами. Любовь вечна, но не изначальна, она требует прохождения через страдания (адаптацию). В ТОР процессы адаптации и развития описаны через ряд этапов взаимодействия элементов систем [5].

ТОР показывает огромный резерв любви, неиспользованный пока христианской, в том числе российской, преимущественно маскулинной цивилизацией. Этот резерв — целомудренная, материнская любовь женщины, направленная не только на своего ребенка, но и на окружающих людей, общество, человечество. Русская цивилизация, которая полагает, что ей покровительствует Божья Матерь, имеет в этом смысле особые возможности. С позиций ТОР приходит время отменить наивные принципы европейских социальных революций — догматически понимаемых принципов свободы и равенства [6].

«Чистая свобода» есть одиночество, полная независимость от мира, отрицание всеединства, смерть. Человеку нужна лишь «приемлемая несвобода» или описанная сторонниками идеи всеединства «свобода, ограниченная законом», и ее частный случай, описанный нами — «сладкая несвобода», — несвобода любви и дружбы, отказ от одиночества в пользу соборности, всеединства. Равенство мужчин и женщин — одна из самых чудовищных, хотя и

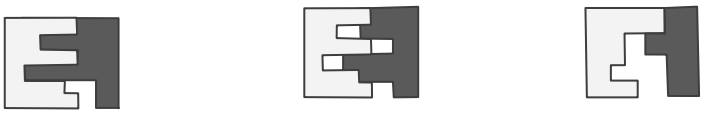
привычных социальных фальсификаций, укоренившихся в общественном сознании. Это утверждение прямо противоречит мировым законам, принципу фрактальности. Любое единство, в том числе союз мужчины и женщины, социум, состоит из частей, гармонично взаимодействующих противоположностей, составляющих целое. Мы приводим ниже схему представления ТОР о базовых условиях гармонии, основанную на принципе комплементарности (рис. 1).

I. Модели гармоничного взаимодействия (полная комплементарность неравного):

простая гармония сложная гармония

II. Модели частичной гармонии и комплементарности:

III. Модели дисгармонии равенства. Отсутствие комплементарности:

простая дисгармония сложная дисгармония

Рис. 1. Варианты межличностного и социального взаимодействия

ТОР определяет важность знаков *социальной гармонии* (принципов нравственности) и *космической гармонии* (законов духовности) как камертонов, признаков соответствия, близости реального движения в будущее к смыслам истинного пути, резонанса поведения и истинной цели.

Историческая наука показывает, что революции, вследствие своей избыточной разрушительности, уничтожения не только устаревшего, не нужного, но и необходимого для жизни общества, неизбежно порождают необходимость этапа реставрации. Логика спирально-волнового развития в соответствии с ТОР позволяет утверждать, что впереди России предстоит этап реставрации позитивных сторон социализма минувшего столетия [7]. Не интегрировав позитивные стороны российского богоискательства в XX в., достижения

советской эпохи, страна просто не сможет преодолеть чудовищный провал в логике развития российской цивилизации. Эффективной и устойчивой может быть лишь та форма социально-экономической организации общества, которая основана на принципах духовности и нравственности, преемственности этапов развития, культурной традиции общества, имеет гармоничную организацию социальных институтов [8].

Все, что взаимодействует достаточно продолжительное время, в частности культуры, вступает в отношения взаимосвязи, взаимозависимости (позитивной или негативной). Но только позитивная взаимосвязь, основанная на любви и всеединстве, — созидает, негативная — разрушает. Этот принцип действителен также для взаимодействия государств, социальных слоев, малых групп, для взаимодействия членов одной семьи. Быть счастливым в одиночку человек или социальная общность — не способны. Возлюбить ближнего — требование не столько современной психологической науки, сколько Бога, Абсолюта, Логоса.

Современная психологическая наука снимает и такую когнитивную проблему XX столетия, как атеизм. Для индивидов с развитым внутренним локусом контроля, обычно не достаточно экстравертивных, недостаточно одаренных мистически, пантеизм снимает проблему принятия трансцендентного в бытии. Для них дальние, духовные смыслы бытия приемлемым образом проясняются через управляющий природой Логос, превращающий начальный Хаос в гармонично организованный Космос, в возрастающую гармонию Космоса. Современная наука в условиях, когда все задуманное, фантастическое, почти неизбежно становится реализуемым, по-новому осмысливает такие понятия, как «непознанное», «непознаваемое», «непредставляемое». Самым недоступным для рассудка из этих понятий является «непредставляемое»; рядом с этим понятием находится то, что человечество называет «неопределяемым представлением» — Бог.

Стивен Хокинг — английский физик и космолог, почти отрицающей принципиальные пределы познания, говорит о том, что в реализации Большого проекта, в действии Провидения величие современного просвещенного человека более всего проявляется в том факте, что каждый из ныне живущих состоит из вещества, синтезированного в бывших звездах. Мы оказываемся одним из смыслов их существования. Он говорит о возможной множественности вселенных, об ограниченности времени их существования, об их исходном несовершенстве, порождающем движение, развитие, жизнь, о возникновении нашей Вселенной почти из ничего, о наполненности нашей Вселенной преимущественно водородом, суть которого — простая комплементарная дуальность, плюс и минус, электрон и протон, из которых в звездах синтезируются все возрастающая сложность и гармония всех известных химических элементов...

По мере развития человечества и его представлений о мире степень ответственности человека за благополучие собственное, близких, человечества и мира стремительно возрастает. Человечество задумывается над проблемой ограниченности времени существования нашей звезды и планеты, о возможности космических переселений. Следующей ступенью роста ответственности неизбежно станет мысль об ограниченности времени существования галактик. Наряду с идей переселения в иные галактики неизбежно возникнут идеи их сохранения, трансформации или создания. В этот момент идеи С.Н. Булгакова о возможности соединения Софии тварной и Софии Божест-

венной, идея Богочеловечества не будут восприниматься как чистая метафора [9, 347 — 348].

Эта перспектива уже сейчас требует осознания и формирования ответственности, адекватной самым дальним и высоким смыслам дальновидного Закона, нового приближения к тайнам Логоса, высочайшей духовности. Требование софийности сегодня есть необходимость соответствия человеческих планов и действий, т. е. тварной софийности, — Софии Божественной. Требуется четкое научное осознание главных направлений развития — как тенденций (вариативных, краткосрочных алгоритмов), конфликтов (между старыми и новыми стереотипами взаимодействия подсистем и систем, элементов со средой), так и эволюции (инвариантных, долгосрочных перемен, неизбежных в развитии, определенных Провидением).

Описанные выше принципы позволяют сформировать минимальный тезаурус понятий, необходимых для осмысления софийности бытия в анализе социокультурного состояния современной России. *Полезность* — соответствие поведения идеям, представлениям, гештальтам человека или социума, открывающим содержание Софии тварной, ее соответствие Софии Божественной. Современный научный инструмент анализа «полезности» поступка или программы действий — анализ степени удовлетворения трех уровней, ярусов потребностей человека и социума, данных Природой, Богом в качестве ориентиров адаптации и развития. *Добро* — есть действия, направленные на реализацию Промысла, Большого проекта, действия направленные против *зла*. *Истина* — верные представления о пути, *ложь* — не верные.

Сегодня большинством населения и политиков России ортодоксальный либерализм признан архаикой, тупиком в социальном развитии. Будущее современного социума — всеединство, свобода в рамках закона и морали, общество общин, государство как семейство семейств, построенное на ответственности индивидов, социальных групп, элит и всего общества, ориентированного на движение к высшей гармонии. Первым требованием для реализации указанной цели является разработка обоснованной рационально, нравственно и духовно моделей «гармоничный человек», «гармоничная семья», «гармоничный социум» и дальнейшая их реализация. Одной из серьезных ошибок идеологов прошлого являлось то обстоятельство, что они предлагали строить совершенный дом для человечества с крыши (социума), не имея твердого представления, каким должен быть его фундамент (семья).

Россия способна явить миру *новый тип гармоничного человека* и *гармоничного общества*, образец для подражания. Для этого, для динамичного развития — Россия вновь нуждается в большой идее, точнее — современном выражении прежней российской национальной идеи, которую не сформулировали и не могли сформулировать чуждые российской культуре ортодоксальные либералы-индивидуалисты.

Новое гармоничное российское общество будет единством счастливых людей, обществом, решившим основные материальные проблемы всех граждан. Это будет общество, где достигнута гармония в большинстве семей, социальных слоях, нациях, культурах, которая является условием для стабильного продвижения к более высоким уровням гармонии. Это общество сможет в максимальной степени способствовать объединению глобального человечества. Всеединство землян будет достигнуто на базе этих принципов после выхода человечества в космос, где сплоченность станет потребностью, осознанной необходимостью сформированной новыми вызовами, которые поставит мир для достижения к следующей ступени развития человечества.

Действие законов бинарности и усложнения сущностей в развитии позволяет прогнозировать, что и в дальнейшем глобальное социально-экономическое устройство не сможет быть однообразным, но потребует разработки его не конфронтационной, дуальной, системной и гармоничной модели. Сегодня начинается интенсивный процесс поиска и формулирования учеными, политиками, организациями социальной идеи XXI столетия. По нашему мнению, в новом столетии таким двигателем развития будет *идея гармонии.*

Теория оптимума развития позволяет также сделать следующие существенные выводы.

1. Эволюция современного человечества детерминируется назревшим переходом от эгоистической, краткосрочной мотивации поведения, ориентированной на материальные потребности, к системной мотивации, включающей среднесрочные потребности (социально-хозяйственные, нравственные) и долгосрочные (духовные, метафизические).

2. В наибольшей степени оптимальному тренду развития человечества соответствует российская православно-социалистическая культурная традиция, способная в настоящее время сформировать общество конвергенции, социально-экономической гармонии.

3. Оппозиция иных мировых культур трансформации России в «Третий Рим» в настоящее время маловероятна.

4. Идеологические, социально-экономические, пропагандистские, управленческие и иные механизмы оптимальной социально-экономической трансформации России достаточно проработаны для первого этапа реформ.

5. Принципиальными условиями успеха реформ являются формирование патриотически ориентированной элиты страны, включающей духовенство, ученых, государственных деятелей, военных, предпринимателей, и активная пропаганда традиций российской культуры — соборности, духовности, мессианского призвания.

Решение актуальных социально-экономических проблем России вытекает из базовых принципов ТОР.

1. Сохранение величия России, ее пассионарности и мессианства проистекают из верховенства принципа гармонизации противоположностей, способности к синтезу культуры всех позитивных сторон мировых культур.

2. Новая конституция России должна содержать требования:

- гармонии интересов человека — общества — будущего (Провидения);
- естественной (установленной Богом и природой) комплементарности (дополнительности), но не равенства основных прав мужчины и женщины;
- декларации прав женщины на социальную поддержку материнства, означающей включение в стаж и оплату времени рождения и воспитания детей, оценку не только количества рожденных детей, но и качества их физического, нравственного и духовного воспитания;
- дополнения существующих форм собственности (постепенно заменяемой понятием ответственного управления экономическими объектами) системной собственностью (управлением), отражающим участие гражданина в деятельности всех уровней экономических систем от конкретной организации до государства;

• формирования непосредственно-представительной формы демократии через создание территориальных и производственно-территориальных общин, заключающих социальный контракт с лидерами;

• введения пропорций между оплатой различных форм социально-полезного труда (зарплаты) через периодические национальные референдумы.

Направление перестроения нашего общества, его мессианскую функцию, сохраняющуюся в культуре, мы предлагаем определить принципом: *сегодня в России бытие есть принятие ответственности и призвание к гармонии (сегодня в России Бог!).*

В этой максиме Софийность, Богочеловеческое всеединство [9; 10] отражены и как актуальная мессианская роль России, и как непреходящий принцип всеединства: соединения человеческой составляющей (принятие индивидуальной и социальной ответственности) и духовной составляющей, призывающей к восходящей гармонии развития.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

2. *Шелкопляс Е.В.* Цивилизация гармонии и нравственности как цель модернизации. Мобилизационный потенциал России // Философия хозяйства. 2010. № 4.

3. *Шелкопляс Е.В.* Психологические аспекты софийности бытия в анализе социокультурного состояния современной России // Бесконечная равнина: антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры: Сб. науч. тр. / Под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя, 2010.

4. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве. СПб., 2010.

5. *Шелкопляс Е.В.* Вехи и знаки движения России от догматических смыслов к смыслу гармонии // Антикризисный потенциал традиции и проблемы имяславия: Сб. матер. науч.-практич. конф. / Под ред. В.П. Океанского. Иваново; Шуя, 2009.

6. *Шелкопляс Е.В.* Введение в психологию оптимума: Цикл популярных лекций. Лекция первая. Иваново, 2003.

7. *Шелкопляс Е.В.* ПУП в рамках морали и закона. Программа самой благозвучной партии России — Партии умеренного прогресса. Иваново, 1998.

8. *Шелкопляс Е.В.* Перспектива лидерства России. Модель в рамках теории оптимума развития // Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2010.

9. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.

10. *Осипов Ю.М.* Смысл // Философия хозяйства. 2004. № 2.

В.Я. ИОХИН

О модернизации

Под *модернизацией* следует понимать комплекс мероприятий по обновлению народного хозяйства и той части системы общественных отношений, которые связаны с таким обновлением. Таким примером и фактом в истории нашего Отечества может служить комплексный план индустриализации

страны Советов в 1930-е гг. Под *инновационным путем развития* следует понимать селективность, избирательность отдельных прорывных направлений, по которым у страны имеются внушительные заделы в области науки, технологий и техники и которые обеспечивают ей выход на пионерские позиции в мире.

Модернизация носит, как правило, всеохватывающий характер, затрагивая все области, секторы и отрасли общественного производства, равно как и все стороны жизнедеятельности человека и общества. Однако всеобщность модернизации может носить либо статический характер, либо динамический. Первый связан со сложившимся статус-кво в отношении отраслевой и территориальной структуры национальной экономики, второй указывает на изменение этих структур, которые свидетельствуют о намерении осуществить структурный сдвиг в общественном производстве в пользу высокотехнологических и наукоемких производств и отраслей. Но еще более важным аспектом модернизации в отношении таких стран, как Россия, является проблема ее реиндустриализации в результате невиданной в истории человечества обвальной деиндустриализации страны в 1990-е гг.

Что касается инновационности, то, с нашей точки зрения, недопустимо говорить об инновационной экономике, так как, очевидно, ни одна страна мира, включая США, не в состоянии быть на острие всех прорывных фундаментальных, прикладных, конструкторских, технологических направлений. Поэтому для России инновационными направлениями должны стать области науки, техники и промышленности, в которых были достигнуты наибольшие успехи в бытность Советского Союза.

Наконец-то из уст премьер-министра РФ В.В. Путина общество услышало четко сформированное ядро политики модернизации и инновации — курс на «новую индустриализацию», или реиндустриализацию, без которой не возможны ни социально-экономический прогресс, ни обеспечение экономической и национальной безопасности страны. Мало того, премьер-министр заявил, что Россия нуждается в «титаническом рывке вперед». Ведь невозможно говорить ни о каких инновациях, если в настоящее время доля обрабатывающей промышленности в основных фондах производства составляет ничтожную величину — 8,5%. Изношенность промышленного оборудования равняется 80%, станков — 75%, энергетических мощностей — 80 — 90%. Станков с числовым программным управлением мы производим в 197 раз меньше, чем в советское время.

Следовательно, реиндустриализация страны невозможна без реструктуризации национальной экономики на основе реанимации или создания ускоренными темпами производственных мощностей отраслей обрабатывающей промышленности с адекватными им научно-техническими комплексами — гарантами создания новых отечественных технологий и, возможно, осуществления прорывных инноваций.

Если говорить о модернизации, то она выражает нейтральность обновления чего-то. Дело в том, что можно взяться за модернизацию сложившейся материально-технической базы и экономики, которая будет направлена на совершенствование и обновление отраслей добывающей промышленности и, несомненно, приведет к прогрессу в них, но одновременно к еще большим перекосам в промышленности в целом и отраслевой структуре. Именно поэтому упор в модернизации должен быть сделан на *реиндустриализацию* и *реструктуризацию* национальной экономики.

Выбор модели модернизации страны зависит главным образом от того, каким периодом времени располагает страна для ее реализации. Подтверждением тому может служить отечественный опыт реализации мобилизационного проекта индустриализации Советского Союза: руководство страны установило предельный срок в 10 лет, за рамками которого оно ожидало самого неблагоприятного развития событий в мире для нашей страны. В расчетах и в предвидении оно не ошиблось, что свидетельствует о его способности мыслить глобально и комплексно, системно и национально.

Этот срок, очевидно, не выходит за рамки 10 — 15 лет. Он мог бы быть короче, но системный кризис современной системы капитала оттянул сроки реализации внешних угроз для России, но одновременно он чувствительно ударил и по ней. Тем не менее мы получили исторический шанс выбраться из уязвимого положения, подобно тому как реализации советского проекта индустриализации Советского Союза содействовала Великая депрессия, охватившая мировую капиталистическую систему в 1930-е гг.

Современная модернизация страны, как и ее первый индустриальный проект в Советском Союзе, протекает в сложной социально-политической и экономической обстановке как внутри, так и вне государства. Если советский (сталинский) индустриальный проект реализовывался в условиях острой классовой борьбы (на общественном организме еще кровоточили раны Гражданской войны, только что была завершена национализация промышленности и началась коллективизация сельского хозяйства), в которую были втянуты даже высшие государственные и партийные органы, то в настоящее время социально-политические и экономические противоречия в стране продолжают обостряться, затрагивая первых лиц в государстве.

Причем внутренние угрозы сопряжены с идеями «либерализма» и «демократии» в их западных обертках, реализация которых уже в 1990-е гг. нанесла колоссальный ущерб общественно-экономическому организму страны. «Либерализм» вылился в свободу, а вернее во вседозволенность немногих, избранных — тех, кто больше всех сейчас кричит о «свободе». «Демократия» же превратилась в изощренную пытку и издевательство над волеизъявлением народных масс и стала той плутократией, которая установилась на Западе, но с отвратительным лицом первородного буржуа, опьяненного властью денег, властью именно над тем народом, «народовластием» которого он сейчас якобы так обеспокоен.

И здесь возникает ряд вопросов: если русский народ является главным препятствием на пути модернизации России, то на какую нацию делают ставку «либералы»? Ведь подавляющая часть населения в силу своей «архаики» и «отсталости» всегда будет выступать в роли препятствия, преодолеть которое станет невозможным ни тиранией, ни диктатурой, ни тем более демократией, являющейся своего рода «иконой» для либералов, с которой они непосредственно увязывают даже саму возможность модернизации.

Если исходить из содержательного, стержневого аспекта демократии, то это есть ни что иное, как народовластие, власть народа. Но наша страна фактически является мононациональной (русские составляют 80% населения), и власть по всем признакам демократии должна принадлежать русским.

Хорошо, мы бесперспективны как государствообразующая нация, а кто же столь успешный и перспективный на государственном поприще в России? Ответа два: либо «малый народ» или нацменьшинства, либо другой народ (народы) вне России. Но в первом случае исчезает даже «аромат» демократии и попахивает диктатурой и тиранией. Во втором случае у «либералов»,

очевидно, тлеет надежда либо на непосредственную оккупацию страны русских, ее расчленение и окончательное порабощение, либо на мягкое втягивание и вхождение ее в альянс стран Запада с последующим опять-таки мягким ее подчинением и превращением в сателлита по обеспечению себя природными ресурсами; человеческие при этом не годятся в силу их «отсталости» и «архаичности», но, очевидно, вполне пригодны в качестве «пушечного мяса».

Вот такая получается либеральная модернизация вкупе с «демократизацией» нашего общества. Вырисовывается даже не печальная, а трагическая картина будущего нашей страны, особенно, если обратить внимание на национальный аспект проведенной переписи населения России в октябре 2010 г.

Очевидно, «либеральные» и «демократические» силы не устраивал результат переписи населения 2002 г., когда стало очевидным, что русские (великоросы, белорусы, малоросы) составляют 85% населения страны, а великоросы — 80%. Теперь потребовалось «разводнить» причем не только русских, но и все остальные национальности, проживающие в России, добавив к ним науке ещё неизвестные: «граждан мира», «граждан земли», «жителей вселенной», «космополитов», «советских» и т. п. Абсурдность подобной дифференциации и детализации еще явственней проявляется на фоне ликвидации в паспорте гражданина России теми же «демократическими» и «либеральными» силами строки о национальной принадлежности. Продолжением логики абсурда в области национального вопроса, очевидно, следует ожидать, что при следующей переписи населения в России введут только две агрегированные «национальности»: «россияне» и «нероссияне». Ведь надо же что-то делать с «этими» русскими, не имеющими ни политических, ни экономических, ни технических перспектив.

При определении внешних угроз необходимо опираться на наш исторический опыт и на реальную действительность современного глобализируемого мира, а не на поиск новых внешних врагов. Не надо их искать. Они одни и те же, только более консолидированы и продвинуты в экономическом и политическом отношении, но векторы угроз окончательно не определены, а потому надо быть готовыми к их предотвращению и нейтрализации, откуда бы они ни исходили: с Запада, Востока или Юга. При этом определяющим и главенствующим моментом для России в условиях происходящих геополитических сдвигов и попыток склонить ее к тем или иным союзническим отношениям является сохранение полной самостоятельности и свободы рук с тем, чтобы она была в состоянии быстро изменять вектор своей политики в интересах обеспечения своей экономической и национальной безопасности.

В силу своего географического, геополитического, политико-экономического и военно-стратегического положения в мире Россия не может и не должна позволить втянуть себя в те или иные военно-политические блоки. Во-первых, это является условием сохранения ее полного суверенитета и статуса великой державы, во-вторых, чтобы не превратиться в буферную зону между мировыми центрами сил, а вернее в передовую линию столкновения, непосредственное поле боя между ними.

Нам необходимо осознать, что современные внешние угрозы для нашего Отечества гораздо серьезнее и масштабнее тех угроз, которые нависали над Советским Союзом в 1930-е и 1940-е гг. Совпадение одно: и тогда, и сейчас — мы в одиночестве. И от него никуда нам не деться, так как присоединение к любому мировому центру силы делает Россию заложницей не национальных интересов, а интересов внешних сил. Основополагающие угрозы сопряжены прежде всего с огромными малозаселенными просторами нашей

страны, депопуляцией населения России, исчерпаемостью невоспроизводимых природных ресурсов в мире, усилением борьбы на мировой арене за их обладание, попытками выстроить вертикально-иерархическую модель «нового мирового порядка» с единственным мировым имперским центром.

В условиях перенаселенности внешнего мира просторы России будут рассматриваться как сфера «жизненного пространства» для других народов. Огромные масштабы полезных ископаемых и земли делают Россию вожделенным объектом реализации своих национальных интересов со стороны развитых стран. При этом надо осознать, что в процессе нагнетания истерии по данным проблемам, мы будем все меньше и меньше находить понимание среди субъектов мирового сообщества и превращаться если не во врага, то в изгоя[1].

Независимо от того, какая политическая сила будет находиться во властных структурах, ей придется исходить из принципов сбережения и преумножения народа и обеспечения обороноспособности страны. Исходя из различной степени заселенности территорий, необходимо проводить федеральную дифференцированную социально-демографическую политику, сопровождаемую государственной политикой организации производств, жилищного строительства, создания производственной и социальной инфраструктуры. Для обеспечения обороноспособности страны необходимо помимо технического обновления и перевооружения Российской армии вновь ввести обязательную воинскую повинность для всех граждан мужского пола (служба в Российской армии в течение 1 года — не в тягость) без всяких исключений и отсрочек, так как все войны, развязанные в мире (локальные и региональные) после Второй мировой войны, указывают на необходимость готовности граждан давать вооруженный отпор агрессору и оккупанту. Переход на наемную армию означает лишь одно — беспомощность всего населения в случае оккупации территорий страны и огромные людские потери в случае организации движения сопротивления.

Организующим центром по разработке и реализации мобилизационного проекта должно быть государство. В его руках должны находиться:

- все рентообразующие отрасли как решающий источник финансирования модернизации национальной экономики;
- все естественные монополии, обеспечивающие максимальную мобильность и концентрацию ресурсов (в этом отношении особое место должна занимать транспортная система).

Оно должно максимально эффективно распоряжаться имеющейся в его руках собственностью в интересах национальной экономики. Не могут представители государственной власти голосовать (там, где контрольный пакет акций находится в руках государства) за решения, обогащающие руководство корпораций и сокращающие возможности накопления капитала для развития.

---

[1] Нам уже давали советы (если не инструкции) относительно доведения численности населения нашей страны до 14 млн человек (М. Тэтчер), достаточных для обеспечения нормального функционирования сырьевых отраслей, и заявляли, что в мире установилась несправедливость, когда одна страна владеет такими просторами, как Сибирь (М. Олбрайт), а также неоднократно на международных форумах поднимали вопрос о передаче под юрисдикцию международного права территорий, на которых проживает 8 или менее человек на 1 км² (это прежде всего про нас).

Любой федеральный орган (институт) не может руководствоваться только ведомственными интересами и вести себя как коммерсант или последний торгаш. Это относится, прежде всего, к ЦБ, руководство которого, по-видимому, неизлечимо страдает болезнью монетаризма. В благоприятные годы оно проводило политику «стерилизации» денежной массы, нанося огромный ущерб национальному капиталу, загоняя его в долговую яму иностранного кредитования, финансируя западные экономики. В условиях кризиса ЦБ устанавливает учетную ставку на уровне инфляции, что препятствовало кредитованию реального сектора экономики. Очевидно, необходимо было установить минимальную ставку рефинансирования (1—3%), что позволило бы подконтрольным государству коммерческим банкам (прежде всего Сбербанку и ВТБ) предоставить кредиты реальному сектору экономики под 5—7% годовых. Никакой инфляции не было бы, но был бы инвестиционный бум, рост занятости, рост доходов и спроса на товары отечественного производства, предложение которых не заставило бы себя ждать. Недополучение средств государством в результате заниженных учетных процентных ставок с лихвой восполнилось бы поступлением в государственную казну налогов на заработную плату, прибыль и доходов других агентов рынка.

Государство в условиях мобилизации государственных ресурсов должно отстранить все коммерческие банки и кредитные организации от операций на валютных рынках и рынках ценных бумаг. Они должны заняться реальным делом по аккумуляции свободных денежных ресурсов и их предоставлением реальным участникам процесса модернизации и инновации национальной экономики. Это, во-первых, существенно ограничит отвлечение финансовых ресурсов на спекулятивные сделки и откроет возможность долго- и среднесрочного кредитования инвестиционной деятельности и, во-вторых, перекроет каналы краткосрочного обогащения нуворишей.

Мобилизация финансовых и трудовых ресурсов в интересах модернизации страны возможна по следующим направлениям.

Первое — установление государством дифференцированных рентных платежей (абсолютной, дифференциальной рент 1 и 2) в зависимости от естественной и экономической продуктивности используемых природных ресурсов.

Второе — вся прибыль, получаемая экспортерами продукции добывающей промышленности в результате благоприятной мировой рыночной конъюнктуры должна изыматься государством. Она не является заслугой корпораций, результатом их деятельности, а поэтому должна принадлежать всему обществу в лице государства.

Третье — сырьевым корпорациям должна оставаться прибыль, соответствующая 15—20% ее нормы и достаточная для дальнейшего их развития и модернизации.

Четвертое — та часть прибыли любого хозяйственного субъекта, которая трансформируется в инвестиции реального сектора экономики, должна полностью освобождаться от налогообложения. Данная мера соответствует интересам и капитала, и труда, и общества, и государства. Интерес капитала заключается в его накоплении, росте массы прибыли; интерес труда — в получении дополнительных рабочих мест; интерес общества — в решении проблем занятости, роста доходов и повышения уровня благосостояния в стране; интерес государства — в увеличении налоговых поступлений в бюджет. Одновременно к той части прибыли, которую предприниматели используют на

личное потребление (личный доход), должна применяться прогрессивная шкала налогообложения.

Таким образом, стремление капитала работать не только на себя, но и на общество, и государство должно сопровождаться снижением налогового бремени, а стремление к личному обогащению и роскоши — его ростом.

Пятое — ввести прогрессивную шкалу налогообложения на все личные доходы с целью решения проблем социальной поддержки и справедливости в стране. Ссылки на то, что это приведет к сокращению налоговых поступлений, уходу от налоговых платежей не состоятельны, о чем свидетельствует мировой опыт. В частности, в двух крупнейших странах мира с различным политико-экономическим устройством (США и КНР) высшая планка подоходного налога находится на уровне 45%. Охотников ухода от налогов и там, и там не наблюдается, ибо они хорошо осознают масштаб негативных последствий от таких шагов, а власти не дают поводов усомниться в неизбежности возмездия за подобные преступления. Уход от налогов в любой стране расценивается как неспособность властей реализовать государственный и национальный интерес. Заявление министра финансов любой страны Запада о невозможности полного сбора налогов или ухода налогоплательщиков от налогов тут же вызвало бы немедленную реакцию во властных структурах, и он был бы отправлен в отставку.

Федеральная, региональная и местная власти в случае отсутствия интереса у частных инвесторов или возникновения монопольного положения на том или ином рынке, или необходимости обеспечения занятости населения обязаны организовать производство, тем самым обеспечивая благоприятную конкурентную среду, решая проблемы экономического развития и социальные вопросы. В дальнейшем такие предприятия, в случае необходимости, могут приватизироваться.

Успешная модернизация национальной экономики возможна не по отдельным направлениям или в отдельных областях, а если она направлена на совершенствование развития всего потребительского комплекса, работающего на конечных потребителей, на население, нуждающееся в качественных и технически совершенных товарах и услугах.

В условиях истощения невоспроизводимых природных ресурсов, роста загрязнения окружающей среды государство призвано стать главным препятствием на пути их расхищения и загрязнения среды обитания человека путем регулирования, ограничения и запрещения мероприятий, осуществляемых капиталом по нагнетанию потребительства в материальных благах в целях извлечения растущей прибыли. Речь идет о рекламе, моде, демонстративном и престижном потреблении. Высвобождающие ресурсы в результате сжатия материального потребления должны быть направлены на развитие духовного производства.

Определяющей, доминирующей и центральной фигурой нашей системы должен стать человек труда, ибо только трудом (включая предпринимательский, умственный, научный, государственный и т. п.) создаются все материальные и нематериальные блага. Капитал лишь освоил формы присвоения результатов и всеобщего, и совместного, и живого, и овеществленного труда. Поэтому определяющим фактором в процессе модернизации национальной экономики должно стать преумножение, формирование и развитие человеческого потенциала каждого индивида и общества в целом, что предполагает равнодоступность всех и каждого к услугам здравоохранения, образования, науки и культуры. Только создание благоприятных условий для раскрытия

способностей и талантов каждого ребенка, подростка, юноши и взрослого человека открывает нам дорогу к инновационному прорыву в будущем. Здесь главная роль отводится государству — поставщику общественных благ.

Оценка результатов модернизации национальной экономики должна базироваться не на чисто экономических (стоимостных), а на социально-экономических показателях: таких, как индекс развития человеческого потенциала, коэффициент жизнеспособности нации. Речь идет о показателях, в которых нашли бы отражение состояние в стране системы образования, здравоохранения, культуры, среды обитания.

Будущее нашего, равно как и любого другого, народа сопряжено и прямо зависит от формирования, развития, раскрытия и реализации человеческого потенциала (если кому угодно — «капитала») общества и каждого его индивида. А он формируется, создается и реализуется только через труд и в труде. Поэтому достойно сожаления, что с герба нашей родины исчезли символы труда — серп и молот; символы будущего общества, а не пожирателей его результатов. Нам дорог двуглавый орел, символизирующий симфонию духовной и светской властей, но симфония будущего общества может состояться лишь под гимн труду, который на самом деле олицетворяет собой прославление Творца.

Совершенно очевидно, что любые прогрессивные преобразования, включая модернизацию и инновации, невозможны без развития системы образования. В этой связи можно с уверенностью сказать, что приоритетный проект «Образование», мягко говоря, не соответствует стоящим перед страной задачам.

Высшее образование должно быть полностью бесплатным и государственным с системой бюджетных мест по количеству и структуре, отвечающим требованиям развития народного хозяйства на ближайшие 5 — 10 лет, чтобы каждый выпускник средней школы имел возможность проявить себя на поприще высшего образования на основе справедливого конкурсного отбора и восстановления в высшей школе института слушателей, как это было в советское время, но в значительно увеличенных масштабах. При этом по окончанию каждого семестра вузами должны пересматриваться списки студентов: «успешные» слушатели занимали бы места студентов, а «не успешные» студенты могли бы переходить в разряд слушателей или вообще исключались бы из вузов как не обладающие способностями осваивать программы высшего профессионального образования.

С целью сокращения нагрузки на бюджет (если действительно власть не в состоянии обеспечить 100%-ое финансирование необходимого количества бюджетных мест) можно ввести платное обучение для детей из состоятельных семей вне зависимости от их успехов в учебе то ли в средней, то ли в высшей школе. В частности, речь идет о том, чтобы семьи с доходами, превышающими 350 — 400 тыс. р. в год на каждого члена семьи, оплачивали обучение своих чад в вузах. Несомненно, такие семьи пожелают своим детям получить высшее образование и не остановятся перед расходами на достижение столь благородной цели. Дело останется за детьми: желают ли они продолжать учебу, имеется ли у них стремление к получению новых знаний и обладают ли они соответствующими способностями к их освоению.

В то же время при развитии системы высшего профессионального образования нельзя не обращать внимание на пепелище начального и среднего профессионального образования, оставленное нам в наследство от «либеральных» реформ не только по уничтожению индустрии, но и по дискредитации

и диффамации этих образовательных институтов, тесно связанных с ней. Поэтому восстановление многоступенчатой системы профессионального образования открывает возможность для полного как использования, так и проявления способностей молодого поколения россиян. Это также должно стать заботой государства вкупе с бизнесом.

Несомненно, что атмосфера, духовная среда общественных отношений, сопровождающих модернизацию народного хозяйства и инновационное его развитие, должны соответствовать духу народа, его представлениям о морали и нравственности в обществе, о правах и свободах, которые были бы направлены на реализацию его представлений о справедливости, долге, ответственности перед будущим российской государственности и будущими поколениями. Такие ориентиры для государствообразующей нации — русского народа — заложены в православной этике.

Если индустриальный прорыв России в XX столетии был осуществлен под знаменем коммунистической идеологии, принципы которой затем были деформированы, дискредитированы и девальвированы, то современная модернизация должна, несомненно, протекать под флагом православия не только в силу того, что его ценности в наибольшей степени соответствуют запросам не только русского народа, но и других народов государства российского, но и потому, что они отвечают духу времени, всемирным тенденциям социально-экономического развития мирового сообщества, которые находят определенное отражение в различных «гранях» концепции устойчивого развития.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства как идеология серединного пути между капитализмом и социализмом

Корни модели «третьего пути» между либеральной рыночной экономикой и централизованной экономикой социализма, равно как и современных моделей смешанной экономики большинства стран мира, следует искать, на наш взгляд, в канонических доктринах официального социального учительства, или магистериума Католической церкви, разработка которых активно началась с 1891 г.

Как известно, в XX в. мир раскололся на две политико-экономические системы. С одной стороны находились капиталистические страны с рыночной экономикой, основывавшейся на либеральных идеях, в том числе идее частной собственности, а с другой — социалистические страны с командной экономической системой, в рамках которой развивалась марксистская теория, идеализировавшая государственную собственность на средства производства. Однако, с точки зрения Ватикана, ни либерализм, ни социализм не смогли устранить проблему обнищания рабочего класса.

Пий XI писал, что рабочий класс так и не нашел поддержки в рамках капитализма, а социализм принес ему еще большее зло. Иоанн XXIII утверждал, что как совершенная конкуренция либерализма, так и марксистская теория противоречат христианскому учению и природе человека. Иоанн-Павел II критиковал обе модели за ограничение человеческих потребностей

лишь материальными благами, независимо от того, что капитализм пытался превзойти социализм большим ассортиментом. Говорили они и о недопустимости утверждения примата капитала над трудом, а также разрушения среды обитания человека, т. е. экологии посредством чрезмерных промышленных, сельскохозяйственных и транспортных выбросов в обеих системах.

Либерализм подвергался нападкам со стороны Католической церкви вследствие того, что конкуренция способствовала укоренению сильного, особенно беспринципного, за счет более слабого, а далее из экономической сферы она переходила в сферу политическую, способствуя концентрации экономической и политической власти, подавляющей политический плюрализм и демократию. В итоге экономика совершенной конкуренции превращалась в экономику полного доминирования, ведущего не только к уничижению авторитета государственной власти, которая должна заботиться об общем благе, но и к расцвету национализма и колониализма. Негативным аспектом конкуренции объявлялась невозможность гарантии справедливой оплаты труда, что, правда, корректировалось профсоюзами, обеспечивавшими право на переговоры как предпосылку этой гарантии. Капитализм в лице рыночного механизма объявлялся неспособным удовлетворить определенные общественные нужды и преодолеть отчуждение человеческого труда, возникающее вследствие удовлетворения бессмысленных потребностей и отсутствия этических ориентиров. Ошибочным признавались требование экономической свободы и вера во всемогущество рыночного механизма, что вело к игнорированию нравственности, а также анонимный характер труда, питающий классовую борьбу.

Церковь не ограничивалась сплошной критикой капитализма, указывая и на его прогрессивное значение, в частности, на эффективность рыночного механизма в отношении удовлетворения определенных потребностей. Профессор теологии К.-Х. Пешке подчеркивал значимость инноваций, роста уровня жизни, научно-технического прогресса и создания условий для внедрения социальной политики. Представитель концепции «естественного права» Й. Месснер указывал на основную задачу конкуренции в виде поддержки равных условий для всех субъектов хозяйства и выражает беспокойство по поводу нарушения этого равенства крупными компаниями через ценовые манипуляции посредством монополизации рынков. Однако Иоанн-Павел II, задаваясь вопросом о судьбе капиталистической системы хозяйствования, вытеснившей социалистическую систему в 1990-х гг., не мог ответить однозначно: принять ее или отвергнуть. Он указывал лишь те элементы капитализма, которые церковь рекомендует использовать в хозяйственной практике в виде положительной роли предпринимательства, рынка, частной собственности и вытекающей отсюда ответственности за средства производства, свободной творческой деятельности человека в области экономики, и те, которые отвергает, в частности, отсутствие юридического закрепления экономической свободы на службе человечеству.

Что касается марксистской философии, укоренившейся в социалистических странах, то, несмотря на некоторую схожесть в стремлении, клерикалы и марксисты серьезно расходились в методах и задачах того, ради чего все проводилось. Представители обеих концепций изначально выступали за улучшение положения рабочего класса. Но если марксисты предлагали изъять средства производства у предпринимателей и передать их целиком рабочим в лице правительства, которое должно было представлять их интересы, то клерикалы были противниками таких методов хозяйствования. Последние под-

черкивали, что, несмотря на то, что рабочий создает продукт определенной стоимости, он не должен присваивать себе всю эту стоимость.

Постулируя некоторое сходство концепций социального католического учения и идей социализма, Ватикан тем не менее радикально отвергал возможность соединения социализма с каноническими принципами хозяйственной философии. Непринятие канонической философией идеологии социализма заключалось в следующем. Ватикан провозглашал, что человек создан Богом и поставлен на определенное место в этом мире, и основной задачей человека должно стать его стремление к высшему благу, к идеалу, к Богу, в том числе посредством добродетельной жизни. Конечную же цель концепции социализма Ватикан видел в построении общества потребления, не заботящегося о духовном развитии человека. Иоанн-Павел II утверждал, что социально-экономическая система социализма подчиняет себе индивида и стирает понятие личности, подавляя частную инициативу, равно как, трансформируя систему права, отрицает частную собственность. Кроме того, критикуя общество свободного рынка за отчуждение и превращение человека в товар, марксизм не решает эту проблему, но лишь усиливает ее актуальность своей хозяйственной несостоятельностью. Классовую борьбу Папа отождествлял с милитаризмом и империализмом, а исходными пунктами классовой борьбы и милитаризма он считал атеизм и пренебрежение личностью, порождающими примат силы над разумом и правом. Подтверждение своей правоты в отношении несостоятельности социализма Папа видел в отказе социалистических государств от марксистской идеологии естественным, мирным путем диалога, которая, в свою очередь, пыталась разрешить общественные противоречия насильно. Однако Ватикан, ссылаясь на универсальность своего социального учения и необходимость борьбы за свободу совести, указывал на то, что упадок марксизма сам по себе не влечет за собой решения проблем, с которыми он боролся.

В XX в. понтифики Ватикана заявили о разработке и создании своей программы гармоничного развития общества. Основой такой программы они назвали социальное учение католицизма, изложенное у Льва XIII в энциклике «Rerum Novarum». Пешке замечает, что экономика, или хозяйственный порядок, не провозглашалась конечной целью развития общества, но считалась мостом к более высоким ценностям. В свою очередь у экономики есть две цели: ближайшая и высшая. Первая связана с удовлетворением насущных потребностей на обозримое будущее, а вторая формирует духовный, или моральный, стержень общества.

Начало социальной работы, в данном случае разработки социальной политики, отразилось, по утверждению Пия XI, в создании новых отраслей права, в частности, трудового, которые были направлены на защиту прав рабочих, особенно женщин и детей. Дальнейшая разработка социальной сферы привела к утверждению Ватиканом определенных экономических принципов, особенно для домохозяйств, посредством чего, кроме прочего, решалась бы проблема депролетаризации общества: бережливости и разумного управления нажитым имуществом. Внедрение данных принципов в хозяйственную практику позволяло рабочему классу, с точки зрения Ватикана, подняться на более высокий уровень жизни, что достигалось не только через бережливость и хозяйственное усердие, но и через участие работников в управлении фирмами, и в распределении прибылей фирм, а в итоге — через массовое формирование частной собственности.

В связи с вышеизложенными идеями встает вопрос о том, кто будет должным образом внедрять данные принципы в хозяйственную практику. Каноническая философия хозяйства наделяет таким правом государство, точнее, правительство, которое должно снимать возникающие противоречия между классами и проводить политику, направленную на объединение интересов представителей всех субъектов хозяйства, стремясь к созиданию общего блага. Пий XI предлагает основополагающий регулятивный экономический принцип, в соответствии с которым рекомендуется создание модели регулируемой рыночной экономики с социальной направленностью — модели, которая сегодня принята многими странами мира, в том числе Россией.

Используя социально-экономическое учение Ватикана, западные исследователи-теологи, в частности Э. Мулер, разрабатывали концепцию «серединного пути» развития хозяйства, которая могла бы объединить положительные стороны рыночной и централизованной экономических систем, т. е. капитализма и социализма. Базисом «третьего пути» развития хозяйства, с точки зрения «канонических экономистов», должна была стать концепция «общего блага», балансирующая интересы основных субъектов хозяйства и общественных институтов на солидарной и субсидиарной основах. Ватикан настаивал на том, что плодотворная хозяйственная жизнь общества возможна лишь тогда, когда в социальном организме, как называл общество Пий XI, солидарно взаимодействуют все отрасли хозяйства и все члены общества так, что в результате этого каждый член общества, в частности домохозяйства, делая вклад в благополучие целого, получал бы все необходимые материальные и духовные блага для себя и своих близких. Субсидиарность же проявлялась в том, что вышестоящая структура в общественной (хозяйственной) иерархии должна помогать нижестоящей и подчиненной ей структуре решить свои задачи, не лишая ее инициативы и ответственности. Так, например, государство должно финансировать пенсионеров только в крайнем случае, если в экономике не получается создать условия для самопомощи в виде различных фондов и финансовых инструментов или обратиться за помощью к международным структурам, пока такие условия не будут созданы.

Тем не менее каноническая философия хозяйства долгое время оставалась именно философией. Более того, Второй Ватиканский собор, проводившийся в первой половине 1960-х гг., указывал на то, что Церковь вовсе не должна была основываться или придерживаться какой-то общественно-политической системы, ибо ее задача — забота о человеке. Эту мысль подтвердил и Иоанн-Павел II в начале 1990-х гг., развивая концепцию, согласно которой за церковью оставалась лишь роль хозяйственного философа для расстановки ориентиров в социально-экономическом развитии общества, к которым можно отнести плюсы рыночного механизма и предпринимательскую способность, направленные на общее благо, уважение достоинства работников и их участие в деятельности предприятия, всестороннее развитие личности в трудовом процессе. Понтифик также акцентировал примат личности над государством и рынком и выделял институциональную черту в католическом социальном учении в виде междисциплинарного подхода к анализу развития хозяйства.

В настоящее время социально-экономическое учение современной канонической философии известно под такими названиями, как «социал-органическое», «социальная демократия», «солидаризм», а в российской историографии — как «социальный католицизм», или «социально-католическое учение».

В России по идеологическим причинам церкви не могли вести широкие разработки в социально-экономической сфере на протяжении большей части XX в. Что касается православного социального учения, то в качестве примера такового приведем «Основы социальной концепции Русской православной церкви», составленные в 2000 г. Русская православная церковь (РПЦ) в лице Московского патриархата выражает схожие с католической канонической философией идеи. Однако в отличие от Католической церкви православное социальное учение отводит себе более весомую роль в регулировании хозяйственной этики, претендуя на место нового субъекта хозяйства наряду с государством, фирмами, домохозяйствами и внешнеторговыми партнерами. В православном учении прослеживаются католические принципы субсидиарности и солидарности (симфонии), а также концепция общего блага, оставаясь пока неявно выраженными.

Протестантские церкви России, объединившиеся под эгидой Консультативного совета глав протестантских церквей России, приступили к разработке социальной концепции в 2003 г. под названием «Социальная позиция протестантских церквей России», которая была дополнена в 2009 г. Социальная позиция протестантских церквей России, как и Основы социальной концепции РПЦ, развиваются в направлении, заложенном католическим социальным учением. Прослеживается принцип солидарности, идея созидания общего блага, сильное государство, частная собственность, гуманное отношение людей друг к другу и к природе. В решении проблемы конфликта церкви и государства Консультативный совет глав протестантских церквей России фактически допускает противление властям, следуя убеждению совести и Евангельским принципам, но прямо о ненасильственном противлении речь не идет, как это имеет место у РПЦ. Принцип субсидиарности своего развития пока не получил. В отличие от православной концепции протестантская выделяет необходимость бережного отношения к женщине как матери семейства.

Итак, выходом в свет энциклики «Rerum Novarum» Католическая церковь датирует начало разработки социально-экономической доктрины, что, на наш взгляд, означает начало формирования современной канонической философии хозяйства и модели серединного пути развития хозяйства между капитализмом и социализмом. От социализма, или плановой экономики, их отличают опора на частную собственность и рыночную конкуренцию, а от либерального капитализма их отличает не рыночное перераспределение благ, а создание таких условий для субъектов хозяйства, в частности граждан, чтобы любой из них мог получить доступ к общему благу и улучшить свое благосостояние. Основными идеями поступательного развития современного хозяйства каноническая философия в лице, в частности, Католической церкви считает необходимость гармоничного соединения труда и капитала при направляющей роли государства, а также формирование морального стержня общества усилиями церкви. Причем подобное соединение должно основываться на всеобщей ответственности и уважении интересов друг друга, что позволяет каждому субъекту хозяйства, делающему соответствующий вклад в развитие всего общества, пользоваться благами, которое это общество производит.

Т.Н. ЮДИНА

Новые дискурсы экономической системы (альфа и омега)

Посвящается светлой памяти
Василия Георгиевича Белолипецкого

1. Мировой экономический кризис 2008—2009 гг. как элемент апокалиптического и конец высокого либерализма, кризис глобализма и ренессанс локализма, современная интеллект-революция требуют нового взгляда на экономическую систему. Основатель «умной» компании «Майкрософт» У.Г. Гейтс в своем выступлении о развитии капитализма без кризиса на Всемирном экономическом форуме «Давос — 2008» отметил: «Сейчас самое главное для мировой экономики — постепенно осуществить *переход от капитализма по Адаму Смиту к интеллектуальному (творческому) капитализму* (выделено нами. — *Т.Ю.*). Этот капитализм совершенно иной и отрицает доводы Адама Смита и многих его последователей, когда бизнес в лице ограниченной кучки людей стремится к богатству, обделяя остальных. По тому, как приобретается капитал и собственность и как они используются, зависит то, чем они являются — добром или злом для собственника и его современников» [1, 163]. Таким образом, в современном мире наблюдается ренессанс этической экономики.

Альфа и омега. Билл Гейтс в XXI в. на ВЭФ — 2008, как в античные времена Аристотель Стагирит, автор учения об ойкономикос-домострое как общественно-полезном хозяйстве и учения о хрематистике (money making) — делании денег [2], позиционировал ростовщичество как самое негативное, ненавидимое всеми явление. Гейтс сказал на давосском форуме: «До каких пределов капиталист должен распространять свои *безумные вожделения* (выделено нами. — *Т.Ю.*), проявляя расточительность и тратя деньги на пышные пиры, другие безумия? Я считаю, что чем более творчество составляет суть капитала, тем скромнее эти вожделения. И наоборот, там, где бизнес торгует национальными богатствами своей страны, данными Богом для всего населения, там дух вожделения преобладает над здравым смыслом и превращается в безумие. Такой бизнес обречен на ненависть своих сограждан, но и граждан других государств и не способен приносить блага никому. Это мы наблюдаем сейчас во многих странах Востока, где *преобладает идеология ростовщиков* ненавидимых всеми творческими людьми» (выделено нами. — *Т.Ю.*) [1, 164]. Таким образом, становится очевидным, что «умная» этическая экономика, по Гейтсу, не преемлет ростовщичества.

Альфа и омега. Первый и последний. Актуальность учений Аристотеля Стагирита об ойкономикос (домострое) без ростовщичества и о хрематистике с институтом ростовщичества очевидна в XXI в. [3, 16—17]. Великий Дж.М. Кейнс в своем послании внукам «Economic Possibilities for Our Grandchildren» писал: «Я предвижу, что мы будем иметь возможность вернуться к некоторым наиболее бесспорным и непреложным принципам религии и традиционной добродетели, утверждающим, что скупость — это порок, что *ростовщичество* (Д—Д.' — *Т.Ю.*) недостойны человека... Мы вновь будем ценить цели выше средств и предпочитать добро пользе...» [4, 358—373]. Великие античные мыслители Ксенофонт и Аристотель, а также великие англосаксы Дж.М. Кейнс и У.Г. Гейтс отрицают ростовщичество, не включают его в хозяйственную систему.

2. Рассмотрим дискурс как методологическую единицу. В научную теорию лингвистики текста *«discourse», «дискурс»* (амер., фр. *discour* — дискурс) был введен впервые американцем З. Харрисом в 1952 г. В отечественной экономической науке лишь в XXI в. ученые стали часто применять его в своем анализе как особую методологическую единицу наряду с другими аналогами (парадигмой, научно-исследовательской программой, научной школой). Дискурс — процесс понятийного, логического обоснования, предшествующего суждениям. Он отражает то, что социально-ценностный подход является встроенным в научное мышление. Экономический дискурс — это определенная научная позиция, отражающая современные направления экономической мысли рыночной и нерыночной экономики (марксистское, неоклассическое, неоинституциональное, кейнсианское и др.) к определенному объекту — хозяйству, экономике в целом (хозяйственной и экономической системам) или их составляющим. В дискурсе существуют цели (богатство), стратегии, субъекты (фирмы, государство), экономическое пространство. *Дискурс как методологическая единица* представляет собой концептуальный анализ. Он непосредственно составляется из концептов, среди которых определяется главный. Так, в экономическом дискурсе *ключевой концепт* — богатство (правда, это понятие, так же как и экономика, нуждается в своей целостной научной идентификации для устранения различных противоречивых трактовок). Есть ли ограничения для общественных наук? Да, есть. Этим ограничением для хозяйственной системы является ломоносовское «сохранение и размножение российского народа» в контексте богатства. Для естественных наук — закон сохранения материи (энергии). В авторских опубликованных трудах показаны различия экономики и хозяйства, ойкономикос-домостроя и хрематистики-финансономики.

3. К. Маркс в первом томе «Капитала» четко определил сущность хрематистики и ростовщичества, их взаимосвязь. По поводу формулы Д—Д' он писал: «В ростовщическом капитале форма Д—Т—Д' сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: Д—Д', деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена» [5, 175]. Однако хрематистика выражается не только посредством формулы Д—Д', но и формулой Д—Т—Д' при условии, что товарообмен используется не для удовлетворения реальных общественных потребностей в конкретных товарах, а для спекулятивного обогащения собственников денег (представителей финансового и торгового капитала).

На современное «пренебрежение» к Аристотелевой «экономике» — *домострою* (первый перевод древнегреческого слова *ойкономикос*, используемый в отечественной экономической науке до XVIII в.) обратил внимание К. Поланьи. Такое «пренебрежение» он назвал «явлением знаковым». Поланьи писал: «Немного было мыслителей, к чьим идеям по такому широкому кругу вопросов прислушивались бы на протяжении стольких веков, как к идеям Аристотеля. И в то же время его учение о предмете, которому он посвятил особое внимание и который оказался жизненно важным для нашего собственного поколения, а именно — учение об экономике, было воспринято ведущими умами нынешнего времени неадекватно, вплоть до непонимания» [6, 11]. Аристотелевское возмущение против чрезмерного взимания ростовщических процентов (в IV в. до н. э. в Древней Греции пределы ставки процента по обычным ростовщическим ссудам были настолько высокими [7, 508], что выглядят нереальными для многих современных экономистов), против рос-

товщичества и надувательства, вызвали в Европе «озадачивающий взрыв». Аналогичный «взрыв» против ростовщичества и ростовщиков наблюдался в Древней (Киевской) Руси в XI в. Однако в России уже такой реакции не было. Более того, в соответствии с Основными законами Российской империи 1903 г. ростовщичество воспринималось как уголовное преступление. Таким образом, домостроительство противостоит не рынку, а хрематистике с господством ростовщичества, паразитизма, нетрудового богатства, когда разрывается связь финансовых и трудовых результатов.

4. Впервые нами дано обоснование *домостроительства как системы и процесса реализации хозяйственной деятельности на принципах самодостаточности, соборности, справедливости, самоуправления и нестяжательства, а домостроя как особого хозяйственного порядка, всегда с хозяином* — его внутреннего строя, складывающегося в виде общины, артели при отношении к земле как к «священной основе» хозяйства в органическом единстве труда, собственности и богатства, обеспечивающего практическую реализацию общественного воспроизводства вещественных благ, невещественных ценностей и «духовно-нравственного капитала» [8, 11].

Результатом тематического анализа стало интегральное авторское определение главной научной компетенции исследования — домостроительства. Это — сложная, нелинейная, историческая и современная социо-культурно-хозяйственная система, основанная на домострое, в зависимости от той или иной общественной формы национального хозяйства и/или национальной экономики, цивилизации, точнее культурно-исторического типа и эпохи, т. е. экономического пространства и исторического времени, и представляющая собой общественно-полезное хозяйство всегда с хозяином, реализующееся в различных способах производства и общественно-экономических формациях, а также технологических укладах (ступенях). *Домостроительство* — специфическая система реализации хозяйственной жизни человека и человечества, а домострой — особый хозяйственный строй (порядок), обеспечивающий практическую реализацию общественного воспроизводства вещественных и невещественных благ и духовно-нравственного капитала [8, 24].

Домострой и домостроительство — всеобщие экономические феномены и категории. Их историческими примерами являются экономики Древней Греции (V—IV вв. до н. э.), Византийской империи (V—XV вв.) и таких западноевропейских стран XIII—XV вв., как Италия, Франция, Чехия, а также Россия (вторая половина IX — начало XX в.). Домострой как экономический порядок, хозяйственный строй, основанный на духовно-нравственных началах, прежде всего — справедливости, со своей доминантой и архетипом, — феномен, не ограниченный Античной Грецией и Россией. Домостроительство — это также всеобщая экономическая система, практическая и концептуальная.

5. Новые дискурсы экономической системы как домостроительства позволяют выделить историко-хозяйственные концепты. Первый историко-хозяйственный концепт (XI—XVI вв.) — хозяйственная (домостроительная) система Руси как одна из домостроительных систем в мире (Византия, Франция, Чехия, Италия и др.). Второй историко-хозяйственный концепт (XVI в. — 60-е гг. XIX в.) — хозяйственная (домостроительная) система Руси-России — единственная домостроительная система в мире.

Новым дискурсом экономической системы является неодомостроительная концепция. Известно, что у*чение о домостроительстве, домостроительная (экономическая) теория* — особая концептуальная историческая

основа экономического мышления, которая синергетически из прошлого переходит в настоящее и будущее. Однако даже в рамках современного экономического мышления (рыночного) есть категория *домохозяйства*. Она выступает как важнейшая часть реального сектора рыночной экономики, где осуществляется воспроизводство человека, потребление и формирование некоторых факторов производства.

Соборность как принцип домостроительства, предпочтение общих интересов частным, общего блага частному не исчерпала своего значения для новых «умных» технологических укладов. Принципы домостроительства (5 «С»: справедливость, соборность, самодостаточность, самоуправление, самоограниченность) применимы к новому типу корпорации, российской экономике в целом, сориентированной на собственный внутренний рынок, экономику знаний, интеллектообщество, пневматосферу и домостроительство спасения по П. А. Флоренскому [9].

Литература

1. *Овчинников В.В., Бочаров В.Е., Андрияшин Ю.Н.* Крах мировой финансовой эйфории. М., 2008.

2. *Юдина Т.Н.* Экономика — Домострой — Ойкономикос — Нехрематистика (в контексте поиска национальной модели хозяйственной системы России 862—1917 гг.). М., 2008.

3. *Юдина Т.Н.* Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория. М., 2010.

4. *Keynes J.M.* Essays in Persuasion. N. Y., 1963.

5. *Маркс К.* Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

6. *Поланьи К.* Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.

7. *Усоскин В.М.* Ростовщический капитал // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979.

8. *Юдина Т.Н.* Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России (вторая половина IX — начало XX в.) // Автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2009.

9. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М., 1990.

В.В. БРОНИЦКАЯ

Свободное духовное производство как условие социально-экономического развития

И человек сказал: «я русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.
Н. Зиновьев

Как ликует заграница
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени -
Помолиться перед боем.
Н. Зиновьев

Длительная информационная война, которая велась против СССР вплоть до его распада и продолжает вестись против России, перестала быть

только информационной. Вызревающие где-то в глубине робкие и неявные тенденции развития, возрождения или даже восстановления не перекрывают пока очевидные явления разрушения и распада: это и сырьевая зависимая экономика, и демографическое неблагополучие, и, главное, неблагополучие духовное… И кажется, что в условиях тотальной власти транснационального капитала тем более невозможно надеяться, особенно если учесть, что архетипы в русском коллективном бессознательном находятся в максимальной противофазе виртуальным инфернальным монстрам, порожденным постмодернистской глобализаторской энергией, что включает дополнительно программу саморазрушения. Но то, что не убивает, делает нас сильнее… Возможно, именно напряжение между сущностным и существующим (зачастую в форме небытия) и породит нечто мироспасительное…

Свободное духовное производство исчерпывающе можно было бы объяснить в системе марксистского подхода, если бы не одно но… По К. Марксу, свободное духовное производство осуществимо в условиях постэкономической формации и определяющим образом ею обусловлено. Не пересказывая представлений К. Маркса о коммунизме, отметим лишь то, что современная социально-экономическая система в России и в отдаленной перспективе не приближается к этому качеству. А для того, чтобы сохранить Русь, необходимо производить глобальные перемены уже сейчас. Нельзя ждать, пока базис сформирует надстройку — наоборот, необходимо через ее перенастройку осуществлять базисные изменения.

Для более целостного постижения сущности и смысла свободного духовного производства, условий его формирования, способа бытия в качестве самоценности и инструментария, одухотворяющего реальность, необходимо раскрыть некоторые моменты в понимании свободы, ее сердцевинного смысла. Не зацикливаясь на рассмотрении вульгарных интерпретаций свободы как вседозволенности или отсутствия ограничений, обратимся к некоторым высказываниям…

Концепция общественной безопасности — организация, объединяющая мыслителей для создания целостной философской мировоззренческой системы и социального творчества, принципиально не указывающая индивидуального авторства, расшифровывает слово «свобода» как *совестью водительство Богом данное.*

Свобода, по Ясперсу, трактуется как преобразующее воздействие человека на самого себя в процессе самопознания [1, 21]. О свободе можно говорить как о состоянии и процессе приобретения человеком самотождественности с его целостностью в духовной сущности или, используя терминологию Р. Ассаджоли, с высшим «Я». Соответственно свободное духовное производство — то, в котором субъекты, обретая свободу через созидание в творчестве духовных ценностей, содействуют обретению свободы других. Свободным духовным производством может не только создаваться личная и социальная свобода других, но и формироваться условия для ее реализации. Безусловно, на современном этапе духовное производство должно представлять интеграцию в единое целое всех его сфер и быть условием развития социально-экономической системы. Но существует фактически непреодолимое противоречие для обретения духовным производством этого качества. Ведь само духовное производство является сферой общественного воспроизводства, соответственно наследует его противоречия и пороки, хотя имеет внутренние потенции, связанные с изначальной духовной природой человека. Современное состояние власти и большинства параметров социально-экономической среды

приводит к тотальному вытеснению превращенными формами духовного производства его свободных форм, противоречащих его орыночиванию (прежде всего в значении продажности) вместе со всем общественным воспроизводством. Более того, продукты превращенных форм духовного производства таковы, что чаще выполняют функцию прямого био-, социо- и духовного расчеловечивания и укрепления инфернальной духовной власти, в отличие от эпохи Модерна, когда расчеловечивание не являлось прямой задачей, а выступало побочным продуктом иных целей. Сердцевинное, духовное в человеке, формирующее потенциал для подлинного свободного творчества, выступающего служением, а не беспредельным самовыражением, все чаще подавляется, не актуализируясь… А ведь были же, ведь есть же еще те, в ком горит вечная энергия милосердия и сострадания, кто готов положить жизнь на алтарь свободы, кто готов отвоевывать бытие у небытия.

Волхвы и витязи, герои различных эпох, старцы, Богоматерь, Родинамать, герои Великой Отечественной с красными звездами на фуражках… все, кто оберегал и оберегает, создавал и продолжает созидать незримую духовную связь, живут в вечности и разных слоях народной памяти: в коллективном бессознательном и в трансперсональном сознании. Для тех, в ком это сохраняется как осознанное и ценное, кто отвечает перед прошлым и будущим за сохранение духовной преемственности, не может быть альтернативы личному участию в творении свободных форм духовного производства. Были, есть и будут те, кто говорит и пишет правду, живет праведной жизнью.

У тех, кто не осознает или действует вопреки сознанию, неосознанное, ставшее живой ценностной культурой, будет создавать мучительный дискомфорт внутреннего разлада до тех пор, пока жизнь не пойдет по совести.

Уникальные по-своему преимущества — длительные исторические периоды с преобладанием общинных форм бытия, периоды достижения соборности, коллективное общежитие в Советском Союзе, коллективные подвиги и мироспасительные миссии — создают в большой мере осознанное или неявное неприятие эгоистичного, атомизированного существования. Это же в большой же степени разрушает русский народ (не актуализировавший себя в настоящем качестве), но и может стать спасением и надеждой… Опять-таки холизм, космизм, универсальность, многие уникальные особенности русской науки, искусства и мысли вообще (не зря Г. Гачев отмечал закономерность создания космического корабля и полета человека в космос именно в России [2]) — наиболее актуальны для собирания в единое целое культуры, духовного производства и эпохи... Создать ситуацию в духовном производстве, при которой тенденции изменения и сохранения целостности не будут находиться в противоречии, а развитие станет условием сохранения целостности, распространить этот принцип на всю общественную систему — такой представляется задача России, которая должна актуализировать свое сущностное, Богом данное бытие (*Святая Русь*) и в очередной раз спасать мир от инфернального Постмодернизма — глобализма транснационального капитала. И об этом надо говорить и кричать на любом доступном языке — языке музыки, слова, набата, социального действия… Чем больше будет людей, способных действовать так, тем скорее отыщутся среди них те, чей язык будет понятен большинству.

«Русский» — это не национальность, не только потому, что между русскими существуют достаточные этнические различия, это диагноз, особенно сейчас — социальный экзистенциальный… Это понятие должно стать формой бытия. В гимн Советского Союза нечуждый метафизики Сталин лич-

но внес поправки… Пусть реальными станут строки этого гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». И ничего страшного, если этих республик станет больше…

Россия — все еще большая страна во всех смыслах, и для стягивания ее смыслов и потенций в единое целое необходима большая идея, причем такая, которая изначально заложена в ее сущности.

О значении для истории России великих идей неоднократно писал выдающийся мыслитель А.С. Панарин.

А современное состояние России — под властью глобализма, источающего небытие, грозящего уничтожить все живое… И противопоставить этому нужно не только повышение ВВП и финансовую стабилизацию (тем более, что современная природа финансовой системы говорит об иллюзорности этого).

Литература

1. *Сидоренко И.Н.* Карл Ясперс. Мн., 2008.
2. *Гачев Г.Д.* Ментальность народов мира. М., 2008

Т.В. ВОЕВОДИНА

Осмысление опыта реального социализма как фактор выхода из кризиса

Накануне

Современная эпоха по многим параметрам и особенно по своему стилю похожа на канун Первой мировой войны. Такая же эйфория всемогущества человечества, детская вера в безграничность технического прогресса, культ новых жизненных удобств, который несет с собой прогресс техники. При этом сто лет назад капитализм оказался перед невозможностью далее развиваться в старых рамках, борьба за рынки ведущих капиталистических держав привела к предельному обострению противоречий. И кризис разрешился мировой войной.

Современный кризис — это тоже кризис капиталистической модели развития, которая исчерпала свои возможности в существующих рамках.

Противоречия капитализма приводили к усилению позиций социализма как теории и как вероучения. Вся вторая половина XIX в. — эпоха торжества социалистических учений. Общественная атмосфера была наполнена ожиданием нового строя, который придет на смену капитализму.

В настоящее время человечество проявляет больше легкомыслия, чем сто лет назад. Никакого проектирования нового типа общежития не происходит. Буквально накануне мирового кризиса стала бестселлером книга Фукуямы «Конец истории и последний человек», где утверждается, что современное либеральное общество — это «венец творения», и ничего не может быть лучше и совершеннее его. Как правило, подобные настроения предшествуют обвалу как в личной жизни отдельных людей, так и в жизни народов.

В настоящее время интерес к социализму, почти утраченный на предыдущем этапе, заметно вырос. В Германии стал активно раскупаться «Капитал»; вообще о социализме после нескольких десятилетий презрения стали

говорить с интересом и уважением. Но ведь у нас был реальный социализм! И необходимо понимать — как он был технически устроен и почему погиб. Чтобы не питать пустых иллюзий и понимать, что является conditio sine qua non социалистического общества.

Первый опыт

После Первой мировой войны в России произошла первая в мире социалистическая революция, и далее было построено первое в мире общество реального социализма. Этот опыт был чрезвычайно ценен для человечества, и именно таковым и ощущался. Характерно, что в промежутке между двумя мировыми войнами интеллектуальная элита Запада была настроена весьма социалистически и просоветски. Западные левые интеллектуалы принципиально и намеренно избегали всякой критики СССР, полагая, что ценность опыта перевешивает возможные недостатки.

Действительно, это был выдающийся эксперимент человечества — опыт реального воплощения социалистического учения. В России социализм просуществовал около 70-ти лет, и после его падения возобладала точка зрения, согласно которой это был неудачный, более того, принципиально ошибочный эксперимент.

Однако любой первый опыт не может быть совершенным и абсолютно удачным. И чаще всего он бывает абсолютно неудачным. Воздухоплавание, например, прошло длительный путь даже до того, как люди поняли, что следует создавать аппараты тяжелее воздуха. Дальнейшее усовершенствование летательных аппаратов привело к появлению авиации как отрасли хозяйства и вида транспорта. Если бы после первых неудач было объявлено, что авиация себя не оправдала или показала свою негодность, сегодня мы бы не летали на самолетах. А такие мысли на заре существования авиации высказывались. Лев Толстой, авторитетнейший человек своей эпохи, терпеть не мог экспериментов по воздухоплаванию. Он писал, что лучше хорошо ходить по земле, чем плохо летать по небу.

Иногда прорывные решения не могут быть осуществлены на существующей технической базе, а потом на новой базе могут быть с успехом реализованы. В истории техники известно много подобных случаев. Кислородно-конверторный способ производства стали был придуман давно, но стал практически доступен, когда возникла возможность промышленного производства кислорода.

Не только в области чистой техники, но и в области социально-экономической организации происходят подобные явления. Так, сетевой маркетинг был изобретен и апробирован в 1920-е гг., но распространения не получил, по причине непреодолимой трудности учета. Он стал возможен, когда появились и стали широко доступны персональные компьютеры.

Вполне вероятно, что второе пришествие социализма может быть более успешным в контексте информационного общества. Современные информационные технологии обеспечивают более эффективный учет, а также планирование. В дальнейшем возможно создание и своего рода ERP-системы для всего народного хозяйства.

«Каждый день над нами солнце ходит…»

В настоящее время объективное изучение функционирования всех сторон жизни СССР отсутствует. Единственный автор, который с небольшим количеством сотрудников проводит такую работу, это С.Г. Кара-Мурза. Его заслугой является хотя бы постановка такой задачи — изучения СССР. При

этом он призывает изучать СССР «без гнева и пристрастия» — просто как технический объект. В одной статье, опубликованной в газете «Точка.ру», он сравнивает государство с кораблем, который обладает каким-то запасом хода, остойчивостью, способностью сопротивляться полученным пробоинам и т. д. Это плодотворный подход, отличный от подхода большинства авторов. Практически все авторы, пишущие об СССР, хвалят или ругают его, но никто не пытается постичь его механизм.

Широко распространено мнение, разделяемое даже и так называемыми учеными-экономистами, согласно которому «советская экономика была крайне неэффективна, она порождала очереди и дефицит, а политика была антигуманна и репрессивна». Научный руководитель Высшей школы экономики профессор Е. Ясин утверждал, что при СССР мы импортировали зерно, а теперь, в эпоху свободы и прогресса, его экспортируем: эффективность рыночной экономики налицо. Внешне дело обстоит именно так: раньше импортировали, теперь экспортируем. На самом же деле Россия экспортирует зерно не вследствие повышения его производства, а вследствие практического исчезновения его главного потребителя — животноводства.

Точно так же происходит со всеми сторонами жизни. Дефицита действительно нет, но душевое потребление снизилось, хотя внешне это не заметно. Маркс был совершенно прав, говоря, что если бы сущность была представлена в явлении, то любая наука была бы излишней. Сущность не представлена в явлении зримым образом, порой она сильно завуалирована, и требуется исследовательское и интеллектуальное усилие, чтобы ее увидеть: «Каждый день над нами солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей».

Именно такое усилие необходимо предпринять для постижения механизма функционирования СССР.

Отчего погибают царства?

Советское общество многими своими чертами напоминало общество средневековое, докапиталистическое. Это был своего рода третий член гегелевской триады: капитализм был отрицанием средневекового общества, а социализм — отрицанием капитализма с воспроизведением на новом витке исторической спирали многих существенных характеристик средневекового общества.

Самой главной характеристикой социалистического общества была (и есть) его сакральность. Социалистическое общество было обществом религиозного типа. Иначе говоря, скрепой, державшей общество, была своего рода коммунистическая светская религия, или идеология коммунизма, что по существу одно и то же. Собственно борьба с религией, которая велась на протяжении всего времени существования социализма, это не борьба с религией, а борьба религий. Новая религия коммунизма (имевшая, впрочем, много общего с христианством) боролась с традиционной религией.

Цель общества была сакральной — построение социализма и коммунизма во всем мире. В сущности, речь шла о коллективном спасении в контексте царствия божия на земле. По форме государственного устройства это была идеократическая монархия. (Следует отметить, что в теории государства и права монархией считается такое государственное устройство, когда власть идет сверху вниз, а не снизу вверх, независимо от того, сколько человек находится наверху и имеется ли выраженная фигура государя.) Идеократической монархией является государство, скрепой которого является общая идеология, имеющая много общего с религией.

Как только происходит секуляризация общества, т. е. как только его члены перестают смотреть на небо и жить религиозными (по существу вещей) ценностями, а начинают, по выражению Маяковского, «пялиться в свое корыто» — такое общество разлагается и погибает. Именно так произошло с СССР.

Хозяйственная жизнь в социалистическом обществе, как и в традиционном средневековом, не имеет самодовлеющего значения. Она подчиняется высшим требованиям, которые дает религия.

Средневековый человек, по выражению Винера Зомбарта, «ходил на ногах», т. е. вел хозяйство ради удовлетворения потребностей. Иначе говоря, хозяйственная жизнь была для него не целью, а средством. Целью же была жизнь духовная, руководимая церковью. Человек капиталистический «ходит кверху ногами», т. е. видит в средстве цель, а цели не имеет вовсе. Современное общество потребления достигло максимального раскрытия этой характеристики капиталистического общества: бесконечного производства бессмысленных вещей при полном отсутствии цели жизни человека и общества. Целью объявлено наращивание того же бессмысленного процесса, разрушительного для природы.

В СССР экономическая деятельность велась ради удовлетворения потребностей — потребностей в обороне, в развитии, разумных бытовых потребностей граждан. Целью экономики никогда не было извлечение прибыли. Таковы же были цели и производства, как это подробно показал В. Зомбарт в книге «Буржуа» в традиционном средневековом докапиталистическом обществе.

«Коммунизм — моя религия»

Собственно, на сходство социализма с религией — вернее, на то, что социализм именно и есть религия, указывали многие авторы. А.В. Луначарский написал в 1908 г. книгу под названием «Религия и социализм», где утверждал, что социалист более религиозен, чем «старорелигиозная личность» (см.: [1]). Именно вера в будущее царство разума и справедливости руководит всеми сторонами его жизни и деятельности. В этот же период Н.А. Бердяев написал книгу под характерным заглавием «Социализм как религия». Хотя официальная советская доктрина отрицала религию вообще и уж тем более религиозный характер социалистического вероучения, социализм и коммунизм был, безусловно, религией.

В СССР социалистическая религия была не только внешнегосударственной, но и личной, внутренней религией большинства граждан. Кто-то верил истово, кто-то скорее машинально, но в целом верило большинство. Именно эта религиозная вера, которая, как сказано, «движет горами», позволила им достичь выдающихся успехов в строительстве в том числе и экономики.

Хозяйство имеет определенное место в контексте общей — религиозной — жизни. При этом хозяйственная деятельность и заботы земного устроения приобретают сакральное значение. Они иерархически подчинены сакральным задачам. Недаром знаменитая триединая задача построения коммунизма имела лишь одним из своих членов «создание материально-технической базы коммунизма».

Христианину предписывалось прежде искать слова божьего и правды его, и лишь во вторую очередь — заботиться о пропитании, более того — препоручить эти заботы Богу. Точно так же и советская коммунистическая

доктрина всегда ставила на первое место задачи духовного порядка. Идеал коммуниста — идеал труженика-бессеребрянника. Погружение в бытовые материальные заботы ощущалось как отступление от коммунистической правды, как своего рода религиозный грех. Сами коммунисты вводили партмаксимум: зарплата коммунистического функционера не могла превышать средней зарплаты квалифицированного рабочего. Отклонения от этого принципа, разумеется, были, но система держалась именно на людях, которые истово следовали этим принципам. Тип коммуниста, комиссара — это тип монаха (возможно, одновременно и рыцаря-крестоносца) светской религии. Именно в этом смысле следует понимать слова Сталина о партии как ордене крестоносцев.

Отступления от идеала праведной жизни, разумеется, были, но они были именно отступлениями, которые критиковались, поскольку расшатывали систему. Всем известны средневековые истории о похождениях монахов. Не менее известны и слова Маяковского: «Страшнее Врангеля обывательский быт! Скорее голову канарейкам сверните, чтоб коммунизм канарейками не был убит». Иначе говоря, «бытовое разложение» (как тогда было принято выражаться) ощущалось как реальная угроза существованию идеократического общества. Впоследствии эта угроза превратилась в реальность и подточила несущие конструкции общества.

В Советском Союзе нас воспитывали в представлении о том, что первостепенна культурная, научная, духовная жизнь, а быт — лишь обеспечение возможности жить духовной жизнью. Противоположная жизненная ориентация критиковалась как недостойная, «мещанская». И это объяснялось не только и не столько ограниченностью ресурсов, сколько действительно сильной религиозной верой.

Культура и религия

Слово «культура» этимологически родственно слову «культ». В социалистическом обществе культура являлась важнейшим государственным делом. Государство не просто поддерживало культуру, но вело целенаправленную культурную политику. Как в Средние века философия была служанкой богословия, так и в СССР культура была поставлена на службу социалистическому и коммунистическому строительству. Принято считать, что в СССР была строжайшая цензура. Это неверно: была не цензура, а нечто гораздо большее — руководство всеми сторонами культурного процесса. Деятели культуры подчинялись Государю в макиавеллевском смысле и выполняли его заказ, будучи при этом истинно верующими коммунистической религии. В этом смысле понятно, почему Сталин при своей огромной занятости находил время лично читать художественные произведения, выдвигаемые на премию своего имени.

Деятели культуры были своего рода жреческим сословием сакрального общества. Они занимали высокое положение в обществе и щедро вознаграждались: одна из сталинских высоток была специально отведена для деятелей культуры. При этом они были именно жреческим сословием, а не просто шутами при знатных особах, как это иногда происходит сегодня.

Отступления от веры рассматривались как ересь в Средние века. Свобода слова осуществлялась в рамках социалистической религии: в Средние века не допускалось подвергать сомнению бытие Бога или догматы веры, в социалистическом же обществе признаются лишь полезные идеи, организующие народ на социалистическое строительство.

Такое положение не просто оправданно, но и необходимо. В сакральном обществе слово и даже мысль могут быть греховными и нетерпимыми. В то же время благочестивое слово сакрально и призвано вести народ по правому пути.

Общество знания

В СССР не просто поощрялась наука, но наука пользовалась необычайным авторитетом. Во всем, даже в самых пустяковых делах, практиковался «научный подход». Научные занятия, научная профессия обладали огромным престижем. Научная работа хорошо оплачивалась, но причиной ее престижности была не столько оплата, сколько сознание важности своего занятия. Был своего рода культ науки, она сакрализировалась. Ей приписывались свойства, которые «старорелигиозный человек» (выражение Луначарского) приписывал Богу: наука все могла — если не сейчас, то в будущем (всемогущество), наука все знала или узнает в будущем (всезнание). В этом смысле характерна детская книжка Ильина и Сегал «Как человек стал великаном», написанная по инициативе Горького и Маршака в 1930—1940-х гг. Там история человечества показана как прогресс науки и знания.

Такие принципы, а не просто инвестиции привели к впечатляющим научно-техническим успехам Советского Союза. Десакрализация знания привела к быстрому упадку.

В СССР не допускались никакая мистика, эзотерика, астрология и т. п. учения. В этом смысле руководство сакральным обществом занимало позицию, весьма сходную с позицией христианских церквей: те тоже не признают колдовства, астрологии и т. п. В сущности, это борьба с конкурентами, т. е. с теми, кто насаждает альтернативную веру.

Культ знаний, умственного развития, культуры породил невиданное прежде явление — массовый культурный досуг. Дома и дворцы культуры, парки культуры и отдыха — это выражение и одновременно инструмент идеологии-религии. Дворец культуры стал своего рода храмом светской религии коммунизма. Одновременно было достигнуто то, чего не было никогда и нигде: простые люди читали настоящие, а не специально «народные» книжки, интересовались настоящей, а не поп-культурой.

«А паразиты — никогда…»

Советское общество объявило себя обществом трудящихся. Труду также приписывался священный смысл. Говорят, что расхожее выражение «Слава Богу» в рамках богоборчества было заменено на «Слава труду», и именно так возник этот повсеместно распространенный лозунг. Так или иначе, труд прославлялся, был объявлен «делом чести, доблести и геройства». Из библейского проклятия падшему человеку, из жестокой необходимости пропитания труд превращался в дело почетное и уважаемое. Трудящийся человек прославлялся, он стал героем романов и кинофильмов, чего прежде в массовом порядке не было нигде.

Одновременно труд был всеобщим. Все члены общества были обязаны трудиться. Уклонение от труда образовывало состав преступления. Признавались только трудовые доходы. Поскольку ни ренты, ни дивидендов не существовало, легальные доходы могли быть только трудовыми.

Сакрализация труда позволяла привлечь к труду практически всех трудоспособных членов общества, что тоже являлось причиной его впечатляющих успехов.

Сословно-корпоративное общество

Еще одна характеристика, роднящая советское общество с традиционным средневековым, — это его сословно-корпоративный характер. Советское общество не было обществом атомарных индивидов, оно не было и так называемым гражданским обществом, где эти индивиду объединяются для отстаивания своих интересов. Советское общество было обществом трудовых коллективов, объединенных в профессиональные корпорации. Профессиональные корпорации знали «свое место и свое тягло». Переход из одной профессиональной корпорации в другую был затруднен. По замыслу, люди должны были трудиться, учиться, лечиться, отдыхать и жить вместе, объединяясь вокруг предприятия. Людям старшего поколения памятны ведомственные поликлиники, дома отдыха, пионерские лагеря, ведомственные дома. В здании нынешнего МИДа (исходно там помещался и Внешторг) была и поликлиника, имелся и дачный поселок под названием «Внешторговец». Все это напоминает средневековые ремесленные корпорации.

Трудовой коллектив был первичной ячейкой общества. По конституции 1924 г. выборы депутатов в советы происходили тоже не по территориальному, а по производственному принципу. Конституция 1936 г. отступила от этого принципа в сторону территориальности, свойственной буржуазным демократиям.

Внеэкономическое принуждение и внепроцессуальное наказание

Поскольку в советском обществе экономическая деятельность управлялась в огромной части административно (была так называемая командно-административная система, по выражению Г. Попова), то государственная бюрократия приобретала колоссальный объем полномочий по управлению колоссальными материальными активами.

Риск злоупотреблений при таком положении чрезвычайно велик. Каким же образом был поставлен заслон злоупотреблениям и в чем он заключался?

Все руководители народного хозяйства, начиная с довольно низового уровня, были членами партии. А на членов партии можно было воздействовать неформальным способом. «Нескромность в быту», «моральное разложение» могли стать поводом для разбора дела партийными органами и для наказания виновного. Если для уголовного преследования, хотя бы только для возбуждения уголовного дела требуются и всегда требовались строгие формальные основания, которые не всегда имеются в наличии (почему многие дела о злоупотреблениях и рассыпаются, не дойдя до суда), для партийного расследования не требовалось соблюдения строгих формальностей. Советский руководитель не мог, как выражаются итальянцы, «спрятаться за палец», т. е. записать имущество на тещу или совершить что-нибудь равно наивное для ухода от ответственности. Советский руководитель нес также партийную ответственность и за поведение своих супругов и детей.

Таким образом, партийная организация играла роль, свойственную средневековой церкви. Она могла карать вероотступников и даже отлучать от себя (исключать из партии), что имело крайне негативные последствия.

Сегодня мы наблюдаем синергетическое влияние потери коммунистической религиозности и отсутствия внепроцессуальных возможностей воздействия на руководителя. Результатами же являются разнузданное воровство государственных активов и вопиющая коррупция.

Крепостное право по-советски

В Советском Союзе была существенно ограничена свобода выбора места жительства. Сельские жители не могли по собственному желанию переселиться в город, был ограничен доступ в большие города, особенно в Москву. В результате территории имели рабочую силу для решения стоящих перед страной задач.

Вместе с тем ограничения в выборе местожительства не были чистым принуждением. Воспитывалась гордость за свою малую родину, прославлялись те, кто живет и работает в трудных условиях, кто едет на Север и т. д.

Это была совершенно необходимая мера, поскольку геополитическими задачами нашего народа является освоение и окультуривание огромной территории. Когда-то крепостное право имело ту же самую позитивную задачу — закрепление народа за территориями. В настоящее время при отмене всех ограничений в выборе местожительства народ стекается в Москву и большие города, оголяя территории.

Бомба замедленного действия

Социалистическая система прекратила свое существование не вследствие агрессии извне или мощных экономических ударов. Она как раз успешно выдержала то и другое. Она пала тогда, когда десакрализировалась. Когда исчерпалась ее религиозная энергия, т. е. тогда, когда люди стали считать главными материальные ценности. Советский Союз и сам отказался от своих религиозных задач, объявив «рост благосостояния народа главной задачей партии». Вступив на этот путь, мы начали играть на чужом — буржуазном — поле, где были заведомо в проигрышной позиции. Благосостояние народа, вне сомнения, следовало повышать, но это никак не должно было быть главной задачей в сакральном обществе. Следовало искать задачи, соответствующие сакральному обществу.

Вместе с тем бомба была заложена в самой социалистической доктрине. Социализм как идея был буржуазен по своему духу. В самой социалистической идее был заложен большой заряд буржуазности. Буржуазностью (в противоположность рыцарственности) мы называем преобладание материальных интересов над духовными ценностями. Винер Зомбарт обозначил эту оппозицию как «торгаши и герои».

В чем же состоит идея социализма? Объединить ресурсы общества и использовать их на благо каждого трудящегося. Иначе говоря, в сущности, идеал состоит в том, чтобы каждого трудящегося из пролетария превратить в маленького буржуа. Социализм, порожденный мечтой о материальной обеспеченности каждого, поневоле нес в себе зерно буржуазности.

Разумеется, следует различать мечту о простой сытости голодного и оборванного пролетария («Здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка») и бесконечную материальную гонку современного консумиста. В XIX в. идея сытости для всех голодных тружеников («превратить камни в хлебы») была вполне вдохновляющей идеей.

Для того, кто уже насытился, требуется иная идея — идея, которая выше сытости. Для которой сытость — это просто средство для чего-то более высокого.

Если современное человечество найдет новую религиозную идею, социалистическая организация общества вполне возможна и желательна.

«Мятежный пророк» Николай Бердяев

Еще в 1923 г. в эмиграции Н. Бердяев написал эссе, сделавшее его знаменитым на Западе и не особенно популярное у нас. Оно называется «Новое Средневековье» (см.: [2]). Там философ предсказывал рождение новой эпохи, имеющей черты сходства со Средневековьем, — эпохи сакральной, в которой первостепенное значение будет иметь религия. В грядущую эпоху будет найдено «истинное иерархическое соподчинение материального духовному». «Познание, мораль, искусство, хозяйство должны стать религиозными», — предсказывает автор. «Духовные основы труда разложились и еще не найдено новых».

Один его английский биограф назвал Бердяева «мятежным пророком». В настоящее время многие его предвидения сбываются. Успех выхода из современного кризиса зависит от способности человечества найти новую религиозную идею, которая способна подчинить хозяйственную деятельность.

Литература

1. *Луначарский А.В.* Религия и социализм. М., 1975.
2. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье. М., 1999.

Т.В. КУЗНЕЦОВА

Народное и национальное в эпоху индустриальной модернизации

Широкомасштабные процессы экономической интеграции размывают границы национальных культур, создавая возможность новых культурных синтезов. В зарубежной политологии, особенно англо-американской, стало даже модным говорить о фиктивном характере национальных общностей. Вместе с тем общество приобретает совершенно новую социальную структуру, существенно отличающуюся от классовых стратификаций индустриальной эпохи с присущим им относительно четким разделением «верхов» и «низов».

Для многонациональной России разнообразие народного творчества не просто бесценное наследие — это наше общенациональное преимущество. Именно традиции народов страны выполняют ключевую объединяющую роль, способствуя сближению людей и утверждению принципов согласия и толерантности.

Уходящий век оставил России и миру целый ряд проблем, от которых зависит будущее человеческой цивилизации. На какой духовной основе возможно решение этих проблем? Какие культурообразующие идеи и понятия перейдут с нами в XXI в., а какие станут или уже становятся достоянием истории? Без ответа на этот вопрос невозможно ни сознательное отношение к культуре, ни социокультурное прогнозирование.

В данном контексте закономерно возникает проблема культурной памяти, культурного наследия «почвы», на которую могут опираться созидание и развитие современного российского общества. Как видно на примере современной России, оторванная от народных корней культура верхов не может плодотворно развиваться. Она очень быстро становится гламурно-манерной, подражательной и, в конечном счете, просто аморальной.

Процессы цивилизационной трансформации, характерные для последних десятилетий XX в., имеют общемировой смысл. Но они особенно значимы для России.

Сугубо «технологическое» мышление, склонное отрицать традиции, которое столь характерно для российского либерального реформаторства, убедительно продемонстрировало всю ограниченность и опасность стратегий развития, не соотнесенных с реальным культурно-историческим процессом и формируемых вне связи с национальной традицией. Порывая с идеологиями социального экспериментирования, современная русская духовная культура приобретает все более и более выраженное стремление к самоидентификации. В этом заключается одна из причин исключительной актуальности культурно-исторических исследований, которые не только помогают лучше понять прошлое, но, в сущности, намечают определенные ориентиры и для будущего.

Народное художественное творчество самым тесным образом связано с национальным своеобразием культуры. Искусство, лишенное национального своеобразия, оторванное от традиций широких масс, может быть лишь достоянием какого-либо весьма узкого общественного слоя. «Без национальностей человечество было бы логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения» [1, 264].

Формирование русской нации началось на основе складывания единого общероссийского рынка еще в середине XVII в. и продолжалось примерно два столетия. Важную роль в этом процессе сыграла Отечественная война 1812 г., пробудившая социальную активность широких слоев крестьянства и городских низов и наглядно показавшая роль народных масс в истории. Победа над наполеоновскими войсками породила в передовых, патриотически настроенных кругах образованного общества уважение к личности человека из народа, внимание к его духовному миру, привычкам, традициям, стремление понять и изучить их, теснее связать свою собственную культуру с народной традицией.

В эстетике победоносно утверждается идея народности искусства, органически включающая народное художественное творчество в сферу внимания теоретика, критика, художника.

В этих условиях, с одной стороны, наблюдается повое сближение культуры образованных слоев с культурой народной. Достаточно вспомнить в этой связи Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Глинку, Гурилева, Варламова, Алябьева, Кольцова — художников, активно использовавших народно-фольклорные мотивы в качестве исходного материала для творчества. Объективным условием синтеза народного пласта культуры с духовными ценностями, создаваемыми профессиональным искусством, является общенациональное движение, направленное на решение таких общественно-политических задач, которые жизненно важны для прогресса и самого существования данного народа. В России благодаря размаху общенационального освободительного движения, оказавшего огромное влияние на гений Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Глинки и Римского-Корсакова, Васнецова и Сурикова, этот процесс протекал интенсивно и приобрел вполне законченные формы. Корифеи русской литературы и искусства не чуждались народных обычаев и языка, учились у народа житейской мудрости и духовной цельности.

Инициативы масс выступают в качестве катализатора интенсивнейшего взаимодействия народного художественного творчества с эстетическими ценностями, создаваемыми художественной интеллигенцией. В ходе этого процесса система общенациональной культуры как бы вбирала в себя разные потоки народной художественной традиции, в том числе те, которые до из-

вестного предела оставались явлениями локально местными, вызывающими у профессиональной интеллигенции лишь историко-этнографический интерес.

Следует отметить, что развитие глобальной научно-технической революции, втягивание различных этносов в процессы модернизации неизбежно ведут не только к интенсификации межнациональных контактов, систематическому обмену культурными ценностями, сближению форм труда и быта, но и к межнациональным конфликтам, а также к тому, что значительные и весьма важные области духовной и материальной культуры утрачивают свою этническую специфичность. Современный город унифицирует быт и жилища людей. Если раньше каждый народ имел в этом отношении свои собственные особенности, то в настоящее время они в значительной степени стерлись: типовая городская квартира заменила собой и русскую избу, и горскую саклю, и казахскую юрту. В этих условиях функция профессиональной литературы и профессионального искусства как носителей специфических национальных особенностей данного народа расширилась, ее роль в воспроизводстве национального самосознания чрезвычайно сильно возросла. Данное положение, безусловно, относится ко всем слоям художественной культуры, но в особенности — к народной художественной традиции. Стилистика народно-фольклорного искусства менее динамична, чем профессионального творчества, она устойчиво сохраняет мотивы и элементы, унаследованные от далекого прошлого, а потому особенно заметно отличающиеся от тех художественных компонентов, которые составляют художественный фонд других народов.

Поиск правильного соотношения между народно-фольклорной традицией и принципами современного «профессионального» искусства представляет собой задачу, которая подчас оказывается достаточно трудной. Ее решение требует не только теоретического анализа, но и творческих поисков самой художественной практики. Действительно, присущие тому или иному народу эстетические вкусы и художественные традиции в определенной мере сыграли свою роль в качестве платформы, на которой формировалась современная художественная культура нового типа. Они образовали как бы одну из «исходных матриц» этого процесса, на которой надстраивались другие художественные пласты (впрочем, по мере включения во вновь складывающуюся систему культуры и их освоения национальным самосознанием, эти последние, в свою очередь, нередко начинали выступать в качестве «опорных элементов», бравших на себя ведущую роль в дальнейшем культурном развитии).

Национальное — это не только культурные «истоки» данного народа, его исторические реликвии, его прошлое. Это и сегодняшний день его развития. Абсурдно было бы утверждать, что, например, современный русский народ утратил свою национальность и что подлинными ее носителями были лишь его предки, жившие в «эпоху героев», когда не существовало ни глобализации, ни так называемого мультикультурного общества. Мотивация такого подхода понятна, но он ведет к подмене национальной специфики национальной экзотикой. На самом деле сегодняшний день народа преемственно связан с прошлым. И отобразить этот сегодняшний день, развитие национальной психологии и национальных традиций в новых условиях — важная задача современного национального искусства. Это искусство по-прежнему прогрессивно и жизненно, оно тесно связано с устремлениями и чаяниями народов и с их сегодняшним днем.

Иногда в научной литературе встречается попытка связать национальное своеобразие искусства исключительно только с какой-то устойчивой,

практически неизменной художественной традицией и некоторыми другими столь же устойчивыми культурными явлениями (обрядностью и т. п.). Эта точка зрения опирается на две ложные посылки. Во-первых, само национальное трактуется при этом как какая-то культурно-психологическая константа. Во-вторых, предполагается, что неизменность основных черт национальной психологии позволяет выделить в художественной культуре народа нечто устойчиво сохраняемое на всем протяжении истории данной культуры; это постоянное «ядро» будто бы и выступает как концентрированное художественное воплощение устойчивого национального духовного типа и определяет собой национальную принадлежность всей кристаллизующейся вокруг него системы эстетических ценностей, творческих приемов и более пластичных, динамичных, исторически изменчивых слоев художественной культуры.

Внимательное историческое исследование легко обнаруживает неправильность обеих предпосылок. Во-первых, национальный, культурно-психологический тип не остается постоянным, он изменяется по мере развития социально-экономических условий, в которых живет данный народ. Например, переход от кочевого скотоводства к оседлому хозяйству или от жизни в замкнутых сельских общинах к жизни в крупных городах коренным образом меняет и привычки, и вкусы, и образ жизни людей. Во-вторых, невозможно, пожалуй, найти какие-либо конкретные явления художеств венной жизни, которые существовали бы на всем протяжении истории данного народа и потому могли бы рассматриваться как прямое воплощение преемственности данного этноса, воспроизводящего себя во все новых и новых поколениях. Можно, пожалуй, отметить некоторые устойчивые эстетические предпочтения и вкусы, сохраняющиеся в развивающиеся в культуре данного народа (таково, например, сочетание проникновенного лиризма с напряженной экспрессивностью, отличающее и русский фольклор, и русское профессиональное искусство), но они имеют различные формы выражения и воплощения, не остающиеся совершенно постоянными.

Конечно, фольклорные традиции, мотивы и приемы народного прикладного искусства характеризуются большой устойчивостью на протяжении многих поколений (отсюда и вполне объяснимая иллюзия их неизменности, вводящая в заблуждение тех теоретиков, которые связывают с ними поиск «исконно национальных» элементов культуры). Процесс их эволюции происходит значительно медленнее, чем аналогичные процессы в профессиональном искусстве, где господствующие вкусы и направления могут коренным образом измениться всего лишь за несколько ,лет. Но и народное творчество обладает собственной динамикой. Сегодня нам кажется, что русская гармонь — исконная принадлежность национального быта, один из символов национального музыкального искусства. Но этот инструмент сравнительно недавнего происхождения, он распространился в России лет 150 назад или немногим более. Относительно недавно появилась у нас и знаменитая матрешка. Дело, следовательно, не в «исконности» подлинной, незатемненной никакими заимствованиями и привходящими наслоениями национальности народного творчества, а в тесной связи с бытом и психологией самых широких масс, признающих его своим, кровным. Любопытно, что нередко произведения, созданные профессиональными мастерами, воспринимаются нами как подлинно народные. Разве знаменитая «Катюша» не может рассматриваться как исключительно яркое воплощение духовного склада, нашего народа, хотя она и не принадлежит к числу фольклорных произведений и к тому

же написана совсем недавно — в предвоенные годы (о какой же «исконности», стало быть, может здесь идти речь)?

В современной художественной культуре можно выделить две основных формы существования традиций народного творчества. Это, с одной стороны, его собственная среда, а с другой — сфера искусства, создаваемого профессиональной художественной интеллигенцией, активно использующей восходящие к народно-фольклорной традиции элементы в качестве материала для творческого переосмысления и обработки.

Эстетически полноценное включение народных мотивов в контекст профессионального искусства представляет собой серьезную проблему. Она требует активного отношения к перерабатываемому художником материалу народного творчества. Каждый из народных мотивов должен быть функционально оправдан и увязан с другими компонентами произведения, он должен получить эстетически значимую роль в общей структуре и стать органическим средством раскрытия идейно-эстетических задач произведения. Только такое использование народно-фольклорных традиций может способствовать формированию и развитию подлинно национального современного искусства. В противном случае оно превращается в стилизацию, лишенную глубокого содержания.

Современные процессы развития национальных культур оказывают существенное влияние на народное художественное творчество и в исконной сфере его бытования. Фактически здесь также можно говорить об эстетическом переосмыслении и активной переработке национального фольклора и традиционного прикладного искусства. Но переосмысляются они с иной эстетической позиции, чем в «профессиональном» искусстве — не извне, а изнутри народной традиции. Так, древние орнаменты и украшения в полной мере утратили сложную семиотическую функцию, связывающую их с архаическими мифологическими представлениями и поверьями, сохранив лишь функцию эстетическую. Сегодня никто не воспринимает такие элементы орнамента, как круг, крестик и т. п., в качестве солярных или астральных знаков, восходящих к племенным верованиям, а резного конька на крыше не связывает с конем как древним символом солнца (представление, характерное для мифологии многих этнических общностей).

В условиях глобализации процесс взаимного влияния затрагивает все слои культуры. В прошлом зона такого взаимодействия была достаточно ограниченной. Так, например, хохломская роспись активно воспринята народными умельцами Башкирии, переосмыслившими ее в духе национальных декоративных традиций. Большое воздействие на развитие гончарных промыслов и ювелирного искусства у мастеров многих национальностей нашей страны оказало народное творчество. В Якутии традиционным искусством резьбы по кости, клыку, дереву занимаются не только жители коренной национальности, но и русские мастера. Сохраняя теснейшую связь с историей того или иного народа с национальной культурной традицией, лучшие образцы народною творчества обретают вторую жизнь, входя в культурный фонд и становясь элементом культуры. Хохлома, чеканка, обработка янтаря, выросшие на национальной культурной почве, ныне воспринимаются и осознаются представителями других народов не только как искусство, но и как «свое», как органическая принадлежность собственной духовной жизни и предметного окружения.

Огромную роль в развитии эстетического воспитания, в приобщении подрастающего поколения к сокровищнице культуры, в формировании у мо-

лодежи способности ценить и понимать прекрасное призвана сыграть реформа школьного образования. Коренное улучшение преподавания литературы, введение в практику школьной работы изучения истории искусств и основ музыкальной культуры, распространение форм внешкольной работы, несомненно, могли бы способствовать более полному выявлению творческих возможностей самых широких слоев нашего народа, вовлечению людей в процесс эстетического творчества именно в том возрасте, когда складываются их вкусы, мировоззрение, ценности. В современных условиях школьный самодеятельный коллектив оказывается важным фактором идейно-эстетического воздействия не только на самих участников самодеятельности, но и на других людей. В особенности это заметно в небольших поселках, селах, деревнях, удаленных от крупных городов.

Интенсивная урбанизация резко изменила сознание и культуру населения, образ его жизни, способ организации свободного времени. Кино, театр, чтение, учеба в школах или вузах, а несколько позже телевизионные передачи, компьютеризация и Интернет стали основными факторами, определяющими заполнение времени, свободного от основных занятий. Что же касается потребности в самостоятельной творческой художественной активности, ее реализация в значительной степени перешла к самодеятельности, заметно потеснившей фольклор и другие традиционные виды творчества. Таким образом, соотношение различных форм народного творчества существенно изменилось — и не в пользу традиционного народного искусства и занятий им. Основную роль в этом сдвиге сыграло то, что, переехав в город, молодые люди теряли живую непосредственную связь с народной художественной традицией, включались в среду с иным типом культуры. Вчерашние дети колхозников все реже обращались к народной песне, танцу, ритуалу.

Особенно резкие сдвиги в эстетическом сознании и структуре эстетических потребностей вызвало распространение телевидения. И это понятно: телевизор обычно смотрят в узком семейном кругу или у знакомых (что характерно для образа жизни городского жителя), тогда как народное искусство требует коллективных форм организации досуга (народный праздник, посиделки и т. п.). Кроме того, просмотр телевизионных передач в отличие от посещения театра или кино способен занять практически все свободное время, не оставляя возможности для активных занятий искусством.

Изменилась структура досуга и на селе. Отчасти это было связано с более широким распространением учреждений и материальных средств культуры, отчасти — с расширившимися контактами села с городом, восприятием городской культуры, присущих городу способов использования свободного времени. Благодаря телевидению житель любой самой отдаленной деревни мог посмотреть и послушать мастеров искусства, спектакль и т. д. Его эстетические потребности и вкус заметно эволюционировали и приблизились к нормам профессионального искусства. Транзисторный приемник, магнитофон, компьютер, дискотеки в значительной степени заменили молодому поколению сельских жителей народную песню или былину так же, как танцевальный вечер в клубе вытеснил традиционные посиделки.

Казалось бы, в результате такой коренной ломки образа жизни и форм культуры, к которым было приспособлено народное творчество, оно должно было исчезнуть из активного культурного обихода. Но этого не произошло.

Но главное, конечно, то, что сам народ не утратил непосредственную и живую потребность в своем традиционном искусстве.

Народное творчество является существенным элементом и нового сельского быта, и что еще более важно и показательно, обрело чрезвычайно сильные позиции там, куда, раньше оно проникало лишь в небольшой степени, — в городе (сегодня, как это на первый взгляд ни парадоксально, основным потребителем произведений народного творчества в городе является не вчерашний сельский житель, а исконный горожанин, да притом еще наиболее культурный и образованный и неплохо его знающий).

Исследования искусствоведов, социологов, этнографов, проведенные в последние годы, свидетельствуют о том, что увлечение народным искусством отнюдь не мода, которая скоро пройдет. Это искусство выступает в системе современной культуры как явление сугубо функциональное. Правда, некоторые традиционно присущие ему функции ныне утрачены.

В настоящее время, по мнению исследователей, достаточно четко определился ряд актуальных функций народного искусства, позволяющих говорить о том, что оно органично вошло в систему современной культуры. Прежде всего произведения народного творчества во многих случаях по-прежнему сохраняют свою утилитарную функцию. Сохранило народное искусство и свою древнейшую ритуально-праздничную функцию. В ряде регионов страны наблюдаются ее бурное возрождение и обновление.

По-прежнему присуща народному искусству и коммуникативная функция. Но характер ее несколько изменился в связи о изменением образа жизни и широким распространением массовых коммуникаций и новых, присущих городу форм общения. Коммуникативная функция особенно актуальна ныне. Ведь в народном творчестве запечатлелась душа народа, оно чрезвычайно образно и ярко представляет его психологию и характер, способствуя тем самым взаимопониманию. Столь же устойчива и символическая функция народного искусства, хотя присущая ей раньше связь с народными поверьями, с мифологией, конечно, утрачивается. Символическое значение народной художественной традиции, в частности, очень велико в структуре этнического самосознания.

Совершенно новой является для народного искусства так называемая сувенирная функция, которую оно приобрело в связи с развитием туризма. Эта функция специфична, и в силу особо тесной связи народного творчества с обычаями и традициями той или иной местности ни одна другая форма художественной культуры не способна ее выполнять. Наконец, чрезвычайно важна эстетическая функция народного искусства. Эта сторона народного искусства также специфична и не может быть замещена или вытеснена иными формами художественного творчества, поскольку эстетические принципы, на которых они основаны, существенно отличаются от народной эстетики, основанной на развитии переходящих из поколения в поколение устойчивых художественных традиций.

Трансформация всей системы функций, традиционно присущих народному искусству, вызвала перераспределение функций среди различных видов творчества. Некоторые образцы народного искусства (прежде всего, ювелирные украшения, вышивка, кружево, отчасти хохломской промысел) сохранили искони присущие им способы применения. Но ряд видов художественной продукции был функционально переосмыслен применительно к новым вкусам и потребностям (например, производство расписных глиняных игрушек, ставших ныне, по существу, скульптурой малых форм).

Разнообразие функций и расширение социокультурной среды, в которой традиционно существовало народное художественное творчество, созда-

ли основу для формирования различных способов включения народного искусства в единую систему культуры. Соответственно этому применительно к нашей стране можно выделить несколько форм бытования народного искусства. В некоторых отдаленных и относительно замкнутых в силу тех или иных географических условий ее регионах (Дальний Восток, Крайний Север, Памир и т. д.) народное искусство существует как вид творчества, развивающийся преимущественно в рамках сравнительно небольших локальных общностей (село, округа и т. п.) и рассчитанный прежде всего на распространение внутри общностей и обслуживание их специфических традиционных потребностей. Это творчество преимущественно для себя, для своих соседей-односельчан и жителей окрестных мест. Наиболее устойчивыми и распространенными его образцами являются разнообразные формы украшения жилища, такие, как резьба по дереву, изделия из просечного железа, роспись внешних стен (она в последнее время особенно распространилось в сельской местности), а также изготовление народной одежды и предметов, связанных с традиционными местными ритуалами.

Другая, также идущая из прошлого форма народного творчества, напротив, носит «открытый» характер и с самого начала рассчитана на широкий круг потребителей, в том числе и не связанных с данной местностью. Это в основном коллективные промыслы, исторически связанные с рынком, с ярмаркой, а в наше время стимулируемые также организованным заказом и спросом через систему художественного фонда. Таковы многие известные сегодня очаги народного искусства: село Полховский Майдан в Горьковской области, где сохраняется производство редких видов лепной керамики, например из черной глины (Ростов Великий), павловопассадские платки, оренбургские пуховые платки, урюпинские пуховые изделия из козьего пуха и многие др.

Примеров активной жизни различных форм традиционного народного искусства можно привести немало. Но особенно красноречивы в этом плане факты, свидетельствующие о том, что в современных условиях народное искусство не только сохраняет и перерабатывает старые традиции, но и рождает новые.

Так, к примеру, возрождение интереса к народному костюму, которое, как уже отмечалось выше, характерно для ряда регионов страны, осуществляется не в форме простого подражания, а как творческое продолжение и переосмысление традиции. Посещая наши великолепные города «Золотого кольца», например Суздаль, мы увидели необыкновенные изделия народного творчества. Элементы костюма как будто остались прежние, но общий его облик изменился за счет варьирования конструкции, орнамента, цветов вышивки и т. п. И сама эстетика костюма уже не такая, как прежде, появились новые нормы красоты, новые вкусы: «запуски» ткутся теперь в основном с блестящей ниткой, хотя и по-прежнему в полоску; стал особенно цениться контраст черной вышивки на белом фоне и т. п. И как бы ни был красив старинный свадебный костюм, молодая женщина никогда его не наденет, а сделает свой, отвечающий новым вкусам и ритуалам.

Чрезвычайно продуктивной, устойчивой и притом получившей широкое распространение формой самовыражения стал студенческий песенный фольклор, расцвет которого приходится именно па последние десятилетия.

Таким образом, народные художественные традиции продолжают развиваться и делают жизнь людей красивее, разнообразнее, ярче. Это одно из великих культурных богатств нашей жизни.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 г. // Белинский В.Г. Избранные эстетические работы: В 2 т. Т. 2. М., 1986.

В. ЛУЧИНСКИ

Глобальное заражение эпохи глобализации

Как от проказницы зимы
Запремся также от чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы —
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие чумы!
А.С. Пушкин

Болезнь человека в западной цивилизации рассматривается как что-то личное, как то, что нарушает равновесие человеческого организма, угрожает жизни человека, дестабилизирует ее ритм. В каждом случае болезнь распознается врачом, и он решает, действительно ли человек болен. Болезнь ведь может быть мнимой. Так же, впрочем, мнимым может быть и здоровье. С. Кьеркегор пишет: «Если бы можно было опираться на высказываниях каждого человека о том, здоров ли он, болен ли он, чем он страдает и т. д., врач вообще был бы лишним. Потому что врач не существует для того, чтобы прописывать лекарства, но прежде всего для того, чтобы распознать болезнь, т. е. чтобы знать, является ли предполагаемый больной действительно больным и является ли предполагаемый здоровый действительно здоровым» [1, 159].

Если болезнь затрагивает общество и распространяется на большие географические пространства, если отличается интенсивной временной и пространственной экспансией, является заразной, то ее определяют как *эпидемию* или *пандемию* [2, 7].

В истории человечества проблема массового заражения и вымирания людей появилась в позднем неолите (7000 — 6000 лет до н. э.) вместе с животноводством как основой хозяйства, большими стадами домашних животных, стремлением к росту поголовья, внешней торговлей, накоплением капитала, богатства (в условиях неолитических праиндоевропейских культур — прежде всего в виде скота), образованием государств (охрана собственных стад, завоевание аграрных обществ), переходом от матриархата к патриархату, оседлым образом жизни. Период этот предварила неолитическая революция, имевшая место 8 — 10 тыс. лет тому назад. Революция эта «увеличила от десяти до ста раз ресурсы, доступные на определенном пространстве. Проводя чисто эмпирически удачные скрещивания, предки наши сумели развить как у животных, так и у растений те свойства, которые были для них наиболее полезными «...» Таким образом возникли чрезвычайно продуктивные породы домашних животных, что в огромной мере способствовало развитию цивилизации. Сельское хозяйство навязало *Homo sapiens...* оседлый образ жизни, что привело к возникновению первых поселений и со временем первых империй,

зон сосредоточения населения и обмена опытом, способствовавших развитию знаний и техники» [3, 11].

Следует согласиться, что история пандемии — «это в некотором смысле рассказ про трудное сосуществование человека и вируса». Это, с одной стороны. А с другой стороны, картина этой борьбы, отраженная в литературе, начиная со Священного Писания, через описания Фукидида, Люкреция, Вергилия, Боккаччо, описания черной смерти, чумы и кончая современными донесениями о болезнях, вызванных ВИЧ, вирусом эбола и т. д., указывает на общественные, социальные, психологические, религиозные, экономические, финансовые и политические ассоциации пандемий и эпидемий.

Ветхий Завет содержит описания случаев массового вымирания в результате заразных болезней. В Книге Исхода находим среди других бедствий затронувших Египет, — заражение скота: «и вымер весь скот Египетский» (Исх. 9, 6), а также появление у людей и скота нарывов: «и сделалось на людях и на скоте воспаление с нарывами» (Исх. 9, 10). В Первой Книге Царств (у евреев: Первая Самуила) имеется описание заразной болезни, затронувшей Филистимлян: «Он (Господь. — *В.Л.*) поражал их и наказал их мучительными наростами, в Азоте и в окрестностях его [а внутри страны размножились мыши, и было в городе большое отчаяние]» (1-я кн. царств. 5, 6), «была рука Господа на городе (Геф. — *В.Л.*) — ужас весьма великий, и поразил Господь жителей города от малого до большого, и показались на них наросты» (1-я кн. царств. 5, 9), «И те, которые не умерли, поражены были наростами» (1-я кн. царств. 5, 12).

Во Второй Книге Царств (у евреев: Вторая Самуила) находим: «И послал Господь язву на Израильтян от утра до назначенного времени (в течение трех дней. — *В.Л.*); [и началась язва в народе] и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек» (2-я кн. царств. 24, 15). В Откровении Святого Иоанна Богослова отзываются казни Ветхого Завета: «От этих трех язв... Умерла третья часть людей» (Откр. 9, 18). Иоанн Богослов предсказывает пришествие четырех ангелов (согласно традиции, четырех всадников Апокалипсиса): «и я услышал один голос... говоривший...: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрат. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей» (Откр. 9, 13—15).

Откровение поименно называет только двух ангелов-всадников: Смерть и ее спутника — Бездну (Губителя — по-еврейски Аваддона, по-гречески Аполлиона). В христианской традиции четыре всадника это: 1) война, 2) эпидемия, 3) голод и 4) смерть. Четыре всадника-бедствия выступают в иконографии вместе, что указывает на их видение в определенной временно-пространственной системе. Данное сосуществование бедствий свидетельствует о том, что люди прекрасно понимали взаимосвязь общественных, социальных, биологических и природных факторов. Общественное расстройство, бунты, грабежи, войны сокращали интеллектуальные и материальные ресурсы, которые необходимы для существования скоплений людей и увеличивали риск появления массовых болезней, голода и смерти. Данную зависимость заметил и описал Фукидид в «Пелопонесской войне».

Древние считали, что боги наказывают не только непосредственно виновных, но также запятнанных их присутствием города, государства, роды и целые общности. Данной интерпретации придерживаются также авторы Священного Писания: Иегова наказывает народ и касту жрецов за несоблюдение запретов (религиозных в первую очередь: идолопоклонничества, вероотступ-

ничества, ворожбы, труда в праздники и т. п.). Другая интерпретация древних — это рок (Эдип, Клеон, Эйгист, Орест), или — согласно Библии — испытывание Богом благочестивого человека (случай Авраама, Товита или Иова). Однако они решительно отвергали то, что болезнь может переходить от животных к людям или же переноситься людьми. Из этого следовало, что спасаться от заражения можно было только через покаяние и раскаяние за грехи или же уходя от мора.

Первая исторически засвидетельствованная пандемия чумы (известная как «язва Юстиниана») вспыхнула в 541 г. в Римской империи. Чума пришла по морскому пути из Азии (территория Монголии) или Эфиопии в Пелузу (Нижний Египет) и оттуда — в Константинополь. В результате (согласно византийскому летописцу Прокопу) погибло 50% населения Константинополя, 25% населения восточных территорий Средиземного моря. Эпидемия свирепствовала в течение трех лет и докатилась до Илирии, Туниса, Испании, Италии и далее от Арлес до Рейна [2, 48; 3, 83]. В 544 г. Юстиниан объявил окончание мора. Одновременно приказал возврат к ценам, существующим до эпидемии, что косвенно свидетельствует о том, «что купцы всегда обогащались за счет бедствий» [3, 83].

Каковы же причины пандемии чумы в истории западного мира? Исследователи указывают на ряд условий, способствовавших распространению эпидемии. В связи с быстрым ростом численности населения в первые десятилетия XIV в. все более ощутимым становился недостаток пахотных земель. Параллельно происходило ухудшение климата (так называемый малый ледниковый период), вегетативный период сократился, так как зимы стали более суровыми, а лета — дождливыми. Снизилась и производительность пахотных земель. И хотя количество зерна позволяло населению пережить очередную зиму, отсутствие запасов грозило в случае неурожая голодом и повышенным риском заболеваемости людей и животных. Сверх того — отсутствие запасов продовольствия повышало его рыночные цены, сокращало сбережения населения, что в результате повышало процентные ставки.

Интересные данные приводит в «Декамероне» Дж. Боккаччо. В 1340 г. обанкротились два крупных банкирских домов Флоренции: Бардих (на службе которого состоял отец Дж. Боккаччо) и Пэруччих. Причина банкротства состояла в неплатежеспособности английского короля, которому банки неосмотрительно предоставили крупную ссуду в связи с предполагаемой английской экспедицией на континенте (являвшейся прологом Столетней войны, Войны Роз). Ссуда — согласно свидетельству Д. Виллани — была эквивалентна стоимости королевства. Римский папа Клеменс VI купил в 1348 г. у Иоанны Неаполитанской Авинион. Банкротство флорентийских банков и растрата депозитов подорвали доверие к банковскому делу, что не могло не сказаться на доступности кредита и денег.

Доверие к банковскому делу начало падать в начале XIV столетия, когда во Флоренции крупнейшие банки и банкирские дома начали «созидать» деньги (независимо от ускорения оборота ими) путем образования из ничего крупного экспансионного кредита. Использовались при этом депозиты отданными им на хранение промышленниками, купцами, мелкими вкладчиками. Резкий рост предложения денег вызвал искусственную конъюнктуру, после которой наступил сильный спад. Это произошло не только вследствие неспособности английской короны погасить взятые взаймы (накануне Войны Роз) деньги, но также из-за падения цен государственных облигаций Флоренции и изъятия депонированных в банках Флоренции денег принцами Неаполя. На-

растающий публичный долг Флоренции погашался очередными спекулятивными займами (образованными *ex nihilo*) банковских домов. Впоследствии все банки обанкротились в период до вспышки чумы (1341—1346) [4, 9; 5, 12—13; 6, 52—53, 261—262].

Анализ банковского дела в период позднего Средневековья выявляет закономерности его развития, наблюдавшиеся еще в Древней Греции и Древнем Риме: банки сначала соблюдали принципы Кодекса Юстиниана, удерживая 100%-ную ставку резервов, что гарантировало «безопасность *tantundem* — непрерывно доступного депозитору. Однако жадность банкиров и заинтересованность правителей привели к тому, что принципы эти стали со временем нарушаться, и банки начали ссужать деньги из депозитов по требованию — нередко правителям. Это вело к изменению принципов банковского дела, теперь оно основывалось на частичном банковском резерве и искусственной кредитной экспансии, что на первых порах вызывало видимость значительного экономического роста. Однако неизбежным следствием данного развития были экономический регресс и банкротства банков, которые, когда наступал кризис, и вместе с ним падение общественного доверия к банкам не были в состоянии вернуть вкладчикам депозиты по требованию» [6, 51].

Тем самым исторически закономерно, что превращение банкиров из обыкновенных финансовых посредников в «производителей» (на основе особых монопольных привилегий) денег (в виде кредита и ссуд из депозитов по требованию) в условиях частичного резерва и отсутствия поддержки со стороны центрального банка (или подобного учреждения), как правило, ведет к банкротствам банков, сокращению предложения денег (ссуд, кредита и депозитов) и экономическому спаду.

Дж. Виллани отметил, что регрессу, наступившему после прежней экономической активности, сопутствовала резкая «нехватка кредита», что вызвало массовые банкротства производственных предприятий, мастерских, купеческих домов и других хозяйственных субъектов. Продолжатель труда Виллани — К.М. Чиполла, обсуждая переход от экономической конъюнктуры к кризису и экономическому регрессу, писал: «Эпоха *Солнечной песни* уступила эпохе *Танца смерти* (*Danse macabre. — В.Л.*)» [4, 9]. Чиполла намекал на то, что мор, сократив население Флоренции, дал толчок последующему оживлению экономики, так как благодаря ему, предложение наличных денег и кредита на душу населения достигло предкризисного уровня. Мысль Чиполла о том, что «Черная смерть» решила вопрос «нехватки кредита» созвучна с тем, что писал тогда Боккаччо и что утверждают современные исследователи этого периода истории Флоренции Руффье и Соурня, будто бы сосредоточение громадных состояний в руках немногих оставшихся в живых людей способствовало быстрому развитию торговли.

Данное «монетаристское» толкование экономической истории генетически связано с мальтузианством. Согласно Т.Р. Мальтусу, природа регулирует динамику роста населения: «Голод, как кажется, является последним и самым страшным орудием природы. Сила роста населения настолько превосходит производительную силу земли, что преждевременная смерть должна в определенной мере затронуть людей. Проступки людей являются активными и действенными средствами депопуляции. Они как будто опережают эту большую армию, несущую уничтожение, и часто они заканчивают дело. Если не выступают в большом масштабе тогда болезни, эпидемии, заражения и бедствия продвигаются в страшном шествии и сеют разрушение. Если разрушение окажется недостаточным, тогда приходит могущественное и неотвра-

тимое бедствие голода. Своим могучим натиском удерживает в равновесии численность населения с количеством продовольствия в мире... Когда численность населения возросла почти до последних пределов доступных средств питания, все предупредительные и положительные препятствия роста населения будут действовать в усиленном порядке. Усилится аморальность половой жизни, возрастет вероятность и опасность войн, эпидемий и эти причины будут действовать, пока число населения не приспособится к количеству продовольствия, и тогда появление некоторого избытка опять вызовет его прирост, который после определенного периода времени будет приостановлен теми же самыми причинами» [7, 50, 83—84]. Силы природы, таким образом, производят через голод, эпидемии или войны своеобразную коррекцию числа населения. Поразительно, что мальтузианство как в прошлом, так и сегодня лежит в основе весьма многих исследований кризисных явлений. Сторонники инфляционной интерпретации истории упорно указывают на «положительные» аспекты общественных и демографических катастроф (войны, пандемии, голод, цунами, землетрясения и т. п.) как факторов экономического оживления.

Основоположники чикагской школы Ф. Найт и М. Фридман «проповедовали, что экономические силы предложения, спроса, инфляции и безработицы являются — словно силы природы — неизменными и постоянными. На действительно свободном рынке... силы эти пришли бы в состояние совершенного равновесия... Если в экономике наблюдался высокий уровень инфляции, то — согласно монетаристской теории Фридмана — причиной данного состояния вещей могли быть только ошибочные решения политиков, допустивших в оборот слишком много денег, тогда как рынок самостоятельно пришел бы к совершенному равновесию. Так же, как саморегулирующиеся экосистемы, которые умеют сами возвращаться к равновесному состоянию, рынок — если только его функционирование не будет нарушено — в состоянии обеспечить должное количество благ, продаваемых по должным ценам и производимых работниками, получающими за свой труд должную плату и способными приобрести эти блага. Сущий рай: ничем не связана креативность, нулевая инфляция и полная занятость» [8, 66—67].

М. Фридман и его сторонники поставили себе задачу очистить капитализм от государственного вмешательства в любой форме так, чтобы рынок стал действительно свободным. Если марксисты развивали пролетарскую утопию, то «фридманисты» верили в утопию бизнеса. В своей популярной книге М. и Р. Фридманы заявляют: «Нигде пропасть между богатыми и бедными не была больше, нигде в большей степени богатые не становились еще богаче, а бедные еще беднее, чем в обществах, которые не дали действовать свободному рынку» [9, 140]. Чтобы вернуть чистый капитализм, М. Фридман предлагает дерегулирование (устранение любых помех в свободном накоплении капитала), приватизацию государственного имущества и ограничение расходов на общественные программы (бюджетные урезывания). Отвечая на вопрос, что должно быть сделано, М. и Р. Фридманы отвечают: «Прежде всего большая часть настоящих общественных программ не должна быть никогда учреждена... Краткосрочно оставление людей без альтернативы ввиду их низкой оплаты и неинтересной работы может показаться жестоким. Но в долгой перспективе — это оказалось бы более гуманным» [9, 114]. И хотя рецепты Фридмана долгое время оставались в тени кейнсианских идей или идеологии развития, они вполне совпадали с ожиданиями международных корпораций, требующих завоевывания рынков, свободных от государственного вме-

шательства: «В начальной стадии капиталистической экспансии источником такого хищного развития был колониализм, когда государство, “открывая” новые территории, грабило землю и разрабатывало локальные ресурсы без какого-либо возмещения местному населению. Война Фридмана с покровительством государства и вмешательством правительства обещала новую, легкую и быструю наживу. С той лишь разницей, что в этом случае, вместо завоевания государством новых территорий, именно само государство должно стать новой территорией грабежа, а национальное достояние — должно быть передано за бесценок в частные руки» [8, 76]. Первой лабораторией чикагской школы стала Чили.

Остановка программы социальных реформ правительства Сальвадоре Альенде 11 сентября 1973 г. происходила в течение трех этапов-шоков: «Первым шоком был сам государственный переворот... шоком номер два была фридмановская шоковая терапия... третий шок это плод... исследования в области сенсорной депривации и одурманивания наркотиками ... Таким образом возник ураган взаимно приводящихся в движение разрушения и восстановления, уничтожения и созидания. Ураган, который нельзя остановить. Шок, вызванный государственным переворотом, образовал благоприятные условия для экономической шоковой терапии. В свою очередь шок пыток, которым подвергли узников в казематах, терроризировал потенциальных противников экономической шоковой терапии настолько действенно, что сопротивление стало просто невозможно. Таким образом возникла лаборатория, в которой появилось на свет первое государство, построенное по рецепту чикагской школы. Заодно это была первая победа глобальной контрреволюции» [8, 94]. Данный сценарий преобразований более или менее успешно применялся затем в странах Латинской Америки и совсем недавно в Афганистане и Ираке.

Не эпидемии и не шоковая терапия являются факторами оживления и роста экономики — экономический спад останавливается рано или поздно путем коррекции ошибочных инвестиционных решений. Инвестиции периода кредитной экспансии обесцениваются в ходе ревальвации денег, падения цен и сокращения денежных ресурсов населения. Эпидемии же и шоковые рецепты чикагской школы меняют лишь временные преференции субъектов, а точнее, меняют отношение «ценности, приписываемой отдельным благам в настоящее время, к их ценности в будущем» [9, 447]. В результате такой переоценки меняется как спрос, так и предложение капитала и капитальных благ. Данное отношение («первичный процент») определяет, какая часть доступного предложения благ будет необходима в ближайшее время, а какая — определена к обеспечению более отдаленных периодов.

Вместе с эпидемией чумы во Флоренции «у сельчан, как и у горожан, наблюдалось ослабление нравов; они запустили свое хозяйство, запустили все свои дела и, каждый день ожидая смерти, не только не заботились о приумножении доходов, которые они могли получить и от скота и от земли, и от плодов своего собственного труда, но, напротив того, старались все имеющееся у них тем или иным способом уничтожить» [10, 22].

Итак, чума 1348 г. во Флоренции и шоковая терапия М. Фридмана, проводимая спустя 625 лет в Чили генералом А. Пиночетом, вызвали резкий рост временных преференций: субъекты забросили в этих условиях долговременные проекты, ожидая реализации более важных целей в ближайшем времени. В чилийском обществе, в котором доверие к правительству и власти было исключительно низко, шоковая терапия должна была быть особенно резкой, чтобы в данных условиях изменить временные преференции потреби-

телей, трудящихся и работодателей: «Внезапное, болезненное потрясение в форме реориентации проводимой до сих пор политики должно — продемонстрировав общественному мнению изменение существующих до сих пор принципов игры — привести к изменению ожиданий относительно будущего. Цены не будут расти, заторможен будет также рост зарплаты. Согласно данной теории, чем быстрее будут охлаждаться ожидания хозяйственных субъектов относительно будущей инфляции, тем короче будет болезненный период кризиса и высокой безработицы» [8, 106]. В условиях Чили, несмотря на то, что «проводимая Пиночетом война имела односторонний характер, общество почувствовало ее последствия так, как будто бы в Чили на самом деле вспыхнула гражданская война или же страна подверглась нападению извне. Число жертв, убитых или пропавших без вести, оценивается свыше 3200. Следующее 80 тыс. попало в тюрьмы. 200 тыс. покинуло страну по политическим причинам» [8, 99]. В результате эпидемия во Флоренции, как и отдаленная от нее на 626 лет фридмановская шоковая терапия, вызвали внезапный (бесконечный) рост временных выгод. Хозяйствующие субъекты приостановили в данных условиях реализацию трудоемкой деятельности, так как ожидали достичь более значительных результатов в настоящее и ближайшее время.

В данных условиях в результате сокращения сбережений населения забрасывается производство на отдаленных от потребления стадиях и переносится на ближайшие стадии. Растет процент, обесцениваются основной капитал и капиталовложения, растут потребительские цены, падают реальные плата и ренты, капиталоемкость продукции, продуктивность труда, радикально сокращается предложение благ и услуг. В результате наступает всеобщее обнищание общества [6, 261].

Исследуя феномен культурного детерминизма в условиях стыковки западной и первобытной культур, Б. Малиновски подчеркивал хрупкость последней: «Первобытная культура — это целостный, связанный инструментарий. Его материальное и инструментальное снаряжение ограничено. Поэтому оно хрупко, и в своем функционировании зависит от общепринятых интеллектуальных и этических принципов, а также от общественных отношений между членами группы. Достаточно уничтожить любую его часть — может потерпеть поражение целое. Катастрофическое уничтожение первобытных культур, после контакта с западной цивилизацией, демонстрирует это более чем убедительно» [11, т. 10, 183].

Б. Малиновски характеризовал первобытные культуры как консервативные («подчинение традиции хорошо, отклонение от ней — зло») и свободные, западную же цивилизацию как экспансивную и крепостную. Критерий данного деления в том, что является их целью: уклонение от кризиса, сведение их к минимуму или же подготовка кризиса, развитие через кризисы, их использование для большего закрепощения людей [11, т. 10, 191]. Столкновение культуры первобытных обществ с западной цивилизацией породило фанатичное стремление «к подстриганию, вырыванию с корнем, сжиганию того, что шокирует нашу моральную, гигиеническую или религиозную чувствительность» [11, т. 8, 20]. Обнажается в этих условиях глупое и невежественное отсутствия понимания того, что «любой элемент культуры, любой обычай и верование является ценностью, выполняет общественную функцию, имеет положительной биологическое значение. Потому что традиция является тканью, в которой нити переплетены настолько плотно, что уничтожение одной из них предрешает уничтожение целого. Является она — если подойти к этому с биологической токи зрения — формой коллективного приспособления

группы к ее окружающей среде. Уничтожая традицию, лишаем коллективный организм его охранной скорлупы, обрекая его на медленную, но неминуемую смерть» [11, т. 8, 20].

Культура первобытных обществ не может устоять против европейского влияния. Значительная ее часть поставлена под угрозу наукой католических миссионеров, требованиями интересов или предрассудками европейцев. Миссионер искореняя «зло» в лице верований, мифов и ритуалов дикарей, преследует свой интерес: вместо «предрассудков» вводит «истинную веру». В итоге растут неизвестные в первобытных обществах (до соприкосновения с западной цивилизацией) алкоголизм, венерические болезни, гомосексуализм: «Во время продолжающегося контакта с европейскими захватчиками судьба туземных племен была трагической. Мы без заминки говорим о “распространении западной цивилизации”, о “благодеянии по отношению к туземцам, которым дарим нашу культуру”, о “двойном мандате” и о “бремени белого человека”. На самом деле... европейцы в прошлом уничтожали целые островные народы... отторгали большинство вотчин у диких племен... вводили особенно жестокую и вредную форму рабства, и... даже если потом его сносили, трактовали вывезенных в чужие земли негров как подонков и париев» [11, т. 9, 186—187]. Изменения, имевшие место в «диких» обществах (в результате влияния западной цивилизации), отнюдь не приведут к гармоничному и мирному сотрудничеству и сосуществованию различных культур, но — скорее всего — высвободят сдерживаемые могучие силы, которые «вызовут в будущем переделы, шоки и историческую катастрофу невиданного раньше масштаба» [11, т. 9, 186].

Симон Боливар в беседе с генералом Рафаэль Урданетой сказал: «Мы никогда не будем счастливыми. Никогда» [12, 257]. А в своем известном предсказании сказал, что «Соединенные Штаты, по-видимому, ниспосланы Провидением, чтобы навещать Америку и нести нищету во имя свободы» [12, 255]. Экспансионизм латинской цивилизации хорошо иллюстрирует история США: семь лет после освобождения 13 колоний они удвоили свою территорию и спустя еще четыре года образовали общий рынок. В 1803 г. купили за бесценок Луизиану, что опять удвоило их территорию. Затем на очередь встала Флорида, в 1846—1848 гг. североамериканская интервенция и ампутация почти половины территории Мексики (1,3 млн км^2). Затем приобретение Аляски (30 марта 1867 г., по 4,74 дол. за км^2), аннексия Гавайев, Пуэрто-Рико, Филиппин, Гуама и Кубы (1898). Колонии превратились в государство, а государство стало империей [12, 256—257]. По поводу конгресса американских колоний в Филадельфии в 1774 г. А. Смит писал: «Лавочники, торговцы и адвокаты стали государственными деятелями и законодателями, а теперь заняты образованием новой формы правления для обширного государства, которое, как льстят себе, станет — и это очень вероятно — самой крупной и самой опасной империей, какую видел мир» [13, 2576].

Еще в 1938 г., исследуя изменяющиеся африканские культуры, Б. Малиновски писал: «Понимание европейской культуры как рога изобилия, из которого щедро раздаются разные блага, совершенно фальшиво. Не нужно быть специалистом в области антропологии, чтобы убедиться, что европейская “раздача” всегда в высшей мере селективна. Никогда не даем никакому из управляемых нами народов — и никогда не дадим, так как это было бы чистым безумием, пока основой нашего поведения является наша сегодняшняя *Realpolitik* — следующих элементов нашей культуры:

1) средств, свидетельствующих о физическом могуществе: огнестрельного оружия, бомбардировщиков, боевых газов и всего того, что обеспечивает действенную оборону или агрессию;

2) не предоставляем им наших инструментов политического господства... (надзор над ними ведется даже тогда, когда они наделяются системой косвенного правления);

3) не делимся с ними самыми существенными благами и экономическими выгодами...;

4) не допускаем их как равных себе в костелы, школы или салоны» [11, т. 9, 164].

Современные США на борьбу с терроризмом и для обеспечения своей безопасности выделяют финансовые средства, в 30 раз превышающие помощь странам, «дестабилизированным крайней нуждой, которые являются источником насилия, терроризма и волнений» [14, 164]. Таким образом затрудняется выход данных обществ из ловушки обнищания.

Здесь налицо механизм обратной связи: заразные болезни, малярия, СПИД/ВИЧ, оспа, холера, туберкулез, полиомиелит. Недоедание ведет к обнищанию, обнищание же, подрывая здоровье, ведет к голоду, болезням и эпидемиям. Про то, что в интересах цивилизации белых улучшение положения бедных обществ, писал в 1939 г. Б. Малиновски: «Необходимо постараться, чтобы африканцы в значительно большей степени пользовались на деле и ощутимо благами европейской цивилизации. Это необходимо не только из-за интересов африканцев, но также ради общества белых. В длительной перспективе интересы африканцев и европейцев совпадают по двум причинам: во-первых, устойчивое и действенное правление меньшинства может опираться только на действительное удовлетворение потребностей, благополучие и благосостояние туземцев. Во-вторых, нездоровые — в общественном смысле — условия, действительное обнищание, недоедание, болезни и моральный хаос — заразительны как психологически, так и физически» [11, т. 9, 601]. Болезни, физическая, моральная испорченность, психические отклонения и безумие, которые несет латинская цивилизация колониальным территориям и «цветным» народам, опасны, так что европейцы живут в постоянном страхе заражения.

М. Хардт и А. Негри пишут: «С момента установления черты между чистым, цивилизованным европейцем и испорченным, варварским Другим возможен не только цивилизационный процесс, ведущий от болезни к здоровью, но также и процесс обратный — от здоровья к болезни. Заражение является постоянной и непосредственной опасностью, теневой стороной цивилизационной миссии» [15, 151].

Болезнью с точки зрения европейской цивилизации является отсутствие ограничений, налагаемых на созидание жизни, раскованную чрезмерность жизни колониальных территорий: «Ужас, освобожденный европейским захватом и колониализмом это ужас неограниченного контакта, перелива и обмена — то есть в сущности ужас заражения, загрязнения расы и разнузданной жизни» [15, 152—153]. Гигиена же требует защитных барьеров. Европейский колониализм всегда угнетало противоречие между обменом (в «Сердце тьмы» обменивали медную проволоку, всякую мануфактуру, дешевые платки из перкаля, блестящий ситец и стеклянные бусины по пенни кварта на ценнейшую слоновую кость) и опасностью заражения. Жадность, однако, побеждала страх перед заражением. Господин Курц в своем докладе Международному обществу истребления обычаев дикарей после трогательных, полных челове-

колюбия восклицаний пишет в постскриптуме: «Истребить всех этих зверей!». В фильме Ф.Ф. Копполы (1979) «Апокалипсис сегодня» данная мысль высказана более четко: «Мы должны их истреблять, жечь живьем, свинья за свиньей, корова за коровой, деревня за деревней, армия за армией... там в дичи нелегко устоять против соблазна быть Богом».

Глобализационные процессы сносят всякие барьеры, в том числе гигиенические барьеры между бывшими метрополиями, колониями и зависимыми территориями. Сознание современной эпохи глобализации помечено страхом перед болезнями, заражением. Особенно это проявляется в связи с эпидемией СПИДа. Рапорты международных организаций напоминают колониальную риторику: очаги заражения — это Африканская Сахара и Гаити с их разнузданной сексуальностью, аморальностью, несоблюдением принципов гигиены. И предлагаемые принудительные тесты на наличие ВИЧ для лиц, пересекающих государственные границы, не помогут. Данные попытки введения санитарных кордонов (в условиях размывания государственных границ и их растущей проницаемости) обречены на провал. Следовательно, эпоха глобализации является эпохой глобального (и всеобщего) заражения.

Литература

1. *Kierkegaard S*. Bojaźń i drżenie. Choroba na śmierć. Warszawa, 1982.
2. *Gulisano P*. Pandemie. Od dżumy do ptasiej grypy. Poznań, 2007.
3. *Ruffié J., Sournia J.C*. Historia epidemii. Od dżumy do AIDS. Warszawa, 1996.
4. *Cipolla C.M*. The Monetary Policy of Fourteenth — Century Florence. Berkeley; Los Angeles; L., 1982.
5. *Hicks J*. Capital and Time: a Neo — Austrian Theory. Oxford, 1973.
6. *Soto J.H. de*. Pieniądz, kredyt bankowy i cycle koniunkturalne. Warszawa, 2009.
7. *Malthus T.R*. Prawo ludności, Wyd. Jirafa Roja. Warszawa, 2007.
8. *Klein N*. Doktryna szoku. Jak współczesny kapitalizm wykorzystuje klęski żywiołowe i kryzysy społeczne. Warszawa, 2009.
9. *Friedman M.*, R. Wolny wybór. Sosnowiec, 1994.
10. *Боккаччо Дж*. Декамерон. Кн. I. М., 1987.
11. *Malinowski B*. Dzieła. T. 8—10. Warszawa, 2001.
12. *Galeano E*. Otwarte żyły Ameryki Łacińskiej. Kraków, 1983.
13. *Smith A*. Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów. T. 2. Warszawa, 2007.
14. *Sachs J*. Koniec z nędzą. Zadanie dla naszego pokolenia. Warszawa, 2006.
15. *Hardt M., Negri A*. Imperium. Warszawa, 2005.

М.А. ВАХТИНА

Проблемы модернизации в аспекте эволюции модели экономического человека

Курс на модернизацию экономики связан с созданием условий для раскрепощения творческого потенциала работника в процессе трудовой деятельности, соучастия в управлении, взаимовыгодного сотрудничества и коо-

перации. В этой связи можно предположить, что традиционная модель экономического человека (имеется в виду та модель, которая легла в основу исследований неоклассиков — homo oeconomicus) не отвечает этим задачам. Цель данной статьи — обосновать положение о том, что «этический экономический человек» в наибольшей мере отвечает условиям успешного рыночного обмена и обеспечивает полноценную рыночную координацию, отвечающую требованиям модернизации экономики страны.

Остановимся на вопросе эволюции модели экономического человека подробнее. Следует признать, что при всех разногласиях сложилась общая ее схема, принятая в большинстве исследований по экономике. Ключевые положения общепринятых воззрений следующие. Во-первых, экономический человек находится в состоянии *выбора*, так как ресурсы являются ограниченными. При этом среди факторов, обусловливающих выбор, предпочтения рассматриваются как наиболее устойчивые, в отличие от ограничений (цен и дохода), поэтому особое внимание уделяется реакции индивида на изменение ограничений. Во-вторых, экономический человек наделен *способностью оценивать* возможные варианты выбора. В-третьих, выбор и действия индивида определяются его *собственными предпочтениями* (а не предпочтениями партнеров по сделке, нормами, традициями). И наконец последнее — выбор экономического человека является *рациональным,* т. е. он сознательно выбирает вариант, который позволяет максимизировать результат при наименьших затратах (при этом информация, находящаяся в распоряжении индивида, является ограниченной).

Понятие рационального выбора играет важнейшую роль в существе модели экономического человека. Рациональность в классическом контексте не означает просто осознанность. Она используется в более узкой (формальной) интерпретации — *как оптимизирующее поведение*, т. е. речь идет о максимизации целевой функции при данных ограничениях [1, 13]. В этом смысле антитезой рациональному является немаксимизирующее поведение. Как видно, при таком подходе не уделяется какого-либо серьезного внимания *содержанию* самой цели и представлениям человека об окружающем мире, приоритет отдается *средствам,* необходимым для достижения целей.

Вышеперечисленные характеристики экономического человека, связанные, прежде всего, с абсолютной его независимостью от влияния внешней среды, с мотивами и действиями, обусловленными исключительно собственными (узкорациональными) предпочтениями, предопределяют роль и специфику принципа методологического индивидуализма в традиционном течении экономической науки — неоклассической теории. Эта специфика заключается в том, что все явления объясняются *исключительно* как результат целенаправленной деятельности индивидов, а за рамки экономической науки выводится все, что происходит во внутреннем мире человека и что определяет его поступки: предпочтения, ценности, когнитивные ограничения. В этой связи принцип методологического индивидуализма классической экономической теории, проистекающий из полной индифферентности экономического человека к внешней среде, можно противопоставить другому крайнему варианту — структурно-функциональной концепции человека в социологии. (Как известно, в социологии есть и другие парадигмы, в частности подход Макса Вебера, который и в социологической науке придерживался принципа методологического индивидуализма [2].

Крайний функционализм грозил потерей человека, когда все социальные действия объяснялись социальными же причинами. В то время как эко-

номический человек сам выбирает наилучший способ реализации предпочтений, социологический человек придерживается установленных обществом норм и правил, его цели заданы извне и определяются обществом (т. е. активная роль самого индивида не исследуется, не выявляются также происхождение самих норм, причины их соблюдения и нарушения). Методологический индивидуализм подменяется в этом случае методологическим коллективизмом. В качестве субъекта, осуществляющего тот или иной вид поведения, выступал не отдельный индивид, а группы людей, классы и другие социальные образования. Обе модели выглядят искусственно изолированными аспектами человеческой личности, но с определенной точки зрения вполне могут быть признаны обоснованными в рамках каждой из наук. При этом следует отметить, что в последние годы (начиная с 1970-х гг.) начался активный процесс интеграции. Во-первых, социология начала активно вторгаться в экономику. Наиболее характерен в этой связи пример «новой социологии» («нового институционализма» в социологии), которая предлагает дополнить образ экономического человека некоторыми дополнительными свойствами: одобрением окружающих, статусом, властью и др., и пытается соединить достижения новой институциональной экономики и традиционной социологии [3, 48]. В то же время экономика стала интегрироваться в социологию и другие науки. Эта тенденция получила название экономического империализма, когда модель экономического человека как рационального максимизатора кладется в основу деятельности человека в политике или социальной сфере. Рассмотрение вышеназванных крайних позиций в подходе к модели человека позволяют лучше понять позиции, связанные с «расширительной» трактовкой экономического человека, о которой далее пойдет речь.

Итак, ограниченность экономической рациональности применительно к классической модели экономического человека — homo economikus — проистекает из условия параметричности среды и обоснования поступков человека исключительно соображениями личной выгоды, основанными на простом подсчете выгод и потерь. Это — «узко понимаемая концепция экономической рациональности», которая базируется на формальном принципе максимизации выгод. Она не затрагивает целей человека и его представлений об окружающем мире, на основе которых выбираются средства для достижения поставленных целей. В этом смысле более «широкий подход» к рациональности отличается от узко рационального подхода тем, что критерий рациональности относится не только к средствам, но и к целям поведения, т. е. становится содержательным. Но в классической модели экономического человека этого нет.

Что касается концепции методологического индивидуализма, принятой в основном течении, то ее также можно признать ограниченной, так как она исходит из того, что все социальные явления объясняются *исключительно* в терминах индивидов, а механизмам обратной связи не придается должного значения. Однако следует ли на этом основании подвергать модель экономического человека, принятую в основном течении, полной моральной обструкции и лишать ее права на существование? Думается, это было бы неверно. Правильнее будет модель экономического человека рассматривать как полезную абстракцию, которая заостряет внимание на ключевых специфических чертах экономического человека и благодаря этому позволяет проводить целый ряд экономических исследований, представляющих интерес для экономической науки. Модель экономического человека неоклассиков выступает некоей отправной точкой экономических исследований. Однако ее можно и

нужно считать узким и неполным образом человека, который имеет целый ряд серьезных ограничений и не годится для реального рынка.

Если мы посмотрим на модель экономического человека неоинституциональной экономической теории, то можем обнаружить, что это уже более усовершенствованная модель, которая встроена в более широкий контекст. В ней преодолеваются многие ограничительные предпосылки модели homo economikus. Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что экономический субъект неоинституциональной экономической теории — это уже этический субъект, так как в своей деятельности он руководствуется принципом, что правила должны соблюдаться. Уже в самом этом факте присутствует этическая составляющая: субъект выполняет правила потому, что он не может поступить иначе, а не вследствие какого-либо внешнего воздействия. Второй фактор, который позволяет нам сказать, что экономический человек неоинституционалистов это уже этический субъект, заключается в том, что он учитывает действия и реакции других участников кооперации как фактор собственной функции полезности. В этой связи экономический субъект неоинституционалистов выступает как «этический стратегический субъект».

Формальным описанием типов стратегического поведения экономического субъекта является теория игр, которая выступает важным методологическим приемом неоинституциональной теории. В теории игр исходы определяются уже не абстрактной средой, а взаимодействием экономического субъекта и его партнеров. Игры явились формальным описанием типов стратегического поведения экономического человека (будь то фирма или отдельный предприниматель), с помощью которых субъекты намеревают достичь сравнительных преимуществ и обеспечить соотношение сил в свою пользу. Как известно, основной смысл стратегии как раз и заключается в признании того факта, что субъект не действует в одиночку, что он строит свое поведение с учетом действий других. В этих моделях поведение партнеров взаимообусловлено: решение каждого из них оказывает влияние на результаты взаимодействия и поведение других. Можно сказать, что концепция экономического человека неоинституционалистов выходит за рамки homo oeconomicus и стремится к концепции homo strategus [4, 55].

Поведение экономических субъектов является уже не узко рациональным, а «стратегически рациональным» (в его более широкой трактовке). Неоинституционализм преобразует узкую концепцию рациональности неоклассической экономической теории в модель «стратегически рациональной деятельности», в которой деятельность индивидов и изменения среды становятся переменными величинами. Как видно, это в определенной степени преобразует и концепцию методологического индивидуализма, так как на действия субъектов начинает оказывать влияние среда в лице, прежде всего, непосредственных экономических партнеров. Поэтому экономического человека, лежащего в основе исследований неоинституционалистов, можно назвать «стратегическим экономическим человеком». Если определить основные характеристики модели «стратегического экономического человека» неоинституционалистов, то она отличается расширительной субъективной концепцией рациональности, предусматривающей учет реакций партнеров по сделке. В таком случае субъект выступает уже не как индивидуальный, а как «локальный» максимизатор. Кроме того, ей свойственна расширительная концепция методологического индивидуализма, принимающая во внимание механизм обратной связи в дей-

ствиях экономических субъектов. В этой связи можно сказать, что «стратегический экономический человек» обеспечивает этическую предкоординацию рынка, которая является одним из условий его успешного функционирования.

Однако в модели стратегического экономического человека есть свои ограничения. В частности, цели деятельности по-прежнему задаются экзогенно, факторы, оказывающие влияние на формирование целей и устремлений экономического субъекта, в расчет не принимаются. Из этого можно сделать вывод, что субъект в рамках неоинституциональной экономической теории действует в рамках формальной, а не материальной этики**.** Второе ограничение заключается в том, что влияние внешней среды рассматривается чаще всего как простой ограничитель, не уделяется внимания внутренним импульсам, формирующим действия субъектов. Таким образом, модель стратегического экономического человека все-таки является неполноценной с точки зрения учета фактора этики, который является важнейшим условием нормального и результативного функционирования рыночных отношений. Поэтому факторы формальной этики предстоит дополнить факторами материальной этики.

Завершенной моделью экономического человека, адекватной требованиям цивилизованных рыночных отношений, обеспечивающих реализацию творческих способностей людей и экономический рост, на наш взгляд, следует считать «этического экономического человека», действия которого определяются не только формальной этикой правил, но и содержательной материальной этикой. Модель этического экономического человека еще менее абстрактна, чем модель стратегического экономического субъекта неоинституционалистов. В ней акцентируется внимание не на логическом формальном выборе, который субъект совершает из имеющихся у него готовых вариантов поведения, а на практической деятельности, в ходе которой человек действует согласно своим представлениям о правильном поведении. Такой подход позволяет объяснять действия этического экономического субъекта не только внешними условиями деятельности, но и собственной позицией и имеющимися у него предпочтениями и ценностями.

Обращает на себя внимание такой факт, что этический экономический человек**,** для которого решающее значение приобретают внутренние этические побуждения, вновь становится относительно индифферентным к состоянию внешней среды, но уже на качественно ином уровне, чем homo oeconomicus: он совершает те или иные действия по внутреннему убеждению, согласно своей совести. Действия этического экономического человека в интересах взаимовыгодного партнерства стимулируются не только расчетом экономических выгод и потерь, угрозой правовых санкций или возможным возмездием, но и тем, что человек не может действовать иначе согласно имеющимся у него внутренним ценностным позициям. Как видно, подходы к рациональной деятельности в этом случае еще более расширяются по сравнению с стратегическим экономическим человеком неоинституционалистов: этический экономический человек это уже не локальный максимизатор, который выстраивает свои действия с учетом реакций непосредственных партнеров по сделке, а — «глобальный» максимизатор, которому не безразлично то, какие действия он совершает сегодня и как они отражаются на окружающих (термин, введенный в научный оборот П. Козловски) [4, 57 — 58].

Этический экономический человек выстраивает свои действия с учетом длительной перспективы, он может пожертвовать сегодняшними выгодами ради будущего. (Он способен сберегать, инвестировать, рационально, с пользой для дела и людей, использовать имеющиеся доходы.) В этой связи образуется связь между экономической (в ее традиционном узком понимании), формально-

этической и материально-этической (содержательной, а содержание материальной этики составляют, как известно, религии или этические системы) ориентациями в деятельности экономического субъекта. Узко рациональное поведение, свойственное homo oeconomicus, дополняется в этом случае формальной и материальной рациональностью экономического субъекта, действующего этически. Таким образом, экономика и этика (в широком смысле) оказываются в неразрывном единстве на различных уровнях координации социально-экономической жизни общества. Иначе говоря, происходит не только этическая предкоординация рынка, но и его этическая координация, что в конечном итоге, обеспечивает нормальное функционирование рыночных отношений.

В этой связи основными составляющими модели «этического экономического человека» можно назвать следующие. Во-первых, этой модели свойственна расширительная субъективная концепция рациональности, доведенная до уровня глобальной максимизации. Во-вторых, в этом случае мы уже имеем дело с расширительной концепцией методологического индивидуализма, учитывающей механизм обратной связи в действиях экономических субъектов. И самое главное — в этой модели содержится материальная этическая составляющая индивидуальной деятельности, сам человек становится носителем совести.

Таким образом, применительно к концепции модели экономического человека можно отметить развитие расширительной трактовки от абсолютного эгоиста до этического субъекта в процессе развития различных подходов в экономических исследованиях, что соответствует движению по пути к реальным цивилизованным, отвечающим требованиям эффективности и человечности, рыночным отношениям. При этом каждая модель «вживалась» в ту или иную исследовательскую парадигму экономической науки и становилась ее неотъемлемым элементом. Более абстрактная модель человека позволяла разрабатывать идеальные концепции равновесия, но она была далека от реальности и оказывалась бессильна в разрешении проблем реальных экономических отношений, кроме того, абстрактная модель homo economikus с морально-этических позиций выглядела как модель абсолютного эгоиста. Исходя из практического опыта и теоретических соображений можно сделать вывод, что «этический экономический человек» обеспечивает полноценную рыночную координацию (включающую этическую предкоординацию), которая может рассматриваться в качестве важнейшего условия успешного рыночного обмена. Только этический экономический человек может стать субъектом модернизации, курс на развитие которой в очередной раз провозглашен в России.

Литература

1. *Автономов В.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произвед. М., 1990

3. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход и деформация правил в российской экономике: Препринт WP1/2001/01. М., 2001.

4. *Козловски П.* Принципы этической экономии. СПб., 1999.

И.И. РУДЯК

Микроэстетика как самостоятельная наука: Россия — глубина постижения

Микроэстетика: Россия — глубина постижения. Устами Гамлета Шекспир называет человека «царем природы», «венцом всего живущего». Дарвин поясняет, что человек увенчал собою эволюционное древо, благодаря нескончаемо длинной цепочке крайне незначительных изменений. Пушкин не напрасно называл русский бунт (т. е. резкие протестные движения) «бессмысленным и беспощадным». Действительно: то «Россия во мгле» (Уэллс), то Россия «догоняет и обгоняет» (Хрущев)… Гораздо полезнее для России было бы в политике, экономике, юриспруденции, социуме из макромира грубого шарахания перейти в микромир, чтобы там, в глубине, аккуратно совершать микрооперации (т. е. оперировать микрообъектами).

Но если речь идет о большом количестве малых объектов, то, конечно, необходима их гармоничная композиция, создающаяся по законам микроэстетики. Поэтому именно микроэстетика поможет адекватно познать Россию, что значит — во всей ее глубине. Примером подобного постижения может послужить роман Толстого «Война и мир» (и его другие произведения), в котором автор прибег к необычному для его современников (и осуждаемому ими) художественному приему (который описал Эйзенштейн): Толстой описывает события так, словно они находятся в микромире — чрезвычайно подробно, «крупным планом», детально, что приводит к замедлению действия и психологическому погружению в глубину. В статье «Проблема Эйзенштейна» Н.И. Клейман пишет, что, готовясь рассказать в «Методе» о рождении идеи «внутреннего монолога» в кино, Эйзенштейн заготовил целую цитату из дневника Л.Н. Толстого (запись от 17 мая 1896 г.)… «Главная цель искусства… высказать правду о душе человека… Искусство есть микроскоп, который наводит художник (а) на тайны своей души и показывает эти общие всем людям тайны» (отсюда толстовская глубина постижения русской жизни). При этом Эйзенштейн приставил в скобках букву «а» к слову «художник», переведя тем самым слово — в родительный падеж, а мастера — на роль «инструмента» (Ламетри считал человека — машиной) надличного Искусства.

Микроэстетика и микросоциум: дробление структурных подразделений. Михаил Ковальчук считает, что техническая эволюция лазера есть зеркальное отражение биологической эволюции: как заполнение всех теоретически возможных ниш. В подобном смысле (в соответствии с эволюцией) в политике (организации), экономике («китайская экономика»), юриспруденции (законы), социуме (институты) необходимо ввести много мелких «структурных подразделений» (дабы заполнить все ниши). Подобно тем элементарным частицам (изучаемым квантовой механикой), которые, создавая наш мир, заполняют «формы законов» Вселенной, образующие государство «элементарные частицы» социального уровня развития материи (полученные от «дробления структурных подразделений») могут создать наиболее эффектно функционирующее государство. «Микроэстетическое дробление» Постмодерна заключается не только в индивидуализации художественного стиля, не только в признании обществом биологических и социальных особенностей каждого человека (переходы для слепых, пандусы для колясочников, параолимпийские игры), но и в «микросоциальном устройстве» самого государства. Обществу необходимы «биосоциальные ниши» для левшей, для карликов, для глухих и т. д. В общем, как говорит герой известного фильма «В джазе

только девушки»: «У каждого — свои недостатки». Если каждый для обслуживания интересов общества будет (как это было принято при социализме) «наступать на горло собственной песне», то несчастными станут все: именно от этого спасает вариативность — как микросоциальное (и отраженное в микроэстетике) «демократическое дробление» (погружающее в микромир). Погружение в микромир — приводит также в мир внутренней структуры, поэтому «вариативная демократия» представляет собою уход от маргинальной поверхности. В макромире «давление дробления» связано с деспотизмом, но в микромире происходит «переворачивание вектора» к демократии.

Микроэстетика: гармонизация микрообъектов. Создав многоклеточные (дробные диффузно) и состоящие из органов (раздробленные на фрагменты) организмы (похожие на кинофильм), биологическая эволюция сделала максимально «большой скачок». При этом сами организмы стали большими, а их клетки-кадрики остались в глубине микромира, выстроившись в соответствии с внутренней структурой макрообъекта. Самовыстраивание структуры (Пригожин) происходит путем гармонизации (микроэстетика) диффузных микрообъектов по некой структурной схеме (ДНК). Так рынок (множество мелких сделок), как компьютер, действует по принципу обратной связи, имеющей также место при биохимическом выстраивании ДНК, когда одна из комплиментарных спиралей есть спрос, а другая есть предложение: при этом из рынка вырастает экономика государства, а их ДНК — ребенок, человек макромира. Если в СССР произведения искусства должны были влиять на общество в рамках макромира, содержанием, т. е. идеологически (Сталин редактировал произведения Эйзенштейна), маргинально, снаружи внутрь: по вектору деспотизма (Сталин), то сегодня весьма желательно влияние искусства в рамках микромира, путем воздействия «внутренней формой» (Шпет), через внутреннюю структуру, изнутри наружу: по вектору анархизма (Пригожин).

«Сборка гармонизации» (как в природе, так и в промышленном производстве) есть создание объекта путем заполнения его метафизической платоновской формы (или проекта) микрообъектами-кирпичами, что происходит через создание структуры заданного объекта: структурой же является «окаменевший рисунок процесса» (соответствующего закону природы). Так, Пастернак и Эйзенштейн писали о «застывшем в камне процессе» создания Роденом статуи Бальзака. Примерно в таком ключе мыслил и Никола Аббаньяно (эстетическая теория как «метафизика искусства»). По мнению Аббаньяно, искусство ставит перед человеком ряд вполне реальных проблем, выдвигаемых самой жизнью. Реализуя себя в практической деятельности, человек полнее, глубже и тоньше может выразить себя, познать, утвердить в искусстве. Процесс — это подвижная, «диалектическая платоновская форма», которая требует заполнения. В подобном смысле внутренняя структура может быть рассмотрена как «вертикальный процесс» между диффузным хаосом микромира и золотым сечением как вертикальным соотношением внутренних структурных частей-фрагментов с внешней целостностью макрообъекта. Тогда внутренняя структура похожа на эволюцию, которая происходит на уровне «перепрыгивания генов» (фрагментов ДНК), а также на процесс мышления (который Выготский описывал как монтаж фрагментов-образов).

Определение микроэстетики. Микроэстетика — это философская эстетика эпохи нанотехнологий на уровне «интеллектуального микромира» как самостоятельная научная дисциплина. Оптическая сущность микроэстетики свидетельствует о ее назначении: увеличить уровень подробности познания.

«Лаплас… при помощи одного математического анализа с величайшими подробностями предсказывал то, что видел виндзорский астроном при помощи своих превосходных телескопов. В… 1789 году, Лаплас сообщил, что Сатурн должен быть сжат в полюсах вращения; в том же году Гершель удостоверился в обращении Сатурна вокруг оси, наблюдая его. Араго… справедливо говорит: «Итак, умственные глаза могут заменять сильные телескопы и приводить к важным астрономическим открытиям”» [1, 265]. Микроэстетика представляет собой основу многих современных явлений. Например, роман в качестве социальной модели — это фабрика по переводу эстетических законов (у Гоголя в «Мертвых душах», у Толстого в «Войне и мире» это законы микроэстетики) в законы социологии.

Интеллектуальный микромир. Для диффузного слоя: природы (элементарные частицы, молекулы, одноклеточные), культуры (буквы, цифры, ноты), искусства (телевизионные и компьютерные пиксели, «квантовые кадры» в кино) характерно броуновское движение. «Впервые попытка печатать отдельными подвижными штампами была предпринята… на Крите. На изготовленном около 1600 г. до н. э. в Фесте глиняном диске нанесена расположенная по спирали идеографическая надпись, которая выдавлена отдельными штампами» [2, 27]. Слой фрагментов (ионы, гены, органы, слоги и иероглифы, музыкальные такты, киномонтажные планы, детали машин) должен быть выделен разумом человека как самостоятельный «идеальный слой», потому что он имеет собственные законы (междисциплинарные и формальные, например — золотое сечение). «В 1040 — 1048 гг. н. э. китайский кузнец Пи Шеен… вырезал иероглифы на брусочках глины, обжигал их, составлял из них текст на металлической пластине, прикрепляя их к этой пластине смолой» [2, 28]. Для слоя фрагментов (и в микромире, и в макромире) характерны четкие законы движений и сочетаний. Например, закон «ключ — замок», в микромире отвечает за комплиментарность в молекуле ДНК аденина — тимина и гуанина — цитозина, а в макромире — за брачное поведение самцов и самок. «…специализированные коды… управляют сочетаемостью образов (иконографические коды, правила построения кадра, монтажа, коды повествовательных ходов)… ими-то и занимается семиология фильмового дискурса, дополнительная по отношению к возможной семиологии кинематографического языка» [3, 206].

Если в случае мутации у сегментированного (беспозвоночные) биологического вида возникнет лишний (повторившийся) ген, то (по законам генетики) это может привести к образованию дополнительного сегмента (фрагмента) тела. Помимо законов, характерных лишь для фрагментов определенного вида (катионы объединяются с анионами, гены объединяются в ДНК, органы — в организм, слоги и иероглифы — в слова, музыкальные такты — в симфонии, а монтажные кинопланы — в фильмы), существуют также и «законы фрагментов» как таковых (комплиментарность, выпукло-вогнутая симметрия, композиция, замыкание в цельность, перекомпоновка, монтажная конструктивность, валентность), общие для всех фрагментов Вселенной («Черный квадрат» Малевича — это «фрагмент как таковой»). «Лаплас полагал, что может существовать набор научных законов, которые позволяли бы предсказать все, что может произойти во Вселенной, если только известно полное описание ее состояния в какой-то момент времени… существуют аналогичные законы для всего, в том числе и для поведения человека» [4, 80]. Общие законы изучаются междисциплинарной наукой, а также философской эстетикой (они используются в искусстве), что расширяет ее контекст (реше-

ние экономико-экологических проблем Энди Уорхол искал в эстетике). Наличие единых законов (на уровне формы) для фрагментов как таковых (законы цельных объектов — на уровне содержания) и позволяет Уистлеру сблизить (на базе интертекста, который локализуется в слое фрагментов) разнородные вещи. «Характерными элементами уистлеровского письма… является… фрагментация изображения (сближение персонажа и декоративного элемента)» [5, 228—229]. Исторический переход к кубизму как «искусству фрагментов» был осуществлен через «орнаментализацию реализма» (превращение персонажа содержания в декоративные элементы формы). «Группа кубистов… Фактически Брак первый… Его вещи сейчас — чисто орнаментальные. Сюжет — женская фигура в интерьере и натюрморте, обнаженное тело. Доведено это до состояния прекрасных ковров» [6, 55].

Погружение смысла. Алексей Бартошевич считает, что смысл произведений Шекспира скрывается в глубине. У Пушкина смысл «Капитанской дочки» сосредоточен (как компьютерной файл за иконкой на экране монитора) в фамилии фельдмаршала — «Миних». Бальзак мечтал написать роман об одном слове (Эйзенштейн, «Метод»). «Хрестоматийный пример — внутрикадровый монтаж у С. Эйзенштейна… почти тотальное заполнение кадра каким-то одним предметным образом…» [5, 236]. «Интеллектуальное погружение» во «внутреннее пространство» изучаемого объекта задает по «вектору глубины» новые границы современной эстетики. Предметом изучения микроэстетики (Карло Гинзбург, микроистория) становится интеллектуальный микромир (в рамках мозга и культуры), состоящий из «диффузного слоя» и «слоя фрагментов».

Погружение интертекста. Оптическое «погружение цивилизации» (и виртуальное «погружение эстетики») повысило уровень подробности современной науки (физика элементарных частиц, генетика, нанотехнологии, микроистория). «…Блок слушал подземную музыку русской истории… Он жадно расширял и углублял свой внутренний мир во времени, подобно тому как барсук роется в земле, устраивая свое жилище… человек своего времени живет и движется в скупо отмеренном пространстве, лихорадочно стремится расширить свои владения…» [7, 78]. Уводя от изучения цельности объекта (предметная живопись) макромира (содержание) в рамках специальных наук (биология, химия, физика), высокий уровень подробности изучения создает (через интеллектуальное погружение) новое качество познания (в физике законы микромира отличаются от законов макромира): разум погружается в идеальный слой фрагментов (беспредметная живопись) с его законами фрагментологии (С.М. Эйзенштейн о крупном плане и монтаже по крупности, И.И. Рудяк), междисциплинарной науки (Ю.М. Осипов, И.И. Рудяк), Теории Формы (Шпет и Потебня о «внутренней форме», И.И. Рудяк). Совокупность этих «корпусов законов» — база интертекста (М.Б. Ямпольский о слепом Тиресии, И.И. Рудяк).

Две формы дробления на фрагменты. Являясь органической частью эволюционного или искусственного «цельного объекта» (животное, машина), «структурные фрагменты» как органы (уши, нос) или функциональные блоки (руль, колеса) изначально предназначены для чего-то конкретного. Режиссерская форма дробления на фрагменты позволяет вычленить «произвольные фрагменты» из цельного мира по собственному желанию, чтобы затем из них создать «монтажный объект» искусства или текста (фильм, учебник). Подобные фрагменты как «части» всегда валентны: готовы к «аппликационному замыканию», создавая сообщение (текст). «Текстом» была для древних греков

женская красота, которую они определяли фрагментарно, по списку. «…В Средние века множество комментаторов и экзегетов изо всех сил старались в соответствии с на редкость тщательно разработанными кодами сыскать смысл каждого отдельного архитектурного элемента, в этой связи стоит напомнить читателю о каталоге, составленном столетия спустя Гюисмансом в его книге “Собор” [3, 278]. Придав фрагментам смысл, мы можем превратить их в «слова культуры» — и создать «интертекст культуры»; «…сообщение с эстетической функцией представляет собой некую форму…» [3, 110]. Подобно иероглифам, фрагменты имеют не только смысл, но и форму. «В основе печатания с гравированных деревянных досок… лежит тот же принцип, что и в основе способа набойки тканей. С помощью ксилографии размножаются рисунки и тексты, зеркальное рельефное изображение которых гравируется на деревянной доске» [2, 26]. «Междисциплинарная совокупность» (синестезия) смысла (звук «а») и формы («рога быка») легко порождает знак (буква «А»): как исторический продукт древней «финикийской синестезии». «Эстетическая коммуникативистика должна изучать именно процессы обращения семиосиса в айстесис, а эстетическая герменевтика — те из них, которые связаны с непосредственным обращением абстрактно-значащих форм в конкретно-значащие. Предмет этой междисциплинарной области научного познания обнимает, следовательно, все многообразие трансформаций знаков в образы» [8, 78]. Общие законы внутренней формы (пропорции золотого сечения, фракталы, симметрии, принцип голограммы, отражения, резонансы мы можем отыскать, где угодно), которые отражают мировую структуру, являются основой междисциплинарной науки. «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда, видеть форму… я взял Афанасьева. Открыл № 50 и стал читать этот номер и следующие. И сразу открылось: композиция всех сюжетов одна и та же» [9, 338]. Так в сказке об «изобразительной научной дискуссии» Ходжи Насреддина и заезжего мудреца одна и та же форма (как основа метафоры) в рамках смысла обозначала и яичницу, и Вселенную. При этом внутренняя форма едина для различных содержаний лишь на уровне интеллектуального микромира (единая атомная природа на уровне материального микромира). В слое фрагментов каждая «форма-образ» («слово интертекста») представляет собой структурный фрагмент объекта, который может быть характерным также и для другого объекта. Так форма-образ «изгиб циркачки и ложки» есть один фрагмент, характерный для двух объектов (что связано с их «ассоциативным пересечением» как основой метафоры). «Со стороны эстетики двадцатому веку (второй половине) принадлежит открытие того, что любой привилегированный источник в культуре и искусстве функционирует по правилам интертекста… На одной из выставок в том же ГМИИ им. А.С. Пушкина, посвященной теме интертекста, был представлен проект М.И. Свидерской, объединившей в некое стилистическое целое два произведения из коллекции музея: картину П. Пикассо «Девочка на шаре» (1905) и античную золотую ложку с характерным изгибом, удивительно «повторявшим» стилистику картины Пикассо… Эстетических исследований на эту тему, к сожалению, проведено крайне недостаточно» [10, 178]. В слое фрагментов осуществляется и торговый обмен — как «экономическая метафора», а «поле пересечения» обмениваемых товаров в процессе их «резонансной ассоциации» есть база ценообразования как «интертекста экономики».

Вертикальное дробление в матрешке масштабов. Двойная дробность объектов связана с идеальным погружением во внутреннюю структуру (слой фрагментов) и материальным погружением в материал заданного объекта.

«Интеллектуальная лупа» погружает наш разум в аналитический слой фрагментов, а «интеллектуальный микроскоп» — в материальный диффузный слой. Кино отличает наличие слоя квантовых кадров (разноракурсный диффузный слой) и слоя монтажных планов (кинофрагменты). Компьютерное искусство характеризуется броуновским диффузным слоем пикселей и слоем неподвижных плоских изображений: как «фрагментов-проекций» подвижных объемных визуальных объектов (поворачивая двумерные «компьютерные проекции», можно обеспечить их «трехмерное движение» и объем). Телевидение характеризуется диффузным слоем пикселей (как компьютер) и киномонтажными планами.

«Дробление погружения» может также осуществляться как «интеллектуальная голограмма» («погружение без слоя фрагментов»). «Роман Достоевского есть роман катастрофический… как будто мы смотрим на трагедию в лупу и видим в ее молекулярном строении отпечатление и повторение того же трагического принципа, какому подчинен весь организм. Каждая клеточка этой ткани есть уже малая трагедия в себе самой; и если катастрофично целое, то и каждый узел катастрофичен в малом» [11, 289]. Голограмму (способную при разбивании повторить изображение в большем количестве, но в меньшем масштабе) можно рассматривать как «вертикальный фрактал» («фрактал погружения»): лес — дерево — ветки на дереве — листья на ветках (повторение изображения в большем количестве, но в меньшем масштабе). Коммуникативная траектория движения знаков может так же, как природные процессы, оказаться фракталом. «Юрий Сергеевич Степанов является… первооткрывателем «фрактальной парадигмы» в семиотике» [12, 11].

Дробление цивилизации (как основа микроэстетики) основано на дроблении природы (возможно, голографическом и фрактальном) после Большого Взрыва. Это связано с «дроблением сферами» (Вернадский, Эйзенштейн, М. Булгаков), или «дроблением матрешками» («матрешка интертекстов» есть интертекст торговли — в интертексте культуры — в интертексте Вселенной). В. Соловьев писал о дроблении Вселенной в результате грехопадения (цивилизация). Каждое явление во Вселенной — это фрагмент: «слово» интертекста Вселенной (Тютчева Тынянов назвал «фрагментом»). Структура «интертекста Вселенной» может быть описана математикой, но вся его полнота — лишь законами формы. «Согласно Мандельброту, природные, естественные формы, в отличие от искусственных, евклидовых форм, не соотносятся с простыми формами идеального мира, а творятся в сложных и бесконечных фрактальных метаморфозах» [12, 24].

Фрактальное погружение: две матрешки. Фрактальное погружение напоминает разбитую голограмму (Гулливер и лилипуты): это «погружение без дробления» цельной формы (что напоминает матрешку) — путем дробления масштаба как такового. Произведение Свифта есть отображение известного средневекового заблуждения. Некогда овисты (анималькулисты) считали, что все последующие поколения (подобно куклам в русской матрешке) изначально содержатся (в готовой человекоподобной форме!) в яичнике прародительницы Евы (семенниках прародителя Адама).

«Погружение с дроблением» на фрагменты (кино) создает матрешку разных миров (портрет Ермоловой работы Серова), живущих по совершенно разным законам. Например, в микромире элементарных частиц бывает так, что часть — больше целого, а в мегамире время — относительно. Для кино характерно «двойное дробление» (слои микромира: диффузный слой и слой фрагментов): дробление в двух слоях — на «квантовые кадры» (кадрики есть

фазы раздробленного движения) и на монтажные кадры (монтажные планы есть «фрагменты континуума»: четырехмерного пространства-времени, взятого с определенной эйнштейновской «точки зрения наблюдателя»). Однако вертикальная связь между разными масштабными мирами все-таки существует. Чтобы большой альтозимутальный телескоп на горе Семиручьи мог увидеть самые дальние галактики, Анатолий Борисенко должен придумывать и собирать при помощи микроскопа приборы с зарядовой связью (сменные зрачки телескопа).

Понятия микроэстетики. Как самостоятельная наука микроэстетика основана на системе понятий. Вот только некоторые понятия: интеллектуальный микромир, слой фрагментов, диффузный слой, интеллектуальная лупа, интеллектуальный микроскоп, режиссерское дробление на фрагменты, аппликационное замыкание, диалектическая платоновская форма, гармонизация микрообъектов, орнаментализация реализма, и т. д. В отличие от макромира цельных объектов, в котором главенствует содержание как сюжет, в микромире дробных объектов главенствует форма как основная категория философской эстетики (Эйзенштейн ввел понятие «содержание формы»): поэтому здесь речь идет о новом («мышление формой») типе мышления — и даже о новом типе логики («логика формы»). Главенство в микромире формы-содержания над сюжетом-содержанием и низводит все микронауки к философской эстетике (макронауки существуют самостоятельно): форма (с собственным понятийным аппаратом) есть основа междисциплинарной науки.

Примерно в таком ключе рассуждал и Мамардашвили в книге «Стрела познания». «Гештальты» (образы, формы) Бора и Ландау есть макроследствия микрофигураций (при этом существует «вертикальное время», которое мы можем сравнить со «временем вертикально-масштабного монтажа» в фильме Антониони «Блоу ап»). Мамардашвили пишет об общем для всех макроязыке как о языке макрореальности, который только мифом и может сформулировать вертикальную топологию связи космоса с микрокосмосом; он пишет об изменении языка — и о формах, для которых в языке уже есть свои знаки. Мамардашвили видел мыслеформы встроенными в конфигурацию Вселенной; считал необходимым объективный анализ сознательных форм; связывал мышление с разными («принцип дробления») организациями расчленений (о вычленении монтажных кадров в «Методе» писал Эйзенштейн) заданной системы (возможно, стоит «расчленять реальность» не на «предметы Лурия», а на формы беспредметной живописи).

В китайской «Книге перемен» говорится о «звездных ветрах, идущих к нам с небес» (создавая спектакль «Мексиканец», Эйзенштейн писал в дневнике о «резонансе формы»: от космоса до спектакля), о том, что «нельзя понять законы, по которым ткется ковер мироздания, но можно научиться видеть узоры сил в орнаменте этого ковра» («формы процессов» как «фрагменты мироздания»), и «чтобы обозначить это, в Поднебесной был создан язык узоров, язык перемен» («язык формы»).

Связи между понятиями микроэстетики. Маркс называл общественную жизнь макромиром, а семейную — микромиром. Эко относит к «макроэстетическому уровню» повествование, фабулу и конфликт (сюжет), а к «микроэстетическому уровню» соотношения ритма, метра, хроматизмов, синтактических элементов (форма и фрагменты) [13, 110]. «Разномасштабное мышление» является уходом от «маргинальности макромира» с ее поверхностной одномасштабностью — путем погружения в микромир («другую масштабность») с его «другими законами» (и «внутренними формулировками»),

где локализуется внутренняя структура. «…Вопросы исчезают. Это основная черта плоского, мономасштабного мышления… оно не интересуется различными точками зрения, различными понятиями и возможностями» [12, 44]. Сегодня назрела необходимость сформулировать микроэстетику как самостоятельную науку: с ее системой понятий, связями между понятиями, законами и областями применения.

Законы микроэстетики. Законы микроэстетики — междисциплинарны и связаны с законами формы. Вот только некоторые из законов микроэстетики: «ключ — замок» (Мамардашвили, «симметрия взаимодействий»), закон заполнения диффузной материей метафизических форм (Древняя Греция), закон всеобщего дробления (Владимир Соловьев), закон двойного дробления (кино), закон структурной гармонизации (Борис Раушенбах), закон всеобщей вертикализации (Умберто Эко), закон структурного погружения, закон диффузного погружения, закон фрактальности дробления, закон матрешки. Эти законы годятся также для любой из современных микронаук. В книге «Стрела познания» Мамардашвили рассматривает всевозможные связи (основания для законов): платоновских форм со знанием, движения с формализмом и мышлением, русла-орбиты-формы движения с производством и воспроизводством сознания, действия со структурой, процессов с формой (форма определяет траекторию данного вида), формы со структурой.

Области применения микроэстетики: завод как нейропротез. Будучи связанной с внутренней структурой и формой, микроэстетика применяется в самых различных сферах: в политике, экономике, юриспруденции, социуме, естественных науках, культуре, искусстве. Идеологическое искусство сюжетом-содержанием влияет на реальную жизнь, создавая «строителя коммунизма» (Мамардашвили считал, что наука — против идеологии). Когда искусство влияет на общество — формой, схемой, структурой, то это синхронизирует членов общества в рамках стилевого явления, создавая «человека Возрождения» или «человека Постмодерна». Особенно полезна микроэстетика на междисциплинарном стыке экономики и биологии, так как именно сегодня необходимо создавать «производственно-экологические структуры» — вместо сталинской индустриализации и мичуринского покорения природы. Когда у человека поврежден мозг и не проходят сигналы, ему вживляют нейропротез, который настолько композиционно врастает в мозг, что становится его частью. Подобно нейропротезу, завод обязан стать «экопротезом биосферы» — и «врасти в природу» настолько, чтобы безболезненно пропускать сигналы биосферы (биологические и химические круговороты в природе): это значит — построить инфраструктуру (завод — монтажный фрагмент биосферы).

Чингис-хан и бык Эйзенштейна: бичевание изнутри. Захватчик — Чингис-хан — рубил чужие страны снаружи — внутрь: по-кубистически, не жалея, большими кусками, по выгодным ему силовым линиям. Из макромира — в микромир разбойник рубит на неструктурные с точки зрения разрубаемого объекта куски (абсурд негармонизированных фрагментов в эпоху застоя, выраженный в анекдоте), не давая вырасти внутренним процессам объекта. Конструктивизм же разрубает маргинальную поверхность предмета изнутри — наружу: из микромира — в макромир, учитывая собственную структуру и анархически выводя ее на поверхность (пафос стремления к композиции, выраженный в плакате-проекте). В «Методе» Эйзенштейн рассматривал ритм структуры как «бичевание изнутри» (в фильме «бык Эйзенштейна» был композиционно правильно собран в микромире из фрагментов, олекалился — и ожил в макромире).

В России было как минимум три неструктурных рубки (чтобы создать новую композицию государства): монгольское нашествие, Революция, Перестройка. В сказке о четырех воронах напророченный королевскому сыну нож разбойника мудрец заменил ножом хирурга. Сегодня в России происходит борьба за «вектор разруба» (чтобы создать наилучшую государственную структуру): рубить ли сверху вниз — «бессмысленно и беспощадно», большими кусками на уровне макромира, создавая при этом каждому (из самых лучших общественных побуждений!) персональные неудобства, или — снизу вверх, на уровне микромира, давая вырасти изнутри гармонизирующей структуре? Мы выбираем микроэстетику!

Литература

1. *Литвинова Е.Ф.* Лаплас и Эйлер // Библиотека Флорентия Павленкова. Т. 21. / Под ред. Н.Ф. Болдырева / Челябинск, 1997.

2. *ФункеФ.* Книговедение. Исторический обзор книжного дела. М., 1982.

3. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.

4. *Хокинг С.* Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр. СПб., 2004.

5. *Кондратьев Е.А.* Морфология стиля и цитация // ОМЭК III. Методы, понятия и коммуникации в современном эстетическом дискурсе / Под ред. А.С. Мигунова, С.А. Дзикевича. М., 2008.

6. *Фальк Р.Р.* Беседы об искусстве // Р.Р. Фальк Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1981.

7. *Мандельштам О.Э.* Барсучья нора // О.Э. Мандельштам Слово и культура / Под ред. П.М. Нерлера. М., 1997.

8. *Дзикевич С.А.* Писарев, Платон и тени: в лабиринтах российского эстетического дискурса XIX века // ОМЭК III. Методы, понятия и коммуникации в современном эстетическом дискурсе / Под ред. А.С. Мигунова, С.А. Дзикевича. М., 2008.

9. *Пропп В.Я.* Дневник старости. 1962—196… Публикация А.Н. Мартыновой // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. I. № 3.

10. *Мигунов А.С.* Мифы и реальности современной эстетики // ОМЭК III. Методы, понятия и коммуникации в современном эстетическом дискурсе / Под ред. А.С. Мигунова, С.А. Дзикевича. М., 2008.

11. *Иванов Вяч. Ив.* Принцип формы // Иванов Вяч. Ив. Родное и вселенское / Сост. В.М. Толмачева. М., 1994.

12. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика. М., 2009.

А.Ф. ЗВЕРЕВ

Гуманитарный капитал как общественное благо глобального масштаба

В известном докладе Всемирного банка «Формирование общества, основанного на знаниях», утверждается, что высшее образование не только вносит вклад в развитие человеческого капитала, но и выполняет такие важные

функции, как формирование гуманитарного и социального капитала, а также является важным общественным благом глобального масштаба [1, 4].

Гуманитарная культура и духовная культура относятся к числу понятий, в определении которых нет единого мнения ученых, изучающих данную область знаний. Гуманитарная культура выступает специфическим средством познания мира и человека, она является тем уникальным социальным механизмом, благодаря которому осуществляется процесс наследования, передачи духовных ценностей социального опыта от одного поколения к другому. В то же время духовная культура является частью гуманитарной культуры, которая вошла в сферу его духовной жизни и приобрела там свойство уникальности и неповторимости «в человеке и для человека», в его сознании и переживании [2, 259].

Соединение двух указанных культур отражает новую систему отношений в новых условиях, которую можно назвать гуманитарным капиталом, общественным благом глобального масштаба.

Идеи гуманизма и содержание гуманитарного капитала имеют длительную предысторию. Мотивы человечности, человеколюбия, мечты о счастье и справедливости можно обнаружить в произведениях устного народного творчества, в литературе, философских и религиозных концепциях различных народов начиная с глубокой древности. В эпоху Возрождения гуманизм предстал перед всем миром как целостная система взглядов, вызвав подлинный переворот в культуре и мировоззрении людей того времени.

В наше время возникновение и развитие информационной электронной сети Интернета расцениваются как одно из проявлений деятельности коллективного разума в планетарном масштабе. Гуманитарное содержание функционирования коллективного разума имеет эпохальное значение. Человечество в наши дни является свидетелем революционных изменений, сопоставимых по своим результатам с неолитической революцией, ознаменовавшей переход от присваивающего хозяйства к производству, и промышленной революцией, давшей толчок развитию капитализма и превращению его в господствующий способ производства [3, 160].

С 1970-х гг. в странах Запада стали проявляться кризисные явления в сфере образования, вызванные, прежде всего, ослаблением внимания к гуманитарным циклам в общей структуре подготовки специалистов.

В докладе Национальной комиссии США по оценке качества образования (1983) был сделан вывод: американское общество и его образовательные институты утратили видение основных целей образования — «нация в опасности». Главная причина — размывание образовательных основ общества нарастающей волной посредственности, которая угрожает будущему страны и народа. Впервые в истории США образовательный уровень нового поколения не превзойдет, не будет равен и даже не приблизится к уровню знаний поколения родителей [2, 169].

Чрезмерное внимание к техническим и профессиональным навыкам в образовании оставляет мало времени на изучение искусств и гуманитарных наук, которые обогащают повседневную жизнь, помогают сохранять цивилизацию и развивать чувство человеческой общности. Аналогичная картина наблюдается во Франции, Канаде и других странах, где за последние десятилетия более чем вдвое сократилась подготовка специалистов по гуманитарным дисциплинам [2, 169].

В Российской Федерации наблюдаются аналогичные процессы. К примеру, в 2006 г. численность выпускников очной формы обучения государ-

ственных и муниципальных высших учебных заведений, получивших направления на работу, составила 189538 человек. В составе указанных лиц специалистов по гуманитарным, социальным наукам, культуре и искусству было всего 27102 человека, т. е. 14,3% от общей численности выпуска 2006 г. с высшим образованием [4, 58].

Гуманитарная культура выполняет многочисленные функции, среди которых важную роль играет информационная: благодаря ей осуществляется передача ценностей, социального опыта от одного поколения к другому.

В этом плане важное значение имеет деятельность вузов, в первую очередь университетов. Кроме традиционных функций и миссий университеты призваны осуществлять работу по формированию социальной элиты страны. Воспитание новой элиты сводится к воссозданию культурного слоя общества, который должен служить фундаментом для развития духовной аристократии общества. Отличительной чертой такой элиты является не только общая, профессиональная культура, но и культура духовная. Отсутствие духовной культуры говорит о том, что это уже не элита. Духовная культура включает в себя: нравственность, этику, эстетику, науку, просвещение, право, философию, познание, искусство, литературу, мифологию, религию и многое другое. Указанное содержание духовной культуры общества свидетельствует о том, что эта культура становится важным социально-культурным и духовным капиталом общества.

Реализация требований развития гуманитарного капитала как общественного блага глобального масштаба открывает новые возможности развития межгосударственных, межличностных отношений между народами различных стран, что призвано укреплять дружбу и стабильность социально-экономических, культурных, научных и других отношений между народами всего мира в интересах всего человечества, в том числе в интересах развития высшего университетского образования.

Образовательные учреждения оказывают решающее влияние на формирование социального облика индивида, определяют модель поведения человека в обществе, в быту, в работе и т. п., мотивируя его поступки, представление о себе и других. Появляются новые методики воспитательной и образовательной деятельности вузов. Среди этих методик все большее значение приобретают методики гуманитарных технологий. Этим вопросам была посвящена международная научно-практическая конференция, по случаю 50-летия образования Российского университета дружбы народов на тему: «Роль интернационализации университетов и их вклад в социальный прогресс развивающихся стран», проведенная в городе Москва 24—25 ноября 2009 г.

Литература

1. Формирование общества, основанного знаниях. Новые задачи высшей школы. М., 2003.

2. *Запесоцкий А.С.* Образование: философия, культурология, политика. М., 2002.

3. Экономика знаний. М., 2008.

4. Образование в Российской Федерации, Статистический ежегодник. М., 2007.

Ю.Н. СЕНЧИНА

Пробуждение русского духа: альтернативный взгляд на движущие силы исторического процесса

(что нам открыл лингвистический поворот как эпохальное событие планетарного масштаба)

Лейтмотивом серии работ под девизом «Пробуждение русского духа» явилось стремление показать, что однажды ошибочно выбранная позиция по поводу отношений между миром и человеком обозначила во всей полноте целый сонм неразрешимых для человечества проблем, включая такие — общефилософские, — как соотношения добра и зла, жизни и смерти.

Произошедший в мире так называемый *лингвистический поворот*, который оказался предтечей информационной революции и постмодернистского философствования, обеспечивших, в конечном итоге, победу Запада — оплота капитализма — в «холодной войне» с СССР, можно считать судьбоносным не только для человечества, но и для мира в целом — Универсума.

После случившегося стало понятно, что лингвоповорот — это не что иное, как попытка Универсума в программе глобализации через коммунистическую идею («Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма») устранить «сбой», в результате которого ход истории вдруг отклонился от задуманного плана. Вместо планировавшейся мировой пролетарской революции как одной из технологий глобализации возник мощный оплот трудового народа — СССР как монолит живого труда. Сокрушить его современными на тот период материальными боевыми средствами земного происхождения мертвому капиталу, даже при всеобщей мобилизации, оказалось не под силу.

Вторая мировая война — это, пожалуй, было первое мощное открытое вооруженное столкновение между *Мертвым* и *Живым* (или в интерпретации Маркса — между мертвым капиталом и живым трудом) за всю историю существования человечества. Вызов был брошен в лице капиталистического мира, который и потерпел сокрушительное поражение. Конечно, победа эта во враждебном окружении далась дорогой ценой, но уже и тогда в ней усматривалась реальная угроза для капиталократии в целом — как выясняется, плоть от плоти самого Универсума. Считалось, что ее после войны могло спасти только Провидение [1].

Вот тогда и случился лингвоповорот, которым не просто был оставлен шанс на выживание проигравшему Вторую мировую войну капиталу, включая его держателей и сторонников. А в его новом, еще более разрушительном качестве — *неолиберализма* — ему был вручен новый меч (новые знания) и открыт доступ через высокие информационные, в том числе сетевые и компьютерные, технологии в виртуальные (по сути, зазеркальные) аналоги реальных механизмов воспроизводства общества. Но ведь тайна виртуального властвования над реальными мировыми процессами — это прерогатива Высшей инстанции мироустройства!

Здесь-то и кроется секрет парадоксального распада СССР — Великой многонациональной монолитной державы, спаянной живым трудом и *русским духом* [2, 145], которая, будучи хорошо подготовленной к силовой войне, совершенно неожиданно и практически бескровно сдалась, словно по команде, Западу по всем статьям. Таким образом был устранен «сбой» в программе глобализации. И действительно, образовавшиеся на постсоветском простран-

стве государства, кроме Белоруссии, ныне наперегонки клянут свое советское прошлое. Безоговорочно приняв антинародную неолиберальную идеологию и практику, они устремились через ВТО и прочие наднациональные органы неолиберализма как своего рода предбанник глобализации в Новый мировой порядок[10] — прямиком к своему апокалиптическому будущему, предвестники которого уже дают о себе знать повсеместно.

Что это, как не навязанная извне программа самоуничтожения, проявляемая здесь как применение разных форм *лингвосемиотического оружия*: *институционального* [4, 473 — 490], *организационного* («всемогущий доллар» [1, 22, 23]), *правового* («война прав», «права человека», «мораторий на смертную казнь»), *информационного*, *психологического*, *нейролингвистического программирования* и т. п. Это уже далеко не изобретение человеческого гения, а обозначенный лингвоповоротом *вызов* человечеству, исходящий непосредственно от Универсума. Без учета данного факта любой ответ оказывается несостоятельным.

Было бы не ясно, чем вызвано вмешательство в дела земные столь высокой инстанции, если не понять, что капитал лишь вариантно (ситуативно) проявляется *здесь* в разных видах собственности и операциях между ними и таким образом обеспечивает себе *там* непрерывное существование и, вместе с тем, влияние на жизнь общества *здесь*. Сам по себе капитал инвариантен, равно как и деньги, даже смерть, компьютерные программы и многое другое, ибо все это отвлеченный опыт прошедшего, составная часть единого накопленного прошлого отживших поколений — иными словами, неэнергоспособного мертвого, существующего, как и Универсум, за счет настоящего и властвующего над ним. Похоже, что абстракции правят человеком и непрерывными изменениями в средах (внутренних и внешних) его обитания, направляя эти изменения в нужное им русло. Иначе говоря, изменениями контекста от человека добиваются определенной реакции против себя самого.

Прототипом одной из предлагаемых здесь объяснительных метафорических моделей *мироустройства* как сочетания *предельного* и *беспредельного*, разделенных Великим *пределом,* можно лишь отчасти считать представления по этому вопросу древнейшей китайской традиции [5]. Предельное, согласно данной модели, представлено материальным (предметным) видимым физическим миром. В беспредельном же концентрируется в отвлечении от своего материального энергетического носителя (человечества), в виде волн и частот, оцифрованный прижизненный опыт многих поколений как конечное множество инвариантных структур по различным аспектам жизнедеятельности. Находясь в движении с околосветовой скоростью, они обретают свойства трансцендентности, вездесущности и способность вариантно проявляться в качестве институциональных и властных институциональных порядков в объектах и субъектах предельного, программируя их под свои интересы.

Выходит, прав был Маркс, который философски и терминологически точно и притом жестко выразил ту мысль, что «капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд, и

[10] На конференции Мирового форума в 1995 г. был озвучен взгляд на будущее как на «общество одной пятой» или «20:80», реализуемый через принятие мер по сокращению народонаселения на 80% путем формирования, в частности, на базе стран «третьего мира», включая Россию, «обществ истребления» под лозунгом демократических реформ на основе высоких технологий и других достижений инновационной деятельности [3, 24].

живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» [6, 220]. Означенной корневой метафорой в наш метафорический мир была внесена ясность, что только объединившийся трудовой класс, как по сути живой организм, сможет освободиться из-под ига данного мертвого паразитирующего субъекта.

Этот философский рецепт был отработан в главном великими последователями Маркса в целой серии жизнеутверждающих инноваций социального (включая военно-политический) и научно-технического характера. Правда, сделано это было лишь в материальном аспекте, не затронув данное зло в других состояниях материи, что и позволило ему возвратиться «на круги своя» еще более сокрушительным *неолиберальным ответом*. Но это было потом. А вначале гений Ленина освободил именно в России живой труд из-под ига царизма, помещиков и капиталистов как проявлений паразитизма, а гений Сталина восславил этот труд, подняв его на доселе недосягаемую высоту. На тот период этого, пожалуй, никто не смог бы сделать лучше них. Некоторые из власть имущих в нынешней России посмеиваются над тем, что главными героями советских фильмов были доярки, пастухи, рабочие и вообще простой трудовой народ. А ведь именно этим и поддерживался пафос жизнеутверждающего человеческого духа на трудовых и военных фронтах.

Независимо от того, как Маркс относился к России и к русским, являлся ли Ленин агентом Германии или даже «финансового интернационала», а Сталин — диктатором (время было такое!), у них наверняка были и свои творческие задумки, не укладывавшиеся в прокрустово ложе мнимых заказчиков от капиталократии. Они в точности отработали в том сложном и малоинформативном (особенно относительно сущности нашего мира) контексте именно *жизнеутверждающую позицию*, которая в целом успешно прошла проверку на правильность, особенно, в период хода и исхода Второй мировой войны. Их деятельность в рассматриваемом плане — это была своего рода разведка боем в поле противостояния *живого* и *мертвого* с правильно выбранным критерием различения последних и выявлением сильных и слабых мест обеих сторон, что безусловно еще послужит ценным опытом для последующих поколений.

В этом их главная заслуга перед человечеством, которая пока нигде не оттенена, однако потенциал ее, как видим, далеко не исчерпан и взят за основу в данной работе.

Хотя каждый из них имел свои недостатки, ибо идеальных людей в этом мире просто не существует, однако, если бы им в то время открылись новые горизонты знаний, высвеченные лингвоповоротом, они бы, наверняка, предпочли ради освобождения живого труда бескровную революцию в среде мертвых абстракций. Хотя решение этого вопроса требует дальнейшего проникновения в глубины миротворения и понимания его основ.

Понятно, что в мире, выстроенном на отвлеченном опыте отживших поколений, все новое — это хорошо забытое старое. Оно может лишь повторяться, хотя и с нюансами, а посему мир преподносит нам сюрпризы не столько потому, что меняется. Скорее всего, он поворачивается к нам разными гранями своего бытия, как в ситуации с калейдоскопом. Но крутит-то этот «калейдоскоп» само человечество критической «массой» определенного (чаще негативного) настроя, по-разному задействуя свой поступочно-поведенческий комплекс, хотя и директивно целенаправляемый архетипическими программами, исходящими, согласно К.Г. Юнгу [7], из глубин челове-

ческой психики и коллективного бессознательного. Так и вращается колесо истории от возрождения человечества до его заката, а далее круг замыкается.

Не исключено, что когда-то очередной лингвоповорот ознаменовался событиями, охарактеризованными как «Вавилонское столпотворение». Нынешний же — это знак начала новой эпохи, которую, не меняя сути, специалисты называют по-разному [8; 9, 270, 459; 10]: Водолея, ТНК и Великого Отказа как пролога к Апокалипсису, но чаще всего — Постмодерна.

Вместе с тем, отечественный опыт, как никакой другой, успешного противостояния враждебным силам в сходных ситуациях, особенно когда враг просчитан, весьма впечатляет.

Советской властью и ее общественными науками были искусственно созданы и интериоризированы в сознание народа мощные позитивные архетипические мыслеобразы типа: Родина-мать, Отчизна, Сталин, Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов, Минин и Пожарский, а также мифологемы типа: социализм, коммунизм. Все они для усиления эффекта их интериоризации пестрили вовне в формах геральдических образований (на знаменах, орденах, медалях), идеализированных образов (на портретах, в театрах, кино, в литературе, скульптуре), а также пропагандировались в печати, листовках, на плакатах. Несмотря на разнонациональный состав страны и ее руководства, ставка при выборе мощной объединяющей страну силы была сделана именно на испытанную в веках *русскость* в духовном (а не физическом) понимании этого слова. По сути это было обращение к сферам обитания *русского духа*. Найдя в народах СССР прочную материальную опору, он, в свою очередь, вложил в них неистощимую силу духа и безграничную веру в свои силы для свершений на трудовом и военном фронтах. Тем самым была создана своего рода критическая «масса» позитивного настроя людей. Это принесло невиданные доселе в исторической практике результаты: врожденные архетипы и мифологемы были потеснены и загнаны еще дальше в глубины психики. Народ шел на подвиги (фронтовые и трудовые), что называется, «не щадя живота своего», презрев инстинкт самосохранения, природные стихии и смертельную опасность от оружия неприятеля. В итоге он отстоял страну (и, естественно, себя) в борьбе с внешним врагом, вытащил страну из разрухи и вывел ее на первое место в мире по большинству показателей качества жизни.

Однако, было ли это роковым просчетом или злым умыслом, но от народа оказалась сокрыта природа его высокого морального духа. В результате, он в массе своей оказался практически безучастным и мало что понял, когда происходил демонтаж этой основы его большой созидательной силы и единства. А все началось с пресловутого развенчания (кстати, ничего позитивного не давшего народу взамен) «культа личности» Сталина — этой, как оказалось, главной скрепы в комплексе позитивных архетипов и мифологем, после чего последние стали рассыпаться в прах один за другим. Видимо, большинство тогда не поняло, что между Сталиным как личностью со всеми приписываемыми ему недостатками (которой тогда уже не существовало) и Сталиным как позитивным архетипом — этим достоянием народа и символом его единения — огромная разница. Несоразмерная критика личности обернулась сокрушительным ударом по ключевому архетипу, что в конечном итоге привело к подрыву морального духа народа и устоев государства. Чего здесь больше: обыкновенного невежества, предательства или факта продуманного применения неприятелем нетрадиционного психологического оружия?

Ныне же ни одна элита в мире не может противостоять США в исследовании, разработке, производстве, распространении и эксплуатации архетипов, подчиненных единой цели — поддержанию мирового господства капиталократических кланов. Через Голливуд и подконтрольные капиталу СМИ эти архетипы повсеместно, включая Россию, программируют психику людей независимо от их ранга, подготавливая тем самым условия для глобализации [11, 3 — 14]. А это — не что иное, как попытка указанных кланов с окончания Второй мировой войны именно таким путем создать на базе США «первую в истории» мировую империю [12, 28].

Возращаясь к упомянутым лингвоповороту и Вызову Универсума, важно заметить, что, сообразно Вызову, философия сделала резкий разворот от Марксовой метафоры к ротшильдовской наступательной стратагеме [13, 67]: «Дайте мне управлять деньгами нации, и тогда мне будет все равно, кто принимает ее законы», и стала повсеместно философствовать интересами больших денег, т. е. опять же капиталов. Круг замкнулся. Этим же лингвоповоротом оказался подменен прежний смысл слов и выражений языка, скажем таких, как «деньги», «демократия», «свобода», «права человека», «борьба с терроризмом», «модернизация», «мораторий на смертную казнь» и т. д. [2, 144; 4, 476, 482, 483], на чем и попались непосвященные, включая СССР — Россию. Это ныне — лишь разные аспекты тактики войны и орудий Апокалипсиса. Тем самым Универсум «прокололся» не только своей склонностью потакать злу, т. е. мертвому и паразитарному, но и своим родством с ним.

Неслучайно сама жизнь в нашем мире, по сравнению со всепроникающей и вездесущей смертью, представляется слишком уж хрупким творением. Не иначе, как здесь скрывается некий подвох, например тот, что в нашем мироустройстве в известных оппозициях «жизнь — смерть», «добро — зло» произведена подмена их позитивных составляющих некими хитроумно сконструированными алхимическими суррогатами из состава негативных. В результате, волею меняющихся обстоятельств, человек всякий раз оказывается поставленным перед выбором, в лучшем случае, наименьшего зла и отсроченной смерти из множества худших вариантов. Иными словами, сотворенный мир взамен *добра* и *жизни* как таковых, о неистощимости и всепобеждающей силе которых еще остались смутные воспоминания из глубин древности, унаследовал из былого лишь полную шкалу зла (от наименьшего до наибольшего) и всевластие смерти. В сравнении с последней «алхимическая жизнь» здесь представлена лишь хрупким ее проявлением, т. е. вариантом инварианта Смерти. Именно в такую трактовку данного вопроса вполне укладываются бытующие представления об относительности добра и зла, жизни и смерти, о возможности оборотить зло в добро и наоборот и т. д. Таким вот образом поневоле и складывается представление о сотворенном мире как о технологии властвования мертвого над живым.

В таком случае становится понятным, что человеческая жажда познания истины (коей нет в этом мире, ибо он метафоричен) — это подсознательная дань, с одной стороны, *вере* в то, что сотворенный мир — это лишь эпизод, в который попал человек в роли живого энергодонора в ходе многообразных перипетий и превратностей миротворения, а с другой — дань *надежде* на то, что мир сей удастся преодолеть, как дурной сон.

Именно общепризнанная и проверенная на практике Марксова метафора позволила сформировать такие представления об Универсуме и тем самым выявить далеко не родственные и даже не партнерские отношения человека и так называемого нашего мира. Наряду с этим был сделан вывод, что

тот самый самодостаточный живой мир на самом деле похоронен под спудом голографической эмульсии, став жертвой некоего вероломного акта ради задействования его в качестве источника непрерывного существования искусственно созданного неистинного метафорического мира, в котором мы ныне и находимся.

Литература

1. *Каплан Л.Е.* Сталин. Человек, который спас капитализм. М., 2007.
2. *Сенчина Ю.Н.* Постмодерн как закономерный этап смены эпох // Постмодерновые реалии России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2008.
3. *Сенченко Н.И.* Общество истребления — стратегическая перспектива «демократических реформ». М., 2008.
4. *Сенчина Ю.Н.* Деньги как разновидность институционального оружия // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2008.
5. *Еремеев В.Е.* Чертеж антропокосмоса: В 2 ч. М., 1993.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал. Т. 1. М., 1969.
7. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. М., 2005.
8. *Доулинг Л.Х.* Евангелие эпохи Водолея. 1908.
9. *Валянский С.,* Калюжный Д. Армагеддон завтра: учебник для желающих выжить. М., 2006.
10. *Кутырев В.А.* Философия постмодернизма: Науч.-метод. пособ. Н. Новгород, 2005.
11. *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационный менеджмент: Механизмы управления и борьбы в бизнесе и политике: Словарь-справочник. М., 2009.
12. *Перкинс Дж.* Экономический убийца объясняет, почему рухнули финансовые рынки и как их возродить. М., 2010.
13. *Сенченко Н.И., Гастинщиков В.Г.* Энциклопедия тайных обществ. Киев, 2008.

А.Д. ЗАРЕЦКИЙ, Т.Е. ИВАНОВА

Интенция экономической теории и социальной политики трансформировать и модернизировать общество

Современная Россия на рубеже XX — XXI вв. вновь вступила в эпоху глобальных перемен. Одними из ключевых проблем постсоветского государства являются одновременные преобразование централизованной плановой экономики в социально-рыночную и системная модернизация общества. Особенность ситуации связана с тем, что в мировой истории только накапливается опыт трансформации социализма в рыночную экономику. Кроме того, как отмечено в независимом экспертном докладе Института национальной стратегии, «России придется стать страной-пионером в деле построения общества модерна из общества потребления, существующего на обломках прежних модернизационных проектов» [1].

В научных публикациях, посвященных исследованиям трансформации общественных укладов и феномену модернизации как многогранному соци-

альному явлению, не нашло, на наш взгляд, достаточного отражения влияние на эти процессы экономической теории и социальной политики. Но единство экономических и социальных доминант в развитии социума является следствием объективного, исторически подтвержденного процесса взаимодействия экономического и социального аспектов человеческой деятельности, неразрывно связанных между собой как в индивидуальном проявлении, так и в масштабах общества в целом. В связи с этим для расширения гносеологического пространства исследований переходных общественных процессов представляется актуальным ретроспективный анализ интенции[11] экономической теории и социальной политики на разрешение конфликта между трудом и капиталом.

Марксистской политической экономией доказано и исторически подтверждено, что стабильно усиливающееся преобладание капитала над трудом неизбежно приводит к классовому антагонизму в отношениях между собственниками капитала и наемными работниками [2]. Представленный К. Марксом классический анализ сущности и перспектив развития капитализма убеждал в необходимости устранения класса собственников капитала революционным путем, что создало предпосылки для появления мирового социально-политического напряжения уже на рубеже XIX и XX вв. Известный русский экономист и историк М. Туган-Барановский в книге «Теоретические основы марксизма» писал: «Конечно, нельзя отрицать важности, по отношению как к нашему времени, так и предшествующим историческим эпохам момента классовой борьбы… Но ни теперь, ни раньше история человеческого общества не была только историей борьбы классов, и противоположное утверждение Маркса и Энгельса следует признать величайшей ошибкой» [3]. Возведя основное противоречие капитализма на пик несовместимости с возможностью достижения социального благополучия большинства без революционного переворота, марксистская политэкономия оказалась не в состоянии дать эффективный рецепт, обеспечивающий движение к социальной справедливости без классовой борьбы, поскольку, как отмечалось в предисловии указанной книги «…система Маркса не есть система социальной политики» [3].

Однозначный вывод о неизбежном крахе капиталистического способа производства и замене его на хотя и «призрачный» коммунизм был воспринят как политическая цель и предопределил революционные действия по социально-политическому переустройству государства в Российской империи и других европейских странах во второй половине XIX в. Постулаты марксизма далее развивались В. Лениным, его последователями, научными школами в СССР и легли в основу политической экономии социализма, доказывающей постепенное отмирание товарно-денежных (рыночных) отношений в условиях всеобъемлющей государственной собственности.

Провозглашенный принцип социальной справедливости «каждому по потребностям…» постепенно был заменен на принцип «каждому по труду…», но в конечном счете из-за отсутствия материальной заинтересованности привел к беспрецедентному дефициту потребительских товаров и кризису неэффективной экономики. Проводимая в СССР социальная политика материальной поддержки граждан фактически приобрела характер государственного «собеса», усиливающего уравнительный подход, и не способствовала стиму-

[11] Интенция (intention) (лат.) — намерение, тенденция, стремление, направленность, духовный настрой на какой-либо предмет).

лированию экономической активности населения, развитию либерализма и демократии [4].

В период активного развития промышленности в передовых странах Западной Европы и Америки появилась практика найма особых специалистов по управлению производством — менеджеров. Несмотря на то, что профессионалы-управленцы реально способствовали повышению доходности капитала, между ними и собственниками также стал возникать конфликт, в частности, по поводу перспектив модернизации и технического перевооружения производства, выхода на новые рынки и др., досконально исследованный основоположником теории институционализма Т. Вебленом в работе «Теория праздного класса». Выявленное им новое противоречие в значительной степени предопределило впоследствии сближение экономической теории и социальной политики как ключевых факторов трансформации капитализма.

Нежелание собственников капиталов нести бремя расходов на обновление технической базы производства, повышение квалификации, охрану труда и другие производственно-социальные нужды оборачивались еще большей эксплуатацией наемных работников, снижением производительности труда, ростом недовольства пролетариата. Как отмечает Дж. Гэлбрейт, «…уже в 1907 году угроза массовых банкротств на Уолл-стрит породила убеждение, что *капитализм — это не только стремление к эксплуатации, но в большей мере саморазрушение»* [5, 21].

Как известно, вторая половина XIX в. в западных странах характеризовалась активным развитием принципиально новых теоретических подходов к анализу общественного производства, сбыта товаров, развития денежных рынков, обеспечения личного благополучия, оставляющих тем не менее незыблемыми принципы сохранения частной собственности. Экономическая наука резко повернулась лицом к потребностям человека, формированию рыночного поведения и ценообразования и другим рыночным аспектам жизнедеятельности. В новой парадигме экономики, основы которой были заложены в теории маржинализма (К. Менгер и др.), в отличие от марксистского подхода доминирующее положение занял не собственник, а потребитель экономических благ. Экономика стала рассматриваться самостоятельной от политики наукой, что, однако, не смогло противодействовать углублению политического кризиса в капиталистическом хозяйстве.

Созданный к тому времени инструментарий экономической теории не привел к улучшению ситуации; собственных внутренних сил для выхода из кризиса у капитализма не было. Особенно отчетливо это проявилось в последнее десятилетие XIX в., ознаменованное принятием первого Антитрестовского закона Шермана и выходом в свет в 1890 г. «Основ экономической науки» А. Маршалла, получивших огромную популярность и фактически изменивших прежние концептуальные основы классической политической экономии. Характеризуя суть экономической науки, А. Маршалл отмечал: «…она остерегается касаться многих политических вопросов; поэтому она является наукой чистой и прикладной, а не одновременно наукой и искусством. Вот почему ее лучше обозначить широким термином экономическая наука (Economics), чем более узким термином политическая экономия (Political Economy)» [6, 92].

Уход от политической составляющей, по нашему мнению, ослабил экономическую науку эпистемологически, т. е. снизился теоретико-познавательный и прогностический уровень анализа экономического развития в обществе. Так называемая *«битва методов»*, захватившая два поколения

немецких экономистов: с одной стороны — сторонников использования точных методов естественных наук и абстрактной логической аргументации, с другой — представителей немецкой историко-этической (реалистической) школы, породила жесткие споры. Выдающийся представитель названной школы Густав фон Шмоллер — один из основателей и председатель с 1890 по 1917 г. «Союза социальной политики», выступая в 1972 г. на первом съезде германских профессоров-экономистов, отметил главные черты новой социальной политики, которую он считал одной из главных сфер политической деятельности государства, целью которой является развитие образующих классов общества, социальных групп, слоев, этнических общностей, а также развитие человека» [7, 397]. Подчеркивая важность духовных и нравственных сил человека, он способствовал внедрению в экономическую науку принципов социальной этики и эмоционально-психологических подходов при решении хозяйственных проблем.

Важное место в учении Г. Шмоллера занимала проблема справедливости в отношениях распределения имущества и доходов. Придя к выводу о том, что «политическая экономия как собирательное понятие для ряда наук стремится к преобразованию в социальную науку…», и, подчеркивая, что «в социальной борьбе за существование важнейшим явлением являются экономические условия» [7, 81, 161], по сути, он обозначил наличие институционального единства социальной политики и экономической теории. Придание центрального значения значимости социальных реформ и общественной справедливости «социализировало капитализм». Однако наследие Г. Шмоллера и историко-этическая школа незаслуженно были преданы забвению; противостояние его сторонников и представителей неоклассики воспринималась экономистами теоретиками следующего поколения как «история зря потраченных сил».

Определенный гносеологический кризис в экономической теории начала XX в. усилился после выхода в 1908 г. книги одного из родоначальников науки о предпринимательстве Й. Шумпетера «Сущность и основное содержание теоретической национальной экономии», где были развиты идеи маржиналистов и А. Маршалла. Безусловно, Й. Шумпетер концептуально обогатил экономическую теорию: он ввел новые научные категории: «инновация», «предпринимательская прибыль», «новые комбинации» и др., систематизировал семантику экономической науки, определив ее неоклассическую направленность. Но вместе с тем он усилил ее утилитарный характер в том, что мы называем «человеческая природа». Ф. Фукуяма подчеркивает, что *не материальные ценности, а признание положения, достоинств и прав человека делают его самодостаточным*: «…После Американской и Французской революций Гегель утверждал, что история подходит к концу, потому что желание, питавшее политический процесс — *борьба за признание*, — теперь в обществе, характеризуемом универсальным и взаимным признанием, удовлетворено» [8, 17 — 18]. Но этого не случилось. И ради признания человек продолжал идти на все, даже на смерть.

Очевидно, что устранение социально-политической составляющей в экономической теории на рубеже XIX — XX вв. привело к ослаблению «признательного» аспекта бытия, проявления его подлинной социальной сущности. Дело в том, что достижение признания через накопление материального богатства — это путь для немногих «избранных». Но приобрести значимость остальной, большей части населения можно другими способами: через политическое влияние на властные органы, путем участия в различных граждан-

ских организациях, изобретательстве, успешной деятельности в сфере культуры, науки и искусства, совершении каких-либо неординарных выдающихся поступков и т. д. [9] .

Тем не менее в мировом общественном мнении возобладала точка зрения А. Маршалла о том, что экономика способна без политики (в том числе вмешательства государства) решать все хозяйственные проблемы общества. Определяя предмет экономической науки, он исходил из того, что человеком в его устремлениях движет только желание получить больше денег: «Экономические законы, или обобщения экономических тенденций — это общественные законы, относящиеся к тем областям поведения человека, в которых *силу действующих в них побудительных мотивов можно измерить денежной ценой»* [10, 84].

В рамках этих утверждений А. Маршалл выразил собственную трактовку содержания социальной политики, основанную на том, что экономическая наука, занимающаяся исследованиями способов увеличения личного богатства человека, по мере появления все новых потребностей и развития привычки к накоплению для обеспечения своего будущего, априори содействует решению социальных проблем общества. По его определению, решение главной задачи экономической науки, заключается в том, «чтобы содействовать решению социальных проблем» [6, 91]. Предложенная А. Маршаллом накануне мирового кризиса, модель социальной политики в рамках экономикса, тем не менее, не позволила придать капитализму либерально-демократический вектор развития. Пожалуй, неоклассические подходы А. Маршалла и Й. Шумпетера в части макро- и микроэкономического подходов в определенной мере опередили свое время, но и невольно затормозили политико-экономическое развитие общества. Безусловно, без их идей рыночная экономика не смогла бы состояться. Как без маржинализма не мог бы набрать свой рыночный ресурс маркетинг.

Доминирование неоклассической экономической теории на рубеже XIX — XX вв. не ослабило напряженности политико-экономической ситуации; капитализм как общественная формация в еще большей степени подвергался саморазрушению, усиливалась разбалансированность мирового хозяйственного порядка. Обострение ситуации вынудило собственников капиталов в разных странах совместно начать новую социальную политику, направленную на снижение уровня противостояния между трудом и капиталом. С целью ее научного обоснования и выработки конкретных согласованных действий работодателей была создана Международная организация труда (МОТ), устав которой был принят 11 апреля 1919 г. на Парижской мирной конференции, а затем был включен в Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г.

Необходимость создания МОТ была обусловлена политическими, социальными и экономическими факторами [11, 15 — 16]. Политики намеревались инструментами МОТ предотвратить острую классовую борьбу, смягчить взаимоотношения между работодателями и работниками. Социальные факторы выражались в неприемлемости тяжелых условий труда и жизни рабочих, которые подвергались жесточайшей эксплуатации, наносили ущерб своему здоровью и лишались возможности развиваться как личности. Экономические факторы требовали взаимосвязанного учета мер по улучшению положения работников, приводящих, в отдельных странах к увеличению затрат и росту себестоимости продукции чтобы не оказаться в проигрыше по отношению к своим конкурентам, осуществляя такие улучшения. Социальная политика при

этом должна была играть роль институционального стабилизатора экономических процессов.

Создание МОТ — это исключительный пример сознательного и коллективного формирования ключевой институциональной структуры, нацеленной на движение к социальной справедливости посредством ликвидации таких условий труда, которые влекут за собой нужду и лишения для большого числа людей. Принципы МОТ заключались в «регламентации рабочего времени, включая установление максимальной продолжительности рабочего дня и рабочей недели; борьбе с безработицей; гарантиях заработной платы, обеспечивающей удовлетворительные условия жизни, защите трудящихся от профессиональных заболеваний и от несчастных случаев на производстве; защиты детей, подростков и женщин; выплаты пенсий по старости и инвалидности; признания принципа равной оплаты за равный труд; организации профессионального и технического обучения и проч.» [12, 10].

До сегодняшнего времени МОТ остается единственной международной специализированной организацией ООН, осуществляющей нормотворческую деятельность в сфере занятости и непосредственно связанных с нею социальных отношениях. К настоящему времени, согласно тематическому указателю МОТ, принято около двухсот конвенций (международно-правовых договоров, подлежащих ратификации) и рекомендаций. Ее гуманитарно-институциональная основа построена на философии международных прав человека, которые имплицитно исходят из Великой хартии вольностей, принятой в Англии еще в 1215 г. В мотивах создания Хартии труда можно заметить черты смитовского «экономического человека», который «скорее достигнет своей цели, если обратится к эгоизму своих ближних и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них…».

Так или иначе, создание и деятельность МОТ, способствовали смягчению не только социально-экономических противоречий между капиталом и наемной рабочей силой, но и эгоистической сущности человека, ослабляя его воинствующее состояние против других людей, проанализированное Т. Гоббсом [13, 83]. Ставшие ключевыми принципы деятельности МОТ были предвосхищены в трудах Г. Шмоллера, о которых шла речь выше. Таким образом, как показывает анализ, основные направления деятельности МОТ опираются на совокупный потенциал экономической, политической и социологической науки и отражают их институциональное единство.

Однако меры по институционализации социальной политики шли как бы вслед за экономической теорией. Широко распространившийся экономикс не сдавал свои позиции. Как отмечает В.С. Автономов, с конца 1890-х гг. «господствующей ортодоксией в мировой экономической мысли является маржиналистская (неоклассическая) теория, основанная на модели рационального (максимизирующего) человека в равновесном мире» [14, 94]. Дополняя и развивая неоклассическую экономическую теорию, по существу, соединяя маржинализм с классикой, А. Маршалл перенес акцент на потребителя товаров. Недостаточное внимание к производителю благ в значительной степени размыло в экономической теории неоклассицизма социальную составляющую труда. Человек стал рассматриваться как «производитель денег», а, как отмечал еще в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, «…на деньги можно купить все, кроме добрых нравов и граждан» [15, 24].

К концу XX в. встал вопрос о том, не исчерпала ли себя нормотворческая деятельность МОТ. Эти сомнения, как считает Л.А. Костин [11, 164],

основывались на том, что за годы своей деятельности МОТ разработала и приняла международные нормы, охватывающие практически все социально-трудовые сферы. За время ее существования в мире закончилась эпоха идеологического противостояния двух политических систем и стал развертываться процесс глобализации, который выдвигает новые социальные проблемы. В докладе Генерального директора МБТ, посвященному оценке и новым задачам деятельности МОТ в связи с ускорением научно-технического прогресса, появлением новых материалов, технологий и организации производства, подчеркнуто, что «воображение человека подчас изобретает новые формы или способы эксплуатации быстрее, чем законодатели могут придумать противодействие им» [11, 39]. В процессе глобализации появилось также немало отрицательных моментов для трудящихся, обусловленных усилением могущества транснациональных корпораций и конкурентной борьбы. Она ведет к усилению неравенства между странами и людьми внутри страны: так, разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными странами вырос с 35:1 в 1959 г. до 71:1 в 1992 г. [11, 166]. В этих условиях, как считают руководители МОТ, чтобы и далее ей оставаться международным гарантом социального мира предстоит совершить определенный качественный скачок в своей нормотворческой деятельности для обеспечения баланса меду прогрессом экономическим, ожидаемом от глобализации, и прогрессом социальным.

К концу 1920-х гг. в США и Европе наметились признаки глобального экономического кризиса, что всерьез привело к поиску альтернативы термину «капитализм». В мировой и отечественной науке, особенно второй половины XX столетия, большое распространение получили разнообразные теории «трансформации» (преобразования) капитализма: теория «народного капитализма», включающая теории «демократизации капитала» или «диффузии собственности», «управленческой менеджерской революции», «революции в доходах»; «государства всеобщего благоденствия»; «общества потребления»; «смешанной экономики»; «постиндустриального общества»; концепции «коллективного капитализма», «социального партнерства», послужившие основой разработки теорий «социального рыночного хозяйства» и др. Усиление вмешательства государства в экономическую жизнь, возрастание его роли в решении социальных проблем породили почти аналогичные теории «плюралистической экономики», «планового капитализма», «государства благосостояния», «общества высокого массового потребления» и т. п.

Подводя итог развитию капитализма, в своей последней книге «Экономика невинного обмана», вышедшей в 2004 г., Дж. Гэлбрейт лаконично выразил свое мнение о необходимости «переименования системы» и причинах появления и признания понятия «рыночная система». Он подчеркнул, что из-за того, что сам термин «капитализм» навевает неприятные исторические ассоциации, этот термин уходит в прошлое. В Европе слово «капитализм» вызвало революцию; в Соединенных Штатах — изменения в законодательстве, принятие резких судебных решений и государственное регулирование... В поисках его «неопасной» альтернативы в Европе появилось словосочетание *«социал-демократия»* — смесь капитализма и социализма, сдобренная состраданием», что вызывало неприятие в США [5, 22].

Под влиянием популярных неоклассических теорий, приведших к укреплению отдельной фирмы как основы микроэкономических процессов, где и кроется основное противоречие между работодателем и работником, в США была предпринята попытка использовать словосочетание *«свободное предпринимательство»***.** Но оно не прижилось; сообществу показалось со-

мнительным, что принятие важных решений только предпринимателями способно обеспечить условия для свободной жизни. В аспекте социальной политики неоклассические предпочтения привели к тому, что каждому отдельному работодателю стало выгодно снижать заработную плату работнику, что обернулось снижением спроса, так как основными покупателями на рынке являются работники. Как отмечает С. Хайтун, «…главный сюжет здесь — изменение во времени процента от стоимости продукта, который работодатель выплачивает работнику как заработную плату» [16, 308]. Вполне закономерно, что последующее за этим снижение предложения обострило экономическую ситуацию в США и Европе.

Как известно, принципиальный выход из ситуации был предложен Дж. Кейнсом в работе «Общая теория занятости, процента и денег» [17], хотя впервые основные положения этой идеи были высказаны еще в 1932 г. президентом США Ф. Рузвельтом. Выступая по национальной радиосети при проведении предвыборной компании, он отметил, что если половина покупателей не сможет приобрести производимую продукцию, ни одна нация не сможет существовать, так как закроются многие предприятия. И поэтому необходимо увеличить покупательную способность населения страны. Дж. Кейнс развил эту идею и призвал государство «выманивать» у населения (на выгодных условиях) лежащие без движения денежные сбережения с последующим инвестированием в производство. Это спровоцировало работодателей повышать работнику заработную плату и далее сработал эффект мультипликатора. Государственный подход к опеке над экономикой в виде искусственного повышения спроса, расширения сферы занятости и увеличения инвестиций в производство получил в последующем название «кейнсианство». Примечательно, что его главные инструменты основаны на социальной политике. С ее помощью были достигнуты две важные цели:

- найдена оптимальная доля заработной платы, которая повышала производительность труда и спрос;
- устранена непривлекательность капитализма как системы угнетающей один класс другим.

Основанная на принципах кейнсианства социальная политика Ф. Рузвельта в 1930-е гг., приведшая к появлению «второго дыхания» в развитии капитализма, получила название «новый курс» и использовалась некоторое время взамен «устаревшего» капитализма. Но ввиду его очевидной персонифицированности с именем Ф. Рузвельта, оно также не прижилось. В итоге в индустриально развитых странах появилось выражение «рыночная система», которое затем трансформировалось в понятие *«рыночная экономика»,* практически вытеснившее из научного оборота термин «капитализм». При этом отметим, что нобелевский лауреат француз М. Алле (сформулировавший так называемое «золотое правило накопления», обеспечивающее максимальную продуктивность капитала и максимальный реальный доход на душу населения), вместо понятия «рыночная экономика» ввел термин *«экономика рынков»***,** предполагающий множественность рынков и множественность систем цен как более адекватное отражение реальной экономической динамики [18, 208 — 209].

С точки зрения Дж. Гэлбрейта, словосочетание «рыночная система» вряд ли является наиболее приемлемой альтернативой «капитализму», так как слабо отражает сущность корпоративной реальности. Он считал более убедительным названием для современной экономической системы именно *«корпо-*

ративная система». Но, по-видимому, распространившееся в мире под влиянием идей маржинализма и неоклассиков представление о главенстве в обществе фигуры потребителя и могущественном влиянии спроса на жизнеспособность экономики, олицетворявших модель нового рынка, выразилось в понятии «рыночная система», а затем «рыночная экономика». Дж. Гэлбрейт неоднократно подчеркивает, что это словосочетание «ложно, невыразительно и шатко… Но оно не имело негативной истории — впрочем, у него вообще не было истории… Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла — и выбор был сделан… Однако нет сомнений в том, что переименование системы, уход от неприемлемого термина «капитализм», в какой-то мере было успешным» [5, 25].

Без сомнения, переименование капитализма не было игрой слов. Необходимость и возможность появления нового термина, как свидетельствует история экономической мысли, обусловливаются под влиянием глубоких политических и социально-экономических причин, среди которых особое место занимает государственная и корпоративная социальная политика, принципиальным образом затрагивающая сферу трудовых отношений.

Социальная политика — одна из главных составляющих внутренней политики государства, направленная на решение проблем, именуемых социальными, среди которых важнейшей является обеспечение более полного удовлетворения потребностей человека. Но, как отмечено в энциклопедическом словаре, «далеко не всяких жизненных потребностей людей, а лишь тех, которые они не могут в силу объективных обстоятельств обеспечить самостоятельно» [19, 529]. Исходя из этого посыла, объект социальной политики часто сужается до вопросов оказания социального вспомоществования нуждающимся в этом категориям граждан (выплата пенсий, пособий и т. д.) и развитие системы учреждений, оказывающих различные социальные услуги населению — медицинские, образовательные и другие, образующих социальную инфраструктуру.

В широком понимании социальная политика исторически формировалась интенциально, т. е. целевой направленностью была тесно связана с социально-трудовыми отношениями и стремлением к справедливости в распределении дохода. Отражая, таким образом, важнейшие потребности человека, социальная политика, воплощаемая в политико-экономических действиях государства и бизнес-структур по совершенствованию условий труда и принципов распределения результатов экономической деятельности общества или конкретной корпорации (фирмы), является базисом создания в обществе ощущения стабильности, предсказуемости, равных возможностей и социальной защищенности [4].

Как следует из вышесказанного, социальная политика явилась одним из важнейших факторов трансформации капитализма в рыночную экономику. Государство, в котором социальная политика является приоритетной сферой и способна обеспечивать высокий уровень уверенности в будущем и всестороннее развитие человека, характеризуется как общество с социальной рыночной экономикой, концепция которого отражена в трудах В. Ойкена, Л. Эрхарда и др. Такой тип экономики характерен для современной Австрии, Германии, Дании, Швейцарии, Швеции и других стран ЕС. Следует подчеркнуть, что основные формы организации социально-трудовых отношений в этих странах выстроены в соответствии с принципами, созданными напряженной деятельностью МОТ, награжденной Нобелевской премией.

Принципиально важно, что по мере перехода капитализма в новую «либерально-потребительскую» фазу, труд, занимавший с ранних этапов его развития центральное, но угнетенное положение рядом с капиталом, постепенно освобождался (даже несмотря на высокую эксплуатацию) от исключительного принуждения капиталом. Эмпирический анализ свидетельствуют о том, что растет уровень гуманизации труда за счет повышения его безопасности, общественного признания и удовлетворенности результатами; по мере движения к информационному обществу и «экономике знаний» повышается интеллектуальный уровень работников, меняется структура занятости в различных секторах экономики.

В качестве обособленной социальной группы стал выделяться особый класс «работников интеллектуального труда», взаимодействию которых не мешают границы государств. Они занимают особое место в общественном производстве и характеризуются высоким темпом роста в общей структуре занятости (к концу предыдущего столетия в развитых странах их численность превысила половину активно занятого в экономике населения). Их появление на рынке труда радикальным образом повлияло и на сложившиеся отношения; поскольку они фактически владеют своими знаниями как необходимым ресурсом производства — интеллектуальным капиталом — и являются носителями уникальных качеств и способностей, они меньше конкурируют друг с другом, нежели представители традиционных профессий (рабочего класса). Кроме того, в рамках «новой ментальности» труд, по характеристике З. Баумана, все больше «децентрировался» на социальном и системном уровнях, т. е. стал менее важен в сравнении с другими сферами жизни и опускался на относительно второстепенное место в биографии индивида, уже не конкурируя с досугом, персональной автономией, семейным счастьем, радостями потребления и материальным благосостоянием» [20, 98].

Усиление гуманистического вектора в социально-трудовых отношениях обусловливалось и обогащением экономической теории и практики новыми подходами и научными категориями. Наиболее крупным послевоенным приобретением экономической теории, практически ушедшей от термина «капитализм», можно считать научное обоснование новой категории — *«человеческий капитал»*. Появление «человеческого капитала» с его огромной созидательной силой придало экономической теории особый социальный оттенок и витальную привлекательность. Более того, человеческий капитал повысил значимость социальной политики как важнейшего инструмента государственной экономической политики. Важнейшие направления этого инструментария обосновал американский профессор Л. Туроу, который на базе теории основоположников человеческого капитала, своих соотечественников Т. Шульца и Г. Беккера, в 1970 — 1980 гг., предложил свои концептуальные решения по повышению его качества, которые были использованы правительством США в политике формирования и развития национального человеческого капитала.

Таким образом, под влиянием усиления научного инструментария экономической теории и соответствующей социальной политики были созданы предпосылки повышения «капиталоемкости» труда за счет развития человеческого капитала, поскольку у носителя человеческого капитала создается устойчивое эмоционально-психологическое состояние собственника, которое и является залогом его благополучия. «Из способа зарабатывания денег труд для ряда категорий работников стал трансформироваться в форму самовыражения (творчество). Это состояние и формирует социальная политика за счет

создания ощущения стабильности в развитии общества. При этом получает развитие социальный капитал — экономический ресурс, заключенный в определенных отношениях между людьми.

Такие особые отношения и возникают у владельцев человеческого капитала, т. е. располагающих определенными знаниями, мотивациями, навыками и здоровьем. Мы приходим к выводу, что за счет этого начинает формироваться особый институт отношений, а точнее — *новые производственные отношения*, объединяющие труд и творчество, обеспечиваемые формированием особой социальной политики, нацеленной на развитие человеческого капитала. Эти отношения является основой создания особой социальной структуры постиндустриального общества, которое Д. Белл назвал *меритократия*, т. е. это все те, «кто имеет заслуженный статус или достиг авторитетного положения благодаря компетентности» [21, 235]. По его мнению, хорошо организованная меритократия может быть обществом хотя и неравенства, но справедливости. Этот тезис соответствует принципу «равенства возможностей» в либерально-демократическом обществе. При желании путь в меритократию открыт каждому.

Таким образом, социальная политика явилась одним из решающих гуманитарных факторов, благодаря которому капитализм обрел новый дух, а не только другое название. Социальная политика в сфере трудовых и иных общественных отношений и позволила создать социально-гуманистическую привлекательность «нового» капитализма — общества с рыночной экономикой. В немалой степени этому способствовали концепции «гуманистической психологии» А. Маслоу и Э. Фромма, в которых определен ряд социальных условий, необходимых для удовлетворения базовых потребностей человека, а также потребностей в свободе слова, выборе деятельности, формы самовыражения, права на социальный уклад, характеризующийся справедливостью, честностью и др.

Медленное развитие отечественных институтов активной социальной политики затрудняет для российской экономической науки выработку рекомендаций по эффективному движению к полноценным рыночным отношениям, развитию методологии модернизации с опорой на формирование постиндустриальных секторов хозяйства и экономики знаний. С позиций ретроспективного анализа мирового опыта перехода к либерально-рыночным отношениям можно сделать вывод о том, что для успеха параллельно идущих процессов в реформации современного российского общества чрезвычайно важны духовный настрой на приоритетность социализации человека, развитие национального и личного человеческого капитала и другие гуманитарные факторы. Слабая интенция к использованию институционального единства экономической теории и социальной политики имеет следствием дополнительное социальное напряжение в обществе и не способствует реализации государственной стратегии развития.

Литература

1. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. М., 2009.

2. *Зарецкий А.Д.* Социальная политика как компромисс между трудом и капиталом в современной России. // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 2.

3. *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма. М., 2010.

4. *Зарецкий А.Д.* Социальная политика России в контексте постмодернизма и экономического развития. // Материалы X Межд. научно-практической конференции «Вековой поиск модели хозяйственного развития России. Волгоград, 2008.

5. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М., 2009.

6. *Маршалл А*. Основы экономической науки. М., 2007.

7. *Шмоллер Г*. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М., 1902.

8. *Фукуяма Ф*. Конец истории и последний человек. М., 2007.

9. *Зарецкий А.Д.* Политическая экономия как институт современной России // Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т. 1. Политическая экономия. Миниэкономика. Екатеринбург, 2010.

10. *Кейнс Дж.М.* Предисловие к работе А. Маршалла «Основы экономической науки». М., 2007.

11. *Костин Л.А*. Международная организация труда. М., 2002.

12. Международная организация труда: конвенции, документы, материалы: Справ. пособие. М., 2007.

13. *Гоббс Т*. Философские основания учения о гражданине. Мн.; М., 2001.

14. *Автономов В.С*. Единство и многообразие современной экономической теории // История экономических учений / Под ред. В. Автономова и др. М., 2000.

15. *Руссо. Ж.-Ж.* Соч. Калининград, 2001.

16. *Хайтун С.Д.* Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М., 2005.

17. *Кейнс Дж.М*. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.

18. Экономическая мысль XX века: Учеб. пособие / Ю.Ф. Симионов и др. Ростов н/Д, 2008.

19. Социальная политика: энциклопедический словарь / Под ред. Н.А. Волгина. М., 2005.

20. *Бауман З*. Свобода. М., 2006.

21. *Белл Д*. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

Р.А. КУЧУКОВ

Усиление государственного сектора — определяющий фактор модернизации экономики

Сегодня с учетом сложившейся ситуации в экономике, не отвечающей современным вызовам, а также исходя из радикальных, амбициозных задач модернизации российского общества вполне правомерны и целесообразны, особенно в условиях специфики России, значительное укрепление и рост доли государственной формы собственности. Особое значение для формирования совокупного спроса имеет *вопрос о собственности*. Статистика показывает несоответствие перераспределения ВВП факторам его создания. На долю труда, государства и промышленного капитала приходится доля, многократно

меньшая, чем у сырьевого (олигархического) капитала. Присвоение ВВП определяется не столько трудом и даже не производственным капиталом, сколько природно-ресурсной рентой. Именно на долю последнего фактора приходится не менее 75% получаемого дохода. Вклад же труда не превышает 5, а капитала — 20%. Происходит скрытое перераспределение значительной части реального дохода страны в пользу небольшой группы финансовых олигархов и криминального бизнеса. Основная причина такого положения — нерешенность проблемы собственности.

Следует особо подчеркнуть, что нерешенными остаются фундаментальные задачи, необходимостью решения которых обосновывались реформы. Причем заметим, что по важным для развития страны направлениям экономика по истечении двадцатилетия уступает своему дореформенному аналогу. Речь идет об источниках и темпах экономического роста, качестве отраслевой структуры, росте производительности труда, уровне заработной платы, покупательной способности и дифференциации доходов населения, эффективности и качества государственного управления, уровне социально-политической стабильности, масштабах криминализации и коррупции в экономике и в обществе в целом. Кстати, во время встречи с западными политологами на заседании Валдайского клуба В.В. Путин отметил, что уровень коррупции вырос и коррупционный оборот сегодня составляет 7 — 10% ВВП страны. Эти цифры говорят о многом.

С точки зрения подлинного прогресса задача экономической политики состоит в превращении преимущества природного происхождения в преимущества инновационно-структурного порядка. Модернизация предполагает глубокие системные преобразования — таковой была индустриализация СССР, успешно осуществленная в 1930-х гг. в куда более трудных условиях, при жестких ресурсных ограничениях.

Сегодня нужен стратегический взгляд на трансформационные процессы в стране, причем с оценкой не только будущего, но и пройденных этапов, иначе не постичь внутреннюю логику событий, не распутать узлы переплетения объективного с субъективным в совокупности факторов, определяющих экономическую динамику. К тому же, затягивание вопроса о выдвижении стратегии социально-экономического развития, кажется, исчерпало все лимиты.

Ключевым звеном реформирования системы должна стать концепция *всемерного укрепления государства и его институтов, повышения их роли и влияния на общественно-политическую и экономическую жизнь.* Нет сомнения, что экономическая политика и роль государства только тогда станут эффективными и авторитетными, когда их социальной опорой будет все общество, а не небольшая часть представителей крупного бизнеса.

Главная задача сегодня — остановить процесс частного, несправедливого присвоения национального богатства страны, расширить государственную собственность на основе и в интересах всего общества. Тенденция к усилению роли государства в реальном секторе экономики единодушно одобрена населением, о чем свидетельствуют социологические исследования, проведенные в 2006—2007 гг. Причем именно социологические исследования показали почти единодушное одобрение населением национализации крупных компаний. За это выступают даже представители частного бизнеса. Здесь не идет речь о том, чтобы все крупные предприятия стали государственными, а имеется в виду, что именно неправедно нажитые крупные капиталы, крупнейшие компании (а их, конечно, немало) должны быть национализированы, чтобы искупить первородный грех приватизации-присвоения. При этом важно

подчеркнуть, что люди, судя по опросам, разуверились в способности крупного частного капитала сделать больше, чем капитал государственный! Опрошенные совершенно справедливо говорят, что для России неприемлем чисто западный путь развития экономики (да и на Западе не было никогда того, что переживает Россия) и что роль государства в нашей стране нельзя преуменьшать: государство должно не просто присутствовать в экономике, а активно инвестировать реальный сектор народного хозяйства. Следовательно, для восстановления полноценной инвестиционной способности экономики государственная (общенародная) форма собственности в структуре различных форм собственности страны должна занимать более весомый удельный вес, ориентировочно не менее 55—60% против несколько возросшего за кризисный период до 37%.

Для того, чтобы сделать важный шаг — поднять уровень государственного сектора экономики до указанных масштабов (разумеется, это не самоцель, а необходимость нынешней ситуации) — речь должна идти о национализации ведущих отраслей промышленности, об изъятии их из сферы частного сектора (кстати, доля государства в ВВП во Франции, Германии и многих других западноевропейских странах составляет свыше 50%). При этом особо следует подчеркнуть, что те сферы экономики, которые в определяющей мере влияют на общее состояние страны — добыча и переработка полезных ископаемых, нефтегазовые и в целом энергетические отрасли, главные отрасли машиностроения, ВПК, железнодорожный, морской и авиационный транспорт — все это должно стать исключительно государственным, причем это не должно рассматриваться как временное явление, а наоборот, являться фундаментальной основой национальной экономики России. Госсектор сегодня и завтра должен выполнять главные потребности общества. Поиск выхода из кризиса, да и перспективы развития страны в определяющей мере связаны с государственным сектором экономики. Важно при этом обратить внимание на следующий момент*: нигде в мире не доказаны преимущества частной собственности по сравнению с государственной с точки зрения эффективности*. По самым достоверным исследованиям, к примеру, эффективность нынешних российских частных промышленных компаний значительно ниже эффективности бывших государственных предприятий при социализме.

Сегодня правомерно утверждать, что для российской специфики имеющийся уровень (менее 40%) госсобственности в структуре форм собственности секторов экономики достаточно низкий и не отвечает нынешним объективным требованиям так необходимого качественного развития нашей экономики по инновационно-модернизационному пути. Следует особенно подчеркнуть, что основой сохранения за государством контрольных функций и рычагов регулирования сферы материального производства и реального влияния на экономические процессы является владение им (государством) материальными факторами производства. Важнейшие из них: водные и земельные ресурсы, лесной фонд, недра и содержащиеся в них минеральные ископаемые, развитая производственная инфраструктура, энергетические ресурсы и др. Все эти факторы производства являются госсобственностью и должны быть таковыми. Они не должны быть объектом приватизации, предметами купли-продажи или иных действий, меняющих их правовой статус (где имеет место нарушение данного принципа, нет сомнения, рано или поздно должен быть восстановлен прежний статус). Кроме того, такие сферы, как недра, природные ресурсы, являясь базовыми составляющими национального богатства, должны эксплуатироваться исключительно во благо всего общества,

на общенациональные цели (они по праву принадлежат всем), а не на обогащение лишь ограниченной группы населения. А для этого самым верным и справедливым было бы принятие для начала государством политического и экономического решения *о национализации эксплуатирующих природные ресурсы предприятий, компаний* (отчасти с выкупом; к тому же, как известно, многие государственные объекты в 1990-е гг. были «присвоены» за бесценок с нарушением элементарных норм, правил), т. е. учесть, как отмечено выше, мнение большинства, иначе говоря, восстановить статус-кво.

Такой решительный шаг позволил бы объединить в одном лице *государство как собственника природных ресурсов* и *государственные эксплуатирующие предприятия,* что решило бы многие ныне существующие сложные проблемы, имеющие место, прежде всего в «звене» эксплуатации природных ресурсов страны с использованием их по праву на благо всего народа, общества; это и дополнительные источники значительного пополнения федерального и региональных бюджетов. Земля, природные блага должны быть общественным достоянием (кстати, к примеру, в Норвегии вся нефтегазовая сфера, включая эксплуатирующие компании, находится в госсобственности и от этого выигрывает все население).

Необходимо твердо обозначить: особенности российской кризисной динамики обусловлены *сырьевым перекосом в экономике*, а значит *деиндустриализацией реального сектора страны*. Ныне часто говорится о сырьевой ориентации и необходимости ее преодоления, в то же время о состоянии деиндустриализации упоминается куда реже, хотя как раз таки оно составляет основную причину сырьевой деформации экономики. Чтобы преодолеть сырьевую направленность, необходимо покончить с деиндустриализацией. Последняя имеет свои причины, причем системные: компрадорский характер экономической системы и господство в ней частнокапиталистической собственности в форме олигархической. Современная российская экономическая система настроена, как известно, на долларовую цену за баррель нефти, а не на производительность общественного труда; внутренний рынок поставлен в системную зависимость от внешнего, и в итоге — от нефтедоллара. Покупательная способность нефтедоллара определяется масштабом эмиссии и подконтрольна лишь США; при девальвации нефтедоллара цена за баррель нефти растет, при ревальвации — наоборот. Следовательно, увеличение цен нефтегазового экспорта приводит к росту ВВП, снижение — соответственно к его спаду, что и происходит с российской экономикой. Итак, российская экономическая система, зависимая от иностранного капитала и доллара, подчинена снабжению зарубежных ТНК сырьем, ресурсами. Она сделала господствующим сырьевой капитал, а не промышленный. В итоге деградируют обрабатывающая промышленность, аграрный сектор и другие отрасли народного хозяйства. Дорогое внутри и дешевое за рубежом российское сырье позволяет зарубежным ТНК снижать издержки, поддерживать спрос на свою продукцию, обновлять основные фонды. Все это есть результат подчинения внутренней политики запросам зарубежного капитала, внешнего рынка. Если в 1995 г. в объеме российского экспорта в страны дальнего зарубежья минеральные продукты занимали 40%, то сегодня — около 70%. Основные доходы, поддерживающие экономику страны и благосостояние людей, обеспечиваются прежде всего экспортом нефти и газа.

По расчетам многих специалистов и крупных научно-исследовательских институтов Российской академии наук, для устойчивого динамичного развития экономики и изменения структуры народного хозяйст-

ва в пользу обрабатывающей индустрии фонд внутреннего накопления должен составлять не менее 25% ВВП. Норма накопления (отношение объема инвестиций к ВВП), сократившаяся более чем вдвое в начале реформ, остается еще весьма низкой — около 18%.

Страны, которым пришлось осуществлять модернизацию, структурную перестройку своей экономики, чтобы сделать ее конкурентоспособной, в течение длительных периодов поддерживали высокий уровень инвестиций. В послевоенной Европе норма накопления вплоть до 1970-х гг. составляла не менее 25%, в Японии — 30; в период индустриализации в СССР уровень ее достигал 33 — 35%. Напомним: бурно развивающийся Китай поддерживает норму накопления основного капитала на уровне 38% ВВП и благодаря этому обеспечивает высокие среднегодовые темпы роста (около 9%).

Для реалий России низкий уровень инвестиций в основной капитал промышленности, в особенности обрабатывающей и инновационной, ощутимо угрожает устойчивому быстрому развитию национальной экономики. Следует еще раз подчеркнуть, использование имеющихся финансовых возможностей страны в инвестиционных целях повысило бы норму накопления до 25 — 28%, что соответствовало бы нормальному уровню динамично развивающихся стран. В мировой кризис нашу страну ввергла именно *экспортно-сырьевая модель роста*, нынешняя (порочная) экономическая система. Наглядна, поучительна экономическая система Китая, покупательная способность юаня — они автономны, по существу не зависят от доллара (при том, что золотовалютные резервы Китая в долларовом выражении огромны). Развитие этой страны происходит на основе самостоятельных циклов воспроизводства производственного капитала; промышленный капитал господствует безраздельно, причем страна развернула *широкую неоиндустриализацию*. Его господство надежно, планово-системным образом ограждено от «засилия» фиктивного капитала, чего не смогли обеспечить другие страны, в том числе и Россия, прежде всего из-за чрезмерной открытости своей экономики. Благодаря этому, Китай, с его огромным индустриальным экспортом, оказался вне кризиса долларизации и продолжает двигаться по восходящему пути (с приростом ВВП в условиях мирового кризиса самым рекордным показателем в мире за 2009 г. — 8,6%). Относительной системной независимости от доллара добилась и Индия, благодаря чему сумела защитить от кризиса экономику, сохранить рост внутреннего спроса, промышленного производства и ВВП; падение же российской экономики, самое большое и составило 8,7% ВВП.

Итак, сегодня следует четко резюмировать, что внешний кризис для России был бы не опасен (тому наглядный пример — Китай, Индия, да и опыт СССР), не будь в ней внутреннего системного кризиса; в свою очередь, последний существует из-за господства сырьевого капитала и порочной экономической системы, а она основана на олигархической форме частнокапиталистической собственности и *не обеспечит ни инновационной, ни неоиндустриальной модернизации*, наоборот, лишь продлевает состояние отсталости, деиндустриализации.

К сожалению, ныне все еще доминирует в проводимой политике надежда, что должное социальное взаимодействие хозяйственных структур и отраслей экономики можно обеспечить, запустив механизм государственно-частного партнерства, или из этой же категории — обеспечив политику «социально-ответственного бизнеса». Все это малоэффективно — благие пожелания и не более. Прошедшие пореформенные два десятка лет показали: пока отрасли промышленности, сферы производства, составляющие основу нацио-

нальной экономики России, будут находиться в руках частного собственника, как сегодня, не приходится, к сожалению, надеяться на успешное решение актуальнейших проблем страны по модернизации базовых отраслей, структурной перестройки народного хозяйства, конкурентоспособности страны и других задач. Следовательно, назревшие проблемы использования внутренних источников развития требуют (как бывает нередко и в странах развитого капитализма) обратного процесса — процесса деприватизации в экономике. Пора, наконец-то, покончить с явлениями разрушения и перейти в стадии созидания; а для этого особенно в условиях сегодняшней специфики страны (в условиях глобализации, а также кризиса роль государства должна быть особенно весома) крупные секторы экономики должны быть в госсобственности, что позволит гораздо успешнее, эффективнее решать общенациональные задачи, без которых не представляется переход России в стан лидирующих стран. Ныне системный вопрос является весьма принципиальным. В этой связи далеко недостаточно лишь говорить о необходимости устранения экспортно-сырьевой модели: *сырьевой перекос экономики преодолим только путем замены негативной экономической системы кардинально новой для страны — государственно-корпоративной и планово-регулируемой.* Другими словами, внутрироссийский системный кризис устраним лишь на путях преодоления существующей экономической системы, устранения господства частнокапиталистической, деинтегрированной формы собственности. Сохранение деиндустриализации — фактор (условие) непреодолимости экспортно-сырьевой модели, следовательно, необходима реализация крупномасштабной неоиндустриализации экономики страны. Но для этого нужна вертикально интегрированная экономическая система с базисом в виде *государственно-корпоративной формы собственности***.** Важно еще раз сделать акцент, что сырьевой (конъюктурный) рост, во многом инфляционный, неправомерно выдавался за восстановление, развитие. Однако не было и не могло происходить реального качественного развития, и Россия продолжает оставаться в рамках *порочной экономической системы***,** экспортно-сырьевой модели, вступив в очередной кризис глобальной долларизации в качестве слаборазвитой страны, специализированной на сырьевом экспорте и поддержке покупательной способности доллара за счет нашего национального богатства.

Главным сдерживающим фактором нашего развития является нынешний хозяйственный механизм, который не позволяет эффективно использовать имеющиеся в стране резервы экономики, ущемляет труд, инвестиции и инновации, тормозит решение комплекса накопившихся острых социальных проблем. Потребность в переходе к политике высокотехнологичного накопления и воспроизводства стала для России безотлагательной и жизненно важной, анализ социально-экономического положения должен служить в первую очередь выработке, обоснованию и отстаиванию именно такой хозяйственной политики. Время увлечения монетарными регуляторами прошло: неотложные задачи *неоиндустриального развития* требуют включения механизма планово-централизованной концентрации реальных ресурсов на приоритетных направлениях структурно-инновационного маневра и прорыва.

Сейчас основная проблема, мешающая становлению условий инновационного хозяйствования, заключается, прежде всего, в слабости политики государства по поддержке воспроизводства промышленного капитала и агропромышленного комплекса страны. Сектор малых и средних предприятий не в состоянии выйти на позиции, сравниваемые с ТНК высокоразвитых стран, и не служит базой для создания эффективных хозяйственных структур. Отметим,

что по истечении двух десятков лет сегодня малое предпринимательство у нас занимает достаточно скромное место в ВВП страны. В США, Евросоюзе, Японии малые предприятия обеспечивают в пределах 60% ВВП, в России — 15 — 17%. При этом следует подчеркнуть, что указанный удельный вес (15 — 17%) — результат рыночных экономических реформ, крупные компании, занимающие около 80% ВВП, работают в условиях, которые трудно назвать рыночными. И нынешний кризис все это весьма четко показал: ни система госуправления, ни корпоративный менеджмент его не выдержали. Сегодня нам нужна системная модернизация экономики, требуются серьезные структурные перестройки, необходима предпринимательская реформа, и при этом малый бизнес должен производить у нас не менее 30 — 35% ВВП.

Итак, задача преодоления технологической отсталости в сложившихся социально-экономических условиях с учетом состояния мировой экономики требует формирования на основе концентрации ресурсов на прорывных направления нового технологического уклада, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, усиления воздействия государства на экономическую динамику, при обеспечении нового качества ее развития. В создавшихся условиях единственной реальной силой, способной осуществить экономический прорыв в модернизационном развитии, является государство.

Следует заметить, что, почти по единодушному мнению специалистов, экономическому чуду в новых индустриальных странах способствовала, главным образом, *активная экономическая политика государства*. Эффективность и стабильность властной вертикали весьма важны в любой ситуации, но в периоды социально-политических и экономических преобразований они приобретают особую значимость. Именно слабость институтов власти стала одной из главных причин глубокого системного, структурного кризиса экономики России 1990-х гг., последствия которого еще долго будут сказываться негативно на социально-экономическом развитии страны.

Итак, ведущее звено — в системе государственного регулирования экономики связано с ключевой ролью научно-технического прогресса в обеспечении современного экономического роста. Сегодня в основе нового глобального мироустройства находятся системообразующие звенья взаимосвязанных феноменов — развития, знаний, человека и экономики. Реализация целей построения общества и экономики, основанных на знаниях и высоких технологиях, ставит перед Россией масштабные задачи. Важно подчеркнуть, что в свое время французский ученый Луи Пастер отметил: «Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности».

В этой связи правомерно особо отметить: основными причинами утраты Россией позиций на мировом и внутреннем рынках наукоемкой продукции стали отсутствие концептуальной государственной политики в сфере интеллектуальной собственности и инновационной деятельности, обвальное снижение инвестиций в науку, фактическая ликвидация отраслевой науки, разрушение связи науки с производством.

В то же время на долю новых технологий в развитых государствах мира приходится до 85% прироста ВВП. Объем мирового рынка наукоемкой продукции сегодня превысил 12,6 трлн дол. До 36% этой суммы приходится на США, 30 — на Японию, 9,5 — на Германию, 6% —на Китай. Доля России составляет лишь 0,3%. Причем удельный вес наукоемкой продукции в общем объеме российского экспорта не превышает 1,5—2% (1990 г.—23%).

Сложившийся системный кризис может быть разрешен только при ускоренном принятии на государственном уровне нормативных правовых актов и создании механизмов, обеспечивающих комплексное решение проблем, связанных с вовлечением в хозяйственный оборот прав на результаты научно-технической деятельности и созданием системы управления этими правами, в том числе**:**

- проведением последовательной государственной инновационной политики с целью создания целостной и эффективной национальной инновационной системы, включающей правовые, экономические и организационные меры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, направленных на стимулирование и повышение экономической эффективности инновационной деятельности;
- созданием системы экономических стимулов для производителей при вовлечении в гражданско-правовой оборот результатов интеллектуальной деятельности и обеспечением государственной поддержки дальнейшего развития национальной инновационной инфраструктуры;
- устранением противоречий в нормативных правовых актах, касающихся учета объектов интеллектуальной собственности в составе нематериальных активов предприятий, совершенствованием системы бухгалтерского учета нематериальных активов организаций научно-технической сферы и действующих стандартов;
- определением порядка распределения, закрепления и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности, полученными за счет средств федерального бюджета, созданием системы правовых норм, регламентирующих передачу исключительных прав, и контроля за их использованием;
- обеспечением масштабного инновационного преобразования отраслей промышленности и создаваемых национальных интегрированных структур путем увеличения выделяемых на это государственных ресурсов в масштабах экономики всей страны и создания системы государственных целевых программ;
- созданием механизма, обеспечивающего исполнение принятых обязательств по внебюджетному финансированию НИОКР и производству инновационной продукции исполнителями государственных контрактов.

Итак, в нынешних условиях остается нерешенной проблема активизации внутренних источников развития экономики. Следовательно, весьма возрастает актуальность вопроса о содержании и задачах политики управления экономическим ростом и развитием. Развитие — это не только и не столько рост ВВП, сколько создание, наращивание совокупного национального потенциала, обеспечивающего понимаемую в широком смысле конкурентоспособность России в экономической, политической, научно-технологической, конечно, военной и других сферах в стратегической перспективе. Именно на совмещение в единой стратегии роста и развития должны быть направлены основные усилия государства и экономики, на это следует нацеливать осуществляемые институциональные изменения.

Совершенно очевидно, что в ответ на вызовы настоящего и будущего в образовании и науке России должны произойти кардинальные перемены, направленные на повышение их конкурентоспособности, на увеличение вклада в решение стратегических задач развития, *создание модели общества и экономики развития, основанных на знании***.** Первостепенной задачей является повышение качества высшего образования. Для этого необходимо, во-первых, как и зафиксировано в

документах Болонского процесса, «развивать и базировать высшее образование на основе научных исследований»; во-вторых, вернуть и повысить престиж научного и педагогического труда на основе значительного повышения его оплаты и существенного увеличения финансирования науки и образования; в-третьих, радикально обновить материально — техническую и технологическую базу науки и образования, что позволит использовать современные образовательные технологии, внедриться в систему транснационального образования и успешно конкурировать на глобальном образовательном рынке, а не только на сырьевом, как сейчас; в-четвертых, в целях востребованности науки и образования, начать реализацию стратегии не просто диверсификации экономики, а создания новой экономики развития, основанной на знании. Это и есть единственный пропуск в XXI в. и единственный шанс на выживание в новом глобальном мире.

Для России главным направлением развития, открывающим долгосрочные перспективы, должно стать производство наукоемкой, низкоматериало- и низкоэнергоемкой продукции, что требует вложения высококвалифицированного труда и инноваций. Стратегической целью в развитии «новой экономики» России должно стать создание современных отраслей, основанных на использовании инновационных технологий, повышении конкурентоспособности национальной экономики. Для обеспечения качественного экономического роста необходимы не только радикальные перемены в экономической политике, но и в самой идеологии экономических преобразований: качественный экономический рост должен стать приоритетной задачей теории и экономической политики; должна быть выработана и реализована государственная программа роста экономики на основе ее модернизации с соответствующим реальным ресурсным обеспечением.

Таким образом, в заключение следует еще раз подчеркнуть, что проблема *выбора модели стратегического развития страны*, адекватной требованиям как инновационно-мобилизационной доминанты, так и эколого-ресурсным ограничениям, предполагает радикальное совершенствование, улучшение организационно-мобилизационной работы на всех уровнях государства и народного хозяйства.

В сложившихся условиях выход на траекторию устойчивого роста экономики, благосостояния общества возможен только на основе концентрации имеющихся ресурсов на прорывных направлениях формирования нового технологического уклада, декриминализации рыночной среды и обеспечения добросовестной конкуренции, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, улучшения качества и определяющего влияния государственного регулирования, значительного укрепления, роста государственного сектора экономики (о чем сказано выше), подъема трудовой, творческой и предпринимательской активности людей.

С.Т. МАХАМАТОВА

Особенности интеллектуального капитала в контексте глобализации

Под интеллектуальным капиталом автор понимает такую систему социальных и политико-экономических отношений общества и государства,

которая включает в себя капиталовложения в организацию совместной научно-исследовательской деятельности[12], в производство и развитие научно-технического знания, в разработку технологий практического применения результатов новейших научных открытий.

На наш взгляд, определение интеллектуального капитала И.И. Кравцова более содержательное, чем многие другие определения, является неполным. Он пишет: «*интеллектуальный капитал — это потенциал позитивных знаний и опыта духовного и физического развития человека во всем разнообразии их форм, реализующийся в его способности производить товарный продукт, принимающий различные формы интеллектуальной собственности*» [2, 162]. Неполнота данного определения заключается в том, что в нем интеллектуальный капитал сводится к качественной характеристике работника, который в действительности является результатом политики государства в области политики образования, здравоохранения, науки, результатом отношений общества к высшему образованию, интеллектуальному труду, а также результатом исторического культурного развития общества. В этом смысле интеллектуальный капитал есть практическая отдача формирования и развития (реального состояния) человеческого капитала.

Согласно Чарльзу Уилэну, человеческий капитал определяется общим и специальным образованием, научно-интеллектуальным уровнем населения. «Почему Индия является одной из беднейших стран мира? — пишет Ч. Уилэн. — Прежде всего и главным образом потому, что 35% жителей этой страны неграмотны…» [3, 139]. Он отмечает, что «подобно инвестициям любого иного рода — от инвестиций в строительство промышленного предприятия до инвестиций в приобретение облигаций, — деньги, инвестированные в человеческий капитал сегодня, принесут прибыль в будущем» [3, 137].

Вложение в человеческий капитал в первую очередь — задача государства и общества в лице частных компаний и общественных организаций. Человеческий капитал высшего качества является объективным основанием формирования интеллектуального капитала и, как верно отмечает Д.Е. Сорокин, «крайне важен для обеспечения устойчивого долгосрочного развития страны. Не случайно сегодня усиливается межстрановая конкуренция за привлечение человеческих ресурсов… Поэтому на первый план выходят задачи развития образования, культуры, здравоохранения, создания материальных условий достойной жизни» [4, 29].

В эпоху новой экономики, ядром которой является экономика знаний, интеллектуальный капитал выступает локомотивом модернизации и инновации. Инновация, как пишет Роберт Б. Такер, «это выдвижение новых идей и воплощение их в жизнь. Ее креативный аспект — инкубация новых идей; это самое главное. В конце концов, если не будет идей, то не будет и шанса на инновацию» [5, 19]. Следовательно, без интеллектуального капитала невозможно реализовать инновационный прогресс.

Однако, если человеческий капитал есть результат национальной социально-экономической политики, то формирование и развитие интеллектуального капитала во многом определяются международным научно-техническим и торгово-экономическим сотрудничеством компаний и страны.

---

[12] К. Маркс, предвосхищая понятие интеллектуального капитала, писал следующее: «всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использования труда предшественников» [1, 116].

Формирование человеческого капитала и интеллектуального капитала можно изобразить в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Формирование человеческого капитала и интеллектуального капитала

Если интеллектуальный капитал в своем формировании опирается на человеческий капитал, то в своем развитии он опирается и на человеческий капитал, и на модернизацию. Отталкиваясь от уровня модернизации, на основе ее достижений и недостатков интеллектуальный капитал (как известно, современные передовые экономики основываются на пятом технологическом укладе и переходят на шестой технологический уклад) реализует себя как инновационный прорыв.

Главными особенностями пятого технологического уклада являются интеллектуализация орудия труда, возникновение глобального информационного пространства, широкое использование композиционных материалов, возникновение генной инженерии. Ведущими отраслями становятся атомное машиностроение, ракето- и самолетостроение, радиоэлектроника, химия, телекоммуникации, информационная техника и связь, медицина и фармацевтика, биология и т. п. Характерными же чертами шестого технологического уклада при сохранении ведущей роли отраслей пятого являются переход от интеллектуализации орудия труда к интеллектуализации производства, использование нанотехнологий, переход к возобновляемой энергетике и индивидуализации продукта [4, 29]. Как мы видим, особенности пятого и шестого технологических укладов показывают, что интеллектуальный капитал отдельно взятой страны может формироваться и развиваться, реализовывать себя, только вбирая в себя, синтезируя все передовые достижения современ-

ных технологий и научных открытий. Следовательно, как и вся современная передовая мировая экономика, интеллектуальный капитал глобализируется.

В эпоху глобализации развитие интеллектуального капитала обусловлено демократичностью и открытостью и страны, и научного сообщества. Без этих факторов невозможно представить свободное научное творчество, обмен научными идеями, свободные контакты между научными учреждениями, хотя открытость общества, широкие права человека создают благоприятные условия для «утечки мозгов». Богатые страны, как, например, США и др., переманивают наиболее одаренных перспективных молодых ученых (последние лауреаты Нобелевской премии в области физики К. Новоселов и А. Гейм). Здесь должна играть свою роль национальная политика государства в области науки, а также гибкая идеология патриотизма.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1. М., 1976.
2. *Кравцова И.И.* Интеллектуальный капитал инновационной деятельности как фактор экономического развития и повышения конкурентоспособности // Модернизация и конкурентоспособность российской экономики / Под. ред. И.Р. Курнышевой и др. СПб., 2010.
3. *Уилэн Ч.* Голая экономика. Разоблачение унылой науки. М., 2007.
4. *Сорокин Д.Е.* О стратегии развития России // Вопросы экономики. 2010. № 8.
5. *Такер Б. Р.* Инновация как формула роста. Новое будущее ведущих компаний. М., 2007.

А.С. ПОВАЖНЫЙ, Н.С. ДИДЕНКО

Методологические аспекты эффективных социальных коммуникаций между органами власти и гражданами в условиях сетевого общества

Согласно современной социальной теории (Ю. Хабермас, Т. Парсонс, Н. Луман и др.), власть, с одной стороны, имеет социальную, коммуникативную природу, а, с другой — сама есть источник и средство коммуникации, роль которой значительно возрастает в условиях построения информационного общества, «информационной эпохи» (М. Кастельс), когда формируется новый вид власти — *информационный*.

Формирование сетевых структур информационного общества объективно приводит к возрастанию роли коммуникативной составляющей власти, коммуникативной функции всех властных структур, в особенности тех, которые обеспечивают реализацию конституционных прав личности, стратегию социально-экономического развития страны. Без организации эффективных социальных коммуникаций между органами государственного управления и гражданами невозможно добиться нормального регулирования взаимоотношений между людьми, между обществом и государственно-политическими институтами.

В методологическом плане коммуникативный процесс является необходимой предпосылкой становления, развития и функционирования всех социальных систем, потому что именно он обеспечивает связь между людьми и

их общностями, делает возможными связь между поколениями, накопление и передачу социального опыта, его обогащение, разделение труда и обмен его продуктами, организацию совместной деятельности, трансляцию культуры. Считаем, что это дает возможность влиять на производство, распределение и потребление всех прочих ресурсов. При этом содержание социальных коммуникаций может приводить как к поддержке власти, так и к оппозиции официальным институтам, поскольку в обществе рядом с государственной властью определенным влиянием всегда будут пользоваться множество организаций, объединений, институтов гражданского общества, таких как церковь, семья, образование, бизнес, общественное мнение, средства массовой информации, профсоюзы и заинтересованные группы.

Рассматривая особенности управления и мирового порядка в XXI в. Ф. Фукуяма выдвинул тезис о том, что построение сильного государства заключается в создании новых правительственных учреждений и укреплении существующих [1, 5]. Таким образом, и в первом, и во втором случае достижение цели возможно через развитие эффективных социальных коммуникаций, способных противодействовать, в первую очередь, дестабилизации власти, которая выражается в разрушении привычных практик социальных отношений, в повышении ценности негативных санкций и в применении физического насилия как средства решения возникающих проблем общества.

Современная социальная теория для минимизации дестабилизации власти предлагает различные варианты: например, по Т. Парсонсу, акцентируется социальное действие, по Н. Луману — коммуникация. Согласно теории Т. Парсонса, власть следует рассматривать как символически обобщенное средство коммуникации, которое вытекает из общей теории общества и социального порядка, где власти отводится особая функция регулирования социальных действий. Отсюда — все моменты дестабилизации власти следует решать как оптимизацию обмена политической подсистемы с ее окружением — экономической, интегративной и социокультурной подсистемами, образующими в совокупности социальную систему общества [2]. Соответственно органы государственного управления должны позаботиться о создании условий для достижения целей общей социальной системы, принятия коллективно обязательных решений, выполнения принятых обязательств в коллективе даже вопреки существующей оппозиции. Обратим внимание, что, по Т. Парсонсу, круг проблем власти рассматривается как нарушение циркуляции, образующее несоответствие коллективно обязательных решений структуре общественных запросов. В этом случае речь идет об исчерпании выданного кредита власти как символически обобщенного средства из-за слабых организационных способностей субъектов плюралистической политической подсистемы. Таким образом, на первое место выдвигается вопрос о действиях власти [2].

В отличие от Т. Парсонса, Н. Луман на первое место ставит понятие коммуникации и рассматривает коммуникативные средства как некую дополняющую язык инстанцию, а именно — код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции. В дополнение к языку, который в нормальных обстоятельствах обеспечивает интерсубъективную понятность, т. е. распознавание как селекции того, что реализовано в качестве такой селекции кем-то другим, коммуникативные средства обладают, следовательно, еще и функцией мотивации, поскольку они способствуют принятию чужих селективных достижений и в нормальных обстоятельствах делают это принятие желанным. Поэтому коммуникативные средства всегда

могут образовываться там, где способ отбора, осуществляемого одним из партнеров, одновременно служит для другого мотивационной структурой. Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон, которая, будучи связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно ее мотивировать [3, 4].

Это дает возможность органам государственного управления решать задачи интеграции отдельных граждан в единую и целостную систему общества; более глубокому осознанию ими своего статуса, функций, которые могут при этом или оптимизироваться, или меняться; созданию предпосылок для их участия в принятии и осуществлении управленческих решений.

Н. Луман при этом сравнивает власть с комплексной функцией катализаторов, которые ускоряют (либо замедляют) ход тех или иных событий. Они изменяют время либо вероятность событий, ожидаемых в рамках случайных отношений власти как средства коммуникации между системой и внешним миром, сами при этом не меняясь. Таким образом, они обеспечивают выигрыш во времени — фактор, который для структуры комплексных систем всегда оказывается критическим. При этом, если прибегнуть к кантовскому понятию схематизма, катализаторы имеют более универсальный характер, чем соответствующие продукты, в производстве которых они участвуют. Катализаторы в ходе катализа не изменяются (либо изменяются) не в такой степени, в какой ускоряемый (либо замедляемый) ими процесс способствует (или препятствует) образованию того или иного. Отсюда следует, что на процесс принятия данного предварительного решения всегда оказывают влияние социальные ситуативные дефиниции, а также то, что в данном случае воспринимается в качестве вероятного либо невероятного. А, кроме того, сами социальные ситуативные дефиниции могут, со своей стороны, посредством символически генерализированных средств коммуникации приобретать соответствующую модальность.

На основании вышесказанного каталитическая функция власти основывается на уже ставших очень комплексными каузальных связях. Именно поэтому власть может быть понята только как символически генерализированное коммуникативное средство. Посредством абстрагирования в направлении символически контролируемых селективных связей достигается то, что власть перестает рассматриваться как зависимая лишь от непосредственно осуществляемого воздействия властьимущего на того, кто этой власти подчинен. В центре внимания оказывается коммуникация вообще, т. е. то, что подданный любыми обходными путями так или иначе знает о селективности (а не только о существовании!) прошлых или будущих властных действий руководителей. Функция генерализации такого коммуникативного средства, как власть, заключается именно в том, чтобы делать возможными подобные обходные пути, не уничтожая при этом возможность идентификации кода власти и коммуникативных тем [3, 8—9].

Таким образом, вопрос легитимации власти в значительной степени решается через процедуры, а не регулируется нормами, рациональным обоснованием и консенсусом, как у Т. Парсонса. Но в силу неустойчивости самих процедур и правовых норм, которые постоянно меняются под влиянием оппозиции или конъюнктурных интересов, необходимы дополнительные механизмы, усиливающие мотивационные способности власти обеспечивать принятие коллективно обязательных решений. Как подчеркивает Н. Луман, именно властьимущему, хочет он того или нет, приписываются — в силу того, что он

обладает властью — все успехи и неудачи и навязываются соответствующие этому мотивы действий. Власть, следовательно, отнюдь не инструментализирует изначально наличную волю. Эту волю она сначала производит, а затем может ее обуздывать и приручать, заставлять сглаживать риски и неуверенности, может даже вводить ее в искушение и приводить к крушениям. Генерализированные символы кода, должностные задачи, идеологии и условия легитимации служат более четкой артикуляции воли. Но только лишь сам процесс коммуникации устанавливает связь между исполнением власти и ее мотивами [3, 14].

Поэтому органам государственного управления следует обращать внимание на формирование своего имиджа среди граждан, который зависит от того, какую роль выполняют органы государственного управления в развитии социума; как относится население к данному государственному органу на основе замеров общественного мнения, анализа СМИ; каким хотели бы видеть граждане соответствующий орган государственной власти; насколько эффективны действующие в обществе основные коммуникативные каналы, технологии и средства воздействия на сознание и психику людей. В процессе разработки и реализации информационных технологий формирования эффективно проявляющегося имиджа власти (положительного имиджа) важно достигать идентичности власти и коммуникации кодов. В этом характерная черта институционализации власти в информационном обществе, где она уже выступает как «символически генерализированное средство коммуникации».

Если при этом социальные коммуникации между органами государственного управления и гражданами не приводят к усилению инициативности последних, их участию в «коммуникативном разуме» (Ю. Хабермас), возникает проблема социального отчуждения. В определенной степени причина такой ситуации заключается в том, что власть сама часто создает ситуации неопределенности, в которой индивид не всегда может разобраться и где «приватное приобретает оттенок всеобщности» (Ж. Бодрийяр). Поэтому власть может прибегать к таким средствам, как разный доступ к информации обо всех возможных альтернативах в ситуации неопределенности; манипулирование коммуникацией ради выбора той или другой альтернативы; влияние на формы, средства и форматы коммуникации. Э. Тоффлер пишет о неисчислимом разнообразии обмана (и самообмана), который скрывается в огромной массе данных, сведений и знаний, которые ежедневно проворачивает интеллектуальная правительственная мельница, используя для этого всевозможные тактики: оплошности, неопределенности, выжидательную, крох, приливной волны, напускания тумана, отдачи большой лжи, перевернутую [4, 329—330]. Таким образом, нельзя не признать, что коммуникация пронизывает структуру социума и власти в целом, всех ее уровней, выступая средством социального общения и обмена информации; средством связи между субъектами и объектами социального общения и формирования общественных коммуникативно-информационных отношений и как средство реализации властью своей главной функции — социального диалога с народом. В результате эффективность социальных коммуникаций становится одним из основных факторов устойчивости власти, стабильности социально-политических отношений.

К основным проблемам, которые, на наш взгляд, должны разрешаться с точки зрения эффективности социальных коммуникаций, относятся в первую очередь следующие:

• проблема неадекватности общественного мнения, когда граждане выбирают определенную позицию среди сформулированных мнений и когда путем простого статистического агрегирования полученных таким образом мнений производят артефакт, каковым является общественное мнение [5, 177];

• проблему монополии мнения профессионалов, проанализированную П. Бурдье, когда мы сталкиваемся с тем, что доминирующие лица навязывают институционализированные политически интересы, выставляя под видом интересов своих доверителей свои интересы доверенных лиц; в таком случае, как подчеркивает П. Бурдье, профессионалы служат интересам своих сторонников в той (и только в той) мере, в какой они, служа им, служат также и себе [5, 187, 196];

• проблему сложности социальной коммуникации относительно социального времени и пространства, когда, как считает П. Штомпка, необходимо синхронизировать активность коллективных действий, их координацию, последовательность, своевременность, измеряемость и дифференциацию [6, 79—81] (важно понимать, что распространение смысла коммуникации в социальном пространстве с точки зрения социального времени имеет разную скорость и сам смысл подвержен старению, поэтому органам государственного управления необходимо учитывать новые, более актуальные смыслы, завладевающие вниманием общества, и прогнозировать, как долго данные смыслы будут сохранять свою ценность для общества).

Таким образом, основными задачами органов государственного управления при формировании эффективных социальных коммуникаций считаем: идентификацию потребностей и интересов граждан в отношении государства и понимания ими способов собственного участия в выражении и отстаивании государственных интересов; исследование социальной конъюнктуры и определение соответствия предлагаемых социальных целей предпочтениям граждан, чтобы определить цели социальной политики; разработка технологий, форм и способов эффективных социальных коммуникаций в соответствии с особенностями социального времени и пространства; распределение ответственности за реализацию социальной политики и социальных программ между различными группами при общей координации со стороны властных структур; формирование общественного мнения как составляющей коммуникативного процесса, отражающего сущность смысла коммуникации.

Литература

1. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.
2. *Парсонс Т.П.* О структуре социального действия. М., 2000.
3. *Луман Н.* Власть. М., 2001.
4. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2002.
5. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
6. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

А.В. САВКА

Национальная идея И.А. Ильина и современность

И.А. Ильин (1883 — 1954) родился в Москве. В 1906 г. окончил юридический факультет Московского университета, стажировался в университетах Западной Европы, с 1912 г. преподавал в Московском университете, а в 1918 г. защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

Ильин, как и Гегель, был склонен подчеркивать единство морального и правового сознания. Подробно анализируя понятие духа, он отмечал, что в человеке противопоставлены друг другу две силы: сила инстинкта и сила духа. Бездуховный инстинкт, подобно волку в человеке, хитер, коварен и жесток. В человеке с бездуховным инстинктом отсутствуют вера, доброта, жалость, совесть и честь. Для него хорошо то, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти.

Бездуховному противостоят дух в человеке, начала сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви.

В истории русской общественной мысли И.А. Ильин считается ярким государственником. Посвятивший значительную часть своего творчества проблеме российской государственности и национальной культуре, он категорически возражал противникам государства и доказывал, что «...меры подавления и расправы, к которым государственная власть бывает вынуждена прибегать, совсем не определяют сущность государства. Это есть дурной предрассудок, вредное недоразумение, распространенное близорукими и поверхностными людьми... На самом деле государство творится внутренне, душевно и духовно... Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевать земли других народов; но в том, чтобы организовать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания» [1, 258, 260].

У Ильина «государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как Родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания», «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и осуществляются через посредство правосознания... Словом: внешние проявления политической жизни совсем не составляют самую политическую жизнь; внешнее принуждение совсем не определяет сущность государства». Ильин определяет сущность государства, которая «состоит в том, что все его граждане имеют и признают — помимо своих различных и частных интересов и целей — еще единый интерес и единую цель, а именно, общий интерес и общую цель, ибо государство есть некая духовная община» [2, т. 1, 20, 234—235, 241].

Отвергая любые формы антигосударственной, анархической идеологии, Ильин подверг резкой критике моральный анархизм Л. Толстого. В религиозном метафизических построениях Ильина решающая роль отводится духовности (духу) в человеке и в обществе, уровень которого определяет качество индивидуальной и общественной жизни в конечном счете зависит от

волевых, творческих усилий личности. Человек должен нуждаться в объективном совершенстве, измерять и оценивать свою жизнь категориями истинности, прекрасности, правоты, любовности, и героизма. Ильин специально рассматривает вопросы любви и любовности подчеркивая, что «без духовности любовь слепа, пристрастна, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству» [3, 15].

Дух выступает как сила личного самоутверждения в человеке, но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического осознания состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосути, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознававший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа, — писал Ильин.

Ориентация на объективное совершенство приводит к накоплению в обществе духовности, которую, оберегая, люди передают от поколения к поколению. «В процессе духовного роста человечества запасы верно направленной волевой энергии накопляются, отрешаются от единичных, субъективных носителей, находят себе новые неумирающие, общественно организованные центры и способы воздействия и в этом сосредоточенном и закрепленном виде передаются из поколения в поколение. Образуются как бы безличные резервы внешней воспитывающей воли, скрывающиеся за неуловимым обликом “приличия” и “такта”, то проявляющихся в потоке “распоряжений” и “законов”, то поддерживаемые простым и безличным общественным “осуждением”, то скрепляемые действием целой системы организованных учреждений» [3, 25]. Этими словами Ильин характеризует систему духовности, существующую в любом обществе и это общество цементирующую.

Зло он определяет как антидуховность, как «противодуховную вражду», как «слепую силу ненависти», и, отмечая особую активность зла, видит его проявления в стремлении нарушить покой духовности в душе человека и духовную гармонию в обществе. Носители зла угождают дурным инстинктам, «разжигая их до состояния страстного кипения», будят в душах людей низменные чувства зависти, ненависти, злобы, и мстительности, а, поставив людей в унизительное положение, подкупают их выгодою и властью. Они подрывают в душах людей чувство собственного достоинства, «заражают» людей злом, расшатывают волю, прививают порочные душевные «механизмы». Определив понятие зла и перечислив средства его воздействия на человека и общество, мыслитель концептуально исследует проблему допустимости сопротивления злу силою, перечисляя условия этого. Первым условием он считает наличие подлинного зла. Для правосознания это проявится в злой человеческой воле, направленной против сущности и цели права. Для нравственного сознания это будет злая воля, направленная против единения людей. И если это действительное зло присутствует, то не допустимо «предоставить злодею кощунствовать и духовно губить». Необходимо вмешаться и «пресечь злодейство физическим сопротивлением». И хотя Ильин считает допустимым сопротивление злу силою, саму такую возможность он считал, по словам Н.О. Лосского, «моральной трагедией человека». Проблема борьбы с моральным злом включает в себя многосторонний социальный аспект. Речь идет о роли государства в борьбе с моральным и социальным злом. Государство, полагал Ильин, должно поощрять добро и сдерживать зло. Существенную роль в объединении людей в социально-духовные общности, в регулировании их внутренней и внешней жизни играют право, правосознание и государство. Правосознание, как считает философ, не отделимо от инстинктивного стремления к

добру и справедливости, а правовые нормы указывают человеку лучший путь внешнего устроения социальной и индивидуальной жизни.

В работе «О сущности правосознания» (1956) он определил «аксиомы правосознания», лежащие в основе общественной и государственной жизни: «закон духовного достоинства», который фиксирует духовно-личностный статус гражданина, его неотъемлемое право на самоуважение, достоинство личности, отстаивание собственной позиции (интеллектуальной, религиозной, нравственной, эстетической).

Закон автономии отражает сложную диалектику свободы и ответственности гражданина, который может сохранить собственную «автономность» только в том случае, если является подлинным субъектом права и «внутренне свободно» исполняет возложенные на него обществом и государством обязанности.

По закону взаимного признания важнейшим условием гражданской жизни является взаимное уважение граждан и понимание ими безусловной ценности гражданских и государственных институтов: «я есть личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя, и такую же свободную и ответственную личность я чту в каждом другом человеке» [4, 31].

Вопрос о происхождении тоталитарно-коммунистической системы не теряет своей остроты и сегодня. Две противоположные точки зрения на него просматриваются вполне отчетливо. Одна из них состоит в том, что «тоталитаризм-коммунизм» есть явление не российского происхождения; оно рождено Западом и лишь привнесено на российскую почву, навязано России.

Другая точка зрения связывает тоталитарную систему исключительно с Россией, отстаивает тезис о том, что тоталитарный «ген» заключен в самой России как таковой, а Запад имеет к происхождению тоталитаризма весьма косвенное отношение или не имеет никакого отношения вовсе. Выразителем первой из них был И.А. Ильин, он писал: «Советский коммунизм имеет *европейское происхождение...* Он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное управление. В мире стал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, жестокий и безбожный *величайший лжец и пошляк мировой истории,* научившийся у европейцев клясться именем “пролетариата” и оправдывать своими целями самые гнусные средства» [5, 108].

Опыт строительства социализма дает все основания утверждать, что это социальное устройство может существовать «только в форме всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима». Тоталитарный режим, — как считал И.А. Ильин, — это политический строй, «беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан» и включивший всю их деятельность в сферу своего управления и принудительного регулирования. Сущность тоталитаризма как левого, так и правого толка осуществим при проведении «самой последовательной диктатуры, основанной на единстве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодательства, на всепроникающем сыске, на взаимодоносительстве и на беспощадном терроре».

В тоталитарном обществе, спаянном страхом, инстинктом самосохранения и злодейством, граждане фактически лишаются всех прав, полномочий

и свобод, они существуют только как субъекты обязанностей, объекты распоряжений и рабочие машины. Их правовое сознание замещается «психическими механизмами» — голода, страха, мук и унижения, а творческий труд — психофизическим механизмом рабского напряжения.

В сборнике «Наши задачи» И.А. Ильин глубоко проанализировал такие важные проблемы, как формальная и творческая демократия, федеративные принципы государственности. Ильин — один из первых, кто предупреждал о возможных опасностях как тоталитаризма, так и либерализма для России. С его точки зрения, лозунг «Демократия немедленно и во что бы то ни стало» однажды привел Россию к тоталитарной диктатуре и может грозить диктатурой и впредь.

Он предупреждал о том, что после распада СССР могут образоваться до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни бесспорного населения. Ильин считал, что предотвратить такое развитие событий может только собственный выбор России, избегающий тупиков как тоталитаризма, так и псевдолиберализма. На постепенности и особой осмотрительности при проведении реформ настаивал Ильин. В статьях 1948 — 1954 гг. он разработал целостную программу перехода от тоталитаризма к демократии. С его точки зрения, самым ответственным будет не сам момент краха прежней системы, а первые шаги становления новой. По его мнению, немедленное предоставление полных гражданских и политических свобод станет шагом ошибочным. Люди, сформировавшиеся в условиях тоталитаризма, во многих случаях немедленно воспользуются свободой в разрушительных и нечистоплотных целях. «Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как *разнуздание*?.. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати- или сорокалетнего революционного рабства? Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя всеми свободами, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы государства на основе воровства, мести и жадности? Что же можно будет сделать, если окажется, что *он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы*?» [5, 143]. Ильин предвидел опасность подкупа избирателей, возможность разрушения государства, возрастание сепаратизма на национальной почве вплоть до разрушения России по национально-этническому принципу, резкий рост преступности, беззастенчивое расхищение бывшей государственной собственности, падение промышленного и сельскохозяйственного производства, опасность краха финансовой системы и тотального разлада хозяйственного и государственного механизмов.

В статье «О сильной власти» (1951) Ильин приводит исторические доказательства необходимости сильной государственной власти в России, которая как «национально-политическое явление была создана сильной государственной властью» и которая никогда, даже при Иване Грозном, «не покушалась на тоталитарное видение жизни, культуры и хозяйства». Это территориальные размеры России; большая численность населения; наличие военной угрозы; сильная дифференциация страны (много национальных, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий), ее великодержавные задачи. Ильин обозначил их так: спаять внутренне множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное развитие страны; найти верное торговое

взаимодействие с соседями и ввести страну в меновой и дипломатический организм мирового общения, — все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасающейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия в десятилетие. «И в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее».

И.А. Ильин подчеркивает, что «силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины» русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра.

Русский человек способен блюсти порядок и строить государство, соблюдать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Эта его способность проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом. Именно поэтому России необходима сильная власть.

Сегодня наблюдается общий кризис традиционных форм демократии во многих странах традиционно парламентской демократии, он отмечается и в России (см.: [6]). Снижаются роль и значение парламентов и усиливаются аналогичные характеристики правительств. Власть становится все более технократичной, на первый план выходят исполнители, а не законодатели. Американский правовед Винсент Остром вводит специальный термин «эрозия законодательных стандартов» [7, 137], результатом которой становится законодательство, не отвечающее требованиям времени и неспособное эффективно урегулировать общественные отношения.

Какие же меры предпринимаются для исправления ситуации? Одно из наиболее характерных — это организация парламента по партийному принципу. Считается, что политическая конкуренция сама собой приведет к повышению качества конечного продукта — закона. Но насколько политическое структурирование парламента действительно полезно при осуществлении им своих законотворческих функций? И.А. Ильин отмечал, что «партия выдвигает совсем не лучших людей, а согласных с нею и послушных ей». Посредством партийных выборов, списков и пропорциональной системы «государственное дело превращается в мелкий базар политических спекулянтов… в политический разврат». Партийность — политическая болезнь, она «создана для того, чтобы отбирать худших… Партийность прямо гонит лучших людей из политики» [2, т. 2, кн. 2, 22, 24, 33, 39]. В качестве основных черт кризиса демократии Ильин указывает на то, что демократия не обеспечивает качественного отбора, основывается на безответственности и некомпетентности. Среди проявлений кризиса демократии — абсентеизм, парламентский торг и популизм (см.: [2, т. 2, кн. 2, 193—199]. Демократия, по мнению Ильина, «развивается именно вследствие ее партийного строения». Партия — это часть, посягающая на целое [4, 43, 44].

Демократия, по мнению Ильина, заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она способствует утверждению «подлинной аристократии». Общественной группой, способной придать динамизм и осмысленность процессам разрушения тоталитарных устоев, Ильин видел «новый ведущий слой», который характеризуется тем, что есть «живое, подвижное, пополняющееся новыми способными людьми, всегда готовыми освободить себя от неспособных». Принадлежность к ведущему слою не есть привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности.

Русский философ дает широкое толкование национальной, русской идее, которая неотделима от веры в Россию, от ее духовной силы, от ее творческой идеи, которую «не у кого и не для чего заимствовать». Она должна выражать «русское, историческое своеобразие и в то же время русское историческое призвание». Эта идея отражает то, что русскому народу уже присуще, что составляет ею благую силу, в чем он прав перед лицом Божьим и самобытен среди других народов… «указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах» [8, 214].

Сущность русской идеи Ильин определяет, во-первых, как идею сердца, которая связана с любовью, ведь именно любовью строится совместная жизнь на земле, из любви рождаются вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа восприняла исторически от христианства. Таким образом, русская идея имеет глубоко религиозные корни. Вера русского народа желает не власти над Вселенной, а качества, и в этом живая сила русской души и русской истории.

Во-вторых, проявление русской любви и веры есть живое созерцание, которое в свою очередь детерминировано природой, «равнинным пространством, реками, лесами, грозами и метелями». Отсюда, — считает Ильин, — неутомимое взирание, мечтательность, «созерцающая лень» (А.С. Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения, выраженная в рисунке, песне, слове, во всей русской культуре, отсюда особый тип свободы.

В-третьих, свобода как характеристика русского духа предопределила важнейшие социокультурные феномены развития: это русско-славянская приверженность к национальному религиозному своеобразию, «этому соответствовала и православная концепция христианства: не формальная, не законническая, не морализующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому содействовала и древняя русская церковная, и государственная терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности», открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач.

Наивными называет Ильин людей, воображающих, что можно было бы заимствовать чужие традиции, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие природы и истории, подавив в себе органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную искренность духа. «И что за плачевная участь была бы у того народа, — писал Ильин, — главное призвание которого состояло бы не в самостоятельном созерцании и творчестве, а в честном перевоплощении в чужую национальность, в целении чужой тоски, в примирении чужих противоречий, в созидании чужого единения! Какая судьба постигнет русский народ, если ему Европа и «арийское племя» в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли!

«Не будем же наивны и скажем себе зорко и определенно: заимствование и подражание есть дело не “гениального перевоплощения”, а беспочвенности и бессилия» [9, 334].

Весь исторический путь развития России подтверждает истину, что все попытки заимствовать католическую культурную традицию, а именно преобладание воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка над сове-

стью, власти и принуждения над свободой, были бы безнадежны, так как «у нас соотношение этих сил является обратным».

Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное «темнота» или «варварство». Запад, — считает Ильин, — «нам не указ и не тюрьма», «а его культура не есть идеал совершенства», и «незачем гнаться за ним и делать себе из него образец». «У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом смысл русской идеи».

Это, поясняет Ильин, не гордость и не самопревознесение, это не утверждение будто все в России происходит и создается совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто русская культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов, это означает, что Россия должна идти своим путем. «Как бы не были велики наши исторические недостатки и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить “в кусочки”, собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учители сами себе. Перед нами задача: творить русскую самобытную культуру из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи» [8, 225], — заключает И.А. Ильин.

Литература

1. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
2. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1993.
3. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
4. *Ильин И.А.* О грядущей России. Избр. статьи. М., 1993.
5. *Ильин И.А.* Наши задачи. М., 1993.
6. Бикамерализм в европейских парламентах: учет интересов и согласование позиций: Матер. междунар. семин. М., 2003.
7. *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993.
8. *Ильин И.А.* О русской идее // Ильин И.А. Русский индивидуализм. М., 2007.
9. *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в российской философской прозе. М., 1990.

В.Н. ИВАНОВА

Динамическая модель инновационного развития*

Любое развитие как форма существования динамической системы должно быть наделено обратными связями, величина и изменения которых со временем определяют устойчивость указанного развития. Такая устойчивость может пониматься и как вообще способность к развитию, т. е. качественному

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-02-00029«а».

изменению, и как способность развиваться без скачков, в том числе регрессионных срывов. Последние возникают в тех случаях, когда как положительные, так и отрицательные обратные связи по какой-либо причине резко меняют свои относительные значения. Тогда-то и может произойти срыв, чреватый в том числе и полным разрушением рассматриваемой динамической системы. Именно этот случай является наиболее опасным с точки зрения теории управления. А на практике, например, в отношении кредитно-денежного обращения, он трактуется как хорошо известный финансовый кризис. Особенностью инновационного развития эпохи постиндустриального типа воспроизводства, когда ключевой продукт — знания — является наличие сильных положительных обратных связей вследствие действия экстернального эффекта (см.: [1—27]). Последний предполагает, что знания как нерастрачиваемый ресурс, произведенный одним производителем, могут быть использованы в производственных процессах других производителей, что порождает процессы типа цепной реакции и, естественно, очень сильно интенсифицирует экономику страны. Естественно было бы предположить, что при планировании запуска инновационного продукта в виде новых знаний возможно учитывать и положительные воздействия на экономику такого продукта в смежных ее областях.

И именно так и поступают, когда принимают решения на уровне государства. Но как раз здесь-то и появляется опасность неустойчивости. Ведь ожидания воздействия экстернального эффекта на смежные отрасли могут не оправдаться, так как опыта, как правило, еще нет, а ресурсы из этих отраслей уже изъяты, да и время упущено. Возникает критическая ситуация, чреватая как раз типичным кризисом. Именно с таким кризисом Россия столкнулась в последнее время, возложив ранее большие надежды на закон о техрегулировании (см.: [2, 23—32]). Принятие этого закона, как считают многие специалисты в области стандартизации, является стратегической ошибкой государства [3]. И даже Президент РФ назвал положение с реализацией закона «О техническом регулировании» бедой страны. Вместо планировавшихся около 700 регламентов, которые должны были иметь силу закона и приниматься на уровне правительства и Президента, за семь лет принято только 11. При этом система российских стандартов, позволявшая все делать на лучшем уровне, была заброшена фактически с отменой обязательности следования большинству из этих стандартов, а техническое регулирование в стране осталось без нормативной базы. При этом каждый производитель сейчас волен делать свою продукцию так, как считает нужным сам, без учета интересов страны. А каждый чиновник, опять же, как считает нужным, может ставить этому производителю свои условия на получение того или иного разрешения (отвод земель, согласование допустимых производственных выбросов и т. п.) и взимать при этом в виде подношений свою административную ренту. Это все можно охарактеризовать как первый опыт системного кризиса в нашей стране, связанного с недооценкой как проблемы ресурсного обеспечения инновационного развития в условиях постиндустриального типа воспроизводства, так и действующих при этом обратных связей. В результате получились полная вакханалия и неопределенность. На сегодняшний день принят закон О внесении изменений в Федеральный закон “О техническом регулировании” [4]. Но это, как считают трое бывших председателя Госстандарта, очередная ошибка. Первая была связана с самим принятием закона о техрегулировании, сейчас совершена вторая. Пройдет еще год, два, три, и снова будут говорить, что закон не удался, напрасно потрачены 7 лет. За это время можно было бы техническую революцию сделать. Надо было те деньги, что потрачены на

первичный закон, использовать на обновление и разработку новых стандартов и большую их часть гармонизировать с зарубежными. При этом мы могли бы в течение двух лет, максимум трех, стать самыми лучшими в мире в области технического регулирования. В настоящее время организован сбор подписей под обращением к Президенту РФ об отмене закона «О техническом регулировании» и замене его на законы «О стандартизации», «О сертификации» и «О государственном контроле (надзоре)». В них должны быть, в частности, четко прописаны критерии выбора предметов нормативно-правового регулирования и самого регулирования.

Но вернемся немного в прошлое. Реформа технического регулирования изначально рассматривалась как один из элементов дебюрократизации экономики. Когда принимался закон «О техническом регулировании», его актуальность его связывали со вступлением России в ВТО, а собственно принятие закона рассматривалось как в первую очередь политический шаг, и только после этого в принципе можно бы было рассчитать и его экономический эффект. Закон был продавлен без соответствующего технико-экономического обоснования, которое предполагало выявление экономических аргументов для двух альтернативных вариантов:

1) система регулирования промышленного производства, доставшаяся нам от Советского Союза, была основана на ГОСТах и на ведомственных нормативных актах, у нее были определенные минусы, во-первых, из-за большого количества собственно документов и, во-вторых, из-за того, что требования этих документов не всегда выполнялись, так как документы эти не обладали в большинстве своем силой закона; однако система все же работала, и следовало, естественно, оценить уровень потерь для страны в случае утраты такой целостной системы;

2) одновременно следовало оценить, сколько страна может приобрести в экономическом плане при переходе к техническим регламентам и уже на основе баланса возможных потерь и приобретений должен был решаться вопрос о правомерности внедрения технических регламентов вместо ГОСТов.

Много было аргументов «за» и «против». Однако количественных оценок так и не прозвучало. Технико-экономическое обоснование вообще проведено не было, потому что не было методологической базы. И на вопрос, как оценить эффективность реформы по смене форм технического регулирования, никто не взялся ответить количественно. Получилось так, что старая система была развалена, а новая не создана. А именно такой вот исход вообще не рассматривался. Таким образом, на лицо серьезный системный кризис, охвативший правовые вопросы воспроизводства в стране в целом, и никто даже не предполагал, что так получится. Системность его определяется как отсутствием адекватной законодательной базы для технического регулирования в стране, отсутствием компетентных функционеров в законодательных сферах, а также отсутствием обратных положительных связей между этими функционерами и представителями общественности в стране. Все это подтверждает тезис о том, что нужна научная методология технико-экономического обоснования больших проектов по инновационным наукоемким продуктам — таким, как технические регламенты, необходимо финансовое прогнозирование объема бюджетных средств и объема и качества кадровых ресурсов, привлеченных для разработки адекватной метрологической базы по обеспечению работоспособности принимаемых регламентов в РФ. Никто не дает ответа, что делать с теми ГОСТами, из которых вынули обязательные требования и воткнули их в эти новые технические регламенты.

Несмотря на все методы, имеющиеся в экономическом активе, модели прогнозирования очень сложны, и, как показала реформа технического регулирования, здесь неизбежно надо учитывать и материальные, и административные потери, которые вытекают из структуры прямых и обратных связей при инновациях, в частности, в государственном секторе. И, конечно же, здесь необходима самая бескомпромиссная борьба с коррупцией, являющаяся основой всех начинаний и всех проектов.

Новые возможности, которые дают на практике экстернальный эффект, в условиях России привели к плачевным результатам, произошел тот самый регрессионный срыв, т. е. система технического регулирования потеряла устойчивость и попросту разваливается на глазах, а это вполне может привести и к развалу вообще всей отечественной промышленности. Системность кризиса с техрегулированием предопределяет и необходимость системного подхода к анализу его первопричин. На наш взгляд такой первопричиной является отсутствие признания легитимности частной собственности, приобретенной в процессе приватизации, со стороны большинства российских граждан. В РФ собственность нации была экспроприирована безвозмездно и самым грубым образом — чисто административными средствами, даже без видимого диалога и переговоров. Это — первородный грех нынешнего частного промышленного капитала России и вступившего с ним в сговор государства. Власть не стала этот грех искупать хотя бы в виде символического осуждения той приватизации. Конфликт загнали в глубины коллективной памяти. И он напоминает о себе через подобные кризисы, так как чиновники, памятуя, что мошенничества при приватизации им простили, перестали с кем-либо и с чем-либо считаться вообще. Население же в отместку за это им абсолютно не доверяет ни в чем и сотрудничать с ними не желает. А это значит, что институты гражданского общества попросту не функционируют и так необходимые положительные обратные связи в обществе не реализуются.

Если свертывание, точнее крах, реформы технического регулирования на базе техрегламентов одновременно ликвидировал ранее имевшуюся у России систему регулирования посредством ГОСТов, то, например, провал Федеральной целевой программы «Электронная Россия», которая должна была, в частности, обеспечить документооборот между разными ведомствами, прошел как бы незамеченным, поскольку как раньше у нас не было унификации баз данных, например МВД, так и теперь нет [5]. Итог подобного провала — уже свершившаяся отставка В. Матюхина, главы Федерального агентства по информационным технологиям, и планируемая ликвидация последнего.

Оба приведенных примера связаны с вводимым в обиход в экономической науке термином «открытые инновации». Этот термин предполагает использование ранее кем-то разработанных, а часто и опробованных, инноваций другим экономическим агентом и часто в совершенно новых условиях. С одной стороны, этот подход ускоряет технический прогресс, но, как это оказалось в двух описанных выше случаях, представляет опасность для нового пользователя такими инновациями в виде возможности банкротства последнего. Ниже попытаемся на основе достаточно простой математической модели обосновать принципиальную возможность такого неблагоприятного исхода и очертить тот круг параметров модели, соответствующих уровню материально-правового обеспечения вновь внедряемого проекта, который ответствен за его устойчивость.

Как уже упоминалось, инновационное развитие характеризуется наличием сильных положительных обратных связей. Естественным было бы пред-

полагать, что такими сильными будут в его структуре и отрицательные обратные связи. Как те, так и другие в таком случае будут развиваться по экспоненциальному закону. Обозначим через параметр *x* количественную величину, характеризующую текущие результаты инновационного развития в виде, например, увеличения выпуска продукции, ее качества, расширения сети представительств фирмы и т. п. на какой-то момент времени. А через параметр *y* — количественную величину вновь существующих на тот момент времени в процессе инновационного развития эффектов, тормозящих это самое развитие, в частности, коррупцию, взимание институциональной ренты и т. п. Через параметры *x* и *y*, соответственно, обозначим производные по времени двух введенных нами выше параметров. При этом динамика во времени первого параметра будет характеризоваться интенсивностью, например, положительных обратных связей, а второго — отрицательных. Поскольку выше мы обосновали экспоненциальный характер развития того и другого параметров, то логично предположить, что динамика каждого из них будет характеризоваться совместным воздействием на инновационный процесс текущих значений этих двух исследуемых нами параметров. В частности, в виде их суммы с различными долевыми составляющими, описываемыми, в первом приближении, постоянными коэффициентами *a*, *b*, *c* и *d*. Сказанное позволяет нам сформулировать базовую динамическую модель инновационного развития в условиях постиндустриального типа производства, в том числе, с использованием *открытых инноваций*.

Рассмотрим систему линейных дифференциальных уравнений:

$$\begin{cases} \dot{x}=ax+by \\ \dot{y}=cx+dy \end{cases} \quad (1)$$

Решение (1) будем искать в стандартном экспоненциальном виде

$$\begin{cases} x(t)=C_1e^{\lambda t} \\ y(t)=C_2e^{\lambda t} \end{cases} \quad (2)$$

Подставляя (2) в (1), получим

$$\begin{cases} \lambda C_1e^{\lambda t}=aC_1e^{\lambda t}+bC_2e^{\lambda t} \\ \lambda C_2e^{\lambda t}=cC_1e^{\lambda t}+dC_2e^{\lambda t} \end{cases}$$

или

$$\begin{cases} (a-\lambda)C_1+bC_2=0 \\ cC_1+(d-\lambda)C_2=0 \end{cases} \quad (3)$$

Система уравнений для C_1 и C_2 имеет нетривиальное решение, только если выполняется условие равенства нулю детерминанта матрицы (3)

$$(a-\lambda)(d-\lambda)-bc=0,$$

то есть

$$\lambda^2-\lambda(a+d)+ad-bc=0. \quad (4)$$

Для устойчивости решения системы (1) необходимо, чтобы все корни характеристического полинома (4) имели отрицательную действительную часть

$$\mathrm{Re}(\lambda_{1,2})<0 \quad (5)$$

Согласно критерию Гурвица (или просто по теореме Виета) условие (5) выполняется, если

$$\begin{cases} a + d < 0 \\ ad - bc > 0 \end{cases} \quad (6)$$

Условие *ad-bc>0* гарантирует, что система (1) имеет только одно положение равновесия $x(t)=y(t)=0$. То есть в области равновесия (в ее математической трактовке) наша система из любого начального условия со временем перемещается в нулевое положение. Здесь следует заметить, что математическая трактовка устойчивости прямо противоположна трактовке устойчивости в ее экономическом аспекте. Последняя соответствует в лучшем случае стагнации экономики, а в худшем — ее коллапсу. Математическая же неустойчивость соответствует именно экономическому развитию, когда система из какого-то начального условия со временем переходит в новые положения. Таким образом, для устойчивого развития (в экономическом смысле) условие (6) должно быть записано с противоположными знаками неравенства. В свою очередь такое условие определяет область на рис. 1, которая находится выше изображенной на этом рисунке криволинейной поверхности и правее вертикальной диагональной плоскости, проведенной внутри рассматриваемого квадранта.

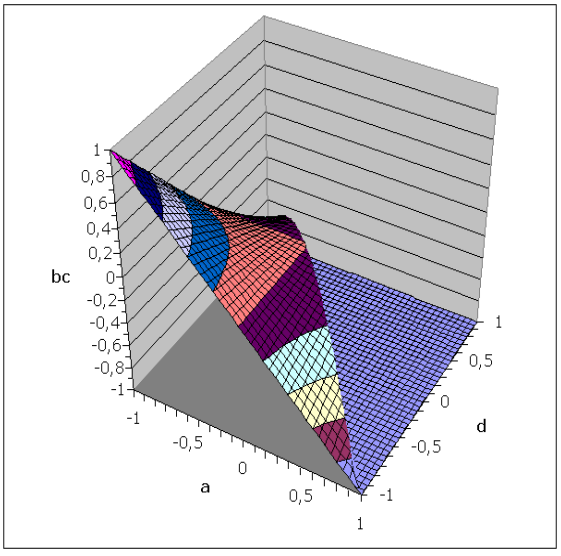

Рис. 1. Границы области устойчивости в трехмерном координатном пространстве *a, d, bc*

Таким образом, не рассматривая функциональные модели инновационного развития, на основе которых формируются собственно стратегии управления таким развитием, мы на модели, привязанной лишь к структуре обратных связей, смогли сформулировать один из основных критериев подобных стратегий управления. Кратко его можно изложить в следующей редакции: *ресурсное обеспечение инновационного развития должно быть выше*

критического уровня, который разделяет область собственно развития инновационного проекта и область его краха.

Литература

1. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6.

2. *Иванова В.Н.* Функциональные модели инновационного развития в постиндустриальной экономике // Вопросы новой экономики. 2009. № 4.

3. *Санникова К.* Геннадий Воронин: Поправки в закон «О Техническом регулировании» — очередная ошибка, он просто не нужен! // www. angi.ru, 18.12.2009.

4. *Федоров Е.* Изменения в закон о техническом регулировании рекомендованы к принятию // www. legis.ru, 18.12.2009.

5. *Савкин А., Иванов И.* Карте место // Русский Newsweek. 2010. № 6 (275).

И.В. ПШЕНИЦЫН

Судьба России

Мир полон идеями стратегического планирования развития России. Видимо, итоги программ построения светлого будущего мало чему учат, и энтузиасты вновь жаждут определять развитие всего и вся. В нашей статье речь пойдет о судьбе России, о естественном пути, который совершается помимо политических программ и связанных с ними национальных интересов.

Как правило, под развитием страны понимают, прежде всего, экономический прогресс, рост материального благосостояния. Поскольку развитие не сводится к количественному увеличению и экстенсивному распространению, выделяют качественные изменения в факторах производства, нововведения, новые отрасли и потребности. Между тем появление нового, образование новых форм, вовсе не гарантирует прогрессивного развития, а может оказаться развитием болезни человеческого духа, его разложением.

Феномен развития понять не просто. Нет ясности в главном: *что на самом деле является развитием*. Еще в Петровские времена, оценивая экономическое развитие, великий мыслитель Иван Тихонович Посошков писал о скудости и богатстве. Сомнения в абсолютности экономического прогресса не оставляли русских мыслителей, народников. Это привело Сергея Николаевича Булгакова к идее *философии хозяйства*. Он ощущал духовную скудость экономизма и опасность экономического прогресса. Его философия хозяйства поднимает проблему действительного развития и его источника.

Источник этот — удивительный трансцендентальный феномен! Он отличается от изучаемого науками многообразия форм, в которых развитие лишь проявляется. Формы обладают пространственно-временной протяженностью и множественной определенностью, они трансформируют движение и образуют условия, напротив, источник является локальным, неопределенным, сложным и не формализуемым целым, уводящим исследователя в бесконечность, в трансцендентальность. Источник действительного развития выражает целостность, поэтому его невозможно структурировать, он существует только как единство форм движения. Не восприняв источник, невозможно понять

действительное развитие, которое сберегает источник, сохраняет целостность. Определив источник развития, можно обозначить действительное развитие, отделить его от разрушающего целостность образования новых форм. Выделение источника из многообразия форм представляет не обобщение, а проникновение в природу развития. Официальная наука исследует формы, открывает законы трансформации, однако великие мыслители стремились к раскрытию источника и природы развития. Именно об этой непередаваемой словом истине тоскуют их сомневающиеся души.

Действительное развитие страны, конечно, должно соответствовать природе народного духа, способствовать его духовной мощи. Источник такого развития, конечно, связан с жизнедеятельностью народа, с *целесообразной* чувственно-практической хозяйственной деятельностью. Однако, планируя будущее России, на подобные мудрствования внимания не обращают, а говорят об экономическом прогрессе. Он представляется действительным, истинным развитием, а рост материального благосостояния — синонимом человеческого счастья. Прогресс видят в новых технологиях, а будущее представляется новой цивилизацией, порожденной инновационной экономикой. Между тем природа этой экономики покрыта тайной. Созидательное разрушение, присущее инновационной экономике, все больше походит на разрушение по существу, осуществляемое посредством новых технологий, инноваций.

Уважаемый читатель не задумывался, почему взрослеющий человек официально не получает новое имя? — Ведь он становится другим, совсем не похожим на себя прежнего. Да и бюрократам хорошо — плати деньги за документы на новое имя. — Так нет, от рождения до смерти, и даже потом — в памяти людей, носить человеку старое имя, не переносить. И это правильно! Людям важен жизненный путь человека, а не только внешние изменения.

Совсем иначе обстоят дела в современной экономической науке, когда речь заходит об экономике. Порой складывается ощущение, что даже прыща, вскочившего на экономическом лице, достаточно для переименования этого лица. Вот, например, инновационная экономика. Современная экономика инновационна! Создается впечатление, что раньше или инноваций не было, или они такой роли не играли. Попробуем не поверить, и рассмотрим, например, инновации XVIII в. В 1768 г. в Англии была создана первая механическая прядильная машина Аркрайта, а в 1786 г. Картрайт изобрел механический ткацкий станок. Подведем краткий итог внедрения этих изобретений вслед за Розой Люксембург, которая и рассказала эту поучительную историю [1, 36 — 40]. Внедрение изобретений привело к расцвету торговли африканскими рабами на юге США, обеспечивавшем инновационные отрасли промышленности сырьем, а затем к Гражданской войне в этой стране. В Индии инновации вызвали замещение рисовых полей хлопковыми плантациями, приведшее к голодной смерти более миллиона человек. В Египте они привели к хлопковой авантюре, развалившей крестьянские хозяйства, и к оккупации страны английскими войсками и т. д. За 140 лет две инновации XVIII в. на пяти частях света изменили судьбы миллионов людей в разных странах. Это была настоящая *реальная глобализация, основанная на инновациях в центре этой глобализации*. Глобализирующую миры экономику вскоре назвали *капиталистической*.

Многим кажется, что современная экономика иная, поскольку основана на знаниях, на квалифицированной умственной работе в офисах и т. д. Да и капитал в ней другой — *человеческий*, почти ручной, белый, пушистый, если

что и развивающий, то только потенциал человека. Так ведь и та экономика основывалась на знаниях и умственной работе определенного круга людей, способствовала их благосостоянию, хотя «узок слой этих людей, страшно далеки они от народа» — от тех, кто подобно африканским рабам помимо своей воли вовлекался в экономическую капиталистическую глобализацию. К сожалению, экономический прогресс и рост благосостояния всегда требовали жертв. Так и шло развитие капиталистического производства: создавались и освобождались колонии, менялся образ жизни людей. «Узкий слой» разросся до «золотого миллиарда», и население целых стран связало свою судьбу со службой Капиталу, получая от этого дивиденды. Между экономическим центром, глобализирующим миры посредством новых знаний и инноваций, и территориями, подвергаемыми глобализации, продолжается капиталистическое перераспределение доходов, стимулирующее рост производительности.

Современная инновационная экономика — это все та же экономика, порожденная движением Капитала, только повзрослевшая, из шустрого сорванца превратившаяся в солидного стареющего джентльмена. Внешние изменения не должны вводить в заблуждение, те же периодические кризисы каждый раз подтверждают, что из средства удовлетворения общечеловеческих потребностей экономика превратилась в самоцель. Это значит, что глобальная экономика порождена Капиталом, господствующей силой, формирующей потребности, мотивы и интересы в соответствии со своей природой.

Осознавая недостаточность любой самой современной и самой инновационной экономики, русские мыслители вновь приходят к спасительной идее хозяйства. При этом, как правило, экономику сводят к экономическим отношениям — возмездным отношениям или, по существу, эквивалентным отношениям обмена. Это предполагает их дополнение отношениями, необходимыми для *жизнедеятельности*, хозяйственными отношениями. В отличие от экономических отношений, хозяйственные отношения рассматриваются широко, включают все сферы жизни. Однако при таком подходе экономика и хозяйство едины, экономика дополняется хозяйством, и никакого антагонизма между ними нет. Они сосуществуют как близнецы-братья, а ощущаемый в нашей жизни антагонизм видится в чем-то другом, например, в противостоянии России и Запада, или русской мысли и экономикса и т. п.

Рассуждая об универсальности экономики, эрудированный экономист обязательно обратится к Аристотелю. У него экономика прямо не связана с денежными отношениями, изучаемыми хрематистикой. Экономику Аристотеля многие понимают как натуральное хозяйство. В связи с этим не понятно, зачем нужно понятие *хозяйство*, достаточно экономики в широком смысле. Тем более что *хозяйство* существует только в русской мысли, а поскольку наука наднациональна, оно кажется литературным излишеством.

Постараемся выяснить, что *хозяйство* выражает такое, чего нет в экономике, даже в ее Аристотелевском понимании. У Аристотеля речь идет об экономии в дому рабовладельца, внутри дома. Изучением связей с природой, со средой обитания, по мнению древнегреческих ученых, должна заниматься не экономика, а другая наука, которая в наше время называется экологией. Экономика у Аристотеля существует отдельно от экологии, и в этом видится коренное различие экономики и хозяйства. Хозяйство выражает как раз единство с природой. Оно осуществляется на территории и не сводится к домоводству. Хозяйство предполагает любовь к земле, единство с природой, территорией, на которой происходит хозяйствование. Если же речь идет о домашнем хозяйстве, то не только в доме, но и на территории вокруг дома. И эта терри-

тория широка, поскольку хозяйствование по своей сути является безотходным, экологичным. Экономика же включает деятельность, отчужденную от природы, от земли, и поэтому создает экологические проблемы и экологию как науку — со своим предметом. В существовании экономики и экологии выражена противоположность экономики и хозяйства.

Типичным примером хозяйства в России было общинное крестьянское хозяйство. Единство с природой выражается в восприятии человеком территории хозяйства как Родины, как места, где у человека *рождается* душа. Человек в хозяйстве ощущает на уровне подкорки, что земля наделяет его душой, и иначе относится к природе. Только у отчужденного от земли человека возникает мысль, что не стоит ждать милостей от природы, а необходимо взять все знанием и силой, инновациями. Родина в сознании такого человека отделена от природы и сводится к отношениям людей, становится, например, социалистической родиной. Патриотизм как любовь к родине в отчужденном от природы сознании становится средством, идеологией, орудием борьбы.

Основоположник философии хозяйства С.Н. Булгаков ясно сознавал, что главная проблема современности, проблема, не решаемая экономикой, это проблема «о человеке в природе и о природе в человеке». В напутствие к «Философии хозяйства», «как выражение пафоса и устремления» этой книги, он привел пророческие слова из «Бесов» Ф.М. Достоевского: «Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Любовью к родной земле пронизана вся философия хозяйства Булгакова. Поэтому хозяйство не сводится к отношениям между людьми — как, собственно, и экономика, поскольку в основание экономики положено отчуждение от природы, необходимо рассматривать также природу в человеке и его связь с природой.

В русском языке точно выражено различие деятельности человека в хозяйстве и в экономике, хотя русская мысль не обращает на это должного внимания. Что человек делает в хозяйстве? Например, в крестьянском хозяйстве? — Он создает семью, строит дом, растит детей; он трудится на земле: выращивает хлеб, собирает урожай, ведет хозяйство. Во всем видна созидательная сущность различных видов труда, соединенных в единое целое — хозяйство, стержнем чего является родовая жизнь человека. А как человек действует в экономике? — Он *производит* — т. е. за что-то более важное *изводит* прежде всего себя. — Существует заблуждение, что *производство и труд близкие понятия*. В действительности в хозяйстве человек трудился, созидал, но *не производил*, а производство развивается только с отчуждением от природы, в экономике, и связано с отчуждением человека от труда, его превращением в работу, в средство существования. Производит, работает не только человек — машины, силы природы также производят, а в инновационной экономике даже больше человека.

Атрибутом процесса труда является целесообразность, которая связывает труд с родовой жизнью в хозяйстве. Целесообразность труда совмещает удовлетворение действительных потребностей посредством создания орудий труда с развитием духовного богатства, жизненного потенциала человека. Целесообразность труда *естественна*, она не является продуктом абстрактного сознания, обособленного от чувственно-практической деятельности. Функции сознания рождаются в труде как целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности, вплетены в нее, поэтому они развивают духовный мир человека, а не ограничивают его абстрактными догма-

ми. В силу целесообразности многообразия видов труда в хозяйстве человеческий род развивался.

Понимание природы труда осложнено отождествлением процесса труда с его моментом. Под трудом обычно понимают воздействие орудия труда на предмет. Однако в действительности это только момент труда, работа. Трудом же является целесообразная деятельность в хозяйстве, например, строительство дома с целью создания семьи, рождения и воспитания детей. Трудом является также одомашнивание животных, которые были главными орудиями труда в хозяйстве, выведение культурных растений, выращивание урожая и т. п. Занимаясь трудом, человек, конечно, воздействует орудием на предмет. Эти действия и принято ошибочно считать трудом, хотя в действительности они являются лишь его моментом, работой.

Отождествление труда с работой укрепилось потому, что в экономике моменты труда приобрели самостоятельность в результате *разделения труда*, а наемный работник только работает. Важность разделения труда для прогресса экономики отметил Адам Смит. Его исследование о природе экономического богатства начинается главой о разделении труда. Понимание разделения труда и сегодня определяет характеристика Смита, который утверждал, что величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с которыми он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Смит анализировал мануфактуру, где процесс труда был *разделен* на операции, что буквально и означает «разделение труда». Специализация работников на операциях явилась важнейшим средством повышения производительности. Смит отмечал *глубину* разделения труда, но не отделил основанного на разложении хозяйства разделения труда, порождающего специализацию человека, от образования новых видов труда как целесообразной чувственно-практической деятельности в хозяйстве. В действительности *разделение труда*, что следует из самого сочетания слов, ведет к разрушению целесообразности труда для человека, разложению труда на умственную или физическую работу. Труд, который в хозяйстве был главной жизненной потребностью, соответствующей природе человека, в мануфактуре оформился в работу как средство существования. Совершался многогранный всесторонний процесс отчуждения труда от человека, разрушения хозяйства как источника, разрушение его высшего смысла, философии.

Труд как чувственно-практическая целесообразная хозяйственная деятельность, связанная с производством орудий труда, был *действительным источником* развития человеческого вида и главной потребностью человека, соответствующей человеческой природе, создающей духовный мир человека. Труд в хозяйстве соединял человека с природой, которую Маркс назвал «неорганическим телом человека». Отчуждение от природы, порождающее экономику, разрушает связь человека с его неорганическим телом, с его землей, Родиной и имеет для души человека необратимые последствия.

Труд не является просто источником материальных благ, наподобие производства. Отчуждение от труда, изменения в его целесообразности разрушают человеческую душу, его родовую сущность. При анализе природы любой экономики следует, прежде всего, учесть особую роль изменений в процессе труда. Разделение труда в мануфактуре привело к появлению совокупного работника, волю и сознание которого выражал владелец мануфактуры — капиталист. Возникла *капиталистическая кооперация*. В развивающемся таким образом капиталистическом способе производства каждый ра-

ботник подчинен совокупному работнику и капиталисту как неотъемлемой его части. Возник основанный на разрушении целесообразности труда новый феномен — капитал. В капиталистической кооперации деятельность приобретает *экономическую целесообразность*, основанную на абсолютизации роста производительности. Хозяйство как источник духовного развития человека, стало жертвой роста производительности труда, чувственно-практическая деятельность человека превратилась в средство существования, в работу, которую лучше человека выполняют машины.

Трактовка Смитом разделения труда как естественного явления, не связанного с капиталом, смешивание им разделения труда и сложной кооперации, отождествление труда и работы отразились в современном признании разделения труда как естественного явления, соответствующего природе человека. Хотя именно общественное разделение труда привело к разрушению хозяйства и развитию капиталистической экономики.

В *капиталистической* кооперации целесообразность труда исчезла. Работа не является чувственно-практической хозяйственной деятельностью, развивающей духовный мир человека сообразно его природе. Возникает иная целесообразность производственной деятельности — *экономическая*, абсолютизирующая рост производительности. Возникает цель, сообразная с ростом экономической эффективности производства, прибыли. Некоторые моменты труда *распределены* между работниками, другие — между работниками и предпринимателями.

Разделение труда резко увеличило производительность, но разрушило хозяйственную целесообразность, превратило деятельность человека в работу, в средство существования, укрепило *отчуждение труда от человека*. Процесс индустриализации усилил взаимосвязь и взаимообусловленность отчуждения и разделения труда, завершалось разрушение действительного источника развития человека, традиционного жизненного уклада народа.

Процесс разложения хозяйства и отчуждения труда развивался одновременно во многих взаимосвязанных направлениях. Природа как естественное тело человека, как среда, в которой человек хозяйствовал и поэтому жил, отчуждается от него. Продукт труда превратился в отчужденный от людей товар, производимый для продажи. Натуральное хозяйство превратилось в капиталистическую экономику. Индустриализация разрушила окружающую человека природу, его неорганическое тело. Разрушение единства с природой проявляется в росте городов, появлении неосваиваемых отходов, изменении жизненной среды, нарастании экологических противоречий и угрозе экологических катастроф. Отчуждение труда, превращение жизнедеятельности в работу породили отчуждение человека от народа, его обездушивание. Разрушились родовые связи и патриархальная семья, хозяйствование которой обеспечивало развитие человека. Разрушение родовых связей выразилось в появлении зависимости человека от чуждых ему традиций патриархальной семьи и народа и последующего освобождения от них. Это привело к утрате человеком совести, падению нравственности и изменению государства, обретению человеком демократических прав и свобод.

В экономической теории отчуждение выразилось в появлении «экономического человека», являющегося изолированным центром принятия рациональных решений в экономике, свободных от нравственности. Именно отчуждение играет решающую роль в присвоении экономическим человеком имущества и возникновении собственности. В условиях отчуждения эконо-

мический человек, присваивая товары, становится их собственником. На базе отчуждения возникает феномен собственности.

Разделение труда разрушает духовную природу человека, его внутреннее единство с народом и родом, поскольку деятельность человека утратила целесообразность, превратилась в работу. В результате специфического профессионального характера своей деятельности промышленные рабочие порождают всестороннее отчуждение. Сущность данного процесса — как *отчуждения* — выражается, с одной стороны, в *освобождении* работника от личной зависимости, в освобождении общества от подчинения силам природы в результате развития производительности капиталистического способа производства; с другой — в подчинении общества *капиталу*, естественному продукту общественного разделения труда. Капитал господствует через создаваемую систему общественного разделения труда над каждым человеком и разрушает его духовный мир, совесть и нравственность. Развитие капитала является продуктом разрушения хозяйства, разложения действительного источника развития, и разделения труда.

Хозяйство как симбиоз видов труда создало духовный мир человека. Разложение хозяйства в результате отчуждения от природы разрушает человека. Экономика основана на отчуждении человека от природы и от самого себя и порождает силы, господствующие над человеком. Капиталистическая сущность экономики проявляется в ее воздействии на душу человека. Только кажется, что рост благосостояния принципиально изменил природу современной инновационной экономики. Любая самая современная экономика по своей природе лишь капиталистическая экономика, поскольку экономический прогресс порождает разрушение человеческой природы. В производстве человек изводит себя ради вещественного богатства, изводит свою «бессмертную душу». Русские пока еще не говорят: человек производит детей, производит семью, производит хлеб, производит сад; мы говорим «человек создает или выращивает», и в этом выражается глубокий внутренний смысл, проявляется антагонизм между хозяйством и экономикой в их воздействии на человеческую душу. Деятельность человека в хозяйстве хоть и трудна — душа обязана трудиться — но не изводит человека, поскольку человек живет трудом в единстве с природой и народом, в мире со своей душой. Живет так, как положено ему жить по его природе. Хозяйство создает человека.

Различная природа деятельности людей порождает и различие отношений между ними. В хозяйстве люди связаны родовыми связями, общей Родиной и образуют не только общину, не столько общество, сколько народ. В любой экономике люди образуют общество отчужденных людей, гражданское общество. Отчуждение от природы приводит к образованию городов, антиприродных образований, а горожане становятся гражданами. Гражданское общество и народ также антагонистичны по своему воздействию на человеческую душу, как экономика и хозяйство. Как учит история, гражданское общество является последней стадией жизни народа. Достаточно посмотреть на этапы жизни народов Древней Греции или Древнего Рима. Гражданское общество утрачивает духовную мощь, и цивилизация не может противостоять варварам. В городах дух народа умирает, народ превращается в демос, в социум. Рождается атеизм. При этом все усиленно ищут бога вне себя, задают странный вопрос: есть ли Бог? Сомнения преодолеваются волевым усилием, верой. Но если в Бога надо верить усилием воли, значит объективно, в самом человеке, Бога уже нет.

В экономике человек ищет Бога вне себя, во многом из-за отчуждения от Родины и Народа, отчуждения, порождающего разложение народного духа и человеческой души. Вопрос же о существовании Бога вне народного духа абсурден. В гражданском обществе объективно Бога нет. Непонимание этого выражается в странном вопросе о вере в Бога, хотя обыденному сознанию этот вопрос кажется фундаментальным. Научная формулировка проблемы онтологического существования Бога иная: есть ли Бог в человеке, продолжается ли в нем жизнь народа. А это объективно, и определяет субъективное восприятие человеком окружающего мира, его знание истины.

Отчуждение от природы, переход к городскому образу жизни, подрывает дух народа, нарушает его нормальное развитие. Анализ процесса отчуждения и разделения труда и разложения хозяйства дает объективный научный ответ на вопрос, который нерационально сводится только к вере. Философия хозяйства, как полагал С.Н. Булгаков, должна рационально отвечать на вопрос о рождении в человеке души, об онтологическом существовании Бога. Для человека величайшая радость, если у него есть сыра земля, если он может на ней хозяйствовать, поскольку эта сырая земля, природа — Родина, которая рождает в человеке Божью душу, является Богородицей.

Судьба России связана с хозяйством и его философией. Философия хозяйства в том, что в хозяйстве у человека рождается душа. По воздействию на человека хозяйство принципиально отличается от экономики, самой что ни на есть постиндустриальной и инновационной, поэтому хозяйство и обладает философией, высшим духовным смыслом.

Литература

1.*Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. М.; Л., 1931.

Раздел I.....5
Концептуальные ресурсы модернизации.....5
Ю.М. Осипов.....5
Самоутверждение России в модернизационном ключе Тезисы.....5
А.Ю. Архипов.....9
Самоутверждение России: императивы и перспективы.....9
А.В. Бузгалин.....13
Субъект реализации стратегии опережающего развития. Россия и глобальный контекст.....13
Н.Б. Шулевский.....21
Блеф и нищета инноваций.....21
М.В. Леонтьев.....30
Парадоксы модернизации.....30
А.И. Субетто.....31
Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества.....31
В.В. Чекмарев.....39
Мир нашего завтра.....39
О.В. Доброчеев, Т.Н. Шелегина.....44
Глобальные и региональные волны экономического развития.....44
В.В. Ильин.....48
От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира».....48
С.В. Синяков.....54
Роль сознания в экономическом действии.....54
Д.Ю. Миропольский.....64
Эффекты мобилизации и стимуляции в неустойчивых хозяйственных системах.....64
П.П. Жуликов.....73
Философия хозяйства как матрица развития современной экономики.....73
Е.В. Шелкопляс.....81

Новые реальности софиологии в России.....81
В.Я. Иохин.....87
О модернизации.....87
Р.Е. Соколов.....95
Современная каноническая философия хозяйства как идеология серединного пути между капитализмом и социализмом.....95
Т.Н. Юдина.....100
Новые дискурсы экономической системы (альфа и омега).....100
В.В. Броницкая.....103
Свободное духовное производство как условие социально-экономического развития.....103
Т.В. Воеводина.....106
Осмысление опыта реального социализма как фактор выхода из кризиса.....106
Т.В. Кузнецова.....114
Народное и национальное в эпоху индустриальной модернизации.....114
В. Лучински.....122
Глобальное заражение эпохи глобализации.....122
М.А. Вахтина.....131
Проблемы модернизации в аспекте эволюции модели экономического человека.....131
И.И. Рудяк.....137
Микроэстетика как самостоятельная наука: Россия — глубина постижения.....137
А.Ф. Зверев.....145
Гуманитарный капитал как общественное благо глобального масштаба.....145
Ю.Н. Сенчина.....148
Пробуждение русского духа: альтернативный взгляд на движущие силы исторического процесса 148
(что нам открыл лингвистический поворот как эпохальное событие планетарного масштаба)....148

А.Д. Зарецкий, Т.Е. Иванова.....153
Интенция экономической теории и социальной политики трансформировать и модернизировать общество 153
Р.А. Кучуков.....164
Усиление государственного сектора — определяющий фактор модернизации экономики 164
С.Т. Махаматова 172
Особенности интеллектуального капитала в контексте глобализации 172
А.С. Поважный, Н.С. Диденко 175
Методологические аспекты эффективных социальных коммуникаций между органами власти и гражданами в условиях сетевого общества 175
А.В. Савка.....180
Национальная идея И.А. Ильина и современность 180
В.Н. Иванова 186
Динамическая модель инновационного развития 186
И.В. Пшеницын.....192
Судьба России.....192

Раздел II

Модернизация российской экономики

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Стратегии опережающего развития российской экономики

Совсем недавно в нашей стране был колоссальный профицит бюджета, и в федеральной системе управления бытовало мнение, согласно которому тратить деньги некуда, нет проектов, нет очевидных направлений для инвестиций. И сотни миллиардов долларов уходили в финансовую пирамиду ипотечных бумаг. Затем они обесценились, сейчас же частично возвращены с небольшой номинальной прибылью. Таким образом, момент, когда можно было сделать структурный маневр в экономике и воспользоваться переходной ситуацией между двумя длинными кондратьевскими волнами, был безвозвратно упущен.

Сейчас завершается эта переходная ситуация, и страны, которые своевременно создали технологические заделы для плавного перехода на очередную длинную волну экономического развития, демонстрируют высокие устойчивые темпы экономического роста. При этом кризис практически не затронул Китай, экономика которого развивается с темпом 7—8% в год, и Индию, которая правильно выстраивает приоритеты. Китай, обладая системами стратегического планирования, сумел не только заместить падение внешнего спроса на расширение внутреннего, но и самое главное — правильно выбрать приоритеты долгосрочной политики развития, продолжая успешно развиваться благодаря заранее сделанным инвестициям, в том числе и в области высоких технологий.

В России же момент безвозвратно упущен, и хотя определенные заделы и возможности есть, новая волна нарастает, и войти в нее становится все сложнее. Россия от мирового кризиса пострадала больше всех. Объективно темпы падения промышленного производства и инвестиций в России больше, чем в любой из стран «двадцатки». У России в период острой фазы кризиса были самые плохие показатели — где-то 8% ВВП и 40% по машиностроению.

Этот кризис является структурным кризисом, который опосредует смену технологических укладов, лежащих в основе длинных волн экономического развития. Сегодня уже можно констатировать, что финансовые пузыри, падение внешней торговли практически на треть и падение инвестиционной активности — все это достаточно хорошо прогнозируемо, если опираться на теорию длинных волн и представления о технологических укладах. И это предвидели и предсказывали некоторые наши ученые, и писали об этом за несколько лет до кризиса.

Можно считать установленным фактом, что период, когда очередной технологический уклад достигает пределов роста, возникает сильная инерция экономической структуры. Она как бы закостеневает, что позволяет монополистам взвинчивать цены — идет резкий всплеск цен на энергоносители — и это в свою очередь существенно меняет структуру экономических оценок.

Значительная часть производств, которые раньше приносили доходы, становятся убыточными. Происходит отток капитала из реального сектора, в котором перспектива развития становится туманной, в сферу финансовых спекуляций.

Это порождает финансовую пирамиду, и со временем, после того как инвесторы нащупывают основные направления нового технологического уклада, капитал, оставшийся после лопнувших пузырей, вкладывается в эти новейшие производства и со временем возникают новые локомотивы экономического развития, которые вытаскивают экономику на новую длинную волну экономического развития.

Существует довольно много публикаций, в которых этот процесс рассматривается с разных сторон, а также описывается будущая структура экономики. Эта структура вполне понятна, у всех на слуху такие термины, как нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии — вот, собственно, набор этих технологий в разных сочетаниях и образует ядро нового технологического уклада, которое растет с темпом в среднем 35% в год.

При этом по некоторым направлениям идет даже удвоение объемов производства ежегодно, таких как, скажем, методы клеточной медицины в здравоохранении или производство нанопорошков. Можно много приводить примеров. Мы наблюдаем взрывной рост по ценам в этом направлении формирования нового технологического уклада, при этом вес его сегодня в экономике развитых стран относительно невелик — примерно от 3 до 5% от валового продукта. Но этот уклад носит всепроникающий характер, и там, где этот ключевой фактор применяется, достигается взрывной рост эффективности производства. Классическими примерами можно считать появление светодиодов, где достигается повышение эффективности излучения света примерно на два порядка, т. е. почти в 100 раз. Можно говорить и о нанопокрытиях, где эффективность лакокрасочных материалов на порядок увеличивается, износостойкость металлов также поднимается в разы.

Итак, проникновение нового технологического фактора вызывает качественные изменения в плане повышения эффективности производства. Появляются новые направления развития, потому что само по себе повышение эффективности традиционных направлений большого роста не даст. Такие, например, как солнечная энергетика, в которой применение нанотехнологий позволяет поднять эффективность генерации электроэнергии до уровня тепловых электростанций.

Другим крупным революционным направлением является клеточная технология в медицине. Она позволяет заменить дорогостоящие методы лечения, которые не давали хороших результатов и требовали больших затрат. Сегодня с помощью клеточных технологий многие болезни могут излечиваться гораздо быстрее. Классическим примером является использование стволовых клеток в разнообразных местах. Этот комплекс, образующий ядро нового технологического уклада, хоть и не велик по объему, но его взрывной рост и всепроникающий характер дадут, несомненно, большой экономический эффект уже в обозримом будущем. У нас есть прогнозы примерно на 5—10 лет вперед, и можно констатировать, что через 3—5 лет ведущие страны мира выйдут на новую длинную волну экономического развития, и этот комплекс технологий позволит иметь 20 лет устойчивого экономического роста.

К сожалению, имея примерно триллион долларов, полученный за счет сверхприбыли экспорта нефти и газа, мы упустили свои возможности. Трил-

лионы долларов, которыми государство не смогло распорядиться должным образом, ушли, что называется, в «трубу». Это очень печально, поскольку именно в периоды смены технологических укладов для отстающих стран возникает уникальная возможность для рывка. Эти страны здесь имеют преимущество — они не сталкиваются с кризисом перенакопления капитала в отстающих производствах. К концу 1990 гг. советская экономика фактически была выжата как лимон, а мы же ее последние годы благополучно проедали.

Воспроизводства основного капитала практически не было. Обновление фондов у нас шло с отставанием раз в пять от их амортизации, т. е. фактически проедался тот потенциал, который был создан в советское время.

Но в то же время, благодаря довольно высокой норме сбережения — до кризиса норма сбережения все время была под 30%, были возможности примерно втрое поднять норму накопления. В переходный момент у государства для этого были все инструменты. В то время удалось наконец убедить наши власти, что нужно забирать у олигархов природную ренту. Правительством Примакова были восстановлены экспортные пошлины, затем введен налог на добычу полезных ископаемых. И именно государство аккумулировало у себя триллион нефтедолларов, который при инвестициях в ключевые технологии нового технологического уклада мог бы обеспечить колоссальный эффект.

Вот этого не было сделано — мы потеряли за эти годы примерно три четверти выпускников наших вузов, МГУ, аспирантуры МГУ: где-то 30—50 тыс. ежегодно уезжает за рубеж. Это колоссальные потери интеллектуального капитала. Особенно огорчает, что многие достижения нового технологического уклада сегодня реализуются за границей силами наших специалистов.

Можно много приводить аналогичных примеров из области и информационных технологий, и молекулярной биологии. Всего этого можно было избежать — но, к сожалению, это сделано не было, и теперь мы стоим перед дилеммой: либо окончательно превратиться в сырьевую державу, которая будет обеспечивать Китай и Европу энергоносителем и сырьем, либо, учитывая, что процесс формирования нового технологического уклада еще не завершен, совершить рывок или хотя бы начать двигаться в этом направлении.

Надо сказать, что окно возможностей для стран, которые отстают, по времени составляет примерно 5—7 лет, ну, может быть, 10, поскольку с формированием нового технологического уклада быстро растет капиталоемкость составляющих его производств. Скажем, если производство интегральных схем наноуровня лет 5 назад стоило 50 млн дол. (строительство нанофабрики), то сейчас это 500 млн дол., через 5 лет это будут уже миллиарды. Капиталоемкость растет по экспоненте, и те, кто первыми выходят на новую технологическую траекторию, получают колоссальное преимущество, колоссальную сверхприбыль. За счет технологических преимуществ финансируется дальнейшее развитие, а те, кто входят в новую траекторию в фазе зрелости, тратят огромные инвестиции, и при этом не имеют гарантий сработать на опережение.

В высоких технологиях примерно 80% инвестиций — это НИОКР, поэтому здесь мало купить оборудование, нужно еще иметь кадры и много того, что просто так не купишь на рынке. Сейчас, если сравнивать разные направления для стратегических инвестиций в развитие, можно привести такой пример, что, если страна ставит перед собой задачу построить современное производство прошлого технологического уклада, скажем, автомобилестроения,

то необходимо потратить на это примерно 40—50 млрд дол. — это технологический уклад, который созрел еще в 1950-е гг.

Прошлый уклад связан с микроэлектроникой — для того, чтобы его освоить, нужно несколько миллиардов долларов на производство заказных интегральных схем. А для нового уклада характерно то, что, если у нас есть коллектив хороших генетиков, инженеров, которые умеют подбирать молекулы, есть хорошая база для подбора этих молекул, то, потратив несколько миллионов долларов, через 5 лет можно получить хорошую корпорацию. Правда, это вопрос системных усилий научных сотрудников и инженеров.

Таким образом, на разных фазах формирования технологической траектории требуются совершенно разные затраты. Если вы выйдете на нее на начальном этапе, то дальше вы уже на волне будете лететь впереди всех, получая огромные сверхприбыли. Я уже говорил о той сравнительной эффективности, которую мы имеем благодаря внедрению принципиально новых технологий нового уклада, что повышает эффективность в десятки раз.

Сейчас еще сохраняются определенные возможности в ряде ключевых направлений роста технологического уклада, например, мы входим в небольшую группу стран, которые способны производить светодиоды. В Зеленограде создано производство, одно из крупнейших в мире, по зондовым микроскопам, а производство зондовых микроскопов — это ключевое средство производства для всех этих технологий. Есть большие заделы в атомной промышленности, ракетно-космической сфере, производстве лазерных технологий. Международный опыт говорит о том, что если хотя бы 5—6 направлений страна способна освоить, то этого достаточно для того, чтобы «поймать» новую длинную волну экономического развития. Но беда в том, что современная система управления, которая у нас сложилась, не способна реализовать такого рода задачи. Она ориентирована на экспорт сырья. Обладая огромными деньгами, люди, управляющие экспортом сырья, не сумели предвидеть финансовую катастрофу. Большие деньги, видимо, атрофируют мозги, никто из олигархов не сумел вовремя сделать маневр своими капиталами для того, чтобы вывести их из кризиса. В итоге за все пришлось платить государству.

И вот обратите внимание, что произошло у нас в этот момент в системе управления. Осенью 2008 г. принимается долгосрочная программа развития России. Программа эта написана в правильном ключе, там поставлены амбициозные задачи, например, повышение производительности труда в 4 раза к 2020 г., отработана стратегия развития отраслей. Любопытно, что она была утверждена как раз в острой фазе кризиса — это был октябрь 2008 г.

И в то же время принимается антикризисная программа, она обошлась государству в 40% ВВП. И куда же эти 40% ВВП были направлены?

1. Пакет мер по спасению банковской системы — по сути это деньги, которые государство фактически подарило олигархам. Банковская система получила порядка 2 трлн р., и, несмотря на то, что им необходимо было вкладывать деньги в реальный сектор и спасать экономику, они же большую часть денег вложили в спекуляцию против рубля, т. е сыграли против той финансовой системы, которая выдала им эти деньги. На этом банкиры заработали более 300 млрд р. В промышленность, в реальный сектор денег практически не поступило, при этом некоторые банки эти деньги возвращать и не собираются.

Возникает вопрос, каким же образом принимаются правильные решения с видением долгосрочного развития страны, но под эти решения денег не выделяется вообще. И в то же время громадные суммы, вопреки этим реше-

ниям, впрыскиваются в экономику. О чем это говорит? О том, что формирование экономической политики идет, прежде всего, под влиянием олигархических структур, которые руководствуются своими краткосрочными интересами и дальше своего носа не видят. Сидят на дорогих деньгах, в то время как необходимо их делать дешевыми, когда нужно — выкачивают из федерального резерва деньги. Заставили напечатать 2 трлн р. за два месяца. Иначе говоря, когда нужно, они как угодно манипулируют политикой. В то же время в стабильной ситуации они паразитируют на дорогих деньгах, имея их в огромном количестве. Сегодня в банковском секторе большой избыток ликвидности — и снова некуда девать деньги, и снова начинают заниматься спекуляциями. Государство в угоду им начинает строить новую финансовую пирамиду гособязательств под 8% годовых, тем самым закрывая возможность для перетока денег в реальный сектор. При такой системе управления никакая долгосрочная стратегия реализована быть не может — отсутствуют инструменты и мотивы.

2. Вторая часть антикризисной программы была сугубо социальна, но здесь возобладали кейнсианские представления, и, не сильно думая, решили проиндексировать зарплаты, пенсии. Россия оказалась единственной страной, которая решила направить деньги в социальную сферу, это в принципе неплохо. Но машиностроение, наука денег не получили, более того, ассигнования на науку сократились, и Россия оказалась единственной страной, которая в период кризиса сократила финансирование НИОКР. Иначе говоря, антикризисная программа никакой антикризисной не оказалась, в смысле создания предпосылок для дальнейшего экономического развития. И получается, что все разговоры про стратегию развития, про высокие технологии, про науку и образование и наше великое будущее это просто PR. В реальности же экономическая политика ведется в интересах финансовой олигархии, которая не очень умная, но очень жадная.

Поэтому рассчитывать на какие-то кардинальные изменения не стоит. Мы всегда можем рассчитывать на чудо, во всяком случае, у нас еще года 3—4 для маневра есть, и вопреки проводимой политике мы видим, что некоторые локальные экономические чудеса происходят. В общем, есть основания надеяться на то, что чудо все-таки произойдет.

С.Г. КАРА-МУРЗА

Аномия России — заслон модернизации

Забойным стало слово «модернизация». Слово многозначное, но что конкретно имеется в виду, нам не сообщили. Исходное его значение зловеще: модернизация — переделка страны по шаблону «модерна», т. е. Запада. Это всегда культурная травма и кризис, а для многих народов и геноцид. До 1960-х гг. говорили *вестернизация,* потом ввели эвфемизм *модернизация*, чтобы элита «третьего мира» не страдала.

В 1990-е гг. в России в связи с реформами оживился интерес к модернизации. Тогда смысл был понятен по делам Гайдара и Чубайса. Что же изменилось в доктрине сегодня? Поскольку «курс реформ неизме-

нен» — *ничего*. Продолжается вестернизация — имитация западных институтов.

Перенос в Россию самого худшего из богатого опыта США — типичное явление в культуре «компрадорской буржуазии». В принципе, модернизация несовместима с курсом реформ по определению, ибо их сутью является именно *демодернизация* России. В лучшем случае можно говорить о «модернизации анклавов» — островков модерна в море России, которая претерпевает *архаизацию* — утрату атрибутов современного хозяйства и быта. Это научный факт.

Но условимся, что слово неудачно, а замысел власти — обновление материально-технической базы и социальных технологий России при помощи инноваций. Конечно, и тут есть вопросы: каковы *критерии* отбора инноваций? кто их выбирает? в чьих интересах? В 1990-е гг. Россию очищали от промышленности и лишнего населения, потребляющих ценную нефть — проводили деиндустриализацию. А теперь зовут к модернизации! Трудно понять: власть хочет возродить науку России и снова начать *индустриализацию*? Надо же это объяснить. Модернизация чего, для кого и какими средствами?

Примем, однако, туманную абстрактную формулу: модернизация — *в общих национальных интересах*. Но ведь эта формула требует тотального преобразования страны — вот в чем проблема! Речь же идет о революции поглубже 1917 г. — та произошла на волне культурного подъема, а эта — на ветви деградации. За 1990-е гг. была разрушена вся система инновационного процесса — не деньгами он жив, а людьми. И была создана *система-антипод*. Преодолеть ее инерцию при нынешнем порядке в принципе невозможно.

Срочное восстановление необходимо во всех отраслях, прежде всего, в аграрных — иначе все средства будут «проедены» и поглощены авариями. Значит, модернизация должна пройти по всему фронту, совмещая восстановление с созданием «центров высоких технологий». Это возможно лишь при отсутствии «социальных страхов», на фоне общего улучшения жизни и оптимистических ожиданий.

Модернизация возможна только при духовном подъеме людей, соединенных в сложной, высокоорганизованной совместной работе. Ученый, инженер, рабочий, управленец должны иметь мотивацию высокого уровня, которую не заменить ни рублем, ни страхом. Действующие лица модернизации — не индивиды, а общности, собранные на особой матрице. Кризис потряс всю эту систему, в России продолжается *распад всех общностей* (кроме криминальных, которые питаются хаосом и растут). Попытки превратить «поднятые» реформой группы в ядро «нового» народа провалились. Эту роль не взяли на себя ни *новые русские*, ни *средний класс*. Ничего эпохального они не совершили, ничего от них и не ждут. Монумент им — «Чижик-пыжик». Поставим его в один ряд с «Рабочим и колхозницей» или «Воином-освободителем» — субъектами советской модернизации?

Прежде всего, в 1990-е гг. были ликвидированы общности — двигатели модернизации: промышленные рабочие (более половины) и научно-техническая интеллигенция. Были разрушены инструменты их *системной памяти*, необходимой для сплочения. Устранены системы социальных норм и санкций за их нарушение — правовых, материальных и моральных. Главный удар был нанесен по *кадровым* рабочим, по элите-носителю «габитуса» рабочего класса. Утрата общности *промышленных рабочих и ИТР* грозит выпадением России из числа индустриально развитых стран.

Аналогично складывалась судьба общности квалифицированных работников сельского хозяйства. В 2008 г. член Совета Федерации РФ С. Лисовский сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо же вдуматься в эти слова! Россия утратила 6 млн организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства — осталось менее 2 млн.

Быстро деградирует и другая ключевая в модернизации общность — *интеллигенция*. Она замещается — новым культурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. В 2008 г. высшее образование выпустило 746 тыс. «специалистов» гуманитарно-социального профиля и около 26 тыс. выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям. Численность научных работников в России сократилась в 2,5 раза. Кто же будет осуществлять модернизацию, если разрушены все звенья цепи и сама она распалась?

Углубляется культурный кризис. Признаки его — снижение квалификации работников, ориентация на «легкие» деньги, низкий престиж тяжелого непрерывного труда, всплеск потребительского индивидуализма, увлечение оккультными верованиями и мистикой, массовая преступность.

А со стороны государства и «собственников» — общая неприязнь к производству. И всей душой — к торговле, финансам и праву. С той «элитой» России, что поднялась на разрушении 1990-х гг. и, как говорили, «питается трупом убитого советского хозяйства», подвига модернизации не совершить.

Наше общество пережило тяжелую культурную травму и впало в *аномию* (букв. *беззаконие, безнормность*). Эту социальную болезнь Запад пережил в период становления буржуазного общества и распада системы общинных связей при трансформации человека в свободного индивида. Теперь переживает Россия в более тяжелых формах.

Если взять номера журнала «Социологические исследования» за двадцать лет и прочесть их все, видишь страшную, космическую картину распада человеческих связей и утраты норм. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС и события в станице Кущевской — два символа, которые отразили эту национальную трагедию. Обществоведение нынешней России может быть построено на изучении этих двух историй.

Перечислим некоторые истоки этого явления.

1. Реформа была основана на обмане, который потряс и оскорбил *всех*. Это был «момент гибели богов».

2. Реформа разрушила образ жизни *всех*. Расчленена «историческая Россия». Демонтировано народное хозяйство. Абсурд — и обеднение, и обогащение — стер системы координат и критерии различения добра и зла.

3. Реформа разрушила «социальное время», стерла память и образ будущего. Распалась цепь времен, разорвана связь поколений, страшно заводить детей и не очень хочется жить самим.

4. Реформа подняла наверх нравственных париев, отдала население в лапы «братвы», пропитала уголовной культурой все сферы бытия.

5. Реформа и ее идеологическая машина разожгли в молодежи несбыточные потребительские притязания, одновременно лишив ее легитимных способов их удовлетворения.

Симптомы аномии таковы.

Аномально высокий уровень преступности (особенно с применением насилия) и числа самоубийств. В 2008 г. от преступных посягательств пострадало

2,3 млн человек, из них 44 тыс. погибли (без покушения на убийство) и 48,5 тыс. получили тяжкий вред здоровью, зарегистрировано 280 тыс. грабежей и разбоев. Выявлено 1,26 млн лиц, совершивших преступления, в местах заключения пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Новые жертвы преступности, включая преступников, ежегодно исчисляются миллионами. Социолог-криминалист В.В. Кривошеев пишет: «Криминализация общества — это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный мир уже не находится на социальной обочине, он на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани».

Массовая жестокость и «страх перед жизнью», «мощная доминанта пессимизма в восприятии будущего России». Дети отвечают: «Боюсь, что не доживу 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют». В школе укоренился мат. Социологи объясняют: «В социуме, заполненном страхами, дети находят в мате защитный механизм, сдерживающий агрессию извне».

Смертность подростков в 3–5 раз выше, чем в европейских странах. 75% смертей — от травм и отравлений. Уровень самоубийств подростков в России самый высокий в мире, он более чем в 3 раза превышает средний мировой показатель. Уровень травматической смертности мужчин вчетверо выше, чем во Франции и США, и в 8 раз выше, чем в Великобритании.

Наблюдается неожиданное для российской культуры явление *геронтологического насилия*. Оно наблюдается во всех социальных слоях, четверть истязателей стариков имеет высшее образование.

Резкое сокращение временного диапазона жизненных планов. Неопределенность и дезорганизация жизни и отношений. «Кризис идентичности личности», постоянный стресс и массовые психические расстройства как важная причина роста заболеваемости. «Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных». 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий.

Все это подавляет в людях творческие импульсы. Да, модернизация необходима. Но сначала надо произвести реабилитацию всего общества, устранить источники социальных страхов и стрессов, успокоить людей. Происходит же обратное, нам все время пророчат социальные потрясения, от которых обывателю некуда спрятаться. В обществе задается очень высокий уровень нервозности. Для чего-то это надо, но на позитивной модернизации ставит крест.

Если всерьез говорить о модернизации, надо оценить и масштаб вызова, и наши возможности. И менять условия! Ведь порочные круги необходимо разрывать — как это ни трудно. Каждая попытка, вырождающаяся в болтовню, отравляет и так больной организм народа.

В.Т. РЯЗАНОВ

Циклы модернизации в России: реформы и контрреформы

Тема модернизации экономики возникла как реакция на масштабный экономический кризис 2008—2009 гг. В России она наиболее выразительно

была представлена в программной статье президента РФ Д.А. Медведева «Россия, вперед!» (сентябрь 2009 г.). В ней, в частности, констатировалось: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унизительной сырьевой зависимости». Их результатом стали «неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ». Позднее в Послании Федеральному Собранию (2009) модернизация определялась как способ «выживания нашей страны в современном мире». При этом само выдвижение программы модернизации в качестве содержательного объяснения целей экономического развития страны в будущем, видимо, связано с желанием найти некий аналог термину «реформы», но который продолжал бы саму реформационную линию и одновременно указывал на ее новые возможные ориентиры.

Интересно то, что президент США Б. Обама в послании конгрессу (январь 2011 г.) также провозгласил курс на модернизацию экономики и на развитие инноваций. По словам Обамы, иного пути у современной Америки — «энергозависимой, с устаревающей инфраструктурой — быть не может».

Провал либерального «модернизационного проекта» в РФ, произошедший в 1990-е гг., и его инерционное продолжение в экономике в начале нового века не должны снимать саму потребность в формулировании средне- и долгосрочных целей развития, отталкиваясь от предполагаемых параметров выстраиваемой экономической модели. Сам по себе такой подход оправдан. Тем не менее его терминологическая и содержательная трактовка вызывает ряд вопросов и требует более точной расшифровки.

Первый вопрос, который возникает, связан с использованием самого термина «модернизация». Будучи заимствованным, в современном русском языке он представлен в двух основных значениях, характеризуя «*улучшение*» и «*совершенствование*» чего-либо или выступая как «*осовременивание*», т. е. как способ встраивания в «современность», становясь, тем самым, символом новаторства и отказа от старого в хозяйствовании, в искусстве, архитектуре и т. п.

Второе, что следует особо подчеркнуть, — то, что в содержательном плане термин «модернизация» уже давно освоен в качестве ключевого в развитии соответствующего научного направления. Речь идет о теории модернизации, которая активно разрабатывалась на Западе во второй половине XX в. Если коротко, то ее суть сводится к обоснованию перехода от «традиционного» типа общества (преимущественно аграрного) к «современному» (индустриальному). Поэтому данная теория предназначалась для развивающихся стран, получивших политическую независимость и стоявших перед выбором капиталистического или социалистического пути развития. Вполне понятно, что процесс «осовременивания» трактовался в координатах перехода к западно-капиталистической модели экономики и общества, рассматриваемой как универсальная.

Из теории модернизации закономерно следует, что для периферийных стран, находящихся вне ареала западной цивилизации, наилучшие возможности обеспечивает воспроизведение уже отработанных схем и моделей общественно-экономического развития, хотя при этом не отрицается важность учета национальной специфики. Тем самым идеологический смысл данной теории понятен — в противоположность пессимистическим теориям развития в духе «заката Европы (Запада)» она предлагала другим странам оптимисти-

ческий сценарий. Именно на этой теоретической основе отрабатывались теории «догоняющего или запаздывающего развития», нацеленные на разработку практических рекомендаций в области стратегии общественно-экономического развития для стран, решающих задачи форсированного преодоления бедности и вхождения в процветающую зону мирового хозяйства. Следовательно, в своем первоначальном значении парадигма «модернизация» представляла собой аналог политики «вестернизации» с использованием стратегии «догоняющего развития», опирающейся на механизм воспроизведения (заимствования) существующих западных форм экономического и политического устройства.

Опыт «догоняющей модернизации», полученный на примере многих стран, показал ее принципиальную неспособность обеспечить благоприятные условия развития и конкурентные позиции в мировом хозяйстве в странах незападного цивилизационного ареала. Войти в «современность» оказалось делом непростым. Правда, можно обнаружить и отдельные примеры достаточно успешных модернизационных реформ, если под успехом понимать не просто утверждение рыночно-капиталистического типа индустриального хозяйства, но и преодоление экономического отставания, и вхождение в зону наиболее развитых стран мира. Речь идет прежде всего о странах Восточной Азии — Японии, Южной Кореи, Тайваня. В настоящее время приблизительно по такому же маршруту продвигается КНР. По-видимому, вполне закономерно, что ареал относительно успешных модернизационных проектов связан с одним и тем же регионом в мировом хозяйстве. В этом случае важно принимать во внимание — наряду с другими факторами — уникальную способность народов, их заселяющих, к творческому копированию как технико-технологических новаций, так и хозяйственных нововведений, при этом не разрушая свое цивилизационное пространство. (Стоит напомнить, что ранним девизом, с которого стартовало «японское экономическое чудо», был лозунг: «Делать тоже, но лучше».) Одновременно заметим, что достигнутые в недавнем прошлом впечатляющие успехи этих стран, особенно Японии, уже в начале нового века обернулись устойчивым застоем («потерянным десятилетием»). Не исключено, что в нем присутствует запоздалое следствие прошлого выбора.

Таков определенный международный контекст выдвигаемой на современном этапе идеи модернизации российской экономики. Возникает вопрос, что, собственно, сегодня в России понимается под своеобразной реанимацией старой теоретической конструкции с далеко нелучшими результатами, полученными при проведении реформ в большинстве стран незападного мира?

Если это еще одна попытка завершения либерального модернизационного проекта в нашей стране, пусть и с учетом определенной корректировки и с отказом от оголтелого отторжения отечественного опыта хозяйствования, то даже в случае «мягкой либерализации» ее, скорее всего, ждет такой же результат, как и прошлом. Если под выдвигаемой ныне модернизацией понимается другой стратегический замысел, то тогда важны его новые ориентиры. Пока о нем можно судить только по постановке достаточно общих и в целом бесспорных задач. Кто сегодня будет спорить о необходимости ухода от рентно-сырьевой модели экономического развития и о важности придания инновационности российской экономике? Потребность их решения очевидна. Важнее и значительно сложнее то, как эти задачи предполагается реализовывать. Во всяком случае, ясно, что только технократическими решениями, наподобие создания изолированных «зон инновационности», даже при щедрой

их финансовой подпитке, не обойтись. Так же как не решить поставленные задачи, если понимать модернизацию как «улучшение и совершенствование» созданной экономической модели и проводимой политики. Можно ли их усовершенствовать? Здесь требуется иной подход, ориентированный на изменение самих принципов проведения экономической реформы.

Кстати, обращаясь к «теории модернизации», о которой уже шла речь, обратим внимание на ее существенную трансформацию, произошедшую под влиянием приобретенного опыта. Ее можно рассматривать в контексте отказа от «догоняющей модернизации» в пользу «*органичной модернизации*», или «*модернизации на собственной основе*». В таком обновленном варианте она предполагает встраивание преобразовательной деятельности в сложившие общественно-хозяйственные структуры, не разрушая их органическую целостность, приспособление к поведенческим нормам, историческим традициям, национальной культуре и т. п. Такой вариант национально ориентированной модернизации дает реальный шанс на успех. На него и следовало бы ориентировать модернизационную стратегию развития экономики России в посткризисный период.

Такой разворот в преобразовательной деятельности еще более оправдан при обращении к историческому опыту реформирования в нашей стране. Дело в том, что процесс модернизации в России активно начался в XVIII в., если иметь в виду политические преобразования при Петре I, и он продолжился в следующем столетии, переместившись в сферу экономики[1]. Не случайно многие зарубежные и отечественные исследователи относят Россию к первой в мире развивающейся стране, которая начала модернизационные по своей природе реформы (см.: [1]).

Тем самым экономические реформы модернизационного типа в России вступили в третий век. Нынешняя волна модернизации может рассматриваться как пятая, а ее начало пришлось на середину 1980-х гг. Это свидетельствует о действии одного и того же постоянно воспроизводимого и глубинного социально-экономического механизма, который обусловлен целым комплексом ограничителей, факторов и условий развития (географическая среда и пространство, климат, изобилие ресурсов, геополитические условия, менталитет, традиции и т. д.).

В качестве примера выделим действие всего лишь одного фактора: огромности пространства страны. Его влияние связано с тем, что сама логика перехода к интенсивным факторам развития, которые как раз и закладывают объективное основание для утверждения рыночно-капиталистических отношений, определяется исчерпанностью факторов экстенсивного развития. В России же вплоть до сегодняшнего дня роль экстенсивных факторов и потребность в освоение огромного пространства остаются объективными факторами, ограничивающими возможность не только капитализации, но и даже маркетизации этого пространства.

Столь длительный период проведения постоянно возобновляемых экономических реформ дает повод трактовать социально-экономическую модернизацию в России как *гиперцикл*. То, что в нашей стране преобразова-

[1] Попутно отметим, что в 2011 г. исполняется 150 лет Крестьянской реформы в России. 19 февраля (3 марта) 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права, который позднее был оглашен в Прощеное воскресенье в Успенском соборе Кремля и в других соборах. Это реформа стала поворотным пунктом в общественно-экономическом развитии России.

тельная деятельность носит пульсирующий характер, возобновляясь с очередной сменой исторических декораций, в настоящее время приобретает новое качество. Ведь нынешнее бытие «современности» фактически утратило свойство устойчивости и четких своих параметров длительного действия, требуя перманентного обновления. «Общество модерна», переходящее в «постмодерн» — это не какое-то идеальное устоявшееся качество. Оно прибывает в процессе непрерывного изменения (реформирования), выступая как «никогда не завершающееся, вечная погоня за чем-то новым и бесконечное обновление самих себя по мере дальнейшего движения» [2].

Можно считать, что сегодня весь мир оказался в ситуации модернизации, особенно в связи с необходимостью преодоления последствий глубокого кризиса глобализации. Формированием такого глобального контекста «перманентной модернизации» не исчерпывается его специфика в России. Для истории ее общественно-экономического развития принципиальнее другое обстоятельство, связанное с ярко выраженной двухтактовой природой модернизационного процесса в виде чередования фаз реформ (15—20 лет) и фаз контрреформ (15—20 лет). Такое свойство инверсии указывает на то, что в российской экономике раз за разом активизируется модернизационный процесс, но попасть и закрепиться в «современности» ей не удается. Так же как не получается и создать устойчивый и самовоспроизводимый тип хозяйственного устройства. Экономика и общество России продолжают находиться в положении «исторического дрейфа» — поиска адекватной и работоспособной системы хозяйства.

В чем причины незавершенности рыночных преобразований российской экономики? Почему экономические реформы в России не просто исчерпывали себя, уходя в небытие, но и сменялись обратными волнами? Что ждет нынешнюю волну реформ?

Сформировалось два полюса в объяснении смены реформ контрреформами: либерально-западный и национально-почвеннический. В первом случае контрреформы определяются как отказ от «правильного (т. е. западного) пути развития» с выходом на неоптимальную траекторию общественно-экономического развития, в частности, из-за господства автократии и неудачи с созданием среднего класса. Отсюда вывод: для успеха реформы необходимости отказаться от «непохожести» и обеспечить окончательный слом исторически сложившегося цивилизационного устройства страны.

Вряд ли с такой трактовкой контрреформ и самого модернизационного процесса можно согласиться[2]. Сам уже более чем двухвековой период неудачных попыток слома российской цивилизации заставляет усомниться в ее обоснованности. Поэтому контрреформы следует рассматривать как свойство *самозащиты* системы, которая так реагирует на саму стратегию реформирования, противоречащую всей совокупности условий хозяйствования России. Это означает, что они выступают не как «антиреформы», а как потребность в выработке альтернативного пути осуществления преобразовательной деятельности. Если такой механизм самозащиты не срабатывает, то реформы могут завершаться антимодернизационным взрывом (революцией) или установлением репрессивно-диктаторского режима для силового продавления навязываемого обществу курса реформ. Международный опыт и отечественный опыт дают примеры как одного, так и другого варианта.

---

[2] Более подробно о реформах и контрреформах в России см.: [3, гл. 1, 2].

Если контрреформы выступают способом самозащиты общественно-экономической системы, то в таком случае причины их наступления связаны с выбранной политикой реформирования и ее осуществлением, а также с определенными типологическими характеристиками самих реформаторов как проводников модернизации. Иначе говоря, такие причины в первую очередь находятся внутри реформ, хотя этим и не отвергается важная роль внешнего воздействия на их проведения, которое по многим причинам не отличалось особым благоприятствованием[3].

Можно выделить определенный набор факторов, который действовал на протяжении всего гиперцикла модернизации, обусловливая общие причины неудач в осуществлении экономических реформ. К ним относятся:

- несопряженность либерального курса реформ с авторитарно-бюрократическими методами его осуществления;
- недостаточная «технологичность» реформы (с точки зрения начального механизма запуска, последовательности этапов, темпов, конечных и промежуточных этапов и т. п.);
- преобладающее значение в обосновании необходимости реформы внешних вызовов (опасности экономического отставания, ухудшение геополитического положения и т. п.);
- особенность менталитета российских реформаторов, связанная с их чрезмерной идеологичностью и неспособностью к поиску компромиссных решений, и одновременно со свойственной им особой нацеленностью на борьбу за власть и доминирование в политической жизни;
- ссужающаяся социальная база проведения реформ, что становилось закономерной реакцией большинства населения на ухудшающиеся условия жизни и растущее социальное расслоение по мере углубления реформ;
- недооценка предшествующего опыта экономического реформирования, что приводило к утрате преемственности в проводимой политике и т. д.

В итоге предлагаемые реформы не разрешали старые противоречия и одновременно рождали новые. Реформы запутывались в противоречиях, теряя свой стимулирующий потенциал и привлекательность в глазах общества.

Насколько недостатки такого плана в реформационном процессе характерны для современного этапа?

Как представляется, в значительной мере они присутствуют и в проводимой политике на данном этапе. Отсутствие должного взаимопонимания и коалиции правительства как главного проводника модернизации и общества, которое пытаются компенсировать усилением административно-бюрократического давления при игнорировании общественного мнения, ориентация на заимствованные формы собственности и хозяйствования, нормы и правила, абсолютизация рыночных параметров экономики и многое другое — все это накапливает взрывоопасный пакет социального недовольства в обществе, порождая новые конфликты, противоречия и области напряженности по всему пространству страны. Такой сформировавшийся социально-политический фон в обществе не может благоприятствовать решению сложных и масштабных задач переустройства экономики. Он вполне закономерно формирует традиционный для нашей истории потенциал смены реформатор-

[3] Нужно трезво понимать, что развитым капиталистическим странам мира от России требуется две вещи: доступ к ее природным (сегодня и интеллектуальным) ресурсам и доступ к емкому внутреннему рынку для поставок своей готовой продукции.

ской волны волной контрреформаторской с альтернативным экономическим курсом.

Что необходимо сделать для улучшения социально-политического климата в стране в интересах реализации стратегического разворота экономики России от рентно-сырьевой модели хозяйства, уязвимой к внешним угрозам и малоэффективной для успешного социально-экономического развития страны?

При ответе на поставленный вопрос, естественно, нельзя ограничиться каким-то одним универсальным рецептом. Застойность и глубина поражения экономического организма России требуют всеобъемлющего и основательного анализа по самым разным направлениям. Ограничимся только одной проблемой, касающейся самого обозначения стратегического приоритета в развитии экономики страны. Ранее уже отмечались недостатки в его определении в терминах «модернизационного проекта». К сказанному добавим еще одно существенное обстоятельство.

Речь идет о том, что, строго говоря, свой модернизационный проект Россия осуществила еще в составе СССР. Если обратиться к теории модернизации, то ее главными целями является следующая триада: урбанизация населения, индустриализация экономики и секуляризация общества[4]. Эти три задачи в достаточном объеме были решены уже в процессе социалистических преобразований в СССР. Можно дискутировать о том, насколько они оказались успешными и какие могли быть альтернативные пути. Но это уже другой вопрос.

Для подтверждения данного вывода приведем всего несколько цифр, сравнивая наивысшую точку развития дореволюционной России (1913) с наивысшей точкой советской экономики (1987). Так, доля городского населения России в 1913 г. не превышала 18%, в 1987 г. она достигла почти 80%. Удельный вес промышленного производства в национальном доходе в 1913 г. составляла около 29%, а сельского хозяйства — 54%. В конце 1980-х гг. доля этих двух отраслей определялась значениями в 44 и 21% соответственно. В 1987 г. СССР по индексу развития человеческого потенциала (0,920) занимал 26-е место из 130 стран мира, относясь к группе стран с высоким его уровнем. В результате проводимых реформ данный индекс в РФ снизился в 2005 г. до 0,797 (65-е место в мире). И этот его уровень уже для стран средней развитости.

О какой модернизации экономики в обозначенных ее координатах можно говорить применительно к России как современной цели преобразований? Ведь уже зрелое советское обществу подошло к такому состоянию развития индустриализма, который по многим важнейшим характеристикам, имея свою социалистическую специфику, тем не менее, вполне соответствовал западным стандартам. Характерно, что в период существования СССР проблема его взаимодействия с западно-капиталистическим миром зарубежными советологами трактовалась в контексте «теории конвергенции», имея в виду наступающий процесс сближения двух систем.

---

[4] В Новой Британской энциклопедии «модернизация» определяется как «трансформация в цивилизацию экономического типа посредством индустриализации; политические и социальные изменения — через формирование светского общества (секуляризацию)». В качестве инструментов модернизационной политики рассматриваются индустриализация в промышленности, культурная революция, урбанизация и т. п. [4, 216].

Правда, появляется неожиданный аргумент в пользу реактуализации темы модернизации в современной России. Последние двадцать лет реформ привели к плачевному результату: оказалось разрушенным созданное ранее многоотраслевое хозяйство, функционирующее как единый воспроизводственный контур, и произошла деиндустриализация экономики. Получается так, что тема модернизации вновь приобретает свой определенный резон, но в контексте реиндустриализации страны.

Данное обстоятельно, с другой стороны, лишь подкрепляет идею о том, что в содержательном отношении стратегический приоритет в развитии экономики России более точно можно обозначить выдвижением программы проведения «*новой индустриализации*», или «*реиндустриализации*». Такая постановка объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, в стране разрушен главный индустриальный каркас современного хозяйственного устройства страны под видом слома плановой экономики. Без его восстановления на новой основе вряд ли возможно серьезно рассчитывать на укрепление экономических позиций России в мировой экономике. Нельзя рассчитывать на создание инновационной экономики, ориентированной на производство новых технологий как на автономный процесс, который может успешно осуществляться вне собственной аграрно-индустриальной сферы реализации и в расчете на внешние рынки.

Во-вторых, этим делается акцент на собственный исторический опыт и память народа в решении масштабных задач социально-хозяйственного переустройства. По крайней мере, следует трезво оценивать возможности формирования либеральной модели экономики с главными акцентами на рыночные инструменты и продолжение приватизации. Основной риск для страны сегодня связан не с усилением роли государства, а напротив, с его ослаблением. Бороться с коррупцией и бюрократизмом, бесспорно, необходимо, но не путем «приватизации» и «маркетизации» государства. Системные риски, связанные с природными и техногенными катастрофами, перманентными террористическими угрозами и разгулом криминала, лишь получат дополнительное усиление по мере свертывания государственной деятельности и ослабления институтов государства.

В-третьих, курс на новую индустриализацию дает возможность вместо политики финансиализации экономики возродить идею «созидательного труда» как по-настоящему главного рычага устойчивого развития и благополучия общества.

В-четвертых, становится возможным реализовать курс на построение сбалансированной и гармоничной экономики, способной себя содержать и кормить, защищать и двигать вперед.

В конечном счете курс на «новую индустриализацию» следует оценивать в контексте отказа от «догоняющей модернизации» и встраивания преобразовательной деятельности в сложившиеся общественно-хозяйственные структуры, поведенческие нормы и социокультурные традиции, не разрушая их органической целостности.

Литература

1. *Shanin T.* Russia as a «Developing Society». L., 1985.

2. *Бауман З.* Действовать в условиях неопределенности // Русский журнал. 2010. 24 февр. // www.russ.ru/pole/Dejstvovat-v-usloviyah-neopredelennosti.

3. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
4. The New Encyclopedia Britanica. Vol. 8.

М.М. ГУЗЕВ

Россия идеальная и Россия реальная: кто за кем идет?

Слова, вынесенные в название конференции, *«Само-утверждение России»*, обязывают ко многому. Во-первых, в рамках очерченного предмета ставится вопрос: обретает ли сейчас Россия шанс выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы? И, во-вторых, предоставляется возможность публично разобраться с *Россией идеальной* и *Россией реальной* — уточнить, кто за кем идет.

В этой связи, прежде всего, важно отметить — глобальный экономический кризис 2008—2010 гг. показал *полную несостоятельность утвердившейся в России неиндустриальной модели экономического развития*. Он показал неспособность (и объективную невозможность) олигархического и компрадорского, монополистически-сырьевого капитализма обеспечить конкурентоспособность экономики, производство современных товаров и услуг, удовлетворение внутреннего спроса на высокотехнологичные и продовольственные товары. Кризис показал банкротство идеи неолиберализма в ее крайних формах и растущую роль государства как в системе международных экономических отношений, так и в процессе регулирования, планирования и стимулирования национальной экономики. Он также продемонстрировал невозможность в принципе обеспечить экономическое и социальное благополучие народа без развития реального сектора отечественной экономики, без машинного производства, а также ошибочность сокращения государственных расходов на науку и образование.

Как отметил в своем последнем Послании Федеральному Собранию Президент страны, *заходит в тупик и политическая система*, как нам известно, основанная на искусственном монополизме одной партии и тезисе «парламент — не место для дискуссий». Но сколько же можно наступать на одни и те же грабли?

С точки зрения перспектив самоутверждения особо следует остановиться на науке, поскольку она является фундаментом современного развития. Президент США Б. Обама, выступая перед избирателями в Чикаго в разгар экономического кризиса 17 декабря 2008 г., заявил: «Сегодня наука играет ключевую роль в нашем выживании как жителей планеты и в нашей безопасности и процветании как государства… Сейчас мы вновь поставили науку на первое место в нашей повестке дня, чтобы вернуть Америке лидерство в науке и технике» [1]. И это не только слова. В США осуществляется государственная поддержка науки в размере 2,57% (2006) от национального ВВП, в то время как в России — в размере 1,07%, или примерно в 15 раз меньше в абсолютном выражении [2]. В 2011 г. намечается новое сокращение расходов на науку и образование. На проведение Олимпиады деньги есть, на организацию футбольного чемпионата мира тоже есть десятки миллиардов долларов, а в российском селе в начале XXI в. — а это десятки миллионов наших граж-

дан — стал преобладать ручной труд. Куда идем — в XIX в.? Ведь могут и туда не пустить.

В 1991—2000 гг. в России в процессе приватизации и либерализации произошло настоящее разграбление национального богатства страны. Дефолт 1998 г. подвел черту под политикой прямого разрушения экономики, и логичным был бы переход к иной политике, направленной на реализацию общенациональных интересов, а не интересов отдельных групп компрадоров, олигархов и коррумпированного чиновничества. Однако этого не произошло.

В 2001—2010 гг. продолжается тот же тупиковый курс, правда, в более скрытых формах, лакированный хлесткими заявлениями о плане 2020, о выходе России на передовые рубежи к 2015 г., о модернизации, о борьбе с бедностью, о борьбе с коррупцией и пр.

Но беспристрастный анализ показывает, что, несмотря на экономический рост в 2000-е гг., в 2008 г., в канун кризиса, к уровню 1990 г. объем промышленного производства составил 82,4%, объем продукции сельского хозяйства — 85,5%, инвестиции в основной капитал — 66,7%, реальные доходы населения — 82,1% [3, 29]. Все это означает, что никакого экономического подъема в эти годы не было, что, несмотря на рост цен на энергоносители более чем в 6,6 раза, подавляющая часть населения имеет доходы значительно меньшие, чем до реформ в 1990 г. Иным словами, в современной России, как и в 1990-е гг., экономический рост происходит в основном путем расхищения национальных стратегических сырьевых ресурсов, причем основная доля доходов от этого расхищения достается властной элите. Например, во время кризиса 2008—2009 гг., когда произошло снижение реальных доходов населения, состояние многих российских олигархов и чиновников значительно выросло.

Российским нефтегазовым олигархам вместе с российским коррумпированным чиновничеством не нужны ни индустриализация, ни нанотехнологии, ни самоутверждение России. Им нужны замки, яхты, футбольные клубы, иная недвижимость за пределами собственной страны, где есть гарантия сохранения этих материализованных сырьевых сверхприбылей.

Внутри же страны продолжается падение производства средств производства. Например, выпуск металлорежущих станков за последние 10 лет в России сократился с 8,9 до 4,8 тыс. штук, деревообрабатывающих — с 10,2 до 4,1 тыс. Практически прекращен выпуск самолетов. Например, Саратовский авиационный завод, имеющий 80-летнюю историю, еще недавно, в советское время выпускавший гражданские ЯК-40 и ЯК-42, военные самолеты, полностью прекратил свое существование. Такая же или похожая история у Волгоградского тракторного завода и сотен других машиностроительных заводов России. Правда, в последние годы увеличился импорт в Россию машин и оборудования. В 2008—2009 гг. он составил около 160 млрд дол. [4, 5]. Но можно ли этим гордиться?

А ведь *идеальная, искомая модель России*, ее экономики и социума, хорошо известна. Если отойти от частностей, эффективная экономическая модель, от которой отказывается правящая элита, — это *модель социального рыночного хозяйства*, в России же — *с выдающейся ролью государства* как доминанты единого евразийского пространства. Это *модель смешанной экономики*, где каждому субъекту отведена своя эффективная ниша.

Но что мы наблюдаем в реальной действительности? Вместо стратегии построения социального государства, что, между прочим, закреплено в Конституции РФ, *если не доросли еще до социалистического*, вместо движения к

социальному рыночному хозяйству с развитым реальным сектором экономики, вместо неоиндустриализации и наноиндустриализации — судорожные попытки найти некий «эликсир молодости». Все новые и новые инициативы, призванные якобы обновить, ускорить и что-то решить — инновации, информатизация, инвестиции, теперь вот модернизация и сразу несколько «силиконовых долин». И все это на фоне деградирующего народного хозяйства, деградирующего и разбегающегося из страны населения, что показывает бесплодность общественной и экономической модели, установленной в России, а также бесплодность правящей элиты, этого «праздного класса».

Иными словами, мы наблюдаем, что нет никакого продвижения к идеальной хозяйственной модели. Более того, сама идеальная модель меняется в головах наших политиков чуть ли не каждый год. И еще, более того, эта *«идеальная» модель плетется в хвосте не только событий, но и мировой, и отечественной экономической мысли.* Так нужно ли России реальной продвигаться к такой России идеальной?

В политике, если говорить об эффективной модели, — это единый российский народ, заселяющий евразийское пространство, с выдающейся ролью русского народа как государствообразующего, носителя общегосударственного языка.

В социальной сфере — это соединение справедливости со свободой, с акцентом на справедливость, что присуще российской традиции. «Свобода, равенство, братство» — ничего лучшего не придумано со времен Французской революции.

В национальной сфере — мы все граждане России, все с равными правами и равными обязанностями, с правом каждого народа на развитие своей культуры.

Мы обращаем внимание на целевую установку этой идеальной модели хозяйствования: не богатство и его символы, а стремление к счастью, комфортному состоянию, удовлетворенностью жизнью, т. е. к высокому качеству жизни [5, 44—45]. ООН еще в 1991 г. сформулировала цель общественного развития: *«Реальным богатством нации являются сами люди. Поэтому целью развития должно стать создание условий для того, чтобы люди смогли насладиться долгой, здоровой и созидательной жизнью».*

В этой связи остро стоит вопрос — какая же социально-экономическая и политическая система сможет реализовать эту идеальную модель? Глобальный капитализм с его рыночной системой организации экономики и жизни, ориентируя исключительно на прибыль, эту проблему не решает в принципе. В том числе и по этой причине в последние десятилетия XX в. происходит трансформация капитализма — сначала в направлении социализации общественных отношений, регулирования рынка и замещения его иными механизмами и инструментами, а затем, и параллельно с этим, превращение его в новое качество. В то же время современный капитализм XXI в. «основан на виртуальной экономике финансовых “пузырей”, их постоянном воспроизводстве в интересах глобальной финансовой олигархии и транснациональных корпораций» [6, 13]. Такой капитализм по-прежнему опасен для цивилизации.

Особенно бесперспективна российская модель капитализма, вобравшая в себя все худшее, что породила капиталистическая система: нещадную эксплуатацию человеческих и природных ресурсов, подмену цели развития (не человек, а прибыль!), распродажу национального богатства страны, вырождение человека-гражданина и человека-патриота, депопуляцию населения.

Банкротство российского капитализма проявляется в неспособности обеспечить устойчивое экономическое, экологическое и социальное развитие. При продолжении такой политики перспектив устойчивого развития у России нет, и напротив, перспективы новых потрясений совершенно очевидны. Это понимают и новая российская элита, и «простой» народ: все, кто может, уезжают из страны за рубеж — учиться, работать, рожать и сберегать детей — уже для другой родины.

Слова же о модернизации без изменения модели, без мобилизации всех интеллектуальных, трудовых и сырьевых ресурсов, в условиях нарастающей деморализации и дебилизации населения, останутся только благими пожеланиями мечтателей.

В свое время по поводу дворянских революционеров 1825 г. В.И. Ленин высказался в том смысле, что «страшно далеки были они от народа». То же самое можно сказать и о нынешних правителях России — страшно далеки они от забот и чаяний миллионов россиян.

Так что же необходимо сделать, чтобы реальная Россия пошла за действительно идеальной Россией? На наш взгляд в качестве первостепенных мер — необходимо признать:

- что идея рыночного фундаментализма абсолютно порочна;
- что российские реформы, начавшиеся во второй половине 1980-х гг., потерпели полное фиаско;
- что движение от социализма, со всеми его недостатками, к капитализму образца XIX в. — это движение назад;
- что произошел глубокий социально-классовый раскол российского общества и в силу этого оно не способно сконцентрироваться на приоритетных задачах развития и выживания;
- что в России сформирована колониальная тупиковая общественная и экономическая модель;
- что сырьевая экономика в начале XXI в. — быстрое приближение к национальной катастрофе;
- что состояние системы управления в стране ниже всякой критики, а правящая элита не способна вывести страну из тупика;
- что в настоящее время нет стимулов к модернизации страны ни у власти, ни у элиты, ни у бизнеса, ни у народа;
- что единственным субъектом, за счет которого может быть проведена модернизация, это, как и прежде в российской истории, российский народ, прежде всего русский;
- что стране для ее развития не миновать новой индустриализации, на новой технологической основе;
- что может быть либо великая Россия, либо распад государства.

Вот признание всего этого властью, элитой, учеными, бизнесом, населением, пионерами и пенсионерами, а также национальным политическим лидером явится первым шагом к развороту России от упадка к благополучию, от разрухи к созиданию, от бессмысленности существования к осмысленному действию, от гнусного реального к светлому идеальному. Правда, особенность России такова, что может и не потребоваться осознания необходимости перемен и властью, и бизнесом, и элитой, и народом. Достаточно будет четкого осознания всего этого национальным лидером, который, как не раз бывало в российской истории, появится ниоткуда. Поэтому и бессмысленно препят-

ствовать его приходу с какой-либо стороны. Он явится ниоткуда, когда придет время. И все страждущие его сразу узнают и поддержат.

Но это не означает, что необходимо просто ждать. Нет. Необходимо рыхлить почву для нового посева, в экономике, в обществе, в душах людей. Для нового посева семян, из которых вырастет обновленная великая Россия.

Литература

1. http:|//www.polit.ru/news/2008/12/23/ obama_science.popup/html.

2. Ранжирование развивающихся стран по экспорту высокотехнологичной продукции // Индикаторы науки и техники. 2008 // http://www.nsf.gov/statistics/seind08/tables.htm.

3. *Нешитой А.* Социально-экономические итоги 2000—2008 гг. // Экономист. 2009. № 2.

4. *Гурдин К.* Новая индустриализация // Аргументы недели. 2010. № 35.

5. *Макаров В.Л.* О реформировании государства в процессе преобразования экономики // Львов Д., Макаров В., Клейнер Г. Экономика России на перепутье веков. М., 2000.

6. *Лужков Ю.* Кризис транскапитализма и Россия // Экономист. 2009. № 5.

У.Ж. АЛИЕВ

Россия: от самоосмысления к самоутверждению социума

Здесь ключевое слово — «самоутверждение» — как самоактуализация системы на собственной основе своего внутреннего потенциала. Объект обсуждения — Россия как социум. Предмет обсуждения — путь (дао) самоутверждения России. Цель — мыслительно-идеальное проектирование России как новой великой державы (нового социума).

Методологической основой самоосмысления служит идея К. Маркса о «самокритике буржуазного общества». Вот что он писал об этом: «…буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества» [1, 43].

В чем же выражается «объяснительно-разрешающая сила» принципа «самокритика буржуазного общества»? Можно представить следующие аспекты:

- в принципиальной возможности и необходимости саморефлексии буржуазного общества;
- в исследовании и понимании предшествующих обществ;
- в сравнительном анализе буржуазного общества с предыдущими обществами через призму теории социальных изменений;
- в научном предвидении и обосновании будущих обществ (в создании научной картины будущего);
- в осмыслении ставшего (в разных вариациях) общества (например, социалистического);

• в уточнении характеристик всех предшествующих обществ через осмысление этого «нового» общества (например, реального социализма);

• в случае возврата от «нового» общества к «старому» (например, от различных моделей реального социализма к капитализму, особенно в его диком варианте) в критике этого «возвращенного старого»;

• в самоосмыслении данного социума (например, России) через призму теории и практики социальных изменений в контексте «прошлое — настоящее — будущее»;

• наконец, в постановке вопроса о выработке новых мета-, мегапарадигм нового мироустройства, путей и механизма (химизма, организма) самоутверждения этого предполагаемого нового социума.

Методологической основой самоутверждения социума выступает теория (принцип) становления любого объекта: абстрактные предпосылки становления объекта; действительные предпосылки становления объекта; сам процесс становления объекта; объект как ставшее явление на своей собственной основе.

Возникает основной вопрос: какова(ы) собственная(ые) основа(ы) данного социума (России)? И здесь же возникает ряд производных вопросов:

1) каковы абстрактные предпосылки самоутверждения России на своей собственной основе?

2) каковы действительные предпосылки самоутверждения России на своей собственной основе?

3) каким образом идет (если идет) сам процесс самоутверждения России на своей собственной основе?

4) какова природа (образ, картина) предполагаемой самоутвержденной России как ставшего объекта (социума)?

Ответы на поставленные вопросы и есть мысленный опыт идеального социального проектирования социума на основе выработки (с последующей их реализацией) новых мета-, мегапарадигм миропереустройства.

Мы предлагаем в качестве такой метапарадигмы *идею философии хозяйства* (вектор Аристотеля — Булгакова — Осипова). А в качестве мегапарадигмы — концепцию социальной экономии (социализированной экономики), о которой нами был опубликован ряд статей в российских и казахстанских изданиях.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 46. Ч. 1.

А.Л. АНДРЕЕВ

Российский менталитет в контексте модернизации*

Характерной особенностью российской истории стали периодические срывы модернизации, мощные откаты назад, приводящие к варварскому уничтожению ресурсов и аннулированию достижений. Несмотря на это, рос-

* Статья написана при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Проект НК-582П-60.

сийское общество в полной мере сохраняет тот интегральный социально-психологический импульс, который можно назвать *волей к модернизации*. И это проявляется отнюдь не только в речах высокопоставленных правительственных чиновников и в официозных публикациях, но и в общей направленности массового сознания (которая, кстати говоря, на протяжении достаточно длительного времени демонстрирует достаточно большую независимость от транслируемых сверху установок вплоть до полного их неприятия). Исходя из данных, полученных в результате целого ряда социологических исследований, можно вполне уверенно утверждать, что *модернизация является национальной целью, способной объединить (да и реально объединяющей) большинство россиян*. И несмотря на то, что достижения современной России в плане социально-экономического развития достаточно скромны, ее граждане в целом оптимистично воспринимают перспективы модернизации: значительное большинство россиян сходятся на том, что процесс модернизации выведет страну на новый, существенно более высокий, чем в прошлом и настоящем, уровень развития и благосостояния и лишь один из каждых 5 — 6 опрошенных совсем не верит в позитивные результаты российской модернизации или считает, что ее эффект скажется не раньше, чем нынешняя молодежь приблизится к предпенсионному и пенсионному возрасту.

Другой вопрос, *как именно* должна осуществляться модернизация. В рамках традиционных подходов к данному процессу такой вопрос обычно не ставился. Предполагалось, что модернизация должна пониматься как линейное движение, направленное на последовательное приближение к некоему универсальному образцу. Однако при более внимательном анализе становится ясно, что рассматриваемый процесс вариативен. Современный мир слишком сложен и многообразен, причем, в отличие от эпохи раннего и классического капитализма, это многообразие невозможно уложить в незамысловатую оппозицию «цивилизованных» и «нецивилизованных» стран и народов. Не будем увлекаться в этой связи некоторыми получившими довольно широкий резонанс теориями радикального толка, вроде предложенной Д. Чакрабарти концепции «провинциализации Европы». Но ясно, что без признания того, что «современное» многовариантно, а значит, разные модели модернизации являются одинаково правомерными, в постколониальном мире XXI столетия уже не обойтись.

При такой постановке вопроса содержание понятия «модернизация» не может уже считаться само собой разумеющимся. В частности, принципиально важно понять, что же думает по этому поводу население России и *что именно* россияне согласились бы признать за модернизацию. Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на данные социологических опросов, проводившихся в 2010 г. Институтом социологии РАН.

Анализируя полученные в ходе этих опросов массивы данных, нетрудно заметить, что мнения населения по поводу модернизации отличаются сильной социальной окрашенностью. В этом отношении они, пожалуй, в немалой мере расходятся с неолиберальным в своей основе менталитетом политических и финансовых элит, задающих направление происходящих в стране процессов при помощи рычагов административного управления, регулирования финансовых потоков и конструирования политических дискурсов. Так, по данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН весной 2010 г., фетиш нынешней российской элиты — амбициозную связку так называемой инновационной экономики с наращиванием силы и могущества государства — включили в число самых важных идей модернизации менее четверти наших

респондентов. Это всего лишь 4—5-е места в общем рейтинге приоритетов. Идущие с Запада либеральные идеологемы демократического обновления общества, расширения возможностей свободного предпринимательства и развития конкуренции получили еще меньшую поддержку — как, впрочем, и все то, что можно отнести к ценностному спектру националистически-имперского сознания (укрепление державной мощи, восстановление традиционных русских ценностей и др.). На 1-е же места в глазах россиян вышли куда более простые требования, выполнение которых, однако, российским властям плохо дается, несмотря на многочисленные заверения и громкие кампании по «наведению порядка». Самое первое из этих требований — обеспечение реального равенства граждан перед законом. Его выдвинули на первый план свыше 40% опрошенных. На 2-м месте — борьба с коррупцией, которую назвали почти 38% участников опроса. Все это — «азбучные» буржуазно-демократические задачи самых первых этапов модернизации, борьба за решение которых в Европе и Америке пришлась на период с начала XVII — до середины XX в. В России же они все еще чрезвычайно актуальны.

Описанная нами только что иерархия приоритетов устойчиво поддерживается на протяжении по крайней мере полутора десятилетий. Причем — что также очень важно — практически во всех основных социально-демографических группах, хотя значения индикаторов и пропорции, в которых они соотносятся друг с другом, конечно, варьируются. Так, роль социальной справедливости заметно усиливается с возрастом — с 27% у самых молодых до почти 38% у тех, кому перевалило за 60. Зависимость от возраста оценки инновационной экономики сложнее: весомость этого фактора достигает максимума (30% опрошенных) в возрастных когортах 31—40 и 41—50 лет. Это как раз те, чья юность и молодость пришлась на годы перехода к рыночной экономике. После 50 соответствующая цифра сильно снижается и после 60 лет падает до 11%. Надо заметить, что вопреки нашим ожиданиям, самые молодые россияне примкнули в этом вопросе не к 30 — 40-летним, а скорее, к 50-летним. Зато в поддержку инновационной экономики решительно высказывается наиболее образованная часть россиян. Так, среди технической интеллигенции, а также лиц с двумя высшими образованиями или ученой степенью соответствующий индикатор достигает значения 35%. Россияне с высшим образованием — единственная массовая социальная группа, в глазах которой инновационная экономика важнее, чем социальная справедливость (причем перепад значений по разным ее подгруппам велик — 2—2,5 раза и более). Понятно, что этот результат вполне объясним. Чего не скажешь, однако, о распределении мнений по типам поселений. Как это ни странно, крупнейшие города с численностью населения свыше 1 млн, в том числе и мегаполисы, которые в глазах многих россиян выглядят образцом «современности», отнюдь не лидируют в плане модернизационных устремлений в том либеральном их понимании, которое в настоящее время доминирует в политических кругах и СМИ. В частности, здесь примерно в 1,5 раза реже, чем в среднем по выборке, выдвигают на первый план создание инновационной экономики, а также расширение возможностей предпринимательства и развитие конкуренции. Наиболее же высокие значения названных индикаторов зафиксированы в средне-крупных промышленных и университетских центрах (с населением от 250 тыс. до 1 млн человек).

Как и все люди на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако, как показывают результаты многих исследований, для них важны не только

цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона. В этом плане их социальное мышление нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на достижительных и вместе с тем просветительских по своему генезису ценностях. Поэтому вопрос о специализации России в системе международного разделения труда волнует россиян, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счете, с присущей национальному менталитету «картиной мира». По этой причине россияне озабочены сырьевой направленностью российской экономики, хотя именно экспорт углеводородов, леса и цветных металлов позволяет поддерживать существенно более высокий уровень жизни населения, чем в большинстве других постсоветских государствах. «Настоящая», «успешная» модернизация, в соответствии с представлениями россиян, это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на производстве интеллектуального продукта. На этом наши респонденты неизменно настаивали во всех опросах, в ходе которых им задавались соответствующие вопросы.

Если говорить о России как одной из ведущих стран мира, то какими видятся гражданам России реальные перспективы ее развития? В этом отношении их, пожалуй, не упрекнешь в утопизме. Наиболее часто встречающийся ответ на данный вопрос — это «энергетическая сверхдержава», являющаяся крупнейшим поставщиком ресурсов в развитые страны Европы, Азии и Америки. Почти 2/3 респондентов считают, что она уже имеет такой статус, и еще без малого треть уверены в том, что это вполне возможно. В сумме это составляет свыше 93%. Около 85% опрошенных полагают, что Россия является или может стать «страной культуры», где создаются вызывающие повсеместный интерес музыкальные и литературные произведения, театральные спектакли, кинофильмы. Примерно столько же указали в этой связи на уникальную природу России и ее исторические памятники, которые могут привлечь большой поток туристов. В то же время возможности страны в сфере науки и технологий, промышленности и образования, которые, с точки зрения россиян, особенно важны для передовой современной страны, оцениваются достаточно скромно. Значительной части опрошенных (от 1/5 до почти что трети) претензии нынешней России на достижение лидерства в этих областях кажутся весьма неубедительными (табл. 1.), причем среди лиц с высшим образованием доля таких ответов несколько выше, чем в среднем по выборке.

Исходя из полученных данных, можно, по-видимому, утверждать, что правительственные инициативы, направленные на оживление науки и развитие наукоемких технологий (усиление внимания к военно-промышленному комплексу, создание профильных корпораций типа «Роснанотехнологий» и др.), в обществе воспринимаются пока довольно скептически. Обращает на себя внимание то, что особенно неблагоприятно наши респонденты оценивают конкурентоспособность России в области образования, что, по-видимому, косвенно свидетельствует об озабоченности общества проводимыми в последнее время реформами образования. Судя по полученным нами данным, особенно тревожно воспринимаются эти реформы в крупных городах с населением свыше 1 млн человек: здесь суммарное количество негативных мнений («маловероятно» + «нереально») превысило половину опрошенных.

Таблица 1

Когда говорят о будущем России, которая со временем может стать одной из ведущих стран мира, имеют в виду разные варианты ее развития. А какой образ будущей России в мире представляется Вам наиболее реальным?

(Давался один ответ по каждой строке)

	Она уже сегодня является таковой	Это вполне возможно	Это маловероятно	Это нереально	Не ответили
1. Россия — ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира	19,7	49,5	25,0	5,5	0,3
2. Россия — энергетическая и сырьевая «сверхдержава», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны	62,8	30,5	5,7	0,6	0,3
3. Россия — ведущая научная держава, ее ученые осуществляют открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире	28,7	48,1	20,5	2,5	0,2
4. Россия — страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира	18,6	43,4	31,4	6,1	0,4
5. Россия — страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире	44,6	39,7	13,0	2,5	0,3
6. Россия — страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира	41,1	43,9	12,7	1,9	0,2

Реально движение по пути модернизации с самого начала осуществлялось через реализацию нескольких взаимно дополнительных, но в то же время альтернативных друг другу исторических проектов, набор которых со временем расширялся. Россия занимает в этом спектре исторических проектов свое собственное место, позволяющее говорить о ее существенном своеобразии. Отметим, что это нельзя понимать ни в смысле ее абсолютной уникальности (по сходному типу шло, в частности, развитие Пруссии), ни в смысле какой-то герметической изолированности. Модернизация вообще невозможна без постоянного критического соотнесения себя с «другими». И вступающая на путь модернизации Россия также со все возрастающей заинтересованностью примеряла к себе опыт различных стран и народов. Начиная с определенного исторического момента главным источником ориентиров развития для нее становится Запад в том или ином его варианте (в начале XVII в. Польша и Германия, при Петре I — Голландия, Германия и Швеция, позже — Франция и опять Германия, в первые послеоктябрьские годы — США). Отношения с Западом в этом плане долго оставались асимметричными: Россия училась, заимствовала, воспринимала, но мало влияла на формирование всеобщих культурных образцов, определяющих то, что можно назвать вектором прогресса. Принципиально важно, однако, то, что при этом она неизменно сохраняла всю полноту исторической субъектности. Несмотря на очевидную асимметричность межкультурных взаимодействий, российский социум не просто подвергался идущим с Запада многообразным влияниям, но свободно выбирал среди них то, в чем ощущал необходимость на том или ином этапе своего развития.

В советский период истории общая ориентация на Запад как источник аутентичного опыта модернизации и одновременно эталон «современного» сохранилась, но была существенно осложнена идеологическими разногласиями. Сознание советского человека постоянно колебалось между демонизацией «западного империализма», претензиями на роль «локомотива истории» и увлечением западным обществом потребления. И эта последняя тенденция в конце концом победила. Перестройка советской системы, а затем и ее демонтаж в начале 1990-х гг. воспринимались как условие приобщения к Западу, ближайшей и наиболее подходящей формой которого могло бы стать «возвращение в Европу». Эмоционально россияне были готовы к такому возвращению и стремились к нему. Многие политические деятели и интеллектуалы на Западе также в свою очередь ожидали, что Россия без особых проблем встроится в рамки утвердившейся там либерально-демократической модели и, как выразился в этой связи Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы» [1, 106].

Однако опыт сближения постсоветской России с Западом оказался разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. Российское общество ответило на это неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западнических увлечений периода становления демократии. К середине 1990-х гг. в массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России не подходит. В этом новом контексте культурно-историческая самобытность России интерпретируется уже не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. Как показал проведенный опрос, в настоящее время почти половина наших сограждан (а более точно — около 47%) безусловно согласны с тезисом о том, что России нужны не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и

жестко управляемое государство. Тех же, кто это утверждение отвергает, оказалось в целом почти в 2 раза меньше — четверть опрошенных. Правда, преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа — примерно с 30-лет; в младших же возрастных когортах они количественно уступают «западникам»: например, среди самых молодых соответствующее соотношение составляет 31% против 41. В то же время для полноты картины надо отметить, что у многих россиян указанная дилемма вызывает затруднения. Доля не определившихся в этом вопросе в целом по выборке доходит до 28%. И только в мегаполисах она существенно снижается (приблизительно вдвое). Куда же деваются те 14 — 15% жителей мегаполисов и городов-миллионников, которые пополняют ряды сторонников противоположных друг другу точек зрения на пути развития России? Судя по зафиксированному в ходе опроса распределению мнений, каждый третий из них признает западную модель универсальной, а двое из трех пополняют ряды оппонентов данной точки зрения.

Что же разделяет сегодня Россию и Запад, способствуя отчуждению россиян от западного опыта и западных ценностей? С одной стороны, немалую роль в этом плане сыграли внешнеполитические факторы (расширение НАТО, военная акция против Сербии и отделение от нее Косова, поддержка некоторых антироссийских сил и режимов и др.), но, с другой стороны, россияне убедились, что они коренным образом расходятся с Западом в понимании модели модернизации России. Акцент на проблематику демократии, создание «благоприятного инвестиционного климата» и выращивание в России инфраструктуры лояльных к Западу НКО не пользуется сочувствием основной массы россиян. Они хотели бы совсем иного — сотрудничества в области производства знаний и технологий, но как раз к этому-то западные партнеры не проявили практически никакого интереса. В итоге за последние годы в российском обществе сложилось устойчивое мнение, что европейцы относятся к своему восточному партнеру чисто прагматически, причем в самом узком и приземленном смысле этого слова. Мало кто из наших респондентов полагает, что европейцев могут заинтересовать интеллектуальные достижения и культурный потенциал России или ее способность играть роль противовеса глобальной гегемонии США, но почти 60% убеждены в том, что по-настоящему им нужны только российские природные ресурсы (табл. 2).

Таблица 2

Мнения россиян о возможных мотивах Западной Европы по вопросу о сотрудничестве с Россией (2002—2009), %

Возможные мотивы	2002/2	2009/2
Западная Европа заинтересована исключительно в природных ресурсах России	58,5	58,5
Западная Европа заинтересована исключительно в России как противовесе мировому господству США	23,2	19,7
Западная Европа заинтересована в использовании интеллектуального и культурного потенциала России	20,0	11,9
Западная Европа заинтересована в равноправном экономическом сотрудничестве с Россией	16,7	21,8

Продолжение табл. 2

Западная Европа заинтересована в развитии демократии и рыночных реформ в России	14,0	10,1
Европа вообще не заинтересована в сотрудничестве с Россией	4,5	6,8
Затруднились ответить	8,4	8,6

Примечание. Сумма цифр превышает 100%, поскольку респондентам можно было выбрать до двух вариантов ответов.

Соответственно набирающей силу евразийской парадигме переосмысляется и отношение между «мы» и «они» в его международном преломлении, в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства. И относительное ослабление российского политического европеизма стало следствием не ухудшения отношений россиян к Европе, а прогрессирующей диверсификации российских интересов и устремлений. Хотя симпатии к Европе в общем и целом не убывали (конъюнктурные колебания мы в данном случае в расчет не принимаем), но значимость других направлений внешней политики нарастала значительно быстрее.

Показательны, например, цифры, характеризующие восприятие геополитических субъектов и структур на уровне эмоций и подсознательных ассоциаций. В 2002 г. уровень положительных реакций наших респондентов на понятие «Европейский союз» был зафиксирован на уровне 59%, тогда как на аббревиатуру «СНГ» он оказался на целых 25% ниже (только 34%). Разрыв, понятно, очень значительный, если не сказать подавляющий. Но через 7 лет мы наблюдали уже совсем другую картину. В принципе за это время «подросли» оба индикатора. Но если первый из них поднялся только на 6 процентных пунктов, то второй увеличился более, чем вдвое, и не только догнал, но и перегнал первый (72% против 65). Восходящей динамикой характеризуется отношение общественного мнения и к отдельным государствам, выступающим в качестве важнейших партнеров России вне Евросоюза, Европы и Западного мира в целом. В первую очередь это Белоруссия и другие союзники по ОДКБ, а также новые экономические и политические гиганты Азии — Индия, Китай, Корея и др. Кажется, что образ рвущихся ввысь небоскребов Шанхая и Сингапура в восприятии россиян понемногу оттесняет на задний план уютное обаяние «старушки Европы» [2, 50 — 73].

Вместе с тем, говоря о перспективах отношений между Россией и Западом, о мере взаимопонимания между ними, надо принять во внимание не только политическое и экономическое, но и «человеческое» измерение данной проблемы. Присоединится ли все-таки Россия к Западу или предпочтет какой-то иной путь, в конечном счете зависит не от субъективных намерений российских реформаторов, а от того, насколько комфортны западные ценности и модели для большинства россиян. А это в свою очередь заставляет задуматься над своеобразием российской и русской ментальности, над тем, насколько похожи культурно-психологические «профили» россиян и людей западной культуры.

Рассмотрим прежде всего вопрос о том, какие качества россияне больше всего ценят в людях и какие из них они находят в самих себе. В таблице 3 приводится распределение мнений наших респондентов по поводу некоторых личных качеств, характеризующих «человеческий капитал» страны с точки зрения потребностей модернизации.

Как видно из приведенных в табл. 3, самым ценным в глазах россиян являются трудолюбие, честность и профессионализм. Эти характеристики лидируют в предложенном нашим респондентам списке из 20 человеческих качеств, и с довольно большим отрывом. Причем трудолюбие и честность выступают в данном случае не просто как самые важные черты идеала, но и как качества, которые наши респонденты чаще всего находят в себе самих. В отношении профессионализма их оценки несколько скромнее — если данную позицию включал в список наиболее уважаемых качеств каждый второй опрошенный, то наличие его у себя признал только каждый третий. Средние позиции в нашей таблице занимает прежде всего ряд качеств, которые суммарно складываются в понятие надежности: чувство долга, ответственность за себя и своих близких, неравнодушие, законопослушность. Здесь же мы находим образованность, чувство собственного достоинства и уважение к правам других людей.

Таблица 3

Какие человеческие качества больше всего ценят россияне, и какие, по мнению респондентов, свойственны им лично?
(Разрешалось выбрать до семи вариантов ответов в каждом столбце, вследствие чего сумма ответов превышает 100%)

1. Больше всего цените в людях	Качества людей:	2. Свойственны Вам лично
70,1	Трудолюбие	72,0
40,3	Предприимчивость, умение добиваться успеха	20,1
24,9	Законопослушание	35,4
38,6	Активность, инициативность	26,4
61,5	Честность	62,8
38,6	Образованность	26,9
50,6	Профессионализм	32,9
34,1	Чувство долга	42,7
30,4	Неравнодушие	32,1
10,1	Самопожертвование	10,3
23,0	Бесконфликтность, толерантность	21,6
8,2	Послушание, смирение	7,8
11,8	Рациональность, прагматизм	9,5
34,7	Чувство собственного достоинства	40,3
18,0	Готовность к участию в решении общих дел	13,3
38,1	Уважение к правам других людей	30,7
11,6	Умение приспосабливаться	12,7
39,9	Ответственность за себя и своих близких	48,4
20,1	Практичность	19,3
12,5	Ответственность за то, что происходит в стране	3,0
0,4	*Не ответили*	0,6

Проведенное нами исследование не подтверждает широко распространенный миф о присущем якобы русскому национальному характеру смирении и

склонности к бесконечному терпению: отнесение таких черт, как послушание и смирение, к числу *ценностей* встречается редко, а находит эти качества у самого себя лишь один человек из каждых 12 опрошенных. В то же время следует обратить внимание на то, что весь блок ценностных ориентаций, задающих установку на выстраивание интерактивных связей, развитие отношений кооперирования и коммуникативные взаимодействия (готовность к участию в решении общих дел, толерантность, умение приспосабливаться) не имеют в глазах россиян приоритетной значимости и весьма редко отмечаются как реально присущие респондентам свойства.

Судя по оценкам наших респондентов, россияне в целом не слишком практичны, в том числе потому, что среди них не так уж часто встречается склонность к прагматичному, «целерациональному» типу мышления и поведения.

Наконец, надо особо сказать о таком важном качестве, как предприимчивость. В принципе оно принадлежит к числу признанных в российском обществе ценностей. Пусть его и нельзя причислить к самым значимым приоритетам, но все-таки его важность была отмечена более, чем 40% опрошенных. Однако только половина из них признала наличие этого качества у самих себя. Это наиболее самокритичная из зафиксированных нами оценок, говорящая о том, что в этом пункте россияне в известной мере недовольны своими деловыми качествами. Другой вопрос, насколько эти претензии справедливы. Разумеется, у нас нет возможности объективно судить о том, в какой мере самооценки наших респондентов соответствуют действительности. Думается, однако, что если бы даже только каждый четвертый или пятый из тех, кто считает себя предприимчивым человеком, действительно был таковым, этого было бы достаточно для того, чтобы говорить о наличии в российском социуме необходимого «фермента» саморазвития.

Характерная для российского социума иерархия личностных качеств воспроизводится в процессе воспитания детей. Среди воспитательных установок на первом месте мы также находим трудолюбие. На приоритетность этого качества указали 88% опрошенных — это самый высокий показатель среди крупных стран Европы (включая родственную нам Украину), Азии и Америки.

Далее, без малого 80% россиян хотели бы привить своим детям чувство ответственности. Это также очень неплохой показатель. Правда, судя по данным международных исследований, российская выборка в этом отношении идет несколько позади Японии, Восточной Германии, Скандинавских стран и Италии, но в то же время она опережает США, Великобританию, Францию и Китай.

Такие факторы достижения успеха, как решительность и настойчивость, отметила в качестве важных почти половина российских респондентов — здесь наши соотечественники опять-таки уступили японцам, немцам и финнам, но опередили представителей всех остальных 18 стран, по которым проводилось сравнение. То, что воспитанию терпимости и уважения к другому россияне придают меньшее значение, чем европейцы и американцы, вряд ли можно назвать открытием. Но вот что действительно вызывает удивление — так это их отношение у такому личностному качеству, как бескорыстие. В противовес стереотипному представлению о «русской душе» современные россияне отнюдь не альтруисты. Соответственно сформировать это качество в своих детях хотел бы только один человек из пяти, в то время как в Англии, Франции и Японии соответствующий показатель превысил 50%, а в США,

Италии, Испании, Швеции, Бразилии и некоторых других странах он варьируется в пределах 30 — 40% или несколько выше. Контрастом к внешнему усилению позиций православного традиционализма выглядит сравнительно равнодушное отношение россиян к религиозному воспитанию. Судя по данным опроса, в США, Индии, Бразилии, ЮАР и даже во многих странах «постхристианской» Европы религия влияет на эту сторону жизни значительно сильнее.

В этой связи надо напомнить о результатах одного проведенного еще в 2000 г. исследования, в котором отрабатывалась методика сопоставления России и Запада на основе психосемантической реконструкции образов мира. Тогда в качестве «Запада» выступала Германия, где за год до этого проводились опросы по сходной методике. Однако в дальнейшем подобный инструментарий использовался нами и в других контекстах, расширяющих первоначальные рамки проводимого сопоставления. Один из наиболее интересных, на наш взгляд, результатов этих исследований, заключался в том, что у россиян была выявлена особо сильная ценностная мотивация на сферу духовного, включая познания и образование. Это проявилось, в частности, в эмоциональных реакциях респондентов на весь семантический ряд относящихся к данной сфере понятий. Например, слово «учиться» вызвало положительный отклик более чем у 96% российских респондентов и только у 75% респондентов-немцев, слово «наука» — соответственно у 96,5 и 81%, «интеллектуал» — у 98 и 88% (подробнее см.: [3, 280]). Сильнее, чем у немцев, выражен у россиян и комплекс позитивных переживаний, связанных со словом «душа» (97% положительных эмоциональных реакций в первом случае против 78% во втором).

Сегодня, по прошествии целого десятилетия, можно констатировать, что в этом вопросе наши сограждане практически не изменились. Так, частота благоприятных откликов на слово «учиться» в 2010 г. была зафиксирована на уровне 91%, «наука» — почти 93, «душа» — свыше 93%. Все понятия этого семантического кластера вызывают у россиян намного более благожелательное отношение, чем понятия, связанные с приобретением и закреплением за собой материальных богатств (так, слово «копить» в 2000 г. вызвало симпатии только у 65% опрошенных, а в 2010 г. — у 67%).

Определенные изменения в смысловой тональности национального менталитета все же происходят. Но они касаются не столько баланса между материальными и духовными ценностями, сколько, если можно так выразиться, «аксиологии времени». Еще в 2000 г. нами была обнаружена характерная «проективность» российского менталитета: из трех основных временных модальностей наиболее привлекательным для наших соотечественников представлялось будущее (соответствующее понятие в 90% случаев вызывало положительный эмоциональный отклик), наименее привлекательным — настоящее (уровень симпатий к нему — 74%), прошлое же заняло промежуточную позицию (84% позитивных реакций). Для сравнения укажем, что самосознание респондентов-немцев, напротив, было сфокусировано на настоящем; при этом и настоящее и будущее в их глазах были лучше прошлого, симпатии к которому выразили всего 43% ответов. Однако ценностная ориентация россиян во времени за десять прошедших лет изменилась. Хотя российское общество в известном смысле по-прежнему развернуто в будущее, в ценностном плане настоящее к нему существенно приблизилось: если разрыв в частоте положительных эмоциональных реакций на соответствующие понятия в 2000 г. составлял 16%, то ныне он сократился более, чем вдвое, и соста-

вил около 7% (85% против 78). В то же время образ прошлого в глазах россиян заметно потускнел по сравнению не только с будущим, но и настоящим. Эти изменения можно интерпретировать как усиление реалистической струи в сознании и поведении, показатель нарастающего стремления добиваться определенных позитивных результатов здесь и сейчас, не откладывая их до наступления какого-то «лучезарного завтра» и в то же время не уходя в бесплодную ностальгию по якобы утраченному «золотому времени».

Если для политических и части интеллектуальных элит модернизация подчас становится самоцелью, то у простого человека другая логика, в соответствии с которой она может быть только средством для достижения каких-то более фундаментальных терминальных ценностей. По какой же мерке хотели бы устроить свою жизнь россияне? В чем они видят «смысл» этой жизни и что, следовательно, придает смысл самому процессу модернизации? На протяжении по крайней мере полутора десятилетий мы осуществляли зондирование жизненных установок наших респондентов, предлагая им специально подобранные пары альтернативных суждений по поводу ценностей, из которых в каждой паре надо было выбрать какое-то одно.

Обратим в этой связи внимание прежде всего на такие суждения, к которым присоединилось подавляющее большинство опрошенных. Их оказалось два. Первое из них «В жизни главное — хорошие семейные и дружеские отношения» — собрало в свою поддержку 81,5% голосов, тогда как выступавшее альтернативой ему «В жизни главное — общественное признание и успех» — всего 18. Второе — «В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были спокойная совесть и душевная гармония». С ним также согласилось свыше 80% респондентов; против же высказались приблизительно 20%, для которых главными ценностями являются доступ к власти и возможность оказывать влияние на других. Существенно выше — до трети опрошенных — эта цифра оказалась лишь в самой младшей возрастной когорте (до 20 лет), что довольно естественно объясняется недостатком жизненного опыта.

Кажется, длительная борьба личного и общественного закончилась победой первого над вторым: полученный результат показывает, что фокусом мироздания для нынешних россиян выступает их личный микрокосм. «Большой» мир должен быть достаточно благоустроен, чтобы можно было обеспечивать спокойствие в малом. Несомненно, современные россияне — индивидуалисты, причем в значительно большей степени, чем люди Запада. Но это не столько индивидуализм атомизированных агентов рыночных отношений, сколько выражение особого понимания свободы.

В принципе свобода одна из важных российских ценностей: большая часть наших респондентов (в среднем по выборке свыше 56%, а в крупнейших городах — до 2/3 населения) согласны с тем, что без нее жизнь теряет смысл и потому ставят ее выше материального достатка. Не приходится сомневаться в том, что доминирующее в либеральной культуре Запада представление о том, что свобода человека реализуется в его политических правах, находит отклик и в России. Судя по результатам проведенного опроса, его разделяют до 40% наших сограждан. Но все-таки это меньшинство. А для почти 60% россиян свобода — это, скорее, нечто очень близкое к тому, что в русском языке обозначается непереводимым на другие языки словом «воля» и проявляется как специфическое ощущение отсутствия внешнего контроля и регламентации, возможность «быть самому себе хозяином».

Если принять во внимание только что описанные, а также и некоторые другие выявленные в ходе исследований особенности русского и российского менталитетов, становится ясно, что попытки решить задачи очередного витка российской модернизации путем интеграции с либеральным Западом не вызовут в России такого энтузиазма, как в большинстве стран Восточной Европы. Более того, можно с большой долей уверенности прогнозировать, что попытки «продавить» такой вариант развития вызовут значительный социально-психологический дискомфорт, а значит, и внутреннее сопротивление населения (другой вопрос, в какие формы это может вылиться). На начальных стадиях процесса модернизации, пока у России не было необходимого для этого собственного опыта и социокультурных ресурсов, ориентация на западные образцы (с некоторой, разумеется, их адаптацией) даже вопреки недовольству значительной части населения была неизбежной. К настоящему времени, однако, такие ресурсы накоплены, и потому сегодня ситуация представляется *принципиально* иной. Здесь, разумеется, неуместно было бы обсуждать данную проблему во всех ее деталях. Но на некоторые важные в этом отношении моменты мы выше указали. В частности, мы имеем в виду трудовую мотивацию россиян, их склонность заниматься сложными видами деятельности и то, что можно было бы назвать трудовой лояльностью.

Трудно отрицать, что последний опыт сближения с Западом по целому ряду причин оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западнических увлечений периода становления демократии. В середине 1990-х гг. произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем — что очень важно — не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства.

Осуществленное в ходе проведенных нами исследований зондирование эмоциональных реакций наших респондентов на различные понятия показывает, что в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия «Россия», а также тесно связанного с ним понятия «русский». То, что эти имена воспринимается россиянами с большей теплотой, чем, допустим, «Америка», «Европа», «Евросоюз» или «Азия», может показаться чем-то вполне естественным, не заслуживающим особого внимания. Но это далеко не так: еще в 2000 г. мы заметили, что слово «Россия» вызывает у россиян положительный эмоциональный отклик чаще, чем у немцев слово «Германия» (у 94 и у 85% респондентов соответственно). Однако еще более примечательно то, что понятие «Россия» у россиян несколько опережает по частоте благожелательных ответов даже такие безусловные личностные ценности, как «Я» и «Мы» (в 2010 г. это почти 96% против соответственно 94,5 и 92%). Слово «Европа» в сознании россиян также окружено шлейфом положительных ассоциаций. Однако в целом они намного менее ярки и сильны, чем ассоциации со словом «Россия». И, кстати, по сравнению с 2000 г. частота положительных откликов на слово «Европа» несколько снизилось (с 83 до 76%). Наиболее расположены к Европе самые юные респонденты — до 21 года. В этой группе частота положительных реакций на данное слово достигла 90% и практически вплотную приблизилась к результатам, которые дало зондирование эмоциональных ассоциаций с понятием

«Россия». Укажем для сравнения, что в категории 60+ уровень симпатий к Европе не дотянул и до 2/3 опрошенных. Но вряд ли это можно однозначно расценивать как выражение особой «проевропейской» позиции. Самые молодые вообще демонстрируют наибольшую открытость миру. Они благожелательнее других реагировали и на слово «Азия»: соответствующий показатель по возрастной категории до 21 года превысил средний по выборке примерно на 8%. В то же время, как показывают результаты исследования, именно молодежь негативнее всего реагирует на все, что связано с концептом глобализации.

Таблица 4

Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже слов (понятий) вызывают у Вас скорее положительные чувства, а какие — скорее отрицательные?

Понятия	Скорее положительные	Скорее отрицательные	*Не ответили*
1. Эффективность	91,3	8,1	0,6
2. Приезжие	38,6	60,9	0,5
3. Рациональность	81,2	18,1	0,7
4. Европейский союз (ЕС)	56,4	41,9	1,7
5. Прошлое	74,6	24,9	0,5
6. Россия	95,7	4,1	0,2
7. Душа	95,3	4,4	0,3
8. Суд	28,3	71,1	0,6
9. Запад	48,1	51,3	0,6
10. Москва	70,0	29,7	0,3
11. Мы	92,1	7,5	0,3
12. Азия	43,7	55,6	0,7
13. Настоящее	77,9	21,8	0,3
14. Европа	76,5	22,9	0,6
15. Темп	78,3	21,1	0,6
16. Модернизация	74,5	24,9	0,6
17. Различия	56,5	43,1	0,4
18. Будущее	85,1	14,6	0,3
19. Я	94,5	5,2	0,3
20. Риск	51,9	47,7	0,4
21. Русский	95,0	4,6	0,4
22. Глобализация	42,8	55,4	1,8
23. Индивидуализм	60,9	37,9	1,1
24. Патриотизм	90,5	9,0	0,5
25. Копить	67,1	32,5	0,3
26. Наука	92,9	6,7	0,4
27. Демократия	74,5	25,0	0,5
28. Учиться	91,1	8,6	0,3
29. СССР	74,2	25,3	0,5

В свете интересующей нас сейчас проблемы приемлемости для России западных моделей модернизации обращает на себя внимание неблагоприятный баланс эмоциональных реакций наших респондентов на понятие «Запад». В 2000 г. это слово позитивно воспринимали 46% опрошенных, а негативно — 53, спустя же 10 лет соответственно 48 и 51%. Перепад между этими двумя числами, как мы видим, невелик, но он носит устойчивый характер. Самым значимым фактором, обусловливающим упорядоченные (законосообразные) колебания данного индикатора (а они довольно значительны), является возраст. Возрастная динамика отношения к Западу выглядит следующим образом. В двух самых младших возрастных когортах 18—21 и 22—27 лет баланс симпатий и антипатий является определенно положительным (что, однако, следует четко отличать от готовности безоговорочно следовать в фарватере транслируемых Западом представлений о том, как должна осуществляться модернизация России). Среди людей среднего возраста — от 28 до 50 лет — соотношение положительных и отрицательных реакций на понятие «Запад» становится приблизительно паритетным. Затем же оно «уходит в минус», так что самая старшая возрастная когорта 60+ вновь дает нам практически ту же пропорцию, которая была зафиксирована в самой младшей (63% против 36), но только с обратным знаком.

На протяжении всего новейшего периода отечественной истории в сознании ее населения сосуществовали и конкурировали по крайней мере три главных культурно-идеологических ориентации, которые обосновывали различные типы модернизации: либерально-западническую, советскую и наиболее размытую, по существу только еще формирующуюся, собственно российскую, в рамках которой в свою очередь возможны различные варианты — от народно-демократического до авторитарного.

По поводу того, как складывается баланс отношений между первыми двумя (мы, разумеется, имеем в виду массовые настроения, а не различных элитарных корпораций и центров влияния), было сказано уже достаточно. Остается отметить, что укрепление собственно российской идентичности сильно сказывается и на приверженности россиян к советскому опыту. Характерно, что процент положительных реакций на аббревиатуру «СССР» за 10 лет снизился на целых 12 пунктов. Если в 2000 г. она воспринималось с несколько большей симпатией, чем слово «Европа», то к 2010 г. это преимущество было утрачено. Тем не менее списывать советскую модель со счета было бы опрометчиво, ибо, несмотря на значительные усилия по ее дискредитации, население в целом отнюдь не склонно видеть советскую эпоху исключительно в темных тонах.

Благожелательное отношение к советскому прошлому распространено в принципе повсеместно, за исключением лишь мегаполисов, где настроения населения в этом вопросе делятся практически пополам. Наиболее лояльной к советскому прошлому группой, как и следовало ожидать, остается старшее поколение, в особенности те, кому перевалило за 50. Среди людей этого возраста только один человек из девяти или десяти опрошенных воспринимает то время безусловно негативно, тогда как 85 — 90% их ровесников испытывают по отношению к нему чувство ностальгии. Однако позитивное отношение в СССР устойчиво воспроизводится и в более молодых возрастных когортах. Начиная с 22 лет оно совершенно определенно преобладает над негативным. И только среди самых младших — тех, кто родился не раньше 1989 — 1990 гг. и может знать о Советском союзе только понаслышке, — зафиксиро-

вано некоторое (впрочем, очень умеренное — 4 %) преобладание обратных этому настроений.

Несомненно, ожидать возрождения советской модели в более или менее целостном виде не приходится. Однако, учитывая характер массовых настроений, было бы естественно предположить, что она не исчезнет бесследно, а отдельные ее элементы будут использованы при разработке стратегии российской модернизации на новом ее этапе. Точно так же и советская власть на определенном историческом этапе не могла игнорировать опыт дореволюционной России, хотя в силу понятных причин далеко не всегда была склонна это признавать.

Литература

1. *Тиммерман Х.* Европа и ее восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10.

2. Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего. М., 2010.

3. *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008.

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

Россия — Белоруссия: риторика отношений и реальные тенденции будущего развития

> Человек не делает ни одного шага в знании, не совершая его и в практической жизни. Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее. Синтезирующая функция, которая соединяет отдельные акты хозяйства в хозяйство, отдельные акты знания в науку, отдельные деяния человеческих индивидов в историю, в своей основе одна и та же. Как процесс динамический, и хозяйство, и знание, и история предполагают единство трансцендентального субъекта.
>
> *С.Н. Булгаков. Философия хозяйства*

Идея межгосударственной и региональной интеграции государств сегодня является крайне актуальной, поскольку, как показывают расчеты, политико-экономической стабильности можно достичь лишь в рамках кооперативного взаимодействия примерно 500 млн человек. Иначе говоря, именно за счет такой емкости внутреннего рынка может успешно развиваться сообщество *без границ и политической конкуренции,* обеспечивая минимизацию транзакционных издержек и расширенное воспроизводство. Кстати, в последнем воспроизводство *социально-психологических отношений* занимает далеко не последнее место. Поэтому идея формирования Союзного государства, СНГ и других интеграционных сообществ, безусловно, является верной.

Однако при строительстве Союзного государства мы, к сожалению, во-первых, «танцуем не от печки», поскольку сосредотачиваем внимание пер-

воначально лишь на формальных институтах — политике, политической воле, праве и пр. Последнее призвано обеспечить «хорошие законы», хотя мало кто сможет вразумительно ответить на вопрос, а что такое «хорошие законы» и при каких условиях они будут «хорошо работать» — на две страны или в рамках единого государства. Собственно, политико-правовой волюнтаризм — центральная проблема всех государств и объединений, и в нашем ответственном процессе мы не являемся каким-то исключением. Во-вторых, не имея опыта ни практического, ни теоретического *в институциональном строительстве* нового типа объединения (!), мы, *импортируя «чужие» институты, крайне мало* обращаем внимание на многие ментальные свойства населения и исторические традиции стран и регионов, а также присущие последним экономические законы и отношения (!). Но, установив *неадекватные* социально-экономическим отношениям политико-правовые формы, т. е. *формальные институты,* мы создаем условия для *институционального конфликта,* проявления которого могут быть самыми разными: от снижения доверия к власти до коррупции или, например, приобретающего огромные размеры теневого сектора. Стоит при этом заметить, что уровень коррупции в наших государствах уже стал беспокоить даже власти обеих стран, а размер теневого сектора оценивается на уровне 25—30% от ВВП в Республике Беларусь и примерно 40—45% — в России, что также заставляет принимать неотложные меры или по легализации доходов, или же по ужесточению мер борьбы с этим явлением. Кстати, в конце октября 2008 г. уже была озвучена на высоком уровне как в Белоруссии, так и в других странах[1] идея вместо борьбы с антиэкономическим накоплением капитала его *легализация и обеспечение при этом тайны банковских вкладов*.

Теории и идеология, царящие в странах, служат объединяющей и цементирующей силой общества. Именно образ мышления является главной институцией общества. «…Вера производит теснейшую связь между гражданами, — писал Н.М. Карамзин. — Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом» [1, 69]. Такая связь с ее верой и другими ценностями наших граждан обеспечивалась совместной историей, которая в свою очередь формирует мышление, поведение, поступки и, конечно, историю. Но в то же время именно это мышление, поступки и пр. уже определяют реальную историю. И это мы сейчас явственно не только наблюдаем, но и несем личные издержки разного рода, в том числе и социально-психологические в силу уже разного мышления и понимания нашими политиками содержания экономик России и Белоруссии, а также тенденций современной эпохи. Историки, скорее всего, и через десятилетия будут оценивать исторические факты через результаты, а не через *процесс, процедуры,* в которых дискурсивно-логические связи, отношения граждан имеют решающее значение с точки зрения причинности тех или иных результатов.

В целом можно выделить следующие *слагаемые отношений между странами,* которые при тех или иных условиях могут оказывать разнонаправ-

[1] Сами по себе эти явления еще не нашли своей оценки. Но то, что парадокс очевиден, — это факт: общественное мнение, политика, право должны признать нравственными и легитимными действия, которые ранее были антинравственными и незаконными только потому, что этого требуют размеры капитала. Действительно, количество денег определяет право и нравственность, этику, культуру и, конечно, саму демократию, которая является производной от финансовых активов.

ленную деятельность в области формирования единого *хозяйственного* (!) пространства[2].

- *Объективные хозяйственно-экономические процессы, задействующие производственно-экономические потенциалы стран.*

А. Историко-культурный *ген* и политико-экономический контекст развития (теории, идеология, история, культура). Это иначе можно назвать эффектом «колеи», или зависимостью от предшествующей траектории развития.

Б. Сложившееся разделение труда и интенсивность экономических отношений (ресурсно-технологическая зависимость, торговля, кредитно-денежные отношения и пр.) в реализации стратегий стран и хозяйствующих субъектов.

В. Интенсивность хозяйственных форм (кооперация на различных уровнях, наличие совместной собственности, идентичность социальных программ, культурный обмен.

- *Субъективные факторы, формирующие содержание отношений между странами.*

А. Интересы политики и *политиков,* их подготовленность и «державная мудрость».

Б. Цели и стратегии внутренней *доминирующей* социально-экономической силы (например, финансовая олигархия, военные, производительный капитал, малый и средний бизнес, наемный труд, интеллигенция, политические элиты).

В. *Идентификация* своих интересов и умение организоваться и представлять свои интересы для формализации отношений и целей.

Г. Позиция «простого народа» и электорального избирателя *(активно-пассивная),* имеющая все-таки в конце концов решающее значение в историческом выборе.

Д. Внешний фактор (по отношению к анализируемым странам).

Что же послужило причиной разобщения, дезинтеграции стран, которые имели, скажем, вековую историю? С нашей точки зрения, толчок к этому был дан в 1980-е гг., когда начали считать при достаточно глубоком разделении труда и обобществленном интегрированном хозяйстве в рамках бывшего СССР, какая республика, сколько и кому дает, т. е. производит, и сколько сама потребляет. Конечно, эта дискуссия никого и ни в чем не убедила, однако основа недоверия возникла весьма серьезная. Иначе говоря, так был разрушен социальный капитал советской экономики, что сказалось буквально во всех бывших республиках, которые потеряли почти половину своего внутреннего ВВП. Неуправляемые и хаотичные процессы подтолкнули для выживания республиканских образований к созданию собственной валюты, границ и прочей государственной атрибутики. Людям от политики это не могло не понравиться, ибо такая независимая государственность стала приносить им *личную политико-властную ренту.* Атомистичные силы формирующегося частного капитала также не могли не вносить свою лепту в то, чтобы уже самостоятельные государства оберегали интересы этих индивидуализированных форм хозяйствования разобщающимися мерами политико-экономического характера. Тем более что почти во всех бывших союзных республиках молодой волк — капитал — начинал работать под патронатом

[2] Пока мы говорим лишь об экономическом пространстве. Но рано или поздно вопрос встанет о едином хозяйственном пространстве.

своей власти. И вот здесь мы бы хотели зафиксировать, что в уже текущих складывающихся условиях риторика о мнимых государственных интересах и независимости часто подменяет действительно державный интерес той или иной молодой в политическом отношении страны. Выгоды же от тех или иных интегрирующих мероприятий рассчитываются не с точки зрения *доминирующей общей стратегии деятельности держав* в целом, а с точки зрения того, что какое-то мероприятие даст властной группировке от бизнеса, имеющей альянс с политическими структурами. Вот именно этим можно объяснить крайне противоречивую и даже странную политику формирования союзного государства и других региональных образований. Иначе говоря, бизнес там, а точнее, капитал по своему содержанию и философскому духу — мелкобуржуазный. Последний никак не расположен к политике интеграции, так как он боится потерять свое частное «лицо», а иными формами управления еще не овладел. Мелкотоварная философия, или душа этого рентоориентированного капитала, хорошо ориентируется в краткосрочных выгодах, но крайне слабо осознает выгоды долгосрочные и, следовательно, характер и необходимость таких капиталовложений. В лучшем случае эти капиталы могут эксплуатировать (!) созданные за счет всего общества институты, которые обеспечат преимущества деятельности в интегрированном политико-экономическом пространстве.

Усилили дезинтеграционные процессы фрагментаризация мышления и распада хозяйственных культур, обусловленные активной идеологической пропагандой либерально-индивидуалистической доктрины: учимся рынку. А, как известно, такое обучение была призвана выполнить «экономическая теория». И совсем неважно, как выдерживает данная «теория» тест на научную истину, но важно то, что она весьма успешно выдержала тест на формирование «капиталистической идеологии» с такими ее атрибутами, как «частная собственность, свобода предпринимательства и выбора, доминанта частного интереса конкуренции и пр.» [2, 51—55]. «Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства… и устроить земное бытие человека по образцу звериной стаи — жестокой, алчной и беспощадной» [3, 109, 345]. Для «новой экономики» характерны не только информационно-психологические и технологические аспекты, но и то, на что указывал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II: «Сегодня происходит губительный для европейской цивилизации *разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности.* Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека»[5]. Таким образом, основы безнравственной экономики, заложенные в ходе формирования *ранних моделей рыночного устройства периода первоначального накопления капитала,* буквально разломили ту цивилизацию, которая формировалась на протяжении нескольких десятилетий не только специфическим социалистическим хозяйствованием, но и влиятельной объединяющей культурой историей XX в. Поэтому и правительства буквально всех бывших социалистических стран не могут в своих личных мировоззренческих позициях и в проводимых мероприятиях не заниматься риторикой о «незалежно»-*независимой* государствен-

[5] Из выступления на сессии ПАСЕ (г. Страсбург, октябрь 2007 г.).

ной политике, отражающей известные времена существования удельных княжеств, раздирающих войнами Европу.

Главная институциональная ловушка для России, Белоруссии и других реформирующихся стран оказалась в том, что, как сказал Дж. Стиглиц, «в последние годы общественный баланс, сложившийся в развитых странах под давлением групп специальных интересов, недостаточно учитывает потребность в распространении инноваций. В результате их темпы могут замедлиться, что негативно скажется на уровне жизни населения как в богатых, так и бедных странах… Сам по себе рынок недоинвестирует в человеческий капитал. …Сам по себе рынок недоинвестирует в развитие технологий. …Ужесточение правового режима охраны прав на интеллектуальную собственность… приведет к ошибочной приватизации общественных знаний, таким образом, создавая стимулы для неверного направления интеллектуальной энергии» [4, 28—29]. И действительно, две страны, в которых начали, по крайней мере, на всех уровнях громко говорить (!) об инновациях и соответствующих программах, по итогам получили, скорее, недоиспользование *человеческого капитала,* что само по себе говорит о незавершенности и недейственности этих программ. Уровень наукоемкости ВВП в Белоруссии даже снизился за десять лет и составил примерно 0,7%, а заработная плата менее 500 дол., что явилось камнем преткновения предвыборных на президентский пост дебатов. Причина такого явления раскрывается в «откровениях» известного российского предпринимателя, который отразил идеологию новой буржуазии: «Нищета в стране — не наша забота. Мы занимаемся лишь тем, что нам выгодно. Все остальное — эмоции» (из интервью П.О. Авена телепрограмме «Постскриптум» 22 ноября 2004 г.).

В текущей политике политики также весьма своеобразно определяются отношения наших стран, что дает основание двояко или совсем по-разному трактовать их содержание. «То, что российское руководство хотело бы включить в состав России Беларусь, наверно, вы об этом хорошо знаете. Но я не думаю, что российское руководство до сих пор вот так тупо придерживается этих целей. …Никакого резкого ухудшения отношений нет, потому что это не нужно ни России, ни нам. Но Россия допускает те же ошибки, что и Европейский союз. Надо учитывать, что есть государство и народ, белорусское государство и белорусский народ. …Вся сложность состоит в том, что мы находимся между этими огромными двумя монстрами: Европейским союзом и Россией. И у каждого есть свои интересы на территории Беларуси» (из интервью А.Г. Лукашенко газете «Фигаро» 25 ноября 2010 г.). Обратим внимание на дату высказывания. Скорее всего, интересы, безусловно, есть. Но отметим, что даже в 1920-е гг., когда обстановка была более благоприятная для включения Белоруссии в состав России, все же было создано весьма демократичное образование — СССР, о чем свидетельствует Конституция данного государственного объединения, которую, кстати, юридически никто и нигде не отменил, хотя отменили каким-то соглашением государственное формирование. И тем не менее 26 ноября премьер-министр России на заседании Совета Министров Союзного государства заявляет: «Россия и Беларусь выходят на траекторию устойчивого роста» (из интервью В.В. Путина на заседании Совета министров Союзного государства 26 ноября 2010 г.). Это значит, что хотя личности и творят историю, но все же история имеет свои законы эволюции, которые обходят личные интересы политиков.

Россия — крайне влиятельная для мирового хозяйства страна, хотя, безусловно, степень ее влияния во второй половине XX в. заметно снизилась.

Россия — седьмая экономика в мире по объему производства ВВП (2009). Номинальный объем ВВП за 2009 г. составил 1,23 трлн дол., а по ППС — 2,12 трлн дол. Доля экономики России в мировой — 3,2% ВВП, а внешнеторговый оборот составил 735 млрд дол., в котором положительное сальдо составило 201,2 млрд дол., со странами СНГ — +106 млрд дол. В России проживает 1,5% белорусов, о чем свидетельствует перепись 2010 г.

В свою очередь Республика Беларусь — это 1,2% территории России и 0,9% СССР, где проживает 9 млн 465 тыс. жителей. Напомним, что перед Второй мировой войной в Белоруссии уже проживало более 10 млн жителей. Таким образом, Белоруссия — это 6,7% населения России, 3,6% жителей СССР, производившей 4% ВВП экономики Союза. В свою очередь, это 8,13% ВВП России, где проживает 8,3% русских (по переписи 2010 г.). Но в Белоруссии добывается всего лишь 4% используемых природных ресурсов. И тем не менее именно она исторически первая использовала капиталистические формы хозяйствования в ремесле, сельском хозяйстве, выступая западной окраиной России. По сути, существующая *технико-экономическая система* есть следствие индустриальной политики СССР и России, хотя нынешняя *политико-экономическая модель* хозяйствования — самостоятельный выбор.

Степень влияния на окружающие страны прослеживается по структуре экспорта-импорта страны. Для России характерна, к сожалению, стала товарно-сырьевая направленность экспорта. Например, в 2008 г. доля минеральных ресурсов составила около 70%, в то время как доля экспорта машин всего лишь 4,9%. Это означает, что зависимость Белоруссии происходит не от интеллектуально-технического капитала, а от сырьевых фирм. Иначе говоря, белорусы платят России *природную ренту,* которая является следствием монопольно-природных условий, что позволяет судить о завышенности цен на сырье из России и заниженные цены белорусских товаров, поставляемых в РФ. Но все-таки подчеркнем, что существующая модель российской экономики позволяет присваивать эту ренту частным монополистам.

Для всего мира типична высокая доля готовой продукции. В России же доля готовой продукции в импорте более чем в 3 раза превосходит долю готовой продукции в экспорте. В структуре российского импорта продовольствие и сельскохозяйственное сырье имеют в 2 раза больший удельный вес (18%, 2008 г.), чем в странах с высоким (9%) и средним (9%) доходом. На топливо приходится 3%, в то время как в странах с высоким доходом — около 12%. В целом по показателю международной торговли Россия занимает 161-е место в мировом рейтинге. Конечно, вызывает крайнее беспокойство и замедление научно-технического прогресса. Почти 60% оборудования старше 16 лет, а физический износ основного капитала в ряде отраслей превышает 80%, что не делает российскую экономику привлекательной и образцовой для других стран.

А вот как выглядит экспорт белорусской продукции в Российскую Федерацию (табл. 1).

Таблица 1

Экспорт белорусской продукции в РФ (январь—август 2010 г.)

Наименование	2010 г.	в % к 2009 г.	в % к 2008 г.
Тракторы	11,3 тыс. шт.	117,3	59
Седельные тягачи	868 шт.	3,3 р.	20,15
Грузовые автомобили	3168 шт.	3,5 р.	50,4

Продолжение табл. 1

Дорожная и строительная техника	1066 шт.	185,4	41,16
Прицепы и полуприцепы	5681 шт.	96,8	41,53
Запчасти (тракторы и автомобили)	24,1 тыс. шт.	133,6	71,35
Двигатели внутреннего сгорания	20,8 тыс. шт.	142,4	47,5
Трансформаторы	666,8 тыс. шт.	154,2	82,81
Холодильники и морозильники	410,5 тыс. шт.	110	83,91
Телевизоры и мониторы	186,4 тыс. шт.	292,4	72,81
Мясо и мясопродукты	129,3 тыс. шт.	128,6	174,64
Молоко и молочные продукты	373,1 тыс. шт.	132,6	145,77

Из таблицы 1 видно, что объем белорусского экспорта в соседнюю страну достаточно значим не только для экономики Белоруссии, но и для России, что определяет степень *взаимозависимости* двух стран. Мировой кризис 2008 г. увеличил поставки продукции белорусских производителей в Россию. Именно в это сложное время всегда обостряется конкурентная борьба, чем можно объяснить и «молочную», и «газовую», и другие политико-экономические войны.

Но для обеих стран характерно использование по преимуществу третьего и четвертого технологических способов производства. Ни одна из стран не обладает сколь-нибудь весомыми научно-технологическими преимуществами (табл. 2).

Таблица 2

Доля стран в мировом высокотехнологичном экспорте, % (2006)

Страна	Объем, млн дол.	Доля, %
США	219179	15,5
Германия	154757	10,9
Китай	271170	19,1
Россия	4755	0,3
Белоруссия	268	0,02
Украина	926	0,1

Источник: [5].

Открытость экономики Белоруссии достаточно высокая и приближается примерно к 120% годового ВВП. Это делает экономику нашей страны достаточно зависимой от мировой конъюнктуры в целом и российской в частности. Товарооборот же России и Белоруссии в 2009 г. составил 23,4 млрд дол. (в 1999 г. — всего 6,9 млрд дол.). В 2010 г. доля России в экспорте Белоруссии составляет примерно 40% (в 2009 г. — 33%).

Доля Белоруссии в общем экспорте России приблизилась к 4%. Но импорт из России в Белоруссию в 2009 г. составил 16,7 млрд дол. Если доля иностранного капитала в банковском капитале РБ составляет 27,25%, то доля

России в нем более 60%. Валовой внешний долг Белоруссии в 2009 г. — 37,1% к ВВП (1996 г. — 13,3%). Государственный же долг отражает где-то около 19% ВВП на 1 сентября 2010 г. (общий объем госдолга — 9451,3 млн дол.).

Импорт энергоресурсов в республику — 85% потребности (!). Рентабельность промышленности в 2009 г. находится на уровне 10%, а из 6 млрд дол. внешних инвестиций (2010) примерно 70% являются инвестициями российскими.

В то же время можно отметить совсем неплохой для республики показатель золотовалютных резервов — на 1 октября 2010 г. примерно 6485 млн дол. Это свидетельствует о совсем неплохих гарантиях государства для российско-белорусского сотрудничества в различных формах, поскольку есть возможность защиты различных рисков. Но эти инвестиции опять-таки не ориентируют белорусскую экономику на переход к экономике знаний, к высокотехнологичному производству: это или строительство бизнес-центров, жилья, или банковский бизнес. Для двух стран примерно одинаковый уровень развития новой сферы — экономики знаний. Россия находится даже на более высоком — 60-м месте. По индексу развития человеческого капитала в 2007 г. Белоруссия опережала Россию и занимала 60-ое место, а Россия — 71-ое. Однако вместе с тем ее влияние на окружающие страны в этом направлении не совсем значительное. Пока, видимо, российское образование, образ мышления и жизни не являются «модными» образцами для подражания для народов других государств (табл. 3).

Таблица 3

Индекс экономики знаний

Место	Страна	Индекс экономического и институционального режима	Индекс знаний	Индекс инноваций	Индекс образования	Индекс ИКТ
1	Дания	9,71	9,49	9,49	9,78	9,21
60	Россия	1,76	5,82	6,88	7,19	6,38
72	Казахстан	4,7	4	3,68	7,07	4,76
73	Белоруссия	1,15	6,19	5,79	8,02	4,74

Источник: [5].

Две страны, которые как бы (!) начали с начала 1990-х гг. свое самостоятельное движение в области политико-экономического развития, все же имеют как сильнейшие коэффициенты сцепления, так и факторы дезинтеграции. Например, для Белоруссии, с нашей точки зрения, как и для любой другой малой страны, сильно снизился параметр, или фактор, *интеллектуально-технологического и культурного влияния.* Фактор же сырьевой зависимости сместился с уровня государственного управления, когда можно было формировать общие государственные интересы, на уровень незрелого и рентоориентированного капитала с его безнравственной идеологией. Поэтому мы приведем данные, показывающие, к каким институциональным итогам пришли

Россия и Республика Беларусь (они имеют агрегированный характер и собирались из разных источников на разный период времени) (табл. 4).

Таблица 4

Общее и особенное некоторых институциональных свойств России и Белоруссии

Институциональные свойства	Общее	Особенное
Доминирующий тип социально-экономического мышления	+, – Патриархально-самодержавное	В Белоруссии выше лояльность к формальному праву. В России — к традициям (старым и новым — клубным)
Дистанция к власти	+ Близкая (бизнес и население стремятся к патернализму)	
Отношение к власти (доверие)	+, – Доверие к церкви доминирует	Разные институты имеют разный уровень доверия
Доступ к закону	+, – Цена высокая	В России — цена выше → большой теневой сектор
Континуум «индивидуализм-коллективизм»	+ Предпочтение коллективизму	
Ценность личной свободы	+ Относительная	Индивидуальная свобода в шкале ценностей находится во втором десятке
Денежная мотивация	+ Не на первом месте	
Формально объявленная стратегия развития	+ Инновационная	– (Есть различия в реализации, уровне НИОКР, следствии)
Рынок	+ Специфический, основан на простом утилитаризме	В России — клановo-феодальный (олигархический), в Белоруссии — административно-бюрократический
Отношение «труд — капитал»	+ Неравнопартнерские, противоречивые; капитал социально безответственный, а труд — оппортунистический. Следствие — высокие трансакционные издержки, низкая эффективность бизнеса	
Отношения собственности	+ 1. Рост отчуждения работников от реализации собственности 2. Государственная	

	собственность не нашла своих политэкономических форм	

Продолжение табл. 4

Совпадение ментальности и интересов населения и политиков	+, – В обеих странах политика — это рынок, обмен	В Белоруссии совпадение большее
Влияние религии	+ Высокое	Есть различия в конфессиональной структуре
Ценности домохозяйств	+ Высокая ценность семьи как экономической, так и культурной единицы	
Стратегия капиталов	+, –	У России — рентоориентированный, в Белоруссии — производительный со слабым коммерческим вектором (произвести — главное)
Уровень доверия среди предпринимателей	+ Низкий	
Уровень доверия населения к капиталу	+ Низкий, поведение оппортунистическое	
Экономическая эффективность систем	+ Крайне низкая	В России производительность труда ниже чем в США в 4 раза, в Белоруссии — 75% от российской
Институциональная эффективность Союзного государства	??? Требуется обширная дополнительная информация	А. Капиталы — слабые, политики, народы — маловлиятельны Б. Сдерживается большими издержками по созданию инфраструктуры

Сделаем некоторые комментарии. Таблица 4 *в целом отражает общие тенденции эволюции систем и оценки.* Хотелось бы верить, что в некоторой степени приведенные характеристики по своему смыслу будут понятны читателю, поскольку некоторые общие и отдельные исследования институциональной теории сегодня уже сделаны. Имеются также и разной глубины анализа прикладные наблюдения. Но они касаются или отдельных общих проблем развития (но больше функционирования), или частных вопросов отдельных стран. Сравнительный же анализ — дело крайне непростое и требует огромного массива информации с междисциплинарным подходом ее оценки и обобщения. Фактом же является то, что эти и другие институциональные параметры крайне важны для проведения эффективной стратегии и тактики строительства единого государства. Можно привести пример Ирландии, где, казалось бы, небольшие религиозные отличия уже многие десятилетия не позволяют прийти к общему знаменателю с политикой королевства Великобритании. Нельзя руководствоваться в таком процессе только экономическими параметрами, хотя последние и являются крайне важными. Но

экономистам крайне важно понять, что в экономическом развитии (!) внеэкономические, т. е. институциональные факторы, в конечном счете, имеют доминирующее значение. В этом подходе раскрывается и загадка капитала в целом, в мире лишь два десятка стран попадают в разряд индустриально развитых, около двухсот влачат жалкое существование. Раскрытие же некоторых *тайн современного капитала* с учетом текущего финансового кризиса, пожалуй, уже дает ответы на вопрос, а все ли страны живут не только по своим средствам (ресурсам), но и по своему вкладу в мировое богатство — реальное и дутое, финансовое. Очевидным становится то, что созданная система международных институтов позволяет извлекать, *искусно перераспределяя, глобальную ренту,* на что обращали внимание такие нобелевские лауреаты, как М. Алле, Дж. Стиглиц, П. Кругман и др. Нельзя устойчиво и обеспеченно жить, создав определенные правила поведения в мире, приватизируя лишь доходы и предлагая не участникам строительства глобального пространства (мир-экономики — Ф. Бродель) национализировать издержки. Поэтому интегративные процессы Белоруссии и России, имеющие технико-экономические и исторические основы и усиливающие в мировом сообществе политико-экономические конкурентные преимущества, нуждаются в грамотном институциональном оформлении и сопровождении. История свежа фактами быстрого роста многочисленных *псевдоинститутов* с неопределенными целями и функциями, которые могут воспроизводить только собственное существование. К сожалению, пока еще никто не проанализировал, какие же институты в союзном государстве имеют перспективы и несут эффективный потенциал к развитию и экономическому росту этого сообщества, а какие лишь создают условия для паразитизма отдельных слоев или классов, а, может, даже и отдельных стран. Такие объединения и альянсы, как показывает практика, долго «не живут», а их существование сопровождается разного рода конфликтами между его участниками. Современный финансовый кризис своим завершением укажет, какие союзы и образования выдержали испытание на зрелость, а какие оказались искусственными и, следовательно, неэффективными. Однако фактом остается то, что новая послекризисная эпоха высветит и новые валютные союзы, устранив лжеактивы и лжевалюту.

Условиями же устойчивого развития стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ в XXI в. являются:

- существенная корректировка дезинтегрирующей конкурентной либерально-рыночной доктрины XVII в. и выработка интеграционной парадигмы *развития,* отвечающей условиям XXI в.;
- диктатура науки; но наука также нуждается в серьезном переосмыслении;
- возврат к пропаганде наших традиционных восточнославянских ценностей и идеалов;
- переход к нравственному измерению экономики и хозяйственного оборота системы в целом.

Литература

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1994.
2. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
3. *Митрополит Иоанн.* Русская симфония: очерки русской историософии. Русский узел. СПб., 2004.

4. *Стиглиц Дж.* Многообразнее инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.
5. Экономика Беларуси. 2010. № 3

А.Я. ДУТКА, З.Э. СКРЫННИК

Украина как зеркало российского самоутверждения

Не прошло еще пяти лет с той поры, в которую ЦОНовская монография начиналась констатацией: наступили времена, когда словосочетание «Россия — великая держава» воспринимается как пошлое издевательство [1, 3]. Незаметно, но неотвратимо происходят перемены: уже с иными интонациями мы обсуждаем сегодня тему «Самоутверждение России». И в этом новом контексте важной составляющей остается вопрос об имперском характере возрождения России, ее возвращении к традиционным смысложизненным цивилизационным установкам. Собственно, эти установки никогда и не были отброшены, только «работали» они в негативной модальности, в форме дискурса, что «невзгоды и беды, обрушившиеся на народы и новые государства (бывшего СССР. — *А.Д., З.С.*), — это плата за отказ от имперской идеи, которая доминирует в мире, плата за нашу раздробленность» [2, 115].

Приверженность современным цивилизационным ценностям, в том числе и такой, как признание права соседних народов на самоопределение, обязывает соблюдать определенные рамки в этом дискурсе. В частности, отсюда происходят и концепт «неимперская имперскость», и тезис о том, что новая империя обустраивается в границах Российской Федерации. В то же время не вызывает сомнений, что вопросы российской имперскости неминуемо затрагивают проблему взаимоотношений России с Украиной, как и с другими странами бывшего СССР. Вопрос состоит в том, как самоутверждение России сказывается на реализации национальных интересов Украины как *иного*, самостоятельного государства с собственной исторической судьбой и соответственно перспективой.

Острота этого вопроса обусловлена тем, что собственная историческая судьба Украины в значительной степени развертывалась *внутри* Российской империи (в том числе и СССР). Поэтому для стороннего наблюдателя и нет вовсе никакой *собственной* судьбы, а есть *общая* история, культура, экономика, которую разрезали «по живому», население, связанное родственными узами и насильственно разъединенное и т. п. Чтобы на этом фоне непредвзято усмотреть различия, нужно намного лучше знать историю Украины, ее культуру, общественно-философскую мысль, чем знает большинство тех, кто пишет на темы российско-украинской культурно-исторической общности. Однако эти различия существуют, и они пролегают именно в плоскости национального самоутверждения, концентрируясь в ментальном феномене, который принято называть национальной идеей.

В украинском обществе тема национальной идеи значительно более проблематизирована, поскольку сложным и противоречивым является процесс обретения государственности и возрождения национального самосознания. Следует вместе с тем подчеркнуть, что сам феномен украинской национальной идеи — не продукт событий XX — XXI вв., а комплекс мировоззрен-

ческих идей, сформированный в XIX в. культурно-философским течением украинского романтизма. Кстати сказать, впервые выдвинут он был отнюдь не западными украинцами, а киевским тайным политическим обществом «Кирилло-Мефодиевское братство», программный документ которого «Книга бытия украинского народа (Закон Божий)» дошел до нас из архивов разгромившей его царской охранки.

Особенность созданной романтизмом национальной идеи Украины в том, что это идея нации-культуры, народа как духовного сообщества. В отличие от России, в ней контекст государственности не подменяет собой контекст нации в силу двух достаточно прозрачных причин. Во-первых, национальная идея Украины сформировалась в эпоху длительной и лишенной исторических альтернатив безгосударственности. Во-вторых, философским базисом украинской национальной идеи была иррационалистическая философия немецкого романтизма, в частности, И. Гердера, в которой национальная идея явственно деэтатизирована, смещена с принципа государственности в аксиологическую плоскость, в статус моральной гуманистически-мировоззренческой антитезы идеи державности.

В России же на теоретически-мировоззренческом уровне не произошла в XIX — XX вв., как у других европейских народов, эмансипация народа от государства. Поэтому традиция рассматривать государство, державность как Богом данную судьбу, как воплощение «российского духа» находит свое логическое завершение в эсхатологической идее «Царства Божия». По справедливому замечанию Н. Бердяева, национальная великорусская идея — «это не гуманистическая идея в европейском смысле слова» [3, 115]. Скорее ее можно прочитывать как идею уникальности Росси, ее предназначения завершить собой всемирную историю, установить на земле Царство Божие в виде реального и нерушимого земного государства.

Если что и изменилось в данном контексте со времен монаха Филофея, так это внешние условия реализации эсхатологической миссии: в современном мире речь идет уже не столько о построении Царства Божия на земле, сколько о всемирном апокалипсисе. Соответственно миссия России, которую она способна реализовать в отличие от западного мира, — выстоять в мировой аутокатастрофе XXI либо последующих (но недалеких!) столетий, уцелеть, сохранить нерушимую бытийность в силу своей уникальной принадлежности к иному, вневременному, доренессансному миру.

Украина, включенная в Российское государство в течение трех с половиной столетий, не могла не воспринять российскую государственническую идеологию. Вероятно, решающую роль здесь сыграли даже не геополитические факторы, а экзистенциально-духовные: Киевская Русь в 988 г. приняла христианство в его восточном, византийском варианте, одним из основоположных принципов которого являлся цезарепапизм.

В последующие эпохи богатая на драматические коллизии история Украины ознаменовалась, среди многих тектонических сдвигов, расколом на две ветви христианства — православную и греко-католическую, которая сформировала прозападную ориентацию значительной части сегодняшнего населения Украины. Через территорию Украины пролегла «великая историческая линия, которая существовала в течение столетий и отделяла западных христиан от мусульман и представителей православия» [4, 194].

Для народов центральной и восточной Европы значимость этого «водораздела» проявилась в постсоветское время: страны, находящиеся от этой линии на стороне протестантизма и католицизма, начали довольно быстро

продвигаться, ориентируясь на принципы демократии и рыночной экономики. По другую сторону этой черты Россия формирует под своим руководством блок с православным ядром и близлежащими относительно слабыми исламскими государствами в качестве буфера.

Украина как страна, по территории которой проходит цивилизационный разлом, оказалась, как и предсказывал Хантингтон в середине 1990-х гг., государством нестабильным, мало прогнозируемым и подверженным бесконечным шараханиям из стороны в сторону. Для стороннего наблюдателя этот «разброд и шатания» выглядят нелогичными и вызывают недоумение. Правда, недоумение различного рода. С западной стороны цивилизационной границы: «Почему бы этим несчастным не навести, наконец, порядок у себя в стране?». С восточной стороны: «Когда, наконец, эти несчастные перестанут играться в самостийность и вернутся в свою (т. е. нашу) страну?». Ведь самоутверждение России в сущностных для нее измерениях державности и имперскости не может не принимать в расчет украинский вопрос, а вопрос состоит в том, почему мы оказались вдруг в разных государствах и когда это кончится.

Для самой Украины проблема состоит в том, что оба эти недоуменные вопроса с одинаковой настойчивостью порождает ее внутренняя ситуация. Причиной раскола населения на «схидняков» и «бандеривцев» — не только бессовестные и бесчестные политики, хотя и их никак не хотим лишить соответствующих лавров. Все же они лишь воспользовались ситуацией, которую создали история, география, геополитика, 40% мировых черноземов, грамотное и хозяйственное, но слишком покладистое население, традиционные эгоизм и междуусобная грызня национальных вождей: Украина столетиями была поделена и много раз переделена между различными государственными образованиями, а потому ментально конституировалась в разных, более того — противоположно направленных руслах.

Мировоззренческая экспансия российской ментальности особенно четко проявилась в XX в., когда государственническая идея в оформлении марксистско-ленинской идеологии мощно утверждала в сознании советских людей, с одной стороны, принцип государственного патернализма и, с другой, модель индивида — «колесика и винтика». Эти стереотипы не изжиты в сознании и сегодня, они определяют содержание альтернатив, которые являются предметом уже постсоветского выбора. С одной стороны, центробежная прозападная ориентация: рыночная экономика, опирающаяся на правовое государство и гражданское общество. На нее нацелены те слои населения, в мировоззрении которых доминируют интенции личной экономической и гражданской активности, причем экономическая и гражданская активность взаимосвязаны. С другой стороны — квазирыночная олигархически-клановая система, которая подминает под себя и коррумпирует государственную власть во всех ее ветвях и ответвлениях. Она эксплуатирует клиенталистские ожидания людей, взращенные дистрибутивно-патронатной политикой государства советских времен, и подпитывается ностальгией, в которой «светлое прошлое», «наш адрес Советский Союз» и «Россия» оказываются неразделимыми.

Безусловно, в любом обществе существует подобное расслоение граждан, а соотношение между отдельными слоями вычерчивает общий вектор экономического и политического движения. Особенность Украины в том, что в одной стране с единой (пусть и не вполне зрелой) государственной системой сложилась поляризация по геополитическому принципу и наметились два

противоположно направленных вектора, которые не позволяют выстроить единую логику самоопределения украинского государства.

Вот почему процесс, означенный как самоутверждение России, так глубоко затрагивает Украину: по мере консолидации российского общества и возрастания общемировой значимости России она становится более мощным центром притяжения — но в то же время и все более сильным полюсом центробежных сил, что почти автоматически приводит к дестабилизации внутриполитической ситуации на Украине.

Существуют и набирают силу также и другие тенденции внутри самой Украины, которые за время ее независимого развития весьма существенно изменили траекторию движения. Двадцать лет назад она появилась на карте мира как новое, мало кому понятное государство, с крайне фрагментированной экономикой, без собственных денег, с инфляцией в 1870% в 1993 и в 720% в 1994 г. Через немногим более десяти лет мировое сообщество уже признало Украину государством с рыночной экономикой. Но с каким сознанием? В значительной мере это было сознание *антирыночное,* и не только у тех, кто не способен конкурировать на рынке труда, произведенных продуктов, интеллектуальной собственности. Антирыночными являются и сознание и поведение «дикого накопления капитала», поскольку современный рынок предусматривает законность и предпринимательскую порядочность. Исторически так сложилось, что Украина не имела опыта протестантизма, который в течение нескольких столетий учил европейцев и американцев, что зарабатывание денег — дело моральное, угодное Богу. Антирыночное сознание было серьезным препятствием для восприятия западных ценностных ориентаций и тем связующим звеном, которое подпитывало ориентации на российский особый путь в хозяйственном развитии.

Однако за двадцать прошедших лет позиции рыночного сознания на Украине существенно укрепились. Украина принадлежит к числу так называемых «стран позднего развития», которые проходят азы рыночного мышления значительно позже западных народов. Конечно, тот передел собственности, который произошел после обретения независимости, мало общего имел с экономическими рыночными реформами. Суть изменений состояла скорее в том, что с редистрибутивных механизмов советского времени были сняты суровые ограничения партийно-советской дисциплины и неожиданная свобода того процесса, который в народе получил название «дерибан», перевела его в режим вакханалии. Но за это же время около 8 млн украинцев прошли на Западе трудную школу остарбайтерства — эти люди не только направили в страну поток заработанных тяжелым трудом «живых» денег, но и стали своеобразными миссионерами рыночной идеи. Приверженцами рынка являются и те около 6,5 млн украинцев, которые в общественном резонансе на новый налоговый кодекс вдруг проявили себя в последние недели ноября 2010 г. как оформившаяся социальная прослойка под обозначением «самозанятые».

Опять-таки в событиях последнего времени достаточно выразительно прослеживается корелляция между рыночными ориентациями и ценностями гражданского общества, которые создают у людей не только потребность контролировать государственную власть, но и возможность реализовать такой контроль. Беремся утверждать, что точкой отсчета в формировании элементов гражданского общества на Украине были события Оранжевой революции 2004 г. Наверное еще не завтра придет время для беспристрастной оценки тех дней, но для тех сотен тысяч украинцев, которые реально стояли на Майдане, это был первый в их жизни «праздник непослушания», когда люди, взращен-

ные в духе полного подчинения государству, получили шанс эмансипироваться от воли государственных чиновников и сумели хотя бы на время им воспользоваться.

Именно в 2004 г. не только в полной мере проявилась геополитическая поляризация Украины, обозначилось соотношение между пророссийскими и прозападными устремлениями украинцев, выявилась их динамика, но и высветилась экзистенциальная суть цивилизационного выбора: это выбор между *украинской* и *неукраинской* Украиной. Однако этот выбор предстал как ориентированный вовне, на тот или иной геополитический вектор, на помощь с той или иной стороны. Что не было достигнуто — это мобилизация внутренних ресурсов: гражданственности, патриотизма, государственничества национальной элиты. И поэтому в конечном итоге осталась примитивная схема: «с Россией» либо «от России».

Но за «сменами декораций» и деклараций в украинском политикуме не стоит упускать из виду существенную особенность незрелой национальной элиты в хаотизированном социуме. На чью бы помощь она не рассчитывала, какому бы сюзерену не присягала на верность, главным приоритетом для нее будет собственная монополия на владение, управление, распоряжение внутри своей «вотчины». А потому она не будет надежным партнером ни для внешних союзников, ни для собственных граждан. Многократное повторение этой схемы в политических перипетиях последних лет создали в украинском обществе ситуацию безысходности и обреченной покорности судьбе.

И вдруг протесты предпринимателей, прокатившиеся в последние месяцы по Украине, неожиданно перевели ситуацию в плоскость, где стало реальностью столь давно вожделенное единение «востока» и «запада»: нынешний протестный запрос к национальной элите состоит в том, отвечают ли ее действия коренным экономическим интересам *собственной* страны. Внешние ориентации на «восток» и «запад» отступают на задний план, и выявляется простая истина: общие интересы, которые объединяют страну — это интересы *национальные*, но не в смысле пресловутых «шаровар» или интерпретации исторических фактов, а в первую очередь в аспекте обеспечения жизнеспособности экономики — снова-таки *национальной*. Для общественного сознания более четко выявилась истинная плоскость противоречивости Украины внутри себя: существует серьезная дистанция между людьми, которые выполняют роль национальной элиты, и «простыми» людьми.

Самоутверждение России относительно Украины может идти двумя путями: это либо ставка на ныне присную национальную элиту, либо ориентация на формирующееся гражданское общество страны, серьезно озабоченное проблемами экономической и социальной модернизации. В первом случае будет реализовываться модель «сюзерен — вассал», осложненная тем, что вассал не имеет ни личной мотивации, ни достаточно весомого общественного мандата на выполнение своих обязательств. Во втором существует реальная возможность построения — да, новых, непривычных и с трудом воспринимаемых — партнерских отношений. То самоутверждение России в новых условиях, на которое надеется Украина, — это не построение новой системы доминирования и подчинения, а создание равноправных отношений, в которых восприятие Украины как исторической данности, свершившегося геополитического факта не осложняется ущемлением национальной гордости великороссов.

Литература

1. *Осипов Ю. М.* Вместо предисловия // Россия державная: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2006.

2. *Гузев М.М.* СНГ как новая империя // Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2005

3. *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

4. *Гантінгтон С.П.* Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку. Львів, 2006.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Рамки российского сверхпроекта XXI века

Эпоха российской сверхдержавы закончилась в 1991 г. А 320-летняя эпоха Российской империи — 74 годами ранее. Практически одновременно с окончанием российского проекта, под названием «СССР», по мнению ряда ученых и политологов, таких как Шафаревич или Фридман [1; 2], закончилась и приблизительно 500-летняя эпоха западной цивилизации в целом или, по крайней мере, ее европейской части.

Поэтому на повестку дня одновременно встало два вопроса: о новом российском проекте XXI в. и о новом глобальном сверхпроекте. Логика глобального времени, одновременно с логикой огромной территории и большого количества природных ресурсов, которыми располагает Россия, говорит, что ничего другого, кроме сверхпроекта, осуществить в нашей стране в XXI в. не удастся.

Однако кто же позволит это сделать одной из крупнейших частей мирового хозяйства в условиях разрастающегося глобального кризиса и хорошо просматриваемой тенденции все большего возрастания роли больших государств мира? Стран, многие из которых, в отличие от России (например, Бразилия, Индия, Китай), сотни лет никем не рассматривались иначе, как резервуарами дешевого сырья и рабочей силы.

В вихревой логике глобализации, как, впрочем, и в логике «великой шахматной доски» Бжезинского, частные устремления людей не имеют никакого значения.

Динамику мирового развития диктует, как стали сегодня понимать и на Западе (Турчин, например, или Фридман), непреодолимая инерция многовекового исторического развития (или, иначе, глобальные волны социальных и технологических нововведений) и небольшое число, как это полагает Шлезингер, очень умных людей не из первой строчки известности, которые эту логику понимают. Иначе, например, нельзя объяснить постоянную стимуляцию российского военного потенциала то событиями в Чечне, то в Грузии, несмотря на явную сверхмиролюбивую, по сути даже разоруженческую, политику России последних десятилетий.

Дело в том, как справедливо считает Фридман [1], что «у каждого народа есть национальная стратегия… Она так глубоко “сидит” в ДНК народа и

кажется ему такой естественной и очевидной, что политики даже не всегда отдают себе в этом отчет». А “характер” нации… определяется географией».

Так что вне зависимости от частных устремлений политиков и стратегов, развитие России и отношение к ней внешнего мира будут определяться «ДНК народа», проявляющейся в непреодолимой логике мировой и национальной истории.

По нашему мнению, эта логика общественной жизни прекрасно проявляется не только в мифической ДНК, но и в хорошо наблюдаемых и измеримых физических размерах «мира-экономики», как ее назвал Бродель, и ритмах ее исторического развития. Чем крупнее пространство социальной системы, тем большим жизненным циклом характеризуется ее развитие и тем больших социальных и экономических вершин она, в принципе, может достигнуть. Об этом ярко свидетельствуют все крупные цивилизационные всплески на Земле. Великие империи и государства прошлого, оставившие неизгладимый след в истории, как правило, были крупнейшими для своего времени пространственными образованиями. А и современная Россия, и историческая занимают на Земле от 1/7 до 1/6 части суши и характеризуются самыми длинными в европейской истории (и поэтому часто незаконченными) периодами модернизации своей экономики.

Однако история свидетельствует, что все цивилизационные всплески, если и не уходили со временем в Лету, то испытывали, по крайней мере, долговременные периоды упадка.

Так что же ждет в ближайшем и отдаленном будущем Россию?

Исторический упадок, как полагают уже около 20 лет большинство западных политологов, включая автора последнего бестселлера «Следующий XXI век» Фридмана, или же новый, и как всегда значительный для истории период своего могучего существования?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть внешние по отношению к российской экономике физические рамки развития страны и мира.

Начнем с логики мировой истории.

Турбулентная логика истории

Это логика не ценовой, а значит, и не экономической в узком смысле слова природы хозяйственных построений. Это физическая в своей основе логика неустойчивого колебательного развития общественной жизни в пространстве и времени, которая тем не менее сопровождается возникновением устойчивых сверхдлинных циклов перестроения социальной структуры. В этих циклах происходит последовательная и полномасштабная реализации цепочки «безумных» с точки зрения современников социальных идей. Таких, например, как идеи марксизма или жюльверновского космизма. А тому и другому проекту от рассвета и до заката понадобилось, как известно, около 140 лет [3]. (Вехи марксизма: 1848 — манифест, 1917/18 — революции в России и Германии, 1989 — распад системы социализма. Вехи космизма: 1856/64 — книга Жюля Верна «С Земли на Луну», 1926 — первая ракета с ЖРД, 1961/69 — полет Гагарина и высадка на Луну, 1996 — завершение строительства орбитальной станции «Мир».)

Первое окно в область физической (волновой) логики истории и экономики прорубил в 1926 г. экономист Кондратьев, обнаруживший в американской хозяйственной жизни длинные, приблизительно 47 — 60-летние волны изменения конъюнктуры. Следующие шаг, растянувшийся на 20 лет, с 1942 по 1962 г., сделал Колмогоров, предложивший многоволновую (поли-

циклическую — турбулентную) модель изменения состояния любой среды, состоящей из бесконечно большого числа частиц. А третий шаг — в 1994 г. Ю. Батурин и автор, обнаружившие в фактических данных мировой истории физические закономерности развития. Рассмотрение в том же 1994 г. российских реалий под этим углом зрения привело автора к выводу о существовании у страны приблизительно 80-летней длинноволновой повторяемости событий. На этом основании удалось оценить период окончания острой фазы экономического кризиса в 1998 г., в год восстановления экономики — после 2006 г., начало государственного планирования — в 2008 г. и многое другое.

Эта логика сверхдлинных волн общественной жизни на Земле в целом и длинных волн изменения состояния наиболее крупных геосоциальных систем позволяет оценить рамки следующего, пятого по счету, если начинать с Московского княжества, российского социального проекта.

В самом кратком изложении границы пятого российского сверхпроекта определяются жизненным циклом российского хозяйства (российского «мира-экономики» по Броделю), который в исторической ретроспективе составляет около 80 лет, а в современных границах — около 75 лет. Начало нынешнего цикла социально-экономического развития России — 1999/2000 г.

Рамки российского социального проекта наряду с внутренней потенцией развития определяются еще и долговременной динамикой природных и макросоциальных изменений на Земле.

Пространственные рамки российского сверхпроекта

Среди сценариев возможных в будущем макросоциальных изменений практический интерес представляют лишь те, которые были сделаны заблаговременно и прошли, таким образом, определенное испытание на достоверность.

С этой точки зрения наибольшей интерес представляют расчетные исследования мировой динамики Форрестера, выполненные в 1960-х гг. Они построены по двум — оптимистическому и пессимистическому — сценариям роста населения планеты в XX — XXI вв. В графической форме результаты его работы показаны толстыми линями на рис. 1. За прошедшие с момента опубликования этого исследования более 40 лет подтвердился главный вывод его работы о том, что мир в 2000 — 2020 гг. будет двигаться к своим количественным пределам. В последние годы этот сценарий оброс большим числом последователей, включая крупные международные организации, такие как ООН.

Результаты его исследования сегодня подтверждаются и иными независимыми исследованиями. Так, согласно турбулентной модели мировой динамики, основанной на гипотезе социальной турбулентности Колмогорова, в первой четверти XXI в. следует ожидать стагнацию мировой экономики, а в 2040-х и 2050-х гг. — циклический спад мирового производства (тонкие линии на рис. 1). Как видно, согласие результатов расчетов по двум качественно различным физическим моделям мировой динамики довольно высокое. Особенно в части потолков экономического развития мира в XXI в. и периода наступления мирового кризиса в 2050 — 2070-х гг.

Что же касается содержания грядущего мирового кризиса, то мнения экспертов здесь существенно разнятся. Фридман, например, прогнозирует на это время мировую войну. Римский же клуб и его многочисленные последователи, включая экспертов ООН, считают, что у человечества есть принципиальная возможность преодоления грядущей демографической катастрофы на

путях «устойчивого развития». Детали этого пути, однако, пока остаются чрезвычайно дискуссионными.

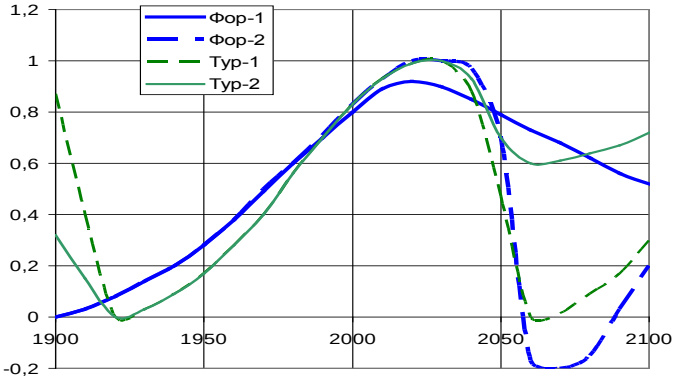

Рис. 1. Расчетная динамика мирового развития по модели Форрестера (толстые линии) и полициклической (турбулентной) модели (тонкие линии)

Самую первую устойчивую к войнам пространственную структуру мировой экономики, состоящую из 14 крупнейших геоэкономических систем, предложил в 1949 г. М. Пармеле [4]. Рассматривание его карты, делает понятным механизм предотвращения мировых войн (рис. 2). Он обусловлен тем, что силы любого потенциального агрессора будут всегда многократно уступать силам окружающих его практически равновеликих по комплексу демографических и экономических показателей «глобальных государств» мира.

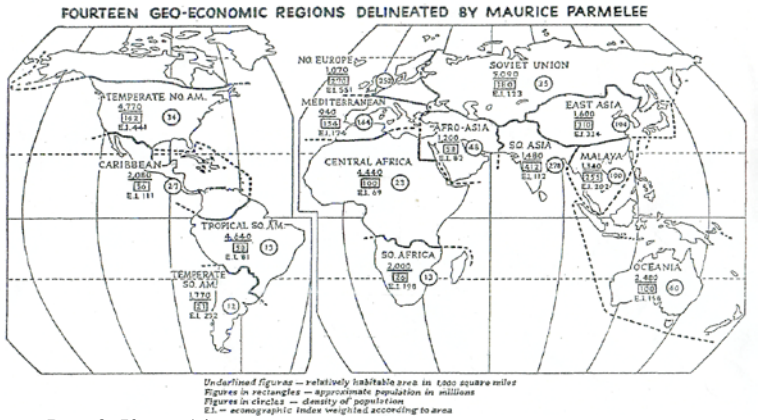

Рис. 2. Карта 14 геоэкономических регионов по представлениям М. Пармеле (1949)

Современные представления теории социальной турбулентности говорят, что к подобной сотовой структуре тяготеет со временем любое хозяйство, достигшее физических пределов своей экспансии на Земле [5].

Ярким примером этому служит формирование пространственной структуры Соединенных Штатов Америки. В результате 200-летней экспан-

сии на Североамериканском континенте американцы сформировали почти идеальную сотовую структуру своего хозяйства (рис. 3). Такую же, как французы после Революции 1879 г. и 800 лет своего исторического развития (рис. 4).

Рис. 3. Административная структура США

Рис. 4. Устойчивая сотовая структура Франции после Революции 1789 г.

И качественные результаты формирования физически устойчивой сотовой структуры американской и французской экономики были одинаковы. Обе страны в результате подобного перестроения осуществили невиданные ранее политическую и экономическую экспансию — одна в Евразии, а другая на всем земном шаре.

Рассмотрение явления глобализации под этим «турбулентным» углом зрения приводит к выводу, что лет через 50 (т. е. к моменту ожидаемого Римским клубом коллапса мировой экономики) мир может не разрушиться, а приобрести устойчивую ячеистую структуру, подобную той, которую предложил Пармеле. В исследованиях «Российского клуба ученых» 2001 г. и в данных Всемирного банка 2009 г. она выглядит так, как показано на рис. 5 и 6.

Рис. 5. Сотовый политический мир III тысячелетия по расчетам 2001 г.:
1 — Северная Америка; 2 — Евроросссия; 3 — Россия XXI в. (Пятая Россия);
4 — Америка; 5 — Северная Африка; 6 — Исламский мир; 7 — Индия;
8 — Китай; 9 — Южная Америка; 10 — Южная Африка; 11 — Австралия

На первой карте (рис. 5), построенной в эпоху всеобъемлющей американской гегемонии, показано 11 «глобальных государств». Поскольку цель такой иллюстрации теории социальной турбулентности состояла в демонстрации принципиально иной альтернативы однополярной глобализации. Сегодня это чисто физическое решение задачи устойчивой глобализации получило подтверждение в трудах экспертов Всемирного банка, которые в «Докладе о мировом развитии 2009» выделили 16 экономически устойчивых регионов планеты (рис. 6).

Как видно на рис. 6, эксперты Всемирного банка предполагают в XXI в. даже большие размеры российского мира-экономики, чем следует из авторских оценок 10-летней давности.

Таким образом, мы получаем вторую пространственную оценку размеров русского мира-экономики XXI в. Она оказывается вполне сопоставимой по масштабам с размерами Российской империи и СССР.

В результате мы можем заключить, что ни физические оценки, ни мнения международных экспертов не допускают альтернативы появлению в XXI в. нового социального сверхпроекта России.

Какие же непреодолимые причины могут заставить глобальное не только по размерам, но и по своей инерционности мировое сообщество трансформироваться столь радикальным и совершено не очевидным сегодня образом?

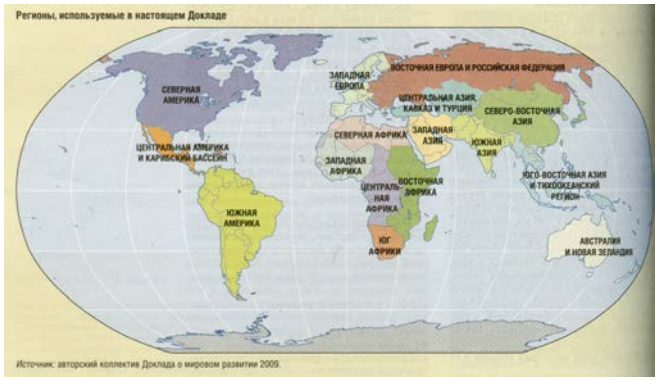

Рис. 6. Регионы мира по оценкам Всемирного банка 2009 г.

Для ответа на этот вопрос обратимся к данным динамики природных перестроений последних столетий, модулирующих, как это обнаружил еще 80 лет назад А.Чижевский, социальную динамику (социальную активность масс, как он ее называл).

Прогнозы глобальных изменений природной среды

Данные наблюдений за динамикой природной среды говорят, что причиной сотовой кластеризации мирового хозяйства могут стать многовековые флуктуации климата [6] (в частности, значительное похолодание на Земле, прогнозируемое астрофизиками на середину XXI в. (рис. 7)). В этот период ожидается «200-летний», как они его называют, минимум солнечной активности, подобный тому, который породил малый ледниковый период (маундеровский период) 1620 — 1700 гг. А дефицит энергии в любых термодинамических системах, к которым, безусловно, относится и общество, своей хозяйственной деятельностью разогревающее атмосферу, может приводить к ячеистой кластеризации среды (сокращению размеров социальных кластеров для уменьшения потерь энергии), аналогичной явлению конденсации при охлаждении физических сплошных сред. Иначе говоря, макросоциальные соты могу возникнуть в результате своеобразной конденсации социальной среды в «социальные капли».

Сопоставление расчетных данных мировой динамики Форрестера и автора с измерениями и прогнозами астрофизиков показаны на рис. 7. Они же показывают, что там, где ожидается расчетный минимум социального развития, прогнозируется и минимум среднеклиматической температуры на Земле.

На рис. 7 помимо динамических кривых показаны еще пики нестабильности земной коры, проявлявшиеся в прошлом сокрушительными землетрясениями, катастрофическими извержениями вулканов и минимумами амплитуд колебаний земной оси Чандлера. Все представленные данные говорят о существовании в природе Земли длинных, приблизительно 140- и 70-летних колебаний, которые могут модулировать (стимулировать) аналогичные по продолжительности периодические социальные перемены в обществе.

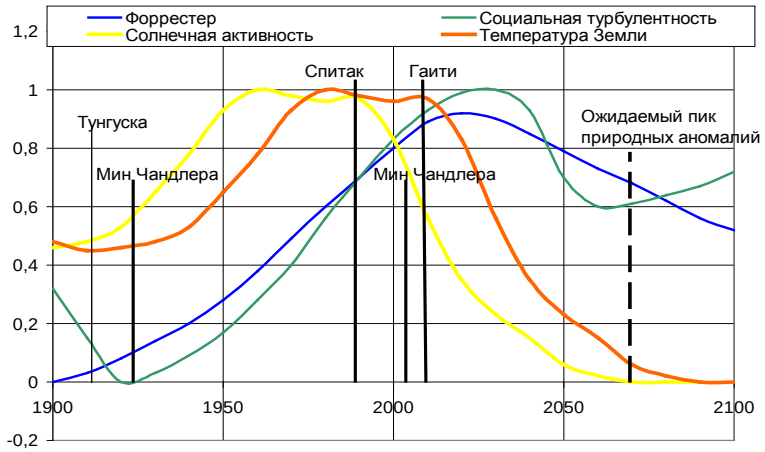

Рис. 7. Сопоставление расчетной макросоциальной динамики Форрестера и автора с измерительными данными и прогнозами (после 2010 г.) потока солнечного излучения на Землю и оценками масштабов вариаций средней температуры планеты [6]

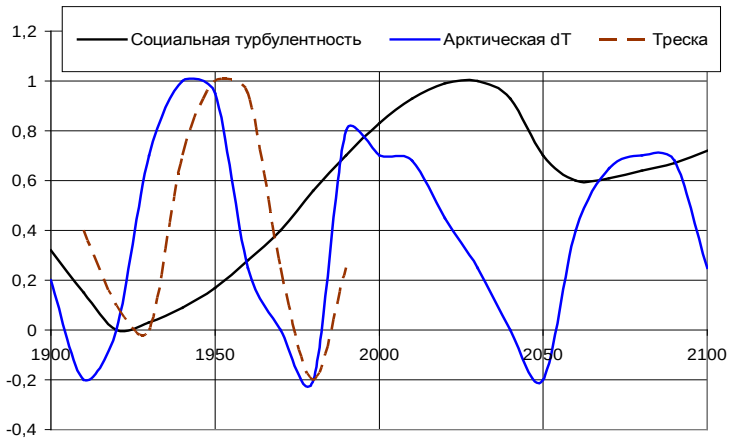

Рис. 8. Сопоставление макросоциальной динамики с осредненными измерительными данными по масштабам температурных аномалий по «Кольскому меридиану» и масштабам биомассы арктонорвежской трески [7] (после 2000 г. показан прогноз)

К подобным же выводам можно прийти, анализируя эмпирические данные климатологов и гидробиологов (рис. 8) [7].

Последние опытные данные отличаются от предыдущих меньшими периодами и амплитудами вариаций состояния природной среды и биосферы

(а значит, и меньшей устойчивостью), но основаны на большей статистической базе, достигающей полутора тысяч лет. Согласно измерениям, основанным на сканировании ледниковых отложений, кольцевой структуры деревьев и отложений рыбной биомассы на дне океана, природа Земли на протяжении последних 1500 лет постоянно испытывала колебания температуры с периодом в диапазоне от 55 до 76 лет, при его постоянном смещении в сторону более длиннопериодических процессов.

Таким образом, и данные климатологов и гидробиологов говорят о высокой вероятности похолодания в середине XXI в., хотя и меньшей амплитуды, чем прогнозируют астрофизики. Однако две приведенные выше серии эмпирических данных по вариациям состояния природной среды не противоречат друг другу, поскольку касаются различных аспектов проблемы климата и его разных измерительных характеристик.

Рассматривая ожидаемые в XXI в. глобальные климатические изменения, нельзя обойти стороной и мнение части климатологов, заключающееся в возможности продолжения глобального потепления планеты, которое, как они считают, наблюдается последние полтораста лет вследствие непомерной промышленной деятельности человека. Эти прогнозные оценки базируются на существенно меньшей базе данных, чем рассмотренные ранее. Поэтому они отличаются меньшей статистической обоснованностью и характеризуются меньшей вероятностью.

Какие выводы следуют из анализа наиболее вероятных климатических изменений ближайшего столетия?

1. На Земле в ближайшие 40 лет похолодает. В наибольшей степени этот процесс заденет теплые страны, что объясняется чисто физическими причинами, связанными с более высоким уровнем влияния солнечной радиации на экваториальную зону Земли.

Для России, с ее северным географическим положением, опытом ведения хозяйства в зоне рискового земледелия и огромными запасами энергоресурсов ожидаемое изменение климата может оказаться наименее болезненным, если оно не приведет к геосоциальным катаклизмам, таким как мировые войны за энергоресурсы.

2. Охлаждение планеты может сопровождаться естественным физическим процессом — ячеистой кластеризацией всемирной социальной среды, некоторым прообразом которой можно считать полицентрическую модель мирового хозяйства.

Это третий аргумент в пользу создания в XXI в. нового российского социального сверхпроекта.

Критические периоды развертывания российского сверхпроекта

Все сколько-нибудь значительные шаги развития России в XXI в. будут подталкиваться последовательной серией импульсов, исходящих как из природной среды, так и из бурно изменяющейся социально-политической обстановки в мире.

Значительный вклад в стимуляцию подобного рода среднесрочных социальных и экономических изменений вносят открытые более 80 лет назад А. Чижевским приблизительно 11 — 12-летние волны солнечной и одновременно социальной активности масс. Важность учета такого рода природной модуляции социально-экономической активности давно поняли американцы. Их

Министерство промышленности, например, уже более 60 лет прогнозирует мировую экономическую динамику по методике Чижевского.

Воспользуемся и мы этим приемом для оценки возможных в среднесрочной перспективе импульсов социального переустройства России. Тем более что все наиболее значительные вехи нашей новейшей истории проходили строго по «солнечному расписанию» Чижевского: и распад в 1991 г. СССР в период наивысшей солнечной активности, и смена «политических тяжеловесов» на молодых политиков в следующем году наиболее высокой активности — 2000-м, и череда финансово-экономических кризисов в 1998 и 2008/9 гг., отстоящих друг от друга на один цикл солнечной активности.

Обратимся поэтому к прогнозам солнечной активности на ближайшие десятилетия, построенным астрофизиками (рис. 9).

Рис. 9. Прогноз солнечной активности в ближайшие годы [6]

Исходя из этих прогнозных оценок и многолетнего опыта наблюдений социально-экономической динамики, в ближайшие пять лет следует ожидать резкого обострения нестабильности в мире.

В первом приближении того же типа, который имел место в аналогичных фазах предыдущего, 23-го, как его именуют астрофизики, цикла солнечной активности. Оценки возможных последствий представленных на рис. 9 всплесков солнечной активности в первом приближении показаны в табл. 1.

Таблица 1

Возможные аналогии событий в 24-м и 23-м циклах солнечной активности

23-й цикл	События	24 цикл	Прогнозные события
1997 — 1999	Серия финансовых кризисов в Корее, Японии, России, Бразилии и т. д.	2008 — 2010	Мировой финансовый кризис
1999	Теракты с подрывом зданий в Москве и на Кавказе	2010	Март 2010 Теракты в Москве и на Кавказе

Продолжение табл. 1

2001	Теракт в Нью-Йорке, начало серии войн США на Ближнем Востоке (2001 — Афганистан)	2012 — 2013	Пик мировой политической и экономической нестабильности
2003	Начало войны в Ираке	2014/15	Начало войны (?)
2008	Мировой финансовый кризис	2019/20	Мировой экономический кризис(?)

Если же для построения возможных в будущем изменений социально-политического состояния страны и мира использовать не только 11-летнюю периодичность, но и длинные и сверхдлинные волны мировой и национальной истории и их гармоники, то исторические аналогии событийного ряда ближайшего десятилетия можно существенно расширить.

Этот вариант прогноза показан в табл. 2.

Таблица 2

Возможные аналогии по циклической теории Чижевского и социальной турбулентности

24-й цикл	Прогнозные события	23-й цикл	23-й цикл Чижевского	Аналоги социальной турбулентности
2008	Разгром Грузии (август). Начало мирового финансового кризиса	1997 — 1999	Серия финансовых кризисов в Корее, Японии, России, Бразилии и т. д.	Разгром японцев на озере Хасан (июль — август 1938 г.)
2010	Теракты в Москве и на Кавказе (март), артперестрелка в Корее, решение в Лиссабоне о развертывании ПРО в Европе (ноябрь)	1999	Война НАТО против Сербии. Теракты с подрывом зданий в Москве и на Кавказе	Начало войны США в Корее (1950)
2011 — 2012	Начало войны (?) Смена президента (?)	2000	Президентом стал Путин, а Милошевич свергнут	Начало Крымской войны (1851). События 1993 г. в Москве
2012 — 2013	Пик мирового политического и экономического кризиса (?)	2001	Теракт в Нью-Йорке, начало серии войн США на Ближнем Востоке. Афганистан (2001)	Первый мировой экономический кризис (1873). Война США в Корее (1950 — 1953), Крымская война (1851 — 1856)
2014	Начало войны (?)	2003	Начало войны в Ираке	Крымская война (1851 — 1856)

Продолжение табл. 2

2017	Смена хозяйственного руководства (?)	2006	Восстановление экономики	Смена хозяйственного руководства в СССР (1937)
2018/21	Завершение цикла НАТО(?) Война США и Мексики(?)	2008	Начало мирового финансового кризиса и войны на Кавказе	Образование НАТО (1948). Испано-американская война (1898). Карибский кризис (1961)

При использовании предлагаемых аналогий в целях прогноза необходимо учитывать, что буквальных повторений истории не бывает. Повторяются лишь уровень социально-экономической нестабильности и предрасположенность общества к кризисам, а их содержание и места реализации обусловливаются актуальными напряжениями природной и социальной среды.

Отдельного комментария заслуживают события, обусловленные циклическим характером американской экономики. Изменения состояния единственной в мире сверхдержавы может самым существенным образом отразиться на положении нашей и других стран мира.

Анализ же перспектив американской социально-политической жизни ближайшего десятилетия (нашедшей частичное отражение в табл. 2) у многих вызывает тревогу. Так, по мнению американского политолога Г. Дерлугьяна, «Соединенным Штатам в среднесрочной перспективе предстоит пройти ту шоковую терапию, которую в 1990-е годы по рецептам МВФ прошли Восточная Европа и Латинская Америка» (цит. по: [8]).

Конечно, американцы, хорошо освоившие и продвинувшие теорию цикличности экономики Кондратьева (даже если судить только по Фридману и Турчину), попытаются, в отличие от СССР 1990-х гг., осуществить мягкую посадку своей экономики на циклический минимум. Анализ же предшествующих системных кризисов США начала и середины XX в., говорит, что ранее они обычно преодолевали их с помощью войн, о чем с нескрываемым откровением пишет на протяжении всей своей последней книги Фридман [1].

Первый акт новой серии военно-политических конфликтов нового цикла солнечной, а значит, и социальной активности может начаться, как это следует из табл. 1 и 2, уже в 2011 г. И события на Севере Африки в феврале 2011 г. в полой мере уже подтвердили это прогноз, подготовленный в ноябре 2010 г.

Американцы, конечно, разрабатывают несколько сценариев 2011 — 2013 гг. Однако прощупывание в 2008 г. с помощью Грузии военно-политического потенциала России и решение в 2010 г. о развертывании ПРО в Южной Европе в сочетании с объективной неподготовленностью России к сколько-нибудь серьезной войне делают нашу страну весьма удобным противником. Сегодня некоторые западные политики, такие как Дж. Маккейн и Т. Брентон, уже не скрывают, что африканский сценарий может повториться и в России.

Следующий весьма неординарный шаг мировой военной истории (имеющий, правда, исторические аналогии — табл. 2) связан с возможным военным конфликтом США и Мексики. Это один из важнейших из-за своей

необычности сценариев развития мира в XXI в., рассматриваемых Фридманом. Только он эту драму относит на середину века, а, по нашим оценкам, ее первый акт может начаться в 2018 — 2021 гг. (табл. 2).

Наиболее крупные же конфликты XXI в. действительно могут состояться в середине XXI в.: не столько, правда, из-за морских путей Тихого океана, как полагает Фридман, сколько из-за контроля над энергоресурсами Евразии — от Саудовской Аравии до Сибири. Время наиболее острой фазы этого конфликта существенно зависит от того, кто его начнет первым. По нашим оценкам, Китаю выгодно это сделать в следующем цикле солнечной активности, т. е. в 2023 — 2026 гг., а США — 20—30 годами позже. Но вне зависимости от инициаторов этого кризиса и времени его начала только вследствие неподготовленности общества к глобальному похолоданию и его возможным последствиям мир в середине — второй половине XXI в. ожидает системный кризис. Сравнивая его возможные масштабы с аналогичным по качеству кризисным переходом российского общества в 1990-х гг. от одного социального состояния к другому можно ожидать приблизительно 10%-ное сокращение населения Земли. Развиваться глобальный кризис будет волнами. После волны 2050-х гг., обусловленной похолоданием, в 2060-х гг. высоко вероятен масштабный, а потому и кризисный по своему характеру, переход к новой системе организации общественной жизни на планете (сотовой кластеризации мирового хозяйства), а в 2080-х может наступить болезненный кризис роста новой по системе и структуре своей организации мировой экономики (см.: [9 — 11]).

Вот эти-то и подобные им события и болевые точки мировой истории и вынудят российские элиты к консолидации, а общество в целом мобилизуют на создание нового российского социального сверхпроекта XXI в., который никаким иным, кроме как глобальным, быть не может.

Литература

1. *Фридман Д.* Следующие 100 лет. М., 2010.

2. *Шафаревич И.Р.* Русскость, сила наша // New Scientist RU. 2010. № 1 (1).

3. *Доброчеев О.В.* Глобальные волны технологических нововведений // Комонавтика XXI века. М., 2010.

4. *Пармеле. М.* Геоэкономический регионализм и всемирная федерация. Н.-Й., 1949.

5. *Доброчеев О.В.* Ансамбль пятнадцати // Политический журнал. 2010. № 2.

6. *Абдусаматов Х.* Солнце определяет климат // Наука и жизнь. 2009. № 1.

7. *Кляшторин Л.Б., Любушин А.А.* Циклические изменения климата и рыбопродуктивности. М., 2005.

8. *Мирзоян. Г.* Что делать с Обамой? // Эксперт. 2010. № 45.

9. Доклад о мировом развитии 2009 / Всемирный банк. 2009.

10. *Доброчеев О.В.* Вектор перемен. М., 2003.

11. *Форрестер Д.* Мировая динамика. М., 2003.

И.Р. БУГАЯН

Инновационное и модернизационное развитие экономики России: соотношение и мера

Как известно, модернизации в России проходили и в прошлом. *Модернизация феодальная*, например, дорогой ценой начатая Петром Великим (даже колоколами церквей, переплавленными на пушки, пришлось пожертвовать) и завершенная Екатериной Великой, была проведена весьма успешно — лучше, скажем, чем во Франции, Германии или Австрии. Об этом свидетельствуют, в частности, победы русского оружия в непрерывных военных кампаниях XVIII — XIX вв. — с учетом основного условия наращивания доминантного для того времени фактора производства — земли и соответственно прибавочного продукта.

Со следующей, *капиталистической модернизацией* Россия сильно запоздала. Поражение в Крымской войне в середине XIX в. подвело черту под феодальным развитием России. Стало очевидно, что необходимо переходить к новым общественным ценностям, имеющим в своей основе другой доминантный фактор производства — капитал. Император Николай I создал комиссию по отмене крепостного права — что было осуществлено в 1861 г. уже его сыном, Александром II. Однако реформа, будучи необходимой, оказалась недостаточным условием для капиталистической модернизации страны (см.: [1, 244 — 249]). Попробуем определить и сгруппировать причины неудач.

1. Россия в большой степени инерционна.

2. Принципиальные решения, будь то отмена крепостного права (1861) или снятие запрета на предпринимательство рядовых граждан (конец 1980-х — начало 1990-х), не приводят сами по себе к всеохватному модернизационному преобразованию по следующим причинам.

2.1. При создании новых социально-экономических отношений, соответствующих четвертой (капиталистической) и пятой (современно-предпринимательской — на основе новых и информационных технологий) модернизациям, необходимые преобразования осуществляла не новая элита, которой из-за строгих российских запретов, скажем, предпринимательской деятельности граждан в СССР не оказалось, а прежняя.

2.2. После 1861 г. именно дворяне первыми попытались трансформироваться в капиталистов; они открывали винокурни, поташные и другие заводы, используя вместо наемных работников труд своих бывших крепостных крестьян.

2.3. Современные владельцы крупных, по большей части монопольных производственных образований, доставшихся от СССР, в своем большинстве назначенцы на директорские посты с советских времен.

И в первом (с дворянами), и во втором (с советскими назначенцами в предпринимательстве) случаях маловероятно, что в наличии имеется необходимое для модернизационных преобразований качество — предпринимательский талант. Согласно статистическим исследованиям, им обладают не более 3—5% участников, поскольку это большей частью обыкновенные люди, не прошедшие конкурентный отбор. Статус «предприниматель» ими приобретен не длительным (иногда в течение жизни нескольких поколений) предпринимательским служением и соответствующей пользой, принесенной согражданам и отечеству, а в лучшем случае титулом или же просто административ-

ным решением. Поэтому только трое или пятеро из ста могут соответствовать модернизационным требованиям — а этого маловато.

2.4. Вероятность появления в торговле и в сфере услуг современной России действительно талантливых предпринимателей, а не назначенцев намного выше, чем в производстве, поскольку здесь достаточен несравненно меньший, а значит, и более доступный стартовый капитал.

Состояние дел в этих сферах говорит само за себя. Впервые за многие десятилетия последнего столетия рынок потребительских товаров России вполне насыщен. В производстве же, как и 150 лет назад, — застой (за исключением добывающих отраслей, работающих на экспорт), а в отдельных направлениях — заметная деградация. Но это не навсегда и уже ненадолго.

В силу вышеуказанных причин инкубационный период перемещения национальной собственности из рук большей частью бесталанных назначенцев, неважно дворян или бывших советских директоров, в распоряжение граждан, обладающих необходимым для осуществления современной модернизации и организации эффективного производства талантом, составляет, по прошлому опыту пореформенной России (1861, 1990), примерно 30 лет.

С 1861 по 1890 г. в России ничего не происходило; то же самое — с 1990-х гг. Однако с 1890 г. и до начала Первой мировой войны (1914) Россия показывала беспрецедентные темпы капиталистической модернизации и экономического роста. При этом рост был не только количественный, но и качественный. К началу XX в. в России стали широко использоваться электричество и сопутствующие ему телеграф, телефон, лифт, по дорогам ездили автомобили и уже строились самолеты.

Прав оказался канцлер Бисмарк: русские медленно запрягают (в рассматриваемом случае 30 лет), но быстро скачут.

Выход из нынешней депрессии настоятельно потребует дополнить ныне одностороннее движение собственности в форме приватизации двусторонним, включающем огосударствление (см.: [2]). Смысл этих противоположных движений будет определяться критерием — ростом эффективности функционирования национальных факторов производства, прежде всего доминирующего — современного предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

Первая мировая война, 1917 г. и последующие годы Гражданской войны не дали возможности успешно завершить начатую капиталистическую модернизацию в России. Корабль «Россия», по образному сравнению У. Черчилля, неожиданно затонул при входе в уже достигнутую спокойную гавань.

Нет ничего хуже неоконченных дел. Доминирующим фактором производства, пришедшим на смену фактора «земля», оставался капитал. Никакие революции ни в экономических, ни в политических отношениях, ни в идеологии, ни в культуре не в состоянии изменить сложившуюся субординацию факторов производства. Новой большевистской власти и политической элите пришлось вернуться к ими же прерванной и поэтому незавершенной капиталистической модернизации и продолжить ее в иной идеологической ситуации, политике — а именно, провести индустриализацию. Но для этого необходимы были инвестиции в капитал.

Вновь пришлось грабить церкви, но на этот раз, в отличие от модернизации Петра I, одними колоколами уже не обошлось. Большинство церквей было не только полностью разорено, но и разрушено. Но и это не вся цена индустриализации. Всем гражданам СССР, которые, по мнению правящей тогдашней элиты, могли осуждать акты вандализма, был нанесен превентив-

ный удар. В силу своего общественного положения подверглись репрессиям, например, священнослужители, люди православного воспитания или имеющие отношение к «старой», так называемой гнилой интеллигенции. И некоторые из них, а также крестьяне, способные к самостоятельному ведению хозяйства (к самозанятости), повторили судьбы уничтоженных церквей.

Одним словом, продали все, что удалось реквизировать, включая яйца Фаберже, но ввезли капитал и ввели в эксплуатацию: и поставленные цели индустриализации в целом были достигнуты.

Капитал приобрел среди прочих факторов производства доминирующее положение. Именно от него стали в основном зависимы все макроэкономические показатели, включая не только количественные, но и качественные. Гигантски выросли военные и политические возможности страны. Благодаря этому были созданы общепризнано лучшие виды вооружения Второй мировой войны: танк (Т-34), штурмовик (Илюшина), реактивная артиллерия («Катюши») и др., которые предрешили судьбу фашистской Германии на Восточном фронте и, в конечном счете, принесли победу советскому оружию в Великой Отечественной войне.

Все последующие годы развитие страны также осуществлялось именно путем наращивания капитала, что позволяло извлекать возрастающий прибавочный продукт и на этой основе обеспечивать поступательное движение страны. Поэтому практически не использовалась категория «инвестиции», предполагающая альтернативные вложения и в другие факторы производства. Из-за более высокой эффективности предпочтения отдавались капитальным вложениям и накоплению капитала. Такая экономическая политика оправдывала себя, но лишь до тех пор, пока капитал сохранял в субординации факторов производства доминирующее положение, а коэффициент эластичности капитальных вложений превосходил соответствующие коэффициенты по вложениям в любой иной из существующих факторов производства. Развитие СССР в этот период происходило устойчиво высокими темпами. Казалось, это навсегда.

Однако в середине 1950-х гг. с развитием научно-технической революции изменилась субординация факторов производства, и в качестве экономического локомотива выдвинулось предпринимательство на основе новых и информационных технологий. Ситуация резко изменилась. Начиная с 1960 г. эффективность капитальных вложений и производственного накопления в СССР неизменно снижалась (см.: [3]), а альтернативные инвестиции, например, в предпринимательство, были невозможны, поскольку оно было запрещено и подобная деятельность уголовно наказуема.

Советская элита, в отличие от китайской, за 30 лет (с 1960 по 1990) так и не сумела найти приемлемый вариант разрешения этого исторически сложившегося противоречия, что, в конечном счете, и стало основной причиной исчезновения СССР. Таковы оказались плата за запрет и уголовную наказуемость рядовых граждан за любую попытку предпринимательской деятельности в СССР, поскольку именно к этому фактору производства и переместились от капитала доминантные свойства под влиянием НТР и НТП (см.: [4]).

С этим перемещением, произошедшим лишь в небольшом количестве так называемых развитых стран, капитализм остался в прошлом. Основным богатством, приносящим в этих странах прибавочный продукт, стали новые и информационные технологии, превратившиеся в доминантный товар. Поэтому инвестиции резко изменили свою направленность; основная их масса стала поступать при активной поддержке государства в распоряжение предприни-

мателей, занятых в предпроизводственной сфере цикла «исследование — производство», т. е. обеспечивающих стартовые условия для дальнейшего развития НТР и НТП.

Что касается капитальных и всех прочих возможных направлений вложений, то они стали производными от главных инвестиций, связанных с возникновением новых и информационных технологий. В силу этого методы прежних модернизаций, связанных с факторами «земля» (XVIII в.) и «капитал» (1890 — 1937), оказались ныне совершенно непригодны.

Постоянное взаимодействие науки, техники и производства предполагает определенный уровень инвестиций, непрерывно поддерживающий циклы «исследование — производство», размещающиеся в трех сферах: предпроизводственной, производственной и применения новой техники и технологий (новых и информационных).

Инновационное развитие возможно лишь в странах, которые способны осуществлять все три названные сферы циклов «исследование — производство». Таких стран немного, даже меньше, чем экономически развитых, а в некоторых, стратегически важных направлениях, например, аэрокосмических, их всего несколько. Одна из них — РФ.

Модернизационное развитие, в отличие от инновационного, в первой сфере — предпроизводственной — не нуждается, поскольку опирается на технологии, уже опробированные в других, авангардных, странах и переданные аутсайдерам на основе лицензионных соглашений или договоров о совместной деятельности. Поэтому модернизационное развитие в национальной науке не нуждается, старается ее не беспокоить; финансирует скудно и неохотно.

Правительства и деловые круги опираются на науку зарубежных стран либо вынужденно, из-за ее отсутствия или слабого развития в своих пределах, либо по причине индифферентности и неспособности мобилизовать на эти цели необходимые ресурсы и соответствующие общественные институты.

Однозначный выбор Россией модернизационного пути развития был бы непростительной ошибкой, равно как и полный отказ от него. В равной мере это относится и к инновационному развитию.

Возникает вопрос о мере: где и когда предпочтительно обеспечивать развитие национального хозяйства России инновационно, и в каких случаях — модернизационно?

Ни одна страна не в состоянии развивать все направления науки и связанные с ними технологии одинаково успешно. Хорошо известны последствия для населения (талонное распределение самых необходимых материальных благ, дефицит — «двигатель специфических общественных отношений») участия СССР в гонке вооружений, требующей широкого спектра научных изысканий и обеспечивающей значительный научный задел для развития технологий во многих отраслях.

Полный переход на модернизационный путь развития превратит этот задел в рудимент прошлого. Неимоверный труд и научные достижения в области фундаментальных и прикладных исследований предшествующих поколений россиян без их реализации в последующих стадиях циклов «исследование — производство» станут достоянием архивов и предметом гордости, но не роста производства, повышения эффективности и жизненного уровня населения.

Любая собственность, особенно интеллектуальная, это не только право, но и ответственность. Все изобретения и патенты, зарегистрированные в

СССР, становились собственностью государства и таковыми остаются. Следовательно, превращение их в функционирующие технологии — ответственность и компетенция правительства.

При современном удельном весе в бюджете России затрат на предпроизводственную сферу, на порядок уступающем аналогичному показателю в любой из стран ЕС, трудно рассчитывать на вышеупомянутое превращение и на успешное инновационное развитие страны (если можно назвать трудным то, что вообще невозможно). Модернизационное же возможно. Оно не потребует значительных структурных изменений расходной части бюджета, поскольку мало связано с отечественными учеными, академией, вузовской наукой и в целом с созданным интеллектуальным потенциалом страны.

Модернизационное развитие страны — это вариант развития страны за счет приобретения (затрат) внешнего интеллектульно-технологического потенциала, альтернатива инновационным затратам, предполагающим конкурентоспособность вовлекаемого в технологический оборот отечественного интеллектуально-технологического потенциала. Критерием, устанавливающим в развитии России соотношение модернизационного и инновационного направлений, должна стать эффективность упомянутых затрат с точки зрения не только сиюминутных экономических соображений, но и стратегического хозяйствования. Последнее предполагает приумножение интеллектуального задела для сохранения возможности не только инициировать в будущем традиционные для России направления инновационного развития, но и развивать ее способности к их диверсификации.

Соотношение инновационного и модернизационного развитий не может быть величиной постоянной, подобной температуре замерзания или превращения в газообразное состояние воды.

Литература

1. *Бугаян И.Р.* Экономические основы имперскости: генезис и современное состояние // Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2005.

2. *Бугаян И.Р.* Мировые экономический (1929) и хозяйственный (2008) кризисы: похожи — не похожи? // Философия хозяйства. 2009. № 6.

3. *Бугаян И.Р.* Социалистическое производственное накопление. Ростов н/Д, 1988.

4. *Бугаян И.Р.* Спираль общественного прогресса и доминантный фактор производства // Философия хозяйства. Специальный выпуск. Ростов н/Д, 2009. Сентябрь.

И.А. ГОРЮНОВ

Россия от мегапроекта к мегакорпорации?

Перед современной Россией стоит ряд серьезных задач. Дать адекватные ответы на них наша страна может только в случае реализации широкомасштабных общенародных проектов, нацеленных на превращение России в единую инновационную державу — *мегакорпорацию XXI в.*

С распадом биполярного мира в 1990-х гг. человечество вступило в новую историческую эпоху — время длительного и противоречивого станов-

ления нового миропорядка — некоего постялтинского мироустройства[6] с планетарной геополитической структурой: с доминирующим в военной, политической, идеологической, экономической и других областях центром (одной или несколькими сверхдержавами); государствами, вращающимися вокруг этого центра на первой и второй орбитах (хотя и зависимых от центра, но взаимодействующих с ним на более или менее равноправных условиях); странами третьей, четвертой, пятой и других орбит — находящимися в поле интересов и притяжения центра, но малозначимыми для него социально-экономическими образованиями. Центр может легко ими пожертвовать, например, во время кризиса при выстраивании глубоко эшелонированной обороны ядра или в ходе планирования и реализации «экспансионистских кампаний» по расширению своей планетарной системы — к примеру, в условиях радикальной трансформации существующей орбитальной структуры при переходе к новому технологическому укладу.

С нашей точки зрения, в настоящее время на первой геополитической орбите современного мира вращается большинство западноевропейских государств, Япония и Канада.

Вторая орбита — страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и новые индустриальные страны (Южная Корея, Тайвань, Индонезия, Турция, Мексика и др.).

Третья орбита — государства с весомым потенциалом развития — Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Венесуэла, ЮАР.

Страны четвертой, пятой и более отдаленных орбит — большинство государств Азии, Латинской Америки и Африки. Это так называемая периферия современного мира.

В последние годы эта стихийно сложившаяся после коллапса СССР планетарная геополитическая система с центром в США (в силу динамики своего собственного развития, а также после ряда неудачных американских внешнеполитических действий) вошла в стадию, которая у специалистов, занимающихся исследованием сложных нелинейных систем (а мировая геополитическая система типичный пример сложной нелинейной системы), называется *критическим* (или скачкообразным) *переходом*.

Критические события или скачкообразные переходы — важнейшее и неотъемлемое свойство сложных нелинейных систем. Они происходят достаточно редко, но если случаются, то направлены на радикальную «переделку» системы в целом. Иначе говоря, затрагивают функционирование всей системы: после критического перехода система начинает функционировать совсем по другим «правилам».

Строго говоря, в ходе такого критического перехода центр может сместиться на одну из орбит. Точнее, одна из вращающихся вокруг центра стран может набрать такую мощь (военный, политический, экономический и др.), что вокруг нее начнут вращаться не только ближайшие к ней планеты, но даже и бывший центр в случае значительной утраты своего былого могущества.

Подобное уже случалось в истории, и не раз. Так, мировой центр на рубеже 1250—1450 гг. сместился с Востока (Азия) на Запад (в Западную Ев-

[6] Пакт Черчилля—Рузвельта—Сталина, практически заключенный в Ялте в 1945 г., определял послевоенное мироустройство вплоть до 1990-х гг.

ропу) — так называемый первый «вековой тренд» Ф. Броделя. А на протяжении XX в. мировой центр сместился из Европы в Америку (США).

Один из предвестников того, что современный мир вступил в зону такого критического перехода, — разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Сегодня под вопрос поставлена вся нынешняя геополитическая структура.

С одной стороны, с претензиями на роль центра, точнее, на создание диверсифицированного (диверсификация — мера разнообразия в совокупности) центра (полюсов мира), выступил ряд вращающихся в орбите интересов США государств (Китай, Россия). С другой стороны, на международной арене сейчас активно происходят процессы перегруппировки сил и образования новых центров силы и полюсов мира, что объективно ведет к диверсификации прежнего монопольного господства США[7].

В целом возникшие в 2000-е гг. проблемы с отладкой механизмов функционирования однополярного мира во главе с США, способствовали развертыванию борьбы за место в группе государств доминирующего центра (полюсов силы и влияния в многополярном мире).

Не менее жесткая борьба идет и за место на первой и второй орбитах, так как участь мировой периферии, или, как их называют, несостоявшихся, провалившихся государств (яркий пример такого государства — Гаити), никого не прельщает.

Каковы критерии отнесения государств к той или иной выделенной нами группе? Чтобы ответить на этот вопрос, заметим, что нынешний этап развития капитализма, который часто называют постиндустриальным обществом, информационным обществом, обществом знаний и т. д.[8], представляет собой арену беспощадной и всеохватывающей конкурентной борьбы, наблюдающейся прежде всего в социально-экономическом пространстве-времени. Но это борьба не мелких производителей, а стратегических субъектов, каковыми ныне являются всего около десятка стран. Безусловно, Россия (наряду с США, Германией, Францией, Великобританией, Японией и др.), несмотря на

---

[7] Образование новых мощных региональных группировок объективный процесс. Как отмечает, например, Г.М. Сидорова, абсолютное большинство проблем, с которыми сталкиваются современные национальные государства имеют весомую «глобальную составляющую», и решить их на путях самоизоляции нельзя. К примеру, решение таких проблем, как преодоление последствий мирового финансово-экономического кризиса, обеспечения национальной и энергетической безопасности, масштабных миграций, предотвращение терроризма и трансграничной преступной деятельности, становится не под силу отдельным государствам. В ответ на эти вызовы как раз и возникают новые экономические и политические образования. Характерным примером такого наднационального образования служит Европейский союз. С идеей образования Соединенных Штатов Африки выступил председатель комиссии Африканского союза А.О. Конаре. По словам последнего, процесс создания нового наднационального государства «может идти гораздо быстрее, чем о нем думают, поскольку ни одна из африканских проблем не может быть разрешена, если Африка не объединится. Речь идет о безопасности, инфраструктуре, энергетике, продовольственной безопасности, а также касается вопросов миграции и демографии» [1, 900].

[8] Заметим, что не все исследователи считают, что на рубеже тысячелетий происходит смена индустриальной стадии развития на какую-то другую. К примеру, Э. Гидденс полагает, что эпоха модернити не сменяется сейчас какой-то новой стадией. По его мнению, современный капитализм просто переживает очередную трансформацию, связанную со становлением мировой сети производственных и информационных структур (см.: [2]).

все переживаемые нашей страной «трудности и неурядицы», входит в число этих государств.

Эти стратегические игроки как раз и претендуют на то, чтобы стать центрами формирующегося многополярного мира (полюсами притяжения для попавших в их орбиту стран), формирующими военную, политическую, экономическую, мировоззренческую, идеологическую, информационную и т. д. структуру постялтинского мира. Те государства, которые успешно справятся с решением этой задачи, как раз и будут в новой системе миропорядка государствами доминирующего центра.

Итак, государство доминирующего центра должно стать, как минимум, центром притяжения (заставить вращаться в орбите своих геополитических интересов) для достаточно большого количества региональных стран. Как добиться такого доминирования в современном мире, в котором активное и открытое применение военной силы очень ограничено[9]? Ответ на этот вопрос таков: прежде всего фундаментальное знание, развитие фундаментальной науки широким фронтом, так как в современном мире только производство критического, т. е. абсолютно нового знания, точнее, создание на его базе инновационных изделий и технологии, составление долгосрочных прогнозов и разработка амбициозных стратегий развития, позволяет обеспечить устойчивый рост экономики и решение сложных социальных, политических и военных проблем.

Что дает выбор такого аттрактора (вектора) развития — ярко демонстрируют современные Соединенные Штаты. Сегодня в общем объеме экспорта США 95% составляет экспорт продукции высокотехнологичных производств и самих технологий. При этом поступления в бюджет от прогрессивных технологий, особенно высокотехнологичных производств, продажи наукоемкой продукции на внутреннем и внешнем рынках составляют около 90%. К таким показателям в ближайшее время не сможет приблизиться не только Китай, Индия или новые индустриальные страны, но и западноевропейские государства и Япония [4, 999].

Наряду с вышеназванными стратегическими игроками на поле международного интеллектуального разделения труда действует и второй эшелон — от 30 до 40 государств (всего в мире более 200 стран), развивающих отдельные направления фундаментальных исследований, что дает им возможность иметь некие ниши в мировом разделении интеллектуального труда. Они их оберегают и на большее, строго говоря, не претендуют. Остальные государства (это и есть подлинная периферия современного мира) на определенных условиях пользуются плодами созданного в развитых в научном отношении государствах знания, точнее, потребляют созданную на его основе наукоемкую продукцию.

Итак, в современном мире главная борьба развертывается за обладание критическим знанием, умением его производить и коммерциализировать

[9] Как отмечают такие признанные специалисты в области международных отношений и безопасности, как бывший министр иностранных дел и председатель правительства России Е.М. Примаков, бывший министр иностранных дел и секретарь Совета безопасности И.С. Иванов, бывший начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны СССР М.А. Моисеев и президент Российского научного центра «Курчатовский институт» академик Е.П. Велихов, «вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю» [3].

(создавать наукоемкие товары и технологии). Именно поэтому нынешний этап развития довольно часто называют когнитивным капитализмом, указывая на то, что сейчас ведущая роль в успешном устойчивом развитии отводится не материальному или денежному капиталу, а капиталу интеллектуальному[10] — прежде всего компетенциям специалистов.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что критические фундаментальные знания не производят как обычный промышленный продукт, а добывают в ходе реализации крупнейших проектов или мегапроектов (типа атомного или космического) по познанию и преобразованию окружающей реальности (техногенной и социальной).

Мегапроект как условие выживания

Россия/СССР всегда участвовала в реализации подобных проектов. Более того, и это очень важно, — выживание нашего народа гарантирует реализацию именно таких мегапроектов. Как отмечает, например, Ф.И. Гиренок, без реализации миссионерских, наднациональных, имперских по своей сущности проектов Россия просто перестанет существовать [5, 202]. И это вполне объяснимо, так как, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, «лишь замысел грядущего деяния (и не что иное) способен сообщить обществу единство» [6, 45]. По мнению этого мыслителя, истинное «объединение наций всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всеобщего участия и способным воодушевить людей» [6, 21]. Более того, «нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего» [6, 18].

Что касается России, то на протяжении всей своей истории глобальные наднациональные (имперские), нацеленные на прорыв в будущее проекты она всегда реализовывала сама, опираясь на собственные силы (естественно, по мере возможностей используя имеющийся в мире научный, технический, технологический, социальный и другой капитал). Во многом это было обусловлено тем, что наша страна долгие годы (причем даже в новейшей истории) находилась в изоляции или самоизоляции. В этих условиях, чтобы быть самодостаточной и одерживать победы (в том числе и военные), России необходимо было обеспечить опережающее развитие фундаментальной науки и производство критического знания.

Такая фундаментальная наука у нас создана; это наше величайшее достояние, на базе которого можно реализовывать сложнейшие инновационные проекты, подобные тем, что были реализованы в военные (создание самого современного на тот момент оружия[11]) и послевоенные (космическо-ядерный щит) годы.

Имеет ли смысл сейчас, когда мы все живем в глобальном обществе, в мире всеобщего разделения труда, причем не только в экономике, но и в фундаментальной науке, говорить о какой-либо изоляции и самоизоляции? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задуматься еще над одним вопросом, который

---

[10] При этом не следует забывать, что, как верно отмечал Ванневар Буш, советник по науке президента США Ф. Рузвельта, «фундаментальные исследования — это научный капитал».

[11] К примеру, начав Великую Отечественную войну с трехлинейкой и фанерными самолетами, СССР закончил ее с лучшим для того времени автоматическим оружием и самолетами. Танк Т-34 (простой, неприхотливый, надежный) — это вообще технический шедевр, о котором сейчас немецкие генералы пишут как о «мерседесе» на поле боя.

поставил академик В.А. Черешнев: много ли на нашей планете государств, которые были бы по-настоящему заинтересованы в успешном развитии России на инновационном пути [7]?

Нам кажется, таких государств не много, если они вообще есть. А раз так, то мы в определенной мере и в нынешнем глобальном мире обречены на изоляцию. Точнее, сталкиваемся с желанием ведущих стратегических игроков планеты вытеснить нас на периферию мировой политической, экономической, интеллектуальной жизни. И, как это ни покажется странным, такое их стремление для нас отнюдь не плохо. Одиночество дает возможность сосредоточиться на себе, погрузиться в себя и, в конечном счете, обрести свое подлинное «Я». Вообще самость (своя собственная, а не заимствованная у других сущность) рождается в одиночестве. Обретение самости (говоря словами Гегеля, это «достижение в себе и для себя сущего») делает человека, как и государство, сильным. У него появляется уверенность в своих действиях, он обретает точку духовной и материальной опоры.

В современном мире мы должны бояться не того, что выпадем из всемирного коммуникационного процесса (культурного, научного, политического, экономического и т. д.), а того, что лишимся самости, — нам нечего будет сказать и предложить миру[12]. И если мы станем пусты (будем не в состоянии производить критическое знание, выдвигать новые фундаментальные идеи в науке), то место на периферии человечества нам будет гарантировано.

А вот обретение самости (научной, технической, технологической, интеллектуальной самостоятельности) как раз и дает нам возможность влиться в современный коммуникационный процесс и стать полноценными участниками решения стоящих перед человечеством глобальных проблем. Более того, как раз при установке на самореализацию и саморазвитие и возможно самое широкое международное сотрудничество, причем на выгодных для нашей страны условиях.

Выбор приоритетов развития (разработка и реализация различных мегапроектов) это наша задача, и никто за нас ее не решит. Как отмечает, например, один из координаторов «форсайтных» работ[13] в Российской академии наук В.В. Иванов, мы сами должны определить направления научного и технологического развития, в которых обязаны стать лидерами. И как только определим эти направления и начнем вкладывать в них соответствующие ресурсы, то с большой степенью вероятности сможем занять лидирующие позиции в данных областях. При этом, конечно, многое зависит от научно-технической, промышленной и инновационной политики, эффективной и современной (базирующейся на основательной фундаментальной подготовке) образовательной системе [9].

Однако, приступая к выбору приоритетных направлений развития, мы должны учитывать зафиксированный Х. Ортега-и-Гассетом парадокс: внутренняя политика любой державы во многом вытекает из проводимой ею

---

[12] Как замечательно заметил Ф.И. Гиренок, «если человека не поглощает коммуникация, то у него возникает чувство одиночества. Если она его поглощает, то он становится пустым» [5, 34].

[13] Использование методологии прогнозирования «Форсайт» позволяет организовать процесс систематического определения новых стратегических научных направлений и технологических достижений, которые в долгосрочной перспективе смогут оказать серьезное воздействие на экономическое и социальное развитие страны (подробнее см.: [8]).

внешней политики. Это связано с тем, что «все крупные государства складываются не изнутри, а извне. Лишь правильная внешняя политика, сулящая деяния, предприятия, может обеспечить успех в политике внутренней, неизбежно второстепенной» [6, 25].

Важно отметить, что в России и в других так называемых государствах догоняющего развития «реакция правящих кругов (или тех, кто приходил им на смену в результате революций и войн) на внешние угрозы и обстоятельства играла куда более важную роль в модернизации этих стран, чем внутренние импульсы к социально-экономическим и политическим преобразованиям» [4, 997].

Таким образом, направления практической деятельности и фундаментальных исследований, в которых мы должны преуспеть, во многом задаются не нашей самостью (хотя и учитывают ее), а той внешней средой, в которой мы вынуждены действовать. Точнее, тем местом, которое мы хотим занять в мировом сообществе народов. К примеру, в послевоенные годы Советский Союз жестко состязался с США, и это, помимо всего прочего, обусловило стремительное развитие советской науки по всем направлениям. Как только жесткое противостояние СССР с Соединенными Штатами закончилось, интерес у властных структур новой России к фундаментальным исследованиям резко угас.

Безусловными приоритетами российской внешней политики на протяжении большей части ее истории были завоевание, удержание и упрочение за Россией статуса великой державы. Именно ориентация на построение великой державы генерировала творческую энергию русского и других народов нашей страны.

Верно и обратное. Отказ от масштабных планов всегда парализовывал волю и воображение народа. Русское сознание и сейчас продолжает мучительно искать глубинные (трансцендентные) основания своего бытия, всей своей хозяйственной деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует следующий зафиксированный Ф.И. Гиренком факт: «русское сознание, несмотря на годы тотального рыночно-демократического промывания мозгов, никак не может смириться с тем, что русские люди строили государство, создавали свои церкви, вели войны, возводили Днепрогэс и Магнитку, запускали космические аппараты для того только, чтобы какой-нибудь пучеглазый демократ обучал своего ребенка в Сорбонне, чтобы мелкий лавочник раскатывал на мерседесе, чтобы чиновник купал свое тело в джакузи. Для того ли сотни лет русские люди терпели нужду и проливали кровь, чтобы жирел чиновник на даче-крепости, чтобы носила жемчуга торговка» [5, 209].

Другими словами, подсознательно (да и вполне сознательно) народ требует от власти вернуть России статус великой державы, т. е. начать реализовывать мегапроект «Россия — великая держава». Ответом на это требование должно быть проведение соответствующей внешней и коррелирующей с ней внутренней политики России. Мы должны определиться с местом России в мире и тем своим внутренним состоянием (в военной, экономической, научной, культурной, интеллектуальной и других областях), которое потребуется для того, чтобы его занять.

По мнению Ю.М. Осипова, России сейчас необходим амбициозный превращенческий проект. Реализуя его и на ходу перестраиваясь, наша страна имеет шанс «выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему

развитию, эффективному участию в солидарном планетарном общежитии» [10, 7].

Имперскость инновационной политики

Чтобы быть сверхдержавой, надо доминировать или поддерживать паритет со стратегическими мировыми игроками в ведущих областях научных исследований, финансовой деятельности, промышленности, системе образования и т. д., т. е. производить достойный интеллектуальный, научный, военный, инновационный продукт[14]. А для этого надо иметь имперскую[15] политическую, военную, экономическую, финансовую, промышленную, научную, образовательную и другую систему. Но прежде всего нужна имперская экономика, которая должна строиться в соответствии с принципами философии хозяйства, которая, по словам Ю.М. Осипова, «представляет собой сложное, синергетическое образование, междисциплинарное течение гуманитарной и обществоведческой мысли, выливающееся в особую отрасль знания, обращенную к познанию человеческого бытия в его субъектно-творческой реализации, когда человек выступает как творец собственного бытия, а творчество человека предстает как процесс реализации заложенного в человеке, его сознании и общественном разуме (культуре) сверхприродного творческого потенциала, позволяющего проявлять сверхприродные проективные инициации и добиваться сверхприродных результатов, используя жизнеутверждающий потенциал природы, изменяя целеположенную природу и построяя на ее базе неприродный — искусственный, исходно человеческий — мир, обращенный в неведомое, но конструируемое так или иначе человеком, будущее» [12, 10 — 11]. Иначе говоря, философия хозяйства — это научная дисциплина, дающая возможность стратегически мыслящему и действующему хозяйствующему субъекту увидеть целостность мира в его семантике (смысловом измерении) и динамике развития.

Современное имперское хозяйство — это экономика нового типа, инновационная экономика с сильной административной составляющей и высокой долей государственной собственности. По словам того же Ю.М. Осипова, сегодня верховная российская власть должна признать необходимость и рациональность перехода к практике национального (социально-государственного) дирижизма (от фр. diriger — управлять), а в современной новейшей интерпретации — неодирижизма, восходящего к ориентированному, поощренческому, направительному влиянию из властно-национального центра на социо-хозяйственные процессы, а при необходимости и к прямому вмешательству властной системы в социо-хозяйственную жизнь. При этом осуществляться неодирижизм может на основе и через посредство национального государственно-корпоративного комплекса, широко прибегающего к пространственно-сетевым институциональным структурам и организационным методам [10, 7].

---

[14] Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «есть минимум высших жизненных функций, который во что бы то ни стало (под страхом полного вырождения) вынужден осуществлять каждый народ» [6, 82]. Естественно, для великого народа набор таких жизненных функций значительно шире.

[15] Основоположник мир-системного подхода в анализе социальной реальности И. Валлерстайн отмечал, что в контексте конкуренции цивилизаций на протяжении многих столетий одной из эффективных политической форм выступали «империи», в которых формировались особые мир-экономики (см.: [11]).

Построенная на принципах философии хозяйства имперская экономика должна быть способной конкурировать с созданной и весьма эффективной инновационной системой США, имеющей слабую административную составляющую и преобладание частной собственности в экономике[16]. При этом надо учитывать, что в ближайшие годы американцы, как обещал Б. Обама в своей известной речи на ежегодном (2009) собрании американской Национальной академии наук, будут выделять более 3% своего ВВП на научные исследования и разработки. Это свидетельствует о том, что администрация Б. Обамы не просто делает ставку на науку как вид деятельности, приносящий наибольшие дивиденды от финансовых вложений, но и планирует осуществить радикальные научные прорывы в самых различных областях знания. А последнее, безусловно, радикально изменит мир, в котором мы живем.

Конечно, соревноваться с американцами, имеющими, по мнению К. Северинова, «лучшую в мире систему получения знания и разработок, функционирующую систему экспертизы и распределения средств на науку» [14] и, несмотря на кризис, располагающими колоссальными денежными ресурсами, чрезвычайно сложно.

Но, на наше счастье, «наука — тварь нежная, нет такого, что чем больше денег туда влить, тем непременно для нее лучше» [14]. Важны не только деньги, но и креативность. Как отмечает ведущий в мире специалист в области систем противокосмической обороны и космических систем предупреждения о ракетном нападении (его часто называют «крестным отцом» советской программы «звездных войн»), генеральный конструктор ОАО Концерн «ПВО Алмаз — Антей» академик А.И. Савин, работа над любой научной проблемой начинается не с денег, а с выработки исследователем подхода к ее разрешению [15]. И российская наука пока способна (как и всегда была способна) выдвигать оригинальные (менее затратные в денежном выражении) способы решения различных научных и технических проблем.

Безусловно, для проведения современной инновационной политики необходимо создавать соответствующую инновационную среду. Но научно-инновационная сеть только тогда по-настоящему становится средой развития, когда в ней есть структурообразующие узлы (стратегические субъекты действия). Вне всякого сомнения, в современном мире к таким стратегическим игрокам относятся не только государства и объединения государств, но и транснациональные корпорации, мировые финансовые группы, медиа-империи (издательский дом Мердока, медиа-империи Херста, Тернера и др.), мозговые центры (типа Института сложности в Санта-Фе, RAND Corporation или российских МГИМО, Института США и Канады и др.), крупнейшие исследовательские центры (типа американской Ливерморской национальной лаборатории или нашего Курчатовского института), ведущие университеты (Кембридж, Оксфорд, Сорбонна, Эколь Политекник, Гарвард, Стенфорд, Массачусетсский технологический институт, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГТУ им. Н.Э. Баумана), влиятельнейшие рейтинговые агентства (брендконсалтинговое агентство Interbrand, консалтинговая фирма Reputation Institute и др.)[17] и т. д.

---

[16] Подробнее о хозяйственных системах с сильной административной составляющей и высокой долей государственной собственности и со слабой административной составляющей и преобладанием частной собственности в экономике см.: [13, 5].

[17] Как отмечает А.И. Агеев, современная экономика строится на доверии и искусстве создавать финансовую отчетность для позиционирования в сложной сети стейкхолде-

России, если она действительно хочет играть роль великой державы в мире, необходимо создавать подобные корпорации, свои финансовые и медиагруппы, мозговые центры, исследовательские лаборатории и университеты, мощные образовательные центры, престижные рейтинговые и маркетинговые агентства и т. д., т. е. формировать не только инновационную среду, но и действующих в этом пространстве стратегических инновационных субъектов. Как верно отмечают В.Б. Бетелин, Е.П. Велихов и А.Г. Кушниренко, «основная проблема создания инновационной экономики в России заключается не столько в неразвитости соответствующих институтов, сколько в отсутствии именно крупных компаний-отраслей, потенциал которых (финансовый, технологический, инфраструктурный, организационный и др.) не позволяет им реализовывать масштабные наукоемкие проекты» [17, 56 — 57]. Поэтому, продолжают они, необходимо создавать системообразующие компании-отрасли, ставить перед ними задачи приобретения значимой доли отечественного или мирового рынка высокотехнологичной продукции, создавать реальные механизмы построения экономики знаний, понимания при этом, что ее необходимым элементом является развитая промышленность, неразрывно связанная с передовой наукой и фундаментальным образованием. То есть долгосрочная инновационная политика России должна быть нацелена на создание и поддержание «станового хребта» высокотехнологичной промышленности России — системообразующих компаний — аналогов 900 ведущих компаний США[18], в первую очередь в таких приоритетных отраслях, как IT-индустрия, атомная энергетика, аэрокосмическая промышленность, биотехнологии, машиностроение, судостроение и др. [17, 49 — 57].

Итак, в настоящее время России необходимо не просто производить новое фундаментальное знание, а создать механизм превращения хотя бы части этого знания (но весомой в рамках мировой системы разделения труда) в инновационную продукцию: товары, технологии, услуги, информацию, стратегии и т. д. Роль государства и неодирижизма во всей этой деятельности огромна — ведь только проводя соответствующую политику, власть способна создать и укоренить в российском социуме и хозяйстве креативную саморазвивающуюся инновационную среду.

И, как это ни покажется странным, главное направление деятельности в этой области — не финансовая, юридическая или даже политическая поддержка стратегических субъектов. В современном мире основное условие конкурентоспособности — квалифицированные, инновационно и национально мыслящие кадры. Их надо готовить, производя отбор среди них наиболее перспективных.

ров. А раз так, то в ней одну из важнейших ролей играют ведущие рейтинговые агентства мира, оказывающие «высшие услуги капитализма» — производящие оценку всех видов активов глобальных экономических субъектов (см.: [16, 29]).

[18] Сегодня среди 100 крупнейших экономик мира 51 являются корпорациями и только 49 государствами (в соответствии с сопоставлением объемов продаж крупнейшими корпораций и размерами ВВП государств). Объем продаж 200 ведущих корпораций в 18 раз больше совокупного дохода 1,2 млрд чел. (24% населения мира), проживающего в полной нищете. В то время как объем продаж 200 ведущих корпораций составляет 27,5% ВВП мира, в них занято всего лишь 0,78% всех трудовых ресурсов мира. Корпорации США доминируют в списке 200 ведущих корпораций, будучи представлены 82 предприятиями (41%) (подробнее см.: [18]).

Готовить национально и инновационно мыслящую элиту можно только при реализации глобальных национальных мегапроектов (типа атомного или космического). Реализация таких мегапроектов важна не только для государства, но и его граждан. Как верно отмечал еще Х. Ортега-и-Гассет, «индивид никогда не достигнет значительных результатов, опираясь только на свои силы. Личность сильна количеством социальной энергии, которым ее зарядила масса. Любая одаренность — только повод или предлог, чтобы человек сгустил на себе весь общественный потенциал» [6, 62 — 63]. Иначе говоря, для полного раскрытия своего потенциала стратегические субъекты помимо инновационного мышления должны еще мыслить и национально (в интересах своей страны, региона, корпорации).

Задача государства в этих условиях дать человеку реализовать свои способности в процессе общенациональной творческой работы. При этом скорость движения по карьерной лестнице должна зависеть только от производимого индивидом «продукта». И только построение такой системы «социальных лифтов» дает возможность государству резко повысить свой творческий и производственный потенциал, так как «история не знает иного средства улучшить существование этноса кроме твердой и последовательно осуществляемой воли к отбору лучших людей». И, немного перефразировав Х. Ортега-и-Гассета, мы можем сказать, что, только действуя такой волей, словно резцом, нация сумеет наконец изваять четкий облик подлинного россиянина [6, 114].

Мегакорпорация «Россия»

Для успешной деятельности, безусловно, важны деньги (финансы, инвестиции) и знания (кадры). Но еще важнее наличие воли. Денег в современном мире переизбыток[19] (даже с учетом современного финансово-экономического кризиса), да и знаний (особенно технологий) предостаточно. И при желании инвестиции и технологии[20] можно получить.

---

[19] В составленном сотрудниками Института мировой экономики и международных отношений РАН прогнозе развития мирового хозяйства до 2020 г. говорится, что в отличие от первых послевоенных десятилетий, когда недостаток капитала выступал в качестве одного из важных факторов экономического роста, в прогнозируемый период обеспеченность мировой экономики инвестиционными ресурсами будет в целом достаточной, чтобы поддерживать высокие темпы ее роста. Новое в инвестиционной сфере с 2010-х гг., — усиление тенденции к образованию относительно избыточных капиталов, прежде всего в развитой части мира. Как следствие этого: растущее глобальное перераспределение инвестиционных ресурсов из развитых стран в менее развитые государства. Важнейшая особенность прогнозируемого периода: конкуренция за привлечение капитала все чаще будет сочетаться с соперничеством между самими инвесторами за возможность реализовать его излишки (подробнее см.: [19, 18 — 20; 36 — 45]).

[20] О том, что в современном мире трансфер технологий имеет определенные ограничения свидетельствует давний случай с «Opel». Осенью 2009 г., т. е. в разгар глобального финансово-экономического кризиса, совет директоров «General Motors» «неожиданно» принял решение не продавать 55% акций «Opel» консорциуму канадской «Magna» и российского Сбербанка. Директора GM посчитали для себя необходимым сохранить «Opel» как важного поставщика технологий и дизайна. Об ограничениях России к доступу к наукоемким технологиям на Сочинском инвестиционном форуме 2009 г. говорил и В.В. Путин. Он напомнил о печально известных «КОКОМовских» списках (КОКОМ — международная *организация* стран НАТО и Японии (Координационный комитет по контролю над экспортом), созданная в годы холодной войны с целью экспортного контроля над товарами и технологиями, запрещаемыми к ввозу в СССР и другие социали-

А вот с волевыми качествами у современного человека дела обстоят плохо. Более того, его характерная черта — отсутствие воли и желания реализовывать намеченные планы. Да и с воображением — основой стратегического планирования — неважно.

Люди эпохи Постмодерна хотят легко и быстро зарабатывать большие деньги, производя различные симулякры (пустые, лишенные потребительской ценности товары). И если мы хотим выбраться из ситуации симулякративного Постмодерна, то должны, во-первых, резко ограничить возможности для симулякративной деятельности[21], во-вторых — создать нормальные условия для бизнеса.

Современные российские реалии таковы, что для выхода на траекторию устойчивого экономического развития, должно быть покончено не только с симулякративной деятельностью, но и с мародерами — субъектами, паразитирующими на растаскивании данных Богом российскому народу природных богатств и занимающимися рейдерскими захватами собственности (опираясь на коррумпированных чиновников всех уровней властной вертикали) у более успешных конкурентов или организаций (прежде всего помещений и земельных участков) сферы науки, образования, культуры и т. д. Помимо экономического вреда, «мародерские практики» разлагают нацию. И прежде всего тех, кто этим мародерством (на современном языке эвфемизмов это называется рейдерством) занимается.

Хватит ли у народа решимости начать вырываться из смертоносных объятий обступающего со всех сторон небытия и начать реализовывать различные национальные мегапроекты, точнее единый глобальный мегапроект «Россия»? Положительного ответа на этот вопрос нет. Но до сих пор нашему народу удавалось решать проблемы национального выживания, особенно в судьбоносные для страны годы.

Обязано это случиться и сейчас. Но для этого должна быть выработана и доведена до народа стратегия национального спасения. Народ должен быть приведен в состояние активного национального творческого поиска, подобное тому, которое существовало в годы Великой Отечественной войны.

Реализация базирующегося на философии хозяйства мегапроекта «*Россия*» — создание современного государства имперского типа, способного производить весь объем необходимого интеллектуального знания и промышленной продукции. В ходе фундаментальных исследований будут накапливаться критические знания (база для последующих прикладных исследований и инновационной деятельности). Промышленность, производя инновационную продукцию и получая прибыль, обеспечит заказами и деньгами сферу образования и науки. Помимо знаний и продукции в ходе такой деятельности будут воспитываться будущие исследователи, работники промышленности и

стические страны. КОКОМ разработал стратегию «контролируемого технологического отставания», согласно которой техника и технология могли продаваться в социалистические страны не раньше, чем через четыре года после их серийного выпуска), которые в начале 1990-х гг. формально были ликвидированы, но фактически в решениях Государственного департамента США значительная их часть сохраняется. От этих родимых пятен «холодной войны», по мнению В.В. Путина, надо избавляться, и он очень рассчитывает, что представители крупного американского бизнеса будут всячески способствовать ликвидации рудиментов прежней эпохи [20].

[21] Как отличить симулякративную деятельность от производственной? Производственная способствует реализации национального мегапроекта.

сферы образования. Таким образом, возникнет инновационный треугольник «наука — промышленность — образование», генерирующий национальную инновационную среду и задающий аттрактор устойчивого инновационного развития России. Конфигурация этого треугольника может быть различной: она определяется деятельностью государства, теми целями, которые оно ставит перед гражданами.

Главное: успешная реализация мегапроекта «Россия» даст возможность не просто приумножить различные блага и вырастить национальную инновационную элиту, но и осуществить сборку российского народа (деде-конструкцию населения нашего Отечества).

Создание такой инновационной системы в России, безусловно, удел усилий избранного, национально мыслящего меньшинства. Для этого требуются воля, интеллект и деньги. И как ни покажется странным, эти три метафизические субстанции тесно связаны между собой. Воля дает возможность начать реализовывать мегапроект, и в том числе найти (а при необходимости и изъять у «успешной» части населения страны) необходимые для его реализации деньги, интеллект позволяет создавать инновационный продукт, реализация которого дает возможность заработать деньги (причем в современном мире довольно большие).

Нужна еще и смелость, в которой, по словам Гёте, заключены гениальность, власть и волшебная сила. Смелость нужна для того, чтобы заглянуть в будущее, принять его вызовы и использовать во благо предоставляемые им возможности. Современный кризис открывает уникальные перспективы для деятельности в этом направлении: резкого изменения статуса России в посткризисном мире, который, безусловно, будет развиваться на отличных от нынешних интеллектуальных принципах и иметь отличные от докризисных геополитическую структуру и правила игры.

Литература

1. *Сидорова Г.М.* Африканская действительность в контексте нового мирового порядка // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 10.

2. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

3. http://www.izvestia.ru/politic/article3147325/.

4. *Гранин Ю.Д.* Модернизация России: без науки и образования // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 11.

5. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М., 2008.

6. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 2003.

7. *Горюнов И.А.* Университеты ищут инварианты // Экономика и образование сегодня. 2008. № 15.

8. *Martin B.R.* Tecnology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy // International Practice in Tecnology Foresight. Vienna, 2002.

9. http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=21000.

10. *Осипов Ю.М.* Самоутверждение России: социум, экономика политика (тезисы конференции). М., 2010.

11. *Wallerstein I.* The TimeSpase of World-Systems Analysis: A Philosophical Essay // Historical Geography. 1993. No. 1/2. Vol. XXIII.

12. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства как достояние размышляющего человека // Философия хозяйства. 2008. № 4.

13. *Петров А.А.* Учитель // Экология и жизнь. 2007. № 8.

14. http://trv.nauchnik.ru/29N.pdf.

15. http://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=6a40329e-c782-4454-90da-e892e6330805.

16. *Агеев А.И.* Кризис — его время, пространство, действующие лица и риски // Философия хозяйства. 2008. № 4.

17. *Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушниренко А.Г.* Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. М., 2007.

18. *Кочетков Г.Б., Супян В.Б.* Корпорация: американская модель. СПб., 2005.

19. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007.

20. http:// www.premier.gov.ru/visits/ru/132/3722.html.

Л.Н. ДРОБЫШЕВСКАЯ, К.И. ШЕВЧЕНКО

Самоутверждение России: региональный взгляд

Современное региональное развитие предполагает наличие системы деятельности высокого порядка сложности, призванной обеспечивать конструктивное решение задач стратегического управления процессами модернизационного самоутверждения. В связи с этим минимально необходимый состав ее основных системных свойств должен включать: целеопределенность; динамичность; иерархичность; комплексность; структурность.

Существуют различные пути преобразования сложных социально-экономических систем. В России преобладает традиционная концепция преобразования систем, в том числе *региональных инновационных систем* (РИС). Ее сущность заключается в том, что, прежде всего, достигается договоренность между всеми участниками региона по целям, которые необходимо достичь, и по объектам, которые следует изменить, в процессе преобразований. Затем приглашаются эксперты, которые разрабатывают адекватную стратегию преобразований для достижения поставленных целей в сотрудничестве с участниками региональной инновационной системы. Далее стратегия применяется, а результаты измеряются и оцениваются. Если цели не достигнуты, стратегия должна быть изменена, или же участники должны поставить другие цели. Затем процесс преобразования начинается заново.

Традиционная концепция разработки региональных систем инноваций имеет существенные недостатки: во-первых, при построении системы крайне сложно заранее определить четкие цели преобразований (цели нередко изменяются в ходе преобразования); во-вторых, довольно сложно разработать полную стратегию преобразования, которую можно будет реализовать полностью, даже в том случае, если максимальное количество региональных участников вовлечены в этот процесс; в-третьих, длительный процесс постепенного достижения оптимального решения, кроме того, он не учитывает риски возможных значительных изменений в системе по ходу реализации проекта; в-четвертых, высокая зависимость от внешних экспертов, разрабатывающих стратегию, может вызвать проблемы, которые связаны с недостаточным пониманием экспертами специфики региона; в-пятых, в ходе построения инновационной системы очень сложно точно измерить воздействие и успех вме-

шательства стратегии построения, что необходимо для принятия решения о продолжении либо изменении концепции ее построения.

В последние десятилетия для преодоления недостатков, присущих традиционному подходу, в странах Европейского союза были предложены новые парадигмы изменения сложных социально-экономических систем. Традиционная экспертно-ориентированная концепция была в основном замещена дискурсивным подходом, реализация которого также начинается с определения потребности в институциональных и организационных преобразованиях. На этом этапе осуществляется разработка концепции РИС (без предварительного соглашения о целях и объектах). Кроме того, не разрабатывается прямая стратегия вмешательства. Вместо этого развитие и преобразование инновационной системы региона видятся как постоянный процесс развития (совершенствования). Предполагается, что через взаимодействие с сетями организаций внутри региона инициируется процесс постоянного изучения результатов преобразований, на этом этапе происходит апробация предложенной концепции, что значительно усиливает инновационность территориальных участников [1].

Формирование концепции, предполагающее проведение первичного исследования, направлено на создание сетевой структуры нескольких групп, которые связаны с ключевыми проблемами инновационной деятельности в регионе. Цель заключается в вовлечении большой части организаций в процесс продвижения и расширения инновационной деятельности территории для стимулирования роста и для обеспечения глобальной конкурентоспособности. Апробация стратегии проводится в течение двух лет, после чего оценивается воздействие проекта на РИС. Целью апробации является создание системы мониторинга, предоставляющей информацию о функционировании региональной инновационной системы, и поддерживающей кооперацию ключевых экономических участников адаптировать и (при необходимости) вносить коррективы в существующие инновационные практики.

Вместе с тем формирование региональной политики стимулирования инноваций не следует понимать как абсолютно рациональное принятие решений, скорее процесс разработки политики следует представлять как процесс проб и ошибок. Политика, основанная на рефлексивном изучении, может поддерживаться набором инструментов, обеспечивающих постоянное самонаблюдение и мониторинг внешней среды. Такими инструментами являются научно-технический прогноз, оценка техники и технологий, бенчмаркинг. Проведение сравнительных исследований с другими региональными системами предполагает не слепое копирование механизмов, применяемых в них, а поиск и разработку наиболее подходящих для конкретного региона.

В рамках какого бы сценария ни формировалась инновационная система региона, следует помнить о том, что понимание процессов, происходящих внутри названной системы, позволяет выявить те сферы, стимулирование и развитие которых наиболее эффективно будет способствовать конкурентоспособности продукции и услуг системы.

Благодаря такому подходу становится возможным обнаружить нестыковки внутри данной системы, препятствующие технологическому развитию и внедрению нововведений. В этом случае наиболее ценной станет поддержка со стороны региональных органов власти, которая улучшит взаимодействие между различными участниками инновационной деятельности и повысит активность предприятий, направленную на внедрение новых технологий.

Немаловажное значение для развития РИС имеет и активный инвестиционный процесс в регионе, представленный как внутренними организациями, так и внешними источниками, в том числе зарубежными.

В качестве конкретных стратегических механизмов и средств обеспечения функционирования РИС можно выделить: формирование долгосрочных и среднесрочных приоритетов инновационного развития хозяйственной системы и социальной сферы с концентрацией на них соответствующих ресурсов, поддержкой результатов, а не отдельных коллективов; стимулирующее законодательство; формирование внутреннего рынка потребления результатов инновационной деятельности; территориальную и технологическую кластеризацию инновационной деятельности в виде инновационно-технологических кластеров; развитие инфраструктуры поддержки инновационной деятельности региона; развитие межрегиональных связей на основе субконтрактации субъектов инновационного предпринимательства.

Региональные власти должны создавать необходимые условия и поддерживающие институты, которые сделают регион привлекательным для инвестиций. Создание стимулов для инвестирования в инновационную деятельность, на наш взгляд, предполагает:

- формирование благоприятного инновационно-инвестиционного климата;
- создание системы страхования кредитов для инвестиций в наукоемкий сектор экономики от коммерческих рисков;
- поддержку венчурного бизнеса, финансирование регионального венчурного фонда;
- формирование механизмов привлечения инвестиций в сферу приоритетных для территории отраслей экономики (с учетом всего комплекса местных условий);
- обеспечение защиты прав инвесторов; ужесточение ответственности (уголовной и административной) за действия, приводящие к нарушению их интересов;
- снижение неопределенности, принятие понятных инвесторам «правил игры».

Основополагающей целью формирования РИС является создание научно-технических и технологических, правовых и социально-экономических условий и механизмов для обеспечения устойчивого развития хозяйственной системы региона и повышения уровня жизни населения на основе диверсификации и модернизации экономики региона и увеличения доли продукции с высокой добавленной стоимостью.

В Концепции стратегии социально-экономического развития регионов России вопросы инновационной составляющей представлены рядом положений, связанных с институциональным и инфраструктурным формированием региональных составляющих НИС, а именно:

- разработка и реализация программ развития закрытых территориальных образований (ЗАТО), их эффективной интеграции в экономическую и социальную жизнь территорий;
- государственная поддержка наукоградов, а также размещение по территории России центров трансфера технологий;
- определение мест размещения в регионах Российской Федерации высших учебных заведений, выполняющих функцию исследовательских университетов, проводящих фундаментальные исследования на приоритетные

для государства направления развития науки и технологий и обеспечивающие интеграцию научной и образовательной деятельности, при отборе данных регионов должен учитываться образовательный и инновационный потенциал территорий;

- определение параметров федеральной поддержки региональных программ по созданию своих модулей НИС (развитие производственно-технологической инфраструктуры инновационной деятельности – технопарков, инновационно-технологических центров, бизнес-инкубаторов);
- создание на территории Российской Федерации особых экономических зон [2].

Стратегии, программы инновационного развития ряда территорий РФ имеют существенные недостатки, которые обычно присущи начальному этапу планирования, — отсутствие единого методологического подхода, единообразия в структуре и в содержательной части. По данным исследования Института региональных инновационных систем, сегодня во многих регионах программы инновационного развития не носят целостного характера [3]. За рамками программ и стратегий остаются важные аспекты взаимодействия образовательных и научных учреждений, малых инновационных предприятий, крупных промышленных компаний. Более того, как в регионах, так и в стране в целом отсутствует система управления инновационным процессом, обеспечивающая эффективные коммуникации всех субъектов инновационной сферы.

Вместе с тем российским регионам предстоит осуществить масштабные модернизационные проекты по трансформации хозяйственной системы от ресурсно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития, а именно:

- либерализацию экономических институтов и повышения конкурентности предпринимательской среды;
- модернизацию экономики на основе инноваций;
- повышение энергоэффективности производства;
- построение информационно-сетевого общества;
- обеспечение сбалансированного территориального развития и создания новых центров, ядер, полюсов роста.

В этом контексте проектирование региональной системы стимулирования инноваций должно предусматривать следующие уровни:

- первый уровень РИС, направленный на обеспечение условий реализации крупных федеральных, межрегиональных инновационных и инвестиционных государственных и частных проектов;
- второй уровень РИС, обеспечивающий стимулирование инновационных процессов в малом и среднем бизнесе, включая трансфер технологий, которые были только созданы или уже существуют, и которые могут значительно повысить результативность региональных предприятий.

С точки зрения процессного подхода формирование РИС условно можно разбить на три этапа. Первый этап включает собственно создание организационной структуры будущей РИС. На этом этапе происходят выявление заинтересованных институтов и организаций, формирование управляющего комитета. Отсутствие решения на этом этапе чрезвычайно затрудняет реализацию проектов следующего этапа. На втором этапе осуществляются разработка стратегии развития промышленности региона, создание технологических кластеров, промышленных групп, отраслей, что предполагает все-

сторонний анализ научно-технического, образовательного, инновационного потенциала региона для выделения научно-технологических направлений развития региона.

Поскольку инновационные процессы в значительной мере зависят от таких факторов, как режим функционирования предпринимательской среды, уровень и ориентация прикладных исследований на рынок, система мотивации научно-исследовательской деятельности, организация высшего и профессионального образования, региональные органы власти должны очень внимательно относиться ко всем инициативам по формированию подобных проектов.

В качестве примера можно привести региональные центры стратегического развития отраслей — центры экспертизы, которые могут стать узловым элементом инновационного развития территории. Центр экспертиз аккумулирует информационно-аналитические данные о технологиях и рынках, оценивает эффективность и востребованность разработок, организует обмен мнениями всех заинтересованных участников и обеспечивает синергетический успех каждого инновационного проекта. Это своего рода центр стратегического развития, дающий экспертную оценку и детерминирующий направления развития и взаимодействия. Проекты этого уровня могут финансироваться на паритетных началах федеральным и региональным правительством и заинтересованными бизнес структурами.

На третьем этапе осуществляется реализация инвестиционных программ, инициированных на предыдущем этапе, по созданию новых и модернизации существующих элементов кластера.

На каждом из перечисленных выше уровней формируются проекты. Каждый проект решает те системные проблемы, которые присутствуют в регионе. По сути, проектирование региональной инновационной системы и представляет собой выявление функций, которые сейчас выполнятся плохо, и делегирование этих функций существующим или вновь созданным организациям. В этом контексте эффективным инструментом, по нашему мнению, является проведение организационно-действенных игр, где все участники формируют согласованное мнение. Методы такого сценарного проектирования активно применяются бизнес структурами и государством для сложных многовариантных проектов. В сложившейся сегодня ситуации необходимо использовать инициативные проекты, которые уже появились, согласовывая их с общей схемой формирования национальной инновационной системы.

В общем виде инновационную систему региона можно представить в виде следующей совокупности:

- компоненты, относящиеся к основной деятельности;
- компоненты, имеющие отношение к обеспечивающей деятельности;
- компоненты, относящиеся к инвестиционной деятельности;
- показатели инновационности каждого элементов;
- характеристики внутренней структуры элементов инновационной системы;
- взаимовлияния и взаимодействия между элементами при реализации инновационной деятельности;
- экстерналии инновационной системы.

Поскольку в системе стимулирования инноваций в регионе присутствует значительное число субъектов инновационной деятельности, отличающихся друг от друга структурными, функциональными и другими характери-

стиками, выполняющими различные задачи, между которыми существуют и/или целенаправленно формируются новые взаимоотношения, для эффективного управления ею целесообразно создание координационного центра, например, центра стратегических разработок (ЦСР). Он может иметь любой статус, но должен признаваться легитимным региональной администрацией, государственными властными структурами, министерствами и ведомствами, мотивация деятельности которых во многом определяет приоритеты регионального развития. Несомненно, у центра должна быть определенная степень автономии и полномочий.

Структурно-функциональный аспект создания системы стимулирования инноваций в регионе предполагает реализацию следующих мероприятий:

- осуществление экспертизы об актуальных проблемах социально-экономического развития региона, осуществляемой на грантовой основе вузами и научными учреждениями;
- развитие фондового рынка;
- проектное финансирование на основе ГЧП;
- проведение оценки имеющегося технологического уровня производств в формате соответствия мировым стандартам;
- составление реестра высокотехнологичных производств посредством проведения аттестации предприятий с последующим их переводом на систему преференциальной государственной поддержки;
- формирование банка региональных проектов для их перспективной реализации, обеспечивающей производство высококонкурентной продукции;
- создание регионального бизнес-инкубатора;
- образование инновационной региональной страховой компании.

Для формирования целостной региональной инновационной системы должна быть разработана и законодательно утверждена региональная инновационная политика, корреспондирующаяся с задачей национально возрождения страны и предусматривающая приоритетное развитие научно-технологического комплекса и высокотехнологичной промышленности, повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Основные принципы формирования региональной инновационной политики: системный подход; самостоятельное формирование региональных систем с учетом специфики территорий и последующей интеграцией в национальную инновационную систему и глобальную инновационную сеть; согласованность региональных и федеральных приоритетов; сосредоточение ресурсов на приоритетных направлениях с четким определением источников финансирования. В конечном итоге региональная политика должна обеспечивать скоординированность и последовательность принятия системных решений, нацеленных на продвижение научно-технических достижений, использование инновационного потенциала для повышения конкурентоспособности территории как на внутреннем, так и внешнем рынках.

Итак, стратегия инновационного развития региона базируется на четырех основополагающих идеях: стратегическое планирование и управление, кластерное развитие научно-технического и производственного потенциала, опора на имманентные России ресурсы и движущие силы, развитие рыночных механизмов финансово-хозяйственной деятельности.

Задача органов власти как на макро-, так и на мезоуровне состоит не в стимулировании отдельных инноваций, а в формировании организационных,

экономических и правовых условий для создания основ региональных инновационных систем. Только в этом случае появятся реальные предпосылки для создания национальной инновационной системы, а значит, и суверенной неомодернизации России.

Литература

1. *Шинсток Г.* Методология разработки инновационной стратегии региона на основе дискурсивного подхода // http://www.innosys.spb.ru/.

2. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации // http://ksocpol.rags.ru/files/konc_reg.html#_edn3.

3. *Хмелевский С.В.* Каковы инновационные системы России? // http://www.miiris.ru.

Н.А. ШАПИРО

Территория России как рыночное пространство (или идеальная модель рынка для политики модернизации)

«Идеальное» в общекультурном контексте, как правило, понимается как нечто очень хорошее. «Идеальное» в научном смысле есть абстрактное, мыслимое, представляемое в виде идеи, в главном и наиболее существенном, отражающей реальность.

Если абстрактное адекватно отражает сущностное в реальном явлении, это означает, что оно создает основание для научно продуктивной теоретической модели, дающей возможность разрабатывать эффективные практики совершенствования действительности.

Идеальная модель как продукт человеческого познания отражает то время и то состояния реальности, в котором последняя находилась на момент ее изучения. В этой связи релятивизм объективно присущ познанию не только потому, что абсолютная истина недоступна человеческому уму в силу его ограниченности, но и потому, что в каждый конкретный момент времени важнейшими являются разные аспекты реальности, реальность меняется. Успешное решение задач модернизации экономики, т. е. ее обновления, придание ей облика современного рынка по подобию передовых стран, невозможно без соответствующей идеальной модели, отражающей главные проблемы современной экономики России.

Так, идеальный образ рыночной экономики, господствовавший в западной теории и практике до начала XX в., — это «меновой союз» (А. Смит), где классическая, а затем неоклассическая теория для его изучения довольствовались аналогией с хозяйством Робинзона или деревенской ярмаркой, где деньги представлялись покрывалом, скрывающим реальные экономические процессы, но не влияющим на них. Пока экономике не потребовалось государственное вмешательство, модель рынка существовала вне времени и пространства. Когда оно стало необходимым как инструмент вынужденного воздействия на естественные принципы частной собственности и свободные рынки, экономисты разных научных школ внесли в идеальную модель такой фактор, как время, который стал учитываться на основе денег.

Дж.М. Кейнс отмечал, что когда совершается переход от упрощенных моделей к проблемам реального мира, «…в наши выкладки должны войти деньги с их особыми свойствами связующего звена между настоящим и будущим… День-

ги по своему существу являются, прежде всего, хитроумным средством связи между настоящим и будущим. Поэтому даже приступить к выявлению влияния меняющихся представлений о будущем на нашу текущую деятельность нельзя иначе, как в денежных терминах» [1, 273].

М. Фридмен утверждал, что чикагская школа дает теоретический метод, «настаивающий на том, что деньги имеют значение, что любая интерпретация краткосрочных сдвигов в экономической активности наверняка столкнется с серьезными трудностями, если будет пренебрегать денежной стороной дела, если не может объяснить, почему люди стремятся иметь при себе определенное количество денег» [2, 22 — 23].

Можно, таким образом, заключить, что роль денег методологически важна для понимания сути современной экономики и через деньги в анализ было включено такой важное свойство (измерение) реальности, как время.

Отметим также схожую для указанных авторов трактовку денег как вида имущества (Кейнс) и вида частной собственности (Фридмен).

Рассматривая деньги как один из видов частной собственности или видов имущества, логично предположить, что имеет значение и количество частных собственников в экономической системе, т. е. то, как деньги распределены между экономическими субъектами, находящимися в данном экономическом пространстве системы. Чем больше собственников, тем больше потенциальных рыночных субъектов — продавцов и покупателей, тем более развита рыночная конкуренция.

Если деньги распределяются неравномерно, то это, естественно, не способствует появлению множества продавцов и покупателей, которые могут продать и купить (произвести и потребить) большое количество товаров. (В такой ситуации приходится оправдывать производство предметов роскоши, как в известной «Басне о пчелах».) Люди, чьи доходы по величине не совместимы с «простой человечностью» (А. Смит), не могут рассматриваться как полноценные рыночные субъекты, поскольку они не являются, по сути, частными собственниками, и для них рыночная свобода не является благом. Чем больше денег у экономического субъекта, тем сильнее он как участник рынка, но, чем более неравномерно распределены деньги в обществе, тем меньше устойчивых рыночных субъектов, и тем меньше реальный совокупный спрос. В таких условиях права собственности и свободные рынки не выполняют своих естественных функций и не воспринимаются большинством населения как фундаментальные принципы, обеспечивающие достойную жизнь большинству граждан в рыночной экономике.

Рассматривая экономику России, следует отметить такую проблему, как состояние территории страны с точки зрения функционирования единого рыночного пространства, на котором существуют эти частные собственники.

Такой проблемы не было у большинства современных цивилизованных стран, потому что центр Европы уже около 500 лет покрывает сеть городов, отстоящих друг от друга на 8—20 км. Даже в средневековой Европе крестьянин за день пешком успевал на рынок и обратно, а в России вынужден был на лошади ездить сутками. Среднее расстояние между городами в обжитой зоне современной России к концу XX в. составляет 45—75 км, на Урале — 150, в Сибири — 500 км. Такие расстояния затрудняли и затрудняют обмен, снижают степень тесноты экономических связей, формируют специфическую экономическую культуру самообеспечения, сдерживают развитие инфраструктуры. На протяжении многих поколений сформировали законы, обычаи, поведенческие стереотипы и профессии, которые не предполагают рыночного обмена и интенсивных связей и денежных потоков. А отсутствие правовых основ территориальной мобильности в со-

ветское время лишь закрепило «нерыночное поведение» законопослушной, т. е. большей части населения.

Реальностью экономики России на данный момент является факт крайне неравномерного распределения денег по территории страны. Если воспользоваться метафорой классиков о том, что деньги есть «покрывало», скрывающее реальные экономические процессы, то в России оно не только не однородно, как бы соткано из разнофактурных кусков, но и к тому же с большими «дырами», т. е. территориями страны, где нет никаких рыночных процессов, поскольку там нет денег у населения.

Выравнивание плотности «денежного покрывала» равноценно выравниванию рыночного потенциала. Возможно, это произойдет эволюционным путем по мере физического освоения территорий, но потребует так много времени, что современные угрозы — депопуляция населения, дефицит природных ресурсов — могут не позволить этому случиться. Поэтому экономическая политика современной России могла бы быть направлена на то, чтобы ускорить этот эволюционный процесс формирования рыночного потенциала территории страны, т. е. могла бы способствовать распределению денег так и таким образом, чтобы население могло воспользоваться в созидательном смысле правом частной собственности и свободой рынка. Реальное количество денег у значительной части граждан таково, что их далеко не всегда хватает на элементарное проживание.

Безусловно, проблемой является то, что в эконометрике нет релевантных показателей, измеряющих неравенство распределения денег по территории.

Монетарная статистика лишь показывает, что около половины денег по агрегату денежной базы концентрируется в Москве, большая часть из оставшейся половины — в Санкт-Петербурге, а оставшаяся часть — по остальной территории страны. Представить собственные расчеты некого «монетарного» коэффициента Джини сложно из-за отсутствия соответствующих данных. Но даже представленная информация дает основания предполагать, что деньги — читай — «рыночный потенциал» экономики — распределены по территории России крайне неравномерно. Значительная часть населения не имеет достаточного количества денег, чтобы владеть, пользоваться и распоряжаться ими как видом частной собственности. «Защита права собственности, столь важная для рыночной экономики, требует поддержания критической массы собственников», — отмечает и А. Гринспен [3, 232].

Сложившаяся ситуация, отражающая неравномерность распределения денег по территории или рыночного потенциала является следствием деятельности государства, его экономической политики, сделавшей максимально все, чтобы правом частной собственности могли реально воспользоваться минимальное количество человек. Этому служила модель приватизации, обесценение вкладов, избирательное правоприменение и проч., что создало ситуацию, когда основная масса населения осталась без денег и право частной собственности не является для них актуальным правом, способствующим экономическому развитию.

Следовательно, идеальная модель рынка для страны, где есть проблемы с распространением денег по территории, в частности Россия, опираясь на которую, следует разрабатывать программу модернизации, должна строиться, во-первых, как модель денежного рынка, а не просто «менового союза». И через деньги следует рассматривать рынок в пространстве и во времени. (Для этого следовало бы рассчитывать на базе официальной статистики распределение не только доходов между секторами экономики или между районами страны и субъектами федерации с учетом удельного веса населения, но и денег, их распределение в

рамках монетарной базы по территории, для сравнения сельских и городских районов страны, по периодам времени и проч.)

Теоретическая гипотеза о том, что деньги являются мерой рынка в пространстве и во времени, практически могла бы трансформироваться в программу модернизации экономики, в основе которой могла бы быть цель перераспределения денег по территории страны, в которой идея «монетарного дождя» (М. Фридмен) воплотилась бы в инвестиционную программу строительства жилья. Прогрессивность таких инвестиций состоит не только в том, что «квартирный вопрос» будет иметь более надежные перспективы решения для значительной части населения страны, чем это происходит сейчас, когда жилье строится в основном в крупных городах и его скупают богатые люди как финансовые активы. Инвестиции в жилищное строительство в проблемные территории имеют ряд преимуществ перед другими видами инвестиций и сферами вложения.

Во-первых, жилье является тем дефицитным благом, которое нельзя привозить из заграницы, у него низкая эластичность замены, конкурировать могут только технологии строительства, но не жилье само по себе.

Во-вторых, инвестиции в жилищное строительство имеют наиболее высокий мультипликатор по сравнению со всеми другими инвестициями, что будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест и повысит занятость населения.

В-третьих, инвестиции в жилищное строительство можно достаточно четко дифференцировать через бюджетно-налоговые и денежно кредитные инструменты для того, чтобы решать другие важные социально-экономические и политические проблемы, которые стоят перед страной. Для этого надо предложить особые условия ипотечного кредитования или выкупа для «первой квартиры» вне зависимости от возраста, для молодой семьи, для многодетной семьи, для разных территорий (!), для разных форм участия в строительстве (бартер, инвестирование и пр.). Здесь может помочь опыт Израиля, отстроившего современное государство в исторически короткие сроки, не прибегая к мобилизационной экономике.

В-четвертых, инвестиции в жилищное строительство являются оптимальным долгосрочным вложением нефтяных доходов государства.

Положительную роль в разработке такой программы должен сыграть критический анализ просчетов тех стран, которые использовали широкомасштабные программы по жилищному строительству как инструмент экономического развития, включая ипотечный кризис в США.

Для того чтобы такая политика дала существенные результаты, она должна осуществляться не менее чем 15—20 лет. Согласно теории и практике прогнозирования, именно этот период времени необходим, чтобы рыночные отношения оформились в устойчивые рыночные институты. Менее продолжительный период в 5—7 лет, затронув на непродолжительное время соотношение совокупного спроса и предложения, не приведет к серьезным изменениям. В среднесрочном периоде — более 7 лет лишь — начнет проявляться отдача инвестиций, сделанных в первые 1—4 года. И лишь в долгосрочном периоде устойчиво проявятся преобразования в масштабе национальной экономики на институциональном уровне.

Таким образом, проведение эффективной политики модернизации в России возможно в том случае, если программа модернизации будет опираться на новую абстрактную модель рынка, можно сказать, завершенную — с точки зрения существующей реальности — модель рынка. Такая модель должна включать в себя два измерения реальности: время и пространство. Традиционные модели рынка, сформировавшиеся западной наукой, не отра-

жали фактора пространства, поскольку к моменту появления этих теорий фактор пространства уже не являлся проблемой, сдерживающей развитие рынка.

Литература

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002.
2. *Фридмен М.* Если бы деньги заговорили… М., 1999.
3. *Гринспен А.* Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы М., 2010.

В.В. РЫШКУС

О развитии России

На Земле идет постоянный процесс развития. Невозможно однозначно оценить характер этого развития. С одной стороны, совершаются научно-технические открытия, становятся доступными новые области знаний, дорога в инновационный, нанотехнологичный мир оказывается близкой и не столь уж непроходимой. Человек, потребляя бесконечное количество материальных благ, которыми его каждый день снабжает мировая экономика, думает, что ему легче и интереснее живется по сравнению с периодом в несколько десятилетий назад. Однако, с другой стороны, войны, которые были во все времена, совсем не прекратились, а, быть может, даже стали более жестокими, если говорить не только о наносимом материальном ущербе, но и о моральной подоплеке происходящих событий. Войны ведутся не только на полях сражений с применением современных видов технических вооружений. Происходят экономические и финансовые кризисы с присущей им периодичностью. Ощутимее становится разрыв в уровне благосостояния между самыми богатыми и самыми бедными странами. Нарастают экологические проблемы, а демографическое развитие застопорилось уже лет 50 назад и теперь оказалось в кризисном состоянии, а света в конце тоннеля в решении этих вопросов пока не видно. Усугубление обозначенных негативных тенденций ставит под сомнение положительную оценку такого развития.

Что при этом считать развитием и о каком развитии нужно говорить как в тактическом, так и в стратегическом смысле? Насколько является развитием ситуация, при которой нам удобнее продать или купить какой-нибудь технический прибор, получить от этого материальную выгоду, затем вложить заработанные деньги в доходный проект, предварительно рассчитав NPV, IRR?! Поучаствовав в сделках купли-продажи и, возможно, став богаче, можно ли говорить, что произошло некое движение?! Можно ли назвать это движение развитием?! Можно ли назвать его «движением вперед»?!

С точки зрения самого субъекта конкретных отношений, это может показаться продвижением вперед, поскольку были авансированы денежные средства, которые потом преумножились и дали экономический эффект. Субъект как бы «прирос» денежными средствами, которые вложил в другой проект и т. д. С точки зрения альтернативных отношений, где другие субъекты совершали подобные сделки, но с б*о*льшим оборотом денежных средств, так называемый прогресс первого субъекта будет казаться лишь движением улитки, поскольку в рамках целой системы он не будет заметен. Но те ли это

моменты, которые необходимо брать за методологическую основу рассуждений о развитии?!

Как мы заметили, эффект от каких-либо совершаемых действий (будь то юридическое или физическое лицо, субъект федерации или государство) может быть положительным для одного субъекта, но отрицательным для другого. Так, введение таможенных пошлин может повысить доходную часть бюджета одного государства, но вынудить другое понести незапланированные убытки. Если судить по дефициту (профициту) бюджета как о развитии, то смело можно утверждать, что одна страна развивается, а вторая, если не находит альтернативных путей снижения издержек или увеличения доходов, регрессирует. Если взять за основу макроэкономические показатели стран в динамике и на их основании делать выводы о развитии, то получится, что все воспринимается через призму *экономических* отношений.

Какие могут быть предложены решения по увеличению рождаемости, экологической безопасности, если все базируется на экономических отношениях?! Конечно, экономические. А именно: увеличение социальных льгот и пособий, выделение денежных средств для городского и муниципального строительства и т. д. Многим представляется нормальным, что эти меры смогут в полной мере решить обозначенные проблемы. Только ситуация в окружающем мире в корне не меняется, несмотря на выполнение различных социальных программ (они оказывают незначительный эффект, да и то в краткосрочной перспективе).

Отметим две точки зрения на то, кем или чем определяется развитие. Одна сторона придерживается мнения, что общемировое, вселенское развитие всецело зависит от воли и решений сильных мира сего. Другие как бы противостоят им, полагая, что развитие носит объективный естественноисторический характер, и оно само определяет волю и сознание людей (см.: [1, т. 23, 9]). Распространено убеждение, что если одни страны стали богатыми, обрели статус развитых экономик или даже стран «золотого миллиарда», то и другие смогут вслед за ними стать таковыми. Стоит только перенять опыт. Многие, полагая, что Маркс писал именно об этом (а не о том, что путь капитализма будет пройден *только* западными странами), вспоминают его каждый раз недобрым словом, когда очередная программа построения капитализма проваливается.

Эти заблуждения могут быть опровергнуты с экономической точки зрения. Так, за годы либеральных реформ 1990-х гг. в России так и не удалось построить развитую рыночную экономику, и более того, она откатилась назад по многим экономическим показателям по отношению к развитым странам (производительность отраслей, структура импорта/экспорта, доля заработной платы в национальном доходе и др.). Хотя, казалось бы, технологии, используемые в развитых странах, были переняты, а командно-административная система управления — успешно сломана. Практика в который раз доказала непреложную истину: ломать проще, чем строить.

Невозможность прохождения всеми странами одинакового пути развития была отмечена еще 150 лет назад К. Марксом, писавшим русской социалистке В. Засулич о том, что если в развитых странах развивается частная собственность, то в России отношение к земле строится на общинных принципах, но никак не на спекулятивных [1, т. 19, 401 — 402]. Это предопределило то, что в западных странах капитализм начал развиваться куда быстрее, чем в остальных. Россия с самого начала объективно не смогла пойти вслед за

западным миром и стать одной из капиталистических держав. Этому препятствовал как уже упомянутый характер землепользования русского человека (артельный тип взаимодействия в крестьянском хозяйстве), так и природно-климатическая специфика территории России. Заметим, что сам Западный мир в последнее время все больше говорит о сомнительности всеобщей пользы капитала.

Природа, мир или кто-то еще устроили так, что Россия не является промышленно отсталой страной, отказываясь от однозначного следования по пути западного капитализма. В ней сочетаются эти объективные условия, и таким преимуществом не следует пренебрегать. Мы имеем дело не с экономикой, как бы это было, если бы рассматривали США, Великобританию, Германию, и не с хозяйством, как бы это было, если бы мы делали исторический экскурс в Средневековую Русь. У нас в той или иной степени на одних территориях существует экономика, при этом на других сохраняется хозяйство, и они объективно сосуществуют в России. Однако их соприкосновение следует называть не кооперацией, а борьбой, в ходе которой более сильное может разрушать более слабое, в результате чего последнее может вовсе исчезнуть. Эти процессы не видимы человеческому глазу, но они ощутимы в исторической перспективе. Мы предлагаем название для этого — *экономическое хозяйство*. Кто-то может указать на тавтологию употребления этого понятия (мол, экономика — это и есть хозяйство, только денежное — как одно из возможных обвинений), но мы раскроем его содержание и объясним, почему предлагаем его использование в отношении России.

Под *экономическим* мы понимаем то, что определяется основным экономическим оборотом, в том числе отношения по поводу купли-продажи товаров и услуг. Хозяйство существует объективно, помимо экономики. Это те территории, где нет экономического оборота, поскольку, с одной стороны, они не представляют интереса для предпринимателя (не получит он желаемого возврата на инвестиции), а с другой — на этих территориях просто не живут люди с психологией алчных и жаждущих наживы дельцов. И хозяйство, таким образом, уже не столько территории (которые можно очертить на географической карте), сколько сознание людей, выраженное в их отношении к природе, семье, земле, народу, друг к другу. Когда человек с детства развивается в хозяйстве, воспитывается в любви родителей, любви к окружающему миру, к другим людям, к традициям своего народа, то он проносит эти чувства сквозь свою жизнь. Он, быть может, живет уже в крупном городе и работает на капиталистическом предприятии, но остается человеком с хозяйственным мышлением, т. е. исходящим из любви к ближнему при любых своих деяниях. Это выражается в том, как он воспитывает своих детей или просто как относится к уборке территории вокруг дома и внутри него и т. д.

Что дает России объективное развитие в направлении экономического хозяйства? Россия неоднородна, и развитие ее неоднородно. В России почти 80% населения проживет в европейской части страны (25% территории страны), притом что на 75% территории первой по величине в мире стране живет лишь 20% населения. В России неоднородно распределено влияние климата: от сурового северного до мягкого континентального и южного. Жизнь в крупных городах сочетается с жизнью в деревнях, причем уровень этой жизни может значительно разниться (см., например, статистику валового регионального продукта). В России, в отличие от тех же развитых стран, на сегодняшний момент большое количество пустующих, неухоженных земель (так, в

Дании все сельхозугодия находятся в частной собственности). Построение рыночной экономики на базе развития инноваций в России нереально именно из-за специфики развития России, а вот реализация инновационных проектов (как это было в СССР, когда сделали возможным полет человека в космос, развивали авиапромышленность, атомную энергетику) вполне допустима, тем более что это не противоречит неоднородному развитию России.

Актуальность вопроса развития России подчеркнута в Концепции *долгосрочного* социально-экономического развития до 2020 г., разработанной Президентом и Правительством РФ. Государство вроде бы все сказало и указало путь дальнейшего следования — «социально ориентированная инновационная экономика» — и, более того, раскрыло содержание предлагаемых шагов. Но разговоры о стратегии развития продолжают вестись в научных кругах. С одной стороны, это объясняется тем, что крепкие экономисты находят неточности в формулировках и с помощью экономико-математических инструментов пытаются объяснить их и, таким образом, скорректировать содержание Концепции. Опять же их надежды связаны с государством, т. е. с *субъектом*, который, по их мнению, может и должен вывести Россию на лидирующие позиции в мире по экономическому, социальному и иным видам развития. Они исходят из той предпосылки, что, как государство захочет, так и сможет повернуть экономику. Мол, все в руках государства, в консолидации его усилий и бизнеса. Получается, что развитие определяется государственными программами и не зависит от объективных исторических условий. Президент или министр экономического развития дадут директиву, и мы сразу станем экономической супердержавой. Зачастую встречаются публикации, в которых экономисты вносят «принципиальные» уточнения в свои программы, в зависимости от корректировок государственных программ сверху.

По сути многие предлагаемые авторами стратегии развития России — это выбор оптимального взаимодействия государства и бизнеса. Так, группа авторов СИГМА полагает, что только средний класс способен вести Россию к инновационному «светлому будущему», для этого ими предлагаются «демократическое развитие гражданского общества, приближение уровня благосостояния граждан к европейскому уровню, реорганизация государства в новых условиях с выходом из состояния конфронтации с окружающим миром» [2, 3 — 4]. С. Губанов ставит вопрос о пути и формуле развития России, отталкиваясь от того, что отношение к производству ради прибыли — коренной вопрос современного развития [3, 7]. Некоторые авторы, будучи приверженцами подхода новой институциональной теории в экономике, полагают, что отсталость России объясняется слабым развитием институтов трансформации частной собственности в производительный капитал, и только «правильное построение отношений собственности на средства производства» [4, 21] изменит ситуацию, а для этого необходимым представляется «обуздание частных интересов». В. Полтерович предлагает создание институциональной системы для выработки стратегий экономического развития, совместимой с «имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями, — систему интерактивного управления ростом (СИУР)» [5, 21], важной предпосылкой создания которой автором называются технопарки, экономические зоны, национальные проекты, Российская венчурная компания, Инвестиционный фонд РФ, Банк развития. Л. Григорьев считает, что для создания инновационной экономики важно дать возможность частному бизнесу реализовать свой инновационный потенциал в адекватной правовой среде, оставив

за государством решение тех проблем, которые накопились в течение переходного периода [6, 60]. А. Блохин предлагает следующие шаги стратегии развития России, которые определят интенсивность институциональных преобразований: рост конкуренции на всех рынках; развитие и расширение кооперационных связей между экономическими агентами, повышение взаимной требовательности и взаимного контроля, рост инвестиций с мировых финансовых рынков; приток квалифицированных мигрантов, являющихся носителями привычных для развитых стран правил и норм отношений доверия и требовательности в коллективах и социумах при выполнении взаимовыгодной деятельности; рост экономической активности среднего класса (см.: [7]).

При этом о том, что в Концепции, обращениях президента стоят две противоборствующие друг другу задачи, никто не говорит. Главным является разрешение этого противоречия в пользу действительного развития. Противоречие состоит не в том, что мы хотим привлекать иностранные инвестиции, не имея системы льгот и привилегий для инвесторов, и не в том, что государство и бизнес пока недостаточно находят общих точек соприкосновения. А в том, что мы и инновационную экономику хотим построить, и демографическую ситуацию улучшить. И сохранить народ русский, и, смотря на западных соседей, поднять уровень благосостояния.

А.П. Чехов сто с лишним лет назад заметил: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения». Справедливы слова автора в отношении экономики. Многие думают, что экономика определяется национальными границами государств, и можно в изолированной стране повышать уровень благосостояния, обособившись от общемирового развития. По крайней мере, такие мысли приходят после прочтения очередных программ развития, в которых авторы с легкой уверенностью говорят о возможности «догнать и перегнать Америку» за довольно короткие сроки, встав на «инновационные рельсы развития». Однако невозможно управлять тем, что само управляет поведением людей. Многие полагают, что это именно выбор людей определяет характер экономики, а не наоборот. Так появляются навязчивые идеи порабощения мира, завоевания лидерских позиций в высокотехнологичных отраслях, а объективное развитие экономики не учитывается.

Экономику вести нельзя, потому что она сама ведет. И в этом смысле можно говорить о ее *наднациональности*. Более того, становясь транснациональной, как и создаваемые ею глобальные корпорации, экономика разрушает традиции, веками укоренившиеся в народе. И даже не столько традиции, сколько сами народы. Не вдаваясь в подробности демографической статистики (а такие данные есть), можно отметить мировые тенденции увеличения миграции и естественной убыли населения в развитых странах, что говорит о вымирании коренных народов. Иммигранты из экономически отсталых стран, ведомые сознанием достойного заработка и социальных льгот, перебираются в развитые страны, в которых рост экономического благосостояния сопряжен с демографической убылью собственного населения, и именно иммигранты создают иллюзию для многих, что в этих странах продолжает сохраняться естественный прирост населения.

Хозяйство важно вести и сохранять. Сама форма жизни в деревне может не означать хозяйства, если такая жизнь не воспринимается как хозяйственная, наделенная высшим смыслом — ради людей и жизни на *земле*, как на планете, так и на земле-матери, дающей и пищу, и воспитание, и развитие. Неслучайно потому появилась философия хозяйства, показывающая, что экономизм негативно влияет на развитие человека. Хозяйство нацелено на вос-

питание человека в единстве с народом, и его философия предполагает наделение человека «иными представлениями о хозяйственной реальности, чем это делала теоретическая экономия, как, собственно, и философия вообще» [8, 10]. Как отметил И.В. Пшеницын, и хозяйство, и экономику нельзя свести только к *отношениям между людьми* [9, 165]. Необходимо рассматривать, вслед за С.Н. Булгаковым, поднявшим главную проблему современности «о человеке в природе и о природе в человеке», также *деятельность человека*, его *связь с природой*. Единство человека и природы в хозяйстве выражается в том, что в хозяйстве не возникают проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды. Маркс писал: «Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения <…> природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [1, т. 42, 92]. Для человека в хозяйстве природа — это не просто окружающая среда, место его обитания, а родной дом, Родина, т. е. он относится к ней так, как относится к своему дому. Природа потому является продолжением тела человека, что он ей не противостоит, а бережно относится, и этим отношением к природе пронизана вся его жизнь. Относясь подобным образом к природе, человек переносит это отношение на окружающий мир в целом, в котором он живет с другими людьми. Для человека в хозяйстве является естественным создавать семью, воспитывать детей, передавать традиции через поколения.

Отношение к природе — это и отношение к земле. Если в развитых странах ежедневно совершаются спекулятивные сделки на рынке недвижимости еще с XVIII в., то потому и проблема экономики и хозяйства в экономической мысли этих стран не осознается. Все это определяет как отношения людей друг к другу, так и восприятие ими патриархальных ценностей, исчезающее по мере усиления отчуждения человека от семьи, природы, народа. Обратите внимание на слово «земляк». В английском языке это слово переводится как countryman, т. е. житель деревни, селянин. У нас слова «земляк» и «житель деревни» могут не означать одного и того же. Когда два человека узнают, что родились на одной земле, они горячо приветствуют друг друга, выкрикивая порой: «Земляк!», т. е. они — люди, родившиеся на одной земле. Они пусть и соотечественники, пусть и сограждане, но, в первую очередь, земляки. Это можно назвать словесной эквилибристикой, но фактически это отражение развития. Сохранение национальных традиций, выраженное в почитании предков, в бережном отношении к природе и земле, вскормившей и воспитавшей, любви к ним, стремлении привить патриархальные ценности детям — вот, что движет сознанием хозяйственного человека. Когда этого нет, то люди, порой не замечая, и природу загрязняют, думая, что один брошенный на улице пакет мусора погоды не делает, и, будучи бизнесменами, стремясь к максимизации прибыли, не обращают внимания на то, что это может нанести вред окружающему миру. Все идет от воспитания, а образование вторично на этом фоне, а не наоборот. Воспитание — это показатель того, в хозяйстве человек сформировался или в экономике.

Говоря о развитии России, мы имеем в виду то действительное развитие, которое должно быть определяющим в формировании человека и его самореализации в соответствии с действительной природой, а не той, которая появляется у человека в экономике (см. Смита о тяге к мене, торговле). К сожалению, многие страны переступили те рамки, когда такое развитие может осуществляться, и это немедленно отразилось на демографических показателях (средний возраст женщины при вступлении в брак, средний возраст жен-

щины при рождении первого ребенка, коэффициент брачности и др.), а, по сути, на сознании самих людей. Действительное развитие, направленное на развитие самого человека, оказывается невостребованным в развитых экономиках. Под развитием в экономике принято понимать нечто материальное, научно-технический прогресс, а такие понятия, как «любовь», «душа», просто не существуют в их первозданном смысле, и они легко подменяются другими — «секс», «эгоизм».

По сути, противостояние экономики и хозяйства — это борьба двух противоположностей, Воланда и Бога. Зачастую в сегодняшнем мире побеждает первая из двух противоположностей, и это ярко видно на примере финансовых махинаций на мировых фондовых биржах, в таких явлениях, как коррупция и бюрократия. Однако если есть Бог, а он, суть, нечто нематериальное, он существует там, где жизнь людей наполнена хозяйственным смыслом. Даже будучи городским жителем, можно сохранять этот смысл, иметь Бога внутри. Ни походы в церковь, ни молитвы людей, у которых нет Бога внутри, не наделяют их божественной силой, поскольку они стали экономическими, преследующими меркантильные интересы.

Сегодня невозможно говорить об абсолютизации цели по сохранению хозяйства и отказа от экономики. С одной стороны, слишком далеко зашла экономика в своем развитии, что теперь невозможно определить, какая экономика в нашей стране — отечественная или все-таки глобальная. Ведь даже собственная экономика России с ее промышленностью и множеством отраслей не способна производить продукцию в таком объеме, чтобы воспроизводить собственную рабочую силу, о чем свидетельствует сильная импортная зависимость. С другой стороны, нет необходимости разрушать то, что существует сегодня, и возвращаться на несколько столетий назад, когда люди жили в одно- и двухэтажных деревянных домах. Но при всем этом существует объективность, по которой мы судим о неоднородности развития России. Мы и к инновациям стремимся, и душу народа хотим сберечь. Все достижимо, только нужно понимать, какого рода инновации мы хотим и что хотим делать с их помощью, как при этом не погубить бессмертную душу народа или вообще не сделать так, что народа не будет, а будут жить наднациональные люди, для которых сегодня Родина — это «золотая жила» в одном месте, а завтра — в другом, более доходном.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.

2. Коалиции для будущего. Стратегии развития России в 2008 — 2016 гг. М., 2007.

3. *Губанов С.* Неондустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.

4. *Амосов А.* Стратегия великой державы в судьбе России // Вестник Института экономики РАН. 2009. № 2.

5. *Полтерович В.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.

6. *Григорьев Л.* Инвестиционный процесс: накопленные проблемы и интересы // Вопросы экономики. 2008. № 4.

7. *Блохин А.* Концепт-прогноз долгосрочного развития России // http://www.worldenergy.ru/doc_main_64.html.

8. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства: В 3 кн. с приложением. М., 2003.

9. *Пшеницын И.В.* О хозяйстве и его философии // Философия хозяйства. 2010. № 1.

В.А. ГОРДЕЕВ

Опередить «не самую удовлетворительную действительность»

В самом деле, можно утверждать — действительность наша не самая удовлетворительная. И сама действительность миллионами «высыпает» нам на обозрение факты своей неудовлетворительности. Давно ли мы воспевали Москву «дорогая моя столица…», и она действительно для каждого из нас была и «дорогой» (не в сегодняшнем смысле), и «моей». А вот теперь сатирик М.Н. Задорнов отмечает, что для большинства россиян имя столицы становится оскорблением, и мы видим правоту этого писателя. Москва стала непригодным для пребывания местом, да и Россию сегодня, говоря по правде, тоже никак нельзя признать пригодной для нормального обитания человека.

Стало, к большому сожалению, постоянной практикой формулирование все новых и никогда не реализуемых задач, ежегодно озвучиваемых в президентском послании депутатам и населению страны. И хотя формулировки этих задач, вроде бы, предварительно согласуются с верхушками всех парламентских партий, но с реализацией таких формулировок все равно опять и опять дело не клеится, несмотря на практически поголовное признание важности и даже безальтернативности поставленных задач — так было и с удвоением ВВП, и с «доступным» жильем, а затем с инновациями и, наконец, с модернизацией. Как неумолимый приговор всей нашей якобы деятельности звучит справедливая, на наш взгляд, критика фракцией КПРФ выделения правительством в бюджет 2010 г. лишь 0,1% на осуществление модернизации, а затем продолжение такого же отношения при внесении проекта бюджета страны на 2011—2013 гг. Или констатация экспертами неприятного факта, что среди стран, представленных на саммите «двадцатки», у России самые неэффективные антикризисные меры и самая плохая динамика важнейших макроэкономических показателей.

Как же опередить эту не самую удовлетворительную, а может, и вовсе не удовлетворительную действительность?

.Чтобы действительно реализовать модернизационный прорыв, нам, безусловно, требуется поистине всенародный порыв энтузиазма россиян. И олигархов, и чиновников, и «остальных». По поводу первых двух еще в прошлогоднем президентском послании справедливо говорилось о конкуренции и конкурентоспособности, о необходимости выработки нормативных критериев оценки деятельности. Справедливо, но недостаточно, как мы видели, ибо не выводит на необходимую результативность. А о третьих так и вообще както осталось «за кадром». Между тем здесь речь о большинстве населения страны, и вопрос о выработке действенных стимулов, побуждающих его к модернизационному порыву и прорыву, приобретает исключительно важное значение. С этих позиций представляется правомерным выдвинутое в литературе предложение о необходимости экономико-философского осмысления проблем модернизации (см.: [1, 32]), разработки и углубления современной экономической философии как особой формы общественного сознания, представляющей важный фактор реализации модернизационной задачи.

В связи с этим предлагаем обратить внимание на результаты исследований состязательных отношений в экономике (подробнее см.: [2]).

Важный аспект указанных исследований заключается во введении в научный оборот в новом качестве категории «экономическое соревнование». Оно определено как производственное отношение между субъектами, объективно направленное на регулирование соотношения совместного и индивидуального результатов. Реализуется экономическое соревнование в таких направлениях, как состязательность индивидов в кооперированном труде и конкуренция предприятий в условиях рынка. Между этими двумя направлениями, несмотря на разные ареалы их применения (производство и обмен), существует объективная и диалектически противоречивая взаимосвязь. Как известно, сегодня о конкуренции говорят и пишут практически все, а вот о трудовой состязательности применительно к работникам сегодняшних российских предприятий — наоборот, практически никто. А ведь тем самым как раз и упускается возможность найти стимул для обеспечения необходимого всеобщего порыва, без которого немыслимы модернизация и эффективное лечение российской экономики. Стремление к самовыражению в труде — генетически заложенная в человеке потребность, она реализуется в любой ситуации, в любой экономической системе, но, конечно, в разной степени, варьируя от величины, стремящейся к нулю, до довольно больших значений.

В отношении развития экономического соревнования государству надо не абсолютизировать значение антимонопольной политики, не ограничиваться только ею: следует возвратиться, например, к политике стимулирования трудовой состязательности. В том числе и в частной сфере, где собственник-работодатель должен быть поставлен государством перед необходимостью обеспечить подлинно состязательные отношения участников кооперированного труда, направленные на повышение количества и качества результатов последнего и включающие товарищескую взаимопомощь как важнейшую составляющую.

С учетом сказанного сегодня многократно актуализируется значимость социальных инноваций в макроэкономической политике государства и деятельности предприятий. Обычно социальные инновации определяются как такие новшества, которые направлены на обеспечение социальных потребностей: улучшение условий труда, развитие образования, здравоохранения и культуры. В рамках категорий и методологии *философии хозяйства*, наверное, только о социальных инновациях и можно говорить как направленных на возвращение общества и его хозяйства в русло, позволяющее человеку становиться действительно человеком. Нами был предложен методологический принцип плюрализма подходов к исследованию инноваций как экономической категории (подробнее см.: [3, 62 — 66])[22].

Правда, с наступлением мирового кризиса стало привычнее говорить не о социальных инновациях, а об антикризисных мерах. А действительно ли несовместимы проблемы выхода из нынешней ситуации и реализации социальных инноваций? Как ни парадоксально, но социальные инновации, и только они, на наш взгляд, и могут выступить средством преодоления указанной ситуации.

---

[22] Затем, в декабре 2009 года этот принцип нашел осуществление в проведенной на базе нашего университета международной научной конференции на тему «Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе» (см.: [4]).

Но, осмысливая, как привести в действие социальные инновации, чтобы они помогли человечеству перейти в запостмодерновое, по выражению Ю.М. Осипова (см.: [5, 37]), состояние, выведя из сегодняшнего апокалиптического мира, прежде всего его, это сегодняшнее состояние, надо правильно назвать, ведь без точного диагноза лечение весьма рискованно. И тут следовало бы усомниться в столь распространенном в публицистике и многих научных публикациях наименовании сегодняшней ситуации словом «кризис». Ведь оно убаюкивает нас, ограничивая «угол зрения» лишь рамками теории цикличности, объективно реализуемой в экономике с рыночным механизмом или, оперируя терминологией формационного подхода, при капитализме. Но, пожалуй, правы, наряду с представителями концепции философии хозяйства, те авторы, которые говорят о коллапсе, о катастрофе всей сложившейся экономической системы западных стран и РФ (см., напр.: [6]). А раз болезнь иная, то и лечение должно быть другим. Заслуживает внимания, например, в связи с этим точка зрения Г.И. Ханина и Д.А. Фомина, согласно которой российскую экономику можно вывести из состояния катастрофы лишь возвращением к мобилизационной модели развития, повторением опыта сталинских пятилеток (см.: [7]). И вот здесь вопреки шквалу пропагандистского шума о «гулагах» полезно увидеть, что именно по социальным инновациям перед войной 1941—1945 гг. и в послевоенные 1946 — 1953 гг. наша страна была лидером среди всех стран планеты. И только в таком качестве она может сегодня с помощью модернизации выйти на траекторию обгоняющего других развития.

Что касается упомянутых ранее олигархов и чиновников, то обоснованная еще в 1990-х гг. академиком Д.С. Львовым идея о переносе акцента в налогообложении с труда на землю как фактора производства сегодня приобретает особое значение. Следует заметить, что подступы к механизму реализации данной идеи, но применительно к проблеме «перевоспитания» одной из названных социально-демографической группы — чиновничества — намечены в прошлогоднем президентском послании Федеральному Собранию, где поставлена задача разработать нормативы определения эффективности работы чиновников, позволяющие объективно судить о степени профессиональной пригодности их, своевременно избавляться от непригодных. Однако провозглашение даже такой скромной задачи, к сожалению, не получило достойного продолжения в ее реализации. Косвенное подтверждение такого неутешительного вывода можно, например, увидеть в красноречивом признании в СМИ начальника контрольного управления президентской администрации о том, что до объявления «строгостей» своевременно и полно осуществлялась лишь одна шестая распоряжений Президента РФ, а после объявления — одна пятая! А значит, 80% не находит своевременной и полной реализации и сейчас.

К этому следует добавить, что анализ правоприменительной практики, имеющийся в публикациях, убеждает в том, что наиболее типичная мера по отношению к нерадивым чиновникам — отстранение от должности. А то, что нерадивость их обернулась многомиллиардным ущербом для экономики страны и ее населения, — остается, как правило, «за кадром», т. е. о восполнении ущерба речь даже не ставится. И хотя эти многие миллиарды не наличествуют в официальных декларациях, но зачастую они очень даже наличествуют в качестве собственности ближних и дальних родственников нерадивого чиновника. Видимо, указание президента о нормативах для чиновников надо не просто жестко и неукоснительно выполнять, но и продолжить идею этого

указания — добиваться полного возмещения ущерба от неэффективной, а тем более противоправной деятельности госслужащих.

Что касается перенесения указанного принципа на другую социально-демографическую группу — олигархов, — то представляется необходимым не уклоняться больше от общемировой практики прогрессивного налогообложения. В июле 2010 г. на заседании Государственной Думы убедительные, по нашему мнению, аргументы представил депутат А. Багаряков, показав, что даже увеличение с 13 до 20% подоходного налога на миллиардеров способно сделать наш бюджет куда более дееспособным в деле финансирования модернизации и социальной политики, причем 97% населения страны увеличение налога никак бы не коснулось. Убедительность предложений А. Багарякова была столь красноречива, что только политико-идеологической тенденциозностью можно объяснить непринятие думским большинством этих предложений (их автор не принадлежал к партии власти — «Единой России»). В этом смысле представляется недостаточно обоснованной и позиция главы правительства и министра финансов, утверждающих, что для прогрессивного налогообложения еще не наступило время.

В действительности время сегодня как раз неумолимо требует срочных действий по опережению «не самой удовлетворительной действительности».

Литература

1. *Молчанов К.В*. Современные философско-экономические основы осмысления модернизации и ее аспектов в современной России // Философия хозяйства. 2008. № 3.

2. *Гордеев В.А*. Конкуренция и ее развитие. Ярославль, 2008.

3. *Гордеев В.А.* Об инновациях инновационно: что это значит? // Экономическая теория в XXI веке – 7(14): Инновационная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, И.В. Шевченко, Л.Н. Дробышевской, Е.С. Зотовой. М.; Краснодар, 2008.

4. Социальные инновации в мировом, макроэкономическом и региональном разрезе: Монографический сборник научных трудов по материалам Круглого стола в ЯГТУ 15.12.2009 / Под ред. В.А. Гордеева, У.Ж. Алиева, Б.Д. Бабаева, П.С. Лемещенко, Н.Б. Малаховой, Г.А. Родиной. Ярославль, 2009.

5. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества. М., 2008

6. *Кургинян С*. Кризис и другие о грозящей катастрофе // Завтра. 2009. 11 февр. № 7 (795).

7. *Ханин Г.И., Фомин Д.А*. Экономический кризис 2008 г. в России: причины и последствия // ЭКО. 2009. №1.

Г.Ю. ДУБЯНСКАЯ

Модель системного развития как императив самоутверждения России в качестве одного из глобальных лидеров в XXI веке

Одним из главных вызовов нынешнего столетия стал процесс глобализации, и судьбу и жизнеспособность современных государств будет опреде-

лять их воля и способность найти достойный и адекватный ответ на этот вызов. Другим — стал вызов системного развития на основе знаний и инноваций, или системного инновационного развития, для и посредством человека и человеко-, ресурсо- и природосбережения. Как отмечалось в Докладе о росте: «Рост во все большей мере должен рождаться из знаний, инноваций и более глубоких пластов физического и человеческого капитала. Ценность знаний в глобальной экономике высока и продолжает расти. Действительно, прогресс передовых экономик зависит главным образом от инноваций и новых идей» [1, 8, 42]. Особенностью феномена развития в XXI в. является его системная сущность, проявляющаяся как органичная, взаимосвязанная целостность составляющих процесса развития, а также его инновационный характер.

Мы часто задаемся вопросом, почему человечество в целом и национально-государственные сообщества в частности в течение длительного времени не могут разрешить многие сложные и кричащие проблемы современности, не в состоянии должным образом ответить на императивные вызовы глобального времени и пространства, не говоря уже о том, чтобы попытаться предотвратить потенциальные угрозы и риски будущего, понизить порог неопределенности, ставшей серьезной преградой на пути поступательного развития. Хотя эти проблемы и вызовы подчас очень активно обсуждаются политиками, учеными, экспертами, порою принимаются вроде бы верные решения по той или иной проблеме, правда, как правило, односторонние, фрагментарные, несистемные. Но почему-то ком этих проблем только нарастает, так как старые не решаются, а к ним добавляются все новые и новые. Причин этому немало, но главная, на наш взгляд, заключается в том, что на деле игнорируются системный характер реальной действительности, системная взаимосвязанность, взаимозависимость и взаимообусловленность различных сфер социальной жизнедеятельности. Так, по отдельности говорят об экономических проблемах, о глобализации, об устойчивом развитии, о социальном и политическом развитии, институциональном и научно-технологическом, об экологических и климатических проблемах, которые, в принципе, невозможно решить каждую по отдельности.

Между тем объективно-системная организация социальной и природной действительности диктует императивную необходимость целостного, системного, интегрального освоения и преобразования природы и общества, в которых все связано со всем. Системная природа объективного мира, системный характер действительности, сложность и взаимосвязанность ее многочисленных проблем и вызовов просто требуют использования системного подхода, а теперь уже и глобосистемного, к решению любых сложных проблем, которые по своей природе имеют системный характер. Сам же системный подход предполагает, в первую очередь, нахождение главного системообразующего принципа, одного, так сказать, знаменателя, цементирующего единое системное качество, представляющего собой фундаментальную основу, на которой базируется вся системная целостность в единстве всех ее составляющих (подсистем), отражающих все основные, системообразующие и функциональные сферы социальной деятельности, а также окружающую ее природную среду. Таким принципом, такой основой является, на наш взгляд, системное развитие, вокруг которого концентрируется вся жизнедеятельность. Феномен развития придает качественную смысловую определенность целенаправленной человеческой деятельности и преобразует единое целое и его составляющие в соответствии с закономерностями развития, подчиняет себе все происходящее в рамках целостной системы.

При этом само развитие рассматривается как системное явление, как квинтэссенция, основное отношение субъектов процесса развития и основа отношений между этими субъектами, уровнями, сферами и составляющими процесса развития в рамках единого целого. Составляющие системного развития связаны взаимозависимостью матричного типа, и изменения в одних сферах деятельности (соответственно составляющих развития) обусловливают изменения, как положительные, так и отрицательные, в других. Взаимообусловленные изменения во всех составляющих развития приводят к качественным, прогрессивным изменениям и в системе в целом, и, как следствие, к переходу к новому, более высокому уровню развития системной целостности. По сути системный подход означает отказ от столь популярного понятия главного звена, потянув за которое, можно якобы вытянуть, преобразовать всю цепь. Нет, системный подход означает что «тянуть» надо все звенья, все составляющие процесса развития, выявление, вычленение, определение которых является сложной научной и практической проблемой. Гипертрофированное, несистемное развитие некоторых сфер единого системного по своей природе процесса развития приводит к нарушению объективно обусловленных внутренних взаимодействий внутри целостного социального организма и, в конечном счете, если и не к полному разрушению системного целого, то к различного рода кризисам, деразвитию, маргинализации и проч. Последние глобальный и национальные кризисы наглядно продемонстрировали опасность для развития гипертрофированного, внесистемного, виртуального функционирования финансовой системы, что явилось одной из главных причин глобальных и национальных потрясений последних лет, отбросивших назад, сбросивших с траектории развития многие страны и народы, да и весь мир в целом. Стало очевидно, что финансовая сфера деятельности должна строго выполнять внутрисистемные функции, служить достижению целей и качества целостного, устойчивого, безопасного и справедливого развития как единого системного процесса на всех уровнях и во всех сферах.

Качество системного развития — выражение, характеристика целостности, системности развития в единстве всех его составляющих. И наоборот, сохранение и повышение степени целостности, взаимосвязанности составляющих развития — свидетельства качества развития. Различная степень целостности системного развития обусловлена различной степенью взаимосвязи, совместимости между различными элементами системы — субъектами и объектами, составляющими и уровнями системы развития и проч. Единство связей и отношений внутри системы обеспечивается, помимо прочего, наличием единой системообразующей и системоорганизующей цели и выполнением главной, самой сложной функции по реализации цели системного развития, которая не может быть обеспечена выполнением специфических функций отдельными составляющими, элементами системы. Хотя последние, безусловно, вносят свой частичный вклад в реализацию главной цели системного всеобщего развития посредством осуществления своих специфических функций и реализации своих специфических целей развития.

Любая сложноорганизованная система состоит из совокупности системообразующих элементов, представляющих собой отнюдь не случайный, бессвязный набор. Применительно к модели системного развития, как уже отмечалось, в качестве таких элементов выступают составляющие процесса развития. Выявление таких составляющих не является произвольным продуктом свободного абстрактного мышления, хотя, безусловно, метод научного абстрагирования здесь применяется. Но главным является наличие такой ре-

альности, как целостная совокупность системообразующих сфер жизнедеятельности человеческих сообществ различного масштаба и уровней, обеспечивающих расширенное воспроизводство этих сообществ на основе производства соответствующих потенциалов развития. Объективное существование сфер производства системосозидающих потенциалов развития и обусловливает выявление составляющих модели системного развития. Совокупность именно данных, а не иных составляющих придает системе качество целостности, системности, взаимозависимости, взаимообусловленности, совместимости ее подсистем — составляющих развития. Противоречивое единство, системная взаимодополняемость совокупности составляющих развития и обусловливают существование целостной органичной системы в рамках данного качества (как системы целостного развития), а также ее целостное, устойчивое, безопасное и справедливое функционирование. Последнее обеспечивается именно правильным выбором системообразующих составляющих развития, органичная совокупность которых делает возможным реализацию общесистемной цели.

При этом важнейшим в рамках системного подхода является количественное определение составляющих развития, их необходимого и достаточного минимума, обеспечивающего и обусловливающего качественную характеристику именно данной системы развития. Определенный набор сосуществующих, совместимых и взаимодействующих составляющих развития является основой системной организации, ее целостной структурированности, что в свою очередь служит основой и предпосылкой эффективного управления процессом развития в рамках всего системного целого. Если первоначально автором выделялось восемь системообразующих составляющих развития, образующих «восьмиугольник развития», то сейчас, после анализа и осмысления последних кризисных процессов и их причин, был сделан вывод о необходимости включения в набор составляющих финансового и культурного развития. Следовательно, теперь мы можем говорить о «десятиугольнике развития», а сутью развития в самом общем виде является поступательный прогресс во всех сферах развития — интеллектуально-человеческой, научно-технологической, экономической, социальной, политической, институциональной, военной, экологической, финансовой, культурной. Особенностями модели системного развития являются взаимообусловленность и взаимозависимость его составляющих, представляющих собой целостное взаимосвязанное единство, хотя зачастую и противоречивое.

Собственно системность развития органичной целостности обеспечивается наличием общего дела — системного, всеобщего и совместного, развития, что придает объекту действительности качество целостной органичной системы (а не суммативной общности), а постановка главной цели делает систему целесообразной, целеобусловленной, т. е. стремящейся к достижению вполне и строго определенной общесистемной цели. Императивная необходимость достижения цели системного инновационного развития служит системообразующим, цементирующим фактором модели социального развития данного качества. Реализация именно данной цели обусловливает выбор именно таких, а не иных, составляющих (сфер) развития, в которых должны производиться именно те потенциалы развития, которые сделают возможным достижение общесистемной цели, что потребует создания соответствующих систем и подсистем управления развитием и адекватных институтов развития.

Наличие и реализация общесистемной (главной) цели диктуют необходимость использования соответствующих средств ее достижения как сис-

темой в целом, так и ее составляющими, что предполагает осуществление вполне определенных действий, выполнение соответствующих функций и субфункций, направленных на реализацию целей — главной и субцелей сфер, обеспечивающих совместно общий процесс развития. Эти подцели и субфункции имеют специфический, частичный, самостоятельный характер, но в то же время подчиненный общей цели системного развития. Это существенная закономерность системно-девеломентистского подхода. Как уже отмечалось, модель системного развития предполагает наличие взаимосвязей матричного характера. Системные цели и подцели могут быть достигнуты только в том случае, если они реализуются взаимоувязанными способами, совместимыми механизмами, если на их реализацию выделяются соответствующие ресурсы в течение сопряженных по времени сроков.

В контексте целостного развития важнейшей задачей является выявление системосозидающего и системообразующего субъекта, способного и имеющего возможность управлять процессом развития, использовать потенциал и механизм власти. Таким стержневым субъектом, с нашей точки зрения, является новая форма государства развития, одного из главных носителей системного качества и фактора целостности. Миссия государства XXI в. и его функции определяются двумя фундаментальными факторами. Во-первых, вызовами, опасностями, проблемами процесса глобализации. И выбор здесь не велик. Либо государства «вписываются» в новую глобальную архитектуру, либо — нет, и тогда они просто исчезают, а территория и люди переходят в качестве приза к победителям глобальной гонки. Во-вторых, императивом развития. Либо государства становятся частью глобальной системы развития, либо — вначале маргинализируются, а затем также прекращают свое существование. Нынешние и будущие вызовы глобализации и развития императивно требуют формирования государства нового типа, способного адекватно, точно, своевременно и компетентно реагировать на уже брошенные вызовы и предугадывать и предотвращать потенциальные. Главными миссиями государства развития являются построение общества и экономики, основанных на знаниях и инновациях, которые являются и целью, и основой государства развития, и во многом продуктом его политики, а также обеспечение эффективного социального сотрудничества для и посредством развития человека, общества, государства с целью выживания и процветания в условиях глобального сотрудничества-соперничества, когда нужно соперничать, сотрудничая, а сотрудничать, конкурируя. В глобальной гонке XXI в. преуспеют те страны, чьи органы управления развитием, в первую очередь институты государственной власти, смогут быстрее, эффективнее, продуктивнее и безопаснее справиться с проблемой этого противоречивого двуединства и условия развития.

Таким образом, реалии современного глобализирующегося и развивающегося мира императивно требуют формирования государства принципиально нового типа. Чрезвычайно актуальной, с нашей точки зрения, представляется следующая позиция авторов доклада Всемирного банка: «Последние концепции развития основывались на той посылке, что рынки работают достаточно хорошо, чтобы обеспечить развитие и покончить с нищетой. Более широкое осознание информационных проблем позволяет говорить о том, что рынков самих по себе подчас недостаточно; обществу также необходима политика и институциональные механизмы, облегчающие приобретение, адаптацию и распространение знаний и смягчающие последствия информацион-

ных сбоев, особенно для бедных слоев населения. Такой подход подразумевает расширение сферы действий государства» [2, 204].

Новое государство развития должно быть в состоянии выполнить пять главных системных функций: глобоконкурентную, девелопоментистскую, кооперационистскую, инноваторскую и собственническую, что будет означать превращение традиционного государства-нации в качественно новое государство развития — глобоконкурента, девелопоментиста, кооперациониста, инноватора и собственника в одном лице. Эффективное выполнение этих функций и будет обеспечивать целостное, системное, устойчивое, безопасное и справедливое инновационное развитие.

Качество системного развития будет во многом определяться способностью государства проводить политику развития страны, основанного на знаниях. Понятно, что и сама такая политика должна быть вооружена знаниями. Прогнозируя будущее, авторы доклада Всемирного банка утверждают следующее: «Когда через 25 лет мы оглянемся назад на тот путь, который пройдет развитие за первую четверть XXI века, мы спросим себя, какие страны добьются особого успеха? Это, конечно, будут те страны, которые сумеют наладить процесс приобретения знаний, расширят возможности для их освоения и улучшат средства связи для всех своих граждан. Таким образом, это будут те страны, которые распространят силу и влияние знаний, с тем чтобы обеспечить полноценную жизнь для всех» [2, 204]. Более того, в этом же докладе подчеркивается необходимость проведения агрессивной, наступательной политики по созданию конкурентных преимуществ в формирующейся экономике знаний, и активной, ориентированной на накопление знаний, стратегии развития. В связи с этим авторы доклада отмечают следующее: «Сегодня невозможно рассматривать статичное преимущество одной страны по сравнению с другой в определенных областях производства и торговли, то есть в контексте таких относительно неизменных осязаемых факторов, как сравнительная обеспеченность трудовыми, земельными и природными ресурсами. Если учитывать знания и потенциал развития сферы знаний, на первый план выдвигаются динамичные сравнительные преимущества, то есть, относительные преимущества которые страны могут для себя создать» [2, 35].

Как уже отмечалось, глобальным вызовом XXI в. является развитие на основе знаний и инноваций. Это было констатировано в Докладе о росте: «Следует отметить, что большая часть стоимости, которая была добавлена в глобальной экономике за последнее время, особенно в ведущих странах, обусловлена не нефтью и другим сырьем, а знаниями и инновациями» [1, 99]. Если все происходящие в мире должно вращаться вокруг «солнца» развития, то само развитие должно вращаться вокруг «солнца» знаний, являющихся прожектором, освещающим движение по пути развития. Императивность развития на основе знаний и инноваций обусловлена, на наш взгляд, сложностью, скоростью, новизной, неопределенностью, непредсказуемостью, а, значит, повышенной опасностью, рисками и угрозами самим жизненным основам человечества и человека, исходящих от многих современных процессов, явлений, событий, действий как рукотворных, так и нерукотворных. Поэтому человеческие сообщества должны не просто обладать способностью производить новые знания, уметь их передавать, использовать, сохранять и накапливать, а также осуществлять процесс развития на их основе, они должны быть способны производить знания в опережающем режиме, чтобы быть в состоянии ответить не только на текущие вызовы, но и на потенциальные и еще не

проявившиеся, но могущие возникнуть из непредсказуемого будущего. А для этого требуется приоритетное развитие науки и образования, в том числе и высшего, чтобы стало возможным опережающе производить новые знания и образованных, знаниеемких людей, способных давать научно обоснованные ответы на самые сложные и опасные вызовы выживания и развития человечества. Сделать все это, игнорируя такие составляющие развития, как интеллектуально-человеческое и научно-технологическое, не создавая целенаправленно современных конкурентоспособных в глобальном масштабе научно-образовательных институтов развития и производства знания и знаниеемких работников, просто невозможно.

Создание и реализация модели системного развития предполагает использование адекватных механизмов власти, сотрудничества и участия. Основные механизмы развития — участия и сотрудничества — это человекоориентированные механизмы, позволяющие преодолеть отчуждение, отстранение людей от процесса развития и его результатов, и, наоборот, эти механизмы позволяют активизировать, простимулировать, мотивировать включение человека в процесс развития, во все его составляющие и сферы, и присвоение его результатов с целью и развития самого человека, и всеобщего развития.

Сотрудничество, понимаемое как механизм реализации общего дела всеобщего и совместного развития на всех уровнях, предполагают мотивированный производительный труд всех вместе и каждого в отдельности с целью достижения общих, вполне определенных результатов развития, т. е. производства потенциалов развития в процессе функционирования субэкономик развития, а также единой экономики развития, основанной на знаниях и инновациях. Сходное предназначение и у механизма участия в развитии, которое предполагает не только совместное участие в общем деле, но и коллективные и индивидуальные формы участия, реализуемые посредством функционирования различные форм собственности, предел развития которых ограничен лишь массовым творчеством людей при наличии адекватной институциональной среды, ограничиваемой не идеологическими пристрастиями, а прагматическими потребностями развития.

Таким образом, системный подход к познанию и преобразованию действительности предполагает системное видение этой самой действительности, использование системных социальных технологий для решения взаимосвязанных сложных проблем системного развития. Далее, системный подход к развитию предполагает разработку специфических понятий, специального исследовательского и категориального аппарата, выявление специфических механизмов взаимодействия субъектов процесса развития, а также весьма специфической институциональной среды, институтов, форм и инструментов развития. Из-за ограниченности объема удалось осветить лишь некоторые из этих вопросов.

Литература

1. Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. М., 2009.

2. Знания на службе развития. Отчет о мировом развитии. Включая выборочные показатели мирового развития. М., 1999.

С.П. БОГАЧЕВ

Социально-экономические особенности инновационного развития России

Совершенствование понятийного аппарата. Проблема устранения имеющейся в литературе несогласованности понимания инноваций не является чисто научно-терминологической. От ее решения практически зависит оценка инновационной деятельности предприятий. Например, признавать инновациями внедрение изобретений только с мировой новизной или признавать и новые для данного предприятия решения, причем не обязательно «основанные на использовании достижений науки и передового опыта» [1, 151].

В популярном в западных странах словаре издательства Коллинз приводится следующее определение: «Инновации — практическое усовершенствование и разработка изобретений в области *технологий* (инновация производственных процессов) или в области *изделий* (инновация изделий)» [2, 188].

В одном из наиболее известных в настоящее время российских словарей: «Инновации — нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта» [1, 151]. Однако вместо пояснения термина «нововведения» приводится ссылка на инновации [1, 245], т. е. возникает логический круг, исключающий существование более широкого понятия.

Поэтому за базовое методологическое положение, отличающее общее понятие «*нововведение*» от экономического «инновация», примем следующее определение: «Нововведение (инновация) — это изменение (экономического) объекта с какой-то (экономической) целью заданным способом». На основании данного подхода проанализируем известные определения на предмет содержания в них описания объекта воздействия, цели и способа, или средств воздействия.

В обоих процитированных ранее определениях инноваций объектом воздействия является производство. Однако в первом случае производство рассматривается в более широком варианте — с учетом организации труда и управления, т. е. присутствуют уже не только технические критерии. Кроме того, в обоих определениях инноваций не учтен этап реализации.

Рис. 1. Состав объектов инноваций

В предлагаемой схеме, отражающей состав объектов инноваций, организационно-управленческие нововведения считаются технологиями управления и поэтому относятся к этапу производства (рис.1).

Во втором случае в качестве средства инноваций принимаются *наука* и *опыт*. Но часто нововведения делаются вообще без новых научных результатов и чужого опыта — наугад, интуитивно с верой в успех, и поэтому они не будут попадать под определение, что говорит о его ограниченности.

В обоих определениях нет явно заданной цели. Внедрение инноваций — задача экономическая, а экономической цели в известных определениях фактически нет, так как просто упоминание средств однозначно ее не определяет. А в связи с многообразием средств возникает вопрос о необходимости упоминания средств в определении инноваций, так как это может автоматически исключать из состава инноваций воздействия на объект средствами, не упомянутыми в определении.

Цель капиталистического применения инноваций — максимизация прибыли. Поэтому экономическая эффективность (прибыль) — главный критерий выбора инноваций предприятием, а подчиненные цели средства выбираются в зависимости от ситуации. В связи с этим в определении инновации должна содержаться цель вместо заменяющих ее средств в известных определениях.

С учетом уточнения состава объектов инноваций (рис.1), определение будет звучать следующим образом: *инновация* — совершенствование товара, его производства и реализации (вывода на рынок), повышающее (их общую) экономическую эффективность. Упоминание общей экономической эффективность подчеркивает комплексность подхода к оценке выгодности инноваций для работы предприятия в целом.

Примененный термин «совершенствование» подразумевает новизну, но не уточняет ее уровень — локальная или мировая, чему будет уделено внимание при рассмотрении применения изобретений.

Относительно более общего понятия «нововведение» можно уточнить, что инновация — это производственно-экономическое нововведение.

Рис. 2. Составляющие новаторства как процесса

Примененный подход позволяет включить в систему понятий модернизацию, модификацию и рационализацию как виды инновационных процессов, объединив их под общим понятием «новаторство», отражающим процесс создания инноваций (рис. 2), сохранив при этом их известное толкование [1, 226, 330]. *Модернизация* — это усовершенствование машин, оборудования, технологических процессов. *Модификация* — внесение прогрессивных изменений в производство, технологии, продукцию. *Рационализация* — усовершенствование производства и управления.

Упоминание изобретений в определении инноваций [2, 188] создает две проблемы: во-первых, необходимость включения этапа разработки изобретений в состав определения инноваций и, во-вторых, вопрос применения изобретений как критерия признания инноваций.

При решении вопроса связи разработки изобретений с инновациями (рис. 3), отнесем внедрение инноваций в новаторство, считая науку и изобретательство независимыми составляющими научно-технического прогресса (НТП). В СССР изобретательство было широко развито, хотя часто основыва-

лось на личном энтузиазме, новаторство же отвергал экономический механизм. Но сами изобретения, как и научные открытия, могут входить в состав инноваций.

Таким образом, составляющими НТП являются: наука — изучение объективных законов окружающего мира, изобретательство — разработка новых технических решений, новаторство — применение знаний и технических решений в производстве и реализации товаров.

С позиции патентоведов для признания изобретением, техническое решение должно отвечать не только критериям полезности, реализуемости, но и мировой новизны.

Рис. 3. Составляющие НТП

Но выбор предмета инновации по критерию мировой новизны может не совпадать с выбором по критерию прибыли. Поэтому при решении вопросов инноваций к изобретениям будем относить и технические решения, обладающие локальной новизной, т. е. новизной для данного предприятия, а не только мировой. К инновациям будем относить также не технические, а организационные решения.

Особенности инновационных процессов. Поскольку цель создания капиталистического предприятия — прибыль, то ее получению может мешать конкуренция.

Наиболее желательное для общества проявление конкуренции — это опережение конкурентов в динамике за счет создания новых технологий, товаров и т. п., т. е. фактически инноваций. Но изменения в динамике, устраняемые со временем конкуренцией, не могут обеспечивать постоянной «нормальной» прибыли собственникам предприятий, т. е. живущему за счет нее классу буржуазии.

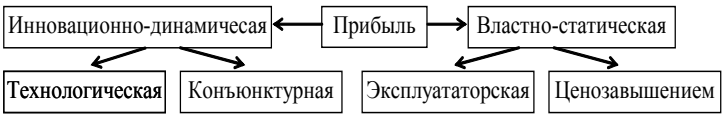

Рис. 4. Структура (причины) прибыли по способам получения

Причинами прибыли могут являться как технология и конъюнктура, так и экономическая власть над производством и рынком (рис. 4) [3]. Властно-статическая прибыль (ВСП) получается за счет экономической власти путем недоплаты работникам и завышения цен на продукцию, а инновационно-динамическая (ИДП) — путем технологических новшеств (снижения себестоимости, разработки новых технологий, позволяющих выпускать новые

товары) и учета конъюнктуры рынка (обнаружение и выпуск нужной потребителям продукции).

По сопоставлению с объектами инноваций (рис. 1) здесь управленческие нововведения (технологии управления) вошли в состав общих технологических изменений, а товар и его реализация отнесены к конъюнктурным изменениям. Разделение прибыли на ИДП и ВСП наглядно показывает, что стремление к прибыли может стимулировать не только прогресс, но и создание рыночной власти.

Правительству буржуазного государства приходится решать двоякую задачу. С одной стороны, надо обеспечивать возможность получения буржуазией постоянной прибыли, иначе она закроет бесприбыльные предприятия и наступит кризис, а с другой — ограничивать ее беспредельные аппетиты.

Получению буржуазией ВСП через завышение цен, возникающее в результате ограничения конкуренции, способствуют устанавливаемые государством правовые ограничения: право на коммерческую тайну и технологические секреты — информационная монополия (ИМ) и монополия на использование патентов — патентная монополия (ПМ), а также — выдачи лицензий на деятельность (рис. 5). При естественной монополии (ЕМ) нет конкурентов по объективным причинам, в том числе и в результате их отставания по собственной вине, при правовой — воздействия на конкурентов производятся на законных основаниях, остальные воздействия относятся к созданию криминальной монополии (КМ).

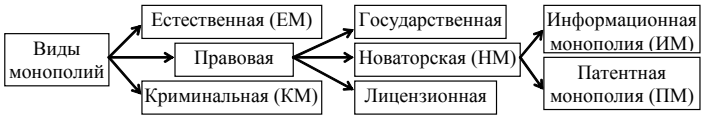

Рис. 5. Виды монополий

Инновации могут приводить к появлению объектов, попадающих под охрану как новаторская монополия (НМ), хотя их наличие может повлиять и на выдачу лицензий.

Информационная монополия основана на коммерческой тайне. «Коммерческая тайна — право предприятий не разглашать сведения об их производственной, торговой, финансовой, научно-технической деятельности» [1, 177].

Создание изобретений полезно для общества, но их патентная защита, под видом сохранения авторских прав, что можно было бы просто узаконить обязательными выплатами авторам, дает «исключительное право на использование изобретения» (ПМ), в связи с чем «другое лицо не вправе использовать запатентованный объект» [1, 282], что ограничивает конкуренцию.

Получение лицензии на деятельность, что необходимо, например, при производстве оружия, может ограничивать конкуренцию пролоббированными на законодательном уровне ограничениями и прямым криминалом на местном уровне [1, 208].

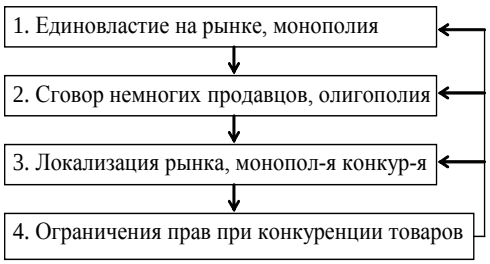

Рис. 6. Восстановление контроля рынка

Необходимость в инновациях существенно различается по видам рынков (рис. 6). На уровне криминальной монополии и олигополии получение ВСП возможно и без каких либо инноваций.

На уровне монополистической конкуренции инновации начинают играть существенную роль в создании собственной ниши рынка, позволяющей оторваться от конкурентов (рис. 7), чему способствует право на коммерческую тайну (ИМ). На уровне конкуренции товаров создание инноваций и их подведение под законную патентную охрану (ПМ) являются главными средствами получения ВСП. Фактически, используя узаконенное ограничение прав, инновации преобразуют конкурентный рынок 4-го уровня в обеспечивающие бóльшую прибыль предыдущие, что показано возвратными стрелками на рис. 6.

При этом цель инноваций — создание рыночной монополии (НМ) через техническую. Инновации могут сначала обеспечить инновационно-динамическую прибыль только за счет опережения конкурентов (ЕМ), но затем потребуется законодательное воспрепятствование выпуску продукции конкурентами (НМ), что превращает инновационную прибыль во властную, т. е. ИДП превращается в ВСП (рис. 4), когда конкуренты уже организационно могут действовать, но не имеют информации (ИМ) или прав (ПМ) для организации собственного выпуска данной продукции.

С конкурентами возможны три вида отношений (рис. 7): договориться, прятаться и бороться. Снижение заинтересованности потенциальных конкурентов относится к ЕМ, так как устраняет само желание конкурировать, а не препятствует его реализации, что достигается, например, стремлением не поднимать слишком высоко цены товаров.

Возможны комбинации методов, например, можно договориться с одними, чтобы бороться с другими.

Из всего вышеизложенного наглядно видно, что критерий прибыли однозначно не отражает общественную полезность экономических мероприятий, а получение ВСП ей явно противоречит. Поэтому для выбора мероприятий по государственной поддержке инноваций должен применяться не крите-

рий экономической эффективности (прибыль), а критерий социально-экономической полезности.

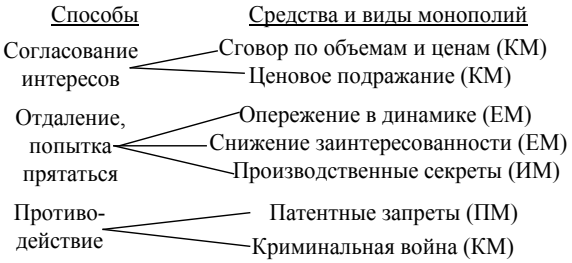

Рис. 7. Способы и средства взаимодействия с конкурентами

С общегосударственных позиций инновация — это производственно-экономическое нововведение, отвечающее критерию социально-экономической полезности. При принятии решения о поддержке проекта его экономическая эффективность должна рассматриваться государственными органами на предмет возможного получения как ИДП, так и ВСП, т. е. возможного возникновения социально вредных монополий.

Примечательно, что ограничивающее конкуренцию право коммерческой тайны (ИМ) и особенно монополия на патенты (ПМ), узаконенные государством явно для поддержки класса буржуазии, противоречат критерию социальной полезности.

Анализ социально-экономической полезности инноваций. Поскольку конечной целью государственной поддержки инноваций является улучшение социально-экономических показателей, важно уточнить возможности влияния новаторства на другие социально-экономические характеристики (рис. 8).

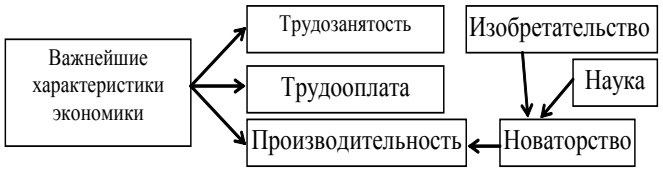

Рис. 8. Новаторство как одна из характеристик экономики

Из схемы наглядно видно, что на новаторство могут влиять наука и изобретательство, а новаторство, в свою очередь, может приводить к росту производительности труда.

Но производительность труда является отдельной, самостоятельной характеристикой, не имеющей прямой связи с трудозанятостью (как противоположностью безработице) и трудооплатой (распределением дохода). Поэтому новаторство, действующее через производительность, тоже не может прямо влиять на занятость и распределение.

Зависимость ВВП (В) от уровня цен (Ц), производительности труда (ПТ) и трудозанятости (Т) можно представить как уравнение макробаланса: В=Ц×ПТ×Т [3].

Инновации повышают *ПТ* и, поэтому, для поддержания макробаланса, должен пропорционально снижаться уровень цен — *Ц*, что можно назвать «законом прогресса».

Согласно теории социобаланса, уровень цен в отдельной отрасли устанавливается в результате противодействия государства стремлению буржуазии к увеличению прибыли [4]. Но общий макробаланс должен соблюдаться, иначе у потребителей не хватит денег для покупки всех выпускаемых товаров, в результате чего появится безработица и начнет развиваться кризис, который насильственно, через разорение буржуазии, восстановит макробаланс.

Фактически государственное противодействие влияет на выбор уровня контроля рынка (рис. 6) и способа конкуренции (рис. 7) наряду с техническими особенностями отрасли. Поэтому социально-экономическая ситуация в стране существенно влияет на выбор средств получения прибыли — проведение инноваций, т. е. создание новаторской монополии (НМ), или криминальное удержание уже имеющейся рыночной власти, т. е. КМ.

Чем эффективнее государство противодействует криминальной монополии (КМ), в том числе и сговорам, тем с бóльшим сожалением бизнес (буржуазия) вынужден получать постоянную прибыль ВСП с помощью дифференциации товаров для создания новых сегментов рынков и использования законодательно защищенных инноваций, т. е. новаторской монополии (НМ) (рис. 5), требующей гораздо бóльших затрат.

Следует отметить, что рост производительности труда (ПТ), в сочетании с нежеланием бизнеса снижать цены в погоне за прибылью, может стимулировать нестабильность, экономические циклы и даже кризисы [3] в результате нарушения макробаланса.

Таким образом, сами по себе инновации не могут решить основные проблемы капиталистической экономики: занятость, справедливость распределения, рост цен и появление кризисов.

Анализ попытки решения проблем российской экономики через стимулирование инноваций. В последнее время в российском руководстве возникло предположение, что стимулирование инноваций поможет изменить ситуацию в экономике, сделав ее эффективной не только для буржуазии, но и для всего населения. При этом не учитывается, что само новаторство является лишь средством увеличения прибыли через рост ПТ и не влияет на основные экономические показатели (рис. 8), такие как занятость, справедливость распределения, и даже может приводить к кризисам буржуазной экономики.

Главная причина отсталости олигархной российской экономики — в возможности получать постоянную прибыль с криминально распределенной доли рынка (КМ) за счет монополизма или сговора (рис. 6) и без каких-либо инноваций (НМ). Локализация рынков происходит в результате криминального раздела сфер влияния, особенно в оптовой торговле.

В России большинство отраслей, особенно по оптовым поставкам, и так находятся на 1-м и 2-м уровнях (рис. 6) с помощью криминальных методов, а правительство собирается стимулировать применение инноваций, являющихся очень дорогостоящим средством законного превращения 3-го и особенно 4-го уровня в тот же 1-й и 2-й, как на законопослушном Западе.

Пользуясь возможностями безнаказанного нарушения законодательства, российский бизнес решает вопросы конкуренции с помощью криминальных методов, действующих просто и эффективно (рис. 7), а его хотят не заставить, а уговорить, стимулируя мелкими поблажками, не идущими ни в какое сравнение с получаемой выгодой, защищаться от конкурентов законными средствами, т. е. через новаторскую монополию (рис. 5), являющуюся самым дорогостоящим способом.

Ведь на Западе инновационные 3-й и 4-й уровни установились не от хорошей жизни для бизнеса, а потому, что правительства западных стран своей антимонопольной политикой и требованиями неукоснительного исполнения законов заставили основную часть бизнеса добывать постоянные прибыли — ВСП — законно разрешенными способами (рис. 5), т. е. через применение инноваций (НМ). Однако, даже применяя инновации и их засекречивание (ИМ), западному бизнесу трудно надолго спрятаться от реальной конкуренции «в своей монопольной норке» на 3-м уровне. Поэтому ему и приходится применять методы создания узаконенной монополии, основанные на патентной защите инноваций государством (ПМ), фактически превращающие 4-й бесприбыльный конкурентный уровень в более высокие.

Но даже если бы и удалось правительству России заставить бизнес применять инновации, то повышение производительности труда все равно не помогло бы решить главные проблемы капиталистической экономики (рис. 8), ориентированной на получение прибыли, что наглядно продемонстрировал системный кризис на Западе.

Фактически надежды населения на лучшее возвращают к тому, что уже провозглашалось перед развалом СССР — научно-техническому прогрессу (НТП), только при еще большей отсталости экономики и замене НТП «импортным» словом «инновации». При этом, однако, подменяется цель с «лучшего удовлетворения потребностей людей» [1, 238] на фактически рост прибыли собственников, которая умалчивается в известных определениях инноваций, так как явно не стыкуется с ожиданиями улучшения для всего населения, на которые претендует громкое название «инновации», а тем более «НТП».

Стимулирование государством инноваций вместо борьбы с тормозящей развитие экономики рыночной властью приведет, в основном, к растрате государственных средств, прикрываемой показухой, основанной на редких успехах. Если точнее, то повторится ситуация, которая уже была в СССР — результаты, в зависимости от финансирования, могут быть в науке и изобретательстве (рис. 3), но их внедрения почти не будет.

Надо устранять незаконный контроль рынков, особенно оптовых, финансово-криминальными группами и тогда сами предприятия захотят разрабатывать новые решения или покупать патенты и будут внедрять их без какой-либо дополнительной внешней стимуляции, как это и происходит сейчас в западных странах.

Для кардинального устранения вышеупомянутых социально-экономических проблем, включая проблемы инновационного развития, необходимо переходить к новому экономическому строю — менеджеризму [3; 4], изменяющему цель функционирования предприятий с обеспечения прибыли для узкого класса буржуазии на широкое обеспечение населения нужными товарами при оплате по труду, а не за право собственности.

Литература

1. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М., 2003.
2. Словарь по экономике / Под ред. П.А. Ватника. СПб., 1998.
3. *Богачев С.П.* Разработка модели бескризисной инновационной экономики // Информационная экономика: институциональные проблемы: Материалы девятых Друкеровских чтений / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М., 2009.
4. *Богачев С.П.* Классовые интересы на пути к инновационному развитию // Институциональные основы инновационных процессов: Материалы четвертых Друкеровских чтений / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М., 2008.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Самоутверждение России в контексте общественной потребности развития

Системные изменения социо-хозяйственного устройства нашей страны, именуемые реформами 1990-х гг., спровоцировали целый ряд важных проблем, определяющих вектор дальнейшего развития, среди которых выделим:

- поиск места новой России в изменившемся геополитическом пространстве;
- позиционирование страны в списке развитых стран и в «общем» списке стран;
- заимствование модели развития или поиск собственной модели социо-хозяйственного развития;
- поиск так называемой национальной идеи;
- тип и направления институциональных преобразований.

Поиск ответов на данные вопросы может, на наш взгляд, трактоваться как процесс самоутверждения России в различных социо-хозяйственных плоскостях. Данное самоутверждение в современной глобальной системе может рассматриваться под различными углами зрения, в зависимости от того, с позиции чьих интересов ведется данное рассмотрение. Отметим, что система экономических интересов российского социума включает не только общенациональные интересы, но узкокорпоративные интересы, интересы региональных элит, узкопрофессиональные интересы, интересы общественных организаций и т. д. Между интересами различных российских субъектов и общенациональными интересами существуют противоречия. Например, отказ от сырьевой ориентации российской экономики противоречит экономическим интересам Газпрома и нефтедобывающих предприятий.

Таким образом, самоутверждение страны в современном глобальном хозяйственном пространстве есть процесс ее позиционирования, декларирования целей и задач развития, определения модели социо-хозяйственного мироустройства. Причем, если речь идет именно о самоутверждении, а не о саморекламе и самопрезентации, рейтинговые позиции страны должны быть достаточно высокие.

Отметим, что механизм самоутверждения можно рассматривать на разных уровнях, различными будут и формы самоутверждения. Сам же процесс самоутверждения не может быть бессубъектным, а следовательно, возникают вопросы о типах субъектов и их роли в данном процессе. Наиболее важными, на наш взгляд, являются институциональные субъекты, действующие на макро- и глобальном уровнях.

Формы самоутверждения России могут быть самыми разнообразными, начиная от победы в конкурсе на проведение очередного чемпионата мира или Олимпиады — 2014 и до экспедиций на дно Северного Ледовитого океана или отправки в космос очередного объекта.

Самоутверждение в русле «быть как цивилизованные страны» может быть достаточно губительно, если опыт перенимается достаточно механистически, как это происходит, например, с системой высшего образования, которая, несмотря на многочисленные протесты научной общественности, укладывается в прокрустово ложе Болонского процесса.

Самоутверждение в русле российской самобытности требует четких критериев данного развития. Многочисленные поиски так называемой общенациональной идеи продолжаются и в настоящее время, однако к единой трактовке инициаторы подобных обсуждений до си пор не пришли.

Отметим, что в настоящее время проблема самоутверждения России четко корреспондируется с реализацией программы модернизации страны. В этой связи возникает ряд вопросов, касающихся содержательной стороны процесса модернизации.

В самом общем виде модернизацию можно рассматривать как обновление, реформирование, перестройку, перестроение, развитие. Каждое из перечисленных понятий можно в определенных рамках использовать как синоним понятия модернизации на различных этапах истории российского хозяйства. Кроме того, модернизацию можно рассматривать в разных аспектах (табл. 1):

- с точки зрения системы производительных сил;
- с точки зрения системы экономических отношений;
- с точки зрения институциональных преобразований;
- с точки зрения формирования общественной потребности развития.

Таблица 1

Соотношение различных аспектов модернизации

Модернизация	С точки зрения системы производительных сил	С точки зрения системы экономических отношений	Институциональный аспект	С точки зрения общественной потребности развития
Обновление	Техническая модернизация	Становление новых экономических отношений как эволюционное, так и революционное	Становление новых институциональных единиц	Процесс общественного воспроизводства, ориентированный на хозяйственную эволюцию

Продолжение табл. 1

Реформирование	Институциональные преобразования	Сознательное воздействие на систему экономических отношений со стороны субъектов регулирования национальной экономики	Создание новых институциональных единиц и формирование нового правового поля	Реализация общественной потребности развития путем воздействия на национальную экономику со стороны субъектов макрорегулирования
Развитие	Нтп, нтр	Эволюция системы экономических отношений	Эволюция современных институтов	Определение вектора хозяйственной эволюции
Перестройка	Решение проблемы интенсификации	Слом старого хозяйственного механизма и системы экономических отношений	Моделирование новых экономических форм и процессов	Искусственное создание ситуации хозяйственной бифуркации
Перестроение	Переориентация экономики с «сырьевой» на «умную»	Формирование на основе имеющейся системы экономических отношений новой «умной» экономики	Формирование современных институтов социума и хозяйства	Реализации общественной потребности развития как потребности лидерства в современной глобальном мире

Модернизацию можно рассматривать как процесс обновления (например, техническая модернизация как обновление парка машин и оборудования, научно-технический прогресс как модернизация технологического способа производства).

Модернизация как общественный проект перестроения современного российского хозяйства требует мобилизации всех наличных ресурсов и выявления резервов инновационного развития. Особое значение имеет привлечение научно-интеллектуальных ресурсов, призванных дать объективную характеристику современного состояния российского хозяйства и предложить соответствующие варианты развития.

Мобилизационный потенциал можно использовать альтернативным образом, соответственно возникает актуальная для современной России проблема использования его в качестве основы инновационного развития, а само российское перестроение предстает как выражение общественной потребности развития для современного российского хозяйства.

Среди наиболее острых проблем, касающихся модернизации современного российского хозяйства, отметим проблему субъекта модернизации, поскольку от провозглашения курса на модернизацию необходимо переходить к ее непосредственному осуществлению. Объективно возникает проти-

воречие между общенациональными интересами, которые требуют социо-хозяйственного обновления и экономическими интересами отдельных групп субъектов национальной экономики. Модернизация, направленная по инновационному вектору, предполагает:

- для предпринимательского сектора в целом дополнительные (и при этом весьма значительные) инвестиции;
- для добывающих отраслей утрату их главенствующего значения (хотя бы формально на первых этапах модернизации);
- в сфере промышленной политики переориентацию на инновационные направления (которые еще предстоит создавать) взамен освоенного сырьевого вектора развития;
- для рынка труда более интенсивное использование рабочей силы во всех секторах экономики (при этом, учитывая сложившуюся ситуацию на современном российском рынке труда, ожидать значительного повышения заработной платы в связи с повышением интенсивности ее использования не приходится);
- для институтов национальной экономики, связанных с осуществлением программы модернизации, усиление давления со стороны субъектов глобальной экономики, отнюдь не заинтересованных в сильной инновационной российской хозяйственной системе, с одной стороны, и необходимость создания реального механизма реализации проекта модернизации, внедрение в общественное сознание идеи модернизации, с другой стороны.

Осуществление модернизации по инновационному вектору требует значительных усилий от всех участников данного процесса и сталкивается с основным, на наш взгляд, противоречием российских реформенных процессов. Это противоречие между общенациональными интересами, отражающимися в общественной потребности развития, и инертностью субъектов национального хозяйства, для которых реализация проекта переустройства предполагает изменение в привычных приоритетах, когда на первое место взамен частного (индивидуального, корпоративного, коллективного и т. д.) интереса должен выдвинуться общественный, общенациональный интерес. Модернизация предполагает изменение привычного хозяйственного поведения, экономического уклада жизни всех субъектов национальной экономики, необходимость трудиться более интенсивно и эффективно, чем вызывает определенное субъективное отторжение. Данное противоречие, на наш взгляд, необходимо учитывать при осуществлении проекта современного российского перестроения. Для его снятия требуется осознание подавляющим большинством общества необходимости модернизации. На государственном уровне важно четко видеть вектор предполагаемого развития, конкретные механизмы осуществления модернизации и ее последствий для российской социо-хозяйственной системы. Другими словами, необходима консолидация общества с целью реализации общественной потребности развития современного российского хозяйства.

Общественная потребность развития занимает особое место среди всего многообразия общественных потребностей. Она является фундаментальной общественной потребностью, от степени ее реализации зависят формирование и реализация всей системы общественных потребностей данного хозяйства. Выявление общественной потребности развития предполагает исследование текущего состояния хозяйства, анализ его макроэкономической динамики, основных показателей процесса общественного воспроизводства. Осознание

текущего состояния хозяйства, сравнительный анализ данного хозяйства с другими существующими на данный момент формами хозяйства, определение приоритетов общественного развития и соответствующих ему хозяйственных задач и проектирование дальнейшей хозяйственной деятельности общества относятся, на наш взгляд, к различным этапам процесса формирования общественной потребности развития (литературу по теме см.: [1 — 7].

Реализация общественной потребности развития предполагает определенную проектную деятельность со стороны институтов данного общества, так как улавливание общественной потребности развития это, в определенной степени, улавливание различных хозяйственных бифуркаций. По какому вектору в итоге пойдет общественное развитие — во многом зависит от степени воздействия институтов данного общества на процесс общественного воспроизводства.

Исследование общественной потребности развития как вектора хозяйственной эволюции на уровне хозяйства как целостной воспроизводящейся системы (на уровне производства вообще) порождает проблему поиска смысла хозяйствования. Общественную потребность развития можно рассматривать и на уровне конкретной социо-хозяйственной системы, тогда основной проблемой становится выявление адекватной модели хозяйственного развития. Для современных пореформенных обществ и, в частности, для российского пореформенного общества, исследование общественной потребности развития приобретает особое значение в связи с поисками модели дальнейшего хозяйственного развития. Выражением общественной потребности развития современного российского социума в настоящее время выступает проблема самоутверждения России в глобальном хозяйственном пространстве.

Литература:

1. Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение: Втор. Межд. конф.; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет; 22 — 24 апреля 2009 г. Сб. статей: Т. 1 / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М., 2009.

2. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неизбежная актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 5.

3. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М., 2001.

4. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна: В 3 ч. М., 2004.

5. Постмодерновые реалии России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2007.

6. *Фадейчева Г.В.* Поиск российской экономической доктрины как отражение общественной потребности развития на современном этапе // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации: Матер. Рос. научн. эконом. СОБР. (Москва, 19 — 20 октября 2007 г.). М., 2008.

7. *Фадейчева Г.В.* Система общественных потребностей и ее макрорегулирование в условиях глобализации. М., 2004.

А.К. ШУРКАЛИН

Преодоление энерго-сырьевой специализации России как основа перехода к целостному развивающемуся хозяйству

Вопрос о том, как преодолеть энерго-сырьевую специализацию нашего народного хозяйства, ставился и решался неоднократно. Данный вопрос явно с большой и длинной «борьбой». Его постановка восходит к 1950 — 1960-м гг. Она была связана с рассмотрением тех факторов и условий, которые обеспечивали экономический рост. Уже в те времена научно-технической прогресс в наиболее развитых странах становился основным фактором экономического роста. Советская экономика находилась в расцвете экстенсивного этапа развития. Еще более заостренно этот вопрос был поставлен в 1970-е гг., когда после мирового экономического кризиса 1973—1975 гг. развитые страны взяли на вооружение интенсивные факторы развития. В 1980-е гг. развитые страны сделали мощный рывок вперед по пути интенсивного экономического развития. Экономика СССР, построенная на принципах административно-командной организации, не смогла выработать внутренних стимулов для преодоления сырьевой специализации и развития экономики на базе научно-технического прогресса.

Такое преодоление ожидалось в 1990-е гг., когда российская экономика была поставлена на рыночные рельсы. Казалось, что рынок автоматически обеспечит переход к более прогрессивной экономической структуре, основанной на господстве наукоемких отраслей производства. Но этого не произошло. Рыночные импульсы стимулировали получение максимального дохода самым коротким и легким путем. Самый легкий способ получения высокого дохода — это торговля. Не надо ничего производить. Можно продать все то, что имеет спрос на рынке. Большим спросом пользовались сырьевые и энергические товары, особенно на внешнем рынке. Поскольку все преграды с процедуры внешнеэкономической деятельности были сняты, экспорт энергии и первичного сырья стал наиболее привлекательной формой хозяйствования. Наша страна, и в прошлом, богатая природными ресурсами, экспортировала в большой мере энерго-сырьевые товары. В 1990-е гг. и далее роль добывающих отраслей неуклонно росла. В 1989 г. доля добывающих отраслей в общей стоимости промышленной продукции составляла 16%, т. е. на обрабатывающие отрасли приходилось 84%. Динамика соотношения этих характеристик в течение 1990-х гг. складывалась в пользу роста добывающих отраслей. В первом десятилетии XXI в. эти соотношения еще больше изменились в пользу роста доли добывающих отраслей. Основной фактор этого процесса — неуклонный рост мировых цен на энергоносители, начиная с 2003 г. Примерно к 2008 г. добывающие отрасли и прежде всего, нефтегазовая заняли господствующее положение в хозяйственной структуре. Все финансовое благополучие российской экономики определялось объемом полученных доходов от экспортной реализации нефтегазовой продукции. В качестве основополагающего макроэкономического критерия для оценки эффективности хозяйственной деятельности ныне выступает мировая цена на нефть.

Создавшиеся положение в российской экономике показывает серьезную зависимость нашего экономического благополучия от конъюнктуры мирового рынка. В этой связи заметим, что в ходе осуществления рыночных преобразований в стране была поставлена задача активно включиться в миро-

вое хозяйство. Такое активное включение состоялось. Более того, оно состоялось с большим «перевыполнением». Если СССР реализовал всего 7,8% ВВП через каналы внешней торговли, то считалось, что мы находимся «за железным занавесом». С такой оценкой нельзя не согласиться. Но в середине 1990-х гг. Россия использовала уже более 23% ВВП. Величина экспортной квоты превышала тот уровень, который характеризовал позиции равновеличинных России по объему хозяйственной деятельности стран. Например, экспортная квота США последних лет составляет 16 — 17%. В 2009 г. экспортная квота России составляла уже 34%. Для условий России это явно чрезмерная величина. О чем она свидетельствует? О том, что наше народное хозяйство критически зависит от мирового рынка. Если говорить серьезно, то промышленное производство во многом свернуто, не считая добывающих отраслей металлургии. Доля наукоемких отраслей в структуре промышленного производства неуклонно сокращается. Растет год от года и импортная зависимость страны, которая имеет весьма емкий внутренний рынок, весьма квалифицированную рабочую силу и недра который содержит до 20% мировых объемов полезных ископаемых. Импортная зависимость формулирует серьезные социально-экономические угрозы нашей национальной безопасности. Среди них — продовольственная безопасность, которая под угрозой стать постоянной. Ведь до 40% объема потребляемого продовольствия у нас имеет импортное происхождение. Вторая угроза — технологическая зависимость. Многие отрасли, худо-бедно производившие машинно-техническую продукцию, ныне дают 15% ВВП. Отставание в научно-техническом отношении от развитых стран в последние годы не только не сокращается, а увеличивается. Структура российской экономики продолжает оставаться неэффективной, так как более 65% производимого годового ВВП страны — это продукция топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Если в 2000 г. доходы от деятельности отраслей ТЭК составили около 21% доходов государственного бюджета, то в 2005 г. — 45%, а в 2009 г. — около 50%.

Для выхода на траекторию устойчивого социально-экономического развития российской экономике необходима качественная модернизация. На это особо обратил внимание Президент РФ Д.А. Медведев в послании Государственному собранию РФ в ноябре 2010 г., подчеркнув необходимость широкой и комплексной модернизации всех общественных отношений, включая техническую модернизацию.

В процессе осуществления рыночных преобразований содержание экономических отношений изменилось коренным образом. Российская экономика перешла на рельсы рыночного развития, хотя не до конца и не во всем. Вместе с тем этот переход обусловил немалые издержки и прямые потери. Россия стала ближе к Западу, к экономически развитым странам. Но это сближение чисто внешнее. Россия погналась за современными химерами западного мира. Но отставание ее в области эффективности, производительности труда, в научно-техническом отношении от развитых стран стало не меньшим, чем 15 — 20 лет назад. При активном включении России в мировое хозяйство ее роль принципиально осталось той же что и в 1970 — 1980-е гг. — сырьевой придаток Запада.

Россия, как видится, смирилась с тем, что ее экономика имеет энергосырьевую специализацию. Пи этом многие видные политические деятели страны пытаются делать хорошую мину, отмечая, что природные ресурсы — это важное конкурентное преимущество России. Как верно выразился

А.И. Фурсов, сырьевой придаток не может быть по настоящему великой державой. «Великая энергетическая держава» — неудачная метафора, с помощью которой безуспешно пытаются прикрыть субъективную наготу РФ в современном мире, ее зависимость от «властелинов колец» капиталистической системы [1, 78].

Современная модернизация должна преодолеть те разрывы, которые существуют между РФ и Западом — но не методом слепого копирования, а серьезными самостоятельными действиями. Ведь в ходе реформ мы качественно изменили нашу экономическую структуру, направив ее в сторону постиндустриализации. У нас резко возросла доля сферы услуг в ВВП, превысив 50%. Но это произошло не на основе серьезных, качественных достижений в сфере материального производства, а на основе прямого сокращения этой сферы и деиндустриализации экономики. Поэтому одна из задач модернизации — деиндустриализовать нашу экономику, поднять уровень производства прежде всего обрабатывающих отраслей, коренным образом обновить основной капитал, качественно повысив его научно-технический уровень.

Современный кризис выработал серьезный побудительный мотив для проведения глубокой, качественной модернизации российской экономики. Главное, на наш взгляд, это нахождение необходимых источников финансирования мероприятий модернизации. Научно-технический прогресс в России явно не в почете. Его темпы в последние 10 — 15 лет замедлились. Это отражает ту структурную ситуацию, в которой господствующее положение занимают добывающие отрасли. Расходы на науку за период 1990 — 2008 гг. сократились почти в 8 раз. Расходы на образование сократились в 4 раза. Доля затрат в ВВП на науку в нашей стране не превышают 0,3%. В США, Японии и ряде западноевропейских стран она гораздо выше — от 2,8% до 4,2% ВВП. Так где уже искать те финансовые ресурсы, которые должны быть вложены в проведение модернизации? Источник один — доходы от тех же нефтегазовых отраслей. В нашей стране реально именно нефтегазовый бизнес является наиболее прибыльным. Рентабельность нефтегазовых компаний выше уровня рентабельности многих машиностроительных компаний. Уровень рентабельности крупнейших компаний ТЭК России составлял в период 2005 — 2009 гг. от 32% до 48%. Это гораздо выше, чем во многих зарубежных компаниях. Рациональная налоговая политика должна обеспечить эффективное распределение доходов между госбюджетом и компаниями. Ведь сегодня в условиях довольно высоких мировых цен компании заинтересованы в экспорте нефтегазовых ресурсов и мало заинтересованы во внутренней реализации на российский рынок.

Складывается парадоксальная ситуация, когда экономические интересы нефтегазового сектора России противоречат интересам остальной части страны, так как нефть и газ, добытые в России, выгоднее экспортировать, чем продавать для переработки внутри страны. При нынешнем экономическом порядке российские производительные силы, имея низкую эффективность и избыточные затраты, не выдерживают конкуренции за использование отечественного сырья.

Поэтому развитие производительный сил России и ее производственного потенциала возможно только при следующих условиях: ориентации на внутренний рынок, защите от избыточного экспорта сырья, защите от избыточного импорта товаров, особенно роскоши.

Отсюда следует, что России нужно ориентироваться на внутренний рынок и внутренние ресурсы. Для этого необходимо срочно менять в качестве

целевых следующие моменты: за счет уменьшения сверхдоходов богатых увеличить долю ВВП на оплату труда с 30 до 50%; увеличить долю ВВП на госрасходы с 25 до 45%; привести децильный коэффициент (отношение совокупного дохода 10% богатейшего населения к совокупному доходу 10% беднейшего населения) с нынешних 15 — 20 до 6 — 8, что является нормой в социально ориентированных государствах.

Чтобы исключить инфляцию, необходимо, не повышая цены на жидкое и газовое топливо, отпускать цены на жизнеобеспечивающие товары и услуги (хлеб, жилье, транспорт, энергия) до сбалансированных, покрывающих затраты в сельском хозяйстве, ЖКХ, транспорте и энергетике с учетом полной амортизации. Необходимо прекратить убивающее эти отрасли многолетнее недофинансирование.

Главная причина этого недофинансирования — неплатежеспособность большинства населения, приводящая к тому, что цены на хлеб, обслуживание жилья, транспорт по отношению к ценам на топливо в несколько раз меньше, чем в индустриальных странах. Зарплата и цены на жизнеобеспечивающие отрасли в несколько раз занижены, а цена на жидкое топливо — мировая.

Необходимо, чтобы фонд оплаты труда основной части населения и траты бюджета на социальные нужды были не меньше, чем необходимые расходы народа и государства на содержание сельского хозяйства, жилищного хозяйства, энергетики, транспорта, образования и здравоохранения. Тогда ресурсы, ныне замороженные в Стабфонде и растрачиваемые на импортные товары (включая роскошь), потребляемые богатой частью населения страны, пойдут на поддержание и инвестирование жизнеобеспечивающих сфер и развитие производительных сил в этих отраслях. В этом и состоит необходимость перераспределения доходов.

Государство должно найти в себе волю и научиться добирать сверхдоходы и направлять их на развитие народного хозяйства, иначе отечественное производство ждет незавидное будущее, которое приведет к постепенному исчезновению российского обрабатывающего сектора экономики.

Сколько же нефти сегодняшней России надо экспортировать? Чтобы платить ежегодно 110 млрд дол. и за необходимый импорт и 15 млрд дол. по внешнему долгу достаточно экспортировать не более 200 млн т. нефти в год. А с учетом доходов от экспорта газа и металлов России достаточно экспортировать еще меньше — примерно 100 млн т., сохраняя свой резерв в виде дорожающей нефти в обусловленных месторождениях и не переводя его в дешевеющие доллары.

Россия — топливно-сырьевая держава, один из энергетических лидеров в мире. Но и здесь лидерство России построено на экстенсивном росте доли энергетического сырья из недр. Развитые в этой области страны стремятся решать энергетические проблемы на базе инновационных решений. Это касается усиления роли перерабатывающих отраслей (нефтехимия, газохимия) в разработке технологий нетрадиционных (возобновляемых) источников жизни. Запад к этому подтягивает развитие НТП, узость собственной энергетической базы, а также серьезные экологические вызовы.

Соотношение невозобновляемых источников в 2009 г. к возобновляемым составляет 80:120. Как считают европейские специалисты, к 2020 г. пропорция изменится — 75:25.

Следует обратить внимание на увеличение внимания в Западной Европе к атомной энергетике. Атомная энергетика — средство, без которого Европа не сможет обеспечить свои энергетическую безопасность и экономи-

ческое благополучие. Специалисты прогнозируют, что к 2030 г. производство атомной энергетики возрастет на 40%.

Европа сегодня серьезно ставит на развитие возобновляемых источников энергии: ветровой, солнечной, биологической, геотермальной. Годовой потенциал нетрадиционных источников оценивается в 19,5 млрд т., что в 1,5 раза выше годовой добычи органического топлива.

Ветроэнеретика — самая эффективная, дешевая форма производства энергии. В Германии она составляет 7,8% общего объема потребляемой энергии, в Дании — 18,0%, в Испании — 8,2%, в Нидерландах — 8,9%.

Большое будущее за различными видами биологического топлива. Пока доля биотоплива в российской энергетике всего 0,3%, в то время как в странах ЕС она превышает 4,5%, а в Швеции и Финляндии приближается к 10%. Речь прежде всего идет о древесных отходах. Их энергосбережение в 1 кг соответствует 0,5 кг жидкого дизельного топлива. По затратам на производство древесные отходы в 7 — 8 раз дешевле дизельного топлива. Естественной базой для древесного топлива являются отходы лесопромышленных предприятий. Уже сейчас в России действует ряд предприятий, которые занимаются утилизацией древесных отходов и изготовлением древесных гранул. Специалисты считают, что в нашей стране имеются огромные запасы разных видов биотоплива, которые смогут сократить на 20 — 25 объем потребления нефтегазовых и угольных ресурсов. Уже в настоящее время технически возможно использование 450 — 470 млн т. органических отходов с учетом древесной массы, городских бытовых отходов и отходов сельскохозяйственного производства.

Интенсификация производства в отраслях ТЭК должна основываться на использовании более эффективных технологий. Российским компаниям следует сосредоточить усилия на росте коэффициента нефтеотдачи на уже освоенных месторождениях, используя более современные методы нефтеизвлечения. Рост нефтеотдачи только на 1% позволит дополнительно извлечь до 16 млн т. нефти. Поскольку темпы введения в оборот новых доступных и богатых месторождений сокращаются по сравнению с темпами увеличения добычи, то роль новых технологических решений должны неуклонно возрастать.

В 2010 г. добыча нефти в России увеличилась на 2,2% — до 505,2 млн т. Пока еще основная доля прироста (на 1,8%) шла за счет введения в оборот новых месторождений. Но доля прироста за счет более полного извлечения нефти стала выше, чем в 2007 — 2009 гг. [2].

Серьезным резервом повышения эффективности использования энергетических ресурсов является повышение уровня их переработки. В последние 3—5 лет увеличились не только объемы, но и степень переработки нефтересурсов. В среднем глубина переработки в 2005 — 2006 гг. составила около 35%. В 2010 г. объем поставленного на переработку сырья составил 248,6 млн т. Это дало возможность увеличить производство светлых нефтепродуктов и поднять уровень переработки до 40%. Но эта величина недостаточна. Например, в европейских странах уровень переработки доходит до 70%. Выход на указанный уровень станет реальным шагом к интенсификации.

Изменить к лучшему структуру российский экономики помогут меры, направленные на снижении энергоемкости ВВП страны. (Президентом РФ провозглашена такая задача — добиться снижения к 2020 г. на 40%). Пока уровень энергоемкости ВВП России составляет 0,46 ед. на 1 р. ВВП, в то время как в США — 0,14, в странах ЕС — 0,16, в Китае — 0,28. Здесь важно с

помощью государства стимулировать применение энергосберегающих технологий. Практика показывает, что сами компании не всегда стремятся внедрить новые технологии. Это трудно, затратно. Обычно новые технологии заменяют простыми решениями: увеличением числа занятых, организационными перестановками. Вот здесь государство должно заставить компании широко и комплексно использовать достижения научно-технического прогресса. Каким образом этого можно достичь? Точечным регулированием с использованием налоговых инструментов, штрафов и других экономических санкций. Такие средства регулирования должны действовать четко и неотвратимо. Ведь за период 2000 — 2010 гг., согласно Энергетической стратегии России на период до 2020 г., энергоемкость должна была снизиться на 25 — 27%, но фактически это снижение составило не более 10%. Если так дело будет идти и дальше, не будет реализована основная установка Энергетической стратегии снизить долю ТЭК в объеме промышленного производства с 30% до 19,5%. Подчеркнем еще раз. Без активного государственного регулирования будет невозможно решить задачу преодоления энергосырьевой специализации российской экономики. Главным инструментом выступит комплекс экономических мер регулирования: целевого, налогового, антимонопольного и таможенного. Создание гибкой и эффективной системы экономического регулирования — основа для перехода к более прогрессивной экономической структуре и устойчивому развитию народного хозяйства России.

Литература

1. Философия хозяйства. 2010. № 1.
2. Финансовые известия. 2011. 13 янв.

И.В. ЕФИМЧУК

Экзистенциальный выбор России: «кошелек или жизнь»

> Мы подвержены оглупляющему влиянию рыночной экономики, которая внушает нам до предела упрощенные взгляды на роль и функции экономической системы в обществе. Чтобы преодолеть кризис, нам нужно усвоить более реалистическое представление об окружающем нас мире и сформировать свои цели в свете этого знания.
>
> *Поланьи К.*

Жанр фэнтези стремительно завоевывает популярность. Подмяв под себя значительное пространство художественной литературы, он стал активно «наползать» на общественные науки и обживаться в их идеологическом ядре. Теоретическая экономика уже в значительной части превратилась в разновидность фэнтези, не просто утратившей связь с реальностью, а активно и с большим энтузиазмом искажающей картину экономической жизни.

Если рассмотреть этапы развития мейнстрима экономической науки, то окажется, что базовые, концептуальные теории, составившие ее «несущий каркас» — неоклассика, кейнсианство — каждый раз складывались в завершающей фазе определенного периода в развитии индустриального хозяйства, который они и призваны были охарактеризовать. Особенно наглядно это за-

паздывание проявляется в отношении неоклассики. В 1890 г. одновременно произошли два знаковых события. В Англии вышла книга А. Маршалла «Экономические принципы», содержащая целостную, систематизированную микроэкономическую теорию рынка совершенной конкуренции, а в Америке был принят первый антимонопольный закон Шермана. Книга, подводящая итог детальному изучению экономики XIX в., появилась тогда, когда реальная экономическая жизнь уже перестала соответствовать наработанным наукой теоретическим постулатам. То же относится и к кейнсианству, которое является интеллектуальной вершиной теорий несовершенной конкуренции. Знаменитая работа Кейнса, положенная его последователями в основу макроэкономики, появилась уже по окончании Великой экономической депрессии, ставшей закономерным итогом полувекового функционирования реальных рынков несовершенной конкуренции, контролируемых картелями, трестами и синдикатами.

Сегодня мы живем в переломную эпоху, которая подводит итог, как минимум, 40-летнему (с начала 1970-х гг.) существованию глобальной экономики[23]. В течение последних десятилетий на планете сложилась экономическая система, закономерности функционирования и развития которой не поддаются анализу с помощью традиционных приемов и методов теоретической экономики. Не вызывает удивления вывод П. Кругмана о том, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем просто вредна» (цит. по: [1, 5]). Она и не могла не быть бесполезной, ведь создавалась макроэкономическая теория для исследования и описания совсем другого мира. Сегодня глобальная экономика переживает мощнейший кризис, остановить который не могут все экстраординарные меры, принимаемые межнациональными и наднациональными управленческими органами. Пора писать «экономическую теорию глобализации», без мифологии и фэнтези, предельно жестко и реалистично, называя вещи своими именами[24].

Новая теория, соответствующая современному этапу развития индустриального хозяйства, должна начинаться с избавления от догм, заложенных в основу экономической науки в начальный период бурного экономического роста и по сути своей утопичных, если не антинаучных. Как можно по-другому толковать идеологию мейнстрима, если она целиком и полностью базируется на принципах, противоречащих фундаментальному закону мироздания — закону сохранения вещества и энергии?!

К концу XX в. большинство ученых-обществоведов признали справедливость вывода о невозможности непрерывного бесконечного линейного развития: «Неограниченность и бесконечность прогресса казались чем-то само собою разумеющимся людям второй половины XIX и всего XX в., и это несмотря на сформулированный еще в 40-х годах XIX в. Майером, Джоулем и Гельмгольцем закон сохранения энергии. Ничем не ограниченный, вечный

[23] Как максимум — практически вековому периоду экономического доминирования Соединенных Штатов, который укладывается в рамки двух долгосрочных циклов. Но изучение «сдвоенных» кондратьевских волн, которое уже стало привычным для историков, социологов, политологов, все еще находится за пределами поля зрения большинства экономистов.

[24] «Общая теория глобализации» уже написана М. Делягиным. В его книге осуществлен блестящий экономический анализ эпохи глобализации, но это все-таки не экономическое, а междисциплинарное исследование.

прогресс (предполагающий, конечно, затрату энергии) есть случай вечного двигателя и противоречит этому основному закону природы… Вообще само понятие “прогресс” внутренне противоречиво, потому что из закона сохранения следует, что всякое одностороннее прибавление оплачивается потерями с другой стороны, т. е. всякий прогресс есть тем самым и регресс: нет прогресса без потерь, и чем больше прогресс, тем больше потери» [2, 11]. Но это никак не отразилось на теоретических основах экономики, которая исходит из базового принципа ограниченности ресурсов, однако все возникающие ограничения рассматривает как равнопорядковые и одинаково преодолимые с помощью научно-технического прогресса.

Другой мощнейший миф современной теоретической экономики, вытекающий из веры в возможность бесконечного линейного роста, периодически, но ненадолго и несущественно прерываемого кризисами, заключается в ничем не обоснованной уверенности в окончательной и бесповоротной победе рыночной экономики. Все современное западноцентричное обществознание исходит из простейшего постулата: тысячелетиями человечество методом проб и ошибок искало оптимальный вариант политической и экономической организации общественной жизни. Наконец, поиск был завершен успехом. Западная цивилизация сформировала самое рациональное из возможных общественное устройство, сочетающее рынок в экономике и демократию в политике. Оно не идеально, но является лучшим из существующих. Этот социальный механизм нельзя менять, потому что заменить не на что; его можно только постепенно и аккуратно совершенствовать, расширяя рыночное пространство и распространяя демократические институты по всему миру.

Трудно поверить, что авторы этой «лубочной картинки» не понимают истинного характера современного социума. Скорее, ее можно рассматривать как некий квазинаучный аналог масскультуры — «масснауку», призванную не ориентировать человека в мире, а дезориентировать его. Неоднократно приходилось писать: рынок может существовать длительное время и развиваться только при условии интенсивного обмена со средой, т. е. по законам открытой системы. В замкнутом пространстве, сначала способствуя росту разнообразия экономических подсистем, участвующих в обмене (на более или менее длительный промежуток времени), чисто рыночные связи в результате должны были бы привести к их нивелировке, усреднению потребления и увеличению однообразия системы в целом. Рыночные отношения господствуют в экономической системе до тех пор, пока у нее есть природная и/или социальная среда, ресурсы которой можно активно осваивать и развиваться, используя вещество и энергию этой среды. Когда экономическая система в своем развитии достигает границ среды, т. е. выходит на свою кривую производственных возможностей, рыночные отношения не по чьему-то индивидуальному произволу, а в силу объективной необходимости сменяются плановыми.

Современная экономика — отнюдь не рыночная, а плановая и управляемая, причем управляемая очень жестко. Только в королевстве «кривых зеркал», уютно обустроенном и обжитом современной схоластикой, эту экономику можно назвать рыночной. На каком основании современную экономическую систему продолжают считать рыночной, если во всех развитых странах ее давно уже переименовали в смешанную? В среднем половина созданного обществом национального дохода в государствах ОЭСР перераспределяется через государственные бюджеты, т. е. находится в сфере действия редистрибутивных отношений. Это тот минимум, с которого нужно начинать отсчет, выясняя характер современной экономики. С известной долей услов-

ности, будем исходить из того, что смешанная экономика предполагает примерное сочетание плана и рынка в пропорции 50:50. Начиная с какого уровня экономика перестает быть смешанной и превращается либо в плановую, либо в рыночную? Каким должно быть соотношение в ней редистрибутивных и обменных отношений — 60:40, 75:25, 90:10, — чтобы четко определиться с характером экономической системы?

Почему экономическая наука в соответствии со стереотипами даже не XX, а XIX в. связывает плановую экономику и регулирование рынка с государством? Разве только государство регулирует экономику? Почему у государства заведомо презумпция виновности в «загрязнении рынков», которую оно частично делит с профсоюзами, а корпорации вообще не рассматриваются в качестве субъекта управления? Но ведь сегодня они занимают долю экономического пространства ничуть не меньшую, чем государственный сектор экономики, и очень активно регулируют происходящее в своих интересах. Можно возразить, что корпорации конкурируют друг с другом. Так ведь и государства конкурируют друг с другом. Что не мешает и государствам, и корпорациям заниматься планированием и управлением, причем в современной ситуации корпорации зачастую делают это гораздо более эффективно, чем государства.

Почему современную экономику называют рыночной, если «до 50% мировой торговли происходит в форме неторговых отношений между фирмами. Сама же она трансформируется в торговлю независимо от государственных границ, образуя внутреннее транснациональное пространство мегакорпораций» [3, 7]? Экономическое пространство внутри корпораций не является рыночным, оно такое же плановое, как и в государственно секторе. С учетом того, что транснациональные и мультинациональные корпорации по экономической мощи еще в конце XX в. стали сопоставимы с государствами второго эшелона, сфера регулируемой экономики расширяется далеко за пределы госсектора. К этому можно добавить те области экономики, которые находятся под властью самых разнообразных сетевых структур, рационально сочетающих в себе гибкость рыночных механизмов и плановые отношения.

О каком рыночном саморегулировании можно говорить, если отвлечься от абстрактных теоретических конструкций и вернуться к реальной практике? В жизни проблемы «саморегулирования» и «саморазвития» решаются совсем другими методами, такими, которые не описываются в учебниках: «Деятельность спецслужб, направленная на обеспечение интересов частных компаний, ставит под вопрос и факт существования рыночной экономики, так как данное вмешательство наносит сокрушительный удар по одному из главных механизмов функционирования рынка — законной конкуренции. Действительно, очевидным является неоспоримое преимущество того, кто заведомо знает о конкуренте больше, чем тот знает о нем самом. Любые переговоры при таком раскладе сил заранее обречены на поражение пытающегося играть по традиционным рыночным правилам. А если говорить о мировой экономике, то усилия последних лет по созданию свободного мирового рынка и международных рычагов для его функционирования при наличии активного взаимодействия мощных государственных спецслужб с могучими корпорациями в известной мере лишаются смысла» [4, 60—61].

Наконец, как может сфера знаний, официально именующая себя наукой, не замечать сложнейшие процессы управления мировой экономикой со стороны глобальных финансовых структур? От того, что на эту табуированную тему пишет все большее число ученых, ситуация в целом не меняется —

для экономической науки данной сферы управления экономикой не существует, операции в финансовой сфере по умолчанию рассматриваются как рыночные трансакции. Деньги и квазиденежные инструменты — самый гибкий экономический ресурс, их движение определяет дальнейшее перемещение всех остальных материальных и человеческих ресурсов, блокирует одни направления роста и открывает другие, дает возможность развиваться и лишает такой возможности. Деньги — кислород современной экономики; управление финансовыми потоками равнозначно регулированию реального сектора. «Свято место пусто не бывает» — дерегулирование финансовой сферы со стороны государств в 1990-е гг. сопровождалось параллельным усилением ее регулирования мировыми финансовыми структурами. Насколько плановыми являются так называемые финансовые рынки и какую долю экономического пространства охватывает подобное планирование? А также, можно ли в современной ситуации обойтись без «финансового планирования», каким оно должно быть и кто им должен заниматься[25]?

В современной ситуации макроэкономика в полном соответствии с оценкой П. Кругмана не может не быть «впечатляюще бесполезной», поскольку экономическая система давно уже вышла за пределы национального государства. Мы живем в глобальной мир-системе, которая постепенно из мир-экономики превратилась в мир-империю. Политологи, философы, социологи давно зафиксировали и исследовали это превращение, и только экономическая наука продолжает спать сном праведника, требуя, чтобы ее ни в коем случае не будили[26]. Действительно, если разбудить и потребовать прокомментировать произошедшие изменения, то обнаружится, что сказать ей просто нечего (за отдельными исключениями и в мировой, и в российской науке), поскольку ее исходные теоретические и методологические предпосылки сформированы в принципиально иной реальности и не годятся для исследования современного мира.

Каждый сдвоенный кондратьевский цикл (макроцикл в терминологии автора [5]) заканчивается построением очередной империи. В аграрных цивилизациях формировались локальные империи, в индустриальном хозяйстве — империи глобальные. Это естественный итог каждой хозяйственной системы, приблизившейся к пределам роста и постепенно переходящей от принципов существования открытой системы, развивающейся за счет вещества и энергии среды, к принципам организации Парето-эффективной (закрытой) системы. Экономика, находящаяся в Парето-эффективном состоянии, — это экономика, вышедшая на очередную кривую производственных возможностей[27]. Та-

[25] На всех послекризисных саммитах «двадцатки» на эти вопросы давались однозначные ответы о необходимости усиления контроля за «планами» финансовых корпораций со стороны национальных и глобальных регуляторов, но дальше разговоров дело не идет.

[26] Хочется заранее извиниться перед теми учеными-экономистами, которые остаются объективными вопреки всем правилам игры респектабельного научного сообщества и анализируют в своих работах жизнь такую, какая она есть, а не такую, какой она должна быть согласно догматам экономикса. Речь идет об общем состоянии современной теоретической экономики, которая все сильнее будет «мумифицироваться» в доктринерстве столетней (в лучшем случае — пятидесятилетней) давности, если не перестанет игнорировать достижения смежных общественных наук и не включит их в свой анализ.

[27] Каждый экономический цикл имеет свою кривую производственных возможностей. Принципиальный вопрос, ответ на который будет определять стратегию всего мирового сообщества: каков масштаб подошедшего к концу современного цикла и насколько

кая система может быть только плановой, поскольку рыночные отношения на кривой производственных возможностей не увеличивают общественное богатство, а только перераспределяют ограниченные блага от аутсайдеров к лидерам.

Уже приходилось писать, что процесс производства поддерживается за счет дестабилизации природной среды, процесс обращения — за счет дестабилизации самого социума. Именно поэтому он, также как и производство, в рамках одного качественного уровня не может быть бесконечным. Рыночные отношения в условиях, когда по объективным причинам развитие очередной хозяйственной системы приближается к своему пределу, а новые траектории движения еще не найдены, заканчиваются концентрацией богатства на одном полюсе социума и нищеты — на другом, что неминуемо приводит к краху всей социальной организации. С учетом высокой степени монополизации современной экономики название «рынок» скорее больше маскирует систему односторонней редистрибуции, чем характеризует реальную экономическую жизнь.

Почему же нельзя объяснить людям, что время рыночной экономики по объективным причинам прошло и мир нуждается в рациональном управлении? Зачем нужно врать всему населению планеты, объявлять черное белым, а белое черным, и называть рыночной экономикой то, что давно уже ею не является? Можно выделить, как минимум, три причины.

Во-первых, от рыночных взаимоотношений всегда выигрывают лидеры и проигрывают аутсайдеры. Причина этого — в заведомой неэквивалентности обмена. Рыночный обмен всегда неэквивалентен по объективному основанию (издержкам) и эквивалентен по субъективному (полезности). Обратное возможно, но только в качестве исключения из правила; в противном случае в сфере обмена невозможно было бы получить прибыль. Субъективное представление о ценности товара компенсирует разницу в издержках. Индейцы, выменивающие золото и землю на стеклянные бусы и огненную воду европейцев, тоже считали, что участвуют во взаимовыгодном обмене. Считали до тех пор, пока не поняли, что потеряли все: и территорию, и жизнь. Поэтому лидеры будут насаждать рыночную идеологию до тех пор, пока человек, поставленный под тотальный контроль новых технологий, не потеряет остатки свободы, и отпадет необходимость в любой идеологии.

Во-вторых, подавляющая часть экономических ресурсов сегодня находится под контролем корпораций, т. е. в зоне плановой экономики. Рыночные взаимодействия, включая конкуренцию за покупателя и невозможность отдельного производителя повлиять на цену, сосредоточены практически только в самом низовом, «цокольном» этаже современной экономики — в сфере малого и частично среднего бизнеса[28]. Фактически малым предприятиям бросаются обглоданные кости экономических ресурсов, не представляю-

---

сильные ресурсные ограничения задает соответствующая ему кривая производственных возможностей? Поскольку развитие представляет собой процесс «цикл в цикле», то одномоментно могут приближаться к своему пределу хозяйственные системы разного масштаба. Тогда вызревает, по образному названию А.И. Фурсова, «кризис-матрешка», в котором скапливаются неразрешенные проблемы разных циклов: не только стандартных длинноволновых, которые только и изучаются экономической наукой, но и вековых, цивилизационных, хозяйственных и т. п.

[28] При условии, что эти предприятия действительно самостоятельны и не входят ни в какие сети, что встречается не так уж часто.

щих интерес для крупных игроков, и предлагается: «Деритесь, ребята, конкурируйте между собой за место под солнцем. Вы же хотели рынка, вот и выживайте на нем, как сможете. Неудачники пойдут в отход, победители продержатся на плаву еще некоторое время, пока их самих не накроет следующая волна "конкурентной борьбы"». Рыночные отношения и конкуренция возможны только на равных или хотя бы примерно на равных. О том, как не только маленькие магазинчики «шаговой доступности», но и большие торговые центры «на равных» конкурируют с мегамоллами, желающие могут прочитать в № 46 журнала «Эксперт» [6]. А ведь сфера торговли — это рынок в чистом виде. Что говорить о производстве, в котором существует огромное количество дополнительных барьеров для вступления в отрасль, помимо величины стартового капитала и рентабельного объема производства.

В-третьих. Last but not least. По традиции советских времен российские ученые, да и обычные граждане, продолжают отождествлять плановую экономику с планированием в интересах всего населения. Но планы бывают разные. Вполне возможно, современные планы таковы, что их просто нельзя озвучивать. Если население не только отсталых, но и развитых стран поймет, в какое «светлое будущее» его планомерно ведут вслед за подвешенной морковкой[29], на которой большими светящимися буквами написано: «Свобода, демократия, рынок», то сдвинуть людей с места будет гораздо сложнее. Самый простой способ манипулировать человеком, известный каждому начинающему психологу, — говорить ему то, что он хочет слышать. Каждый современный обыватель хочет слышать, что только от его собственного желания (ну и немножко благосклонности фортуны) зависит — быть или не быть миллионером. Как пели известные персонажи популярного детского фильма: «Покуда есть на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки. Покуда живы жадины вокруг, удачу мы не выпустим из рук». Как долго можно без катастрофических последствий играть в подобные недетские игры? Ведь самый тупой, оболваненный Кот Базилио в конце концов понимает, что остался с пустыми руками и заявляет своей наглой компаньонке: «Обманула! Запутала! Сейчас в рожу вцеплюсь!». Результатом подобного глобального планирования, скорее всего, станет не постепенная деградация и вымирание избыточного населения, а грандиозная социальная катастрофа, от которой богатых не защитит даже самое совершенное оружие.

Проблема современного этапа развития человечества не в том, что Америка создала редистрибутивную систему мирового масштаба. Это как раз закономерный итог очередного хозяйственного цикла. Проблема в том, что Соединенные Штаты сверх всякой меры перегрузили построенную ими редистрибутивную систему. Сегодня они вынуждены выкачивать все больше и больше ресурсов со всей планеты для того, чтобы увеличивать производство средств контроля за всем, что шевелится, и подавления не только открытых форм протеста, но и любого инакомыслия для того, чтобы выкачивать еще больше ресурсов планеты. Такая порочная спираль в конце концов сворачивается в точку. Рациональная метрополия не рубит сук, на котором сидит, не разоряет собственные колонии, поскольку они являются источником ее благополучия. Сегодня Америка не может не разорять другие государства, по-

[29] «Обязательный элемент глобализации — "отбраковка" части населения не только в развивающихся, но и в развитых странах, поэтому всюду можно ждать усиления (под любыми предлогами) процессов информационного манипулирования и жестокого подавления инакомыслящих» [7, 124].

скольку в ее основе лежит линейная идеология сверхпотребления, породившая завышенные материальные ожидания всего населения метрополии. При этом в США, как и во всем мире, идет мощный процесс концентрации частной собственности, перераспределяющий доходы от мало- и среднеобеспеченных американских семей в пользу богатых. Чтобы не разорять собственных граждан и не допускать социального взрыва, Соединенным Штатам нужно собирать дань по всему миру, лишая средств к существованию чужое население, что они активно делают последние десятилетия. Все повторяется, и на новом уровне хозяйственного развития Америка вынуждена решать те же проблемы, которые когда-то не сумел решить имперский Рим. Причем решает она их классическим способом, хотя и с применением гораздо более совершенных технических средств слежения за людьми и их оболванивания: предоставляя мировому плебсу минимум хлеба и максимум зрелищ.

События, которые происходят сегодня, человечество переживало уже не однажды. Каждый очередной подъем заканчивался исчерпанием потенциала роста, экономической стагнацией и усилением борьбы за ограниченные ресурсы освоенного региона. Когда у людей больше не было возможности увеличивать общественное (а, соответственно, и личное) благосостояние за счет природной среды, они с удвоенной силой принимались за перераспределение уже созданного богатства. Концентрация частной собственности, разрушающая государства и цивилизации, во все времена была объективным финалом каждого этапа развития производящего хозяйства. Описание, данное У. Мак-Нилом эпохе заката античности, как нельзя лучше подходит к дню сегодняшнему (что отмечает и сам автор): «В сложившихся обстоятельствах перед высшим правящим классом вставала острая моральная дилемма. Некоторые представители знати чувствовали настоящие угрызения совести при сопоставлении своей жизни со страданиями обездоленных; другие же старались затруднить путь наверх тем, кто желал попасть в привилегированный аристократический круг. Географическое рассредоточение достаточно цивилизованного сообщества имело также вторичный психологический эффект — ослабление социального здоровья… В те времена (любопытно, подобные нашим, нынешним временам. — *И.Е.*) у отдельных личностей не было причины тратить свою энергию на пользу общественному служению. При этом верхушка общества испытывала также и недостаток религиозной веры, способной поддержать ее в периоды личного кризиса» [8, 393—394].

«Ослабление социального здоровья» — это, возможно, самый точный и нелицеприятный диагноз, который можно поставить современному обществу, пытающемуся приспособиться к жизни в тупике, но продолжающему извлекать доходы из иллюзии движения[30]. Наука — всего лишь часть социума, правда, считающая себя передовой его частью. К сожалению, девизом современной теоретической экономики можно считать фразу из старого советского анекдота: «Раскачиваем вагон, делаем вид, что едем». В условиях, когда в реальной экономической жизни в силу объективных закономерностей развития стали доминировать редистрибутивные отношения, она продолжает сочи-

[30] В условиях, когда приращение общественного богатства более не возможно или осуществляется очень низкими темпами, внушать людям из всех средств массовой информации, что можно и должно хотеть стать миллионером — значит вполне осознанно и целенаправленно усиливать криминализацию общества. При этом миллионерами, как правило, становятся только авторы и ведущие развлекательных шоу про сказочное обогащение всех желающих.

нять фэнтези про рыночную экономику и, что самое печальное, агрессивно вдалбливать эти фэнтези в мозги подрастающего поколения. Мы оставляем молодежи мир, который висит на краю пропасти, и лишаем ее возможности найти выход из тупика, в который этот мир отчасти вольно, отчасти невольно завели предыдущие поколения. К тому же современная редистрибутивная система, выстроенная экономическими лидерами по образцу финансовой пирамиды, является абсолютно односторонней, а следовательно, неустойчивой и нежизнеспособной.

Согласно линейной логике экономической науки, «нет худа без добра» — такая лишенная основания пирамида неминуемо должна рухнуть, а дальше начнется новый виток развития и безудержного процветания всех и вся. Вот только экономическим образом мышления не принимается во внимание, что с кривой производственной возможности начинаются два пути: вперед (эволюция) и назад (инволюция), и оба направления как минимум равнозначны. Траектория движения в рамках циклов меньшей продолжительности определяется траекторией более масштабных циклов. Сегодня человечество находится на пределе кривой гиперболического роста, описывающей не только все этапы развития человечества, но и эволюцию земной жизни в целом. Циклы большего масштаба (космические, галактические и т. п.) современному естествознанию просто неизвестны. Находясь «на пределе», слишком рискованно срываться в хаос, в надежде, что из него сформируется новый порядок. Он, конечно, сформируется, но в этом порядке может не оказаться места для самого человека. Эволюция не обратима[31].

Это не значит, что для человеческой цивилизации закрыты все пути, и дальнейшее развитие невозможно. В глобальной экономике достаточно средств, чтобы обеспечить удовлетворение базовых потребностей большинства населения планеты и профинансировать научные исследования, направленные на поиск новых траекторий развития. Правда, для этого необходима смена идеологии не только мировой финансовой элиты, но и всего «золотого миллиарда», что абсолютно не реально. Одно только робкое предположение о необходимости частичного глобального перераспределения доходов потянет на самую грандиозную фэнтези, какую только может сочинить экономист-теоретик. Но стоит ли «человеку разумному» гордиться своим интеллектом, если на сияющей вершине экономического развития глобального мира его элита строит планы по людоедскому лагерному принципу: «Умри ты сегодня, а я завтра»[32]? Этим никого не удивишь, даже питекантропов с неандертальцами, проигравшими борьбу за место под солнцем предкам современного человека. Вот только беспредел интеллекта ничем не лучше беспредела гру-

[31] Если кто-то надеется, что высокие технологии превратят его в супермена, способного выжить в любых природных и социальных катаклизмах, то на это можно сказать только одно: «Блажен, кто верует». Новая научно-техническая организация, которую пытаются создать и довести до логического конца генетики и кибернетики, как раз и предназначена для «упорядочивания» суперменов, а отнюдь не для бушменов, чукчей или даже среднестатистических горожан. Последним вполне достаточно социальной организации.

[32] Фразу «если вся элита такая, значит это объективно» ее автор Н.А. Косолапов относил к характеристике российской элиты, но она вполне правомерна и в мировом масштабе. Качество сливок определяется качеством молока, а не наоборот. Если вся элита такая, значит 99 человек из 100, независимо от национальной, религиозной или расовой принадлежности, повели бы себя, оказавшись в числе элитариев, точно так же.

бой физической силы. Оба приводят к одинаковым результатам — разрушению социальной организации и очередному витку самоуничтожения человека.

Сегодня к потере места под солнцем готовится homo sapiens. Хотя некоторые его представители, считающие себя самыми умными и самыми хитрыми, потирают руки, предвкушая максимальный выигрыш, им ничего не гарантировано. Они не способны разорвать заколдованный круг, в котором вращается цивилизованное человечество: «Большой Взрыв — Большой Кайф — Большая Скука — Большой Взрыв» [9, 221], а Большой Кайф современных экономических лидеров таков, что и Большой Взрыв будет соответствующим, сметающим все и вся. Если человек — действительно разумное существо, может быть, ему стоит немного откорректировать планы и просто сократить масштабы навязываемого людям кайфа (кому действительного, кому иллюзорного)? Соответственно, сократится потенциал предстоящего социального взрыва. Собственно, на этой нехитрой процедуре сознательного уменьшения амплитуды колебаний построено все антициклическое государственное регулирование экономики, с которым яростно пытаются бороться поклонники и проповедники Большого Кайфа. Только в мире, в котором черное называется белым, а белое черным, в котором наука занимается дезинформацией, образование — оболваниванием, экономика — разорением, искусство — растлением человека, долго кайфовать не получится.

Что касается «рыночной» российской экономики, то она по масштабам односторонней редистрибуции (официальной и неофициальной, внешней и внутренней) вырвалась в лидеры если не всей планеты, то, по крайней мере, первой сотни стран мира. В полном соответствии с планами глобального имперского центра, бывшие республики разрушенного Советского Союза[33] с уровня индустриальной полупериферии были вытеснены на периферию мирового хозяйства. Претензии предъявлять бессмысленно и не к кому: судьбу индейцев мы выбрали сами[34]. Как известно, после драки кулаками не машут. Правда, проигранная драка была не последней, так что иногда демонстрация кулаков не бывает лишней. К сожалению, сегодня Россия стоит на пороге нового витка «бомжизации», который может иметь для нее фатальные последствия, даже если полное разрушение страны пока еще не запланировано мировыми центрами силы. Стремительные процессы саморазрушения имеют неприятную особенность выходить из-под контроля управляющих структур. Что выиграет при подобном развитии событий российская элита и есть ли у нее реальные стимулы противостоять процессам деградации страны[35]?

---

[33] Формально — за исключением прибалтийских.

[34] Было очень грустно смотреть репортаж со встречи премьер-министра с шахтерами через полгода после трагедии на «Распадской». Одна из выступавших участниц встречи с возмущением говорила о том, как хорошо жили шахтеры в советское время, когда они были элитой рабочего класса с соответствующими зарплатами, и как сегодня они ощущают себя бесправными рабами, влачащими жалкое существование на грошовые заработки. Ее горькая речь вызывала немые вопросы: «Зачем же вы сами изо всех сил боролись за такой переворот? Вас обманули? Кто же будет думать за человека, если он сам не в состоянии думать за себя?».

[35] Ставить вопрос «Что выиграет население?» смысла не имеет. Оно, как обычно, проиграет даже то малое, что имеет. Этого совершенно не осознают гордые собой представители российского среднего класса, старательно взбивающие лапками сметану, чтобы удержаться на плаву, и искренне презирающие тех, кому не удалось выбиться в 10%-ную прослойку счастливчиков. В результате нового среднесрочного экономического

Если хозяйственная система индустриализма и оформляющая ее мировая империя с центром в США действительно приблизились к пределу своего развития, то получается, что мы встроились в основание пирамиды, которая в ближайшее время обречена на разрушение. Разумеется, такая перспектива оснований для оптимизма не внушает. Но можно ли в современном мире обеспечить самоизоляцию страны? И зачем ее обеспечивать, если заранее известно, что любая изоляция заканчивается застоем и технологическим отставанием, после чего страну опять можно брать «голыми руками»? Способна ли технологически, интеллектуально и социально ослабленная страна противостоять в одиночку всему миру, заинтересованному в установлении контроля над ее ресурсами?

Не хочется тратить время и бумагу на обсуждение декларируемой цели модернизации страны[36]. Красивых слов по этому поводу произносится очень много, но реальные дела или не имеют никакого отношения к словам, или им полностью противоречат. Одна только «модернизация» образования ставит жирный крест на возможности научно-технического развития страны, а ведь кроме нее есть и другие примеры таких же успешных реформ. Одними разговорами невозможно свернуть с того пути деградации и развала, на который рыночные реформы вытолкнули страну. Остается исходить из существующих реалистичных сценариев, среди которых, как ни странно, превращение в периферию было бы не самым худшим вариантом из возможных. Периферия бывает разной. Худший вариант — полный развал социума и образование на территории бывшей страны «черной дыры», зоны взаимного уничтожения всего живого.

Какую периферию сегодня создают из России? Топливно-энергетическую? Аграрную? Индустриальную? Это три разных сценария с тремя совершенно разными уровнями занятости и образования трудовых ресурсов. Как минимум, нельзя не отметить попытки руководства страны привлечь на ее территорию индустриальные производства, хотя бы в форме сборочных предприятий. То, с каким трудом удается решать даже такую задачу, наглядно свидетельствует, что конкуренты не нужны не только мировым лидерам, но и другим государствам индустриальной полупериферии. Но что реально мы можем противопоставить «периферизации» страны, кроме потока красивых слов про гуманизацию, демократизацию, модернизацию,

кризиса в рамках понижательной фазы длинной волны в отход пойдет именно мизерный средний класс, сделавший ставку на индивидуальный успех.

[36] Насколько жестко контролируются и управляются все процессы, происходящие в России, можно рассмотреть на простом примере. У людей короткая память, а шесть лет — в наше стремительное время большой срок. Сейчас уже не принято вспоминать, что идея перехода к инновационному развитию была выдвинута еще в 2005 г. Лидер российского государства, поставивший задачу инновационного прорыва, позволил себе «играть на чужом поле». Никто не смеет нарушать монополию на инновации могущественной финансовой империи, поставившей под свой жесткий контроль информатику, экологию, фармацевтику и альтернативную энергетику — направления, с которыми связывают возможность прорыва в будущее. И мощной пропагандистской компанией акценты были смещены с инновационного технологического развития на модернизацию политических институтов, а неугодный лидер вытеснен в ту сферу, которая ему отводилась по плану — в выразителя интересов олигархов и пенсионеров. Надо понимать — консервативных слоев, препятствующих прогрессу.

самоорганизацию[37] и т. д. и т. п.? Остатки интеллектуального потенциала, умудрившегося сохраниться вопреки всем реформам науки и образования? Даже их ставят под жесткий контроль лидеров глобального мира, организуя в Сколково образцово-показательный заповедник для «интеллектуальных рабов» [10, 28]. Но, как справедливо писал еще восемь лет назад В. Цымбурский о подобных интеллектуальных оазисах, «повышательные тренды неизменно сопровождались “революциями притязаний”, вылившимися в первый раз в якобинский террор и наполеоновские побоища, а во второй — в тридцатилетнюю большую смуту XX в. (1914—1945). Если на смену Pax Oeconomicana придёт нечто подобное, то русские “острова смысла” имели бы шанс выжить лишь под защитой армии, которую не составить из высоколобой “островитянской” братии, — это под силу лишь государственно оформленному народу, окружающему “острова” со всех сторон. Сосредоточия инновационной России могут быть долгосрочно (даже среднесрочно) жизнеспособны и действенны, только будучи на особых началах инкорпорированы в государственное, геополитическое единение земли и народа… Из учения о “снятии” государства как субъекта в наблюдаемой мировой ситуации, из орудия демонтажа национального “общего интереса” и “общей пользы” геоэкономику в России надо переосмыслить в инструментарий национально-государственного самоутверждения» [11, 208—209].

Если всех, кто в России еще способен шевелить мозгами, собрать в Сколково и поставить под полный контроль американских корпораций, чтобы им не нужно было тратить время и деньги на мероприятия «Алло, мы ищем таланты», то философ В. Цымбурский глубоко не прав — «высоколобой “островитянской” братии» нужна будет защита не от внешнего врага, а от собственных сограждан. Правда, когда глобальная империя, которая сегодня уже трещит по швам, начнет разваливаться, «высоколобых» туземцев бросят на произвол судьбы — новым хозяевам будет просто не до них.

Единственной силой, которая в современном мире способна хотя бы в какой-то мере противостоять нарастающим негативным тенденциям, продолжает оставаться государство. Расшатанное, дискредитированное, поставленное под контроль глобальных центров силы, оно все равно остается последней надеждой людей, которым больше не к кому и некуда обратиться за защитой. Эпоха феодализма никогда не была временем подъема и процветания, скорее наоборот. Если сегодня мир свалится в «феодализм корпораций», это будет означать полную деградацию и разрушение всей инфраструктуры жизнеобеспечения, созданной за два столетия развития индустриализма. Без этой инфраструктуры городское население развитых стран выжить не способно. К сожалению, сегодня первой по этому пути идет именно Россия, демонстрируя всему остальному миру наглядный процесс постепенного обветшания и выхода из строя всех систем жизнеобеспечения, без которых никому не нужны будут ни нанотехнологии, ни смартфоны с айфонами, ни блоги в Интернете.

---

[37] Самоорганизация — замечательный процесс (без всякой иронии), без нее невозможно выжить в наше жестокое время, и, по мере дальнейшего развития мирового экономического кризиса, тенденции самоорганизации на местах будут только усиливаться. Но в современных условиях тотального контроля за всем и вся ни один процесс самоорганизации не сможет развиться с локального до общенационального. Проще говоря, никакому Козьме Минину не дадут времени собрать народное ополчение. Его, скорее всего, нейтрализуют в момент встречи с Дмитрием Пожарским, и оба загремят за решетку за экстремизм.

К этой тотальной деградации привел обвальный и стремительный переход к рынку, который, как и полагается в статичной экономике, очень быстро перераспределил все накопленное национальное богатство от большинства к меньшинству. Процесс концентрации частной собственности объективен и неизбежен, он является нормой социальной жизни. Но нормой является и его катастрофическое завершение в конце каждого цикла концентрации. Этот процесс нельзя отменить, как невозможно избавиться от цикличности экономического развития, но его можно и нужно сдерживать, точно так же, как государство сдерживает амплитуду циклических колебаний экономики. В природе и обществе самые устойчивые — это замкнутые циклы. Когда-то Дж. Робинсон надеялась на появление «просвещенных монополистов», способных понять, что выплаченная работникам заработная плата возвращается к ним в виде оплаты за купленные товары и услуги. Чем больше выплачено — тем больше возвращается. Российские предприниматели органически не способны понять и принять эту простую истину, а государство устранилось от выполнения собственной функции по повышению устойчивости экономики, отменив прогрессивную шкалу налогообложения. В таких условиях рынок доведет свою разрушительную работу до логического конца, прикрывая идеологией индивидуального обогащения любого желающего масштабную одностороннюю редистрибуцию от периферии к центру, не оставляющую стране ресурсов не только для модернизации, но даже для поддержания простого воспроизводства.

Сегодня многие авторы задают в своих работах простой вопрос: «Что важнее — прибыль или выживание?». Теоретически ответ на него кажется самоочевидным, но на практике очень часто люди жертвуют долгосрочными перспективами ради даже небольшого сиюминутного выигрыша. В начале 1990-х населению Советского Союза был предложен выбор: «Кошелек или жизнь?» Подавляющее большинство его граждан, а не только прогнившие верхи, сделало выбор в пользу кошелька. Что стало с жизнью, мы прекрасно знаем по итогам периодических переписей, наглядно демонстрирующих, как уменьшается население страны. Сегодня Россия снова стоит перед тем же выбором. Либо она предпочтет кошелек, и тогда господство рыночных отношений добьет остатки экономики и разрушит страну. Либо выберет жизнь и перейдет к стратегическому планированию своего развития, оставив рынку вспомогательные функции, которые он и должен выполнять в период кризиса. Формирование единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана, а также наметившаяся перспектива создания евразийского транспортного коридора между Европой и Китаем свидетельствуют о существовании политической «воли к жизни». Реализовать ее очень трудно, но необходимо. Каждый этап бурного экономического роста заканчивается перепроизводством элиты, что очень наглядно продемонстрировано в работе П.В. Турчина [12]. Как ни странно для владельцев толстых кошельков, лишних людей в верхах оказывается ничуть не меньше, чем внизу. Хочется надеяться, что элементарный инстинкт самосохранения заставит представителей российской элиты сохранить государство, восстановив его демографический, экономический и интеллектуальный потенциалы.

Ослабленная страна не в состоянии в одиночку противостоять планам глобальных лидеров по освоению ее «трофейного пространства» [13, 579]. Но лидеры не вечны. Современная американская мир-империя достигла предела своего развития и начинает постепенно трещать по швам. Разумеется, она не сразу утратит все свое могущество, но в любом случае ее возможности будут

сокращаться, а не увеличиваться. Чтобы обломки глобальной империи не раздавили окончательно то, что еще осталось от России, придется избавляться от «оглупляющего влияния» неадекватных теорий и начинать планировать собственное будущее исходя из интересов страны, в существовании которой будет заинтересовано все население: от наемных работников до олигархов. Тогда и рыночные отношения станут работать не на разрушение, а на созидание, дополняя рациональное государственное управление энергией и предприимчивостью бизнесменов.

P.S. Фридрих Хайек был незаурядной личностью. Но в своем радикальном либерализме он нагородил очень много благоглупостей, забыв прописную истину философии: «Крайности сходятся». Конечно, эволюция не справедлива. Но она одновременно обеспечивает высшую справедливость, поскольку сегодняшних лидеров она отправляет в отход точно так же, как они перед этим отправили в отход аутсайдеров. По дороге на свалку истории лидеры вдруг вспоминают про справедливость, которую они так долго отрицали по отношению к другим, и начинают требовать ее для себя. Вот тут им и приходит самое время почитать любимого идеолога Хайека.

Литература

1. *Богомолов О.О* воздействии глобального экономического кризиса на общетеоретические взгляды зарубежных и отечественных реформаторов // Российский экономический журнал. 2010. № 2.

2. *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 2010.

3. *Рязанов В.* Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.

4. *Минакова Н.В., Семин Н.Л.* Американские спецслужбы и крупный бизнес // США-Канада: экономика. политика. культура. 2010. № 2.

5. *Ефимчук И.В.* Фрактальность истории // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

6. *Ступин И.* Мегамоллы наступают // Эксперт. 2010. № 46.

7. *Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В*. Информационное клонирование в процессах глобализации // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

8. *Мак-Нил У*. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. К.; М., 2004.

9. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001.

10. *Кокшаров А., Сумленный С.* Новая европейская бедность // Эксперт. 2010. № 49.

11. *Цымбурский В.* Русские и геоэкономика // Pro et Contra. 2003. № 2.

12. *Турчин П.В.* Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М., 2010.

13. *Делягин М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003.

С.Г. КОВАЛЁВ

Прорывно-инновационное развитие как процесс формирования альтернативной экономики России

Рассматривая крупные общественные преобразования с позиций развития, важно констатировать, что в процессе модернизации изменениям подвергаются: производственный базис общества, институциональные основы общества, индивидуальное и общественное сознание[38]. Модернизация любой страны, в том числе и России, происходит во внешней среде и под воздействием внешней среды.

Российскую модернизацию следует рассматривать не только в экономическом аспекте, но и в более широком плане в контексте внешнеполитических, социально-политических, институциональных, культурных изменений.

Модернизация происходит в условиях становления нового государства — России, «неустоявшихся границ», образования трехполюсного мира (США, Европейское сообщество, Китай, а также страны Тихоокеанского бассейна) и экономического передела мира.

Из определения модернизации вытекают аксиомы: во-первых, она является способом ускорения развития; во-вторых, это способ перехода из одного качественного состояния системы в ее иное качественное состояние.

Виды модернизации можно классифицировать следующим образом:

- по характеру изменений: преобразующая, модифицирующая;
- по сферам и широте охвата: а) экономическая, идеологическая, культурная, политическая; б) комплексная, частичная;
- по первоначальному толчку: «сверху», «снизу»;
- по типу будущего развития: догоняющая (либо в интересах собственной страны, либо в интересах сложившегося мирового разделения труда), прорывная;
- по источникам: внутренние, внешние;
- по носителям (инициаторам): мировое сообщество, правительство страны, отдельные слои населения;
- по срокам: продолжительная, быстрая;
- по методам: шоковая, эволюционная;
- по экономическим направлениям: экономика в целом, отдельные отрасли;
- по задействованным социально-экономическим факторам: относящиеся к труду, относящиеся к капиталу, относящиеся к научно-техническому прогрессу и образованию; институциональные;

---

[38] *Модернизация* (франц. modernisation) — осовременивание, т. е. способ, путь улучшения свойств и повышения эффективности системы. Соответственно в узком смысле под модернизацией понимается способ целенаправленных изменений, ускоряющий развитие экономической системы, и, прежде всего, прохождение пути догоняющего развития. В широком смысле под модернизацией понимается совокупность социально-экономических преобразований, протекающих в социально-экономической системе под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Наиболее часто под модернизацией понимается процесс внутренних изменений традиционного общества при его переходе к капиталистическому развитию. СССР в 1920 — 1950-х гг. осуществлял социалистическую модернизацию.

• по степени подготовленности (хорошо подготовленная в теоретическом и ресурсном аспектах, не подготовленная) ;

• по степени достижения поставленных целей: достигнуты, не достигнуты;

• по экономическим и социальным последствиям: позитивная для всех слоев общества, позитивная для отдельных слоев общества, негативная для всего общества;

• по перспективам дальнейшего развития: переход к самостоятельному, самодостаточному развитию; переход к зависимому развитию, переход к взаимодополняющему развитию как составной части глобализируемого мира.

Мир знал в XX в. несколько модернизаций: модернизацию Рузвельта в США и Гитлера в Германии в 1930-е гг.; модернизацию Сталина в СССР в 1930 — 1950-е гг.; послевоенные модернизации в Западной Германии, Японии, модернизации в Южной Корее, Таиланде, Сингапуре, Китае в 1970 — 1990-е гг. Относительно успешными можно считать модернизации, проводимые в латиноамериканских странах, прежде всего в Аргентине, Чили, Бразилии.

Для всех успешных модернизаций были характерны три черты: а) были хорошо теоретически и практически подготовлены, исходили из национальных интересов; б) требовали напряжения сил всей страны, усилий всего населения; в) проводились в благоприятных и особо благоприятных внешних условиях. Это было характерно и для СССР, его индустриализации, начальный период которой совпал с мировым экономическим кризисом, что дало возможность закупать целые комплексы современного оборудования и закупать его по относительно низким ценам.

На основе определения понятия модернизации и диагностики глобальных процессов и состояния экономики российского общества, ее места и конкурентных возможностей предлагается концепция *прорывно-инновационного развития* России, т. е. подходы к модернизации экономики, адекватные как задачам самосохранения российского общества, так и современным вызовам мирового глобального развития и тенденциям научно-технического прогресса, (см.: [1 — 6]). Эта концепция предполагает: 1) выявление общих закономерностей глобализации как мирового интеграционного процесса, отвергающего самостоятельные интересы современных государств и объективно ведущего к преобразованию гражданина суверенного государства в гражданина мира; к реконструкции системы коллективного труда (КТ) в соответствии с принципами информационного общества; к трансформации государства в хранителя национальных ресурсов в формирующейся системе глобальной мировой администрации; 2) разработку принципов институциональной и экономической модернизации российского общества, направленных на его цивилизационное сохранение и прорывное развитие экономики в приоритетных сферах и научно-технических направлениях.

Мир вступил в стадию глобализации, под которой многие авторы понимают современные противоречивые социально-природные, техногенные и экономические процессы, ведущие к новой стадии целостности мира, охватывающие своим действием все страны, в том числе и процессы по построению «рукотворной» среды человеческой жизни — ноосферы. Современная мировая экономика уже является новым целостным образованием, сложившимся на основе мирового разделения труда и действия одного из наиболее общих законов природы — закона неравномерности развития.

По мере углубления интеграции мировой экономики в торговой, промышленной, технологической и финансово-инвестиционной, образовательной и научной деятельности и наращивания миграции трудоспособного населения постепенно размываются границы между национальным и транснациональным, в связи с чем в процессах глобализации возникает ряд новых аспектов, которые необходимо учитывать при проведении аналитических исследований.:

- глобализация деятельности ТНК и промышленно-финансовых групп (ПФГ);
- возможность стратегического планирования и управления в глобальном масштабе;
- реальность глобальной сырьевой и продуктовой политики;
- наличие глобальной ценовой политики;
- глобализация научных исследований и разработок;
- глобальная миграция населения;
- тенденция перемещения трудоемких, ресурсоемких и энергоемких отраслей и производств из промышленно развитых стран в развивающиеся;
- глобализация транспортных потоков;
- изменения в области информации, телекоммуникаций и связи;
- глобализация технологий, производства, оборудования и систем управления и т. д.

У России присутствует желание, имеются возможности и историческая необходимость «встроиться» в формирующуюся глобальную социальную и финансово-экономическую систему, обеспечив поступательное развитие страны, но это требует построения новой экономики, альтернативной по отношению к существующей. Альтернативной во взаимодействии с окружающей природной средой и использовании ресурсов, альтернативной в производстве (применяемые технологии и выпускаемая продукция), в распределении (социальная справедливость и мотивация к труду), в обмене (товаропосредники и товаропотоки), в воспроизводстве населения (население как главное богатство) и во взаимодействии с окружающим миром (новый мировой социальный порядок).

Исторический опыт показывает, что можно выделить три типа развития, которые можно определить как догоняющее, устойчивое, прорывно-инновационное. Концепция прорывно-инновационного развития предусматривает достижение реальной, а не только финансовой, стабилизации и ускоренное развитие на основе внедрения новых наукоемких и ресурсосберегающих технологий в приоритетных направлениях общественного развития.

Задачей модернизационного проекта для России является разработка подхода к прорывно-инновационного развитию, составными моментами которого являются:

- обоснование необходимости построения многомерной экономики: как сочетание: а) экономики по созданию новых технологий (лидер США), экономики по производству индустриальных товаров (лидер Китай), экономики по производству новых фундаментальных и прикладных знаний (шанс России), б) наукоемких и ресурсодобывающих отраслей, в) предприятий государственной собственности с предприятиями других форм собственности; г) крупных ПФГ с мелкими и средними предприятиями в условиях государственного патернализма; д) рыночной организации с элементами мобилизационной экономики;

• разработка стратегии энергетической безопасности, обеспечивающей экономию ресурсов как в производстве, так и в потреблении, выступающей как источником валютных поступлений, так и фактором сохранения и развития научно-технического потенциала.

Актуальность проблемы модернизации страны обусловлена временным ускорением протекания социальных и экономических процессов, необходимостью ускорения преодоления отставания России. Сложившаяся ситуация требует, во-первых, фундаментального познания новых социально-экономических явлений, во-вторых, выработки концептуальных основ построения новой экономики, альтернативной существующей сырьевой, и, в-третьих, мировой финансовый кризис является негативным обобщающим вектором, показывающим необходимость замены ресурсорасточительности на ресурсоэкономию.

Соответственно необходимо, во-первых, исходя из протекания социального времени: прошлое (П) — настоящее (Н) — будущее (Б) перейти к модели развития, выраженной формулой: П — Б — Н. Национальная элита страны, опираясь на знание о ростках будущего, его наметившихся тенденциях у более исторически продвинутых систем, имеющихся в мировой системе, может строить свое настоящее исходя не из их настоящего, а из их наметившегося будущего: беря его позитивные моменты и усиленно их развивая и блокируя негативные моменты, отсекая их от своего формирующегося настоящего и получая тем самым скачкообразное, спрямленное (без прохождения всех побочных, тупиковых линий и их ответвлений) развитие.

Во-вторых, необходимо в условиях открытой экономики перейти от экспорта сырья к экспорту продуктов сырьевой переработки. В настоящий момент прямой переход к инновационно-прорывному развитию невозможен, шансы упущены, требуется более сложная траектория развития. Цель системы социальной и экономической организации российского общества в начале XXI в. заключается в том, чтобы обеспечить рост информационной емкости производственных технологий при условии сокращения расхода ресурсов. Общество должно стимулировать развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий, интенсивного земледелия. Это может сделать только государство, создав социальный механизм предоставления конкретных, дееспособных и всем понятных экономических преимуществ наукоемким и ресурсосберегающим технологиям. Стратегической целью государства является создание комфортабельной инфраструктуры жизнеобеспечения для работника и благоприятной бизнес-среды для развития экономики.

В последние годы в России утрачивались многие высокотехнологичные отрасли. Прямое их сохранение и развитие невозможны из-за отсутствия платежеспособного спроса и рынков сбыта. Реален только один путь — построение на первом этапе модернизации цикла (прежде всего для добывающих и энергетических отраслей): добыча сырья — переработка — транспортировка — экспорт готовых продуктов. Этот цикл должен быть реализован на основе собственного национального машиностроения, что потребует развития многих наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подготовки высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований и предполагает создание новых технологий в сфере энергетики, развития всех видов транспорта, энергетического машиностроения, контрольно-измерительных приборов и т. д. При таком варианте страна останется энергетическим экспортером, но экспортером не сырья, а готового продукта.

Хотя экономика остается монокультурной, но это экономика развитой страны. Данный путь позволяет также сохранять и отечественную науку, обеспечивая спрос на ее продукцию как за счет государственной поддержки фундаментальных исследований, так и за счет спроса на ее научную продукцию. Прежде всего, для секторов: нефтегазодобывающего, оборонного (работающего как на внешний, так и на внутренний рынок) и секторов, работающих на воспроизводство населения (сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ). Только такой путь позволит с наибольшей выгодой для себя использовать естественные преимущества страны. Провести модернизацию производственного потенциала в направлении создания экономики:

- конкурентоспособной на уровне страны, фирм, факторов производства, производимых товаров;
- ориентированной на удовлетворение социальных и экономических потребностей населения;
- функционирующей на базе современных ресурсосберегающих технологий;
- экспортирующей наукоемкую продукцию и продукцию добывающих отраслей; обладающей воспроизводственной сбалансированностью.

Вышеназванный подход позволит с наибольшей выгодой для страны использовать ее конкурентные преимущества и богатый природный потенциал, а в перспективе перейти к прорывно-инновационному развитию на всем пространстве экономики.

Литература

1. *Ковалев С.Г., Тарасевич Л.С.* Прорывное развитие — стратегическое направление модернизации экономики Российской Федерации. СПб., 1999.

2. *Ковалев С.Г.* Теория трансформационного прорывного развития России в глобализующемся мире: Учебное пособие. СПб., 2002.

3. *Ковалев С.Г., Сабинин В.Е.* Глобализация экономики и энергетическая безопасность. Препринт. СПб., 2007.

4. *Ковалев С.Г., Сабинин В.Е.* Пространство выбора стратегий энергетической безопасности в условиях глобализации социальных отношений // Энергетическая политика. М., 2008. № 3.

5. *Ковалев С.Г., Сабинин В.Е.* Инновационное развитие как стратегия формирования альтернативной экономики России // Инновационная экономика: проблемы и перспективы развития в Северо-Западном федеральном округе РФ: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. 9 — 10 нояб. 2010 г. СПб., 2010.

6. *Ковалев С.Г.* Модернизация России: особенности осуществления, пространство альтернатив. Концептуальный подход. СПб., 1995.

С.А. ОКУНЬ, А.С. ОКУНЬ

Трансформация российского общества в посткризисный период

У России сейчас своя боль, свой путь.
Г. Федотов

Существует определенная идея, которая ассоциируется со Строссом и его последователями: *идея власти*. Идея центрального положения власти в

политической жизни восходит к трудам Платона и Аристотеля, которые много рассуждали о природе аристократической, монархической и демократической власти и ее влиянии на характер управляемого ею народа. Платон и Аристотель рассматривали власть не как систему официальных институтов, а как *образ жизни*, при котором официальные политические институты и неформальные обычаи постоянно дополняют друг друга. По мнению Стросса, официальные политические институты играют решающую роль в формировании неофициальных культурных норм и обычаев. Одним из толкований Стросса является то, что режим не сводится только к официальным институтам и властным структурам, которые формируют лежащие в их основе социальные структуры и сами формируются ими. Составляющими режима признана также религия, родственные отношения, исторический опыт, т. е. неписаные законы, управляющие поведением людей [1].

Мировой финансовый кризис 2008 — 2009 гг. обнажил внутренний российский кризис, обусловленный разложением советского социалистического строя и общей стагнацией социо-хозяйственного бытия в 1980-х гг., закончившейся в 1991 г. развалом СССР, а также предпринятыми в 1990-е и в 2000-е гг. глобальными реформами в социо-хозяйственном устройстве.

Российский кризис имеет две основные составляющие.

1. Кризис хозяйства и общества, выраженный поначалу в общем упадке и тотальном расстройстве общества и хозяйства. Затем неполноценное хозяйство, которое базируется на энерго-сырьевой ориентации, ставящей общество в униженное положение и угрожающее потерей суверенитета, многосторонней зависимостью от внешнего производительного, геостратегического и политического контекста.

2. Данный кризис создан реформой социо-хозяйственного устройства страны, которая активно поощряет частнособственническое присвоение и выявляет неспособность обеспечить прогрессивное развитие хозяйства, безопасную жизнь и надежную обороноспособность страны, а также нормальное существование основных масс населения [2].

Если взять за основу тезис, высказанный Строссом: «Официальные политические институты играют решающую роль в формировании неофициальных культурных норм и обычаев», и посмотреть на деятельность любого государственного института в РФ, то четко прослеживается ряд негативных факторов: коррупция, безнаказанность, недобросовестное отношение к профессиональным обязанностям, преемственность поколений. Согласно данному тезису, факторы, которые наблюдаются в государственных структурах, переносятся на общественное поведение в других секторах общественной жизни.

В настоящее время в образовании, медицине, армии, предпринимательстве, строительстве и т. д., в меньшей или большей степени, в общественной жизни наблюдается присутствие данных элементов, что ведет к деградации общественных отношений. В ходе этого процесса в России исчезает понятие русского народа, единства. Все чаще в приоритет возводятся личные цели по сравнению с целями общества, в котором проживает данный человек, и все чаще достижение личных интересов негативно влияет на достижение общественных, что ведет к образованию угрозы национальной безопасности. Если данный процесс будет дальше развиваться, то вполне возможно, что Россия не будет в дальнейшем существовать и повторит опыт СССР, распавшись на мелкие государства.

При анализе распада СССР выделяют план Даллеса, который США претворили в жизнь во время «холодной войны». Один из методов борьбы с СССР заключается в поощрении деградации общественных ценностей и подмене их ложными. Хотя «холодная война» закончилась в 1991 г. распадом СССР, и план Даллеса был полностью выполнен, создается впечатление, что механизм по разложению общественных ценностей, который был запущен для борьбы с СССР, по прежнему продолжает функционировать внутри российского общества.

Мировому сообществу сегодня, вероятно, не выгоден распад России на мелкие государства, иначе это скорей всего уже бы произошло. Но если не будет остановлен процесс деградации общества, вполне вероятно, что в дальнейшем будет происходить отделение российских территорий. Данный процесс будет вызван не влиянием из-за границы, как это было с СССР, а вследствие негативного отношения к обществу внутри страны. В результате исчезнет такое понятие, как русский народ.

После распада СССР в России были сделаны шаги по развитию демократических ценностей. Однако целью применения демократических ценностей в российском обществе в период 1990-х гг. являлось замаскировать процесс первоначального накопления капитала и позволить государствам, которые победили в «холодной» войне, прикрываясь ценностями демократии, проводить политику для решения собственных экономических проблем за счет богатств, принадлежащих России. В этот период экономика США была в сложном положении, так как в международных расчетах обращалась огромная масса ничем не обеспеченных долларов, и многие страны ставили под сомнение ценность доллара, что в результате могло повлиять на его крах в качестве главной международной валюты и в дальнейшем — привести к экономическому краху США. В результате демократических преобразований на территориях бывшего СССР в данные страны хлынула большая часть американской валюты, что в результате укрепило положение доллара на геополитическом уровне.

Были сделаны и шаги, способствовавшие контролю западных компаний за нефтяной отраслью в России. Так, в начале перестройки под прикрытием идеологии рыночных ценностей были приватизированы все нефтяные скважины и добывающие компании, чтобы в дальнейшем контроль над данными активами перешел в руки западных корпораций [3].

Ту же самую тенденцию можно наблюдать и в Ираке, куда под предлогами демократических ценностей США ввели свои войска и где контроль за нефтяной отраслью принадлежит американским корпорациям. Хотя во всех нефтедобывающих и развитых странах, в которых ведется добыча нефти, не зависимо от развития рыночных и демократических ценностей данная отрасль принадлежит государству, а не частному сектору.

В 2000-х гг., по мнению западных аналитиков процесс демократизации русского общества замедлил свое развитие. Это было вызвано тем, что государство взяло под контроль нефтяную промышленность. В результате денежные средства, полученные из данного сектора экономики, были направлены не в бюджеты иностранных государств, а на выплату накопившегося внешнего долга и дальнейшего социального и экономического развития России. Также одним из факторов, обусловивших приостановление процессов демократизации в России, явилась задача сохранения единого государства.

В Китае не рассматривают возможность перехода к демократии. Одним из утверждений невозможности данного перехода является то, что Ки-

тай — это многонациональное государство, и если в стране будут развиваться демократические ценности, правительство опасается, что нации, которые проживают на территории данного государства, решат отделиться от Китая. Также одним из доказательств данного утверждения является отношение Китая с Тайванем. При развитии демократических ценностей данная ситуация вполне может сложиться на территории Российского государства, когда идет деформация понятия «русский народа».

Одной из главных угроз для российского общества является проблема коррупции, которая тесно связана с функционированием управляющих и правоохранительных органов. Это ослабляет влияние государства и повышает влияние церкви в обществе. Церковь начинает брать на себя функции, которые ей не свойственны: участия в политике, накопления богатства, которое в дальнейшем расходуется на собственные цели, зачастую не связанные с ее общественным положением. В результате все это ослабляет государство.

Дальнейшее развитие демократических ценностей в России может привести к появлению реальной борьбы между политическими партиями, что в итоге, с одной стороны, будет способствовать улучшению ситуации, связанной с развитием реальных прав и свобод в российском обществе, а с другой — может привести к краху России, так как при политической борьбе друг с другом различные партии будут стремиться дать как можно больше обещаний избирателям — в сравнении со своими конкурентами, чтобы на некоторый срок прийти к власти в государстве. В результате, если они захотят переизбраться на следующий срок, то им будет необходимо выполнить, по крайней мере, некоторые из своих обещаний, иначе они потеряют доверие избирателей и пропустят вперед своих политических конкурентов. Тем самым это может привести к экономическим проблемам в обществе, которые можно наблюдать в странах ЕС, где постоянно увеличивается государственный долг, который в перспективе угрожает стабильности в самых развитых обществах. В данных государствах правящие партии концентрируют свое внимание на решении краткосрочных социальных вопросов, которые помогут им в дальнейшем удержать свою власть. Тем самым России для общественного развития необходимо дальнейшее реальное функционирование единой правящей партии, но с изменением отношения к обществу внутри государственных институтов, которые в дальнейшем оказывают влияние на формирование и функционирование отношений в самом обществе.

Вывести страну из кризиса, который угрожает существованию единого и неделимого государство, может только единая российская власть. Исторически сложилось, что в России власть на протяжении всей истории всегда выходила на лидирующую позицию при решении жизненно важных для страны вопросов. Российский народ не раз демонстрировал в критические моменты способность выживания ради надежды в светлое будущее. При решении данного вопроса России необходимо будет надеяться на свои собственные силы и возможности, а не просить помощи и советов у зарубежных стран. Кризис, имеющий место в российском обществе, является уникальным, не имеющим аналогов в мире. Поэтому страна сама должна искать выход из данной ситуации, оперируя особенностями, которые исторически сложились в становлении русского народа.

Литература

1. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008.

2. Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: в 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2010.

3. Шерше ля нефть. Почему наш Стабилизационный фонд находится ТАМ? СПБ., 2010.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

О движущих силах национального хозяйства: к вопросу о порочности неолиберальной модели современного развития России

Анализируя динамику национально-экономического развития и результаты провозглашенной Президентом РФ Д.А. Медведевым программы модернизации экономики и хозяйства страны, нам принципиально важно не впасть в эйфорию от наличия внешних показателей роста, а дать точный социо-хозяйственный диагноз состояния роста общества и его хозяйства. Очевидно, что формальные показатели роста, основанные на денежных оценках сегодня имеются. Однако, могут ли они с достаточным основанием свидетельствовать о *реальном* росте экономики и хозяйства страны? Можно ли, опираясь только на них, выстраивать планы модернизации экономики и разрабатывать стратегию развития национального хозяйства России?

Не секрет, что исходные принципы социально-экомической политики вступают в *резкое противоречие* с практикой действительной модернизации, основывающейся на 1) модели открытой экономики; 2) усиленном привлечении иностранного капитала и открытии границ для него; 3) распродаже госсектора и устранении государства как фактора модернизации. По сути, Президент РФ, *провозглашая курс на модернизацию, предлагает, однако, проводить ее в рамках, противоречащих самой сути национальной мобилизации*: в рамках западной либеральной демократии и модели открытого общества, расширяя границы участия иностранного капитала и соответственно уменьшая роль государства.

Таким образом, курс на укрепление национальной экономики проводится с помощью методов финансовой и бюджетной политики, подрывающих основы национального хозяйства и вообще самостоятельного национально-экономического развития.

1. О критериях макроконкурентоспособности национального хозяйства

В докладе по вопросам конкурентоспособности, подготовленном генеральным ревизионным управлением США в августе 1993 г., дается следующее разъяснение понятия «конкурентоспособность»: «общепринятое определение конкурентоспособности на национальном уровне предполагает возможность нации достигать предельных уровней производительности, позволяющих поддерживать растущие стандарты жизни в комплексном мировом хозяйстве» [1, 18]. Главными комплексными факторами конкурентоспособности страны признаются восемь: 1) открытость (13 индикаторов); 2) государство (22 индикатора); 3) финансы (24 индикатора); 4) инфраструктура (16 индикаторов); 5) технология (23 индикатора); 6) управление (23 индикатора); 7) труд (17 индикаторов); 8) институты (23 индикатора) [1, 18].

Однако *главным критерием конкурентоспособности является способность нации и его национального хозяйства к выживанию*. Парадокс неолиберальной политики Президента РФ заключается в том, что условия открытой рыночной экономики, положенные в основу президентской политики модернизации, подрывают способность национального хозяйства к выживанию (живучесть), а значит, угрожают и самой экономической и национальной безопасности нашего государства.

Очевидно, что уровень выживаемости национального хозяйства будет тем выше, чем выше степень защищенности всего хозяйства страны и его отдельных рынков от иностранной конкуренции. Данные сравнительного анализа, проведенного учеными за 1985 — 1986 гг. по Японии, США, Англии, ФРГ, Франции и СССР, подтверждают этот тезис [2, 65 — 66].

Результаты анализа были представлены в виде таблицы компонентов показателя и индекса «национальной силы» государства в процентах. Показатель одной из стран принимался за 100%. В соответствии с выводами ученых, способность к выживанию СССР была самой высокой в группе указанных стран и составила 119%, что было выше, чем у США (100%), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других стран. «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны.

Часто в качестве критериев макроконкурентоспособности приводятся различные индексы «экономической свободы», которые рассчитываются на основе инвестиционного климата в разных странах, являясь по сути индексами экономической «незащищенности» хозяйства стран от иностранного капитала (табл. 1).

Индексы «экономической свободы», имеющие нередко «заказной» характер и используемые как инструмент политического давления на данную страну в ходе различных международных переговоров, не следует смешивать с кредитными рейтингами по обязательствам в иностранной валюте. Такие рейтинги, присуждаемые различным странам международными банковскими агентствами, имеют в целом «технический» характер и более объективны (хотя и они также не лишены политической ангажированности). Практически все страны стремятся получить более высокий рейтинг, так как это автоматически улучшает условия получения международного кредита.

Таблица 1

Индекс экономической свободы
(шкала баллов: 5 — наихудший, 1 — наилучший)

Страны	Рейтинг в 2005 г.	Балл в 2005 г.	Балл в 2002 г.	Балл в 2000 г.	Балл в 1998 г.	Балл в 1995 г.
Белоруссия	143	3,99	4,21	4,13	4,15	3,7
Эстония	4	1,65	1,73	2,19	2,43	2,4
Латвия	28	2,31	2,49	2,69	2,84	—
Польша	41	2,54	2,6	2,84	2,91	3,46
Украина	88	3,21	3,84	3,75	3,83	4,05
Россия	124	3,56	3,74	3,75	3,54	3,55

Источник: [3].

2. Порочность либеральной модели хозяйства России

Главный парадокс современной неолиберальной политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности, заключается в том, что она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, т. е. стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведет к подрыву экономической и национальной безопасности в целом.

Очевидно, что критерии и факторы макроконкурентоспособности, основанные на неолиберальных методиках, на модели открытой рыночной экономики подрывают способность национального хозяйства к выживанию, а значит, угрожают экономической безопасности государства. Хозяйственная практика уже доказала, что ее уровень будет тем выше, чем выше степень защищенности национального хозяйства и его рынка от иностранной конкуренции.

Этот тезис подтверждается анализом структуры, например, российского импорта и экспорта, а также итогов приватизации. Так, например, удельный вес импорта в потреблении на внутреннем рынке в 1998 г. составил по сливочному маслу — 27, шинам пневматическим резиновым — 35, автомобилям грузовым — 17, автомобилям легковым — 16, холодильникам бытовым — 36 [4, 576—577].Удельный вес экспорта составил в 1998 г.: 90% в производстве алюминия, 64 — проката из железа и стали, 78 — целлюлозы древесной, 75 — бумаги газетной, 47 — тракторов, 35 — природного газа, 34% — лесоматериалов необработанных и т. д.

Резко выросла зависимость от импорта не только продуктов питания, но и сельскохозяйственной техники: тракторов, комбайнов и пр. В результате либеральных реформ страна оказалась в полной зависимости от иностранных производителей продовольствия, фармацевтики, электроники, сельскохозяйственного машиностроения, тракторостроения, станкостроения, автомобилестроения, самолетостроения. Как известно, в целом доля иностранного импорта предметов потребления и продовольственных товаров в некоторых регионах приблизилась к 50% товарооборота.

Это говорит о том, что либеральные показатели макроконкурентоспособности противоречат индексам «национальной силы» государства. Как уже подчеркивалось, определение национальной конкурентоспособности на основе этих индексов обнаружило, что *макроконкурентоспособность,* т. е. *способность национального хозяйства к выживанию,* в СССР была самой высокой, составлял 119%, что было более чем в два раза выше аналогичных показателей развитых европейских стран. Таким образом, высокая макроконкурентоспособность национального хозяйства держится на силе государства, а его разрушение и уход государства из экономики уже привели к тому, что 92% крупной российской собственности в торгово-промышленной, банковско-финансовой, энергетической и сырьевой сферах принадлежит иностранцам [5]. Чудовищно возросло социальное расслоение общества — прямое следствие роста *либеральной «макроконкурентоспособности»* России. Тревожно, что неравенство растет из года в год.

По последним сведениям Росстата, на долю 10% самых богатых россиян в первом полугодии 2010 г. приходилось 30,2% денежных доходов всего населения, а на долю 10% самых бедных граждан — лишь 1,9%. При этом в 2009 — 2010 гг. 0,12% (160 тыс. человек) населения России имели годовой доход более 1 млн дол., а свыше 40% всего населения страны жили всего

лишь на 4 тыс. дол. (менее 10 тыс. р. в месяц) [6]. *Есть и еще более вопиющие цифры*: по данным статистики, денежные доходы россиян в 2009 г. составили 28,38 трлн р.; выходит, что на долю богатых пришлось 8,6 трлн р. — *это больше, чем все доходы бюджета страны за 2009 г.* Если к этому добавить, что, по данным, на середину 2008 г., ежегодный коррупционный оборот в России составлял 300 млрд дол., а к 2010 г. эта сумма возросла до 319 млрд дол., то станут понятны истинные масштабы социальной пропасти и величайшей криминальной драмы, разыгравшейся в России.

Богатые и сверхбогатые присваивают в течение одного года сумму, равную двум годовым бюджетам страны, а на каждого богатого в 2009 г. приходится в среднем по 611 млн р. годового дохода. И это при том, что среднемесячная зарплата в стране находится на уровне 20 тыс. р.

По некоторым оценкам, в 2010 г. около 15% населения России сосредоточили в своих руках 57% всех денежных доходов и 92% доходов от собственности. Сложившаяся сегодня в России модель социальной стратификации характеризует в высшей степени дифференцированное общество [7].

Кроме того, данная модель основана на социальном расизме, который делит все население страны на две группы: 1) правящая «раса собственников» и 2) отверженная «раса работников». Социальное страхование не работает, профсоюзы разогнаны и деморализованы, а работников немедленно увольняют при малейшем намеке на недовольство, не говоря уже о протесте.

Нередко можно услышать, что в стране произошла реставрация 1990-х гг — с ее приватизацией, либерализацией и бандитским капитализмом. Однако сегодня мы имеем уже качественно другую модель: бандитский капитализм сменился мафиозным капитализмом, основанном на тотальном грабеже государства и населения, на финансовой диктатуре коррумпированных чиновников с мафиозным бизнесом, не признающих никаких моральных и нравственных границ.

3. Модель отрицательного финансового производства

Во-первых, показатель ВВП отражает доходы и расходы только в денежном выражении, независимо оттого, полезны они или вредны были для занятости, для природы, для современного общества и для будущих поколений. Во-вторых, показатель ВВП, не включая немонетарные факторы, не может отражать многочисленные процессы деградации, или энтропии, которые привносит современное хозяйство. В результате в национальном хозяйстве может складываться парадоксальная ситуация: рост ВВП и других экономических показателей может приводить к росту энтропии, вызывая возрастание в национальном хозяйстве необратимых процессов, ведя всю систему к деградации и упадку.

Отрицательное производство, измеряемое энтропией, в США составило 75%, т. е. общество в такой передовой по традиционным меркам стране, как США, в последнюю четверть века фактически было застойным.

Данные по России также *показывают наличие отрицательного роста*. Однако вначале приведем «убаюкивающие» данные официальной и *лукавой* статистики. Так, в 2005 г. номинальный ВВП России составлял 765,8 млрд р., а в 2009 г. — 39,016 трлн р. (1,23 трлн дол.), ВВП по ППС — 2,12 трлн дол. соответсвенно.

Постоянно растут и темпы роста ВВП: в 2000 г. к уровню 1999 г. прирост составил 10%, в 2001 — 5,7, в 2002 — 4,9, в 2003 — 7,3, в 2004 — 7,2, в 2007 — 8,1% (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году). Но в

условиях финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг. ВВП упал: в 2008 г. — рост составил 5,6%, а в январе 2010 г., по оценке Минэкономразвития, ВВП России вырос на 5,2% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года.

Однако официальная статистика роста противоречит данным Росстата, согласно которым в 2009 г. ВВП упал на 7,9%, что стало сильнейшим спадом за последние 15 лет. Добавим, что по итогам 2009 г. среди 11 ведущих экономик мира (стран G7 и БРИК — Бразилия, РФ, Индия и Китай) Россия продемонстрировала самый резкий спад экономики [8; 9].

А теперь сделаем выводы. В Минфине полагают, что экономика России восстановит докризисные темпы роста уже к концу 2012 г.

Во-первых, данные валового роста, не учитывают стремительной инфляции, которая в реальности превышает «индекс Кудрина» (министра финансов) в 2—3 раза. Значит, рост является отрицательным. Во-вторых, расчет ВВП является чисто денежным, учитывая денежный рост экспорта, денежные и торговые спекуляции, рост внутреннего товарооборота и чрезвычайно раздутого «статусного» сверхпотребления. А такой рост также является отрицательным. Правительственные чиновники прогнозируют, «устойчивый подъем экономики», поскольку «большой потенциал для роста дает увеличение инвестиционного и потребительского спроса». Но ведь это уже системная ошибка в расчетах: 1) рост строится на раздутом потребительском спросе богатых, а это не более 15% населения; 2) на привлечении в Россию иностранных инвестиций. И то и другое может обеспечить «устойчивый подъем экономики», а национальное хозяйство при этом будет разваливаться и все общество в целом «устойчиво» деградировать.

В-третьих, экономика и хозяйство страны имеют анклавный характер, превратившись в «лоскутное одеяло», куски которого интегрированы в мировое финансовое хозяйство, высасывая материальные, природные, финансовые и людские ресурсы за рубеж, нанося этим колоссальный ущерб национальному хозяйству страны. Парадокс и драматизм ситуации здесь в том, что огромный экономический ущерб стране при статистическом, чисто финансовом подсчете ВВП, основанном на методах бухучета, превращается в доход страны, в радужные показатели «экономического роста». Итак, навязанное России «мировым правительством» массовое отрицательное производство в массовом масштабе уничтожает одну за другой целые отрасли нашего хозяйства. За последние 10 лет с карты России исчезли 11 тысяч деревень, 290 городов, а общее количество заброшенных деревень превышает 39 тысяч [10].

4. К вопросу о необходимости создания самодостаточной национальной экономики

Независимая внешняя политика России и других стран СНГ всегда будет встречать попытки давления со стороны претендентов на гегемонию, поэтому экономический суверенитет России должен быть защищен должным образом. Интересы продовольственной безопасности, обеспеченности страны собственными силовыми установками, грузовым транспортом и авиацией требуют, чтобы доля собственной продукции в этих областях была не менее 50 — 60%. Так, например, свыше 70% всей территории России связаны между собой только авиацией. Очевидно, что самодостаточность в авиастроении непосредственно связана с национальной безопасностью — с возможностью контролировать и удерживать свою территорию. Но для этого необходимо развивать отечественное станкостроение, включая и производство современ-

ных станков с числовыми программными устройствами. А это, в свою очередь, требует развивать собственную электронику, информационные технологии. В принципе нам нужно работать по всем направлениям, кроме самых экзотических, сосредоточившись на точках роста, поддерживая развитие научных разработок в этих отраслях и научно-техническую разведку, чтобы в дальнейшем можно было развить современную структуру национального хозяйства.

Реальную и всестороннюю модернизацию можно провести только в условиях всеобщей мобилизации всех ресурсов страны, а также при наличии единства общества и нации. Как известно, единство страны — это единство народа, территории и государства, образующих в совокупности наше русское общество. Целое — это национальное хозяйство, призванное обслуживать жизнедеятельность общества, обеспечивая его воспроизводство.

Сделаем краткие выводы.

1. Ни положительный платежный баланс или баланс внешней торговли, ни рост золотовалютных резервов не могут являться достаточными критериями конкурентоспособности, так как при этом не учитывается степень живучести всего национального хозяйства, не принимается в расчет общенациональная стратегия, нацеленная на обеспечение качества жизни нации и воспроизводство всего общества. Национальная конкурентоспособность далеко не равнозначна рыночной конкурентоспособности.

2. Главным условием достижения основных задач макроэкономической политики является метавоспроизводство как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Экономические теории теряют свой смысл и перестают быть теориями общественного развития, если они оказываются неспособными выразить в теоретическом виде насущные потребности людей, а также общенациональные интересы и показать конкретный механизм из реализации.

3. Национально-экономическое развитие осуществляется прежде всего на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ.

4. Движущими силами национально-экономического развития не могут являться ни частный капитал сам по себе, ни, тем более, иностранный капитал, работающие, как правило, всегда и везде против общенациональной стратегии, против воспроизводства всего общества.

Литература

1. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М., 2003.
2. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности // Вопросы экономики. 2001. № 8
3. Индекс экономической свободы 2005. Heritage Foundation.
4. Российский статистический ежегодник. 1999. М., 1999.
5. http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru.
6. Известия науки. Социология. 2010. 7 окт.
7. http://www.top-personal.ru/issue.html?1506.
8. http://lenta.ru/news/2010/02/01/vvp/.
9. http://www.rosbalt.ru/2010/03/16/720471.html.
10. Население России. Статистика, факты, комментарии, прогнозы / Агентство РИФ // http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru.

А.А.ИВАНОВ

Интеллектуальная безопасность современной России*

Древние бродячие инстинкты
Перетирают цепь привычки и веков;
И просыпаясь от глубокой спячки,
Свирепый зверь выходит из оков.
Дж. Лондон. Зов предков.

Президент Д.А. Медведев признал, что современная российская экономика находится в состоянии деградации. При этом такое же печальное положение и в сельском хозяйстве, науке, образовании, здравоохранении и др. Решение же проблем Президент видит в модернизации экономики. Заметим — странно, почему модернизация, а не сначала восстановление, а потом уж модернизация?!

В действительности же бедствия, постигшие Россию, являются непосредственным результатом антигосударственных, антинародных губительных «реформ». И целью их было вхождение России в западную цивилизацию и мировую экономику.

Рассмотрим только некоторые «реформаторские» акции и их мотивации: а) уход государства от управления экономикой — «рынок сам все поставит на свои места»; б) отказ от государственной поддержки науки и перевод ее на самоокупаемость — «русская наука никогда никаких открытий не совершала, все было украдено в западных странах»; в) поощрение наживы, накопительства и личного обогащения путем присвоения народного достояния — «новые долларовые миллионеры — это эффективные собственники и талантливые менеджеры».

Для здравомыслящих людей очевидно, что эти мотивы носят не наивный, а лживый злонамеренный характер, и цель их — разрушение былого величия России и недопущение ее возрождения. Продолжающийся экономический кризис, наложившись на общий системный кризис в России, усугубил социально-экономические бедствия. Доля расходов на социальные нужды в РФ в 10—15 раз ниже, чем в западных странах. Самым болезненным проявлением кризиса стала безработица. Причем денежная помощь оказывается из расчета 850—4900 р. на каждого потерявшего работу. Бедственное положение людей усугубилось «странным» поведением цен на российском рынке. Если в западных странах, США и Японии кризис обусловил значительное снижение цен, то в России он привел к обратному явлению. В итоге нищета поражает все более широкие слои населения. На протяжении последних 10 лет правительство РФ свою главную задачу видело в борьбе с инфляцией. Результатами этой борьбы явились нищенская оплата труда 90% дееспособного населения и отсутствие инвестиционных и оборотных средств в отраслях реальной экономики. В результате антикризисных мер, предпринятых правительством РФ, ВВП топчется на месте, зато число долларовых миллионеров увеличилось вдвое! Многообещающие же заявления о необходимости борьбы с коррупцией демонстрируют серьезный изъян в самом понимании сути проблемы. Борьба с этим злом сводится к преследованию лиц, дающих и получающих

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11—02—00029«а».

взятки. При этом упускается из вида, что все это порождается и стимулируется самой либеральной идеологией личного обогащения. Используется лживое представление, что взяточничество проистекает из бедности. Исходя из этой посылки, высшему слою чиновничества устанавливается умопомрачительный уровень вознаграждения. И это касается не только частных фирм, но и органов государственной власти. Так, «зарплата» членов правления Сбербанка России составляет 3 млн 400 тыс. р. в месяц [1]. Такая практика привела к чудовищному распространению коррупции и недопустимому социальному расслоению российского общества. Из этого следует вывод о необходимости отказа от либерального подхода в управлении экономикой, который не позволяет прервать дрейф страны к ее разрушению. И если кризис не отправит на свалку истории формулу российской власти, то у нашей нации просто не будет будущего. Никакого.

Медведев говорит и о модернизации экономики, и о борьбе с коррупцией, и об инновационных технологиях и т. д. Однако без ответа остается вопрос — кто будет заниматься модернизацией и при помощи каких механизмов [2]. Здесь показательна следующая история. Когда 5 октября 2010 г. Нобелевский комитет объявил, что премия по физике за 2010 г. присуждается двум российским ученым — Андрею Гейму и Константину Новоселову за работы по созданию графена, официальные СМИ сообщили: «Президент РФ Дмитрий Медведев и премьер-министр РФ Владимир Путин послали российским лауреатам Нобелевской премии поздравительные телеграммы». Лауреаты несказанно удивились самому факту этого поздравления. Дело в том, что Гейм и Новоселов уже долгие годы живут и работают за рубежом. А когда 6 октября руководитель департамента международного сотрудничества фонда «Сколково» Алексей Ситников заявил, что «у нас есть идея пригласить Гейма и Новоселова для участия в проектах фонда», нобелевские лауреаты просто потеряли дар речи, но быстро его обрели: «Там у вас что, люди совсем с ума посходили? Считают, что если они кому-то отсылают мешок золота, то можно всех купить?» — не скрывал своих эмоций Гейм [3].

Очевидно, правители РФ считают, что наука — как футбол. Зачем развивать свою школу? Купим хиддингов и адвокатов — и мы впереди планеты всей. Они же полагают, что продается все. А кто не продажен, тот продажен за очень большие деньги. И что закон обязателен не для всех. Но вернемся к «Сколково». В интервью «Эху Москвы» Константин Новоселов сказал буквально следующее: «Что касается “Сколково”, то все, что я знаю о нем, — это название. Я совершенно не представляю себе, что это такое, структуру этой организации, поэтому я не могу себе представить свою роль там» [3].

Судя по другим «прожектам»: удвоение ВВП, «догоним Португалию» и проч., «Сколково» так и останется только названием, о котором благополучно забудут. Или символом очередной аферы, как «Панама». Ведь финансирование науки со стороны государства постоянно уменьшается. Дошло до того, что большинство институтов уже не в состоянии оплачивать тепло и электричество. РАН вот-вот окажется в ситуации, когда придется закрывать институты. А что касается молодых ученых, то в основной своей массе они даже не уезжают на Запад, а просто уходят из науки.

Главной темой президентского Послания Федеральному Собранию в 2010 г. стала «забота о будущих поколениях как самая надежная инвестиция государства». Однако все эти благие пожелания и обещания так ими и остаются. Картина же вырисовывается удручающая. Сегодняшние подростки совершенно не способны признавать общественные ценности, социальные барь-

еры, ценность человеческой жизни. Они вступили в общественные отношения в пору неустойчивости, глобальных перемен в идеологии, экономике, семье. В пору вседозволенности. Ежегодно на 100 тыс. увеличивается количество сирот при живых родителях, около 300 тыс. детей рожают матери-одиночки. Все язвы общества наживы сказываются в большей степени на детях. Результатами являются повсеместное снижение интереса к знаниям, культуре, моральное разложение, рост детской и подростковой преступности, утрата положительного содержания и ценности жизни, рост самоубийств. У школы отняли ее воспитательную роль. Она превратилась в коммерческое заведение образовательных услуг, а учитель — в малооплачиваемого и соответственно малопочитаемого слугу этого сервиса. Отвергнут и основной принцип советской школы — воспитание в коллективе и через коллектив.

Вызывает тревогу и то, что население РФ стремительно сокращается. Российские мужчины, например, живут на 15 лет меньше, чем в Западной Европе, на 6 лет меньше, чем в Центральной Азии, на 2 года меньше, чем на Украине и в Белоруссии [4]. Самый распространенный ответ о причинах: «пьют и курят». Вроде похоже на правду. Ведь статистика утверждает, что в результате злоупотребления алкоголем у нас ежегодно умирает 500 тыс. человек и еще 350 тыс. — по причине употребления табака. Однако наука говорит другое. Жирная пища, курение, высокое кровяное давление — все это, конечно, важно, но влияние этих факторов вторично: основная причина — психологическая и материальная неудовлетворенность своим местом в обществе. Именно неудовлетворенность подчиненного в большей мере ведет к преждевременной смерти, чем тяжелая, нервная и полная других стрессов работа начальника [5]. Это же объясняет высокую смертность именно у мужчин (женщины в РФ живут на 12 лет дольше). Виктор Дольник полагает, что у приматов иерархию образуют только самцы. И хотя в отношении людей это явно не совсем верно, но женская иерархическая борьба не носит столь выраженного характера физического противостояния и, вообще говоря, менее опасна для жизни. Здесь важно иметь в виду, что иерархические системы строятся существенно обособленно друг от друга, они лишь соприкасаются в отдельных точках [6].

Становится понятным и то, почему безработица и очереди за социальным пособием —путь на больничную койку. Ни один вожак обезьяньей стаи не преуспел так в контроле над субординацией своих подчиненных, как преуспели социальные работники в демонстрации своего превосходства над теми, кто обращается к ним за помощью [5]. На продолжительность жизни россиян и их здоровье влияет, безусловно, уровень развития медицины. Для большинства россиян доступ к качественной медицине современного уровня затруднен, и в первую очередь в силу ограниченности денежных средств [4]. И на фоне этого — роскошь напоказ. Неограниченное потребление, часто лишь ради поддержания престижа данного лица в обществе. Расходуются огромные суммы средств и большое количество материальных ресурсов на производство ненужных для общества товаров.

Экономика утратила способность нормального воспроизводства квалифицированных кадров, что приводит к умственному оскудению нации. Кроме того, правительством США запущен специальный механизм комплектования страны чужими кадрами — Болонская конвенция. Сущность ее не столько во внедрении разрушающего образования ЕГЭ, сколько в признании присоединившимся к ней странам права студентов старших курсов менять, а выпускников выбирать любую страну для работы. И тут США с их огромны-

ми мошенническими доходами вне конкуренции. «В целом по США 24% молодых ученых иммигранты, а среди имеющих докторскую или иную степень — 43% граждан иностранного происхождения» [7, 291]. Сегодня большой процент этих ученых составляют бывшие ученые страны Советов. Но это сегодня. Что же касается научного потенциала, то, по мнению экспертов, Россия за последние годы утратила статус одной из ведущих в научном отношении держав мира и скатилась до второразрядного уровня. Основные причины этого: политическая нестабильность, массовая утечка мозгов и отсутствие интереса к науке как таковой. 2% составил вклад России в мировую науку в 2009 г. Вклад США оценивается в 35%.

Из уст высших лиц государства почти ежедневно можно услышать слова «модернизация», «инновации», «умная экономика» Кто же будет на деле осуществлять то, что кроется за этими красивыми словами, если целое поколение школьников сегодня оболванивается ЕГЭ? Ведь он по своей сути почти исключает возможность выявления творческих способностей, контролируя в лучшем случае лишь знания предмета на репродуктивном уровне. Школа давно перестала быть «вторым домом» для ребят. Сегодня это бюрократическая машина, перемалывающая кости и взрослых и детей, а сам процесс обучения и воспитания — формальная процедура. Вдобавок к этому министр образования и науки РФ предлагает сократить штат учителей на 10%. Это крайне опасный шаг, подталкивающий нас еще ближе к социальной катастрофе.

Современная цивилизация навязывает человеку рутинный труд ради добычи денег и бессмысленный отдых, при котором эти деньги тратятся. Мозг современного человека, начиная со школьного возраста, отключается от размышлений о смысле жизни, о природе добра и зла в себе самом и в окружающей действительности. Вместо этого мы видим неуклонный рост числа подростков, склонных к немотивированной агрессии. Таких уже, по данным социологов и педагогов, 75%. И если продолжить делать вид, что ничего особенного не происходит, не применять экстренных мер, нам всем придется жить в волчьей стае. Если в 2006 г. в связи с «выплесками» немотивированной агрессии в Москве были задержаны 13 тыс. ребят от 7 до 16 лет, в 2009-м — уже 30 тыс. В регионах положение не лучше, а чаще хуже [8]. Зло из общества приходит в школу.

Зоопсихологи по результатам исследований обосновали как научный факт, что человек по своим отрицательным качествам превзошел зверя. Не созидание и стремление к самосовершенствованию, а тупое утробное потребление, не дружба и коллективизм, а топтание слабого сильным. Внешне этот новый человек не очень изменился. Тот же геном из 23 хромосом, на 98% совпадающий с оным у шимпанзе. Хотя в антропологии известны и другие примеры. Например, первые неандертальцы куда современнее, чем поздние, классические. У первых и лоб выше, и надбровные дуги меньше, и нос тоньше, и ноздри уже. Советский ученый профессор М.М. Герасимов провел ряд реконструкций неандертальских лиц — разница между ранними и классическими неандертальцами заметна самому неподготовленному взгляду. Заметили антропологи и другое: орудия, принадлежавшие ранним неандертальцам, лучше, чем у неандертальцев классических [9]. Хочется верить, что в генетическом отношении все у нас не так печально, как у неандертальцев. Хотя есть свидетельства в пользу того, что, например, народы сначала научились скотоводству, а потом уж пристрастились к молочной диете. Это важное открытие, показывающее, как культурно-социальные изменения в обществе ведут к ге-

нетическим изменениям. Гены могут включаться и выключаться под влиянием волевых решений индивидуума. Следует признать, что смена образа жизни создает эволюционный прессинг на геном. Так же предполагается, что грамотность со временем может стать наследуемым признаком, если безграмотные люди достаточно долго будут находиться в ущемленном положении [9]. А если наоборот? Как это наблюдается в РФ. Ведь человека так трудно вести вверх, но легко толкать вниз. «При всем желании не видно каких-либо селективных преимуществ, которые хоть один человек сегодня смог бы извлечь из обостренного чувства ответственности или из добрых естественных наклонностей [10].

К счастью, не все так фатально. Человечество удивительно устойчиво к любому промыванию мозгов. Евгенические опыты по выведению чистой арийской расы в фашистской Германии, равно как и опыты по выведению советского человека в СССР методами социального насилия не привели к успеху. Генетически в человеке заложено скептическое отношение к власти, особенно в молодости, что защищает наше врожденное естество от влияния государственной пропаганды и нравоучений педагогов [5]. Кроме того, по закону социальных изменений Берна, «должно пройти около ста лет или смениться три поколения после крупных социальных изменений, чтобы были изжиты привычки, необходимость в которых давно отпала» [11]. Вряд ли современный правящий режим России, ускоренными темпами роющий себе могилу, просуществует столько, если коренным образом не изменит свой политический курс. Подрывая свою военную, экономическую, продовольственную, интеллектуальную безопасность, он безусловно рухнет. И не обязательно от внешних причин. Социальная напряженность в обществе достигла того уровня, что достаточно искры, чтобы произошел взрыв. Декабрьские, 2010 г., выступления в Москве и Санкт-Петербурге болельщиков «Спартака» позволяют увидеть, как это может начаться. Эти же выступления показывают, что национальные противоречия современной России обостряются до предела. Похоже, что мы имеем уже не просто чужой, а враждебный России Северный Кавказ, где в настоящее время вступают в жизнь молодые варвары, воспитанные на антирелигиозных догматах неуважения к любой другой национальности и вере, не знающие и не воспринимающие иную культуру, а своей просто не хватает. Не следует забывать, что трагический закат великой Римской империи произошел не под ударами варваров, пришедших извне, а от слишком большого их количества внутри империи, особенно на ее окраинах [12].

Надежда умирает последней. Наукой установлено, что возможно еще одно явление: возвращение к жизни черт, уже утраченных видом. И из далекого уже прошлого выплывут истинно человеческие черты великоросса. Именно так произошло биологическое чудо — «воскрешение» тарпана, дикой лошади, которая бок о бок с домашней когда-то жила в Европе. Гибель последнего невольного тарпана относится к 1918 — 1919 гг. Вот что пишут братья Лутц и Гейнц Хек в своей книге «Мои приключения с животными»: «Мы исходили из того принципа, что ни одно существо не может считаться полностью вымершим, пока его наследственные качества еще сохраняются в потомках. Эти качества умелым скрещиванием с другими видами животных можно попытаться выявить более отчетливо в гибридах такого скрещивания. С помощью современных достижений генетики можно даже полностью восстановить наследственность вымершего животного. Если полученные метисы будут размножаться, то постепенно под влиянием искусственного отбора их

облик от поколения к поколению будет меняться в нужную нам сторону. В результате может вновь возродиться животное, исчезнувшее сотни лет назад. Вымершее животное снова будет жить!» И дикая лошадь действительно родилась, когда уже ни один человек не надеялся ее увидеть. Все случилось как в волшебной сказке!

Безусловно, мы далеки от мысли проводить полную аналогию между человеком и дикой лошадью. Однако этот и другие примеры позволяют нам не впадать в состояние безысходности, не терять надежду и веру. Веру, что

Стремясь по чуждому пути,
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к божественным пределам
(С. Есенин).

Литература

1. *Лемешев М.* Российская матрица // Отечественные записки. 2008. № 23.
2. *Иванов А.А.* «Россияне» как символ системного кризиса // Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. Т. 2. М.; Волгоград. 2010.
3. Мир новостей. 2010. 12 окт. № 43.
4. Мир новостей. 2010. 7 дек. № 51.
5. *Ридли М.* Геном: автобиография вида в 23 главах. М., 2010.
6. *Протопопов А.* Трактат о любви, как ее понимает жуткий зануда // www.koob.ru.
7. США и Канада. 2008. 6 апр. № 12.
8. Мир новостей. 2010. 6 апр. № 16.
9. *Васильев М.* Современные загадки мироздания. М., 1976.
10. *Лоренц К.* Агрессия (или так называемое «зло»). М., 2001.
11. *Роусон Х.* Неписанные законы жизни. М., 2002.
12. Отечественные записки. 2010. 9 дек. № 24.

Г.Б. АРУТЮНОВ

Инновационное развитие современной экономики Китая как опыт для самоутверждения России

В начале XXI в. Китай стал «фабрикой мира» различного рода продукции (первое место по производству стали, электроники, зерна, хлопка, третье место по производству пластмасс [1, 2]). Это произошло, прежде всего, за счет перевода производства с традиционного на высокотехнологичное. Однако Вэнь Цзябао[39] отметил, что «мнение о том, что Китай превратился в мировую фабрику, неверно, и сейчас Китай является всего лишь мировым центром обрабатывающей промышленности. Мировой фабрикой Китай сможет называться только тогда, когда абсолютное большинство китайских

[39] Вэнь Цзябао (1942 — наст. вр) — 6-й Премьер Госсовета КНР.

предприятий и отраслей промышленности станут обладателями права интеллектуальной собственности» [3].

В октябре 2007 г. на XVII съезде КПК инновации были названы неотъемлемой составляющей реформ, причем, как показывает китайский опыт, речь шла об инновациях во всевозможных направлениях — в организационной и кадровой областях, в государственном управлении и культуре, в практике и теории.

Важным уроком китайские экономической реформы является связь со стратегией инновационного развития за счет подъема собственной науки и образования и мгновенного внедрения заимствованных из-за рубежа новых технологий и изделий. Китай на деле пытается реализовать тезис, о том, что наука и технологии являются первой производительной силой. Слова: «Наука и технологии — главные производительные силы» неоднократно повторял Дэн Сяопин. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь также подчеркнул: «Научный прогресс является решающим фактором экономического развития, необходимо максимально учитывать огромное влияние в будущем уровня развития науки и техники и особенно высоких технологий на совокупную государственную мощь, социально-экономическую структуру, на благосостояние народа». Китайские эксперты подсчитали, что 30% экономического роста страны в последние годы достигается за счет передовых технологий.

В июне 1993 г. в Китае был принят Закон о развитии науки и техники, который всесторонне определил цели и роль научно-технического развития. На основании закона в 1995 г. разработана Стратегия развития науки и образования. Главная установка стратегии: рассматривать образование, науку, технику как основу социально-экономического развития страны, приумножать научно-технический задел государства, повышать уровень образования населения. В соответствии со Стратегией были установлены следующие цели развития науки и механизмы стимулирования внедрения инноваций:

- усиливать фундаментальные исследования, повышать научно-техническую мощь страны, ее научно-технический уровень, умножать технологический резерв;
- всестороннее повышать коэффициент количественного и качественного вклада науки и новых технологий в социально-экономическое развитие, особо обеспечивать научно-технический прогресс сельского хозяйства, развития новых технологий и новых индустрий, а также способствовать реконструкции и повышению уровня традиционных отраслей;
- создать новую систему науки и внедрения технологий, адекватную экономике и закономерностям научно-технического развития, повысить жизнеспособность научно-исследовательских учреждений и активность научно-технических работников.

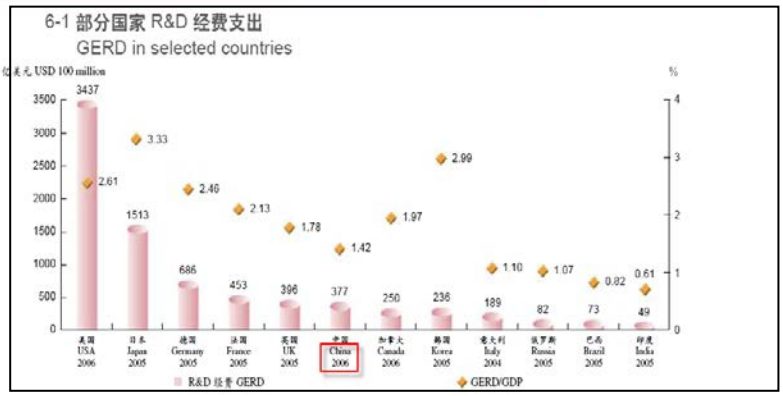
Инновационная система в ежегодных публикуемых отчетах представляется следующим образом: «Современная экономическая наука определяет инновационную систему как сочетание рыночных и нерыночных механизмов, направленное на оптимизацию производства, размещение и использование новых знаний в интересах устойчивого роста путем институциональных перемен в государственном и частном секторах» [4].

Одним из начальных этапов построения инновационной экономики и признания ее в качестве национальной стратегии явилось принятие в 2006 г.

Госсоветом «Основ государственного плана среднесрочного и долгосрочного развитии науки и техники на 2006 — 2020 гг.».

Таблица 1

Показатели расходов на научно-исследовательскую деятельность и их отношение к ВВП

Источник: [5].

Как показывает китайский опыт, страна получала преимущество в возможности использования наработанного опыта и достижений, избегая ошибки и минимизируя риски, ввиду того, что вступила на путь реформирования позже передовых стран. Политика ЦК КПК в начале социально-экономических преобразований была направлена исключительно на заимствование передовых технологий, полагая более целесообразным и экономичным использовать чужие достижения. В результате научно-исследовательская деятельность финансировалась недостаточно, что сказалось на темпах развития собственных инноваций.

Первый показатель затрат на научно-исследовательскую деятельность наблюдается у развитых стран, второй — у развивающихся. Рассмотрим эти затраты в группе БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). По данным Министерства науки и техники Китая 2006 г., видно, что Китай опережает другие страны в этой группе, в сравнении с остальными участниками доля расходов на научно-исследовательскую деятельность составляют 1,42% от ВВП (табл. 1).

По мере того, как Китай сокращал разрыв в экономическом развитии с передовыми странами, появлялась необходимость в собственных научно-исследовательских разработках. По результатам, опубликованным Институтом перспективных технологических исследований Объединенного научного центра[40], немногие страны в 2009 г. увеличили свои расходы на научно-исследовательскую деятельность. И лидером по этому показателю стал Китай, продемонстрировавший скачок в 40% [6]. Особенно значимой эта цифра вы-

[40] Institute for Prospective Technological Studies (IPTS) of European Commission's Joint Research Centre (JRC). Организация Европейского Союза, занимающаяся исследованием и разработкой новых технологий, а также анализом вклада негосударственного сектора в научно-исследовательские разработки. Располагается в Севилье, Испания.

глядит в сравнении с данными по Европейскому союзу и США, сократившими свои расходы на 2,6 и 5,1% соответственно. По данным Министерства науки и техники КНР, видно, что в XXI в. Китай наращивает свой потенциал по показателям, характеризующим развитие науки и техники (табл. 2).

Таблица 2

Расходы КНР на научно-исследовательскую деятельность

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
R&D经费支出（亿元） GERD（100 million yuan）	1042.5	1287.6	1539.6	1966.3	2450.0	3003.1
R&D经费支出/国内生产总值（%） GERD/GDP（%）	0.95	1.07	1.13	1.23	1.33	1.42

Источник: [5].

Национально-исследовательская система Китая включает вузы, научно-исследовательские центры как государственные, так и при промышленных предприятиях, организации и филиалы, Академию наук со своей региональной структурой. Так, например, одна из восточных провинций —Цзянсу — сосредоточила 2821 научно-исследовательских организаций и различных структур технического освоения, из них 377 — независимые государственные учреждения уровня выше уездного, 404 — при вузах, 1086 — при крупных и средних промышленных предприятиях. В научной сфере провинции занято 311 тыс. человек, из них научные работники и инженеры — 178 тыс. человек. Здесь работают 83 академика Китайской академии наук и Китайской инженерной академии. Расходы в научно-исследовательской сфере Цзянсу в 2001 г. достигли 2,52 млрд дол. (+8%), из них расходы непосредственно на научно-исследовательскую деятельность — 995 млн. дол. (0,9% от ВВП) [7]. И такая статистика наблюдается не только в развитых восточных регионах. Рассмотрев юго-западный регион, а именно провинцию Юньнань, можно заметить схожее направление последовательного развития: в провинции имеется несколько сотен крупных научно-исследовательских и учебных учреждений, в которых работает около 600 тыс. человек, одна зона освоения новых высоких технологий государственного уровня, три зоны освоения новых высоких технологий провинциального уровня. В течение 2006 г. подписано более 1853 технических контрактов, суммарный экономический эффект от их реализации составил 206 млн дол. В 2006 г. принято к рассмотрению более 2600 заявок на получение авторских прав изобретателя, оформлено около 1400 патентов на научно-технические изобретения [7].

Китай последнее время уделяет большое внимание наращиванию потенциала в сфере образования. К концу 2010 г. ожидается, что количество специалистов и ученых Китая превзойдет США [8]. В течение последнего десятилетия количество студентов в КНР увеличивается на 21% ежегодно. В дополнение к обучающимся внутри страны, 250 тыс. студентов вернулись в Китай, став специалистами за рубежом. Из приведенной выше статистики видно, что вузы играют значимую роль в научной деятельности, взаимодействуя с исследовательскими организациями и центрами, а также сотрудничая с

промышленными предприятиями, благодаря чему наука превращается в рабочую силу. А это в точности соответствует идеям Дэна Сяопина, который называл науку и технику «производительной силой первостепенной важности».

Но есть в этих процессах и проблемная сторона. «Утечка мозгов» является серьезной проблемой для современного Китая, и эта утечка происходит, в основном, в США, прямой конкурент Китая в борьбе за экономическое лидерство. Поскольку национальная инновационная система Китая развита слабо, а научно-исследовательская деятельность стала приоритетной в ходе социально-экономических преобразований, КНР посылает сотни тысяч молодых людей в лучшие зарубежные университеты. В конце 1990-х гг. до 90% китайских студентов, обучавшихся в вузах США, планировали там остаться и по окончании обучения. Важным уроком являются шаги, которые предпринимает руководство Китая для решения этой проблемы. Как китайским, так и иностранным исследователям, работающим в КНР, разрешено свободно покидать страну и возвращаться в нее, а также перемещать заработанные деньги. Вернувшимся из-за границы ученым предоставляются гранты на исследования, создаются технопарки и бизнес-инкубаторы, разрабатываются специальные программы по привлечению в страну одаренных соотечественников. И при том, что тенденция конца 1990-х гг. по «утечке мозгов» из КНР постепенно выправляется, все-таки большая часть китайских специалистов, прошедших обучение за рубежом, остается там жить и работать.

Литература

1. http://russian.china.org.cn/.
2. China Science & Technology Statistics. 2007.
3. Жэньминь жибао. 2006. 23 ноября (кит. яз).
4. OECD Reviews of Innovation Policy. China Synthesis Report. 2007.
5. Министерство науки и техники КНР // http://www.most.gov.cn/eng/statistics/2007/index.htm/.
6. The 2010 EU Industrial R&D Investment Scoreboard (Joint Research Centre — Institute for Prospective Technological Studies). Luxembourg, 2010.
7. Посольство России в Китае // http://www.russia.org.cn/.
8. *Kaartemo V.* Russian Innovation System in International Comparison — the BRIC Countries in Focus // Electronic Publications of Pan-European Institute. 2009.

В.К. ПЕТРОВ

Самоутверждение России: прорыв к первоистокам

> Божий замысел о народе остается тот же, и дело усилий свободы человека остаться верным этому замыслу. Но народ опускается и погибает, когда материальное могущество превращается для него в кумира и целиком захватывает его дух.
>
> *Н.А. Бердяев*

Самоутверждение в данном контексте — это независимый, свободный выбор своего собственного государственного исторического развития. Более

чем тысячелетняя история страны свидетельствует о принципиальной роли России в мире. Мир был бы не тот, если бы Русь не освободилась от ордынского ига и не самоопредилилась в 1480 г., не изгнала поляков из Москвы в 1612 г., не победила шведов в 1721 г., Наполеона и двунадесять языков в 1812 г., Гитлера и пол-Европы в 1945 г. Кто следующий, кто захочет прервать российский путь в истории?..

Что объединяет эти веховые победы в истории? Высокая идеальная цель возрождения, сохранения и укрепления России. В духовно-религиозном плане в четырех случаях из пяти — это победа православия над нехристями или еретиками. В пятом случае — победа формально советского, но в глубине и массе своей православного народа, над оккультным неоязычеством[41]. В конечном итоге, все эти победы объединяет синергия: соработничество человека с Богом.

Это хорошо понимал император Александр I, принявший решение о строительстве храма Христа Спасителя в Москве после победы над Наполеоном. Видимо, чувствовал нечто подобное и Сталин, пошедший на сближение с Церковью во время Отечественной войны. Из нашей истории, таким образом, видно, что Россия побеждала при любой «системе» любого противника, даже если его общественный строй с точки зрения материалистического понимания истории был «прогрессивней»! Значит, есть еще нечто сверхважное, метафизическое, трансцендентное относительно России, что мы и называем первоистоком, сопряженным с Божьим замыслом о народе.

Всякий отход от первоистоков (апостасия) сопровождается тяжелыми поражениями и даже геополитическими катастрофами. Так было с Киевской Русью в XIII в., Московским царством в начале XVII в., Петербургской империей в 1917 г., СССР в 1991 г. Так к каким первоистокам нам сегодня следует прорваться, чтобы исполнить Божий замысел и избежать очередной катастрофы?

Иерархические структуры российского общества и их первоисточник

Русь, как известно, приняла православие у Византии (Второго Рима) и в дальнейшем многое у нее заимствовала и, естественно, в сфере церковной организации и управления, в сфере государственного управления, государственной символики, культурно-просветительной сфере. Византийская иерархическая структурная модель в какой-то степени отражала божественную иерархию духовного мира. Бог-Творец сначала создал бесплотных ангелов. Православная Церковь разделяет мир Ангельский на девять ликов или чинов, а эти девять — на три ступени иерархии по степени приближения к Богу: I — Престолы; Херувимы; Серафимы II; —Власти; Господства; Силы; III — Начала; Архангелы; Ангелы. Ангелы третьей иерархии наиболее приближены к человеку [1, 73]. Суть предназначения ангелов — в служении Богу и человеку. Понять до конца ангельские различия, служебные функции, степень совершенства человеку невозможно.

Наиболее зрелая, на наш взгляд, иерархическая структура государства сложилась в Московской допетровской Руси в начале XVII в. после Смутного

[41] Перед Великой Отечественной войной абсолютное большинство населения СССР попрежнему считало себя православными, несмотря на жестокие гонения на Церковь после 1917 г. Поэтому в переписи 1939 г. была изъята графа «вероисповедание» и запрещено в каких-либо государственных документах его упоминать.

времени. Она отражала дихотомию человеческой природы. Духовная власть принадлежала патриарху Филарету (1619 — 1633), светская — его сыну Михаилу (1613 — 1645). При этом фактически, особенно в первые годы своего патриаршества, Филарет вплотную занимался и государственными делами, помогая молодому и неопытному сыну. У обоих был один и тот же титул «великий государь» [2, 195]. Представляется, что 14 лет совместного правления патриарха и царя были наиболее удачными в истории России с точки зрения «симфонии властей».

Патриарх непосредственно возглавлял черное и белое духовенство, которое иерархически делилось на епископов, пресвитеров и дьяконов. Царь возглавлял светское общество, состоявшее из следующих основных сословных групп: служивые (бояре, дворяне и др.); тяглые горожане (купцы, посадские и др.) и тяглые крестьяне. Обе структуры построены по функциональному признаку неравенства, представители определенных иерархий ближе к патриарху или царю, но все общество духовно и политически объединено ради борьбы за национальное существование и спасение души. Фактически это и есть мобилизационное, соборное общество, где каждый ощущает себя как частью государства российского, так и Церкви Христовой. Однако такое состояние исторически быстро меняется.

При Алексее Михайловиче (1645 — 1676) уже произошел серьезный кризис во взаимоотношениях духовной и светской властей. Патриарх Никон подвергся опале, и симфония властей дала сильную трещину. Начался перекос в пользу светской власти царя. При Петре I этот перекос оформился юридически. С 1700 г. патриархи уже не избирались, а в 1721 г. по протестантскому образцу учреждается особый государственный орган — Св. Синод под управлением светского чиновника, назначаемого царем. Теперь уже император Петр I подчиняет себе как светское, так и церковное общество.

Дальнейший ход событий показал неустойчивость такой конструкции. До поры до времени западные формы, внедренные Петром I, нивелировались мобилизационным характером государства: все были обязаны или служить, или пахать. В 1762 г. дворянство добивается освобождения от обязательной службы и функционально-мобилизационная система начинает разрушаться. Неестественная для православия западная еретическая система церковного управления проявляется в упадке авторитета духовенства, ослаблении веры, в нравственном нигилизме. «Рыба гниет с головы»: сначала разлагается аристократия, затем и низшие классы. «Западный тренд» приводит к Думе, февральскому перевороту и краху петровской имперской системы и ее иерархических структур.

Февральская система просуществовала недолго, но оставила в российской истории важный прецедент, на который в большой степени ориентирована сегодняшняя РФ. В 1917 г. чахлая прозападная система не сумела укорениться в России и была легко сметена большевиками. После острой внутрипартийной борьбы победили «почвенническая линия» Сталина на строительство социализма в одной, отдельно взятой стране. Возникшая сталинская (советская) система во многом напоминала мобилизационную конструкцию Петра I, только императора заменил генсек, а Св. Синод — Комитет по делам религии. Однако, если петровская система продержалась 217 лет, то сталинская — не более 70. Заменить православие коммунизмом оказалось невозможным, а мобилизационный порыв быстро иссяк.

«Рыба снова сгнила с головы» — во многом повторились «западный тренд» и «февральский сценарий». В РФ снова существует Дума, появился

Президент, политические партии, т. е. все формальные признаки западного парламентаризма. Но система барахлит, задыхается от духовной пустоты, потребительской лихорадки; испытывает перегрузки от национальных, социальных и политических противоречий. Очевидно, что в этой системе «бандитского капитализма», где коррупция из преступления фактически превратилась в инструмент управления и регулирования хозяйства, да и всей общественной жизни, РФ долго не продержится. Поражены почти все сферы общественной жизни…

Прорыв в рамках традиции

Сегодняшняя «февральская система» существует уже почти 20 лет, потому что в отличие от 1917 г. нет жесткого внешнего давления. Такая Россия вполне пока устраивает Запад по причине своей внутренней слабости. Реформы 1990-х гг. не преодолели ряд принципиальных недостатков СССР: засилие бюрократии, нерешенность жилищной проблемы, структурные диспропорции в экономике, морально-нравственное разложение значительной части общества, неравномерное развитие территорий, национальные трения. Зато добавились новые отрицательные явления, пришедшие с Запада, затронувшие практически все сферы общественной жизни. В обществе громадного социального расслоения доминируют идеи потребительства («бери от жизни все»), цинизма («после нас хоть потоп»), коррупции («не пойман — не вор»). Похоже, с Запада взята на вооружение концепция «управляемого хаоса»: внизу очевидны элементы охлократии и криминальной структуризации, но на определенном уровне государство жестко контролирует общество.

Рыночные реформы в РФ проводились на фактически коррупционной основе, новые собственники назначались из «своих», они абсолютно не ориентированы на инновации, а проедают национальное достояние. Отсюда главный результат этих реформ — появление 62 долларовых миллиардеров в РФ (2-е место в мире). Политика самого государства в области инноваций и модернизации вызывает много вопросов. В 2009 г. расходы на НИОКР в РФ по ППС составили 22,5 млрд дол., что было в 17 раз меньше, чем в США; в 12 раз меньше, чем в ЕС; в 6,4 раза меньше, чем в Китае и в 1,5 раза меньше, чем в Индии [3]. В том же году (в июле месяце) почти 30% всех резервов РФ, а именно 118 млрд дол. было вложено в кредитование государственного долга США под очень низкий реальный процент [4].

Очевидно, что РФ в состоянии резко увеличить расходы на НИОКР исходя из своих финансовых возможностей, учитывая, конечно, и частный сектор. Однако созданная «февральская система» нуждается не в модернизации, а в полной реконструкции в рамках национальной традиции.

Национальная традиция — сложное явление, в ней есть свое духовно-религиозное и социокультурное ядро и своя периферия. Периферийные элементы традиции могут меняться по ходу истории (культурно-бытовые, социально-политические, экономические), но ядро традиции имеет принципиальное значение. Можно привести разные примеры попытки модернизации в отдельных странах в контексте следования своей национальной традиции. Модернизация по-разному воспринимается на Западе и в других регионах мира (Китай, Индия, Россия). В западном варианте модернизация сводится к отказу от традиций ради экономического роста, демократии, капитализма на базе рационализма.

Модернизация как явление и процесс возникли прежде всего в странах Западной Европы для разрушения европейского традиционного общества.

Там традиция была подчинена модернизации и в значительной степени разрушена в ходе буржуазных революций. Доминирующее религиозное мировоззрение уступило место секулярной жажде наживы, земного благосостояния и безмерного повышения потребностей. Новый правящий класс (буржуазия) заражал этими секулярными взглядами все остальное общество.

Модернизации на Востоке и в России носили догоняющий характер, они преследовали, прежде всего, цель противостояния Западу и улучшения своих позиций в мире. Характерен опыт китайских модернизаций со времен Опиумной войны (1840 — 1842), навязанной Китаю Великобританией.

Потерпев поражение, китайцы поняли, что стране необходима модернизация для достойного сопротивления Западу, а также Японии и России. Правда, не было единого подхода к методам ее проведения. В Китае боролись различные политические группы: традиционалисты, модернисты (западники), коммунисты. Дело в том, что модернизация — сложный синтетический процесс, включающий политические, социально-экономические и культурные преобразования.

В итоге в XX в. в Китае вначале применялись коммунистические принципы модернизации, а затем западные в рамках своей культурно-политической традиции, что и дало такой взрывной экономический эффект. Ядра этой традиции — конфуцианская этика и сильная централизованная власть. При расщеплении ядра национальной традиции никакие методы проведения модернизации не приведут к успеху. Если бы Китай пошел по пути западной демократии и либерализации, то он, скорее всего, развалился бы как СССР и попал бы в такой же системный кризис.

«Февральская система», возникшая в РФ, выбивается из рамок национальной традиции, более того, расщепляет ядро этой традиции: православную этику, сильную центральную власть. Населению навязываются принципы индивидуализма и потребительского отношения к жизни. Общество атомизируется и морально разлагается. России необходимо возвращение к ядру своей национальной традиции, но уже на новом качественном уровне.

В первой половине XIX в. министром народного просвещения графом С.С. Уваровым была выдвинута емкая формула российской общественной системы: православие — самодержавие — народность. Православие — это истинная связь с Богом; самодержавие — сильная независимая государственная власть; народность — справедливая социальная организация общества. Представляется, что эта формула и отражает Божий замысел о народе, но в истории он пока не осуществлен. При имперской романовской системе самодержавие подавило и православие, и народность. Духовно и социально общество оказалось очень нездоровым к 1917 г.

Большевики пытаются построить идеальное социальное общество («народность») за счет сильного государства («самодержавие»), но без Бога. Ничего не получается.

При переходе к нынешней «февральской» системе вообще изымаются два члена формулы: «самодержавие» (сильное независимое государство) и «народность» (социализм). Православие возвращается в активную общественную жизнь, но в некой латентной форме, слабого аналога своей общественной роли в синодальный период. В стране действуют активные антихристианские силы, препятствующие восстановлению связи Церкви со школой и системой образования и воспитания вообще. Ясно, что развитие России в такой системе не может привести ни к чему хорошему. Яркий исторический пример — прозападная модернизация в 1960 — 1970-е гг. в шахском Иране,

закончившаяся исламской революцией (1978 — 1979). Теперь Иран модернизируется в рамках своей мусульманской традиции и достиг значительных успехов даже в ядерной энергетике.

Нам необходимо вернуться к Божьему замыслу о России и модернизироваться в рамках нашей православной традиции, при симфонии властей духовных и светских и справедливом векторе социально-экономического развития, что означает функциональное неравенство общества. Примерно такая система недолго существовала при Филарете и Михаиле Романовых, о чем уже упоминалось выше. Но совершить такой прорыв к первоистокам можно только «всесветным единением во имя Христово» (Ф.М. Достоевский). Человек, сотворенный по образу и подобию Божию, сохранил только образ, но утратил после первородного грехопадения Его подобие. И теперь все люди отличаются друг от друга по естеству большей или меньшей приближенностью к подобию Божию, и чем больше людей будет приближаться к нему, тем свободнее и легче нам будет прорываться сквозь различные барьеры к своим первоистокам.

Может возникнуть вопрос, а что делать с другими неправославными вероисповеданиями? Во-первых, православие — открытая универсальная религия, двери храмов открыты для любых этнических групп. Во-вторых, в Российской православной империи мирно уживались веками различные религиозные общины. Возможно — это также часть Божьего замысла о народе, и «если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8, 31).

Литература

1. Закон Божий. М., 2001.
2. Назаревский В.В. Изъ истории Москвы. 1147 — 1913. М., 1914.
3. http://www.ng.ru/2010-02-08/9_science.html.
4. http://ru.wikipedia.org/wiki.

А.А. СВИТИЧ

Национальные экономические интересы России как приоритет в программе модернизации

Экономические интересы субъектов мировой экономики, которыми могут быть как государства, так и отдельные независимые хозяйствующие субъекты, являются движущей силой, источником их экономического развития. Эти интересы находятся во взаимодействии и постоянно сталкиваются, выявляя противоречия. Одной из форм реализации экономических интересов различных национальных экономик и их субъектов являются внешнеэкономические связи, которые образуют систему международных экономических отношений. Эта система формируется на основе двусторонних или многосторонних соглашений и обусловлена принципами единства интересов отдельного субъекта международных отношений и самой системы.

Важное место в системе экономических интересов мирового хозяйства занимают национальные экономические интересы. Система национальных экономических интересов, которая является подсистемой мировых экономических интересов, — это совокупность экономических отношений по поводу формирования и движения национальных условий общественного производ-

ства и реализации его целей. Внешнеэкономическая и внутренняя политика любого государства определяется ее национальными интересами, являющимися выражением преобладающей на данный момент частью экономических интересов внутри государства.

Если рассматривать экономику России как элемент в системе мировых экономических интересов, можно констатировать, что при наличии большого запаса природных, трудовых ресурсов и огромных территорий и учитывая сохранившийся еще с прошлых времен уровень научно-технического потенциала, ее экономика является серьезным потенциальным конкурентом развитым странам. В основе государственной политики этих государств заложены принципы эгоцентризма, в соответствии с которыми они стремятся поддерживать и увеличивать высокий социальный уровень своего населения, стараются закрепить стандарты высоких норм жизнеобеспечения за счет дешевой рабочей силы, материальных и сырьевых ресурсов всей остальной части международного сообщества. Поэтому естественным, как и в любой конкурентной борьбе, является проведение ими внешнеэкономической политики, способствующей недопущению возрождения производственного потенциала России. Отсутствие конкуренции со стороны реального сектора России позволяет получать монопольно высокие прибыли.

По мере отсутствия развития собственного производства в нашей стране, технологическое отставание от западных стран будет становиться все значительнее. Отсюда и острейшая необходимость в срочном развитии национального производящего сектора, опирающегося на собственные производительные силы, стране необходимы коренные институциональные и структурные изменения. Если не будут приняты конкретные меры со стороны государства, то отставание в экономическом развитии станет просто катастрофическим. Налицо технологическая, технико-экономическая, структурная деградация национальной экономики, деградация потенциала российской промышленности, в частности машиностроения, консервация технологической отсталости. Это как раз то, что и нужно конкурентам сегодня, — наша технико-экономическая неконкурентоспособность. Таким образом, проведение модернизации, перевод России на траекторию научно-технического развития, освоение передовых технологий должны быть в первую очередь политическим решением руководства страны, при этом необходимо учитывать национальные интересы и специфику России, ее культурные и нравственные традиции.

В условиях глобализации, получившей свое интенсивное развитие после распада СССР и советского блока, в связи с безграничным господством в мире постулатов рыночной экономики в ее неолиберальном варианте, основными субъектами хозяйственных отношений становятся теперь уже не страны, а олигополистические структуры — многонациональные компании и их альянсы. Возникли новые интересы и новые противоречия, среди которых, например, противоречия между ТНК и национальными экономиками, между глобальным характером финансов и частным характером принятия решений. Возникли доминирование ТНК и трансформация роли национальных государств, получение преимуществ и выгод от глобализации наиболее сильными участниками. Все это обусловило становление неоднозначных оценок роли данного процесса. Отчетливо просматривается расхождение интересов глобальных игроков, стран с переходной экономикой и развивающихся стран. Современный глобализм не учитывает интересы наций, государств. Развитые страны, обладая несомненными преимуществами в конкурентном потенциале,

стремятся к дальнейшей либерализации рынка капиталов, расширению сферы своей экономической деятельности путем проникновения на развивающиеся рынки, эти цели часто реализуются через влиятельные международные организации.

Тот уровень благосостояния, который мы сейчас видим в крупных городах и центрах РФ, происходит за счет сырьевой ренты, поэтому не следует строить иллюзий по поводу экономического роста. Подавляющее большинство различных потребительских товаров — импортные, закупаемые на нефтедоллары. В любом государстве, в котором мало источников полезных ископаемых валюта зарабатывается за счет усердного умственного и физического труда, за счет повышения конкурентоспособности отечественных товаров на внешнем рынке. В таких государствах действительно происходит экономическое развитие, а не просто экономический рост. И на заработанную таким образом валюту закупаются те средства производства и потребительские товары, которое данное государство может производить с очень низкой эффективностью, поскольку не имеет необходимых технологий и ресурсов. У нас валюта поступает в основном за счет сырьевой ренты. Если внезапно (теоретически) цена нефти упадет до минимальных каких-нибудь 10—20 дол., а такая цена была всего лишь чуть более десяти лет назад, или вдруг сырьевые источники начнут иссякать, — экономика страны через какие-нибудь несколько месяцев придет к коллапсу. У нас нет четкой опоры на реальный сектор. Фактически фондовая биржа в России не выполняет функцию перераспределения свободных финансовых ресурсов с целью развития реального сектора. Она является просто площадкой для спекуляций, причем действуют на ней спекулянты со всего мира. Экономические интересы собственников этого горячего спекулятивного капитала там, где достигается максимальная норма или масса прибыли.

Поэтому для определения эффективных стратегий развития национальной экономики необходим новый, политэкономический подход. Этот подход должен определить модель эндогенного, т. е. предполагающего опоры на собственные силы, инновационного роста, при одновременном взаимодействии национальной экономики с внешней средой (экзогенными факторами), при условии ее положительного влияния на внутреннюю хозяйственную систему. Модернизация должна иметь системный и систематический характер, это не должны быть точечные воздействия. Заработанные нефтедоллары должны быть полностью направлены на инновационное обновление и расширение основного капитала. Нужен отход от рентно-сырьевой модели и переход к модели, ориентированной на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, готовой продукции. Рентно-сырьевая модель отличается невосприимчивостью к наукоемким производствам и высоким технологиям, открытость экономики дает повышенные риски. Необходимо не повторять ошибок недавнего прошлого, когда проводилась политика стерилизации нефтедолларов, оправдывавшаяся наличием инфляционной угрозы. Эти деньги необходимо было использовать на финансирование структурной перестройки. А получилось, что стабилизационный фонд у нас расходовался на послекризисное восстановление экономики, а не модернизацию.

Среди экономической элиты не чувствуется особой заинтересованности в модернизации, это и понятно. Многие годы получения сверхдоходов от финансовой и прочей деятельности, не связанной с производством, вызвали к этому привыкание, и на снижение нормы или массы прибыли сам бизнес не пойдет. Слышны только одни заявления, но на самом деле движения вперед

по этому направлению не наблюдается. Причиной этого является то, что в России сейчас преобладание частных интересов над общественными, а финансовый капитал является господствующей экономической силой.

Почему вопрос модернизации стоит так остро и почему ее нужно проводить в ускоренном и опережающем режиме? Потому, что утрачиваются технические и технологические навыки работников технического, инженерного, научно-технического и научно-технологического звеньев. На подготовку таких специалистов уходят годы, здесь необходимы глубокие, систематические знания, а также умения и навыки. Опора модернизации должна быть именно на эти — уже подготовленные — кадры, которые вынужденно занимаются сейчас другими профессиями для обеспечения своего благосостояния и необходимого уровня жизни. Это огромный потенциал технологического, технического и инновационного развития РФ. Государственные программы развития должны включать проекты, которые обеспечивают включение этих потенциалов в их реализацию. Это уже существующий человеческий капитал, нет необходимости вкладывать большие деньги в его развитие, он уже подготовленный специалист. Необходимо лишь обеспечивать обучение по повышению профессионального уровня на основе передовых западных технологий и методик. Только в этом случае будет высокая эффективность реализации проектов и перспективы будущих прорывов в инновационном развитии.

В России существует еще одна проблема — властвование бюрократического авторитаризма. При этом падает эффективность государственного управления, растет коррупция. Представителями чиновничества, рассматривающими функции государственной власти и управления как свои частные и персонифицированно доходные, присваивается бюрократическая рента (доля дохода сверх минимальной суммы, которая необходима для того, чтобы работник согласился выполнять определенную работу), в которой и заключается их основной экономический интерес. Экономическая система общества не может существовать и не должна стремиться к устранению бюрократии как института, но важно подчинить частные интересы бюрократии государственным интересам, а государственный аппарат — служить интересам нации [1]. Заниматься этими проблемами необходимо системно и организовываться их решение должны только самыми верхними уровнями власти. Нерешенность этой проблемы будет тормозить осуществление модернизации, а также повышать уровень издержек ее выполнения.

В качестве примера эффективности действий государства по влиянию на экономическое развитие страны можно привести Китай. В свое время Китай выбрал не радикальный путь рыночных реформ, как в России, а градуалистский, то есть путь постепенного перехода к рынку под жестким контролем государства, поэтому он не утратил в процессе реформ своего производственного и научного потенциала. Он реализует планово-рыночную доктрину, и мы видим конкретные результаты. Эта модель никак не помешала достигнуть наивысших результатов в развитии, он уже обогнал по уровню ВВП Японию и стоит на втором месте после США. Причина — то, что Китай последовательно и неотступно реализует свои национальные интересы.

Китай ставил перед собой в качестве основных задач рост конкурентоспособности национальной экономики и повышение благосостояния своих граждан. Именно этими целями определялось содержание рыночных реформ. Здесь главным заинтересованным субъектом реформ было государство как политический представитель большинства китайского народа. Если брать китайскую экономику в целом, то она в основном работает не на прибыль, а

на рост народного благосостояния. Прибыль в данном случае вторична, она является средством накопления и инвестирования опять же в целях развития реального сектора и создания материальной базы для процветания всей нации. В Китае производящая экономическая система, которая сохраняет устойчивую автаркию, не столько интегрируясь в мировое хозяйство, сколько взаимодействуя с ним, адаптируясь к внешнему миру. Такой способ приспособления к внешней среде позволяет Китаю избежать характерной для многих развивающихся стран чрезмерной привязки к зарубежным рынкам в ущерб внутреннему.

Какова модель китайской глобализации сегодня? Можно отметить три ее особенности: первая — отказ от шоковых терапий; вторая — Китай не раскрывается до тех пор, пока не проведены внутренние реформы, четко соблюдается органическая взаимосвязь внешней открытости и внутренних реформ; наконец, третье — китайская модель глобализации пытается оптимизировать плюсы и минимизировать минусы политики реформ и открытости, охраняя таким образом свою суверенность [2, 91].

Примеры систематического воздействия государства на экономическое развитие можно найти и в нашей стране, тогда еще СССР. Вот некоторые результаты: произведенный национальный доход в СССР вырос с 1922 г. по 1940 г. в 11 раз, продукция промышленности — в 24 раза (в том числе производство средств производства — в 45 раз и производство предметов потребления — в 14 раз), продукция сельского хозяйства — в 2,1 раза, грузооборот железнодорожного транспорта — в 23 раза, ввод в действие основных фондов — в 24 раза, капитальные вложения — в 26 раз. По сути, была заново создана мощная, технологически современная индустрия, при этом индустриализация действительно была осуществлена прежде всего за счет новой техники [3].

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Теория бюрократии: экономический аспект. М., 2008.

2. *Бергер Я.М.* Китайская модель глобализации // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2009. № 1.

3. Экономическая история СССР: очерки / Под ред. Л.И. Абалкина. М., 2009.

Н.И. УСИК

Экономическое развитие регионов России путем кластеризации — идеальное или реальное?

Наступление эры *закона кооперации*, приходящей на смену *закона конкуренции*, провозгласил А.И. Субетто. А Дж. Даннинг пошел еще дальше, говоря о переходе к *союзническому капитализму*. Эти выводы были сделаны на основе анализа современных тенденций развития глобальной экономики, в которой кластеры и деловые сети представляют собой формы организации бизнеса путем координации деятельности входящих в них субъектов.

Теорию *кластеров* сформулировал М. Портер еще в 1980-е гг., проанализировав формирование кластеров в Италии и США, дав им несколько определений, главным из которых было географическое сосредоточение

предприятий, образовательных, исследовательских учреждений и оказывающих различные услуги организаций [1, 221]. Он же указал на существование *парадокса* местоположения кластера: стандартные факторы производства, информация и технологии уже легко доступны при глобализации, в то время как более прогрессивные параметры конкуренции остаются связанными в географическом плане [1]. Избыточная рабочая сила в таком случае может перетекать в новые наукоемкие отрасли, что нашло отражение в модели структурной трансформации А. Льюиса. Модель предполагает качественные изменения в структуре производства, которые приводят к изменениям в экономической, индустриальной, институциональной структурах страны [2, 123]. Таким образом, кластеризация свидетельствует о структурной перестройке экономики региона.

В японской экономике «кластер — это форма сети, наблюдающейся в пределах географического региона, в которой близкое расположение фирм и организаций обеспечивает наличие определенных форм общности и повышает частоту и силу взаимодействия» [3, 234]. Здесь понятие кластера и сети тождественны, так как в этой сети предполагаются ячейки, из которых она состоит. В настоящее время деловые сети рассредоточены по всему миру.

В отличие от кластеров сетевые пространственные структуры (деловые сети) затрагивают только отдельные сегменты и экономические структуры стран и регионов. Рыночные отношения подавляются управленческими решениями (координацией) внутри сети.

В развитых обществах горизонтальные связи (самоорганизация) позволяют согласовывать интересы субъектов. Ярким примером служит кластер США «Кремниевая долина». Горизонтальные связи проще строить в определенном регионе. В Бостоне (США) пытались реализовать такой же проект, но на вертикализации (иерархии) связей, что не позволило достичь тех же высот. Российская специфика состоит в том, что в ней превалируют вертикальные связи (иерархические). Проведение кластерной политики для ее развития с помощью горизонтальных связей вполне оправдано и реалистично с научной точки зрения.

Международная специализация теперь опирается не только на факторы, имеющиеся в избытке в стране приложения сил (рабочая сила, сырье), но и на возможности повышения производительности труда для производства товаров с высокой добавленной стоимостью, предназначенной для экспорта. А по показателю добавленной стоимости уже можно осуществлять производство специализированных товаров. Этот тезис относится, в основном, к развитым странам.

Кластеры отражают взаимодействие организаций, входящих в него, по-другому — кооперацию, или синергию, возникающую от такого взаимодействия, поскольку целое — это не всегда сумма входящих в него частей. Деловые сети отражают взаимозависимость, но также и кооперацию и синергию. Возникает синергетический эффект, основанный на сотрудничестве и кооперации хозяйствующих субъектов. В зависимости от интересов субъектов такая кооперация может основываться на отношениях конфронтации или соучастия. Когда кто-то из партнеров кооперации начинает диктовать условия, возникают отношения конфронтации, основанные исключительно на личных интересах. Если же партнеры вместе определяют условия взаимодействия, возникают отношения соучастия, приводящие в целом к стабильности на рынке труда и капитала.

Синергетический эффект проявляется во взаимодействии предприятий и выражается в специализации производства за счет роста производительности труда, основанного на этом взаимодействии, самоорганизации. Он так же, как и в концепции несовершенной конкуренции Дж. Робинсон, связан с концентрацией производства и капитала, но уже в новых условиях пространственной структуризации экономики. Международный финансовый капитал является источником процессов глобализации, им же организуется специализация производства товаров и услуг на базе кластерного подхода (пулов) в условиях «инновационной» конкуренции. Упрощенно можно говорить о синергетическом эффекте, как об экономии от специализации за счет роста производительности труда.

Выделение синергетического эффекта в качестве экономической категории связано с перемещением экономической политики с учетом теории кластеров и сетевых организаций с макро- на микроуровень за счет самоорганизации [4, 178]. Хотя, конечно же, остаются процессы формирования совокупного спроса и предложения, связанного с макроэкономическими параметрами [5, 56].

Л.Н. Тэпман отмечает, что «кластерный подход служит не только средством достижения целей промышленной политики (структурные изменения, повышение конкурентоспособности, усиление инновационной направленности и пр.), но является также мощным инструментом для стимулирования регионального развития, которое, в конечном счете, может состоять в увеличении занятости, заработной платы, отчислений в бюджеты разных уровней, повышении устойчивости и конкурентоспособности региональной промышленности» [6, 290].

В 1990-х гг. кластеры поддерживающих отраслей подготовили почву для новых организационных изменений уже в рамках информационной эпохи. Наступление высокотехнологичного промышленного производства, основанного на микроэлектронике и компьютерах, привело к определенной логике организации пространственных деловых структур. Новое пространство характеризуется технологической и организационной способностью разделять производственный процесс по предприятиям, размещенным в разных местах, одновременно реинтегрируя единство производственного процесса через телекоммуникационные связи.

На наш взгляд, дальнейшая экспансия глобальной экономики привела к подмене понятий кластера как географически сосредоточенных кооперированных предприятий и научных школ. Мы видим, что кооперация в производстве продукта или услуги существует, но предприятия и научные школы рассредоточены по всему миру, хотя главным достоинством кластеризации было получение синергии (кооперации) от взаимодействия. В Ленинградской области функционирует несколько сборочных кооперационных автомобильных производств, называемых чиновниками всех рангов кластерами. Развитие туризма в России не происходит потому, что отсутствует синергетический портфель услуг: доставки, размещения, экскурсий, отдыха мирового уровня. Европейского уровня гостиниц и дорог в регионах нет, а красота и древняя история есть.

В настоящее время звенья кооперации глобальной экономики в России стали называть кластерами, т. е. произошла подмена понятий. Глобальная экономика характеризуется взаимозависимостью периферии от так называемого центра. Мы это видим на примере воспроизводственного цикла, который в сетевой экономике не ориентирован на подъем национальных государств.

Периферия включается в сеть с учетом использования имеющихся ресурсов. Воспроизводственный цикл в сетевой экономике осуществляется по рыночным принципам рациональности и эффективности в соответствии с интересами так называемого центра.

Возникла новая система управления воспроизводством. Глобальная координация через инклюзивность формирует мировые нормы и правила хозяйствования. Противоречивость такой координации основана на превалировании интересов, в первую очередь, финансового капитала.

Современное положение России таково, что ее развитие, по мнению руководства страны, состоит в отходе от сырьевой направленности. Создание фармацевтических кластеров — часть новой экономической политики, призванной изменить сырьевую ориентацию российской экономики. Предполагается, что в ряде регионов власти выделят территории под строительство заводов, которые во взаимодействии с научными лабораториями и институтами будут создавать инновационные препараты. Формат кластеров был одобрен президентом, и местные органы власти поспешили отрапортовать об образовании подобных конгломератов. На деле же инновационное фармпроизводство требует значительных кадровых и научных ресурсов, которых в России остро не хватает. Не исключено, что регионы просто пытаются получить государственные дотации. Ведь им и раньше ничто не мешало развивать современное фармацевтическое производство на своей территории [7]?

В кластерах, по определению, должны быть академические учреждения, занимающиеся фундаментальными разработками. Объявленное развитие фармацевтических кластеров в Санкт-Петербурге, Волгоградской, Калужской, Ростовской, Новосибирской, Самарской, Ярославской областях, в Зеленограде и Татарстане не обеспечено соответствующей базой. Кроме того, ждать инноваций от фармкластеров бесполезно, так как на 99% отечественная фармпромышленность работает на импортном сырье [8].

Главный стимул для участия компаний в кластерах — не производственная синергия, а получение гарантий и льгот от местных властей и государства. Так, в Санкт-Петербурге участники кластера получат целый ряд преференций. Речь идет о льготах по налогу на прибыль и налогу на имущество в части средств, зачисляемых в бюджет города. Еще один мощный инструмент поддержки фармацевтических предприятий — городской заказ. Сейчас объем петербургского фармацевтического рынка составляет более 20 млрд р. в год. При этом город закупает три четверти необходимых лекарственных препаратов за рубежом. Инновационные препараты экономически выгодны. Маржа от их производства, по данным «Фармэксперта», достигает 50 — 60% (брендированных дженериков и биопрепаратов — 40%). Но российские компании упорно продолжают выпускать дешевые таблетки — анальгин и цитрамон (маржа составляет 5 — 10%) и небрендированные дженерики (аналоги оригинальных препаратов, продающиеся под международными непатентованными названиями) — дротаверин, салициловую кислоту — с маржей в 15 — 20%. Наши заводы не готовы вкладывать средства в создание новых лекарств. Дело это хлопотное и затратное. На Западе разработка одного препарата обходится в 0,5 — 1 млрд дол. и занимает не менее пяти лет [7].

К тому же, это не первый опыт применения кластерной модели в Санкт-Петербурге. В активе администрации уже числятся проекты по созданию автопромышленного и электронного кластеров. В советское время в 1970-е гг. были созданы научно-производственные комплексы, являющиеся по своей сути кластерами. Например, в Санкт-Петербурге сформировался

судостроительный и военно-морской кластеры со своими научными школами, опытно-конструкторскими бюро, инфраструктурой продвижения в производственный и оборонный процессы.

Инновационное развитие экономики путем кластеризации в настоящее время не имеет оснований, так как отсутствует реальный задел по новейшим технологиям в стране, а закупка за рубежом должна быть оправдана реальной структурной перестройкой экономики, а не только реализацией проекта «Сколково».

Можно рассмотреть три сценария использования кластерной политики для развития России. Первый реализовывается сейчас: уменьшение финансирования образования, Академии наук, ликвидация профтехобразования, упор на сырьевые отрасли. Второй сценарий более оптимистичен, так как привлечение нерезидентов при реализации кластерной политики может повысить долю добавленной стоимости в конечном продукте (инновации из-за рубежа). Третий сценарий идеальный, предполагающий развитие российских регионов через кластеризацию, наподобие национальных проектов. Но в таком случае необходимо не проводить реформу высшего образования по переходу на двухуровневую систему (бакалавриат и магистратура), а повысить финансирование высшего образования и фундаментальных исследованиях в системе РАН. Многие вузы принимают участие в конкурсах Министерства образования и науки РФ при условии, что имеются научно-образовательные центры (НОЦ), включающие подразделения РАН РФ. Через эти общественные структуры мы можем генерировать идеи и предлагать их к внедрению. Это идеальный момент кластеризации.

С. Глазьев еще в 1990-е гг. говорил о государственной поддержке базисных отраслей экономики пятого технологического уклада, для чего необходимо составлять и утверждать бюджеты развития (см.: [9]). На 2006 г. предполагалось утвердить бюджет развития, за счет которого будут финансироваться ключевые программы развития. Правительство же России стало реализовывать национальные проекты. С 2008 г. вопросы ценообразования и страхования передаются саморегулируемым организациям, что с научной точки зрения представляется реальным как переход на горизонтальные связи.

Следует отметить следующую закономерность: производство и перераспределение добавленной стоимости в интегрированных структурах осуществляются не непосредственно, а через «промежуточные» факторы. Поскольку предприятия, включенные в состав интегрированных хозяйственных структур, функционируют не на открытом рынке, а внутри управляемых «цепочек» стоимости (Портер, 1980), то это сказывается как на уровне загрузки мощностей (имеется в виду, что интегрированные структуры стремятся максимизировать загрузку мощностей входящих в них предприятий). Таким образом, зависимость между включением фирмы в хозяйственные процессы крупной интегрированной структуры и вероятностью высокой загрузки мощностей прямая. Развитие кластеризации определялось еще и тем, что необходимо загрузить производственные мощности, в которые были осуществлены инвестиции в периоды экономического роста в мире. Снижение коэффициента использования промышленных мощностей является одной из причин кризиса от снижения потребительского спроса, который до этого и стимулировал наращивание производственных мощностей. В начале реформ экономики после распада СССР идеологи предполагали, что инвестиционный дождь из-за рубежа неизбежен, не учитывая, что наши производственные мощности в мировой экономики были избыточными, и их надо было уничтожать.

Развитие кластеров в России — это вполне реальный процесс, связанный с повышением производительности труда за счет инноваций. В то же время для России — это идеальное, так как в международном разделении труда ей отводится роль ячеек деловых сетей, зависимых от какого-то «центра». Кроме того, в России в настоящее время произошла подмена понятия «кластер» понятием «деловая сеть».

Литература

1. *Портер М.Э.* Конкуренция. Мю, 2000.
2. *Кузнецов Б.Л.* Введение в экономическую синергетику (экономическое равновесие и экономическое развитие). Наб. Челны, 1998.
3. Японская экономика в преддверии XXI века (становление конкурентно-корпоративного государственного капитализма) / Под ред. В.К. Зайцева и др. М., 1991.
4. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991.
5. *Усик Н.И.* Использование синергетического эффекта в конкурентной борьбе // Вестник СПбГУ. Сер. 5 2003. Вып. 2 (13).
6. *Тэпман Л.Н.* Предпринимательское управление. Зарубежный опыт / Под ред. В.А. Швандара. М., 2004.
7. *Токманцева И.* Игра в кластеры // Однако. М., 2010. 24 мая.
8. *Ланин Д.* Не ждите инноваций от фармацевтического кластера. Кластерный анализ // Эксперт. Портал «Вечная молодость» // http://vechnayamolodost.ru. 07.06.2010.
9. *Глазьев С.Ю.* Теория долговечного технико-экономического развития. М., 1993.

В.И. ЧАЛЕНКО

Роль регионов в инновационно-ориентированном развитии России

Любой регион является сложной социально-экономической системой, имеет многоцелевую направленность развития. Траектория и скорость движения его экономики зависят от конкретных условий: экологической ситуации, геодемографической обстановки, уровня занятости и т. д. Взаимосвязь элементов региональной системы проявляется по вертикали (уровням иерархии российской экономики) и по горизонтали (между компонентами одного уровня). При этом ряд взаимосвязей играет системообразующую роль в макроэкономике в целом и отдельных регионах в частности, что связано с ключевой ролью отдельных структурных единиц региональной экономики, способствующих или сдерживающих ее развитие, формируя базовые звенья, соединяющие лидирующие и отстающие функциональные зоны хозяйственного комплекса.

В региональной экономике до 1990-х гг. регион, как правило, рассматривался как место сосредоточения населения, природных ресурсов, производства и потребления товаров и услуг. В современной регионалистике регион рассматривается как многофункциональная и многоаспектная социально-экономическая открытая система, имеющая с внешней средой прямую и об-

ратную связь. Таким образом, понятием «регион» описываются разноплановые пространства, и по ряду из них, как справедливо отмечал А.Г. Гранберг, невозможно провести географические границы [1]. Экономический регион представляет собой совокупность взаимосвязанных экономических единиц, объединенных общими экономическим интересами.

Формирование экономики инноваций имеет реальные перспективы при условии перехода от «точечного» внедрения инноваций к созданию национальной инновационной системы, элементами которой являются *региональные инновационные системы* (РИС). Рождение и бурный рост популярности концепции региональных инновационных систем в начале — середине 1990-х гг. в значительной степени были следствием глобализационных процессов, обнаживших недостатки традиционных региональных моделей экономического развития и в то же время содействовавших появлению большого числа успешных технологических кластеров на региональном уровне. На этом фоне в академической среде достаточно быстро набрала вес новая парадигма, которая постулировала необходимость активного стимулирования роста региональной конкурентоспособности, основывающейся на технологических ресурсах, высококвалифицированной рабочей силе и развитой сети институциональных посредников, связывающих эти ресурсы воедино.

Одним из первых разработчиков новой концепции РИС был профессор Ф. Кук из Центра специальных исследований Кардиффского университета (Великобритания). Ф. Кук предложил определение региональной инновационной системы как «набора узлов в инновационной цепочке, включающей в себя непосредственно генерирующие знания фирмы, а также организации, предприятия, использующие (применяющие) эти знания, и разнообразные структуры, выполняющие специализированные посреднические функции: инфраструктурное обеспечение, финансирование инновационных проектов, их рыночную экспертизу и политическую поддержку» [2].

Растущий интерес экономистов-теоретиков к этой концепции подпитывали множественные эмпирические свидетельства в пользу того, что важнейшие элементы инновационного процесса (такие, например, как собственно генерирование инноваций, трансфер технологий и т. д.), как правило, являются географически локализованными и тем самым выдвигают территориальный аспект на передний план. Так, М. Портер утверждал, что «устойчивые конкурентные преимущества фирм на глобальном уровне зачастую обеспечиваются их сильными позициями “на местах”: концентрацией высокоспециализированных производств, персонала, поддерживающих институциональных структур, поставщиков, заказчиков и т. п. в отдельно взятых регионах» [3].

К рассмотрению сущности региональной инновационной системы автор подходит как к экономической категории, являющейся иерархически организованной системой понятий, находящихся в различной степени приближения к сущности термина «региональная система». При этом в исследуемом понятии раскрывается совокупность не родорасположенных, а логически вытекающих. Имеются в виду понятия, субординированные и координированные относительно друг друга в зависимости от выражаемых ими экономических отношений, которые характеризуют многоуровневую сущность региональной системы. С этих методологических позиций под региональными инновационными системами понимается совокупность взаимосвязанных организационных структур по производству и коммерческой реализации научных знаний и технологий в пределах региональных границ.

В то же время следует отметить, что фундаментальные основы концепции РИС были во многом скопированы с более проработанной в теоретическом плане концепции национальной инновационной системы. В частности, практически весь набор базовых рекомендаций по созданию РИС повторяет хорошо известные схемы НИС, искусственно редуцированные до регионального уровня. Новым элементом концепции РИС по сравнению со схемами НИС является кластер: в отличие от общенациональных инновационных программ региональные как бы «по определению» должны прежде всего опираться на активное развитие жестко ограниченного числа приоритетных для данного региона сильных отраслей (причем особенно очевидным этот аспект представляется для небольших и средних регионов).

В самом общем виде набор постулатов, лежащих в основе концепции РИС, формулируется следующим образом:

- принятие комплекса мер, направленных на активный рост числа региональных вузов и научно-исследовательских институтов (провайдеров знаний — новых технологий, перспективных научных исследований и т. п.), университетских спин-аут-компаний и/или содействующих тесной привязке местных фирм к внешним источникам этих знаний;
- привлечение в регион высококвалифицированных трудовых ресурсов и активное стимулирование роста профессиональной квалификации уже имеющегося персонала;
- создание сетей бизнес-инкубаторов для поддержки стартапов;
- создание и/или долгосрочное финансирование деятельности научно-исследовательских организаций, отслеживающих на регулярной основе ключевые для региональных кластеров рынки и технологии;
- создание эффективных механизмов функционирования системы взаимодействия между региональными компаниями, исследовательскими организациями и государством;
- развитие формальных и неформальных организаций региональной бизнес-элиты;
- обеспечение активного притока в регион венчурного капитала (на ранних этапах финансирования — создание сетей «бизнес-ангелов») [4].

Необходимой предпосылкой нормального функционирования РИС является наличие сильного регионального центра управления инновационным процессом. Помимо определения стратегических приоритетов региональной инновационной политики местная администрация (либо уполномоченный ею специальный орган) разрабатывает программы финансирования НИОКР (путем прямых бюджетных отчислений на эти цели, а также используя различные механизмы льготного кредитования и налоговых льгот) и комплекс мер по усилению взаимодействия между ключевыми участниками инновационного процесса в регионе.

Согласно проведенному в 2005 г. в рамках финансируемой ЕС программы PAXIS, масштабному сравнительному исследованию эффективности РИС в странах Евросоюза, были выявлены 22 наиболее успешных инновационных региона: Стокгольм и Мальме (Швеция); Оксфорд, Кембридж и Эдинбург (Великобритания); Мюнхен, Штутгарт, Карлсруэ, Берлин и Гамбург (Германия); Хельсинки (Финляндия); Мадрид и Барселона (Испания); Дублин (Ирландия); французские провинции Морские Альпы (Марсель — Ницца) и Рона — Альпы (Лион), итальянские Турин, Милан, Эмилия-Романья и Венето, а также Вена и Копенгаген. Бóльшая часть этих успешных РИС сконцен-

трирована либо в столицах, либо вокруг крупнейших мегаполисов. Иными словами, примеров эффективных РИС, построенных в малых и средних регионах Европы, очень мало: из приведенного выше списка к таковым, в частности, можно отнести лишь Оксфорд, Кембридж, Карлсруэ и Эмилия-Романью.

В докладе «Региональные инновационные системы в небольших и средних регионах», опубликованном М. Андерссоном и Ч. Карлссоном, приводятся две достаточно очевидных первопричины, объясняющих инновационное отставание территориальных образований, не относящихся к числу крупнейших по численности/плотности населения: в таких регионах, как уже было отмечено выше, имеется весьма ограниченный набор технологически емких промышленных отраслей, а также ощущается острая нехватка генерирующих инновации вузов и исследовательских институтов.

М. Андерссон и Ч. Карлссон предлагают следующий набор рекомендаций по созданию и развитию инновационных систем в малых и средних регионах:

- исходной предпосылкой успешного формирования РИС является наличие как минимум одного (а лучше нескольких) действующего промышленного кластера, объединяющего предприятия малого и среднего бизнеса либо одной или нескольких крупных промышленных компаний, окруженных кластерами поставщиков и/или заказчиков их продукции;
- ввиду того, что большинство малых и средних регионов испытывают дефицит местных государственных и частных научно-исследовательских организаций, важнейшей задачей разработчиков РИС является принятие комплекса мер по развитию прочных долговременных связей с университетами других (наукоемких) регионов;
- для малых и средних регионов, где есть один или несколько университетов, необходимо принять специальные меры по адаптации образовательного профиля этих вузов к производственной специфике региональных инновационных предприятий;
- принципиально важная задача разработчиков РИС — разработка комплекса мер по созданию привлекательных условий для притока извне высококвалифицированных кадров;
- поскольку одной из движущих сил развития РИС является процесс коллективного обучения, следует активно поддерживать различные формы многостороннего диалога ключевых участников инновационного процесса;
- ввиду того, что значительная часть инноваций эффективно продуцируется внутри новых фирм, важнейшим элементом РИС должно стать предоставление широкой поддержки стартапам;
- при построении РИС в отдельно взятом регионе необходимо тщательно изучить опыт реализации аналогичных программ в других регионах, их сильные и слабые стороны;
- административные и функциональные границы регионов далеко не всегда должны совпадать друг с другом: во многих случаях целесообразнее выстраивать РИС на базе критериев общей экономической эффективности, а не руководствуясь лишь формальными территориальными признаками [4].

Таким образом, создание знаний становится все более сложным и динамическим процессом, и регионы не могут больше фокусироваться только на создании собственных знаний. Зависимость от знаний, создаваемых внутри региона, может поставить под угрозу конкурентоспособность региональной

экономики. Регионы должны интегрироваться в глобальные потоки знаний, так как самостоятельно производить все необходимые знания становится практически невозможно. Конечно, при этом очень важно производить знания, ценные для других участников, так как это позволяет стать полноправным партнером в глобальных сетях знаний. Квалификация региональных университетов и исследовательских институтов определяет, может ли регион позиционироваться как точка роста в таких глобальных сетях.

Экономика России — это полирегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных и горизонтальных взаимодействий, поэтому эффективность инновационной политики на макроуровне в значительной мере зависит от успешности осуществления процесса получения, обогащения научных знаний, перевода в современные технологии и товары, ресурсного обеспечения этого процесса на мезоуровне. Важнейшим системообразующим свойством региона становится инновационность, которая формируется в результате взаимодействия различных экономических агентов.

В силу исторически сложившихся условий российские регионы значительно различаются по уровню социально-экономического развития, численности населения, промышленному и инновационному потенциалу. Почти 80% населения страны проживает в европейской части, площадь которой не превышает 25% территории всей страны. Здесь же производится почти 74% ВВП и 80% промышленной продукции. Инновационная деятельность в регионах осуществляется спонтанно. В 55 регионах проводятся разнообразные мероприятия, в 27 — частично разработана нормативно-правовая база. Проблема координации региональной политики сегодня особо актуальна.

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года инновационное развитие российских регионов должно быть ориентировано на:

- развитие научно-технического и образовательного потенциала крупных городских агломераций с высоким качеством среды обитания и человеческим потенциалом, динамичной инновационной и образовательной инфраструктурой;
- формирование территориально-производственных кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики, с концентрацией таких кластеров в урбанизированных регионах;
- создание территориально-производственных кластеров на слабо освоенных территориях, ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии с использованием современных технологий [3].

Региональная политика стратегического планирования в настоящее время проводится лишь указами главы государства. Первый указ — от 1996 г., второй — от 2009 г. Собственно законодательная основа для формирования и реализации региональных стратегий на сегодняшний день существует лишь в проектах. Так, во втором чтении в Госдуме приняты законопроекты, регулирующие вопросы формирования федеральных целевых программ и регионального развития. Однако ключевой вопрос — формирование бюджетной стратегии на основе региональных стратегий — в Госдуме еще не обсуждался.

На практике наибольшую поддержку получили на сегодня стратегии не регионов, а федеральных округов. Принятые на сегодня стратегии, которые предлагается рассматривать как своего рода эталонные — это стратегии развития Дальневосточного и Южного федеральных округов.

Краснодарский край обладает огромным инвестиционным потенциалом и значительными конкурентными преимуществами в ЮФО. К числу основных факторов инвестиционной привлекательности края относятся: удобное географическое положение; политическая стабильность региона; диверсифицированная экономика с высокой долей малого предпринимательства; высокий потенциал предприятий сельскохозяйственной отрасли; наличие уникальных рекреационных ресурсов, обеспечивающих развитие практически всех видов индустрии туризма и отдыха; наличие плодородных сельскохозяйственных земель, позволяющих выращивать весь спектр культур умеренного пояса и отдельные виды субтропических культур; богатые природные ресурсы; наличие высококвалифицированной рабочей силы; динамично формирующаяся нормативно-правовая база.

Для регулирования инновационной деятельности в регионе были приняты следующие нормативные акты:

1) постановление «О создании управления по инновационно-технологической деятельности и науке АПК в структуре департамента сельского хозяйства и продовольствия администрации края»;

2) постановление «О прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Краснодарского края»;

3) постановление «О порядке разработки параметров прогноза социально-экономического развития Краснодарского края и перспективного финансового плана до 2012 года».

Перспективы экономического развития как в России, так и в Краснодарском крае в ближайшие годы будут определяться динамикой внутреннего спроса и возможностями российских предприятий обрабатывающих отраслей промышленности производить продукцию, отвечающую требованиям в первую очередь внутреннего, а затем и мирового рынков. В этой связи стимулирование повышения инновационной активности предприятий целесообразно осуществлять посредством:

1) развития льготного налогообложения и кредитования (инвестиционных налоговых кредитов, создания фонда развития инновационных институтов, налоговых каникул);

2) защиты внутреннего рынка для тех отечественных инновационных институтов, которые способны в долгосрочной и среднесрочной перспективе создать принципиально новые продукты для национального рынка;

3) заимствования высокотехнологичного оборудования и базы знаний иностранных инновационных институтов, создания благоприятной внешней среды для развития трансплантатов в стране и регионе;

4) формирования эффективной системы распространения научно-технических и технологических новшеств;

5) создания благоприятных условий для адаптации инновационных проектов к региональных условиям, детального их изучения, развития и выращивания в новой среде;

6) стимулирования миграции и создания высококвалифицированных кадров, обучения и привлечения молодых специалистов;

7) развития системы страхования инновационных рисков.

Таким образом, система стимулирования инновационной деятельности на мезоуровне должна обеспечиваться комплексом мер, включающих адресную поддержку приоритетных направлений инновационной деятельности; создание благоприятного экономического климата, стимулирующего заинтересованность во внедрении научно-технических достижений и приток инве-

стиций в основной капитал; законодательную охрану прав интеллектуальной собственности.

Вместе с тем в среднесрочной перспективе весьма высока вероятность появления в нашей стране новых объектов управления — суперрегионов, больших агломераций, опорную роль в развитии которых будут играть города. Революционную переоценку приоритетов, пути развития новых принципов планирования в регионах провозглашали представители Минрегиона в октябре 2010 г. По замыслу разработчиков, стратегия развития макрорегионов должна строиться на основе проектов в экономике и в социальной сфере, а субъектами управления и инновационного развития стать города. Это предполагает перенос центра тяжести экономической политики государства с федерального на региональный и городской уровни и переход к поддержке сформировавшихся «точек роста». Сегодня в России можно выделить 15—17 агломераций, обладающих потенциалом развития экономики, сравнимым с агломерациями Москвы и Санкт-Петербурга. В ходе создания агломераций, по мнению представителей Минрегиона, могут быть решены проблемы повышения конкурентоспособности и города, и прилегающих территорий, обеспечения стабильного притока инвестиций, вывода региона в целом на глобальный рынок и формирования регионального финансового центра, располагающего возможностями выхода на глобальный рынок.

Скептически оценивая подобные перспективы изменения принципов пространственного развития страны, отметим, что нужно изобретать не новые объекты управления, а усовершенствовать старый, более нормативно проработанный и апробированный на практике механизм территориального планирования в рамках Градостроительного кодекса и градостроительных планов. четко прописать механизмы реализации стратегий территориального развития и определить полномочия и функции управляющих процессом ведомств, органов исполнительной власти и общественных организаций.

Литература

1. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М., 2000.

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года // www.economy.gov.ru/.

3. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.

4. Региональные инновационные системы (РИС): мировой опыт // http://www.tula-forum.ru/.

5. *Cooke P.* Regional Innovation Systems and Less Developed Countries: Guidance for Conducting Field Research**.** Regional Industrial Research Report 32. CASS, University College Cardiff. 2001 // http://www.cardiff.ac.uk /cplan/research/publications/staffpublications/publication-returns-2001.html.

Раздел III

Актуальные проблемы общества и экономики

А.С. ФИЛИПЕНКО

Причины и последствия мирового финансового кризиса 2008 — 2009 гг.

Всесторонняя оценка таких сложных планетарных экономических явлений и процессов, как современный мировой финансовый кризис, станет возможной, очевидно, лишь по истечении определенного времени. Информация о полном цикле позволит проанализировать все ее составляющие, выяснить глубинные причины, социально-экономические последствия и усовершенствовать превентивные антициклические механизмы и инструменты «быстрого реагирования»[1]. Важное значение это имеет для переходных экономик, интегрированных в мировое хозяйство, в частности, для Украины, весомая часть ВВП которой реализуется на внешних рынках.

Экономическая и финансовая статистика свидетельствует о том, что на протяжении последних 30 лет экономики 17 ведущих государств мира ощутили на себе негативное влияние 113 финансовых кризисов: 37 — в 1980-е гг., 42 — в 1990-е, и 34 финансовых потрясений, включая нынешнее, в начале 2000-х гг. Кризисы на фондовых рынках составили 45% от общего количества, кризисные явления в банковских системах — 38, валютные кризисы — 17% [2, 24].

Сейчас можно назвать три группы причин, которые повлияли на характер, определили масштабы, траекторию протекания и разрушительную силу первого мирового финансового кризиса XXI столетия. Первая группа обусловлена глубокими и всеобъемлющими цивилизационными, геоэкономическими изменениями, глобальными трансформационными процессами, коснувшимися в первую очередь бывших социалистических государств. Вторая группа причин связана с макроэкономическими и микроэкономическими диспропорциями и флуктуациями, с институционными ловушками, которые проявились прежде всего у главных акторов мировой экономики. Третий уровень мирового финансового кризиса коррелирует с непосредственным пусковым механизмом, с главным очагом (сердцевиной), откуда начался его волнообразный, опустошительный ход.

В свою очередь, к первой группе относится пять главных факторов, среди которых:

- исчерпанность традиционной индустриальной модели экономического развития в контексте ресурсного обеспечения, деградации окружающей

[1] Однако следует заметить, что основные причины и факторы мирового экономического кризиса и Великой депрессии 1929—1933 гг. еще и до сих пор остаются предметом острых дискуссий среди специалистов [1, 306—307].

среды, угрожающего углубления неравномерности экономического и социального развития стран мира;

• объективная потребность реструктуризации мировой экономики, ее региональных и национальных подразделений в соответствии с требованиями современной научно-технологической революции;

• углубление структурных диспропорций и глобальных дисбалансов между основными мирохозяйственными субъектами, синхронизация экономических циклов под влиянием глобализации;

• несостоятельность международной финансовой системы, ее регулирующих и надзорных функций в контексте адекватного реагирования на глобальные вызовы;

• отсутствие надлежащих теоретических, методологических и прикладных концепций и моделей оптимального функционирования и антициклического регулирования глобальных экономических систем.

Определяющим макроэкономическим фактором стал излишек ликвидности в экономике США, обусловленный, во-первых, общим снижением доверия к странам с новыми рынками после кризиса 1997—1998 гг.; во-вторых, инвестированием в американские ценные бумаги странами, накапливающими валютные резервы (Китай) и «нефтяные» фонды (страны Персидского залива); в-третьих, политикой низких процентных ставок, которую осуществляла Федеральная резервная система, особенно в период 2001—2003 гг., стараясь избежать циклического спада. Основными возбудителями финансового кризиса микроэкономического уровня считаются новые финансовые инструменты — кредитно-дефолтные свопы, использование которых привело к маскировке рисков, связанных с низким качеством субстандартных ипотечных кредитов, с одной стороны, и с их непрозрачным распределением среди широкого круга инвесторов — с другой. Институциональные составляющие мирового финансового кризиса проявились в недостаточном уровне оценки рисков как регуляторами, так и рейтинговыми агентствами, а также в асимметрии информации [3, 9—10].

Относительно пускового крючка, который запустил механизм мирового финансового кризиса, а следовательно, и ее главного очага, источника — среди специалистов практически нет расхождений. Исключительное единодушие в оценках сводится к тому, что первопричиной современных кризисных явлений стали проблемы на ипотечном рынке США.

Краткий перечень основных причин кризисных процессов в экономике Украины сводится к следующим: большая интегрированность финансового сектора в мировые структуры по сравнению с 1998 г., устаревшая структура экономики, ее гипертрофированная направленность на внешние рынки (ТЭК, химическая промышленность и др.); уязвимый, неинтегрированный, разбалансированный, фрагментарный внутренний рынок; недореформированность экономики (институциональная сфера, аграрный сектор, коммунальное хозяйство, здравоохранение, пенсионная реформа и т. п.); неадекватная мировой и внутренней ситуации экономическая политика правительства и Национального банка.

Продолжение в настоящее время инерционного, докризисного типа развития, дальнейшее наращивание и расширение индустриального производства на основе несовершенных финансовых механизмов и инструментов имели бы катастрофические последствия не только для национальных хозяйств, но и для мировой экономики в целом. Поэтому модернизироованный, по-

сткризисный экономический инструментарий, включая его финансовую составляющую, прошедший сквозь точку сингулярности, должен быть направлен на осуществление тотальной реструктуризации как мировой экономики, так и ее региональных и национальных подразделений, утверждение новой модели развития — экономики знаний, высоких технологий, креативного хозяйства. Промедление с решением структурных проблем, консервация в мировом хозяйстве архаических доиндустриальных и раннеиндустриальных экономик создает предпосылки для повторения подобных кризисов в еще более острых формах. О перспективах структурных сдвигов в главных эшелонах мировой экономики свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес отраслей в валовом выпуске продукции, %

	ОЭСР		БРИК *		Остальной мир	
	2001	2030	2001	2030	2001	2030
Сельское хозяйство	2	1	9	6	8	6
Лесное хозяйство и рыболовство	0	0	1	1	1	2
Энергетика и горнорудная промышленность	3	2	6	4	9	7
Производство товаров краткосрочного пользования	10	7	12	8	14	10
Сектор товаров длительного пользования	23	17	32	29	24	21
Торговля и транспорт	18	18	15	16	16	16
Услуги	44	54	25	37	28	38

*БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай

Источник: [4, 85].

Агрегированные данные, приведенные в табл. 1, показывают, что в данное время имеются существенные отличия в структурах экономик развитых и развивающихся стран. Главным критерием является соотношение между производством товаров и услуг. В перспективе до 2030 г. прослеживается тенденция к сокращению имеющегося разрыва, хотя между отдельными странами будут оставаться разительные структурные контрасты.

Мировой финансовый кризис обусловлен также глобальными диспропорциями и дисбалансами, синхронизацией экономических циклов под влиянием глобализации. С одной стороны, углубляется несоответствие между глобальным спросом и глобальным предложением, которое приводит к формированию неравновесного состояния мировой экономики. С другой — обостряются отношения между основными игроками мировой экономики в сфере

торговли и инвестиций. Ключевым звеном здесь являются взаимоотношения между США и Китаем. На одном полюсе (США) наблюдается огромный дефицит платежного баланса, на другом (Китай) — почти адекватный профицит. Кроме того, глобализация вовлекает в водоворот мирового бизнес-цикла основных мирохозяйственных акторов. Основная причина глобального неравновесия состоит в превышении глобального предложения над глобальным спросом. Данная проблема заострилась в последнее время в связи со сверхкредитованием производства. Таким образом, необходимо искать пути и механизмы повышения совокупного спроса. Специалистами предлагается радикальный и с экономической точки зрения довольно противоречивый вариант, а именно — повышение уровня заработной платы в развивающихся странах, на территории которых проживает подавляющее большинство населения мира [5, 261—263]. Противоречивость данной концепции состоит в том, что уровень заработной платы определяется не международными соглашениями, как это предлагается, а ее интенсивностью, производительностью и другими важными детерминантами. Тем не менее как идея она может рассматриваться, наряду с другими, в общем контексте формирования новой экономической архитектуры мира. Решение проблемы внешних дисбалансов лежит в плоскости их выравнивания путем переоценки национальных валют (девальвация или ревальвация). Кроме того, должны быть задействованы другие макроэкономические регуляторы на основе фискальной консолидации, повышения нормы сбережений и инвестиций. Для стран с внешним профицитом неотложной задачей является необходимость повышения внутреннего спроса (абсорбции) на основе активной монетарной и фискальной политики, в то время как страны с внешним дефицитом должны сдерживать внутренний спрос, поощряя экспорт.

Важный геоэкономический фактор, оказывающий непосредственное влияние как на истоки, так и на ход мирового финансового кризиса — Бреттон-Вудско-Ямайская валютно-финансовая система. Данная система в ее нынешнем виде имеет три основных недостатка. Во-первых, она позволяет ряду стран продолжительное время сохранять профицит текущего счета или финансового счета и счета движения капитала (Япония, Китай и др.), что приводит к гипертрофированному накоплению международных резервов. Так, международные резервы Японии (общие запасы минус золото) с 1968 г. по 1978 г. возросли на 1146%, а денежное предложение — на 356%. В данное время крупные золотовалютные резервы сосредоточены в Китае (2033,00 млрд дол., на душу населения — 1557 дол.), в России — соответственно 435,40 и 3055, в Индии — 274,20 и 235, в Бразилии — 197,40 и 1029 [6, 170] .Во-вторых, данная система ставит в зависимость экономический рост многих ведущих стран от США — самого крупного в мире импортера и должника. В-третьих, сверхкредитование, инвестиционный бум последних лет за счет рециркуляции долларов США через государственные ценные бумаги привели к нарушению глобальной пропорции между производством и потреблением, которое может вызвать необратимые дефляционные процессы со всеми социально-экономическими последствиями.

Следует заметить, что в многочисленных публикациях по поводу мирового финансового кризиса порой высказываются радикальные и экономически необоснованные предложения и рекомендации. В частности, нереальными и преждевременными являются предложения относительно замены доллара как мировой резервной валюты, формирования новых валютных зон (рубля, юаня, йены, стран Латинской Америки, золотого динара), установле-

ния фиксированных валютных курсов и даже возвращения к золотому или золотовалютному (золото-девизному) стандарту (см.: [7, 4—5]).

К сожалению, арсенал экономической науки оказался не в состоянии предвидеть источники, механизмы и очаги последнего мирового финансового кризиса. С одной стороны, экономическая наука рассматривала мирохозяйственные процессы, глобальные экономические явления большей частью в прикладном контексте, преимущественно на эмпирическом уровне. С другой стороны, методологический инструментарий классической и неклассической науки, преобладающий в образовательных и научных кругах, уже не соответствует новейшим экономическим явлениям глобального уровня. «Три кита» современного экономического мейнстрима — общее равновесие, рациональный выбор и гомоэкономикус — не срабатывают в глобальной системе экономических координат. Предметная онтология экономической науки приобретает глобальные измерения и концентрируется на неравновесных сложных системах. Происходит гносеологическая трансформация вследствие использования методологических принципов постмодерна и даже *after*постмодерна, перехода от классической и неклассической к постнеклассической научной рациональности, в основе которой учение о сложности, синергетическая парадигма, байесовская вероятность и др. В экономической науке во все большей мере акцентируется внимание на переходах (микроэкономика — макроэкономика — геоэкономика — мегаэкономика), чем на сходстве или различиях. Осуществляется эпистемологический поворот от гипотетико-дедуктивных методов экономического анализа к программно-игровым, стохастическим моделям.

Таблица 2

Динамика мирового экономического развития, %

				Прогноз	
	2007	2008	2009	2010	2015
Мировое производство	5,2	3,0	–0,6	4,2	4,6
Развитые страны	2,7	0,9	–3,2	2,3	2,3
США	2,0	1,1	–2,4	3,1	2,4
Зона евро	2,7	0,9	–4,1	1,0	1,7
Германия	2,5	1,3	–5,0	1,2	1,2
Франция	2,1	0,7	–2,2	1,5	2,2
Италия	1,6	–1,0	–5,0	0,8	1,3
Испания	3,7	1,2	–3,6	–0,4	1,7
Япония	2,4	–0,6	–5,2	1,9	1,7
Великобритания	3,0	0,7	–4,9	1,3	2,5
Канада	2,7	0,5	–2,6	3,1	2,1
Швейцария	3,6	1,8	–1,5	1,5	2,0
НИС* Азии	5,7	1,5	–0,9	5,2	4,3
Развивающиеся страны	8,3	6,1	2,4	6,3	6,7
Средний Восток и Северная Африка	5,6	5,1	2,4	4,5	4,8

Продолжение табл. 2

Африка южнее Сахары	6,9	5,5	2,1	4,7	5,4
Центральная и Восточная Европа	5,4	2,9	–3,7	2,8	4,0
СНГ	8,6	5,5	–6,6	4,0	5,0
Украина	7,6	2,1	–15,1	4,0	5,2*
Россия	8,1	5,6	–6,0	0,5	—
Развивающиеся страны Азии	10,6	7,7	6,6	8,7	8,5
Китай	13,0	9,0	6,5	7,5	—
Индия	9,3	7,3	4,5	5,6	—
Ближний Восток	6,3	5,9	2,5	3,5	—
Латинская Америка	5,7	4,2	–1,8	4,0	4,0
Бразилия	5,7	5,1	–1,3	2,2	—
Мексика	3,3	1,3	–3,7	1,0	—

*НИС — новые индустриальные страны.

Источник: [9; 10; 11, 155—158].

Закономерными являются вопросы о последствиях современного мирового финансового кризиса и перспективах выхода из него. Данная проблема требует отдельного исследования, поэтому сосредоточимся лишь на фактологической стороне дела. Так, общие потери от падения фондовых рынков за год (август 2007 — август 2008 г.) составляли 16 трлн дол. [8, 39]. Рецессия, охватившая наиболее развитые страны мира, да и глобальную экономику в целом, привела к сокращению мирового ВВП в 2009 г. на 0,6%. Главная же проблема заключается в том, каким будет ход событий в мировой

экономике в ближайшее время? Предварительные данные свидетельствуют о том, что мировая рецессия была кратковременной, восстановление экономического роста наблюдалось уже в 2010 г., прежде всего за счет стран, где формируются новые рынки (emerging market). В первую очередь речь идет о Китае, Индии, Бразилии, которые в нынешней ситуации получают статус главных локомотивов мирового экономического развития, что будет означать в перспективе постепенное перемещение экономических центров в другие регионы мира с соответствующими изменениями в структуре и географии глобального ВВП, международной торговли, инвестиций, финансовых ресурсов, миграции рабочей силы.

Литература

1. *Фридман М., Шварц А.Я.* Монетарная история Соединенных Штатов 1867—1960. К., 2007.

2. *Васильев В.С., Роговский Е.А.* Мировой финансовый кризис. Фаза 2 [Рецессия] // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 3.

3. *Кудрин А.М.* Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1.

4. OECD Environmental Outlook to 2030. P., 2008.

5. *Дункан Р.* Кризис доллара. Причины, последствия и пути выхода. М., 2008.

6. Folgen der Finanzkrise fuer die globalen Wirtschaftsbeziehungen // Wirtschaftsdienst. 2009. Nr. 3.

7. *Андрианов В.* Новая архитектура глобальной финансовой и экономической системы // Общество и экономика. 2009. № 2.

8. Вопросы экономики. 2008. № 11.

9. Макроэкономический прогноз Украины: квартальный выпуск / Институт экономических исследований и политических консультаций (укр.). 2011. № 1 (41). Январь.

10. World Economic Outlook. Global Economy Contracts, with Slow Recovery next Year // IMF Survey Online. 2009. April 22.

11. http://www.imf.org/txternal/pubs/ft/survey/so/2009/RES042209A.htm.

12. World Economic Outlook. Rebalancing Growth. 2010. April.

С.В. БИРЮКОВ

Россия: менеджмент развития как ответ на современные вызовы

Развитие — процесс поступательного, планомерного и качественного изменения системы, когда накопившиеся в различных областях количественные предпосылки обеспечивают переход системы и образующих ее подсистем в новое качество.

Плата за отказ от развития в российском случае (и в 1917, и в 1991 г.) — революция и развал страны. Ответственность за распад державы руководителей, отказавшихся от реформ либо инициировавших под видом реформ хаос или регресс, очевидна. В подобном ключе сегодня нередко оценивают и Николая II, и Горбачева. Личные судьбы у двух бывших руководителей великой страны разные, но факт того, что при первом распалась Российская империя, а при втором — СССР, отменить невозможно. Результатом половинчатых реформ или их имитации традиционно становится *русская катастрофа* или *русская смута*, означающие слом не только государства или политической системы, но и всего предшествующего цивилизационного уклада, как уже было в русской истории в 1603—1604, 1917 и 1991 гг.

Исходной точкой наших рассуждений является актуальная политическая ситуация. В России в течение 2000—2008 гг. была успешно реализована политика *менеджмента стабилизации*. Были консолидированы политические, экономические и информационные ресурсы в целях обеспечения жизнеспособности системы «транзитного типа» была законсервирована некоторая условная «переходность». Сегодня наступило время перехода к *менеджменту развития*. России необходимо попрощаться с иллюзиями самодостаточности, возникшими в так называемые «сытые годы» вследствие эффектов сырьевого роста. Ибо бездумная консервация «переходного состояния» — ловушка для страны.

Как справедливо замечает в своей статье «Взрывы», посвященной трагическим событиям на шахте «Распадской», побывавший в Кузбассе полито-

лог С. Кургинян, «Россия — страна специфического капитализма, и это мы все понимаем. Ее основные фонды изнашиваются, причем стремительно. Технологические катастрофы на подходе. Крупные игроки могут (вновь треклятое “либо-либо”!) ЛИБО ждать, пока эти катастрофы произойдут естественным образом (но этого ждать придется не один год), ЛИБО с помощью спецкатастроф ускорять неизбежное» [1]. Как представляется, задача государства и общества — избежать этого самого «необходимого», влекущего за собой столь масштабные жертвы.

Как пишет С. Кургинян, Россия продолжает двигаться в регрессивной колее. Нет не только возрождения, но и стабилизации. Стабилизирован регресс — и только. Все, что может переломить такое состояние (несовместимое ни с какой государственностью), требует особой — контррегрессивной — мобилизации. Она почти невозможна. Но если ее не осуществить, задействовав вышеназванное «почти», — историческое прозябание очень быстро превратится в историческую агонию [2].

Самый распространенный ныне стереотип обобщенно звучит так: «Даже если Россия никуда и не войдет, а нынешние тенденции переломить не удастся, ничего страшного не случится. У нас много ресурсов, есть ядерное оружие, никто к нам не сунется. Будем жить долго и счастливо — на зависть Западу и Востоку» [2].

В действительности же нынешние (постстабилизационные) тенденции несовместимы с жизнью. Налицо два процесса — медленный распад управляющего субъекта (государства) и опережающий распад объекта (страны), которым этот субъект пытается управлять.

Ныне покойный Е.Т. Гайдар, обосновывая в современной ситуации квазилиберальную стратегию «государственного недеяния», предлагал в качестве своеобразного «концепта» библейскую метафору о тучных и тощих коровах, символизировавших в известном сне фараона тучные и тощие лета. Более конкретно он предлагает ждать, пока «наше руководство привыкнет жить в иных, более тяжелых условиях, во время тощих лет» — т. е. сделает Россию хорошо управляемым «минимальным государством». При этом Е.Т. Гайдар, к сожалению, так и не задался вопросом о том, что будет со страной в результате подобной «минимализации» функций и сферы ответственности государства.

Однако современные вызовы столь масштабны и серьезны, что для России не осталось возможности для подобной «квазилиберализации», имитации реформ или для проведения модернизации в «усеченном варианте». «Перестройка», как справедливо замечают, оказалась лишь имитацией подлинных качественных реформ, своеобразной «дымовой завесой», использованной ради передела власти и собственности под вывеской «смены политической и экономической системы». Реформы Гайдара обернулись масштабной демодернизацией страны, обрушением «промышленного контура» и формированием хорошо всем известной «экспортно-сырьевой» модели экономики.

Как представляется, России в силу ее сложности и «многосоставности», а также вследствие влияния ряда «кризисных эффектов» противопоказаны как «потрясения» («революции» любого цвета), так и любая форма социально-экономического (пусть и сугубо бутафорского) «застоя», который будет означать перенос всех тягот реформ и ответственности за них на последующие поколения россиян. Все это еще раз подтверждает отсутствие конструктивной альтернативы курсу на модернизацию, заявленного Президентом России Д. Медведевым. Согласованная деятельность государства и общества

по проведению необходимых реформ, затрагивающих основные общественные сферы и учитывающих интересы многообразных слоев общества — вот действительно разумный ответ на все современные вызовы. И именно она позволит в будущем избежать в будущем катастроф, подобных той, которая совсем недавно всю Россию во время летних «лесных пожаров» и катастрофы на шахте «Распадской» в Кемеровской области, показавших несовершенство упований на одну только «единую властную вертикаль», а также губительность модели «минимального» и снимающего с себя социальную ответственность государства. В то же время «рестрикционная» политика правительства, по мнению автора, провоцирует масштабные системные риски, грозящие похоронить условную стабильность 2000-х гг. Наглядным примером подобной политики является недавно принятый Думой закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», переводящий на коммерческую основу практически всю социальную сферу.

В том же духе выдержаны последовательные действия реформаторов (от) образования. Последовательно копируя элементы Болонской системы, исполнительные реформаторы успешно демонтируют национальную модель и внедряют модель «кастового» образования, призванную стать фундаментом соответствующего типа общества. Закрепляя тем самым за Россией статус страны «периферийного капитализма», которая будет способна имитировать некоторые внешние «образцы» в экономике, социальной сфере, науке и культуре, но уже не сможет совершать качественные прорывы в науке, экономике и политике. Впрочем, последнее будет представлять собой закономерный итог деятельности так называемых «просвещенных патриотов» во власти, поставив крест на любых масштабных проектах, полагающих в качестве своей конечной цели «величие нации».

Или взять другой, не менее одиозный пример — недавние инициативы главы комитета по рынку труда и кадровым стратегиям Российского союза промышленников и предпринимателей, известного олигарха М. Прохорова по внесению изменений в Трудовой кодекс. Последний предлагает ввести в стране 60-часовую рабочую неделю. В случае принятия таких поправок к ТК и при условии сохранении двух выходных в неделю получится, что длина рабочего дня составит не 8, а целых 12 часов. То есть, Прохоров собирается вернуть трудящихся, по сути, в дореволюционные времена, когда рабочие надрывались на фабриках и по 12, и даже по 16 часов в сутки.

В результате торжества подобных подходов современная Россия вместо «боев за модернизацию» имеет поступательное торжество минималистского бюрократического государства, блокирующего саму возможность модернизации как таковой. Ибо государственная бюрократия, усиление веса и влияния которой стало одним из ключевых следствий курса на «усиление государственности» 2000-х гг., стремится не модернизировать общество, но укрепить свое формальное и неформальное господство, соединив в своих руках «административную» и «сырьевую» ренту. Желанием оправдать складывающийся «статус-кво», собственно говоря, и вызваны к жизни современные «консервативные» проекты некоторых приближенных к партии власти идеологов и «свободных художников от власти». В конечном итоге государство, последовательно уменьшая ответственность за социальную сферу, целенаправленно разрушает ту социальную среду, которая должна быть рецептором и проводником столь желанных инноваций.

На наш взгляд, немалая часть современной российской элиты страдает своеобразной «аберрацией зрения», не понимая того, как конкретные политические решения либо уклонение от них порождают масштабные системные риски. Во-первых, непонимание того, что последовательный «сброс» государством ответственности за социальную сферу при видимом «упрощении» системы управления продолжает развернувшийся в 1990-е гг. процесс «системной деградации общества», грозящий необратимым разрушением остающегося «социального капитала». Во-вторых, непонимание того, что достигаемая по преимуществу административными методами «консолидация элиты» с последовательным возведением «барьеров» между государством и обществом блокирует возможность модернизации в принципе. В-третьих, непонимание того обстоятельства, что односторонняя консолидация административного, экономического и культурно-информационного капитала в «центрах» с изъятием его у «периферии» не оставляет для модернизации необходимого ей «жизненного пространства». В-четвертых, неосознанность того, что отсутствие единой стратегии и проекта модернизации, охватывающего разные сферы российского общества превращает модернизацию в набор «экспромтов», позитивный эффект от которых быстро сойдет на «нет». В-пятых, отказ воспринять тот факт, что модернизация, осуществляемая преимущественно за счет внешних ресурсов и источников, без мобилизации собственного потенциала страны едва ли имеет серьезные шансы на успех. В-шестых, непонимание того, что модернизация на основе «механического копирования» зарубежных образцов без опоры на «креативный потенциал» собственной страны невозможна.

Российское общество, и в том числе его активная часть, остается в этой ситуации на правах «парии», лишаясь на перспективу доступа ко многим «благам и завоеваниям» цивилизации, а также перспектив развития. В чем же состоит для нашей страны выход из подобной «олигархо-бюрократической» контрмодернизационной «ловушки»? В реализации последовательной инновационной стратегии, основанной на менеджменте развития.

«Менеджмент развития» как вариант российского выбора

По нашему глубокому убеждению, России для успешного решения всего комплекса стоящих перед ней проблем необходим отказ от «менеджмента стабилизации» в пользу «менеджмента развития».

Менеджмент развития — стратегия государственной политики, нацеленная на неуклонное эволюционное повышение конкурентоспособности (жизнеспособности) общества и всех его подсистем, повышение качества социального капитала и стандартов жизни.

Менеджмент развития, в свою очередь, предполагает: 1) не управление по тенденциям, но реализацию долгосрочных стратегий во всех сферах жизни общества; 2) не спонтанные экспромты, но реализацию самостоятельного российского стратегического проекта «прорывного характера» (своеобразный российский аналог «Манхэттенского проекта»); 3) не реагирование на внешние вызовы, но проактивное конструирование новой геополитической реальности, отвечающей долгосрочным российским интересам; 4) не копирование внешних образцов, но самостоятельное стимулирование инноваций в разных сферах жизни российского общества; 5) не догоняющую модернизацию, но активизацию и мобилизацию все еще сохраняющегося модернизационного потенциала страны — образовательного, производственного, научно-технического — в рамках приоритетных проектов развития.

В содержательном аспекте применительно к условиям России менеджмент развития предполагает: 1) отказ от сырьевой модели развития в пользу индустриально-инновационной; 2) создание новой экономики на основе новых высокотехнологичных укладов; 3) отказ от свертывания механизмов «социального государства» в пользу модернизации механизмов социальной политики; 4) отказ от механического копирования зарубежных стандартов в сфере образования и науки в пользу развития национальной модели образования, соединяющей имеющиеся национальные достижения с передовым зарубежным опытом; 5) новую региональную политику — не перекраивание административно-территориального деления, но создание на базе межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия новых экономических регионов (по образу Франции 1960-х), способных консолидировать внутренние ресурсы и стать самостоятельными источниками роста.

Среди *критериев эффективности комплексной стратегии национального развития*, по нашему мнению, следует называть:

- *результативность*;
- *адекватность специфическим условиям страны* — национальному составу населения, специфике государственного устройства, историческим традициям политических отношений;
- *адаптивность к социально-экономическим и социально-культурным* изменениям;
- *комплексность* — способность одновременно решать различные аспекты национальных проблем (социальные, экономические, правовые);
- *эффективное функционирование механизма* обратных связей между субъектами и объектами государственной политики;
- *управляемость и стабильность* всей системы общественно-политических отношений.
- *последовательное стимулирование инноваций* во всех сферах жизни общества.

Можно сформулировать и основные принципы, на основе которых должна строиться *политика развития*:

- *рефлексивность* — способность к осмыслению всего комплекса присутствующих в социально-политической сфере проблем, промежуточных и итоговых результатов осуществляемых преобразований;
- *аналитичность* — аналитическое обоснование принимаемых в сфере политики решений, что предполагает использование специального аналитического инструментария как теоретиками, так и практиками реформаторского курса;
- *обоснованность принимаемых решений* с учетом параметров конкретной ситуации в сфере политических отношений;
- *технологичность* — опора практической политики на набор специализированных политических технологий;
- *прогностичность* — способность прогнозировать развитие ситуации в социально-политической сфере, развитие конкретной ситуации в сфере политических отношений, а также последствия принимаемых в этой сфере властно-политических решений;
- *гласность, открытость и подконтрольность* механизмов и процедур выработки и осуществления политики обществу;
- *задействование механизмов самоуправления и начал гражданской инициативы* при решений проблем в разных сферах жизни общества;

• *развитие механизмов помощи и защиты* «группам риска» и «проблемным группам», предоставление им льгот и привилегий на адресной основе;

• *опережающее, своевременное и оперативное реагирование* на возникающие напряжения и конфликты.

Следует признать, что российская власть пытается сегодня сформулировать искомую модернизационную стратегию для страны.

Так, в своих публичных выступлениях Президент России Д. Медведев и премьер-министр В. Путин неоднократно подчеркивали необходимость структурных реформ и технологической модернизации российской экономики, повышения ответственности власти и бизнеса в отношении выполнения их обязательств перед гражданами (и не только социальных), а также повышения роли публичных механизмов в политике с целью активизации диалога институтов государственной власти с различными институтами и сегментами гражданского общества.

Главный социально-экономический вывод из ситуации вокруг шахты «Распадской» и лесных пожаров в Центральной России состоит, на наш взгляд, в том, что экстенсивный в своей основе экономический рост, не подкрепленный соответствующими законодательными гарантиями безопасности со стороны государства, а также планомерной государственной политикой по развитию производственной инфраструктуры, может стать причиной многих проблем и даже трагедий.

Трагедия еще раз наглядно продемонстрировала, что без структурной перестройки российской экономики и технологической модернизации производства долгосрочная стабильность в в обществе и государстве едва ли достижимы.

В свою очередь, либерализация экономики без комплексного развития социальной сферы не способна решить всего комплекса социальных проблем, существующих в современной России. Помимо этого, без создания новой инновационной экономики (вместо нынешней «сырьевой»), без ее последовательной демонополизации и дебюрократизации не удастся решить весь комплекс проблем, стоящих сегодня перед Россией.

Острая социальная ситуация вокруг Междуреченска, сложившаяся после аварии на «Распадской», а также выгорание в результате пожаров многих сел и деревень также продемонстрировали, что без дальнейшего развития эффективной и полноценной системы местного самоуправления, в том числе на муниципальном уровне, без формирования необходимой правовой и финансовой базы местного самоуправления в регионах долгосрочной стабильности также не достичь.

Все это делает необходимыми и определенные политические модификации. Без дополнения единой властной вертикали системой «обратных связей», прочно связывающих между собой институты власти и гражданского общества, без развития публичной сферы полноценной общественной стабильности и качественного динамичного развития не достичь — что неоднократно подчеркивал в своих публичных выступлениях Президент России.

Неизбежны, наконец, и определенные выводы относительно современного состояния и потребностей развития социально-гуманитарной сферы. Никакая технологическая модернизация невозможна без модернизации образования, политика безудержного «секвестирования» которого в принципе неприемлема и недопустима. Более того, необходима качественно новая на-

учно-техническая политика государства, нацеленная на технологическое перевооружение и конкретно угольной отрасли, и производственной сферы в целом — без чего современные стандарты в обеспечении технологической безопасности и общей социальной защиты работников просто не достижимы. «Секвестр» лесотехнической отрасли также должен быть пересмотрен.

Помимо этого, в системе отношений «власть — собственники — наемные работники» необходимо усиление именно публичной составляющей подобного взаимодействия вместо нередко практикуемых «узкокорпоративных практик».

Наконец, в системе отношений «власть — собственники — работники» необходимо увеличение веса и роли профсоюзов как представителей наемного труда, превращение их из «клиентов» в полноценного субъекта гражданского и политического диалога.

Но главное — следует понять, что сама по себе одна только «вертикаль власти» не может быть проводником модернизации общества — необходима активизация горизонтальных, гражданских структур, на что неоднократно указывал в своих ежегодных «Посланиях» Президент России Д. Медведев.

Таким образом, общенациональный лидер, успешно выполнивший в 2000-е гг. функции «менеджера стабилизации», ныне призван проявить себя прежде всего как гибкий экономический стратег, т. е. превратиться в «менеджера развития». Консолидация и стабилизация больше не могут подменять модернизацию как таковую.

Альтернативы этому сценарию — «вялотекущая деградация» со сползанием страны в хаос, «перестройка — 2» со сломом теперь уже российской государственности, нарастание хаотических процессов в регионах с переносом их на общегосударственный уровень и др.

На наш взгляд, для избежания всех вышеперечисленных негативных сценариев и для реализации полноценной стратегии развития России необходимо не «минимальное» государство и тесно связанное с ним кастово-иерархическое общество, не «государство-патрон» — но «инновационное государство», генерирующее позитивные изменения в непосредственном взаимодействии с обществом и с отдельными его сегментами, которые должны рассматриваться не как простой «объект политики», но как способная генерировать новые формы социального капитала «проводящая среда изменений». Именно такой подход к запланированным преобразованиям, по нашему мнению, способен обеспечить их общий успех.

Литература

1. *Кургинян С.* Взрывы // Завтра. 2010. 8 июня.
2. *Кургинян С.* Кризис и другие // Завтра. 2009. 1 июля.

В.И. КОРНЯКОВ

О силах самоутверждения экономики

О самоутверждении социума не приходится говорить без из себя вырастающей, себя развивающей и себя утверждающей экономики. В РФ сегодня на ней — слоганы инновационного развития, всесторонней модернизации. Но за ними пока нет соответствующей экономики. Слоганы пришли от

государства, власти и пока еще не обозначают внутреннего вздымания самой социально-экономической толщи. В экономической литературе — убедительные перечни, характеристики существующих экономических и социальных вериг страны, тяжким грузом сковывающих экономический прогресс. Инновационное развитие, модернизация пока что не стали нормальным экономическим порядком, насаждаются сверху инициативными велениями государственной власти, вбиваются в общество словно гвозди. А без своих громких сегодняшних слоганов наша экономика предстает тем средоточием разрушения, отсталости и зияющих провалов, которое с болью обстоятельно диагностировалось все эти годы на мероприятиях и в изданиях Центра общественных наук МГУ. Нашей экономике из себя самой пока что нечем самоутверждаться. Себя утверждающей экономика станет, лишь прорвавшись в современность, в передовые. Силам экономического самоутверждения еще только предстоит сложиться, вырасти, и ими, конечно же, станут динамические силы ее прорыва, если таковой осуществится, произойдет.

Среди этих прорывных сил на виду прежде всего государство. Сейчас оно уже само де-факто поставило себя во главе прорывной экономической динамики. Но при этом перед собой на первое место выдвигает предпринимательский класс, заявляется частно-государственное партнерство. Через призму частно-государственного партнерства рассматриваются все другие силы и факторы — например, наука, подготовка кадров.

Конечно, потенции, мощь силы власти не следует недооценивать. В России XVIII в. Петровским реформам противостояли весьма мощные консервативные традиции, но царь победил: «…Над самой бездной / На высоте уздой железной / Россию поднял на дыбы». Однако времена изменились. Скоро двадцать лет «великой антисоциалистической революции» (Г.Х. Попов). За два десятилетия и Петр I, и Сталин с его партией ввели Россию в лидеры цивилизаций своих эпох. Но РФ, рухнув в бездну в начале 1990-х, все эти годы оставалась принципиально на одном и том же далеком от какого бы то ни было самоутверждения социально-экономическом уровне.

Уже это ставит вопрос: а действительно ли является частно-государственное партнерство в его нынешнем виде той могучей движущей силой, которая обеспечит России так необходимый ей прорыв в экономические лидеры? Почти двадцать лет наш частный капитал обходился без особого беспокойства по поводу производительности труда, инноваций, модернизации. И это не только в России. «Нет ни одного случая, даже включая США, — пишет известный специалист,– когда инновации создавались и реализовывались исключительно на основе частной инициативы» [1, 3]. Сейчас государство зовет, жмет, подталкивает капиталиста на прорыв. Но у последнего остается выбор. Никто не отбирает и не может отобрать у него прежних, со стажем источников прибыли. Под капитал пытаются подставить для сидения новый стул, жесткий и многохлопотный, вибрирующий, неустойчивый, ненадежный, изменчивый. Неужели непонятно, что будет делать наш бизнес?

Только бесконечно наивные могут ожидать, что каждая частная фирма, вняв призывам президента, начнет превращаться в малую Силиконовую долину. Покидать насиженное теплое место, перегромождаться, втискиваться в новое-неизвестное-меняющееся… Внутренний ответ основной массы бизнеса несомненен: «Нема дурних». А технология фактического отказа от реального «всамделишнего» участия давно освоена: имитация. Уже в СССР ухитрялись вести «развернутое строительство коммунизма» и брать высоты коммунистического труда без «самого важного, самого главного» — без соответ-

ственного повышения производительности труда и снижения стоимости продукции.

Не собираюсь отбирать хлеб у Счетной палаты, прокуратуры, журналистов и анализировать способы современной имитации участия в инновационном развитии экономики, модернизации. Но отмечу, что она проникает и в те государственные структуры, которые несут знамена технического и социального прогресса. Так, руководитель Нанотехнологического центра Израиля О.Л. Фиговский выразил свое «фу» главе «Нанотехнологий» А.Б. Чубайсу, обвинив его в краже своего советского патента… 1961 г. (!) и выдаче этих давних изобретений, не имеющих никакого отношения к сфере «нано», за новый результат, за итог своей бурной деятельности. Он, кстати, отметил, что израильский центр, имеющий в штате двух человек (1,5 ставки), успешно ведет разработки, в несколько раз превышающие те, которые проводят 400 человек центра Чубайса [2]. Понятно, при такой постановке дела нам Израиль (и не только его) не догнать. Кстати, историей поставленная перед Россией задача состоит не в том, чтобы технически и технологически догнать капиталистические страны. Она в куда большем: вернуться на провиденную В.И. Вернадским траекторию ноосферного развития, которая еще в 1950-е гг. обещала достичь цели на протяжении двух-трех поколений. С этой траектории сошла не только наша страна, но и вся современная цивилизация, завязнув в паутине эсхатологических кризисов. Если российскому частно-государственному партнерству не по плечу соревнование с Израилем, то о более высоких задачах не приходится и мечтать.

Драма российской экономики не только в том, что частный бизнес — провальный партнер государства и общества в повышении производительности, инновационном развитии. Экономически и социально изжила себя сверхприбыль частного бизнеса — всеми признанное «законное» основание и оправдание его функционирования. При повышении производительности труда и сбережении издержек бизнесу для получения сверхприбыли необходима неснижающаяся отпускная цена. Если предприниматель уменьшит цену в меру сокращения издержек, у него не будет сверхприбыли. Поэтому получением сверхприбыли (взамен снижения цены) он пресекает процесс распространения своих уменьшившихся издержек на все народное хозяйство, который доставил бы социуму реальную экономию общественного труда, многократно превышающую частную сверхприбыль. Это — гигантское расточение ресурсов страны, ухудшающее органическое строение производства, препятствующее созданию новых рабочих мест, а то и запрещающее таковое [3]. Вопрос стоит так: чем выше развитие частного предпринимательства, тем больше и острее указанный ущерб всей экономики. У сверхприбыли и соответственно частного предпринимательства нет будущего. Это обстоятельство окончательно зачеркивает частное капиталистическое предпринимательство и частно-государственное партнерство как сил ноосферного прорыва России и ее самоутверждения.

Таким образом, не из априорных идеологических соображений, а по итогам непредвзятого экономического анализа общество, правительство должны найти иные, более перспективные силы прорыва в лидеры и экономического самоутверждения России. Причем выбора не остается. Надо всматриваться в многомиллионную армию работников по найму, — рабочих, инженерно-технических работников. Кстати, именно этот социальный слой более всего соответствует пожеланию Президента Д.А. Медведева: «Хотел бы, чтобы модернизаторами выступал наш народ…» [4, 2].

Ныне их голоса в инновационном развитии, модернизации почти не слышно. Но история помнит роль ударников и стахановцев 1930-х гг., военных лет в становлении нашей промышленности, «бригад качества» (это до одной пятой всех рабочих концернов) — в «японском чуде». То есть в отличие от частного бизнеса, у этой социальной силы — громадный инновационный производительный потенциал. Он рожден ее положением в производстве. Кто бы не затевал инновацию, она становится производственным процессом усилиями именно этих субъектов экономики. Именно этот класс — монополист непосредственного трудового созидания-рождения благ. И вся проблема в том, как трудятся эти люди — инновационно или репродуктивно.

Но здесь нужно принять во внимание свершающийся (и в определенной мере уже свершившийся) всемирно-исторический поворот, который определяет пути вовлечения данного социального слоя в инновационное развитие, всестороннюю модернизацию. Царь Петр с одного взгляда видел, как работают сотни людей на строительстве корабля, его палка сразу меняла ситуацию. А теперь и зрительный надзор за работой, и тем более палка все неэффективней, бесполезней. Ибо работа вершится не руками с топором, а мозгом, мышлением работника. Их «напрягает» не окрик извне, а только сам работник — конечно, если захочет. Возник трудовой оппортунизм, замена работы ее видимостью. Мы входим, даже вошли, в эпоху, когда для вполне современной, качественной, высокопроизводительной, творчески инициативной работы (т. е. и для инновационного развития, и для всесторонней модернизации) необходимы внутренние согласие и готовность работника, когда он либо захвачен энтузиазмом, либо всерьез, глубоко заинтересован. Третьего не дано. Но трудовых энтузиазма, подвижничества у нас ныне нет и в помине. Значит, работника надо заинтересовать. Чем, как?

Участием в собственности на фирму? Это делалось множество раз. Чуда, перелома в темпах роста производительности труда, как правило, не происходило. Кстати, ни у советских стахановцев, ни у японских «бригад качества» не было долей в имущественной собственности. И обществу не нужна заинтересованность трудящихся, не являющихся специалистами в недвижимости, в имущественной собственности. Из них никогда не получится профессиональных риелторов. Все мы хотим, чтобы трудящиеся были заинтересованы в росте производительности, в инновационном развитии. Следовательно, они и должны быть наделены соответствующей собственностью — собственностью на достигаемое их усилиями повышение производительности труда. Разумеется, не на само увеличение выработки (это неконтролируемо), а на ее материализацию в уменьшении издержек — это может быть сделано достоверно устанавливаемым и прозрачным. И самое главное: не только и не столько на экономию на рабочем месте — это почти всегда малозначащая для работников величина. На многократно помноженную *большую экономию* (динамическую ренту) от распространения-складывания этой малой экономии рабочего места по технологическим цепочкам обработки, прямым и обратным связям в масштабе практически всего общественного производства.

В экономике как целостности одно изменение влечет за собой другие. Сегодня распространение индивидуальных экономий от повышения производительности — даже не в тени, оно напрочь перекрыто образованием, получением сверхприбыли. Заинтересовать работников нечем. Социуму придется определяться, что ему важнее-нужнее: привычное, ни к какой модернизации не ведущее хозяйствование частного предпринимателя, сжигающее ресурсы, высвобождаемые ростом производительности его рабочих, или пробуждение

креативной энергии этих работников передачей им (в полную экономическую собственность) тех ресурсов, которые эта энергия порождает. Этого вопроса пока просто не видят, но объективная реальность упорно ставит и ставит его. И обществу не миновать его не только обнаружить, но и решать, — конечно же, в интересах своего развития.

Общего решения проблемы не надо придумывать. Оно уже предложено американским экономистом И. Ставинским (правда, для США). Он предлагает объединить частные капиталы страны в единый национальный на паевых основах и выплачивать владельцам паев вместо обычной прибыли-сверхприбыли процент на собственность. Это не экспроприация, частная собственность сохраняется, но у частных собственников не будет ни желания, ни возможностей перекрывать движение снижений издержек по технологическим цепочкам обработки, пресекать образование страновых фондов экономии (динамической ренты) от индивидуальных увеличений производительности труда. Сложатся благоприятные объективные условия для развертывания реальной индивидуальной экономической собственности работников на достигаемые ими приросты производительности труда.

И проблема перейдет в плоскость того, как социум использует эти объективные условия. Будем ли мы действительно класть без утеснения и колебаний в карман трудящихся то, что они создадут, повышая свою производительность труда? Если рабочий, затевая инновацию, изначально будет видеть твердо-железно стоящие за ней рубли защищенного от посягательств дохода и знать, что добавление к выработке таких-то процентов — это соответственные проценты надежного увеличения также и его денег — такая невиданная ситуация «расчистит» путь к неограниченному повышению производительности. Но его динамическая рента рассеяна по всему общественному производству, и к ней не «пройти» без помогающих рук находящихся в такой же ситуации ближних и дальних соседей. Поэтому неизбежно грядет идущее с самого «низу», от работников, соединение индивидуальных интересов в общий с созданием новой производительной силы изнутри объединенного труда, которой впору стать главной силой экономического самоутверждения России.

Литература

1. *Гринберг Р.* Сколько стоит уравнение Максвелла // Российская газета. 2010. 13 сент.

2. http://www.rospres.com/showbiz/7161/.

3. *Корняков В.И.* О воспроизводстве новых рабочих мест // Экономист. 2008. № 7.

4. *Кузьмин В.* Без альтернативы. У России нет иного пути развития, кроме как через модернизацию // Российская газета. 2010. 13 сент.

А.А. РЕЗВАНОВ

Неформальные практики в российском малом бизнесе

В научных дискуссиях последнего времени актуализировался вопрос о том, как можно описать в контексте институциональной теории современный российский малый бизнес. Очевидный способ ответить на этот вопрос —

проанализировать баланс формальных и неформальных норм в деятельности бизнеса.

Первое, что сразу же бросается в глаза, — это якобы явное доминирование неформальных отношений над формальными отношениями и институтами. Специфика развития российского малого бизнеса определяет этот сдвиг от формальных правил игры к неформальным, от явных контрактов к неявным, от стандартных трансакций к персонализированным личностным сделкам. Во всех звеньях сложившегося хозяйственного механизма — на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предпринимателями — неписанные правила и договоренности имеют перевес над требованиями законов, условиями контрактов и другими формальными ограничениями. Для российского малого бизнеса характерны так называемые совмещающие сделки, когда договоры заключаются при соблюдении всех формальностей, но исполняются, в большинстве своем, «по обстоятельствам».

Можно говорить о нестандартных формах адаптации и даже достижении успеха. Но реально положение российского малого бизнеса предполагает внутреннюю устойчивость, воспроизводство отношений такими, каковы они есть. И в этом смысле нельзя говорить, что мы переживаем транзитивный период. Скорее, в субъективном восприятии, это мыслится как невозврат к модели прямого государственного вмешательства.

Чем же можно объяснить то, что неформальные правила доминируют в данном сегменте экономической деятельности? Можно, конечно, сослаться на то, что российский малый бизнес формировался стихийно в отсутствие цивилизованного малого предпринимательства, какое, например, сохранялось в Польше и ряде других стран в условиях социализма. Можно говорить о том, что неформальные нормы являлись мощным стимулом адаптации в условиях дефицита институциональных ресурсов и навязывания невыгодных для малого бизнеса правил игры.

Если российский малый бизнес так и не живет по понятным для всех правилам и на основе использования прозрачных унифицированных процедур, то, вероятно, дело не только в слабом государственном контроле. Формирование формальных правил блокировалось множеством факторов: и исключительной степенью неопределенности судьбы малого бизнеса на первоначальном этапе реформ; и тем, что в малый бизнес пришли люди по вынужденному выбору, которые не были знакомы с «азами» деловой этики и культуры; и незрелостью малого бизнеса, который имеет истоки в «челночестве»; и недостатком внимания со стороны руководства страны; и неэффективностью предлагаемых стимулов развития малого бизнеса.

В данной ситуации важно обозначить масштабность распространенности неформальных практик и механизмы воспроизводства. Эти два вопроса, несмотря на самостоятельность, взаимосвязаны между собой. Представители малого бизнеса, предъявляя обоснованные требования государству относительно соблюдения им же продуцируемых правил игры, достаточно неохотно выявляют и ставят вопрос о использовании неформальных механизмов. И здесь нельзя обойтись расхожей формулой, что «все поступают так». За годы реформ, как отмечает Т.И. Заславская [1, 137], системообразующие институты, общество, экономика, политика и право, подверглись преобразованиям в неодинаковой степени, не одновременно и с разным успехом. Отмечается, что в наиболее удручающем положении сегодня находится право. Именно асимметричность правовых норм и экономической деятельности не только вызы-

вает эффект осознания массового нарушения прав, но и сужает масштабы легитимного экономического пространства.

Государство олицетворяется часто как ответственное за нарушение прав по логике «сверху — вниз». Иными словами, в любых действиях государства можно с основанием или без основания подозревать административный синдром, скрытие за новыми правилами старых отношений, господство подчинения. Но все-таки остается неясным вопрос, почему же в современных условиях малый бизнес включается в неправовые (неформальные) отношения?

Здесь важно разделить, кто сделал добровольный выбор, а кто — вынужденный или действовал по схеме адаптации к обстоятельствам. Неформальные практики имеют различные аспекты. Как отмечает Н.К. Горшков, 37% предпринимателей признают, что для них действие не по правилам привлекательнее личностных и персональных контактов, приносит больше выгоды, дает больше уверенности в ведении дел, чем следование формальным правилам [2, 155]. Но среди этой категории респондентов большинство считают, что отношения складываются неплохо, но 53% отмечают достаточную хрупкость неправового поведения, уязвимость для вторжения в собственное дело.

Исходя из отмеченных данных, мы можем говорить о том, что добровольный выбор неформальных практик обусловлен тем, что в них видят меньше риска, чем в действиях по правилам. Создается впечатление, что следование формальным нормам, а не констелляция интересов, снижает возможности конкурентоспособности. Иными словами, представители малого бизнеса заявляют, что не имеют возможностей крупного и среднего бизнеса, которые позволили бы им действовать по правилам и, следовательно, относят формальные отношения к явному и неявному ресурсу экономической деятельности.

Главный вопрос, это вопрос о том, является ли включение в неформальные практики и неформальные социальные отношения условием развития или, напротив, стагнации малого бизнеса. И здесь нельзя дать однозначного ответа. С одной стороны, неформальные отношения продуцируются на микроуровни и адекватны уровню организационной и правовой культуры субъектов малого бизнеса. С другой — возникает постоянная напряженность между формальными (правовыми) и неформальными нормами. Нельзя сказать, что практика совмещения является достаточным основанием считать, что малый бизнес развивается в «нужном» направлении. Понятно, что малый бизнес пытается выжить сам. Но это выживание не связано с феноменом бедности. Можно констатировать, что если в малом бизнесе доминирует ставка на себя или на ближайший круг (семью, коллег по бизнесу), а отношения с государством сводятся к формуле «вы нас не трогайте, и мы вас не тронем», то увеличивается дистанция между формальными и неформальными нормами.

Другая очень важная составляющая часть неформальных отношений — это то, что они являются ресурсом социального капитала. Ведь неформальные отношения позволяют рассчитывать на помощь и поддержку родных и друзей. Эта помощь, прежде всего, заключается в использовании нужных связей и знакомств. Таким образом, в отношении формальных норм применяются критерии эгоизма, а неформальные нормы ассоциируются с признанием взаимопомощи. Такая разноориентированность порождает предпочтение неформальных отношений как стимулирующих самодостаточность и незави-

симость. А формальные связи выглядят избыточными, накладывающими дополнительные, часто затрагивающие интересы ведения дела, нормами.

Но, как отмечает Н.К. Горшков, нет оснований считать, что сложившаяся система взаимной поддержки способствует развитию малого бизнеса [2, 188]. Ведь лишь 52% представителей малого бизнеса думают, что благодаря помощи других они могут осуществить свои экономические цели. Здесь есть и основания считать, что действует принцип самодостаточности, опоры на собственные силы, а социальная поддержка выступает только механизмом выживания в чрезвычайных ситуациях, с которыми нельзя справиться в одиночку. Но, по нашему мнению, неформальные практики коррелируются с возможностью ведения бизнеса.

Анализируя проблему формирования экономических установок по использованию неформальных отношений, необходимо рассмотреть условия включения в неформальные отношения. Можно предположить, что как раз неформальные отношения и обеспечивают реализацию экономических интересов и сокращают неравенство с крупным и средним бизнесом до уровня нормального. В основном, данный вопрос может быть рассмотрен в контексте того, что неформальные отношения компенсируют нарушение принципа меритократии. Ведь только 1/3 россиян согласны с тем, что люди в России получают достойное вознаграждение за свои интеллектуальные способности и квалификацию [3, 179]. И поэтому неформальные отношения выступают сглаживающим механизмом в ликвидации неравенства между усилиями и вознаграждениями. Иными словами, данный предпринимательский слой позитивно оценивает неформальные отношения как стартовую площадку для реализации экономических стратегий. Разумеется, при этом должны, хотя бы формально, соблюдаться правовые процедуры. Но сама экономическая деятельность помещается в контекст неформальных отношений. И конечно, здесь важно определить, каковы границы неформальных отношений в процессе экономической деятельности, взаимодействии с другими экономическими субъектами.

Можно отметить, что неформальные отношения выступают своего рода символическим кодом экономической реальности, коллективных самопредставлений малого бизнеса. Но одновременно неформальные отношения отражают стихийность функционирования малого бизнеса. Главное в том, что они моделируют отношение к экономической деятельности как к деятельности, ориентированной на удовлетворение личностных потребностей. Хотя и стационарные изменения в экономике России вызвали к жизни новые социальные практики [1, 211]. Приведенные результаты исследований дают возможность сопоставимости формальных/неформальных практик. По мнению Т.И. Заславской, именно неформальные отношения, как ни странно, способствуют снижению контроля личности, антагонистичности малого бизнеса. Наверно, если бы малый бизнес действовал по правовым нормам, он бы постоянно конфронтировал с государством, и актуальным был бы вопрос о том, как изменить достигнутое стагнационное состояние с помощью мер социально-экономической политики.

Можно считать, что само проявление неформальных отношений еще не ведет их к процессу институционализации. Поскольку, считая нормой неформальное экономическое поведение, представители малого бизнеса различают ситуации, когда возможен успех при соблюдении правовой ситуации, и когда «противозаконные» действия вызывают ожидаемый эффект, и существенно повышает результативность применения неформальных отношений

сочетание законных и незаконных способов. Таким образом, обладание неформальными отношениями, готовность к неформальным отношениям — это те шансы, которые позволяют воспроизводить экономическую позицию.

Нельзя утверждать, что распространение неформальных отношений связано со слабостью формально-институциональных механизмов. В современных условиях обнаруживается интересная закономерность. Несмотря на то, что малый бизнес имеет перспективу большего доступа к правовым ресурсам, в предпринимательской среде ожидания правового поведения оказываются более низкими, чем можно предположить. На наш взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, обещанные государством правовые льготы могут не считаться слишком мощным стимулятором перехода в режим цивилизованного бизнеса. Во-вторых, что представляется главным, неформальные отношения обладают большей взаимовыгодностью и компенсированностью, нежели формальные, связанные с организационными и правовыми затратами.

Неформальные отношения, являясь устойчивым воспроизводящимся феноменом, конечно, имеют определенные институционально-правовые противовесы в виде контрольных механизмов государства. Можно назвать иные институциональные ограничения. Современные представители малого бизнеса — это люди, которые занимаются, по их собственному выражению, «каторжным» трудом. Это достаточно большой круг производственных и организационных забот. Бизнес в этой конкретной ситуации не рассчитывает на массу возможностей, больше полагаясь на динамику рыночных отношений, которые ограничены как внешними факторами (допустим, ценами на сырье), так и неформальными границами развития бизнеса. Это означает, что малый бизнес не склонен распространять форму неформальных отношений вне собственного дела и невозможен сценарий, по которому существуют неформальные договоренности между крупным, средним и малым бизнесом.

Еще в 2003 г. российский социолог Н.Е. Тихонова отмечала, что вопрос о том, кто выиграл, а кто проиграл от социальных последствий российских реформ, является краеугольным камнем для понимания вектора движения российского общества за последние годы. И, как правило, пытаясь ответить на этот вопрос, вспоминают олигархов, говорят о массовом обнищании народа, по сути, сводя эту проблему к различного рода личным идеологемам [4, 113]. Представители малого бизнеса относятся как раз к той трети российского населения, которая сумела подняться по социальной лестнице, но путем издержек профессиональной деградации, если не ограничиваться таким показателем восходящей социальной мобильности, как уровень доходов.

Не менее «драматическими» являются последствия применения неформальных отношений. Испытывая удовлетворение достигнутым и определенную самодостаточность, малый бизнес считает себя не выигравшим от введения рыночных институтов российского образца. Это, на наш взгляд, связано с тем, что реальный механизм происходившей за эти годы экономической селекции выявляет не столько статусные позиции малого бизнеса, сколько соотношение формальных и неформальных практик. Вот почему среди представителей малого бизнеса достаточно невысок процент тех, кто считает навыки работы на компьютере, овладение иностранными языками или готовность к постоянному обучению и саморазвитию наиболее значимыми факторами. Для них важнейшим условием, влияющим на направленность экономического поведения, является место в системе экономических правил игры.

На первый взгляд, неформальные практики повышают жизненные шансы и дают преференции по сравнению с легитимными секторами экономики. Конечно, и для малого бизнеса высок риск попасть «под жернова» нисходящей социальной мобильности. Ведь независимо от исходного уровня образования, даже достигнутого экономического капитала, неформальные отношения слишком рискогенны, чтобы считать свое положение устойчивым или хотя бы сохранить свой достигнутый социальный статус в условиях перемены векторов малого бизнеса. Иными словами, неформальные отношения стимулируют такой тип экономического поведения, который не только обеспечивает экономическую инициативу, но и негативно влияет на рост конкурентоспособности через легитимные способы повышения образовательного и профессионального уровня. И наиболее выпукло проявляется это в невысокой роли инвестиционного поведения. Знаменательно, что среди представителей малого бизнеса тех, кто готов вкладывать средства в развитие дела на долгосрочную перспективу, всего лишь 6,2%. Зато тех, кто надеется сохранить достигнутый уровень, почти 61%. Это оценка не только материального положения, но и того, что касается ведения собственного дела [5, 17].

Как правило, представители малого бизнеса ориентируются на рыночную экономику не абстрактно-институционально, а исходя из тех возможностей, которые предоставляет рынок для развития бизнеса. По данным исследования Н.Е. Тихоновой [4, 114], наибольшее число владельцев частных предприятий приходится на группу 35 — 44-летних. Обращает на себя внимание тот факт, что выработка рыночных стратегий поведения, усиление тенденции к самостоятельности, ослабление патернализма, как бы «красиво» не звучали, находится в пределах неформальной зависимости. Включенность в неформальные отношения не определяется образовательным или профессиональным статусом, являясь системообразующим фактором.

Необходимо различать два вида трудностей. Первый связан с тем, что, достигая непосредственно цели, обеспечивая достаточно высокий уровень благосостояния, предприниматель не всегда способен обеспечить эффективное и масштабное развитие своего бизнеса. Если же речь идет о долговременной перспективе, то неформальные отношения выполняют роль институционального ограничителя. В них меньше всего необходимо видеть ожидание помощи. В той модели экономического поведения, которая характерна для современной России, на вопрос: «Как вы думаете, кому принадлежит власть?» 44,1% предпринимателей и столько же непредпринимателей ответили — крупному капиталу (для сравнения, президенту соответственно 18,2 и 18,6%, чиновникам — 11,0 и 8,5%, народу — 1,0 и 0,9%) [6, 186].

Казалось бы, естественным врагом малого бизнеса выступает крупный бизнес. И на то есть свои причины. Располагая достаточными финансовыми и властными ресурсами, крупный бизнес лоббирует свои экономические интересы как на федеральном, так и на региональном уровне. Но важно отметить, что неформальные отношения как раз и являются «коридором» возможностей, дающих гарантию выживания. И доверительные отношения с конкретными чиновниками, конечно, важнее, чем с институтами, регулирующими участие государства в экономике. Следует отметить, что в предпринимательской среде отношение к работе, к ее престижности и значимости коррелируется с включенностью в систему неформальных отношений. Ведь 44,2% предпринимателей считают, что их бизнес есть условие достижения успехов будущего. Неформальные отношения — то, что фиксируется как неправовые практики, — дают бо

лшую уверенность Можно даже

инициативность, деловитость ассоциируются с возможностью успешно завязывать новые контакты и получать выгоду на уровне неформальных отношений.

Следует подчеркнуть, что существование неформальных отношений усиливает живучесть и функциональность малого бизнеса и является его «неотъемлемым» свойством. Но если смотреть на динамику развития малого бизнеса, то, конечно, можно говорить о социальной неэффективности, неспособности осуществлять техническую модернизацию, перевооружение производства, привлечение инвестиций и трансферт технологий, и самое главное — повышать качество и конкурентоспособность продукции. В том, что неформальные отношения конструктивны в контексте адаптации малого бизнеса и придания устойчивости достигнутым позициям, нет сомнения. Включенность в неформальные отношения определяет традиционность представляемых услуг и является ограничителем на введение таких инновационных рыночных институтов, как страхование и кредитование.

Конечно, нельзя забывать о тех рисках и трудностях, которые встают на пути малых предпринимателей. Как и недоинвестирование является не столько субъективной позицией, сколько тем неравномерным финансовым влиянием, которое присуще государственной политике. Можно сказать, что малый бизнес в неформальных отношениях создает пространство традиционализма в рыночной экономике. И как раз это является свидетельством того, что нельзя полностью даже при помощи современных рыночных механизмов вытеснить традиционное производство, каким бы примитивным оно не казалось.

Для малого бизнеса присутствие неформальных отношений, не являясь источником порядка, все-таки структурирует внутреннюю среду и позволяет достичь равновесия с конкурентами по бизнесу. Исходя из сложившейся ситуации, корректно сказать о том, что воздействие неформальных отношений на экономический процесс заключается в замыкании в узкогрупповых интересах и снижает готовность к участию в модернизации. Это влияет и на поиск необходимых материальных, интеллектуальных и управленческих ресурсов для развития малого бизнеса.

Не будучи «вершителем судеб» малого бизнеса как системы, неформальные отношения накладывают существенный отпечаток на состояние внутрирыночной сферы, и во многом предопределяют правила игры, в которой она основана. Его влияние, прежде всего, является в «закупорке» каналов взаимодействия между представителями малого бизнеса, которые подходят к неформальным отношениям с позиции индивидуального контакта и поэтому не склонны переоценивать роль профессиональных и деловых ассоциаций. Этот своего рода «институт» укрепляет позиции сторонников самодостаточности бизнеса. И, отражая не столько приращение рыночных механизмов, сколько неформальный контроль, который устанавливается над малым бизнесом со стороны крупного бизнеса и связанных с ним властных структур. Растущая заинтересованность в доверительных отношениях с местными сообществами, конкуренция за лояльность государству, требует повышения роли институциональных механизмов, прежде всего в обеспечении экономической безопасности. Подобная конструктивная тенденция прослеживается на региональном уровне, является неосновной.

Казалось бы, малый бизнес достиг того уровня, когда институционализация необходима для достижения рутинных целей. И в то же время осмысление сложных процессов взаимодействия внутри малого бизнеса и с

другими экономическими субъектами свидетельствует о том, что формальные механизмы вкраплены в универсальную инфраструктуру неформальных отношений.

Отметим, что обращает на себя внимание воспроизводство неформальных отношений на протяжении развития российского бизнеса (последних 10 лет). Можно согласится и с П.Е. Перегудовым, что это прямое продолжение нормы практик, сформировавшихся в предшествующий период перераспределения собственности, когда собственник, осознающий нелегитимность или крайне слабую легитимность своего состояния и своих активов, бюрократ с психологией рантье обречены действовать по формуле обмена «товар — административный ресурс на товар — деньги», «товар — активы на товар — статус на товар — рента» [6, 224].

Но малый бизнес не так привлекателен как средний и крупный в смысле принятия наиболее важных экономических решений, а также извлечения должностной ренты. Если говорить об этом сегменте экономики, речь, наверное, идет скорее о неформальных отношениях как о том компромиссе, который существует между малым бизнесом и государством. Это позволяет не абсолютизировать государственный контроль и согласовывать наиболее существенные позиции путем взаимовыгодных сделок. Неформальные отношения удерживают малый бизнес в фрагментарном, индивидуализированном состоянии и отвечают позиции самодостаточности. Но если судить о тенденции консолидации, стремлении обозначить свое место и свой конструктивный вклад в развитие экономики, конечно, неформальные отношения не приносят высоких дивидендов.

Трудно сказать, когда будет достигнута деформализация экономических отношений. Но очевидно, что малый бизнес вступил в полосу развития, когда формальные отношения более полезны для него, способствуя как росту конкуренции, так и укреплению самостоятельных позиций в российской экономике. По крайней мере, они не являются тем институциональным препятствием, которое бы влияло на поддержание должностного бремени, связывающего бизнес и бюрократию. То, что можно назвать институционализацией взаимодействия малого бизнеса с федеральными, региональными и местными властями (консультации, контрактные отношения), конечно, касается в большей степени и крупного бизнеса. И перенос на деформализацию возможен, когда и малый бизнес будет иметь свой спектр возможностей включения в реальные контрактные отношения.

В целом, можно отметить, что малый бизнес, позиционируемый как сфера неформализованной экономики, включен в эту систему в той же степени, как средний и крупный бизнес. Другое дело, что малый бизнес, в силу ограниченности доступа к правовым и политическим ресурсам, вынужден действовать на экономическом микроуровне и отдален от заключения контрактных отношений с властью. Поэтому доверие к отдельным чиновникам, возможности «уладить дело», «разрулить вопрос» являются до сих пор безальтернативными в сфере малого бизнеса. Такая ситуация приводит к деиндивидуализированному, анархическому состоянию малого бизнеса. И выход заключается как в совершенствовании институциональных механизмов, так и в предоставлении малому бизнесу больших возможностей для взаимодействия с властными структурами на легитимной основе.

Обозначенная исследовательская задача обусловлена не только объективными особенностями самого предмета. Возникают серьезные трудности методологического характера, вызванные тем, что само перечисление инсти-

туциональных и структурных ограничений, эффективных при анализе так называемого нормативного бизнеса, может быть неадекватным, даже малопродуктивным для характеристики российского малого бизнеса как особой формы экономической деятельности.

Состояние и динамика малого бизнеса не могут быть отрегулированы только формальным контролем, который нарушит равновесие системы. Таким образом, в понимании экономической деятельности необходимо учитывать не только нормативность, но и тренды социального микроуровня. Единственная необходимая поправка заключается в выведении экономической деятельности из иерархии поведенческих установок как интернализированного экономического опыта, сопряженного с реализацией определенных экономических целей.

По утверждению российского исследователя Н.П. Наумовой, чем выше статус, тем рациональнее решение экономических проблем [7, 477]. Малый бизнес в российских реалиях может лишь в перспективе стремиться к деятельности в сфере экономической рациональности. Тем не менее, российский малый бизнес проявляет не только умение держаться на плаву, адаптироваться к смене правил игры, но и готов участвовать в социальных контрактных отношениях, взаимодействовать с экономическими и политическими субъектами при условии стабильности экономических правил. Правда, действующие механизмы экономической селекции и синдром самодостаточности делают необходимым внесение поправок в нормативную модель. Иными словами, гибкость экономического поведения, по которым функционирует малый бизнес — наиболее эффективный ответ на сложившуюся ситуацию. В малом бизнесе изменения, вносимые извне, воспринимаются как естественные, как те условия, к которым необходимо либо приспособиться, либо их изменить в свою пользу, а при выборе конкретного варианта действий реализуется установка на анализ экономических стратегий как устойчивых доминирующих моделей экономического поведения, фиксирующих наиболее повторяющиеся социально-политические, хозяйственные, правовые и организационно-институциональные условия предпринимательской деятельности.

Литература

1. Куда идет Россия: формальные институты и практики / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2002.

2. Свобода, неравенство, братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина. Под общ. ред. М.К. Горшкова. М., 2007.

3. Социальное неравенство и публичная политика / Под ред. В.А. Медведева, М.К. Горшкова, Ю.А. Красина. М., 2007.

4. Куда пришла Россия: итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2003.

5. Малый и средний бизнес — основа социально-экономического развития России в XXI веке: Матер. конфер. М., 2008.

6. Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007.

7. *Наумова Н.П.* Человек и модернизация России. М., 2006.

Г.А. РОДИНА

Эволюция критериев экономического благосостояния населения

Используя нелюбимую экономистами систему координат «хорошо — плохо» для поиска критериев общественного благополучия, можно выделить два аспекта. Во-первых — эндогенный (внутренний), характеризующий субъективные оценки самого общества и его отдельных членов относительно того, хорошо им живется или нет, т. е. своеобразный срез национального *само*чувствия, самоощущения. Так, бедное общество может чувствовать себя вполне комфортно; но можно в то же время есть на завтрак бутерброды с черной икрой и думать, что жизнь не удалась. Во-вторых — экзогенный (внешний) аспект, характеризующий соответствие или несоответствие национального благосостояния мировым критериям общественного благополучия. Мы не рассматриваем первый аспект; наш предмет — оценка критериев социально-экономического благосостояния, эволюционирующих в ходе трансформации мировой экономики за последние полвека.

Отправной точкой нашего исследования является 1961 г., когда XXII съезд КПСС принял Программу построения коммунизма в СССР к 1981 г. В первом варианте текста этой Программы содержались конкретные количественные характеристики производства чугуна, стали, цемента, ткани и т. д. в качестве целей и одновременно критериев выполнения Программы. Для нас важно, что эти критерии выглядели в виде валовых показателей выпуска товаров, имеющих вещную форму. Мировое лидерство в *их* производстве отождествлялось с мировым лидерством *вообще*. Лозунг того времени «Догнать и перегнать!» означал именно это: превзойти другие страны (прежде всего, США) в выплавке стали, выпуске цемента и пр. — за счет превосходства в количественных темпах роста. Вполне реальный лозунг для второй (по валовому продукту) экономики в мире.

Полвека назад наши отечественные критерии национального благосостояния представляли собой критерии экстенсивно развивающегося индустриального общества, что, в общем-то, соответствовало мировым тенденциям развития.

Четверть века спустя (середина 1980-х гг.) наша страна также оказалась в судьбоносном для себя времени, — начале перестройки. Открылась новая страница национальной истории, перечеркнувшая ориентиры прошлой жизни. И все же… С некоторой натяжкой можно признать, что Программа построения коммунизма в СССР практически оказалась выполненной по тем объемным экономическим показателям, которые были заложены в ней: к 1985 г. страна вышла на первое место в мире по чугуну, стали, минеральным удобрениям. Удельный вес таких отраслей, как машиностроение, металлообработка, химия и нефтехимия, электроэнергетика, определявших научно-технический прогресс в народном хозяйстве, вырос почти вдвое и достиг в совокупном общественном продукте в 1985 г. 38%. Однако в индустриально развитых странах доля этих отраслей достигала в то время уже 55 — 65%, что свидетельствовало об успешном переходе на преимущественно интенсивные рельсы развития. Нельзя сказать, что обозначившееся отставание советской экономики не осознавалось — вчетверо было сокращено количество строящихся крупных промышленных предприятий, создавались научно-производственные объединения, были созданы новые отрасли — роботостроение, микроэлектроника, атомное машиностроение и др. Но определяю-

щими для развития экономики эти тенденции не стали. К 1985 г. в СССР насчитывалось не более нескольких десятков тысяч компьютеров и ЭВМ (в то время как в США — 1,5 млн новейших ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров и ЭВМ). К началу 1980-х гг. доля ручного труда в отечественном народном хозяйстве составила: в промышленности — 40%, в сельском хозяйстве — 75%.

Замедлились темпы роста валовой продукции и в сельском хозяйстве (с 4,3% в начале 1960-х гг. — до 1,4% к 1985 г.), несмотря на огромные капиталовложения. Причина заключалась в их неэффективном использовании: они вкладывались не в интенсификацию сельхозпроизводства, а в сооружение гигантских комплексов, непродуманную мелиорацию и химизацию почвы. Так, болотистые земли в Ростовском районе Ярославской области не столько осушили, сколько иссушили, а агропромышленная интеграция, задуманная как соединение сельского хозяйства с обслуживающими его отраслями «напрямую», выродилась в чисто административную структуру. Большинство колхозов и совхозов оказались убыточными, в результате Советский Союз продолжал осуществлять массовые закупки зерна (в среднем 40 млн т в год). Не помогла выходу из кризиса и принятая в 1982 г. Продовольственная программа.

К сожалению, оценивая достижения отечественного экономического развития за 25 лет (от момента постановки известных целей в 1961 г.), приходится с грустью констатировать, что первое место, скажем, по стали стало не столько предметом гордости, сколько признаком экономической отсталости.

Дело в том, что за четверть века мир изменился: наметился переход к постиндустриальному, информационному, *knowledge based society*, что породило две тенденции в мировой экономике:

- глобализацию;
- социализацию — гуманизацию общественного производства на базе инновационного типа экономического роста.

В итоге мир осознал потребность в замене критериев экстенсивно развивающегося индустриального общества некими «очеловеченными» критериями, к чему мы оказались не готовы, продолжая гордиться тем, что «делаем ракеты и перекрыли Енисей». Все те же экстенсивные рельсы, обремененные остаточным принципом финансирования социалки.

Так, в отличие от начала 1960-х гг., к середине 1980-х гг. наши внутренние критерии общественного благополучия (по крайней мере, официально декларируемые) вступили в противоречие с мировыми.

Новым мировым критерием социально-экономического благополучия стал разработанный ООН и впервые примененный в 1991 г. ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). Он представлял из себя сводный национальный показатель, составляемый на основе трех характеристик:

1) индекса реального валового внутреннего продукта на душу населения;

2) средней продолжительности предстоящей жизни;

3) уровня образованности.

Основная идея, которая в то время считалась радикальной, заключалась в следующем: о развитии страны следует судить не только по показателю экономического роста, как это делалось в течение долгого времени, но и по достижениям в области здоровья и образования, которые также поддаются измерению в большинстве стран. Главными целями социально-

экономического развития провозглашались: долгая, здоровая, творческая жизнь, доступ к знаниям и достойный уровень жизни, т. е. в центре развития должен находиться *человек*. Люди — как индивидуально, так и в группах — одновременно являются и бенефициариями, и движущей силой развития человека. Это новое определение подчеркивает суть развития человека: мотивы устойчивости, справедливости, расширения прав и полномочий и присущую данному подходу гибкость. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что понятия человеческого развития и благополучия выходят далеко за обозначенные в ИРЧП рамки и должны включать в себя гораздо более широкий набор возможностей, в том числе политические свободы, права человека и, перефразируя Адама Смита, «возможность ходить по улице, не испытывая чувства стыда» (критерий так называемой в наше время социальной бедности). Главное достоинство нового подхода заключалось в том, что от объемных показателей экономического роста было предложено перейти к расширению спектра выбора для людей».

В ноябре 2010 г. был опубликован юбилейный, двадцатый, Доклад о развитии человека, озаглавленный «Реальное богатство народов: путь к развитию человека» [1]. Первая десятка стран, в соответствии с расчетами ООН, выглядит следующим образом: 1) Норвегия; 2) Австралия; 3) Новая Зеландия; 4) США; 5) Ирландия; 6) Лихтенштейн; 7) Нидерланды; 8) Канада; 9) Швеция; 10) Германия.

Заметим, что в мире сегодня есть страны, где ВВП на душу населения выше, чем в группе лидеров (обычно в качестве такой базы для сравнения берется США), однако они в эту группу сегодня не включаются! Например, Сингапур (27-е место), ОАЭ (32-е место), Кувейт (47-е место). Да и в лидирующей десятке отсутствует корреляция между подушевым доходом и рейтингом: так, ВВП на душу населения в Лихтенштейне вдвое выше, чем в США, однако американский рейтинг выше.

Российская Федерация расположилась на 65-м месте, между Албанией (64-е место) и Казахстаном (66-е место). Замыкает список Зимбабве — 169-е место.

Несмотря на то, что ИРЧП начал применяться 20 лет назад, его можно рассчитать применительно к любому периоду при наличии статистической базы. Интересно проследить, как менялся российский рейтинг в мире за последние 25 лет (более ранние периоды чреваты слишком большой погрешностью).

- Начнем с предперестроечных лет — середина 1980-х гг.: наш, еще советский, рейтинг определялся между 20-м и 25-м местами.
- Начало российского суверенитета — 1991 г. — 33-е место.
- Канун дефолта и девальвации 17 августа 1998 г. — 60-е место.
- Смена Ельцинской эпохи — Путинской — декабрь 1999 г. — 73-е место.
- Середина 2000-х гг. — 2005 г. — 68-е место.
- Наконец, 2010 г. — 65-е место.

Казалось бы, с учетом всего вышесказанного вопрос о том, *отражает ли рост валового внутреннего продукта на душу населения рост экономического благосостояния в XXI в.*, может считаться риторическим. Однако сегодня существует две противоположные точки зрения.

1. Да, отражает, поскольку «прилив поднимает все лодки». Иными словами, рост общенационального пирога неминуемо улучшит жизнь всех граждан.

2. Нет, не отражает, поскольку ВВП отражает все, что угодно, кроме того, ради чего стоит жить (пример: опросы общественного мнения относительно того, гарантирует ли более высокий доход большее счастье).

Чтобы разобраться в обеих точках зрения, сравним Францию и США.

В 2010 г. французский уровень ВВП на душу населения составил 70% от американского. Однако по ощущению экономического благосостояния уровень Франции приблизительно равен уровню США. Почему? Оказывается, французский уровень следует подкорректировать следующим образом:

- во-первых, к этому уровню нужно прибавить 11% за более высокую продолжительность жизни (80 лет во Франции против 76 лет в США);
- во-вторых, к этому уровню нужно прибавить еще 14% за большее свободное время (35-часовая рабочая неделя с месячным отпуском во Франции против 40-часовой рабочей недели и двухнедельным отпуском в США);
- в-третьих, к этому уровню нужно прибавить еще 12% за меньшее неравенство (оно исчисляется коэффициентом Джини, который во Франции составляет 0,3, а в США — 0,45).

Путем несложных расчетом получаем: 70% + (11 + 14 + 12)% х 0,7 = 95,9%, т. е. почти 100% уровня США.

Теперь применим данную методику к оценке реального уровня благополучия в России, в сравнении с Соединенными Штатами.

В 2010 г. российский уровень ВВП на душу населения составил 34% от американского. Произведем соответствующую корректировку:

- во-первых, от этого уровня нужно отнять 50% за менее высокую продолжительность жизни (68 лет в России против 76 лет в США; при этом негативным фактором является не только меньшая продолжительность жизни россиянина, по сравнению с американцем, но и колоссальный разрыв между продолжительностью жизни мужчин РФ — 61,8 лет — и женщин РФ — 74,2 года);
- во-вторых, к этому уровню нужно прибавить 0,5% за большее свободное время (40-часовая рабочая неделя с месячным отпуском в России против 40-часовой рабочей недели и двухнедельным отпуском в США);
- в-третьих, от этого уровня нужно отнять 7% за большее неравенство (несмотря на то, что коэффициент Джини в РФ составляет 0,4 против 0,45 в США, реальное неравенство в России выше, поскольку в отечественный расчет не попадает 1% «верхов» — олигархов, скрывающих свои доходы, да еще верхняя доля среднего класса тоже не попадает в статистические обследования по той же причине).

В итоге получаем: 34% + (– 50 + 0,5 – 7)% х 0,34 = 15% уровня США.

Современная трактовка полученных исследований выглядит весьма пессимистично: *американец готов отдать до 85% своего дохода, лишь бы не родиться в России!*

Можно вполне аргументированно констатировать, что за последнюю четверть века практически произошла социальная революция, выразившаяся в *возрастании роли нематериальных критериев в оценке общественного благополучия;* в частности, было признано, что, во-первых, развитие человека отличается от экономического роста; во-вторых, существенные достижения возможны даже без быстрого экономического роста. Недаром благополучные

общества столкнулись с явлением дауншифтинга[2], когда материально обеспеченные люди уходят в Тибет, создают коммуны и пытаются обрести гармонию в соединении с природой.

Учитываются ли эти качественные изменения экономической политикой в России? Нет! Поэтому я заканчиваю данную статью открытым вопросом: насколько нам нужно продолжать ориентироваться на увеличение темпов роста ВВП (насколько актуальны задачи его удвоения, утроения и т. д.)? Не лучше ли повысить качество медицинского обслуживания, увеличить продолжительность жизни, сократить количество абортов, бомжей и т. п.?

Предвижу возражения моих оппонентов: для повышения качества медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни и т. п. необходимы средства, которые можно взять лишь из возросшего ВВП. Однако ход мирового развития опровергает эти аргументы: в целом, бедные страны догоняют по ИРЧП богатые страны (блестящими примерами являются Коста Рика, Куба, Шри-Ланка, достигшие более высокого уровня развития человека, чем другие, при умеренном росте доходов). Такое сближение дает гораздо более оптимистичную картину, чем точка зрения, ограничивающаяся рассмотрением тенденций в области доходов, где продолжалась дивергенция.

Литература

1. Доклад ООН 04.11.2010 о развитии человека «Реальное богатство народов: путь к развитию человека» // Электронный документ // http://hdr.undp.org/en/media/ HDR10%20RU%20Summary_without%20table.pdf.
2. http://www.downshifting.ru/.

В.М. СОЛОГУБОВ

Уроки мирового финансового кризиса

В очередной раз в ходе кризиса 2008 г. экономическая теория не нашла подтверждения своих положений. Согласно макроэкономической теории, стабильно низкая инфляция обеспечивает физическим и юридическим лицам доверие и уверенность в будущем. При этом расходы и сбережения уверенно растут, определяя наибольший рост национальных экономик без провоцирования инфляции. В начале 1990-х была отмечена инфляция финансовых активов, не вызывавшая особенной тревоги, но 15 сентября 2008 г. лопнул ипотечный пузырь, который годами надувался банками. Естественно, банки сами стали первыми жертвами и вынуждены были перекрыть кредитные каналы, лишившись своего основного уставного дохода. Образовался тупик. На фоне довольно низких цен стремительно сокращается занятость. Макроэкономическая теория не объясняет этот феномен. Для выхода из опасного круга потребовались бюджетные вливания и мобилизация других рычагов политики.

[2] *Дауншифтинг* (от англ. *downshifting*) — сленговый термин, означающий философию «жизни ради себя», отказа от чужих, в том числе навязанных обществом, целей наподобие карьерного роста, счета в банке, собственного дома — своеобразный выбор «простой жизни». Дауншифтеры отказываются от доходов и стрессов в пользу свободного времени, увлечений и общения с семьей [2].

Макроэкономическая теория утверждает, что бюджетное вмешательство не является эффективным регулятором и стимулятором деловой активности. Более того, оно опасно, так как неминуемо вызывает повышение налогов для компенсации бюджетных затрат на эти цели. В свою очередь увеличение налогов сократит потребление, что затем снизит деловую активность. В результате бюджетная поддержка окажется бесполезной. Однако эти теоретические выкладки никогда не подтверждались практикой.

Использование бюджета автоматически приводит к росту государственного долга, что, исходя из макроэкономической аксиомы, плохо в принципе. Но в период жестокого кризиса, когда драматически снижались потребление и инвестиции, только государство может восстановить уровень деловой активности.

На этих двух примерах видно, что кризис показал ошибочность гипотезы и доминантных моделей политической экономии, предшествовавших кризису. На самом деле, это стало очевидным еще до кризиса. Центральные банки отпустили индекс инфляции до не более 2% при согласии правительств увеличить дефицит баланса для поддержания деловой активности. Делалось это вынужденно, не обращая внимания на отказ от стандартов теоретически правильной политики.

Поскольку низкий индекс инфляции не обеспечивает экономического роста, надо было поднять индекс инфляции до 4% и выше. Однако такие предложения, по мнению многих специалистов, были неуместны и опасны для национальной экономики. Основная забота центральных банков — иметь возможность маневрировать в пору кризисов. Таким образом, завышенный индекс инфляции влечет повышение учетной ставки (ставки рефинансирования), и в случае наступления кризиса есть возможность отступить, снизить учетную ставку и избежать рецессии. До кризиса — в 2007 г. — кредитная ставка в США была 5%, в Европе — 4%. В 2010 г. стало очевидно, что надо было бы иметь учетные ставки в 2007 г. около 7 — 8%.

С точки зрения физических и юридических лиц, не очень важен тот факт, что возрастающая инфляция влияет на кредитные ставки. Их забота сосредоточена на том, что при увеличении ставки сокращается объем инвестиций в ущерб экономическому росту. Та же логика главенствует и в бюджетной сфере. Чем меньше государственный долг, тем легче осуществлять массивную поддержку экономических операторов в период кризисов [1].

Следовательно, в период экономического роста вместо необдуманных общественных расходов необходимо инвестировать в будущее с учетом строгой экономии, чтобы быть готовым к возможным осложнениям на мировом финансовом рынке. Этот простой и логичный тезис изложен кратко Оливером Бланшаром: постоянная бережливость сегодня есть лучшая гарантия поддержания постоянного экономического роста перед лицом будущих кризисов [2].

К сожалению, вплоть до сегодняшнего дня ни министры финансов, ни председатели центральных банков не воспринимают всерьез эти выводы теоретиков. Подытоживая негативный опыт и ошибки прошлого, известные теоретики-экономисты [1; 3] пришли к выводу: кризисы последних 20 лет принесли значительные убытки как странам Юга, так и Севера, а также всей мировой финансовой системе. Стало очевидным, что необходимы жесткая регламентация банковской деятельности, а также монетарная и банковская политика, направленная на поддержку экономического роста и занятости. Контроль над коммерческими банками со стороны центральных банков должен выражаться в первую очередь в контроле над их рисками для предупреждения

макроэкономических последствий кризисов. После кризиса 2008 г. следует ожидать более острой критики либеральной политики правительств по отношению к банковской деятельности. Мы видим, что уже в 2010 г. такая критика стремительно набирает обороты в США и Европе.

Главы государств и правительств G20 единодушно признают необходимость сломать диктат финансовой власти, для выхода из кризиса. Оптимисты считают, что перечень антикризисных мер внушителен и эффективен. Ничего не ускользнет от бдительного ока государства: банки, спекулятивные фонды, деривативы, налоговый рай и др. Американцы первыми приняли впечатляющий закон о финансовом регулировании.

На саммите G20 27 июня 2010 г. была высказана решимость ограничить нестабильность финансов и поставить финансы на службу экономике. Однако предложение создать антикризисный фонд для предотвращения возникновения кризисов в будущем не было принято в силу разногласий между членами «двадцатки». Но даже в случае консенсуса эта идея не имеет шансов быть реализованной, поскольку сама «двадцатка» не имеет юридического статуса, являясь, по сути, клубом «по интересам».

Имеет ли пределы финансовая власть? В течение 2000 — 2008 гг. банкиры, спекулятивные фонды и другие финансовые операторы обогатились за счет спекуляций в огромных масштабах. Правительства вынуждены были мобилизовать миллиарды евро и долларов, чтобы спасти банки и избежать погружения экономики в глубокую депрессию.

Что изменилось с 15 сентября 2008 г.? Априори — ничего. Банки поспешили вернуть долг государствам за предоставленные практически безо всяких условий кредиты и оказались со свободными руками. На рынках продолжалась откровенная спекуляция: они воспользовались нестабильностью, которую сами и создали, так как чем больше волатильность, тем больше можно выиграть, тем большие бонусы можно получать.

В то же время великие державы «двадцатки» единодушно высказались за ограничение финансовой власти. Интеллектуалы правого и левого толка квалифицировали решение G20 как «G бесполезная». Прошло достаточно времени после 15 сентября 2008 г., но политика регулирования не сдвинулась с места. Здесь уместно сравнить нынешнее положение с аналогичными ситуациями в прошлом. 1906 г. — финансовая паника в США. Только через 6 лет был создан… центральный банк (ФРС). 1929 г. — Великая депрессия. Только с 1933 г. начали вводить регуляционные меры. Есть все основания считать, что такой временной лаг мы увидим и в настоящее время.

Что означает в действительности мощь банков? Финансы проявляют свою мощь в четырех аспектах. Прежде всего, это практически неограниченная власть, дестабилизирующая экономику: в течение 30 последних лет частота финансовых кризисов увеличилась, а кризис 2007 г. стал исключительным по своему размаху и серьезности.

Второй аспект — финансы вынуждают предприятия стремиться к сиюминутной рентабельности за счет сокращения занятости, справедливого распределения прибавочной стоимости и удлинения сроков реализации промышленных проектов.

Третий аспект — финансы организуют использование фондов и интеллектуальных ресурсов для своей выгоды. Начиная с 1980-х гг. доход финансового сектора непрерывно увеличивается по сравнению с остальными секторами мирового хозяйства.

И, наконец, финансы имеют значительное влияние на публичную политику. Достаточно сослаться на фискальную и регламентационную политику государств перед кризисом или спасительные кредиты крупнейшим банкам, которые считались слишком большими, чтобы допустить их банкротство.

Фактически институты контроля над финансами были созданы или усилены. Особое внимание придается банкам и спекулятивным фондам, но они обладают достаточной политической мощью для сопротивления. Нет свидетельств того, что им это не удастся. Даже если государственные меры контроля принесут успех, необходимо создание надежных инструментов, обеспечивающих изменение поведения банков и акционеров.

Кризис оживил дискуссии в научной среде о причинах возникновения кризисов и о соотношении государственного и рыночного факторов в антикризисном управлении финансовым рынком. На этом поле, как всегда, сталкиваются позиции либеральных экономистов и сторонников государственного регулирования. Никто из них не смог предусмотреть кризиса. Однако главный эмпирический прогноз теории эффективных рынков состоит ровно в том, что никто не знает, куда может пойти развитие рынка — ни благонамеренные государственные чиновники, ни опытные менеджеры хедж-фондов, ни академические ученые не смогли предсказать наступление кризиса. Например, текущая эффективность акций никоим образом не свидетельствует о стабильности фондового рынка. Стабильный рост, на самом деле, был бы грубым нарушением идеи эффективности. Из этого следует: предугадать финансовый кризис невозможно. Однако остается возможность создания таких международных и национальных антикризисных институтов, которые способны облегчить последствия кризиса и ускорить выход из него.

Особенно важна социальная антикризисная политика. Вот некоторые примеры из западноевропейского опыта

В начале 2010 г., по данным INSEE — Национального института статистики и экономических исследований (Франция), индекс безработицы в США и Европейском союзе приблизился к критическому уровню в 10%.

Около 40% безработных не имели никакого трудового дохода, что является рекордным показателем. Их судьба вызывает обоснованное беспокойство, хотя ситуация не нова. Шанс найти работу для нынешних безработных очень мал в условиях текущего кризиса. Среди мер смягчения последствий кризиса предлагается, например, обеспечить 60% стабильной заработной платы за шесть месяцев до ухода на пенсию в 2011 г.

Замещающему его безработному в течение этих месяцев также выплачивается часть заработной платы из фонда национальной солидарности. В течение этих стыковых шести месяцев уходящий должен передать свой опыт новому работнику, который принимается на работу по контракту с неопределенным сроком действия (CDI). Этот способ позволил сохранить около 100 000 рабочих мест, что стоило государственному бюджету до 1,7 млрд евро [4, 26].

Заметную роль в решении проблемы занятости во время и после кризиса должны сыграть комитеты (или советы) предпринимателей (CE) — аналоги российских союзов предпринимателей. Помимо их главной экономической функции они предлагают общественную и культурную активность большому числу наемной рабочей силы и особенно — самой обездоленной его части.

Не меньшую активность проявляют такие комитеты во Франции (сеть Сезам — le réseau Cezam), объединяющая 29 комитетов в 40 городах 16 про-

винций страны. Анкетирование 600 членов этой сети показало, что под давлением Сезам работодатели выделяют в бюджет СЕ средства, равные 0,2% от фонда заработной платы. 88,4% СЕ имеют такой же источник — до 9,4%. Эти деньги используются для обеспечения общественной и культурной активности безработных. В результате на каждого из них приходится до 1500 евро в год. Половину из этих денег СЕ используют для поддержки обеспечения занятости, а другую — для оплаты юридических услуг, социальной поддержки, беспроцентных ссуд и других целей [5, 27].

Эти общественные организации существовали, конечно, и до кризиса. Их активность оказалась своевременной во время кризиса, оказав реальную поддержку как безработным, так и тем, кто оказался на гране увольнения. Немаловажно также давление этих мощных организаций на предпринимателей в защиту наемных работников. К сожалению, эффект от этого давления был незначительным.

Финансовый кризис вскрыл застарелую проблему пенсионного обеспечения. Традиционно доходы пенсионеров базировались на активах, рыночная стоимость которых сильно менялась, что сделало ненадежным пенсионное обеспечение в будущем. Социальные последствия кризисов представлены в литературе как констатация фактов без разработки мер по смягчению их влияния на жизненный уровень конечного потребителя.

Литература

1. *Akerlof G.A., Shiller R.J.* Animal Spirits. Prinston University Press, 2009.

2. Финансы и развитие. 2008. Т. 45. № 4.

3. *Blanchard O.,* Dell'Ariccia G., Mauro P. Rethinking Macroeconomic Policy // IMF Staff Position Note. Fevrier 2010. No. SPN/10/03.

4. *Laguerodie S.* Chomage: il faut innover! // Alternatives Economiques. 2010. Avril. No. 290.

5. C.D. Quel role sociale pour les CE? // Alternatives Economiques. 2010. Avril. No. 290.

Т.В. РЕЗАНОВА

Разработка Л.Н. Юровским некоторых проблем теории капитализации доходов в «Очерках по теории цены»

В «Предисловии» к своей книге Л.Н. Юровский объясняет, что разногласия между экономистами, несмотря на большое число контроверз по теоретическим вопросам, отнюдь не так велики. За последние полтораста лет политическая экономия пережила несколько периодов напряженного творчества и смену нескольких школ, выступавших с новыми идеями и отвергавших старые. Но если оставить в стороне небольшие группы, пошедшие по ложному следу и забредшие в тупик, то можно сказать, что все теоретики строили одно и то же научное здание, причем в работе предшественников гораздо больше приходилось дополнять, чем подвергать уничтожению. Кажется, никто не отстаивал этой точки зрения так убедительно и красноречиво, как А. Маршалл (см.: [1, III]).

Теоретическая экономика дает схему, показывающую, какие отношения устанавливаются между ценностями или ценами хозяйственных благ в некоторых гипотетических условиях. Эта схема полезна при идеографическом изучении хозяйственной жизни, потому что гипотетические условия, на которых она построена, соответствуют явлениям, часто наблюдаемым в действительности. Однако эта схема не приобретает того значения, которое имеют схемы так называемых точных наук (астрономия, теоретическая физика, теоретическая химия), потому что явления хозяйственной жизни сложны и изменчивы. Они не повторяются даже в том условном смысле, в каком повторяются феномены, изучаемые наиболее точными естественными науками. Если даже встать на точку зрения, согласно которой мы имеем дело лишь с различиями в степени сложности явлений, то все эти различия остаются настолько значительными, что мы не можем достигнуть или надеяться в теоретической экономике таких же результатов, как в точных отделах естествознания.

Пример. Цена определяется двумя кривыми — кривой спроса и кривой предложения. Если бы спрос и предложение одного товара не были функциями цен всех других товаров, если бы не изменялись постоянно условия жизни и вкусы людей, то найденные нами два уравнения позволяли бы исчислять цену на основании сведений о наличных запасах или о потреблении и исчислять запасы или потребление на основании сведений о существующей цене. Более того, мы получили бы возможность экономического предвидения. И имели бы ряд эмпирических формул, которые, быть может, нам удалось бы со временем объединить в одном всеобщем законе цен. Но этого нет [1, V].

Сложность явлений, с которыми мы имеем дело, так велика, что всякая эмпирическая формула оказывается лишь описанием конкретно наблюдавшихся отношений, и в лучшем случае мы в состоянии сделать заключение в довольно неопределенной форме о характере связей между интересующими нас явлениями. Наша теоретическая схема остается поэтому оторванной от действительности, и формулы ее остаются незаполненными конкретным содержанием. Физическая схема движения светил напоминает нашу схему движения цен, которая не идет дальше нескольких весьма общих утверждений. Но и эта схема не бесполезна. Она указывает, что можно определить принципы для обобщения многообразия материала социальной жизни, изучаемого с экономической точки зрения, и установить некоторые общие зависимости между основными явлениями, интересующими политическую экономию.

Следуя примеру О. Курно, мы приняли за данность, что люди по общему правилу приписывают благу тем меньшее значение, чем большее количество благ находится в их распоряжении. Описание общих условий образования цены мы получим, если сведем одни кривые к другим. Проблема эта связана с выяснением важнейших категорий хозяйственных благ высшего порядка — труда, капитала и земли — и их дележа, что принято называть проблемой распределения [2].

Контроверза этого вопроса заключается в том, что разочарование в многочисленных, но неутвердившихся в политической экономии теориях заработной платы и процента было причиной распространения в России крайнего теоретического скептицизма, некоторые направления которого получили название «Социальная теория распределения». Прежде всего, здесь должна быть приведена точка зрения П.Б. Струве. Проблема распределения как проблема образования цен, по его мнению, есть проблема не номографическая, а идеографическая. Струве допускает, что в общей форме из субъективных оценок могут быть выведены некоторые положения о цене, но вместе

с тем думает, что эти общие положения реального процесса образования цены не объясняют и не выражают [3, 63].

Для нас такой взгляд неприемлем. Мы полагаем, что в известных пределах «чистая теория» выполняет в общей системе экономических знаний полезную и необходимую функцию и уясняет реальный процесс ценообразования в том смысле, что дает хорошую схему, с которой можно подойти к более детальному анализу экономической действительности. Поэтому надо уточнить, что скептицизм Струве распространяется на теорию распределения как на часть теории цены, и в этом отношении он занимает методологически единственно правильную позицию.

Совершенно иного рода теоретический скептицизм М.И. Туган-Барановского. Он исходит из утверждения, что теория распределения должна отличаться от общей теории ценности. Ибо явления распределения суть историческая категория хозяйства, а ценность — логическая категория. Это две различные научные проблемы [4, 354].

Можно утверждать, что ценность — субъективная хозяйственная ценность — присуща всякому хозяйствованию, но нельзя утверждать то же самое относительно цены. Цена не есть логическая категория хозяйства, она может рассматриваться лишь как явление, свойственное определенной ступени общественного развития, и здесь мы имеем дело с историческими категориями. Оценка благ высшего порядка происходит во всяком хозяйстве. Но лишь для капиталистического характерно то, что в основу этой оценки кладется капитализация, т. е. исчисление цены некоторых благ путем умножения на то или другое число (в зависимости от высоты процента) чистого дохода, который эти блага приносят. Именно процента на капитал как логической категории, по мнению Туган-Барановского, не существует, ибо для возникновения его необходимо социальное неравенство [4, 438].

В его общей теории цены могут и должны быть приняты во внимание условия социального неравенства и образования процента на капитал. При неограниченной конкуренции все участники обмена как субъекты находятся в одинаковом положении. Но в условиях монополии мы определенно исходим из предположения, что социального равенства не существует. Однако анализ этих предположений наводит на мысль, что указание на соотношение социальных сил образует не столько экономическую теорию, сколько отказ от экономической теории.

Вслед за К. Менгером принято называть благами первого порядка те блага, которые непосредственно служат удовлетворению наших потребностей; благами высшего порядка — те, которые служат для производства благ первого порядка. Но это лишь начало для ориентации в хозяйственной жизни. Дальше австрийские исследователи анализируют хозяйственную ценность блага высшего порядка и связывают его с ценностью того блага первого порядка, условием приобретения которого оно является [5; 6, 115; 7, 64—65].

Проблема цены австрийцами поставлена, но не решена. Как найти цену в обмене? Этот вопрос и образует так называемую проблему вменения. Школа предельной полезности уделила ей много внимания и выработала положения, которые составили значительный вклад в теорию ценности — цены. Тюнен, Менгер, Визер, Кларк сделали свои теоретические построения в теории ценности и распределения (см.: [5; 8—10]). Основной принцип, на котором построена теория вменения, заключается в следующем: в экономическом смысле все то, что приобретено в хозяйственном процессе, может быть отнесено за счет различных факторов, обусловивших это приобретение и расцениваемых хозяйствующим субъектом, причем существуют методы для исчисления долей, приходящихся на каждый фактор. Разумный хозяин должен знать, ка-

кую пользу приносит рабочий, пуд семян, воз удобрений, вновь установленная машина и пр., и соответственно этому разрешать вопрос о том, что стоит за них заплатить.

Говоря об этих методах расчета, важно не забывать, что затраты и результаты затрат могут быть выражены в различных единицах, и нельзя смешивать разные способы измерения экономических величин. Затраты в хозяйственном процессе можно измерять в физическом смысле (в десятинах, пудах, рабочих днях) и в ценностном смысле (на сумму во столько-то рублей). Результаты хозяйственного процесса можно брать в физическом смысле (количество изготовленной продукции) и в ценностном смысле (выручка в рублях). На практике все эти методы равно законны, и введение того или иного счета зависит от конкретного характера задания.

В теоретическом анализе мы будем преимущественно пользоваться вторым методом приведенной схемы. Результаты процесса производства мы будем определять как ценности, а факторы этого процесса — как блага, подлежащие оценке. Ценность продукта дана и подлежит разделению между несколькими благами, соответственно степени их участия в создании этой ценности. Так, можно хозяйствовать, если степени участия различных факторов соизмеримы. Закон рыночных цен покоится на тождестве обмена или эквивалентности услуг. Существует лишь один закон распределения, который основан на тождестве дифференциального участия факторов в производстве (effect). Дифференциальная эквивалентность всех факторов производства означает приведение всех факторов к общей мере и установление теории распределения, пофакторное распределение, в зависимости от степени участия в производственном процессе.

П.Б. Струве совершенно правильно отмечает связь между теоретической концепцией вменения и практикой коммерческой калькуляции [3, 52—53]. За словом «вменение», которое звучит даже несколько странно для неэкономиста, скрывается, в сущности, чрезвычайно простой и основной факт повседневной жизни. То, что теория называет вменением, практика называет калькуляцией. Калькуляция есть чрезвычайно трудная задача, и редко эта задача осуществляется надлежащим образом. Но принципиально калькуляция есть нечто вполне осуществимое, и в форме калькуляции-отчета она дает весь материал для решения тех вопросов, которые составляют реальное содержание проблемы вменения. Это неудивительно, теория цены и здесь лишь описывает образование цены в некоторых идеальных условиях, представляющих только предельные случаи действительных явлений.

Факт применения блага в нескольких производственных или в нескольких предприятиях одной отрасли производства служит неопровержимым доказательством принципа уменьшающейся производительности земли, труда и капитала. Принцип уменьшающейся производительности факторов принят в экономической литературе в качестве общего начала, на котором давно уже строится теория ценности благ высшего порядка (Тюнен и Кларк иллюстрируют этот принцип в классическом виде). Кларк утверждает, что по мере того как количество капитала остается постоянным, единица труда производит все меньше и меньше, по мере того как число этих единиц возрастает. По мере того как общество увеличивается, не богатея в целом, способность труда производить всевозможные блага становится все меньше. Ее в каждый данный момент можно измерить. Ценность, которую производит последняя доля труда, вменяется, т. е. приписывается ей при хозяйственной ее оценке. Это и есть ее цена — теоретическая заработная плата. Но это есть цена и всякой другой доли, потому что на рынке не может существовать несколько цен

для одного и того же блага. Цена не может быть выше предельной производительности, иначе пользоваться последними единицами труда было бы убыточно и предприниматели отказались бы от последних рабочих. Цена не может быть ниже, ибо в противном случае кто-нибудь из предпринимателей переманит к себе рабочих [10, 133].

Это рассмотрение является верным, если считать, что другие факторы остаются неизменными. Поэтому принимать принцип уменьшающейся производительности в широком толковании было бы рискованно. Более осторожная формулировка должна гласить, что при небольшом увеличении количества труда ценность дополнительного продукта постепенно уменьшается. Поэтому, если только мы признали, что организация производства всецело подчинена этому принципу, то мы должны признать и неизбежное падение производительности отдельных факторов производства. Следовательно, признать и принцип предельной производительности как необходимую основу распределения доходов.

Из этого следует, что комбинация факторов не зависит от одних спекулятивных расчетов организаторов производства — предпринимателей, она дается им заранее: если в обществе находится налицо столько-то рабочих, то все они должны найти работу. С этим нельзя согласиться, и в экономическую теорию вводится новое фундаментальное условие, а именно: принцип стремления к наибольшей выгоде ограничивается указанием на то, что хотя и выгоднее было бы затратить с данным капиталом только часть общественного труда, но предприниматели не могут это сделать. Армия безработных вполне конкретное явление.

Вменение разрешает проблему разложения цены на составные ее части и закладывает основу для дальнейшего построения в теории распределения. Теория вменения дает нам достаточное, в самой общей форме, решение проблемы оценки труда. Но здесь вмешивается элемент времени. Хозяйство есть процесс, протекающий во времени, поэтому принцип вменения не достаточен для описания образования всех цен. Проблема осложняется тем, что имеются материальные блага и услуги, которые не материальны, и не услуги, суть их заключается в пользовании другими благами. То, за что уплачивается вознаграждение, мы называем пользованием. Теория процента соответствует ряду этих явлений. Пользование некоторыми благами оплачивается процентом на капитал. Пользование есть процесс, который протекает во времени. Задача здесь сводится к тому, чтобы выяснить значение времени в хозяйстве или его роль в явлениях и в теории ценности-цены[3]. Эта проблема выдвигает новую проблему — проблему ссудного процента. Ссуда может быть выдана не рублями, но и хлебом. В аренду может быть сдана не только земля, но и мебель. Прибыль приносит капитал, вложенный не только в фабричное предприятие, но и в производство кондитерских изделий. Каждое благо имеет как бы две цены: одну, которая дается за него при продаже его за наличные; другую, которая уплачивается за временное распоряжение и может выражаться в фор-

[3] В «Предисловии» к «Очеркам по теории цены» Л.Н. Юровский замечает: «Под ценностью или хозяйственной ценностью мы понимаем всегда *субъективную* хозяйственную ценность, т. е. значение, приписываемое благу в суждении субъекта… Под меновой ценностью мы понимаем *объективную* меновую ценность, т. е. то отношение, в котором обмениваются два блага на рынке. Под ценой мы понимаем сумму денег, уплаченную за благо при продаже его, т. е. частный случай меновой ценности. Такая терминология является, кажется, наиболее распространенной в литературе предмета».

ме дифференцированного дохода. Между ценой самого блага и ценой пользования благом всюду и везде должно установиться одинаковое соотношение, ибо это есть условие хозяйственного равновесия в стационарном хозяйстве. Соотношение может быть исчислено и названо капитализацией, и этим способом можно определить цену всех благ высшего порядка, и нужен срок для их перехода в блага первого порядка.

Цена пользования и цена первоначальная: где искать при этом дифференцированный доход? — в явлении капитализации. Капитализация и есть начисление ценности-цены на основании процента. Процент есть плата за пользование. Пользование есть хозяйственная категория, относящаяся ко всем благам, и поэтому процент образует для нас теоретически универсальное явление. Он есть понятие, соотносительное не понятию блага высшего порядка, а понятию капитала.

Основная причина бесчисленных разногласий по вопросу об определении капитала заключается в том, что экономика не может удовлетвориться одним понятием капитала, а нуждается в нескольких. Маршалл утверждал, что нужна в теории собственная терминология, отличная от общежитейской. Нужно, например, такое понятие капитала, которое включало бы в себя и земля. Любой капитал является фондом, доход является потоком. Реально в этот фонд входит вся масса жизненных благ. Услуги не относятся к этому фонду в силу самой природы — они всегда являются как бы потоком, их не существует вне координат времени. Всякое благо может быть причислено как к капиталу, так и к доходу — все зависит от точки зрения [7].

Проблема процента может быть поставлена как проблема стационарного хозяйства или как проблема хозяйственного развития. Образование нетрудовых доходов в условиях изменяющейся техники и организации, развивающихся потребностей, расширения рынка, открытие новых отраслей производства заслуживают серьезного внимания теоретиков. Дифференцированные доходы могут возникать вновь и вновь.

Контроверза возникла в работе Й. Шумпетера [11]. Явление процента на капитал заключается в том, что за блага определенной цены, которыми мы располагаем в настоящее время, можно получить большую цену через некоторый срок. Это явление обнаруживается в виде ссудного процента, где время образует существенный элемент этого явления. В статике хозяйства это невозможно. В данном случае возникает вопрос, как определяется спрос и как — предложение капитала. Шумпетер под статику подводит стационарное хозяйство, эволюционизирующее хозяйство. Иначе говоря, для объяснения процента он апеллирует к таким явлениям, которые вовсе не существуют.

Возможности всех ценностных измерений покоятся на том основании, что цены и количество благ не зафиксированы какой-то внешней силой и получены

как результаты взаимного управления всех действующих сил. Если даны количество труда, капитала, известно количество всех благ и, в частности, благ высшего порядка, то их ценность-цена определяется в порядке вменения. Ведь основанием ценности, как известно, является удовлетворение потребности, которого бы лишился субъект в случае уничтожения данного блага. Между тем, в концепции Шумпетера все зафиксировано, но такое понятие стационарного хозяйства бесполезно, так как в нем никакая оценка не нужна.

Проблема процента для нас является частью общей проблемы ценности-цены, и метод анализа должен быть соответствующим, независимо от

сложности дохода. Связь между количеством благ и ценой мы ранее рассматривали в двух рядах — в ряду спроса и в ряду предложения. Точно так же мы должны поступить и здесь. Существует ли связь между ценою пользования, т. е. процентом и предложением капитала? Да, существует. Характер этой связи обнаруживали Рикардо, Сеньор[4], Бем-Баверк.

Бем-Баверк поставил вопрос в различных формулировках о психологическом моменте в двух теориях распределения: в так называемой теории воздержания и в так называемой теории лажа. И. Фишер обнаруживает сходство между ними, говоря, что они различаются только на словах [12, 87—88]. Используя формулировки Курно, можно сказать, что люди ценят хозяйственные блага тем ниже, чем большее количество этих благ находится в их распоряжении. Сеньор добавляет, что люди ценят будущие блага ниже настоящих, они признают, что отдать некоторую сумму благ с тем, чтобы получить ее снова через известный срок, стоит лишь в том случае, если за это дано будет какое-либо вознаграждение. Нужно приравнивание благ настоящих и будущих. Если учесть элементы риска и все психологические и социальные нюансы, то оценка будущих благ — величина весьма определенная. При учитывании всех этих нюансов можно сказать, что предложение капитала есть функция его цены, т. е. процента на капитал. Но оценка его свершается и со стороны спроса. Поэтому спрос также является функцией процента, т. е. цены — платы за пользование капиталом в течение определенного времени. Две кривые пересекаются, указывая на точку, где имеются пределы колебания цены капитала. Создание нового капитала требует труда и сбережения, того же требует сохранение данного капитала. Капитал есть фонд хозяйственных благ, доход — поток хозяйственных благ. Поток зависит от размера фонда. Последний рассматривается в ценностном смысле и счете: выгодности или невыгодности. Техническая производительность наблюдаема. Наблюдаема и технически-ценностная производительность. Банковская система позволяет это сделать, если определенным образом складываются оценки хозяйствующих субъектов.

Таким образом, капитализация доходов есть способ определения ценности-цены благ высшего порядка. Нам необходимо знать уровень процента для того, чтобы путем капитализации исчислить цену блага высшего порядка. В условиях неограниченной конкуренции (стационарного хозяйства) этот уровень должен быть во всех отраслях производства одинаковым, если исключить из рассмотрения премию за риск. Каждое благо первого порядка расценивается соответственно издержкам производства, так как равновесие между спросом и предложением может наступить лишь при этих условиях. В издержки производства входят: земельная рента, заработная плата, амортизация капитала и процент на капитал. Но амортизация капитала, в свою очередь, тоже может быть разложена на те же составные части, т. е. на земельную ренту, заработную плату, амортизацию и процент. Такое разделение может быть продолжено, но не без конца, так как число различных капиталов не безгранично. Путем последовательного разложения цена блага первого порядка может быть сведена к сумме земельных рент и заработных плат, при коих будут стоять в качестве множителей проценты, соответствующие тому сроку, который прошел со времени затраты соответствующих сумм на заработную

[4] Разумеется, Л.Н. Юровский был знаком с так называемой теорией воздержания и так называемой теорией последнего часа Н.У. Сеньора.

плату и земельную ренту (Этот путь Рикардо представил математик В. Дмитриев) [13; 14].

Следовательно, цену блага высшего порядка можно рассматривать, во-первых, как функцию извлекаемого из него дохода, т. е. как функцию цены пользования им, и, во-вторых, как функцию издержек производства. Земельная рента и заработная плата поддаются исчислению при помощи методов вменения. Цена пользования благом высшего порядка является ценой или частью блага первого порядка. Последний способ рассуждения имеет то преимущество, что в нем еще раз подчеркнута природа процента на капитал: условия технические и психологические, условия производства и субъективных оценок таковы, что издержки производства блага ниже, чем то, что оно может дать в процессе пользования им. В этом смысл теории процента, ибо это указание необходимо для объяснения процента и в то же время достаточно для этой цели. Так же, всякая цена и процент на капитал, или цена блага высшего порядка, конкретно зависят от всех существовавших и существующих цен. Это положение является лишь повторением более общего указания, которое сделано было раньше: взаимная связь между всеми элементами хозяйственной жизни не позволяет рассматривать какой-либо один элемент только как причину или только как следствие и не позволяет при анализе цен выйти за пределы цен. Все, что мы можем сделать, это описать взаимные связи между ценами. Отклонение заработной платы вверх от теоретического уровня, поддерживаемое, положим, политической силой рабочего класса — достаточно редкий случай, но встречающийся в истории: предприятиям бывает выгоднее работать в убыток, чем прекращать свою деятельность совсем. Все цены и размеры производства в различных отраслях промышленности испытывают изменения, и рано или поздно станет заметно стремление экономических величин к некоторому новому уровню, на котором могло бы установиться равновесие. Условием этого равновесия будет по-прежнему соответствие заработной платы предельной производительности труда.

Повышение заработной платы может вызвать повышение производительности труда вследствие изменений в организации предприятий и усовершенствований в технике производства. Оно может также совпасть с благоприятной экономической конъюнктурой, при которой происходит повышение цены изготавливаемого данными предприятиями товара.

Однако в стационарном хозяйстве возможно длительное несоответствие между ценами благ высшего порядка и их предельной производительностью, и эти отклонения необходимо объяснить. Предположение о неограниченной конкуренции в действительности не существует. Не существует и расчетливость хозяйствующих субъектов, доведенная до теоретического уровня. В связи с этими обстоятельствами образование цен должно совершаться иначе, чем выше было описано. Теория монопольных цен может еще уяснить довольно многое в явлениях приведенного типа, и далеко не все проблемы относятся поэтому к области идеографических дисциплин. Динамическое равновесие возможно и установится при заработной плате и проценте на капитал, которые не соответствуют условиям предельной производительности, но тем не менее приведенный случай также поддается строго теоретическому исследованию.

Отдел экономической теории, трактующий условия образования монопольных цен, остается пока недостаточно разработанным, если принять во внимание все большее значение монополий в условиях современного хозяйствования. Но в этом отношении теория распределения при том масштабе, в

котором мы рассматриваем вопрос, теория вменения и капитализации не отличаются от общей теории ценности-цены. Иными словами, теория разнородных оснований стоимости неизбежно влечет за собой вопрос о принципах ценового соизмерения этих оснований.

Литература

1. *Юровский Л.Н.* Очерки по теории цены. Саратов, 1918.
2. *Carnot A.* Recherches, surles principes mathematigues de la theories des richesses. P., 1838.
3. *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. М., 1916.
4. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономики. СПб., 1911.
5. *Менгер К.* Основания политической экономии. Одесса, 1903.
6. *Böhm-Bawerk E.* Zur neues ten Literatur über Kapital und Kapitalzins. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik u Verwaltung. 1907.
7. *Marshall A.* Prin Eiplesof Economies. L., 1910.
8. *Thünen J.H.* Der isolite Staat, in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalokonomie. Rostock, 1850.
9. *Wieser F.* Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirschaftlichen Wertes. Wien, 1884.
10. *Clark J.B.* Essentials of Economic Theory. N. Y., 1907.
11. *Schumpeter I.* Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908.
12. *Fisher Irv.* The Nature of Capital and Interest. N. Y., 1906.
13. *Дмитриев В.* Экономические очерки: III. М., 1902.
14. *Ricardos D.* Grundzätze der Volkswirtschaft und Besteuerung. Leipzig, 1905.

А.Н. АЛЕКСЕЕВА

Развивающее значение производственной кооперации малого бизнеса

Сегодня дискуссии о самоутверждении России затрагивают различные стороны общественно-хозяйственной жизни страны. Идея обретения *целостной субъектности* главным образом подразумевает вывод нации на путь новой великой державы. Такой, что была бы способна не только к разностороннему развитию, но и — самое важное — к целостному воспроизводству. Пути к самоутверждению России емкие и многообразные, они включают в себя большой круг разных дорог. Некоторые проходят и через малый бизнес.

Малый бизнес в общественном воспроизводстве. Начиная разговор о единстве механизма общественного воспроизводства, нельзя оставить без внимания такой многочисленный слой субъектов хозяйственной деятельности, как малый и средний бизнес (МСП). Их роль достаточна, а потому не нуждается в преувеличении. Тем не менее при всем своем значении, малый и средний бизнес, в отличие от большого, прежде всего ТНК, в современном процессе реализации занимает положение второстепенного участника. В общественном воспроизводстве малый и средний бизнес (МСП) занимает положение второстепенного участника, хотя все три сегмента — малые, средние и

крупные предприятия — взаимосвязаны. Следовательно, по отношению к процессу общественного воспроизводства каждый из них имеет право быть рассмотренным в особом порядке.

Трудности положения малого бизнеса толкают его субъектов к коллективному предпринимательству В процессе изменения мира империи, лишь казавшиеся всегда нерушимыми, терпят поражения. На их месте возникают империи новые, тоже не застрахованные от подобной участи. Такие взлеты и падения сопровождаются стремительной сменой человека в его общественно-производительной роли. Вместе с тем меняется и сам человек, его роль в обществе и в производстве. Человек «обновленный» вовлекается в управление производством, распределение его результатов, наконец, в развитие коллективного предпринимательства. Дополнительной предпосылкой смещения акцента на кооперативную сферу производства и услуг явился постепенный выход малого бизнеса из сферы торговли.

Вовлечение микробизнеса в отраслевую кооперацию. В «устье 1990-х», на долю — привлекающей малый бизнес низкой ценой вхождения, быстрой оборачиваемостью средств торговли, приходилось в отдельных областях и регионах страны до 90% всей выручки этого вида предпринимательства. В настоящее время эта цифра, по расчетам аналитических центров, в среднем снизилась до 40%. Это свидетельствует об определенном выходе малого бизнеса из сферы торговли. Этому способствовал развернувшийся во многих регионах процесс консолидации торгового бизнеса, приход в нее крупных компаний. К сожалению, в отдельных регионах фиксируется параллельное снижение и самих темпов роста численности малых предприятий. Такая тенденция носит опасный характер.

Более четко процесс укрупнения в торговле прослеживается в секторе продуктового ритейла. Ужесточение конкурентной среды, в основном, за счет игроков федерального уровня — центральный фактор, способствующий консолидации торгового бизнеса. Экспансия осуществляется и за счет скупки крупными субъектами хозяйствования бизнеса у МСП. Следовательно, на рынках появляются структуры-холдинги, вышедшие из торговых фирм. Однако указанные негативные для МСП обстоятельства, складывающиеся на соответствующих торговых рынках, могут стать весьма благоприятными условиями для развития национального производства.

Для этого ресурсы, накопленные в отраслях торгово-посреднических операций, необходимо направлять в производственный сектор. Подобным образом развитые западные страны успешно используют имеющиеся возможности. В России же ритейловские и прочие высвобождающиеся капиталы отдают предпочтение вложению в непроизводственные экономические инструменты. В таком перекладывании средств, конечно же, лидируют недвижимость и ценные бумаги. Однако пренебрежение предпринимателями производственной сферой, в том числе как площадкой для собственного нового дела, увеличивает нарастание диспропорциональности общественного воспроизводства. Ибо в настоящее время производственный сектор характеризуется возрастающим год от года дефицитом квалифицированных кадров, остаются деформированными многие производственно-технологические цепочки.

В отличие от торговли, промышленное производство требует больших капиталовложений. Именно это обстоятельство, прежде всего, затрудняет вход в этот бизнес для новых участников, особенно малому бизнесу. Сюда добавляется неготовность крупных промышленных предприятий размещать заказы на комплектующие в МСП. На наш взгляд, преодолеть эти недостатки,

обрести возможности принимать на себя выпуск отдельных узлов производства, быть реальным участником воспроизводственного процесса малому бизнесу в первую очередь помогла бы производственно-отраслевая кооперация.

Перспективы производственно-отраслевой кооперации. Имея достаточно глубокие российские корни и традиции, производственно-отраслевая кооперация прошла длинный путь становления. Так, можно отметить занимаемое в 1917 г. первое место в мире по числу кооперативов разных видов и членств. В советское время существование кооперации напрямую зависело от идеологических установок. В постсоветский же период, их расцвет ознаменовался вынужденным преобразованием *с участием объединения капитала* — в товарищества и хозяйственные общества.

В настоящее время максимальными темпами производственная кооперация развивается в новом для России направлении. Она открывает возможности для тесного взаимовыгодного сотрудничества с ближайшими странами. Такие взаимоотношения назревают не только в рамках прорывных совместно-производственных программ, но и в обычной торговле. Успешность данного направления видится нами во взаимно-растущей востребованности продовольствия и техники не только среди стран — участниц кооперации, но и у соседних государств. Причиной стимула растущего интереса является их включение в формирование зоны свободной торговли СНГ.

Активным участником-проводником столь значимых для России интеграционных процессов в рамках союзных государств и таможенных союзов оказывается малый и средний бизнес. Как более мобильные и восприимчивые к новому, субъекты МСП на основе межотраслевых балансов могут занять в процессе реализации общественного продукта устойчивые позиции. Главным образом это отразится на формировании экономической заинтересованности вокруг себя российских тяжеловесов (ТНК), в том числе в новообразовывающихся нишах. В подобных условиях производственная кооперация станет носить не случайный, а закономерный характер. Тем более что крупные игроки напрямую заинтересованы в успешности развития производственной кооперации с участием «малышей». С помощью их же поддержки-подпитки возможно развитие, раскручивание длинных планово организованных производственных цепочек. Следовательно, прослеживающаяся эмпирическая закономерность очевидна: с повышением степени эффективности концернов им требуется более длинный шлейф многообразного обслуживания, необходимый для обеспечения главного потока. Обзор и анализ фактических данных не оставляют сомнений, что малый бизнес конституировался как органическая стадия производства совокупного общественного продукта.

Господство концернов заставляет ориентированный на них микробизнес тянуться, работать с величайшей отдачей, а наличие надежной поддержки в виде малого бизнеса помогает сверхкорпорациям успешнее сосредотачиваться на вопросах дальнейшего технико-технологического развития. В производстве совокупного общественного продукта участие групп корпоративно-производственного малого бизнеса является одной из самых эффективных в настоящее время форм. Особенность таких групп в том, что они видят, как сделать производство качественнее и производительнее. Их труд уже на начальных стадиях превращения стопроцентно востребован, как продукт следующего узла производственной цепочки.

Успешный тандем. Таким образом, мы убеждены в том, что, соединив *малый бизнес* и *производственную кооперацию* как два явления, положи-

тельно влияющие на общеисторическую закономерность обобществления труда и производства, возможно частично добиться обеспечения расширенного воспроизводства интенсивного типа. Конечно, для стопроцентного обеспечения заявленного на пути самоутверждения процесса, потребуется, к примеру, блокирование мероприятий крупных корпораций с наличием соответствующих ресурсов, что само собой не возможно. Тем не менее кооперативная форма проявления малого бизнеса станет важным фактором расширения, совершенствования производства и повышения производительности общехозяйственных страновых и международных фондов.

Показанный аспект участия кооперативного современного микробизнеса в общественном воспроизводстве характеризует малое предпринимательство как его непременный фактор нарастающего значения. На наш взгляд, пришло время учитывать этот воспроизводственный фактор в общих прогнозах экономического развития страны, самоутверждения нации.

Е.С. КИСЕЛЕВА

Личный контакт в контексте маркетинга взаимоотношений как средство формирования лояльности потребителей

Модернизация бизнеса — одно из направлений национальной модернизации, проникнутых идеей укрепления и развития России и направленных на совершенствование образа нашей страны с помощью собственных, отличных от других стран действий. И сегодня перед представителями деловой среды — директорами компаний, которые предлагают товары и/или услуги конкретным потребителям, стоит сложная задача, заключающаяся в поиске инструментов для модернизации отношений между компанией и потребителями. Этот процесс должен носить позитивно-воспитательный характер для компаний и самих потребителей и иметь гуманный оттенок для развития российского общества в целом. Ведь каждый человек практически каждый день покупает товары и пользуется различными услугами. Следовательно, сотрудники компании могут легко войти с потребителем в контакт и построить свою модель поведения таким образом, чтобы человек ощутил прилив положительных эмоций, которые, как утверждают ученые, продлевают жизнь; научился новой культуре поведения на рыночном пространстве, проникнутой искренней заботой и построенной на доверии и приверженности партнеров; чувствовал себя в безопасности с психологической точки зрения; был уверен в том, что завтра компания будет существовать на рынке, и он сможет развивать с ней и/или ее сотрудниками желательные взаимоотношения.

Мы ставим перед собой три основных цели — доказать значимость реализации концепции маркетинга взаимоотношений в России, раскрыть сущность потребительской лояльности и показать важность построения взаимоотношений с клиентами, определив главный инструмент — личный контакт.

Во-первых, в современных условиях российской экономики, характеризующейся наличием высокой конкуренции на рынке, интеграцией российских предприятий в мировую экономику, влиянием мирового финансового кризиса на деятельность предприятий и покупательскую способность россиян

и т. д., одним из важных вопросов является следующий: какую из существующих концепций маркетинга можно считать передовой и наиболее значимой для российского общества в целом? В последние два-три десятка лет маркетинг взаимоотношений (*relationship marketing, RM*) был и остается предметом актуальных дискуссий среди теоретиков и практиков маркетинга. Но именно в конце XX в. появилось большое число приверженцев данной концепции, основанной на взаимоотношениях. Как отмечает Дж. Эган, маркетинг взаимоотношений стал лейтмотивом академических и практических исследований ведущих специалистов по маркетингу, таких как Р. Маккенна, М. Кристофер, Э. Пэйн, Ф. Баттл, Л. Гордон, И. Гаммессон и других ученых в области маркетинга [1, 2—3].

Специалисты в области маркетинга выделяют шесть основных концепций маркетинга, каждая из которых делает своеобразный акцент на определенном аспекте маркетинговой деятельности. Целесообразно будет их перечислить: концепция производственная, или совершенствования производства (1860—1920); концепция товарная, или концепция совершенствования товара (1920—1930); концепция сбытовая, или концепция интенсификации коммерческих усилий (1930—1950); концепция маркетинговая, или традиционная концепция (1960—1980); концепция социального, или социально-этического маркетинга (1980—1990); концепция взаимоотношений, отношений, или взаимодействия (с 1990-х гг. по настоящее время) [2—6]. В зависимости от уровня развитости производства и спроса на предложенные товары и/или услуги концепции маркетинга со временем изменялись.

Мы считаем, что концепция маркетинга взаимоотношений является актуальной и значимой на сегодняшний день для предприятий, ведущих свою деятельность на территории РФ. Ф. Котлер и К.Л. Келлер определяют маркетинг взаимоотношений как практику построений долгосрочных взаимовыгодных взаимодействий с ключевыми рыночными партнерами компании в целях установления длительных привилегированных отношений. Он направлен на установление тесных экономических, технических и социальных связей с различными партнерами. Конечный результат ведения бизнеса с использование концепций маркетинга отношений — это формирование уникального актива компании, который называется маркетинговой партнерской сетью, которая включает саму компанию и заинтересованные в ее работе группы покупателей, наемных работников, дистрибьюторов, поставщиков, рекламные агентства и др. В данном случае конкурируют не отдельные компании, а деловые системы в целом. Строительство эффективной системы отношений с перечисленными группами приносит хорошую прибыль компании [5, 41].

Полагаем, что общее понятие маркетинга взаимоотношений можно разделить на три компонента — маркетинг взаимоотношений с клиентами, маркетинг взаимоотношений с работниками и маркетинг взаимоотношений с деловыми партнерами. В данной статье под нашим пристальным вниманием находятся именно потребители, поэтому целесообразно будет рассматривать связь «компания — потребитель» и дать два значимых определения.

Глобальный маркетинг взаимоотношений (*RM-Global, RM-G*) — это создание надежных, долгосрочных, взаимовыгодных и ценных для всех сторон взаимоотношений с ключевыми рыночными партнерами компании (потребителями, работниками, поставщиками, дистрибьюторами, дилерами, акционерами, инвесторами, аналитиками, рекламными агентствами, банками, конкурентами), основанные на экономической и психологической удовлетворенности партнеров.

Маркетинг взаимоотношений с клиентами (*RM-Client, RM-C*) — это создание надежных, долгосрочных, взаимовыгодных и ценных взаимоотношений с клиентами компании, основанных на экономической и психологической удовлетворенности клиентов. Выделяем следующие цели RM-C: достижение максимальной потребительской удовлетворенности на основе искреннего желания угодить клиенту с целью дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества; достижение максимальной чистоты общения посредством создания истинной ценности для клиента и предложение ее в комфортных для него условиях; формирование и сохранность постоянных лояльных клиентов.

Следует обозначить следующие принципы RM-C, учитывая социально-экономическое положение России и менталитет россиян: принцип индивидуализации и мониторинга мнений клиентов; принцип долговременности, выгоды и доверие во взаимоотношениях; принцип использования современного комплекса маркетинга, направленного на максимальное удовлетворение потребителей; принцип социальной ответственности и заботы о здоровье потребителей; принцип экономической и психологической удовлетворенности потребителей.

Следует отметить, что использование концепции ведет к увеличению круга постоянных клиентов за счет грамотно построенной социальной стороны взаимоотношений. В данном случае удовлетворение клиента, полученное от отношений с фирмой, важнее, чем удовлетворение, получаемое им же при использовании товара. Каждый отдельный клиент воспринимается фирмой как отдельный сегмент. Для этого в наличии высокий уровень корпоративной культуры и высокий уровень подготовки персонала.

Во-вторых, формирование группы лояльных клиентов является одной из основных целей компаний — приверженцев современной концепции маркетинга. Следует констатировать тот факт, что единого определения потребительской лояльности на сегодняшний день не существует, но имеются разнообразные точки зрения по этому вопросу. Каждый автор, интересующийся вопросом о лояльности клиентов, считает своим долгом представить свою точку зрения по данному вопросу. Термин «лояльность» впервые был введен в лексикон маркетинга в начале 1920-х гг. в США [7, 481—486]. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что классификация данного понятия исходит из поведения и отношения потребителей на рыночном пространстве. О наличии «поведенческого» аспекта обычно говорят частые повторные покупки определенного товара, а о присутствии «отношенческого» аспекта свидетельствует благоприятное отношение к марке, компании или товару. Отношение — это философская категория, выражающая характер расположения элементов определенной системы и их взаимозависимости; эмоционально-волевая установка личности на что-либо, т. е. выражение ее позиции; мысленное сопоставление различных объектов или сторон данного объекта [8]. Исходя из определения, можно сказать, что слово «отношение» само по себе уже включает эмоциональную составляющую и, следовательно, отношение потребителей к компании, товару и бренду включает в себя эмоциональную окраску. Таким образом, можно выделить три основных подхода к пониманию структуры лояльности — поведенческую (транзакционную), воспринимаемую (перцепционную) и комплексную.

Поведенческая (транзакционная) лояльность складывается, исходя из особенностей поведения потребителей на рыночном пространстве. В данном случае факторы, влияющие на поведение потребителей, остаются без рассмотрения. Поведенческий аспект лояльности напрямую связан с экономиче-

скими результатами компании, и по этой причине именно поведенческая лояльность является наиболее популярной. Компании стремятся достичь высокого уровня поведенческой лояльности, чтобы достичь максимальной прибыли. Обозначим следующие показатели поведенческой лояльности: доля и количество повторных покупателей; временная продолжительность сотрудничества; отсутствие чувствительности к повышению цены на товар компании или к снижению цены у конкурентов; постоянство суммы покупки одного и того же продукта за определенный промежуток времени; объем закупок, приходящихся на долю компании; доля в валовом доходе предприятия, которую принесли покупатели, делающие повторные покупки; количество дополнительных продуктов компании, купленных потребителем в определенный промежуток времени [9; 10].

Воспринимаемая (перцепционная) лояльность складывается из субъективных мнений и оценок покупателей, основанных на положительных ассоциациях и эмоциональной привязанности. Этот тип лояльности рассматривается как более значимый, потому что считается, что он показывает тенденции поведения потребителей в будущем, а поведенческая лояльность отражает лишь прошлый опыт потребителей. Выделим следующие показатели воспринимаемой лояльности: степень удовлетворенности покупателей; наличие высокого уровня положительных эмоций при покупке определенного товара; высокий имидж бренда или компании в глазах покупателей; желание и готовность покупать другие товары под определенным брендом; явное предпочтение бренда или компании через выделение конкурентных аналогов [11; 12].

Комплексная лояльность состоит из комбинации поведенческой и воспринимаемой лояльности. Наиболее удачное определение дано Дж. Якоби и Р.В. Честнутом, которые определяют потребительскую лояльность как частый устойчивый поведенческий отклик, выраженный в совершении покупки и продолжающийся определенное время, самостоятельно сделанный человеком. Этот отклик заключается в выборе одного товара, бренда, компании из ряда аналогов и является следствием удовлетворенности и высоких барьеров переключения [13]. Введем понятия «рациональной» и «эмоциональной» лояльности, поскольку эти словосочетания наиболее точно могут описать причины лояльности клиентов.

Рациональная (разумная) лояльность — это выражение поведенческой и/или воспринимаемой лояльности, основанной на получении экономических выгод потребителем (низкая цена, высокое качество и пр.).

Иррациональная (эмоциональная) лояльность — это выражение поведенческой и/или воспринимаемой лояльности, основанной на получении психологических выгод потребителем (хорошее настроение, приятные ощущения в процессе покупки и пр.).

Российские компании должны стремиться к созданию условий, в которых потребители смогли бы удовлетворить свои потребности как на рациональном, так и на иррациональном уровне. Но эмоциональная лояльность является наиболее значимой, так как в настоящее время у потребителей на первый план выходит потребность в удовлетворении психологических потребностей, но наиболее труднодоступной, так как ее формирование связано с внутренним миром человека, изучение которого по понятным причинам осложнено. С экономической же точки зрения наибольшую прибыль получат те компании, которые сумеют эффективно удовлетворить эти психологические потребности.

В-третьих, личный контакт между сотрудниками компании и потребителями является тем действенным инструментом, который способствует построению взаимоотношений и максимальной реализации принципов RM-C. Взаимоотношения — это субъективно воспринимаемые связи и отношения между клиентами, с одной стороны, и сотрудниками компании и/или самой компанией — с другой, которые подкреплены высоким уровнем вовлеченности и/или удовлетворенности клиентов.

О наличии взаимоотношений можно вести речь тогда, когда выполнены следующие условия: компания и клиент вступают во взаимодействие более трех раз; товар и/или общение с сотрудниками компании имеет особую значимость для потребителя; обе стороны осознают наличие этих взаимоотношений и нацелены на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество; представители обеих сторон имеют склонность к неформальному и/или более тесному общению; компания и клиент имеют ряд обязательств друг перед другом и выполняют их; представитель каждой из сторон рассчитывает на помощь со стороны партера и получает ее; сотрудники компании проявляют заботу, искренность и благожелательность к клиентам; обе стороны удовлетворены коммуникацией с партнером.

Существует ряд средств, с помощью которых возможно установление тесных и желательных взаимоотношений для обеих сторон, однако коммуникация между сотрудником компании и клиентом является основным из них. Личный контакт между сотрудниками компании и потребителями является эффективным средством в процессе построения полноценных взаимоотношений. Личный контакт — это эффективное средство построения взаимоотношений, он равен сумме личных продаж и личного общения. Личные продажи — это инструмент, который используется для осуществления продаж в ходе коммуникации между продавцом и покупателем. Личное общение — это инструмент, который не преследует цели продать и имеет место при любой коммуникации между сотрудником и клиентом (формальное и неформальное).

Преимущества личного контакта перед основными технологиями продвижения, такими как реклама, прямой маркетинг и связи с общественностью, следующие: общение «один-на-один», гибкость взаимоотношений, высокая вовлеченность и удовлетворенность потребителя, возможность повысить экономическую и психологическую удовлетворенность клиента, наличие психологической безопасности потребителя.

Руководители компаний должны уделять большое внимание подготовке кадров, которые входят в контакт с потребителями. Каждый сотрудник должен уметь выявлять скрытые потребности клиента и определять индивидуальные особенности покупателя; уметь красиво говорить и своевременно действовать; хорошо выглядеть и «остро» чувствовать клиента; уметь слушать и слышать человека; знать теоретическую базу соционики и техники НЛП; применять принцип позитивного настроя в жизни; любить клиентов, быть доброжелательным и справедливым.

В заключение следует сказать, что модернизация бизнеса в России должна плавно проходить в рамках клиенто-ориентированного подхода. Концепцию маркетинга взаимоотношений сегодня можно считать актуальной и значимой для российских компаний. Наличие взаимоотношений, которые отличаются высокой степенью удовлетворенности и/или вовлеченности клиентов, имеет большое значение для компании. Основная причина заключается в зависимости между уровнем взаимоотношений и лояльностью — чем выше

уровень взаимоотношений, тем больше степень потребительской лояльности. А чем больше лояльных потребителей у компании, тем большую прибыль она получает в конечном итоге. Потребительская лояльность является главным показателем качества взаимоотношений компании с ее клиентами, а личный контакт с потребителем является тем действенным средством, которое способствует развитию ценных и желательных для обеих сторон взаимоотношений.

Литература

1. *Иган Д.* Маркетинг взаимоотношений. Анализ маркетинговых стратегий на основе взаимоотношений. М., 2008.
2. *Багиев Г.Л.* Маркетинг: Учебник для ВУЗов. М., 1999.
3. *Голубков Е.П.* Основы маркетинга: Учебник. М., 1999.
4. *Котлер Ф.* Основы маркетинга: Краткий курс. М., 2007.
5. *Котлер Ф., Келлер К.Л.* Маркетинг-менеджмент. СПб., 2006.
6. *Алешина И.В.* Поведение потребителей: Учебник. М., 2006.
7. *Elrod T.* A Management Science Assessment of a Behavioral Measure of Brand Loyalty // Advances in Consumer Research. 1998. Vol. 15.
8. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // http://slovari.yandex.ru /~книги/БСЭ/Отношение%20(философ.)/
9. *Широченская И.П.* Основные понятия и методы измерения лояльности // Маркетинг в России и за рубежом. 2004. № 2.
10. 1*Цысарь А.В.* Лояльность покупателей: основные определения, методы измерения, способы управления // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2002. № 5.
11. *Хилл Н., Мак-Дуголл Р., Брайерли Д.* Как измерить удовлетворенность клиентов. М., 2005.
12. *Голубков Е.П.* Изучение потребителей // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 5.
13. *Чаудхури А.* Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителей. М., 2007.

А.В. МОЧАЛОВ

Взгляд на экономику России со стороны

Три извечных русских вопроса: кто виноват? что делать? с чего начать? Это первое, что приходит на ум при анализе российской (да и не только) экономики.

Применительно к большим системам такой подход контрпродуктивен. Однако он возник не на пустом месте, следовательно, должен содержать определенный продуктивный потенциал.

Второй подход маркетинговый: *неудовлетворенность* → *мужество* → *действие*.

Он хорошо работает в краткосрочном периоде при решении однокритериальных задач. И похож на известный принцип: «пришел, увидел, победил». Теперь приведем несколько примеров применения этого подхода к большим системам.

1. Последствия решительных действий известны.

1.1. Судьба автора этой исторической фразы.

1.2. Инвестиции в помпезную рекламу режима в виде Летних олимпийских игр 1980 г. вместо инвестиций в модернизацию народного хозяйства.

1.3. Трансформация зашедшей в тупик госкапиталистической советской административно-командной системы в частнокапиталистическую путем белогвардейской атаки на основные фонды[5].

2. Последствия решительных действий ожидаются.

2.1. Иракская и Афганская кампании США.

2.2. Подача заявки на проведение Зимних олимпийских игр 2014 г. и Чемпионата мира по футболу 2018 г.

2.3. Оказание Европейским союзом, точнее членами-донорами, экономической помощи Греции и Ирландии (табл. 1).

Таблица 1

Валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности по отношению к средним данным по Евросоюзу

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.
Евросоюз (27 стран)	100	100	100	100	100
Германия	129	118	117	116	116
Ирландия	103	131	144	133	127
Греция	84	84	91	93	93

Источник: [1].

Развивая идеи системного анализа[6], можно предложить следующую схему исследования состояния больших социально-экономических систем и решения выявленных проблем (рис. 1). Предлагаемая схема является итерационным, а не пошаговым процессом, причем каждая ступень может, хотя это и контрпродуктивно, служить механизмом для запуска одного из двух описанных выше несистемных алгоритмов.

Попробуем сделать некоторые выводы.

1. Анализ ситуации, точнее анализ состояния системы. Это первый шаг, но он не возможен без системной (мировоззренческой, философской и т. д.) позиции автора (авторов) анализа, так как в соответствии с этой системной позицией выбираются критерии оценки ситуации.

Первый пример — отвлеченный. Для автора Атос, Портос, Арамис и Д'Артаньян любимые литературные герои, а с точки зрения критериев политкорректности их можно охарактеризовать только неполиткорректными словами.

[5] Для молодых читателей: «красногвардейская атака на капитал» — один из официальным лозунгов большевиков образца 1917 г., пытавшихся создать новую «социалистическую» экономику.

[6] Подробнее см. работу автора [2, 258—274].

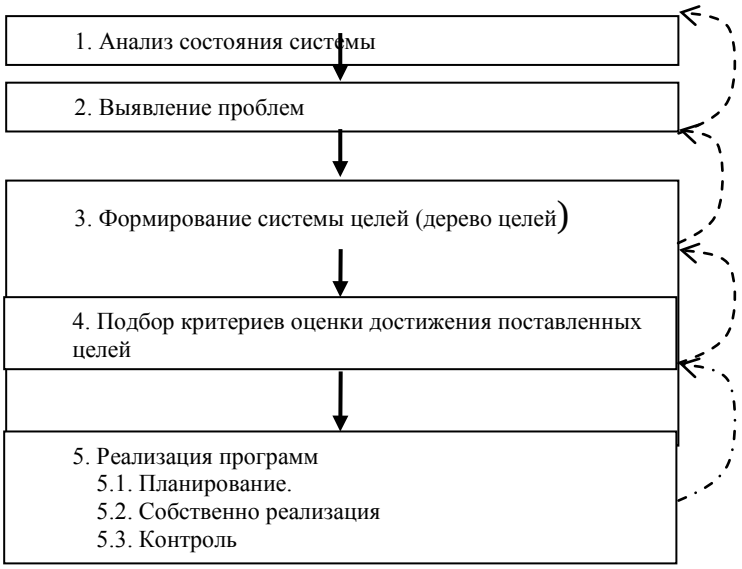

Рис. 1. Анализ решения стоящих перед большой системой проблем

Второй пример — экономическая ситуация в России. С одной точки зрения (распределительной) переход к капиталистическому рыночному хозяйству, даже в том виде, в котором он был осуществлен, и при том рынке, что сложился в России, решил проблему распределения. С этой точки зрения рыночное распределение больше коррелируется с социалистическим принципом «от каждого по способностям[7], каждому по труду», чем талоны и закрытые распределители.

С точки зрения статистического анализа ситуация совершенно иная: уровень ВВП Советской России будет достигнут не ранее 2015 г. и т. д.

Что объединяет эти две точки зрения? низкий уровень производительности труда в народном хозяйстве России.

И еще одно примечание. Какой бы точки зрения мы не придерживались, анализ должен исходить из того, что *пока для себя система российского бюрократического капитализма чрезвычайно эффективна. Пока***!**

Из этого следует простой вывод, но это уже п. 2, а там этот вывод станет непростой проблемой. Заметим, что и в России, и в Германии с точки зрения статистики дела налаживаются, хотя медленнее, чем хотелось бы, докризисный уровень еще не достигнут. И есть ощущение, что от кризиса отделались легким испугом, но расслабляться еще рано (табл. 2).

[7] Сторонники иной точки зрения, применяющие иную систему критериев, могут задать вопрос: а какие, собственно, способности имеются в виду?

Таблица 2

Динамика валового внутреннего продукта

Год	2008		2009				2010		
Квартал	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III
Россия									
По отношению к 2003 г.	*170, 78*	162, 36	129, 88	137, 50	156, 14	157, 58	133, 95	144, 67	*160, 37*
По отношению к предыдущему кварталу	10,5	-4,9	-20,0	5,9	13,6	0,9	-15,0	8,0	10,9
ФРГ									
По отношению к 2000 г.	*111, 88*	108, 73	102, 37	104, 1	106, 95	107, 31	104, 62	108, 58	*111, 13*
По отношению к предыдущему кварталу	1	-1,9	-6,3	-6,8	-4,4	-1,3	2,2	4,3	3,9

Источник: [3; 4].

2. Выявление проблем. Очевидно возникает вопрос: если система российского бюрократического капитализма для себя чрезвычайно эффективна, зачем ей вообще какая-то модернизация (см. п. 1). Следовательно, нужно создать предпосылки (экономические, организационные, социально-психологические), чтобы инновации приносили доход, не меньший чем экспорт сырья и импорт ширпотреба. Сложнейшая проблема, не так ли? А решение проблем начинается с формирования системы целей.

3. Формирование системы целей (дерево целей). Здесь представляется целесообразным остановиться на следующей группировке целей: *цель-результат* и *цель-средство*.

При этом, как правило, цель-результат является инструментом для целей более высокого уровня.

Уровень 1. Цель-результат: качественное изменение уровня жизни в России[8].

Как же оценить достижение этой цели? Или работать в рамках стандартных индексов качества жизни ООН, или пытаться создать иной интегральный показатель, учитывающий субъективные оценки и ощущения. Здесь может помочь методология философии хозяйства.

По ряду опросов датчане, например, самая счастливая нация Евросоюза, хотя по средней продолжительности предстоящей жизни Дания в нижней части списка, а налоговое бремя в Дании одно из самых высоких в мире.

Уровень 2. Цель-средство 1 для уровня 1: производительность труда (по ведущим отраслям).

Цель-средство 2 для уровня 1: улучшение демографической структуры населения.

[8] Да, это сугубо материалистическая цель. Но мы живем в материальном мире.

Цель-средство 3 для уровня 1: декриминализация общества (борьба с коррупцией, торговлей наркотиками и т. д.).

Уровень 3. Цели-средства для уровня 2.1.

3.1. Качественный и количественный уровень технологических факторов производства[9] (земли, основных средств (материальных и нематериальных)[10], сырья и материалов, энергии, информации, рабочей силы).

Уровень 3. Цели-средства для уровня 3 и уровня 2.2

Качественный и количественный уровень науки, образования, здравоохранения, социальной сферы, культуры (о какой культуре производства можно говорить при отсутствии общей культуры) и т. д.

4. Подбор критериев оценки достижения поставленных целей. Выбор действенных и измеримых критериев оценки поставленных целей — с точки зрения управления чрезвычайно важная задача. Возможно важнейшая в предлагаемой схеме. Именно поэтому традиционное целеполагание представлено автором двумя самостоятельными блоками.

Если для цели 2.2 — *улучшение демографической структуры населения* — критерий коэффициент фертильности будет достаточен, а саму цель можно сформулировать как «*достичь коэффициента фертильности 2,3 к 20XX г.»,* то подобрать критерии для цели «*декриминализация общества»* будет намного сложнее (см. дискуссию о Законе о полиции).

Здесь отметим: без методологии философии хозяйства построить адекватную систему критериев, на взгляд автора, невозможно.

5. Реализация программы. Важность планирования как первого этапа реализации программы развития трудно переоценить, поскольку для социально-экономических систем планирование решает задачу оптимизация траектории развития системы. Здесь методологии философии хозяйства позволит применительно к поставленной задаче выбрать модель оптимизации: или минимизация ресурсов, необходимых для достижения выбранных критериев;

---

[9] В точки зрения автора, *технологические факторы* производства можно рассматривать в узком и широком смысле слова. В *узком* смысле технологические факторы производства рассматриваются применительно к конкретному технологическому процессу: в промышленности, скажем, обработка металлов резанием; в финансовой сфере покупка или продажа ценных бумаг. В *широком* смысле слова технологические факторы производства — это факторы производства применительно к субъекту рыночных отношений, имеющему самостоятельный баланс.

[10] Капитал как экономическая категория *не может быть* технологическим фактором производства ни в широком, ни тем более в узком смысле слова. В самом деле, взглянем на итог капиталистической деятельности — баланс (в России это Форма № 1 Бухгалтерский баланс см. Приказ Минфина РФ от 22.07.2003 № 67н и последующие редакции; в Германии это Bilanz, см. Handelsgesetzbuch, § 266 Gliederung der Bilanz; в Международных стандартах бухгалтерской отчетности IAS и финансовой отчетности IFRS это balance sheet). Тогда окажется, что количественно *«капитал»* как экономическая категория — это валюта баланса = стоимость активов = стоимость пассивов. Теперь вопрос: являются ли *запасы готовой продукции или дебиторская задолженность* технологическими факторами производства? Для экономиста предприятия или бухгалтера — определенно нет, хотя это составляющие оборотного капитала (см. Форму № 1. Раздел II. Оборотные активы. Строки 210, 230).

Еще один вопрос: можно ли считать фактором производства финансовые вложения?

Теперь *земля.* Этот классический для экономикса фактор производства. Но бухгалтерский/финансовый учет относит *землю к капиталу*. В России, согласно п. 5 ПБУ 6/01, земельные участки подлежат учету в составе основных средств. За рубежом стоимость земли показывается в балансе отдельной строкой.

или достижение максимально желаемых критериев при имеющихся в распоряжении ресурсах.

Прогнозы как моделирование ограничений (выбросы CO_2 и т. д.) и как моделирование развития технологий (в энергетике классической оптимизационной задачей является оптимизация структуры генерирующих мощностей) будут играть в этом контексте вспомогательную роль.

Контроль выполнения оптимизированной и представленной в сетевом виде программы позволит конструктивно решать вопрос: кто виноват в невыполнении плановых показателей?

В заключение отметим: Германия один из важнейших торговых партнеров России (табл. 3, 4), точно так же, как и Россия для Германии.

Таблица 3

Внешнеторговый оборот Российской Федерации с основными торговыми партнерами

	Январь—ноябрь 2010 г.		Справочно январь—ноябрь 2009 г.	
	млн дол. США	в % к итогу	млн дол. США	в % к итогу
Китай	53180	9,6	34919	8,4
Нидерланды	52369	9,5	35466	8,5
Германия	46063	8,3	35251	8,5
Италия	33416	6,0	29783	7,2
Украина	33062	6,0	19970	4,8
Белоруссия	24874	4,5	21034	5,1

Таблица 4

Внешняя торговля ФРГ с основными торговыми партнерами

	Экспорт		Импорт		Товарооборот	
	Страна	млн евро	Страна	млн евро	Страна	млн евро
01	Франция	81304,1	Китай	56706,2	Франция	134642,6
02	США	54356,4	Нидерланды	55583,5	Нидерланды	108778,5
03	Великобритания	53239,9	Франция	53338,5	Китай	93978,7
04	Нидерланды	53195,1	США	39282,5	США	93638,9
05	Италия	50619,5	Италия	37196,8	Италия	87816,4
06	Австрия	46093,5	Великобритания	32452,4	Великобритания	85692,3
07	Бельгия	41839,5	Швейцария	28096,0	Австрия	73658,6
08	Китай	37272,5	Бельгия	28040,9	Бельгия	69880,4
09	Швейцария	35510,4	Австрия	27565,1	Швейцария	63606,3

Продолжение табл. 4

10	Испания	31280,5	Российская Федерация	25187,8	Польша	53282,7
11	Польша	31121,8	Чехия	24005,9	Испания	50239,2
12	Чехия	22032,0	Польша	22161,0	Чехия	46037,9
13	Российская Федерация	20620,9	Испания	18958,7	Российская Федерация	45808,7

При всех колебаниях и шатаниях в Германии растет убеждение, что Россия не противник, а партнер. А это уже не «перезагрузка», а новая «операционная система» отношений. Запуск такой системы является хорошей целью-результатом. Немецкие фирмы стремятся к сотрудничеству с Россией. Это не финансовые инвестиции в активы роста, а реальные проекты, значит, и передача новых технологий.

Литература

1. http://epp.eurostat.ec.europa.eu.
2. *Мочалов А.В.* Взгляд на государство как развивающуюся большую социально-экономическую систему // Россия державная / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград. 2004.
3. http://www.gks.ru/.
4. http://www.destatis.de.

Е.С. САСИМ

Посткризисные изменения в экономике: белорусский опыт

Мировая экономика в очередной раз погрузилась в глубокий кризис после более чем 20-летнего развития. Начавшийся в США финансово-экономический кризис стал захватывать одну за другой новые страны, связанные между собой множеством экономических и политических нитей. Не удалось избежать этой участи и Белоруссии. Однако кризис — это время не только экономических трудностей и потерь, но и осмысления пройденного пути, внесения кардинальных изменений в проводимую политику и закладки основ принципиально новой экономики качественно более высокого уровня.

Влияние мирового финансово-экономического кризиса на белорусскую экономику проявилось с некоторым временным лагом по сравнению с другими странами в силу неразвитости фондовых и финансовых рынков в стране и их слабой интегрированности в мировую финансовую систему. Влияние фондового канала на белорусскую экономику произошло в основном через удешевление стоимости активов белорусских предприятий и организаций. Как следствие мирового финансово-экономического кризиса, с IV квартала 2008 г. начали проявляться негативные тенденции в развитии белоруской экономики: существенное падение экспорта и валютной выручки; увеличение отрицательного сальдо внешнеторгового оборота; сокращение золотовалютных резервов; рост напряженности па валютном рынке; нарастание государ-

ственного и валового внешнего долга; снижение рентабельности и прибыли; замедление темпов экономического роста; сокращение грузоперевозок; рост сверхнормативных запасов готовой продукции на складах и дебиторско-кредиторской задолженности.

Основное влияние мирового кризиса на национальную экономику произошло через внешнюю торговлю, что в первую очередь связано со структурой белорусского экспорта. Ключевое место в экспорте в предкризисном 2008 г. занимали минеральные продукты (37,9%), продукция химической промышленности (18,9%), черные и цветные металлы (7,8%), машины, оборудование, транспортные средства (18,7%). Данные товарные группы столкнулись с резким ухудшением конъюнктуры на внешних рынках. В результате снижения цен и спроса на ведущие позиции белорусского товарного экспорта произошло его существенное падение. При этом экспорт в страны вне СНГ в основном сократился за счет снижения его средних цен (на 41,1% в декабре по сравнению с сентябрем), а в Россию — за счет физических объемов (на 33,9% в декабре по отношению к сентябрю). В свою очередь, отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса за последний квартал 2008 г. увеличилось более чем в два раза [1, 5 — 7].

В 2010 г. отмечен существенный прирост товарного экспорта. Вместе с тем его увеличение в определенной мере объясняется относительно низкой базой предыдущего года, значительным увеличением экспорта калийных удобрений, а также принятыми мерами по сокращению складских запасов на промышленных предприятиях. С учетом уменьшения импорта российской нефти все это позволило несколько сократить отрицательное сальдо внешнеторгового оборота до 2,7 млрд дол. по товарам и услугам — до 1,8 млрд дол. [2, 28].

Одновременно в этих условиях обострилась проблема высокой цены сохранения экономического роста в стране. При резком падении цен и спроса на белорусскую продукцию поддержание положительных темповых показателей (особенно в промышленности, обеспечивающей основную часть товарного экспорта) оборачивается ростом запасов промышленной продукции на складах (на 1 июля 2009 г. — 94,6% от среднемесячного объема производства) и ухудшением финансовых показателей с одновременным нарастанием кредиторской и дебиторской задолженности.

В дальнейшем принятые меры по сокращению запасов готовой продукции на складах позволили их уменьшить в промышленности до 60,7% к среднемесячному производству на 1 июля 2010 г. Тем не менее в машиностроении они по-прежнему остаются существенными (115,4%) [1, 7].

По данным Национального банка РБ, в январе — мае 2010 г. поступления валютной выручки от экспорта товаров возросли на 25,5% — до 8,504 млрд дол., в том числе поступления из России увеличились на 84,8% — до 3,297 млрд дол., но увеличение экспорта — не единственный фактор, повлиявший на сокращение запасов. В первой половине 2010 г. у промышленных предприятий возросла дебиторская задолженность. Продукция поставлялась на условиях отсрочки платежа — тем самым формально задача по сокращению складских запасов выполнялась, однако финансовая сторона этого процесса несколько настораживает. Ведь наличие дебиторской задолженности всегда вызывает вопросы о том, будет ли она своевременно погашена, т. е. в какой мере платежеспособными являются конечные потребители. По состоянию на 1 ноября 2010 г. задолженность составила 50,4 трлн р. и по сравнению с 1 ноября 2009 г. выросла на 16,3% при росте потребительских цен за этот

период на 9,7%. Тревожным фактом является увеличение товарных запасов в рознице. В первом полугодии 2010 г. товарные запасы в торговле возросли на 574,5 млрд р. (на 11,8%) до рекордных 5,447 трлн р. на 1 июля.

В Белоруссии в последнее время инфляционные процессы протекают на фоне рецессии, которая пока носит характер снижения темпов роста, но в ближайшее время грозит перейти в стадию падения объемов производства и ВВП, что уже наблюдается в промышленности. С учетом экспортоориентированной экономики страны, выход из этой ситуации предполагает, в первую очередь, активизацию внешнего спроса, что в сложившихся условиях не в полной мере зависит от Белоруссии.

Наряду с этим за последнее время существенно вырос внешний государственный долг страны, достигнув рубежа 9,651 млрд дол., увеличившись с начала года на 22,3%. С точки зрения международных стандартов уровень внешнего госдолга страны пока не является критичным (по состоянию на 1 ноября внешний госдолг составлял 18,2% к ВВП). В международной практике безопасным считается уровень внешнего госдолга не более 55 — 60% к ВВП. Вместе с тем внешний госдолг увеличивается быстрыми темпами. За последние три года он вырос почти в 12 раз — с 827,1 млн. дол. на 1 ноября 2007 г. до упомянутых 9,651 млрд дол. на 1 ноября 2010 г.

В Белоруссии антикризисный механизм носит сложный характер и основываться на мероприятиях как антистагфляционного, так и антидефляционного свойства. Его сложность предполагает выверенность и четкую последовательность шагов, ориентацию на решение таких задач, как: социальная поддержка слабозащищенных слоев населения; активизация экспортного сектора экономики и повышение ее конкурентоспособности на внешнем и внутреннем рынках; достижение внешней сбалансированности экономики; рационализация кредитной системы; совершенствование государственного управления в направлении обеспечения эффективного и устойчивого социального и экономического роста после восстановления внешней позитивной конъюнктуры.

Реализация этих задач предполагает осуществление, с одной стороны, общесистемных мер, которые создают необходимые условия и фон для проведения стабилизационных действий, с другой — мероприятий в наиболее проблемных сегментах реальной экономики и финансов.

Общесистемные меры включают:

- определение минимальных значений основных социальных индикаторов развития общества, нарушать которые недопустимо и социально опасно; социальная цена кризиса растет вслед за экономическим спадом и выражается в росте безработицы, снижении доходов населения, увеличении девальвационных и инфляционных потерь, падении общего уровня и качества жизни людей;
- ограничение вмешательства органов государственного управления в хозяйственную жизнь организаций, ведущего к росту запасов готовой продукции на складах; это позволит получить денежную часть оборотных средств, сократить потребности в кредитных ресурсах;
- либерализацию экономической жизни страны, которую следует проводить последовательно и эволюционно, всемерно поддерживая малый и средний бизнес;
- продолжение реализации комплекса мероприятий по созданию благоприятного инвестиционного климата на основе модернизации экономиче-

ских институтов и организационных механизмов.

Ключ к решению проблем снижения социальной цены кризиса лежит, в первую очередь, в производственной сфере. Поэтому важнейшим элементом антикризисного механизма являются меры в реальном секторе экономики. Важнейшие из них:

- разработка перспективной (долгосрочной) программы по оздоровлению, модернизации, структурной перестройке на инновационной основе реального сектора;
- повышение технического уровня и качества продукции, обновление технологической базы производства, активный переход к технологиям пятого и шестого укладов.

Сегодня в мире удельный вес шестого технологического уклада остается незначительным. Предполагается, что качественный скачок произойдет после завершения структурной перестройки ведущих экономик мира и перехода нового технологического уклада к фазе роста (что, по мнению специалистов, произойдет в середине следующего десятилетия).

Важно также отметить, что «Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 — 2015 годы» определены приоритетные направлениях социально-экономического развития и эффективные меры по совершенствованию государственного управления экономикой в новых условиях.

Среди них в первую очередь необходимо выделить отказ от директивного установления целевых показателей, прежде всего, объемов производства и проведение курса на дебюрократизацию, сокращение расходов на госаппарат, оптимизацию его функций, структуры и численности с учетом кризисных явлений в экономике [3, 8 — 10].

Основные антикризисные мероприятия представлены в рамках четырех блоков: 1) первоочередные меры по либерализации условий экономической деятельности; 2) антикризисные меры в области монетарной и фискальной политики; 3) меры по поддержке валообразующих предприятий; 4) совместный план действий с Российской Федерацией по минимизации последствий финансового кризиса.

Их реализация осуществляется по следующим основным направлениям: привлечение дополнительного внешнего финансирования, стабилизация ситуации в банковском секторе и на валютном рынке, сокращение расходов госбюджета, либерализация экономики, поддержка реального сектора и валообразующих предприятий, стимулирование экспорта и ограничение импорта, создание дополнительного внутреннего потребительского и инвестиционного спроса на отечественную продукцию, селективная поддержка уязвимых категорий населения и др.

Кроме этого, в последние годы осуществлялась трансформация нормативно-правовой базы, регламентирующей и регулирующей процессы акционирования, приватизации и использования госсобственности, развитие фондового и финансового рынков, условия функционирования бизнеса и предпринимательства. В результате были отменены институт «золотой акции» и ряд ограничений на обращение акций предприятий, улучшена система налогообложения доходов от ценных бумаг (в частности, сокращены ставки налогообложения доходов от акций с 40% до 24%), расширено участие коммерческих банков на рынке ценных бумаг.

На улучшение предпринимательского климата и стимулирование раз-

вития малого и среднего бизнеса направлено: упрощение и сокращение административных процедур, включая государственную регистрацию и ликвидацию субъектов хозяйствования, лицензирование; рационализация контрольной деятельности; улучшение арендных и земельных отношений, инвестиционной деятельности; совершенствование системы налогообложения; либерализация ценового регулирования и др.

После начала мирового финансово-экономического кризиса в Республике Беларусь был принят ряд действенных мер в области монетарной и фискальной политики, направленных на недопущение дестабилизации макроэкономической ситуации в стране. В частности, уменьшены нормы обязательного резервирования (в отношении вкладов физических лиц — отменены), оказана поддержка в части повышения ресурсной базы отдельных банков, приняты решения по гарантированию вкладов в банковской системе страны, созданы дополнительные резервные фонды, введены определенные ограничения на покупку валюты юридическими лицами, осуществлена одноразовая девальвация (на 20%), проводится дальнейшее постепенное снижение обменного курса белорусского рубля к корзине валют. Получены кредиты МВФ, России, Венесуэлы, Китая, активно привлекается внешнее финансирование через банковскую систему и продажу отдельных активов.

Приняты меры по недопущению роста заработной платы в бюджетной сфере и на государственных предприятиях, проводилось существенное сокращение бюджетных расходов в конце 2009 и в 2010 г. Значительные дополнительные ресурсы аккумулированы в специальном Фонде национального развития.

В свою очередь, дополнительное стимулирование внутреннего спроса (особенно инвестиционного), несмотря на его положительное влияние на динамику экономического развития, имеет определенные пределы, связанные как с емкостью внутреннего рынка и возможностями реализации на нем отечественной продукции (к тому же отличающейся высокой импортоемкостью, что не позволяет мультиплицировать развитие национального производства), так и с ограниченностью финансирования, потребности в котором все в большей степени покрываются за счет внешних заимствований.

Данный подход, как известно, активно использовал Китай, у которого для его реализации имелись соответствующие предпосылки. Во-первых, Китай является крупной страной с емким внутренним рынком, потребности которого (за исключением импорта энергоносителей и сырья) удовлетворяются преимущественно за счет собственного производства. Во-вторых, в условиях кризиса мировые цены на энергоносители существенно упали, что с учетом некоторого укрепления юаня дополнительно стимулировало китайских товаропроизводителей. В-третьих, Китай имеет самые большие в мире валютные резервы, что позволило направить часть средств на стимулирование внутреннего спроса и льготное кредитование под покупку китайских товаров вместо финансовой поддержки американской экономики в условиях высоких валютных рисков по причине нестабильности основной мировой резервной валюты. Определенный эффект китайская экономика получила и в части поддержания внешнего спроса через предоставление связанных кредитов другим странам.

В Республике Беларусь расширение внутреннего спроса связано с увеличением жилищного строительства, развитием лизинговых схем на приобретение отечественной машиностроительной продукции, льготным кредитованием покупки отечественных потребительских товаров длительного пользования. Все вышеперечисленные направления, с одной стороны, имеют соот-

ветствующие ограничения, с другой — увеличивают импорт, не оказывая в краткосрочной перспективе заметного влияния на рост экспорта. В частности, по машиностроительной продукции и ряду потребительских товаров длительного пользования внутренний рынок составляет относительно небольшую долю. Расширение реализации данных товаров на внутреннем рынке (за исключением вытеснения таким образом аналогичной импортной продукции) ведет к нарастанию импорта без соответствующего экспорта. Чрезмерное наращивание жилищного строительства в условиях кризиса сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, импортоемкость строительной отрасли, по данным межотраслевого баланса, составляет порядка 25%. С увеличением цен на энергоносители данный показатель будет еще выше, но в отличие от промышленности, которая при более высоком уровне импортоемкости обеспечивает почти весь товарный экспорт, построенное жилье практически не экспортируется (если не считать его продажу иностранцам) и остается на территории страны. По строительству жилья на одного человека Белоруссия занимает первое место на постсоветском пространстве (в 2010 г. достигнута рекордная величина ввода жилья — 7 млн. $м^2$) [4].

Вторым важнейшим ограничением являются ресурсные возможности банковской системы для долгосрочного кредитования. Учитывая, что строительство жилья преимущественно осуществляется по льготным кредитам (3—5% годовых), то разница между увеличившимися во время кризиса рыночными и льготными процентными ставками дополнительно перейдет на госбюджет. Возрастают в последние годы бюджетные расходы и на компенсацию жилищно-коммунальных услуг, поскольку доля покрытия стоимости тарифов на ЖКХ населением сокращается. В то же время, одновременно увеличатся налоговые поступления в бюджет от расширения жилищного строительства, производства строительных материалов и конструкций, что частично компенсирует дополнительные бюджетные расходы. Необходимо учитывать существующие ограничения в части производственных мощностей в строительстве и промышленности строительных материалов и конструкций, что, в конечном счете, окажет сдерживающее влияние на экспортные возможности строительного комплекса страны [1, 7 — 10].

Республике Беларусь на данный момент не удалось в полной мере решить ряд проблем, которые оказывают сдерживающее влияние на динамичное социально-экономическое развитие. В 2011 — 2015 гг. предусматривается обеспечить увеличение ВВП на 62 — 68%, индекса промышленного производства — на 54 — 60%, продукции сельского хозяйства — на 39 — 45%, производства услуг — 2 раза, инвестиций в основной капитал — в 1,9 — 1,97 раза. Планируется к 2015 г. войти в тридцатку стран с наиболее благоприятными условиями ведения бизнеса, в том числе привлекательными и для зарубежных инвестиций.

Предложенная система мер, исходя из опыта предыдущих мировых и крупных региональных экономических кризисов, сложившейся в стране ситуации, специфики национальной экономической модели, представляется вполне логичной. Представлен минимально необходимый набор шагов для стабилизации национальной экономики и формирования предпосылок выхода из кризиса.

Литература

1. *Матяс А.* Белорусская экономика в условиях кризисного и посткризисного развития // Банковский вестник. Мн., 2010. № 10.

2. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в 2009 г. / Национальный статистический комитет РБ. Мн., 2009.

3. *Шимов В.Н.* Мировой финансово-экономический кризис: негативные последствия для Белоруссии и пути их преодоления // Белорусский экономический журнал. Мн., 2009. № 2.

4. Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 — 2015 годы. Мн., 2010 // www.belstat.gov.by от 02.12.2010.

Т.С. ЧЕРНИКОВ

Поиск новой парадигмы экономической науки (обзор литературы)

Проблема поиска новой парадигмы является актуальной для каждой науки, в том числе экономической, если «старая» не устраивает практику, жизнь. Данная проблема была поднята в 1990-е гг. такими авторами, как Л.И. Абалкин, Ю.М. Осипов, О.В. Иншаков, Л.Е. Ефанов, И.Н. Мысляева и др.

Л.Е. Ефанов в своей статье «О новой парадигме экономической науки и национальном пути хозяйственного развития России» выделил идейные устаревшие, субъективные концепции, которые были выдвинуты еще в эпоху Возрождения и заложены в основу современной науки [1, 659].

- *Рационалистическая философия Декарта* и базирующаяся на ней небесная механика Ньютона как представление о некой идеальной модели самоуправляющейся системы. Все устремления научной мысли в социальной сфере были направлены на то, чтобы найти такую же модель для общества, которое подсознательно мыслилось в рамках жестких линейных причинно-следственных экономических связей.
- *Экономическая теория Адама Смита* с «невидимой рукой рынка», основанная на протестантской этике, мотивации труда и отношении к богатству и общественному благу. Она проецирует небесную механику идеального ускорения мира на сферу хозяйственной жизни общества, где все сбалансировано и в которую заложены саморазвитие и самосовершенствование.

И.Н. Мысляева в своей статье «Теоретические основы новой парадигмы экономической науки» отмечает, что выработка новой парадигмы — это создание теории, позволяющей ориентироваться и действовать в меняющемся мире, и рассуждает о существовании разных взглядов на поиск парадигмы:

- одни считают, что разговоры о новой парадигме есть не что иное, как покушение на предмет экономической теории;
- другие процесс выработки новой парадигмы сравнивают с ревизией всего того, что накоплено экономической наукой; это находит проявление в крахе марксизма, в ограничении узко экономического анализа и необходимости расширения объекта исследования экономической науки за счет включения в анализ внеэкономических факторов, призывах отказаться от построения каких-либо теоретических моделей общественного устройства в качестве ориентиров для будущего развития;
- третьи утверждают, что поиск парадигмы обусловлен неспособностью экономической теорией объяснить целый ряд процессов, происходящих

в современном мире; причиной этого являются устаревшие методологические принципы, лежащие в основе экономических исследований; выработка новой парадигмы предусматривает кардинальное изменение методологических принципов экономического анализа путем создания некой метатеории, включающей все ценное из того, что накоплено экономической наукой.

И.Н. Мысляева выделяет следующие принципы построения новой парадигмы [1, 201].

1. Для анализа процесса хозяйственной динамики существенными являются факт целостности общественной системы и невозможность рассмотрения процессов экономического развития в отрыве от процессов, происходящих в обществе. Экономика — это часть общества. Ее развитие не носит обособленного характера. Коренные изменения в экономике не возникают и не реализуются сами по себе. Выбору форм и методов экономических преобразований всегда предшествует формирование некой общественно значимой цели, в соответствии с которой выбираются экономические средства ее реализации.

2. Анализ динамики общественных систем предполагает в качестве самостоятельного блока исследование движущих сил экономических преобразований.

3. Создание теории, позволяющей ориентироваться в меняющемся мире, требует уточнения понимания таких проблем, как отношение закономерностей и случайности, необходимости и свободы, объективной закономерности и роли исторического выбора.

Дальнейшее развитие проблема поиска парадигмы получила в 2000-е гг. и нашла свое отражение в работах таких видных ученых, как Ю.Н. Яковец, А.И. Колганов, М. И. Скаржинский и др.

Ю.Н. Яковец в своей статье «Смена экономической парадигмы и борьба научных школ» отмечает, что раз в несколько столетий происходит смена преобладающей парадигмы экономической науки. Причина этого не столько в прогрессе научного знания, сколько в радикальных переменах объекта изучения этой отрасли знания — экономического способа производства. Новому экономическому и социальному строю перестает отвечать адекватное прежнему обществу видение мира, его использование ведет к стратегическим ошибкам, приходит время обновлять арсенал выявленных закономерностей и механизм их практического использования. Их итогом становится утверждение новой парадигмы. В этой же статье Ю.Н. Яковец выделяет несколько течений экономической мысли [2, 64].

Во-первых, первое — это верные приверженцы индустриальной парадигмы в марксистской модификации. Будучи вынужденными отказаться от некоторых ее постулатов, они не в силах расстаться с привычным мировоззрением и исповедуют его, слегка модифицируя и игнорируя растущие расхождения с реальной динамикой окружающего мира.

Во-вторых, другое течение — научные «перевертыши», которые легко сменили приверженность к марксизму на его противоположность — классические и современные версии либерализма, прагматичного экономикса, не замечая, что и их дни сочтены.

В-третьих, некоторые ищут спасение в доиндустриальных эпохах, в теологическом подходе к экономике и истории, либо в признании всеобщей плодотворности природы как единственного или главного творца богатства.

В-четвертых, постепенно вырисовывается новое течение, которое шаг за шагом определяет контуры постиндустриальной парадигмы обществоведения, формирует основы новых научных школ.

Ю.Н. Яковец утверждает, что становление новой парадигмы выражается в деятельности ряда научных школ [2, 64].

1. *Школа русского циклизма.* Представителями данного направления являются Международный фонд Н.Д. Кондратьева, Ассоциация «Прогнозы и циклы», Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева и др. Здесь получили развитие теории циклов и кризисов, динамики мировых и локальных цивилизаций, предвидение будущего.

2. *Школа философии хозяйства.* Она базируется в МГУ в Центре общественных наук (директором является Ю.М. Осипов), на экономическом факультете, которая объединяет многих ученых разных специальностей и весьма плодотворна по числу конференций и научных публикаций.

А.И. Колганов и М.И. Скаржинский подчеркивают, что вместе с появлением новой парадигмы образуется и новая политическая экономия.

Так, А.И. Колганов в своей статье «Перспективы политической экономии вообще и политической экономии социализма в частности» отмечает, что с появлением новой политической экономии возникают новые проблемы. Новая политическая экономия не может отличаться анализом структуры производственных отношений от материальных условий производства. Развитие смежных направлений экономической теории требует, чтобы политическая экономия проводила связь между производственными отношениями и движением поверхностных хозяйственных форм, в которых производственные отношения находят свое эмпирическое бытие, непосредственно данное человеку в его хозяйственной практике. Игнорировать результаты исследования этой стороны экономики, пытаясь проникнуть вглубь наиболее фундаментальных экономических отношений, далее уже невозможно. Политическая экономия, при всей важности анализа сущности явлений, должна отказаться от идеалистических претензий олицетворять собой некое особое, «сущностное» знание, не нуждающееся в проверке и дополнении со стороны «глубокой эмпирии» [2, 375].

М.И. Скаржинский в своей статье «Экономика конфликтов и казусов» сформулировал основные отличия новой политической экономии от старой (классической и марксистской) [2, 383]:

- наличие иной философской и методологической базы;
- исследование экономических отношений не в их статике (положение различных общественных классов), а в динамике как экономического поведения субъектов производственных отношений;
- отказ от конфронтационной характеристики экономических отношений и неизбежности социально-экономических катаклизмов и восприятия этих отношений как конкурентных, контрактных конфликтно-компромиссных;
- оперирование не только социально-экономическими агрегатами (класс, страта, социальная группа), но и обращение непосредственно к человеку, его индивидуальной, ответственной, но социально-экономически обусловленной свободе выбора в индивидуальном экономическом поведении;
- преодоление жестких догматических конструкций прежних понятий производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки с тщательным отграничением экономической теории от других наук и стрем-

ление к междисциплинарному подходу с включением в сферу непосредственных научных интересов проблем социологии, морали, психологии, если они оказываются неотделимыми от целей экономических исследований.

Место и роль политической экономии в системе экономических знаний всегда задавались ее особым методологическим содержанием и трансляцией своей методологии в другие отрасли экономической науки. Сама методологическая насыщенность политэкономии — результат ее тесной связи с философией.

В других аспектах экономической науки поиск новой парадигмы изучают Л.И. Абалкин, О.В. Иншаков, В.Я. Иохин, В.В. Чекмарев, Г.А. Шмулев, Т.Н. Юдина.

Л.И. Абалкин в своей монографии «Новая парадигма развития России» отмечает, что стратегия перехода России к устойчивому развитию должны составить общую консолидированную платформу общественного сознания в стране, по возможности инвариантную относительно политических партий и движений, принадлежности или не принадлежности к властным и общественным структурам и содержащую объективные, чисто научные и духовно-нравственные аргументы, принципы и результаты. Суть новой парадигмы развития России (и всей мировой цивилизации) — переход к обществу высокой нравственности, качества жизни и устойчивого развития (человечества, природы, пневматосферы и техносферы) [3, 3].

О.В. Иншаков говорит, что глобализация полностью проявила себя как объективная закономерность современного этапа эволюции капиталистической хозяйственной системы, как способ расширения ее содержания и многообразия, самоочищения и обновления, взаимной ответственности и консолидированной политики связанных групп мировой экономики. Процесс глобализации генерирует адекватные своим масштабам и структуре формы функционирования, потоки движения и противоречия воспроизводства человеческого, технологического, материального, институционального, организационного и информационного капиталов. Взаимосвязь воспроизводства капиталов в глобальном пространстве при неравномерности развития национальных экономик определяет причины, характер и специфику современного экономического кризиса [4, 45].

В.В. Чекмарев в книге «Количественный и качественный анализ в новой политической экономии» отмечает, что количественный и качественный анализ является элементом исследования явлений и процессов в экономической жизни общества [5, 78]. Экономическая теория пользуется определенной методологией анализа. Методология экономической науки — это методология экономико-теоретического познания. Экономика среди прочих общественных наук стала рассматриваться как преимущественно количественная наука. В этом случае методы количественного анализа являются не просто методологическим приемом, применяемым исследователем, а предметом изучения. В.В. Чекмарев в своей монографии «Политическая экономия на пороге своего ренессанса» связывает появление новой политической экономии с новой экономикой [6, 90].

Понятие «новая экономика», несмотря на его употребление многочисленными авторами публикаций по проблемам экономической теории, до настоящего времени не стало парадигмальным. Определение содержания понятия новой экономики есть процесс инфиниции. Инфиниция — это попытка определить нечто неопределяемое в силу разных причин, в том числе исторической неразвитости или эволюции. В анализе тех или иных экономических

явлений можно пользоваться понятием содержания новой экономики как экономики знаний. Экономика знаний — прежде всего сетевая экономика. Сетевая экономика трансформирует вертикальные иерархические субъект-объектные властные экономические отношения, характеризующиеся неэквивалентным обменом, в горизонтальные, сетевые отношения. Исторически ограниченный способ производства как исторически конкретная система экономических отношений не может не иметь альтернативы. Новая экономика открывает новые возможности решения глобальных проблем за счет выравнивания уровней развития социальных слоев.

Г.А. Шмулев в своей книге «Экономика знаний — новая парадигма экономической теории» подчеркивает, что экономика знаний — новая парадигма экономической теории в рамках стратегического научного направления, рассчитанного на пять лет. Экономика, основанная на знаниях, — экономика, которая создает, распространяет и использует знания для обеспечения своего роста и конкурентоспособности, которая не только использует знания в разнообразной форме, но и создает их в виде научной и разнообразной высокотехнологичной продукции, высококвалифицированных услуг, образования. Главный эффект экономики, основанной на знаниях, заключается не столько в выпуске высокотехнологичной продукции, сколько в ее использовании во всех отраслях и сферах [7, 100].

В.Я. Иохин в статье «Об одном из аспектов новой парадигмы развития экономической теории» говорит о том, что, думая о прошлом, мы тем самым размышляем о завтрашнем. Данное положение должно стать лейтмотивом любых философско-экономических размышлений и поисков новой парадигмы социально-экономического развития человеческого общества, в том числе российского. Сложившиеся социально-экономические отношения в наиболее развитой части мира в результате действия и использования чисто экономических принципов функционирования хозяйства, лежащих в основе рыночных механизмов, указывают на те угрозы и опасности, которые несет человеку технико-экономизированная цивилизация [2, 412].

В.Я. Иохин отмечает, что России импонирует путь глобализации, который позволяет сохранить богатство в многообразии цивилизаций мирового сообщества и опереться на духовные и генетически родовые принципы русско-православной системы ценностей, ориентированной на всечеловечность.

Переход от экономизма к хозяйствованию — это определенный исторический период, которому не суждено стать реальностью, если чаша весов разрушения и деградации будет перевешивать потенциал сознания. Если предположить, что такого рода переход все-таки состоится, то возникает вопрос о направлении дальнейшего развития экономической теории, которая приблизится к теории хозяйства, разработке новой парадигмы социально-экономического развития. Речь идет о том, чтобы в этом экономизме всех существующих экономических школ и направлений экономической мысли выделить то течение, которое сохраняет черты экономической парадигмы социально-экономического развития, что имело бы перспективы трансформации в новые принципы хозяйствования.

Т.Н. Юдина в своей монографии «Домостроительство как экономическая система» исследует экономическую систему в контексте новой экономической истории [8]. Она предлагает домостроительную парадигму, которая способна воспроизводить гармоническую экономическую систему.

Дж. Сорос в книге «Новая парадигма финансовых рынков» разрабатывает новую парадигму, согласно которой финансовые рынки склонны стре-

миться к равновесию [9, 5]. Многие из сегодняшних проблем связаны с тем, что международные финансовые системы развивались на основе именно этой парадигмы. Новая парадигма не ограничивается финансовыми рынками. Она касается связи между представлениями и реальностью. Согласно ей, ход истории во многом определяется неверными предположениями и трактовками. Но в своей книге «Мировой экономический кризис и его назначение. Новая парадигма финансовых рынков» Дж. Сорос опровергает ее из-за краха глобальной финансовая системы, которая связана с сильным потрясением для людей, живущих в США [10, 74]. Взамен он предлагает необходимость разработки концепции, которая описывает более широкие понятия, чем финансовый рынок. Превалирующая парадигма (теория равновесия), ее политическое следствие — рыночный фундаментализм — оказались неспособными объяснить происходящее. А парадигма, основанная на рефлективности, еще должна доказать свою ценность.

Выработка новой парадигмы — это создание теории, позволяющей ориентироваться и действовать в меняющемся мире.

Литература

1. Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М., 1998.

2. Экономическая теория на пороге XXI века — 6: В 2 кн. Кн. 1: Философия хозяйства. Кн. 2: Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2002.

3. Новая парадигма устойчивого развития России (комплексные исследования проблем устойчивого развития) / Под ред. В.А. Коптюга и др. М., 2000.

4. Вековой поиск модели хозяйственного развития России. Воздействие глобального экономического кризиса на регионы Юга России: Тезисы XI Международной научно-практической конференции, г. Волжский, 24 — 25 сентября 2009 г. Волгоград, 2009.

5. Количественный и качественный анализ в новой политической экономии / Под ред. В.В. Чекмарева. Кострома, 2009.

6. Политическая экономия на пороге своего ренессанса. М., 2004.

7. Экономика знаний — новая парадигма экономической теории. Брянск, 2009.

8. *Юдина Т.Н.* Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория. М., 2010.

9. *Сорос Дж.* Новая парадигма финансовых рынков. М., 2008.

10. *Сорос Дж.* Мировой экономический кризис и его назначение. Новая парадигма финансовых рынков. М., 2010.

С.В. МАКАР

Лесной потенциал как ресурс развития России

Целостное хозяйственное развитие России базируется на использовании национального богатства, составной частью которого выступает природно-ресурсный потенциал (наряду с человеческим и производственным). В структуре собственно природно-ресурсного потенциала существенную роль,

по-нашему мнению, играет потенциал лесов страны. Особенности данного потенциала объединяют основные идеи (концепты) современного и будущего хозяйственного развития, позволяют учесть региональные особенности, а также определяют перспективы участия в глобальных процессах. Сам лесной потенциал представляется как максимальная возможность выполнения двух основных функций леса — социально-экономической и социоприродной. Социально-экономическую функцию следует рассматривать как максимальную возможность получения древесной и недревесной продукции леса и, следовательно, способности лесного хозяйства обеспечить лесными ресурсами и сырьем социально-экономическое развитие регионов (страны) для удовлетворения внутренних и внешних потребностей в лесной и лесобумажной продукции. В начале XXI в. и внешние и внутренние вызовы социо-эколого-экономического характера свидетельствуют о необходимости уточнения пересмотра роли и места лесного потенциала России в региональном, национальном и мировом развитии [1, 9 — 13].

Выполнение социоприродной функции следует связывать с экосистемной ролью леса, возможностью поддержания (сохранения) качества окружающей среды за счет способности поглощать антропогенные нагрузки. Поддержание этой функции лесного потенциала вносит ограничения в использование лесов с точки зрения максимизации экономического эффекта, т. е. выполнения социально-экономической функции. Таким образом, речь идет о гармоничном соотношении в реализации этих двух основных функций лесного потенциала. Основными направлениями, отражающими реализацию лесного потенциала, следует рассматривать следующие: экономический, социальный, экологический (природный) и пространственный. Однако в них необходимо выделить (подчеркнуть) отдельные концепты для развития.

Экономический концепт связан, во-первых, с комплементарным соединением отраслевой (лесной) и региональной стратегий развития России. Это направлено на получение многоуровневого синергетического эффекта за счет сбалансированного развития лесного сектора, в частности, промышленной переработки древесины, и регионального развития. На основе внедрения инновационных технологий, обеспечивающих, с одной стороны, снижение материалоемкости в основном производстве и, с другой стороны, более широкое вовлечение мелкотоварной и низкосортной древесины и отходов деревообработки для выпуска плитной и целлюлозной продукции, а также развитие производства биотоплива, предусматривается повысить эффективность использования лесосырьевой базы страны. Таким образом, эффективность использования ресурсной составляющей лесного потенциала повышается за счет более глубокой механической, химической и энергетической переработки заготавливаемой древесины.

Глубина переработки заготовленной древесины должна повыситься вдвое к 2020 г. Это позволит увеличить лесной доход, налоговые поступления в бюджет, улучшить структуру экспорта лесопродукции и станет ответом на вызовы предстоящего долгосрочного периода — закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России в сфере переработки природных ресурсов, что означает укрепление позиций страны на мировом рынке продукции ЛПК. С региональной стороны речь идет о модернизации и строительстве производств в конкретных регионах России, создании там новых рабочих мест, увеличении внутреннего потребления лесной и лесобумажной продукции. В этой связи очевидно значение для стратегического развития лесного комплекса РФ и регионального развития реализации инвестиционных

проектов при поддержке их со стороны государства, а также на условиях государственно-частного партнерства. В настоящее время начата реализация 63 приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов[11].

Организационный механизм предусматривает использование потенциала государственных корпораций, банков, ориентированных на реализацию инновационных проектов, и общественных экологических организаций. Создание условий для привлечения масштабных инвестиций для развития лесопромышленного потенциала России в целях производства конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью — основная задача государства. Первостепенная роль государства очевидна в многообразных формах его участия: непосредственное финансирование из федерального и региональных бюджетов, привлечение бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда, государственные гарантии по защите частных инвестиций, использование средств государственных инвестиционных корпораций (фондов), обеспечение преимущества стратегических инвесторов по приоритетным проектам в области освоения лесов, таможенно-тарифное регулирование, субсидирование выплаты процентов по кредитам, полученным на техническое перевооружение.

Усиление глобальной экономической конкуренции тесно переплетено с ростом геополитического соперничества, в том числе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы. Россия сталкивается с необходимостью укрепления национальной экономической безопасности [2, 9], при сохранении и развитии открытости российской экономики и ее активного участия в формировании и регулировании сырьевых рынков. В этой связи развитие лесной транспортной инфраструктуры, включающее обеспечение экономической доступности лесных участков, повышение рентабельности заготовки древесины посредством строительства лесных дорог круглогодового действия и транзитных железнодорожных и автомобильных путей, позволит существенно увеличить объемы внутреннего использования лесов. На рубеже 2020 — 2025 гг. доля использования расчетной лесосеки должна возрасти до 50% (сегодня — 23%), прогнозируется рост производства и потребления продукции глубокой переработки древесины до уровня стран-лидеров (США, Канада и др.).

Одним из важнейших стратегических направлений развития России становится обеспечение экономической безопасности самого национального лесного потенциала**.** Серьезную угрозу экономической безопасности страны, ее лесному потенциалу представляют незаконные рубки леса, «лидирующие» среди основных видов нарушений лесного законодательства. Незаконная рубка лесов и нелегальный оборот заготовленной древесины наносят значительный ущерб экономике[12]. Опасность незаконных лесозаготовок заключается, в первую очередь, в экономическом ущербе, так как с незаконно добытой древесины не платятся налоги. Общий объем экономического ущерба бюджетам всех уровней Российской Федерации от заготовки и оборота нелегально добытой древесины составляет, по разным оценкам, от 5 до 30 млрд р. в год. Но также незаконные вырубки наносят непоправимый экологический ущерб как нашей стране, так и всему миру. Бесконтрольные и безответственные вырубки

[11] Перечень приоритетных национальных проектов разрабатывался исходя из оценки финансовых вложений инвестора — от 300 млн р.
[12] 16181006 тыс. р. (2008) [3, 33].

ведут к деградации лесов и истощению лесных ресурсов. Кроме того, незаконная рубка лесов и нелегальный оборот заготовленной древесины ухудшают имидж экспортного лица Российской Федерации.

Почти две трети российского леса и лесоматериалов идет на экспорт. Нерешенность проблемы нелегальных рубок может привести к сокращению и потере рынков сбыта российской древесины, так как в развитых странах постоянно ужесточаются экологические требования к этой продукции. Западные потребители сознательно выбирают ту продукцию, которая соответствует экологическим требованиям. Экономический аспект данной проблемы в этом случае тесно увязан с законодательством и общественной моралью. Торговля незаконно заготовленной древесиной не может быть возможной (допустимой) сегодня в России. Недопустимо, когда высокий спрос на нелегальную продукцию обеспечивают не только некоторые иностранные покупатели, но и отечественные потребители, которые не несут за это наказания (нет даже морального порицания со стороны общества). Содержанием нелегальных лесозаготовок в России и всей системы незаконного оборота древесины стало даже не примитивное воровство, а по сути, криминальный бизнес, в основе которого могут лежать вполне законные коммерческие рубки, проводимые лесозаготовительными компаниями на базе полного комплекта разрешительной документации. Развитие нелегального бизнеса в лесном секторе особенно значительный урон наносит экономике регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Причины сложившейся ситуации кроются не только в несовершенстве российского законодательства и практики его применения, но и в разрушении моральных принципов и общественных институтов.

Таким образом*, социально-гуманитарный концепт* реализации лесного потенциала включает не только анализ и оценку санитарно-гигиенической и рекреационной роли лесов России, но и развитие социальной ответственности за реализацию лесного потенциала. Леса являются частью культурно-исторической среды, под воздействием которой формируются культура и обычаи народов и этносов. Сохранение и развитие лесопользования в России как традиционных экономических, исторических и культурных основ российской государственности требуют заинтересованного участия общественности в судьбе ее лесных богатств. Это позволит обеспечить реализацию лесного потенциала на правовой основе. Общественность — это сложная и противоречивая система, однако речь идет всегда о живых людях с их конкретными интересами, знаниями и потребностями. По отношению к лесу население является массовым пользователем. В настоящее время возрастают возможности его информационного обеспечения, т. е. происходит переход к новому информационному, социально-ориентированному обществу, что является неотъемлемой частью инновационного развития. Одним из инструментов формирования общественного сознания выступает лесная сертификация, в частности, по схеме Лесного попечительского совета (FSC)[13].

В социальной сфере FSC-сертификация предполагает более широкий подход по сравнению с действующими нормами российского законодательства: например, применение Международных норм охраны труда, благотворительную деятельность и поддержку местной инфраструктуры, соблюдение прав других пользователей на арендованной территории (сохранение мест массового сбора грибов и ягод, рекреационной значимости, охотоугодий и

[13] Существует с 1993 г.

т. д.). FSC-сертифицированные компании признают и соблюдают права коренных народов на пользование территориями и природными ресурсами, сохраняют места исторической, археологической и культурной значимости. При приеме на работу FSC-сертифицированные компании отдают предпочтение местному населению, что не регламентируется отечественным законодательством. Маркировка FSC гарантирует потребителю легальное происхождение древесины и продукции из нее, а также то, что продукция происходит из леса, в котором ведется экологически и социально сбалансированное лесное хозяйство.

Для России актуальным направлением является формирование социально ответственного потребления сертифицированной лесной продукции. Следует заметить, что информированность потребителей о сертифицированной продукции из древесины, в частности по схеме FSC, различается по странам. Если в Западной Европе узнаваемость потребителями логотипа FSC превышает 60%, то в России — крупнейшей лесной державе — осведомленность общества и спрос на FSC-сертифицированную продукцию пренебрежительно малы. На мировых рынках FSC-сертифицированная продукция является более конкурентоспособной по сравнению с несертифицированной. Причем спрос на нее постоянно растет. Таким образом, этот инструмент особенно актуален для тех российских лесозаготовительных предприятий, которые обеспечивают древесиной заводы по производству клееной балки (LVL) и древеснотопливных гранул, которые из-за невостребованности пока в России в основном поставляются на экспорт. Несмотря на указанные преимущества FSC-сертификации, в нашей стране существует ряд проблем по ее продвижению. Одна из основных — несоответствие ряда российских законодательных актов требованиям FSC.

Одно из важнейших аспектов для анализа перспектив устойчивого развития — это отношение к пониманию леса в обществе. Первоначально лес не требовал специального определения и выступал объективным условием существования, удовлетворяя потребности человека. Однако понятие «лес» постоянно усложнялось, постепенно в него входили дополнительные существенные признаки. Современное представление о лесе триедино: как явление природы, как комплексный ресурс, как часть окружающей среды. Понимание леса как пространственного объекта подразумевает его неразрывную связь (не только биологическую, но и правовую) с земельным участком. Однако функциональная значимость лесного потенциала выходит за пределы лесного участка.

Экологический концепт реализации лесного потенциала очевиден с точки зрения обеспечения экологической безопасности, экологического благополучия и реализации экологических прав граждан России. Это относительно новая сфера деятельности государственных органов исполнительной власти. По-нашему мнению, региональный лесной потенциал следует рассматривать в качестве эквивалента регионального ассимиляционного потенциала природной среды (РАППС), который называют также экологическим ресурсом. Данный ресурс условно «привязан» к лесному участку, а величину РАППС следует рассчитывать исходя из площади земель, покрытых лесной растительностью. В частности, так реализуется социоприродная функция регионального лесного потенциала.

Инструментом обеспечения экологической безопасности является экологически ответственное лесоуправление, которое гарантирует, что заготовка древесины не угрожает биоразнообразию, не уменьшает продуктивность и

экологические функции лесов. Лесная сертификация предполагает более широкий подход к решению экологических проблем по сравнению с действующими нормами российского законодательства. Так, FSC-сертифицированные компании, выполняя все требования отечественного законодательства, берут на себя повышенные обязательства, в добровольном порядке сохраняя участки леса и отдельные его элементы, не попадающие под действие российского природоохранного законодательства, но имеющие важную экологическую или социальную ценность. Это редкие лесные экосистемы, участки особой культурной или рекреационной значимости, места массового сбора грибов и ягод, отдельные элементы биоразнообразия (ключевые биотопы) — небольшие участки, являющиеся местообитаниями редких видов растений и животных, а также отдельные деревья редких пород и т. д. В сферу добровольных обязанностей FSC-сертифицированных компаний также входит контроль состояния почв и водотоков. Экологические состояние FSC-сертифицированных территорий в целом значительно улучшается по сравнению с несертифицированными.

Пространственный концепт развития лесного потенциала предполагает переход к новой модели пространственного развития российской экономики на базе создания сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий; укрепления системы стратегического управления региональным развитием, обеспечивающим повышение комплексности и сбалансированности развития регионов. Конфигурация пространственного развития может быть не привязана жестко к сложившимся энерго-сырьевым зонам и финансовым центрам. Модернизация развития восточных регионов страны связывается с более глубокой переработкой лесных ресурсов в существующих центрах и создания новых центров в слабоосвоенных территориях. Лесные ресурсы Сибири и Дальнего Востока должны составить сырьевую базу для формирования лесопромышленных кластеров. В лесодефицитных регионах Юга России возможно создание лесовоспроизводственных кластеров на основе трудового потенциала этих регионов. В целом процесс формирования территориальных кластеров — локализованных в пределах определенной территории группы взаимосвязанных компаний, вокруг которых концентрируются связанные с их деятельностью организации — представляет собой стратегический вектор инновационного развития России. Он определяется переориентацией экономики на потребление, в конечном счете, на удовлетворение запросов потребителей. Это обусловливает трансформацию хозяйственных структур, создание новых организационных форм производства и новых технологических принципов, в первую очередь ресурсо- и природосберегающих. В результате выделения (и формирования) кластеров, а также их взаимодействия (образование кластерной сети) формируются так называемые «сетевые» регионы. Производственная структура сетевого региона развивается по направлению, позволяющему использовать продукт одной отрасли для нужд смежных отраслей, что обеспечивает координацию между отраслями и/или производствами, способствует распространению информации, инициирует высокую способность к инновациям за счет высококонкурентной среды между малыми и средними сопутствующими производствами, стимулирует развитие новых направлений бизнеса. По сравнению с централизованными регионами, характерными для сегодняшней России, сетевые регионы более конкурентоспособны. Конкурентоспособность страны в целом определяется наличием сетевых регионов, разви-

тых в производственно-технологическом плане, способных воспринимать инновации.

Следует подчеркнуть, что социоприродная функция лесного потенциала выходит за пределы региональных и даже национальных границ, поскольку основывается на экосистемных принципах. *Глобальные возможности* реализации лесного потенциала базируются, прежде всего, на экологическом концепте и заключены в поглощении (депонировании) углерода, а также сохранении биоразнообразия в лесных экосистемах. Это основа жизнеобеспечения будущего «глобализированного» общества. Леса России образуют крупнейшую экосистему, оказывающую огромное положительное влияние на сохранение окружающей природной среды, улучшение ее качества. В умеренной и бореальной климатических зонах леса являются важнейшим стабилизирующим компонентом природных ландшафтов. Они выполняют принципиально важные функции по защите почв, охране и регулированию водных ресурсов, поглощают углекислый газ, выделяют кислород и производят первичную биологическую продукцию. Необходимо подчеркнуть, что русские ученые первыми отметили главное глобальное свойство леса: он является основным планетарным аккумулятором живого вещества в биосфере.

Потенциал лесов России связан с возможностью накопления в них углерода. С одной стороны, это имеет принципиальное значение для будущего устойчивого развития страны, которая обладает 21% от мировой площади лесов и 28% от глобальных запасов углерода в лесах. Это жизненно важно и для отдельных регионов страны в плане будущего использования лесного потенциала. С другой стороны, углеродный кредит имеет важное современное глобальное значение, поскольку касается поглощения промышленной эмиссии парниковых газов в масштабах мирового хозяйства.

Однако данный вопрос касается современных национальных интересов страны и требует оценки не только возможностей, но и ограничений. В том случае, если Россия принимает на себя обязательства по сокращению собственных выбросов парниковых газов, ей предоставляется право учета вклада лесного хозяйства в национальный бюджет парниковых газов. В результате страна получает возможность компенсации части антропогенных выбросов в энергетике и промышленности благодаря депонированию (стоку) атмосферного углерода в леса. В то же время, Россия принимает ответственность за сохранение уже накопленных пулов углерода, промышленное использование которых связано с увеличением эмиссии углекислого газа, при этом вырубка лесов уменьшает не только наличные запасы углерода в лесах, но и возможность связывания и поглощения парниковых газов.

Таким образом, сохраняя леса, мы сохраняем и увеличиваем запасы углерода для будущего использования, поддерживаем глобальный баланс выбросов парниковых газов и температуры, получаем компенсацию за поглощение «чужих» выбросов. При этом — сдерживаем развитие собственного лесопользования, а также других видов и форм экономической деятельности, поскольку добыча полезных ископаемых, создание инфраструктуры (площадные и линейные элементы пространственной организации хозяйства) приводят к потерям лесного покрова, а, следовательно, снижению запасов и возможностей поглощения углерода лесами. Развитие же обрабатывающей промышленности и энергетики (точечные элементы пространственной организации хозяйства) ведет к росту собственной эмиссии парниковых газов.

В результате возникает необходимость оценки наибольшей выгоды использования лесного хозяйства, прежде всего с национальной точки зрения.

И если вторая половина 1990-х характеризовалась низким уровнем лесопользования, то, как очевидно, стратегия развития лесного комплекса до 2020 г. предполагает активное промышленное использование лесного потенциала страны.

Подводя итог, необходимо сказать, что лес следует рассматривать как «хаб» — узел пересечения различных концептов развития (экономического, социального, экологического, пространственного, организационного и др.), которые следует анализировать в динамике и на разных уровнях — глобальном, национальном, региональном с учетом соблюдения интересов всех заинтересованных сторон, а также соблюдения баланса интересов разных поколений. Особенностью современного этапа социально-экономического развития является то, что в нем выделяется две тенденции: одна традиционная, связанная с ростом общественного производства по удовлетворению конкретных потребностей людей, вторая жизнеобеспечивающая, компенсирующая отрицательные последствия развития НТР на окружающую среду и здоровье человека. В этом случае лесной потенциал выступает элементом гармонизации хозяйственного развития, системным объектом, обеспечивающим целостность подхода к этому развитию. При этом возрастает значение развития региональных систем и пространственных структур лесопользования и воспроизводства лесных ресурсов.

Литература

1. *Макар С.В.* Лесной потенциал России: вызовы XXI века и национальные приоритеты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 3.

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М., 2008.

3. Леса России 2009. М., 2009.

П.В. СКОТНЫЙ

Инновационная методология как проблема современного знания

Новое знание — цель ученого и условие прогресса общества. Одним из главных путей его получения является применение инновационных методологий. Авторитетный научный центр, элитный университет — это те учреждения, в которых используются новейшие практики, методики и подходы. Именно благодаря им открываются непознанные аспекты реальности. От качества методологического инструментария зависит достижение эффективных научных результатов. Использование инновационных методологий обеспечивает успешное решение поставленных проблем и тем самым получение предметного знания об исследуемых объектах. Как известно, данная ситуация достигается при условии соответствия методологического инструментария предмету исследования и характеру изучаемой проблемы. Обеспечение этого соответствия — сложное задание, но его решение обусловливает достижение знания высшего уровня, соответствующего запросам времени. Благодаря ему раскрываются изучаемые свойства и отношения объектов, явлений, процессов.

Понятие «методологический инструментарий науки», с помощью которого достигается новое знание, употребляется в двух смыслах. Во-первых, для характеристики методов исследования, когда в исследовательский инструментарий науки входят материальные и идеальные средства, а также совокупность общих логических приемов и способов разных уровней исследования. Во-вторых, данное понятие соотносится с более широкой совокупностью компонентов научной познавательной деятельности, пределы которой не указываются достаточно четко, а лишь «учитывается характер их инструментального функционирования, то есть их использование в качестве средства увеличения и систематизации знания» [1, 21]. Тем самым знание приобретает новые черты и новые смыслы. В этом случае в понятие «методологический инструментарий науки», рядом с отмеченными раньше средствами и методами, включаются также формы знания, которые фиксируют достигнутые результате исследований, а также формы мировоззренческого знания. К ним относятся картина исследуемой реальности в контексте идеалов и норм познания эпохи, философские основы науки, стиль научного мышления и т. д. Собственно, эти формы и делают знание особенным: «Моя философия — не для всех», — говорил Ф. Ницше. «Не все» — это и есть те, кто может постигнуть высший, глубинный смысл бытия, что и делает их учеными-мыслителями.

Исторически первым был второй смысл, о чем свидетельствуют такие методологические работы, как «Органон» Аристотеля и «Новый органон» Ф. Бэкона. Актуальным он был в те периоды, когда наука переходила к познавательному освоению объектов, обладающих качественно иной, более сложной системной организацией. В силу чего необходимо было сделать своеобразное «гештальт-переключение всей системы познавательных средств на высший (качественно новый) уровень» [1, 21]. В частности, это имело место при переходе от исследования статических объектов к изучению развивающихся систем (XIX в.), а дальше — от исследования динамических систем к анализу вероятностно-статистических объектов (XIX — XX вв.). В эпистемологии это означало переход от первого типа рациональности ко второму. Тем самым начала выстраиваться качественно иная система знания, ставшая благодаря своим преимуществам символом и признаком формирования новой интеллектуальной элиты.

Развитие науки всегда обусловлено наличием нового знания и тех сфер интеллектуально-познавательной деятельности, в которых результаты познания находят наиболее широкое применение (производство, технологии, управление, экология, образование и пр.). С этим связаны преобразования технологической направленности целей и задач научных исследований. Их результаты видятся, в первую очередь, как технопроизводственная, социальная, управленческая, образовательная, политическая технологии. Соответственно рядом с традиционными, классическими требованиями выявить структуру, законы функционирования и развития объектов научного исследования все чаще возникают требования найти способ, как их «направленно изменить», «сконструировать», «осмысленно воссоздать», «построить в заданных условиях». Объекты, которые изучают, познают, исследуют, теперь структурируются, исходя из специфики конкретных социальных потребностей и практических целей, а также индивидуальных психологических особенностей субъектов деятельности. Все это требует нового знания, поскольку именно на его уровне можно решить проблемы управления интеллектуальными систе-

мами. Причем знания особого, специфического, на основе которого объединяются группы интеллектуалов, образующих интеллектуальную элиту.

Отмеченные тенденции влекут за собой необходимость разрабатывать качественно новые средства и методы исследования, адекватные характеру системной организации познаваемых объектов. А также более детально исследовать соотношение классических форм выражения знаний и их анализа в современной (постнеклассической) науке (компьютерные описания, исторические реконструкции, сценарии и т. п.). Ведь сегодня в науке идут процессы, вызванные оппозицией традиционно когнитивного знания и современной технологической ориентации ее целей и задач, которые можно образно назвать «гештальт-переключением исследовательского инструментария науки, поскольку трансформируется (качественно обновляется) практически весь набор ее средств и методов» [1, 22]. Другими словами, необходим методологический инструментарий, способный исполнять роль средства достижения элитного знания, соответствующего запросам эпохи.

В свою очередь современный методологический инструментарий научного познания, перманентно развивающийся, обусловливает необходимость постоянного осмысления действий по его созданию и эффективному применению. Этим объясняется наличие в сфере познания особого рода интеллектуальной деятельности, направленной на получение новых, качественных знаний о средствах ее регуляции и рефлексивного осмысления. Иначе говоря, способов, обеспечивающих воссоздание и контролируемость познавательных действий. И самое главное — обоснованность и достоверность не просто полученных знаний, а знаний иного, более совершенного качества, открывающих новые стратегии мышления и новые ориентации научного поиска.

Главная линия взаимосвязи знания как результата познавательной деятельности с другими ее элементами находит выражение через понятие «истины» и ряда соизмеримых с ней понятий («адекватность», «правильность», «изоморфность» и т. п.). Но она (эта линия) не единственная. Знание более совершенное, глубокое по содержанию (знание элитное), соотносится с содержанием решаемой проблемы. Иначе говоря, с формами знания, являющимися выражением не исследуемой реальности, а начальной, исходной познавательной ситуации. В данном случае полученный результат (знание высшего уровня) оценивают в соответствии с его возможностями исследовать существующую проблему.

В зависимости от того, какое знание как результат познания принималось за основу, применяется и соответствующая ему методология. В классических теориях познавательные процессы наделялись интенцией на поиск истины как знания, дающего общее описание исследуемых объектов в их собственных характеристиках. Это знание должно отвечать ряду специфических критериев — практическому (экспериментальному), гносеологическому, логическому, эстетическому, онтологическому и пр. Данная направленность познавательного процесса в качестве одного из его наиболее общих характеристик создавала соответствующую форму достоверного знания. Обладание им было свидетельством достижения определенного интеллектуально-познавательного уровня. Именно это знание, по статусу обладающее объективностью и истинностью, было средством открытия новых ориентаций в социальной и культурной жизни. А на это способно знание высшего, инновационного характера, облагораживающее деятельность человека.

Инновационность знания определяется также его целью, а именно интенцией на достижение высшей истины как фундаментального признака научного исследования. Заметим, что в постмодернистской философии утверждается субъективность истины. Однако в новейших когнитивно-методологических исследованиях показано, что какой бы своеобразной по содержанию и сложной многоступенчатой структуре не была цель инструментальных и концептуальных опосредствований, исследователь явно или неявно исходит из наличия объективной реальности, обладающей собственными законами существования и эволюции. Следовательно, проблема достижения не субъективной, а объективной истины, как и прежде, остается актуальной.

Данные законы с разным уровнем полноты воссоздают то знание, которое принимается в качестве истинного, совершенного (т. е. знания высшего качественного порядка). Но при условии, если процесс его генерирования регламентирован достаточно определенным набором гносеологических и методологических принципов: данности сущности и явления, проверки опытом и обоснования мысленных конструктов, воспроизводимости опыта, наблюдения и т. п. Отмеченные принципы конкретизируются в зависимости от области применения. Благодаря этому полученное знание конкретизируется в тех или других сферах деятельности, выделяясь «в особенную способность индивида» [2, 41].

В неклассических теориях познания интенция на поиск истины (составляющая содержание целеполагающей ориентации в классических теориях) теряет свою ведущую роль. Возникают новые целевые ориентации, обусловленные в первую очередь практическими и социокультурными запросами общества в адрес науки. В этом плане наиболее репрезентативными становятся прагматизм, инструментализм, феноменология. Каждая из представленных ими методологий претендует на достижение более высокого, адекватного существующему порядку вещей (действительности) знания, которое на данном этапе исследования может претендовать на особую значимость.

В философии прагматизма, например, формирующейся в период утверждения неклассических теорий, в эпоху переориентации «человека морального» на «человека экономического», целью познания является поиск путей решения утилитарно-практических задач, ставших главными для человеческого общества. В инструментализме, радикализирующем гносеологическую позицию прагматизма, происходит превращение неблагоприятной для человека ситуации в благоприятную через познание как инструмент такого преобразования. Основная цель познавательной деятельности в обоих направлениях — не поиск истины как знания, способного дать ответ на вопрос «как устроен мир», а в первую очередь на достижение способа выгодного в нем обустройства. В этом случае знание, помогающее найти путь к смыслу жизни, комфорту и т. д., на данном этапе является особым, значимым, качественным. Все другие методологические и трансцендентно-духовные познавательные ситуации, их результаты уже не могут быть конкурентными этому знанию, соответствующему смыслам данной эпохи.

Более «тонко» целевые ориентации очерчены в феноменологической теории познания, где от науки в конечном счете требуется внести посильный вклад в обоснование очень сложной системы мироздания. В ней находится место и «науке с ее ограниченными познавательными возможностями и компонентами, явно конкурирующими с Божественным разумом» [1, 25]. В дан-

ном случае характер знания имеет определенные пределы, поскольку его сложность, трансцендентальность обозримы не для всех.

Таким образом, создаваемый наиболее влиятельными философскими теориями методологический познавательный контекст включает (наряду с истинностью и утилитарно-прагматичными целевыми ориентациями) также культурологическую установку. В соответствии с ней одна из целей науки — быть вспомогательным средством в обосновании определенного мировоззрения. Постижение мировоззренческих смыслов позволяет индивиду проникнуть в содержание познаваемой реальности.

Задача методологии состоит в том, чтобы соотнести знание с многомерным и полиаспектным процессом развития действительности. Благодаря этому соотнесению достигается знание, которое по праву можно назвать *смысловым*. Ведь соотнесение знания с реальностью — это не только теоретическое воссоздание действительности, но и образ должного в ней (модели социальной организации, проекты преобразований в разных сферах жизнедеятельности общества и в среде его существования, технологические идеи и пр.). С позиций инновационного знания реальность также понимается многопланово. Это не только природные, социальные и духовные образования, но и *многогранная деятельность человека* (духовно-культурная, управленческая, образовательная и пр.). Кроме того, с реальностью соотносится *научное знание,* смыслы которого способны опосредованно влиять не только на внешние изменения, происходящие в реальности, но и на их глубинную сущность.

Значение методологии как способа достижения смыслового знания можно проиллюстрировать на примере экономической науки. С середины XX в. начинаются радикальные изменения в экономической теории. Общественный престиж экономической науки, возросший спрос на экономические знания обусловили резкое увеличение масштабов экономического образования и исследовательской деятельности. Соответственно экономическое знание приобрело статус знания элитного [3, 137]. Одновременно утверждались новые методологические ориентации, основанные теперь уже на идеях постпозитивизма. Это поставило задачу переориентации экономико-методологической рефлексии, способной вывести экономическое знание на новый познавательный уровень. Внимание сфокусировалось на проблеме демаркации: от «чистой теории» требовалась предельная логическая четкость; от эмпирического знания — надежное (проверяемое) соответствие данным опыта; от науки в целом — наличие четких правил перевода из «языка» теории на «язык» наблюдения, и наоборот. В результате наличие разных критериев научности для различных компонентов знания дало толчок к усилению разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием. Это расхождение стало причиной оживления рефлексии, переросшей в «методологический бум». На его волне выросла постпозитивистская методология Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др. Их идеи, активно усвоенные во второй половине XX в., повлияли на формирование нового качества экономического знания. В частности, состоялось взаимное сближение экономико-методологических и историко-научных исследований: методологические концепции стали использоваться для объяснения логики развития экономической мысли, а история науки превратилась «в своего рода полигон для проверки методологических гипотез» [3, 138]. В соответствии с этим изменилось само экономическое знание, которое перешло на новый уровень познания и понимания действительности.

Это можно увидеть на примере смены роли ученого-методолога, от которого зависит качество знания: он стал в первую очередь исследователем.

Если раньше философия науки вооружала его своеобразным кодексом поведения ученого, позволяющем судить, достойна ли теория считаться научной, то теперь философия науки, т. е. методология, вооружила его инструментами для анализа новых научных знаний. Все это содействовало более интенсивному развитию экономической науки в целом. Полученное в результате знание активизировало процесс образования новых интеллектуальных стратегий мышления в экономическом познании (см. также [4]).

Таким образом, наиболее продуктивным способом получения знания нового качества, знания смыслового, является дискурс новейших методологий. Охватив широкий спектр не только теоретических, но и философских проблем специальной (отдельной) науки, методология «из преимущественно нормативной стала преимущественно дескриптивной и позитивной, стремящейся описывать и осмысливать фактически существующие структуры знания, тенденции его эволюции, реальную практику научной деятельности» [1, 136]. Благодаря этому получение смыслового знания приобрело новые возможности. Данная тенденция существовала всегда, но сегодня, когда мы наблюдаем постоянный, непрестанный рост объемов знания, она приобретает чрезвычайно важное значение, поскольку наполнена новым качественным содержанием.

Литература

1. *Лукашевич В.К.* Философия и методология науки. Минск, 2006.
2. Природа научного открытия. Философско-методологический анализ. М., 1986.
3. *Ананьин О.И.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1989. № 10.
4. *Хайлбронер Р.Л.* Философы от мира сего. М., 2008.

Т.У. САДЫКОВ

Методологические проблемы современной экономической науки

Экономическая наука XXI в. должна сегодня не только объяснять явления мирового финансового кризиса, но и обосновывать реальную перспективу дальнейшего его развития. В этой связи необходима соответствующая современная адекватная методология экономической науки. Такая методология призвана решить новые экономические проблемы и показать судьбу новых моментов в современных экономических процессах.

Известно, что сегодня новыми моментами в экономике является то, что труд и капитал превращаются в знание и информацию. Поэтому поиск новых методологических подходов должен осуществляться в направлении анализа именно таких превращений. В этой связи на какие вопросы должна ответить методология современной экономической науки? Во-первых, следует определиться с предметом и методом современной экономической науки или, конкретно, с теорией и методологией информационного регулирования в качестве научного обеспечения современного социально-экономического развития общества. Для этого необходимо выявить уровень научного исследования информационного регулирования в обществе, а также показать место

информационно-категориального исследования и его роль в анализе мирового финансового кризиса.

Во-вторых, необходимо определиться с исходным пунктом информационного исследования социально-экономического регулирования в обществе и обосновать субстратную характеристику объекта теории информационного регулирования. Кроме того, в проблемном смысле следует определить роль принципа противоречия в информационном исследовании социально-экономических изменений в обществе. В этой связи следует провести информационное исследование способа труда в структуре общественного развития и осветить методы информационного анализа закона ценности, приращенной ценности и генерации затрат в структуре современного общественного развития.

Анализ и обоснование цен в условиях новой экономики необходимо осуществлять через информационное исследование целенаправленности создаваемых продуктов. Тем самым, раскрывать взаимосвязь и взаимовлияние информационных, производственных и управленческих отношений в современном обществе. Надо определить интегрированную социально-экономическую информационную эффективность становления, функционирования и развития современной экономики и обосновать концептуальную модель информатизации социально-экономических отношений.

Научно-теоретические разработки в данном направлении нужно проводить в контексте повышения конкурентоспособности национальных экономик. В этой связи следует обосновать перспективную модель информационного развития национальной экономики, определив при этом приоритеты и механизмы ее реализации. Теоретико-методологическое обоснование модели информационного развития должна осуществляться в условиях структурно-инновационного фактора роста конкурентоспособности национальной экономики с учетом глобальных технологических сдвигов. Методология современной экономической науки должна решать следующие задачи:

- систематизировать теоретико-методологические основы информационного и структурно-инновационного развития конкурентоспособной национальной экономики;
- изучить международный экономический опыт моделирования информационного развития;
- определить тенденции развития структурной модернизации национальных экономик и институционально-информационные возможности регулирования современного социально-экономического роста;
- спрогнозировать модели информационного развития инновационной экономики;
- разработать основные направления и механизмы реализации информационного развития современной экономики.

В результате разработанная модель информационного развития должна выявить причины и последствия современного мирового финансового кризиса и показать пути конкурентоспособного и оптимального вхождения в единое международное экономическое пространство. При этом необходимо решить проблемы обеспечения современного устойчивого информационно-инновационного развития современного общества и формирования нового человеческого капитала.

В XXI в. происходит продолжение строительства конкурентоспособных национальных экономик, основанных на знаниях, и способных стать

фундаментом общественного благосостояния. В этой связи применение новой информационной методологии позволит принципиально по-новому исследовать традиционно сложившиеся процессы в области трансформации национальных экономик.

С точки зрения реализации перспективной модели информационного развития национальных экономик практическая значимость состоит в возможности предложить и обосновать целостную концепцию трансформации современных экономических показателей реального общественного производства и воспроизводства. Такая концепция позволит учитывать эволюцию и превращение традиционных экономических показателей (производительность труда, фондовооруженность, фондоемкость, фондоотдача и рентабельность) в показатели с новым содержанием в структуре общественного воспроизводства информационного типа.

Н.М. МЕЛЬНИКОВ

Особенности финансового капитала в условиях глобализации

В наши дни глобализация финансового капитала занимает центральное место в научных дискуссиях по вопросам глобализации. Экономическая глобализация определяется, в первую очередь, как развитие глобальных финансовых рынков, рост мировых потоков капитала и усиление активности международных финансовых корпораций. Очевидно, что глобализация потоков финансового капитала является основной тенденцией и ключевым фактором развития процессов глобализации мирового хозяйства в современных условиях.

Глобализация потоков финансового капитала является основополагающей тенденцией и ключевым фактором развития процессов глобализации мирового хозяйства в современных условиях. Понятно, что глобальное функционирование и развитие мировой экономики как целостной системы в условиях глобализации без участия международного финансового капитала представляются невозможными. Глобальные финансы сопровождают и опосредуют международные экономические отношения на всех уровнях. При осуществлении экспортно-импортных операций проводятся международные расчеты или требуются международные кредиты, при международной миграции рабочей силы проводятся трансферты заработной платы. Не говоря уже о существовании самостоятельного мирового рынка финансового капитала со своим механизмом, целями и спецификой развития.

Глобальные финансы связывают национальные экономики в единую взаимозависимую систему. Таким образом, мировые финансовые потоки выполняют функцию кровеносной системы в сложном организме мировой экономики, и малейший перепад или нарушение функции в одном из органов автоматически сказывается на состоянии всей системы. Одним из факторов стимулирования развития финансовой глобализации явилась научно-техническая революция. Другой фактор — изменение внешних и внутренних государственных условий деятельности финансовых институтов, что проявилось в дерегулировании национальных финансовых систем.

Расширение и интеграция международных финансовых рынков вывели мировую экономику на качественно новый уровень интернационализации — глобализацию. В международной экономике торговля не утратила своей роли фактора, способствующего углублению международного разделения труда и усилению взаимозависимости национальных экономик. Очевидно, что термин «глобализация» отражает процессы, происходящие в сфере международных финансовых операций.

Обобщающим показателем уровня развития глобализации финансов может служить капитал, функционирующий за пределами стран происхождения в объеме накопленных иностранных активов. Глобализация финансового капитала характеризуется масштабностью зарубежной деятельности ТНК, ТНБ, а также институциональных инвесторов как основных субъектов мировой экономики, располагающих огромными ресурсами. Транснационализация является важнейшим компонентом и одновременно важным экономическим механизмом общих процессов глобализации. Именно транснационализация служит одним из основных регуляторов, обеспечивающих согласованное функционирование мировой экономики в глобальном масштабе. Высокий уровень развития и роль финансового капитала в глобализации мировой экономики подтверждаются опережающим ростом потоков прямых иностранных инвестиций по сравнению с мировым товарным экспортом. Как свидетельствует опыт многих стран мира, использование зарубежного капитала в форме прямых инвестиций позволяет повысить эффективность развития всей экономики. Иностранный капитал внес значительный вклад в промышленное развитие США.

На наш взгляд, обретение прямыми иностранными инвестициями лидирующей роли среди всех форм международных экономических отношений служит одним из признаков лидирующей позиции международных финансов и целостности мировой экономики. Это свидетельствует о том, что формирование мировой экономики перешло от стадии мирового рынка к стадии мирового производства. Наряду с межстрановым перемещением товаров происходит международное перемещение финансового капитала, причем в значительно больших по значению и масштабам размерах. В основе механизма мировых финансов лежит капитал как категория стоимости, позволяющая получать прибавочную стоимость, а также рыночные условия, в том числе и конкуренция в мировом масштабе. Современный уровень развития валютно-финансовой системы и политика большинства стран, как известно, не препятствуют свободному перемещению капитала на мировом рынке. В этих условиях игроки национальных и мировых финансовых рынков получили свободу действий. Это означает, что капитал в поисках наибольшей прибыли и экономических условий свободно перераспределяется между резидентами разных стран через международные финансовые рынки.

Очевидно, что развитие экспансии мирового финансового капитала стимулируется неравномерностью экономического развития и распределения финансовых ресурсов в мировом хозяйстве, а также неуравновешенностью текущих платежных балансов, острой нехваткой в большинстве стран собственных ресурсов для осуществления инвестиций, покрытия бюджетных дефицитов, проведения социально-экономических преобразований, выполнения долговых обязательств по внутренним и внешним заимствованиям. Это приводит к тому, что большинство стран мирового сообщества вступает в жесткую конкуренцию друг с другом за право привлечь и удержать капитал, поэтому задача создания условий, привлекательных для капитала, приобретает

все большее значение в сравнении, например, с социальными целями. Это порождает ряд проблем на национальном и мировом уровнях. Проблемы состоят в том, что интеграция финансовых рынков приводит к упрощению процедуры обращения финансового капитала. Финансовым институтам, особенно тем, чья деятельность оказывает значительное влияние на состояние финансового рынка, трудно своевременно спрогнозировать или обнаружить дестабилизирующие потоки средств для того, чтобы сформировать корректирующую стратегию, что приводит к кризисным последствиям, в том числе к мировым финансовым кризисам.

Другим негативным последствием финансовой глобализации следует считать, все большую зависимость реального сектора мировой экономики от ее денежного, финансового компонента. Этот процесс, начавшись в развитых странах, активно распространяется и на другие страны и регионы. Это означает, что состояние национальных экономик все в большей степени зависит от состояния национальных и мировых финансов. Последнее обстоятельство подпитывается еще и тем, что в условиях глобализации национальные финансы все больше зависят от поведения нерезидентов, все активнее присутствующих на национальных финансовых рынках. Это, в свою очередь, означает, что воздействие национальных правительств на национальные финансы ослабевает, а усиливается влияние ТНК, международных институциональных инвесторов и международных спекулянтов. В интеграционных объединениях усиливается воздействие общих решений, общей финансовой политики, как это наблюдается в Европейском союзе.

Все это приводит к тому, что блага финансовой глобализации, получаемые в результате снижения и ликвидации барьеров между национальными финансовыми системами, распределяются неравномерно. Наибольшие выгоды получат развитые страны, в частности США, чье лидерство в процессах финансовой глобализации, в разработке ее стандартов и механизмов бесспорно. В результате финансовые системы других стран, прежде всего развивающихся и бывших социалистических, а затем и их экономики могут попасть в жесткую зависимость от финансовой системы США. По причине такой однополярности мировые финансы могут оказаться гораздо более неустойчивы, чем в начале их образования. В связи с этим, очевидно, процесс глобализации имеет вполне объективные границы развитии, и их индикатором является состояние мировой экономики в целом. Проблема границ глобализации должна решаться исходя из соотношения интересов национальных финансовых систем и мировых финансов в целях прогрессивного развития мировой экономики.

Встречные потоки прямых иностранных инвестиций, международное кредитование, расширение и постоянно растущая интеграция международных финансовых рынков, развитие мировых финансовых институтов, концентрирующих в своих руках основную долю финансовых ресурсов — вот далеко не полный перечень современных форм проявления финансового капитала в условиях глобализации. И все эти формы и явления в той или иной мере представляют собой функциональную основу процесса, который мы называем *глобализация мировой экономики*. Можно сделать вывод, что традиционно сложившаяся в науке модель мировой экономики, базирующаяся на приоритете внешнеторговых связей, недооценивает значение финансовой глобализации. Между тем нынешнее положение вещей позволяет говорить о том, что в глобальном экономическом пространстве формируется новый тип

экономики, основанный на приоритете финансовых связей в международных отношениях.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Социальные катастрофы России XX века в свете теории этногенеза Л.Н. Гумилева

Современное состояние России может быть определено как *посткатастрофическое*. Это связано с тем, что события 1990-х гг. мы определяем как *социальную катастрофу.* При этом под социальной катастрофой мы понимаем происходящую бифуркацию в исторической траектории развития государства из-за падения национального духа и нарушений в его духовно-нравственном и социально-экономическом развитии. На 400-летнем историческом интервале прединдустриального и индустриального развития общества в России можно наблюдать три периода, которые можно определить как социальную катастрофу — это Смутное время начала XVII в. начало XX в. и конец XX в.. Смутное время закончилось сменой правящей династии, катастрофы XX в. — появлением новых стереотипов поведения у населения России, механизм зарождения которых будет рассмотрен ниже. По определению Л.Н. Гумилева, именно стереотип поведения служит отличительной характеристикой нового *этноса*. Поэтому остановимся на основных положениях теории этногенеза Л.Н. Гумилева.

Исторический процесс Л.Н. Гумилев рассматривает как динамику *этногенеза* (см.: [1]). Под этносом данный автор понимает «коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени» [1, 42]. Этносы отличаются между собой стереотипом поведения. Возникновение этноса Гумилев рассматривает как биофизический процесс. У каждого этноса существует свое этническое поле, обеспечивающее системную целостность этноса. В случае микромутаций, возникающих, по мнению Гумилева, под воздействием космического излучения, рождаются люди с измененным этническим полем и повышенной энергичностью, способные к целенаправленным сверхнапряжениям. Таких людей Гумилев называет пассионариями. Если их много и они объединены в консорции[14], возможно на базе этих консорций зарождение нового этноса.

Этнос проходит ряд стадий — зарождения, подъема, акматическую, надлома, персистентную, реликтовую. Каждая из стадий отличается долей пассионарных личностей во всем населении этноса и своим стереотипом поведения. Этносы дискретны, без внешнего вмешательства они существуют обычно около 1200 лет.

Гумилев рассматривает историю XIX в. как крайнюю точку своего исследования, чтобы не было искажения ближних событий их повышенной значимостью. Зарождение великорусского этноса он относит к XIV в. Тогда получается, что нашему этносу уже 700 лет и он слабопассионарен. Но можно

[14] «Консорциями мы называем группу людей, объединенных одной исторической судьбой» [1, 108].

предположить, что в начале XX в., когда в России были Серебряный век в искусстве, расцвет науки, высокие темпы роста производства и много революционеров, что говорит о ее высокой пассионарности, в Евразии зародился новый суперэтнос, который условно можно назвать «советский народ».

В результате победы во Второй мировой войне, что тоже говорит о высокой пассионарности, он распространился на другие страны. К нему относились СССР, КНР, ряд стран Европы и Азии. Этому способствовало возникновение консорций пассионариев, придерживающихся коммунистических взглядов. В КНР он сохранился и поныне. Но под воздействием проигрыша в «холодной войне» с США и внутренних условий СССР погрузился в социальную катастрофу и развалился на ряд этносов.

Пассионарное напряжение, несмотря на нигилизм населения, в России еще остается высоким, и в конце XX в. на этой территории из «советского народа» начал формироваться новый суперэтнос — «россияне». Если считать, что наш этнос зародился в XIV в., пассионарного напряжения для модернизации страны нам может не хватить. Если же вести отсчет нашему этносу с начала XX в. — он находится на подъеме, в акматической фазе, его стереотип поведения в начале XX в. был «Мы хотим быть великими!» [1, 524], а сейчас — «Будь самим собой», «Мы устали от великих» [1, 524], и модернизация страны — не просто одни слова и благие пожелания, но при выборе правильной государственной стратегии и вполне реальная перспектива. Таким образом, определение места страны в этногенезе планеты Земля может повлиять на выбор стратегии ее развития.

Литература

1. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2010.

С.В. ШОШИН

Имитационное моделирование процесса установления истины в уголовном судопроизводстве с учетом современных экономических российских реалий

Современный процесс установления истины в рамках производства по уголовным делам на территории Российской Федерации отягощен доставшимися от недавнего прошлого проявлениями неестественного монополизма.

Для начала совершенствования ситуации целесообразным направлением деятельности можно считать разработку имитационной модели процесса установления истины в российском уголовном процессе. Подобный аспект исследования данного процесса прежде не был отражен публикациям в советской (и затем — в российской) юридической печати. Он также не стал и объектом исследований отечественных экономистов. Указанная проблематика не вызывала особого интереса и у зарубежных ученых, что обуславливается иными ситуациями экономических отношений, характерных для иностранных правовых систем (как минимум, в рамках процесса установления истины по уголовным делам).

Многочисленные публикации юристов, касающиеся различных аспектов моделирования, не затрагивали экономической составляющей процесса установления истины по уголовным делам (см.: [1 — 3]). В то же время, ме-

тод моделирования использовался К.Д. Сибаровым для целей снижения объема потенциально возможных хищений [4, 130 — 138].

Следует в полной мере согласиться с точкой зрения А.Р. Горбунова и Н.Н. Лычкиной, указывавших, что современная ситуация в стратегическом консалтинге России требует радикальных шагов [5, 61]. При этом имеющееся определение [6] стратегического консалтинга рекомендуется толковать в широком смысле. Под стратегическим консалтингом в аспекте анализируемой проблематики следует понимать комплекс услуг по превращению бизнес-идеи в успешную стратегию бизнеса в общегосударственном масштабе. В данном случае субъектом осуществления подобного бизнеса является в том числе и государство (например, в лице уполномоченных на то надлежащим образом органов и организаций).

Процесс имитационного моделирования предполагает, как минимум, 3 фазы: а) фаза 0 (предпроектная фаза), б) фаза рабочего или операционного уровня; в) фаза стратегии «черного ящика» [5, 61 — 63].

При анализе предпроектной фазы имитационного моделирования процесса установления истины в современном российском уголовном судопроизводстве можно назвать, в частности, следующее описание имеющейся системы и некоторых основных проблем.

Сегодня существующая на территории РФ криминалистическое знание продолжает не замечать многочисленных порой и радикальных изменений, встречающихся в экономике и обществе. Проблемный и неоднозначно воспринимаемый процесс движения к рынку, к рыночной экономике и демократии не нашел еще надлежащего взаимного соотнесения с постулатами национальной криминалистики. На формирование подобного ситуационного парадокса, несомненно, оказало значительное влияние господство единственно возможной в прошлом идеологии, не допускавшей какого-либо даже относительного рынка в принципе, не допускавшего свободной конкуренции. С появлением частных экспертов стали проявляться, например, проблемы в определении следователем конкретного лица, которому надлежит поручать проведение судебной экспертизы. Возникающие негосударственные аудиторские структуры, несомненно, влияют на особенности функционирования (как минимум, в пределах, очерченных территорией Российской Федерации) монополизма при назначении аудиторских проверок (ревизий), имевшегося в недавнем прошлом. Несомненный прогресс развития экономики, наблюдаемый некоторыми аналитиками в современной РФ, не оказывается свободным от недостатков (см., напр.: [7, 86 — 93; 8, 345 — 349; 9, 226— 229]).

Для второй фазы (рабочего или операционного уровня) имитационного моделирования процесса установления истины в современном российском уголовном судопроизводстве характерным можно считать процесс выработки готового решения. Здесь должна быть достигнута цель минимизации свойственных такому процессу установления истины проявлений монополизма.

Процесс выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений характеризуется высокой стоимостью указанной разновидности человеческой деятельности. Процесс расходования государственных денежных средств должен быть организован в строгом соответствии с положениями антимонопольного законодательства. Деятельность, не допускаемая в Российской Федерации в качестве проявлений естественного монополизма, должна быть организована в рамках соответствующих тендеров (конкурсов). Сегодня у многих возникает вопрос о том, кто и как распределяет среди конкретных исполнителей заказы на выполнение работ (оказание услуг) в процессе выяв-

ления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Противодействие коррупции, установленное, в частности, в Федеральном законе РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», свидетельствует об обоснованности подобной точки зрения. В частности, согласно п. 12 ст. 7 указанного Федерального закона, к числу основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, было отнесено обеспечение добросовестности, открытости, добросовестной конкуренции и объективности при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд. В пункте 13 ст. 7 данного Федерального закона к числу тех же основных направлений деятельности отнесено устранение необоснованных запретов и ограничений, особенно в области экономической деятельности. Многочисленные факты допущения случаев неестественного монополизма при выявлении, раскрытии, расследовании и профилактике преступлений, свидетельствуют о некоторой степени избирательности национального законодательства. Законодатель можно рекомендовать привести это в соответствие с новыми экономическими и политическими реалиями современности.

Судебные экспертизы в процессе правоприменительной деятельности в рамках уголовного процесса проводятся силами, в частности, экспертных подразделений органов внутренних дел и экспертных органов, входящих в структуру Министерства юстиции. В сфере экспертных услуг в РФ сегодня практически полностью изжита какая-либо конкуренция. Аналогичная ситуация складывается и применительно к деятельности специалиста в российском уголовном процессе. Особенно актуальным это является сегодня, в период экономического кризиса. Лояльность законодателя и органов, контролирующих применение норм права на практике, к особенностям анализируемой проблематики, весьма неожиданна. Во многих цивилизованных странах мира законодатели не одобряют ситуации территориального раздела рынка сбыта услуг. Также многие законодатели в различных цивилизованных странах не приветствуют ситуации раздела рынка услуг по сферам деятельности. В России всю неординарность данной ситуации можно проследить на примере судебной экспертизы. В случае с судебной экспертизой в регионах РФ налицо и территориальный раздел, и раздел по сферам деятельности.

То же происходит и при использовании в процессе доказывания по делу информации, полученной при контроле телефонных и иных переговоров. Существующие структуры, осуществляющие подобную техническую деятельность, сконцентрированы в нескольких ведомствах. Финансирование их осуществляется также без какого-либо тендера (конкурса).

Похожая ситуация складывается и при использовании ресурсов наукоемких технологий, например, при определении местонахождения конкретного сотового телефона в конкретной точке пространства в определенный период времени. Практика, в частности, московских и саратовских судебных органов весьма наглядно свидетельствует о высокой результативности и распространенности подобного способа получения доказательственной информации, особенно при изобличении ложного алиби. Однако остается непонятным (с позиций цивилизованной экономики), почему подобная информация получается с помощью одного и того же оператора сотовой связи, без какого-либо определения по результатам конкурса (тендера) поставщика подобных услуг.

Схожие проблемы складываются и при осуществлении комплекса мероприятий, связанных с акустическим контролем помещений. Исполнитель

данного технологического процесса требует проведения конкурса (тендера) для определения наиболее лучшего соотношения условий коммерческого предложения.

Исполнители судебно-медицинской экспертизы, как правило, определяются исключительно по признаку состояния в трудовых отношениях с соответствующим бюро судебной медицинской экспертизы. Особого внимания заслуживает экспертиза, исследующая ДНК. Весьма технологичная, требующая значительного использования при проведении таковой наукоемких технологий, в современных условиях проведение этой экспертизы не определяется в России также посредством тендеров (конкурсов). Примечательно, что известные российской практике случаи производства судебных экспертиз ДНК за границей также проводились без надлежащего о том тендера (конкурса). Перевозка объектов данной экспертизы за пределы Российской Федерации также были осуществлены без проведения тендера (конкурса).

К проявлениям неестественного монополизма можно отнести и процесс хранения следователем (дознавателем) вещественных доказательств.

Дорогостоящая и требующая конкурсного порядка процедура распределения бюджетных денежных ресурсов обусловливает и деятельность по защите права на жизнь свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства. Проведение самой простой пластической операции по изменению внешности конкретного защищаемого лица требует соблюдения законности при определении поставщика указанной государственной услуги.

При анализе третьей фазы имитационного моделирования процесса, связанного с установлением истины в уголовном судопроизводстве (стратегии «черного ящика»), имеет смысл обратить внимание, анализируя рассматриваемую проблематику, в частности, на упоминаемый, например, профессором И.Н. Барциц индекс непрозрачности. Индекс непрозрачности был разработан специалистами компании PricewaterhouseCoupers и представлен в виде интегрального фактора непрозрачности. Это фактор основан на комбинации из пяти первичных показателей, характеризующих следующие сферы, влияющие на рынок капитала: коррупция в государственных органах; законы, регулирующие права собственности; экономическая политика (фискальная, монетарная, налоговая); стандарты финансирования; регулирование коммерческой деятельности.

Аббревиатура из английских названий областей исследования (Corruption, Legal, Economic, Accounting, Regulatory) образует слово «CLEAR». Чем выше значение коэффициента — тем выше непрозрачность страны. Значение индекса непрозрачности по России составило 83,59 %, что значительно выше показателей как стран Организации экономического сотрудничества и развития, так и стран Центральной и Восточной Европы [10, 36]. Скорейшее законодательное разрешение анализируемых выше противоречий современного российского неестественного монополизма будет способствовать повышению авторитета РФ на мировой арене, что благотворно может повлиять на приток иностранного капитала в российскую экономику.

Кроме того, возможны и иные разработки инновационных идей и стратегий, которые в той или иной мере способствовали бы минимизации проявлений монополизма в установлении истины в современном отечественном уголовном судопроизводстве. Как обоснованно утверждают А.Р.Горбунов и Н.Н.Лычкина, в русле данной стратегии находится решение технико-экономических задач по оптимизации режимов управления технологическими (логистическими, коммуникационными) системами, а также реали-

зация доктрин стратегического моделирования, многоуровневого анализа иерархий (СМ-МАИ) [5, 61].

С использованием достижений мировой и отечественной науки и практики предполагается возможным учет результатов, полученных при имитационном моделировании процесса установления истины в уголовном судопроизводстве, при разработке предложений по совершенствованию действующего национального законодательства. Результаты подобного творчества могут стать основой для продолжения соответствующих научных изысканий. С внедрением таких результатов в учебный процесс высших профессиональных учебных заведений становится возможным предположить приближение периода вхождения России в цивилизованные рыночные отношения. Соответственно можно будет обоснованно утверждать, что методы волюнтаристского распределения весьма значительных по своему объему и периодичности расходования материальных ресурсов в столь значимой сфере экономики России, каковой является сфера организации деятельности по установлению истины в рамках уголовного судопроизводства, ушли в прошлое, стали достоянием учебников истории.

Литература

1. *Волчецкая Т.С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учеб. пособие. Калининград, 1997.

2. *Лаврухин С.В.* Поведение преступника как объект криминалистического моделирования. Саратов, 2006;

3. *Протасевич А.А.* Моделирование в реконструкции расследуемого события: Очерки теории и практики следственной работы. Иркутск, 1997.

4. *Сибаров К.Д.* Моделирование влияния подбора и расстановки кадров государственного аппарата на объем возможных хищений госсредств // Труды Санкт-Петербургского юрид. инст. Ген. прок. РФ. № 6. СПб., 2004.

5. *Горбунов А.Р., Лычкина Н.Н.* Парадигмы имитационного моделирования: новое в решении задач стратегического управления (объединенная логика имитационного моделирования) // Бизнес-информатика. 2007. № 2.

6. Стратегический консалтинг // Универс-Консалтинг. // http://www.universconsulting.ru/?id_refer=21.

7. *Шошин С.В.* Неестественный монополизм и оперативно-розыскная деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: экономика, управление, право. 2010. Вып. 1. Т. 10.

8. Шошин С.В. Развитие конкуренции при оказании финансовых и экономических услуг в связи с раскрытием преступлений, расследованием и судебным рассмотрением дел в современной России: конституционно-правые проблемы // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: Сб. матер. межд. науч. конф. СПб., 30—31 октября 2009. СПб., 2010.

9. *Шошин С.В.* Проблемы некоторых проявлений монополизма в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Третьи всероссийские державинские чтения (Москва, 14 — 15 декабря 2007 г.): В 8 кн. Кн. 4: Проблемы уголовного права и процесса // Под ред. Н.Г.Ивановой. М., 2008.

10. *Барциц И.Н.* Эффективное управление — управление на основе права // Эффективность государственного управления в современных российских условиях: Материалы межд. науч.-практич. конф. (Москва, 17 марта 2009 г.)/ Под ред. И.Н. Барцица. М., 2009.

Я.И. НИСАНОВ

Неуставные взаимоотношения в армии как устойчивый институт воспроизводства тоталитарных хозяйственных отношений

Эмпирические исследования показывают, что в обществе устойчиво воспроизводятся определенные характеристики человеческой деятельности, которые не допускаются этикой и моралью массового сознания. В этих случаях возникает конфликт между теорией и практикой человеческого поведения, разумным и животным, социальным и биологическим началом в человеке, культурой и популизмом духовной жизни.

Для разумно-духовной картины общества с этическими идеалами «равенства», «добра» и «справедливости» — «излишни» краски «зла», «ненависти» и «разрушения»: не находят они места по замыслу картины. Как понять святому поведение убийцы, как осознать трудящемуся поведение вора, как может сосуществовать в одном обществе эгоист и альтруист — в случаях, когда один предпочитает личное общему, а другой, наоборот, загружен проблемой *самопожертвования* во имя общих интересов? В этом суть вечных и неразрешимых справедливости, добра и зла. проблем бытия, Видимо, недостаточно средней человеческой жизни, чтобы осознать, испытать и оправдать поведение человека — представителя каждой конкретной этической системы. Возможно, будь жизнь продолжительнее, можно было бы проследить причины и условия, при которых «добрейшей души» человек может превратиться в жестокого насильника, человек рассеянный и безразличный — в снайпера достижения намеченной цели, человек благородный — в нищего, не отказывающегося от подачек, человек с врожденным чувством хозяина-льва — в робкого и нетребовательного благодарного кролика...

Богатый материал наблюдений за поведением людей в разных социобиологических условиях еще предстоит обработать, Мне бы хотелось обратить внимание на некоторые *свойства* человеческого поведения, которые в скрытом виде изначально заложены в основу коллективной жизни, но обнаруживаются лишь в экстремальных условиях. На наш взгляд, такие условия воспроизводятся в ходе грандиозного эксперимента над человеческим поведением — в процессе «срочной службы в армии». В этом эксперименте не может ни поражать глубина изменения поведения человека в зависимости от изменения регуляции жизненной активности. Для исследователей, изучающих жизнь приматов, не секрет, что при резкой смене условий биологического воспроизводства под влиянием экологических факторов или насильственного вмешательства человека их этос коренным образом *трансформируется.*

Смена систем регуляции групповой жизни (например, переход от структур стадной жизни к гаремной семье) буквально до неузнаваемости за короткое время переделывает характер и поведение особей. Усиливается взаимная агрессивность, появляются приемы и структуры ее обуздания, между особями идет передел ролей и функций. Этнографический материал, описывающий феномен половозрастного разделения жизнедеятельности в примитивных коллективах, фиксирует важные механизмы перехода человека из одного сегмента групповой жизни в другой, радикально различных между собой. Ритуалы и обряды при этом контролируют к

задают направление процесса. В них как бы запечатлены программы ломки поведения.

«Срочная служба» в некотором роде выступает аналогом скоростной смены регуляции поведения, установления принципов разделения труда в зависимости от «возраста-срока».

Двухлетний срок службы делится на четыре шестимесячных этапа. На первом военнослужащий «освобождается» от всех привычных для него правил поведения (принятых в семье, школе, кругу друзей и пр.). Это достигается организацией специфических приемов поощрения и наказания, которые, к слову сказать, имеют много общего с основами дрессировки служебных собак и, как это ни горько, действуют вполне эффективно.

На втором этапе военнослужащий вступает в систему нового разделения труда. В его обязанности входят бесконечные мероприятия по «наведению чистоты и порядка», а также хозяйственное обслуживание старослужащих.

Поддерживается такое поведение военнослужащими третьего этапа службы. Кроме способов *насилия,* здесь особенно ярко проявляется «основной закон разделения труда»; первый год «молодой» работает на «стариков», во второй год «молодые» работают на «старика». Перебороть эту систему на воздействием внешних условий (в их числе первом году службы бывает невозможно под физическое насилие, коллективное несогласие, отсутствие соучастников, осуждение со стороны формального командования). Но ведь после первого года службы каждый военнослужащий без всякого ущерба для себя имеет возможность «выйти из игры», не пользоваться привилегиями третьего и четвертого этапов. Однако более 90% военнослужащих этого не делают. В этом случае уже нет никаких внешних факторов воздействия на поведение военнослужащего, но срабатывают другие факторы, очевидно, внутренние, связанные с *природой человека, с психологией потребления.* Эти внутренние факторы, как показывает практика, по своей силе не уступают внешним. Оставшаяся часть — менее 10% — отнюдь не те стойкие души, которые не «изменили своим принципам». Это скорее, люди, которые были выброшены ночью, в спящем состоянии, из окна, или те, кто перерезал себе вену, повесился, либо был комиссован по причинам недееспособности.

Так же в эту малую часть входит ограниченное число военнослужащих, изолированных от казарменного разделения труда (в их числе некоторые штабисты, музыканты, художники, медицинские служащие, повара, каптеры и т. п. Не все, но некоторые).

Имеет место уникальная ситуация массового скоростного перевоплощения людей. «Дедовщина» в данном случае выступает примером саморегуляции групповой жизни в жестких армейских условиях. То, какие черты она привносит в армейский порядок, является не чем иным как реакцией на него людей, которым изначально запрещены принципы гражданской жизни. И в то же время «дедовщина» представляет собой действие закона изменения активности, объясняющего причины поведения человека в переходах системы разделения труда. Неизменная смена ролей из «ведомого» в «ведущего», из «исполнителя» в «начальника», из «актера» в «режиссера», точно так же, как и из «солдата» в «командира», подразумевает все же сохранение единой этической мотивации и регуляции поведения. Армейская жизнь пока от этого далека.

А.А. АНТРОПОВ

Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений

Введение

Коснемся вкратце преимуществ экономико-математических методов перед другими методами анализа и прогнозирования экономики.

• Реальный объект неисчерпаем по своему богатству и многообразию. Прогнозирование поведения объекта (а это — наша главная задача) и, следовательно, управление им возможны на основе ограниченной эмпирической информации и в оперативные сроки (никому не нужны великолепнейшие по точности прогнозы, сделанные после наступлений событий).

• С помощью информации создается упрощенное подобие объекта — математическая модель. В выборе свойств объекта, которые необходимо включить в модель, решающую роль играют неформальный анализ объекта, творческий интеллект, озарение, проницательность, опыт, интуиция и удача исследователя. Вопрос же о соответствии математической модели реальному объекту решается формальными средствами (вышеуказанная система «сит» и разумные прогнозы ex ante — на последующие периоды).

• Хотя математическая модель уступает реальному объекту по богатству и многообразию, возможности использования модели для исследователя шире по сравнению с реальным объектом. Математическая модель дает возможность определять прогнозы *ex ante* (на последующие периоды) и *ex post* (за прошлые периоды).

• Именно математическая модель, т. е. упрощенное представление объекта, обеспечивает возможность классификации, ибо классификация невозможна без выделения сущности, без отбрасывания несущественного в наблюдениях за объектом с точки зрения целей данного исследования. Без математической модели исследователь тонет во множестве несущественных подробностей, задыхается от избытка или недостатка информации, а также вынужден бесконечно и бесцельно вращаться вокруг прописных истин: «вода водяниста, а масло маслянично» и пр.

Анализ изучения и сопоставление прогнозов для больших и достаточно сложных эконометрических моделей, основанных на умозаключениях и банальных расчетах, проведенный американским ученым В. Зарновицем в 1960—1970-е гг., показал, что эконометрические модели представляют собой самый эффективный из существующих инструмент для прогнозирования [1, 181; 2; 3].

1. Сближение и аналоги. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов и явлений

Для начала и ориентира приведем современный классификатор наук (табл. 1).

Таблица 1

Классификация наук

№	Науки			
	Формальные	Общественные	Естественные (эмпирические)	Технические
1	Логика	Антропология	Физика	Архитектура
2	Математика	История	Химия	Биотехника
3	Информатика	Социология	Медицина	Информатика
4		Право	Ветеринария	Кораблестроение
5		Лингвистика	Антропология	Космонавтика
6		Политология	Биология	Материаловедение
7		Психология	Метеорология	Механика
8		Экономика	Океанология	Системотехника
9			Геология	Химическая
10			География	Технология
11				Электротехника
2				Энергетика

Источник: [4, 1].

Приведем направления исследований теоретической экономики.

1.1. Теория хозяйственных (экономических) циклов

1.1.1. Пересечения с математикой. Применена система критериев «сит» (качественные математические показатели), через которые «пропускаются» все экономические показатели, предварительно не очищенные от вековой тенденции, оценок влияний исторических, социально-экономических и иных событий, а также уравнения: вековой тенденции, оценок влияний: исторических событий, социально-экономических событий, государственного программирования и других мероприятий: в президентствах каждого президента США на базовые годы на каждый год президентства (для экономических показателей США).

Создана математизированная теория, которая позволяет заблаговременно и достаточно точно предсказывать *ex ante* фазы цикла, их сроки и глубины фаз спада и подъема.

1.1.2. Пересечения с физикой.

1.1.2.1. Принцип актуализации (принцип А. Пуанкаре) [5, 275—276][15].

[15] Законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом. Это относится к массовым явлениям, но не к единичным фактам. Все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше

1.1.2.2. Принцип простоты (принцип К. Птолемея, Н. Коперника и А. Пуанкаре)[16].

1.1.2.3. Собственная математическая структура явлений, непосредственно выводимая из опыта (принцип М. Борна) [6, 123].

1.1.2.4. Использование только тех понятий, действительность которых эмпирически разрешима (принцип В. Гейзенберга) [6, 117].

1.1.2.5. Рассуждения, опирающиеся на мысленный эксперимент с *идеализированными объектами* (метод Г. Галилея). Приведем два примера применения этого метода в экономике.

• В августе 2001 г. мы смоделировали экономико-математическую модель хозяйственных (экономических) циклов на примере ВНП США в ценах 1929 г. Были сделаны прогнозы на 1994—2020 гг. По этим прогнозам в 2001 — 2004 гг. предполагалось (и так оказалось на самом деле) фаза депрессии [7, 293]. С учетом того факта, что 50% стоимости экспорта РФ составляет продажа нефти и газа, и они же — примерно 50% прихода (актива) федерального бюджета РФ, экономика РФ должна была сама попасть в фазу депрессии и в социально-политическую трясину, но этого не случилось. В соответствии с этим принципом был проведен мысленный эксперимент: мы предположили, что на мировом потребительском нефтяном и газовом рынках появились новые большие игроки: КНР и Индия, а также то, что доля ВНП КНР составляет около 1/3 ВНП США, а энергоемкость, материалоемкость и металлоемкость ВНП КНР приблизительно в 3 раза выше соответствующих показателей США. Тогда объемы потребления нефти и газа экономикой КНР приблизительно равны соответствующим показателям США. Но у нас не было соответствующей статистики. Только совсем недавно во время официального визита Президента РФ Д.А. Медведева в КНР (26—28 сентября 2010 г.) из уст одного из официальных высокопоставленных лиц КНР прозвучала цифра, выведенная нами еще 8 лет назад!

• По нашей методике построения экономико-математической модели хозяйственных циклов, используя аналогии из теории полета ракет, теоретической механики и физики, вводятся понятия аналогов:

1.1) силы Гука (действует при растяжении (сжатии) пружины и направлена в точку подвижного равновесия) $C_3 \times Y_{(t-1)}^{теор.\ цикл.\ кр}$;

1.2) аэродинамической силы сопротивления (направлена в точку подвижного равновесия) $C_2 \times \left(\dot{Y}_{(t-1)}^{теор.\ цикл.\ кр} \right)^2$. По данному принципу $c_2 < 0$, $c_3 < 0$, что подтвердили практические расчеты.

порядок — тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок — тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы.

[16] В науке постоянно приходится сталкиваться с двумя противоположными ситуациями: 1) простота скрывается за кажущейся сложностью; 2) кажущаяся простота скрывает за собой чрезвычайно сложные вещи. Но независимо от того, какая из этих ситуаций реализуется на самом деле, в науке в любом случае следует предпочесть сначала простейшее обобщение. В дальнейшем более точные и совершенные опыты либо подтвердят истинность этой простоты, либо вынудят ученых пойти на усложнение и выбрать другое, более истинное обобщение.

1.1.2.6. Последовательное стремление добиться согласия математических выкладок с реальностью (принцип Н. Коперника и И. Кеплера) [8, 96].

1.1.2.7. Не рассуждение о том, почему происходит какое-то явление, а количественное его описание (принцип Г. Галилея) [8, 112].

1.1.2.8. Измерение измеримого и попытка делать измеримым то, что не поддается непосредственному измерению (принцип Г. Галилея) [8, 113].

1.1.2.9. Знание из наблюдений, а не из книг (принцип Г. Галилея) [8, 114].

1.1.2.10. Длинная цепь суждений, звенья которых не проверены опытом характеризуется малой надежностью, и вероятность того, что окончательный вывод из этой цепи суждений будет справедлив, весьма мала $\left(P^{общ.} = \prod_{i=1}^{n} P_i \approx 0 \right)$ (принцип О. Ланге) [9, 172]. Этот вывод характеризуется высокой степенью неопределенности. Такое положение характерно для всякого рода спекулятивных теоретических систем в области философии, теоретической экономики (в том числе в теории экономических (хозяйственных) циклов), социологии, космологии, геологии и т. п. *Именно этим объясняется бесплодность научных теорий, основывающихся на чисто спекулятивном суждении, не контролируемом частыми обращениями к опыту*.

1.1.2.11. Деление динамических экономических процессов на эволюционные (неповторимые или необратимые) процессы и волнообразные; колебательные (повторимые или обратимые) процессы (гениальная идея Н.Д. Кондратьева).

1.1.2.12. Уровень равновесия, к которому тяготеет система элементов капиталистического хозяйства, как уровень *подвижного* равновесия (гениальная идея Н.Д. Кондратьева).

1.1.2.13. Введение понятия аналогов: расстояния (длины пути)[17], скорости, ускорения (идеи автора статьи).

1.1.2.14. Экономический аналог силы Гука (идея автора статьи)[18].

1.1.2.15. Экономический аналог аэродинамической силы сопротивления (идея автора статьи)[19].

1.1.2.16. Сводная циклическая кривая как наложение циклических волн (идея автора)[20] численностью (k) ($k \in [1, kmax]$) различной цикличности $T_k = (T/k)$, где $k_{max} = (T - 1)/2$, при $T = (2 \cdot l + 1)$ и $l \geq 2$, и $k_{max} = (T/2 - 1)$, при $T = (2 \cdot l)$ и $l \geq 2$ (выводы автора статьи).

1.1.3. Пересечения с физической химией.

1.1.3.1. Системность и междисциплинарность, присутствующие и в химии.

Химические реакции связаны с разнообразными физическими процессами: теплопередачей; поглощением или выделением теплоты; поглощением или излучением света; электрическими явлениями; изменением объема и др.

---

[17] Качественно аналог расстояния — это расстояние сводной циклической кривой от кривой экономического равновесия в момент времени (t).

[18] Действует при растяжении (сжатии) пружины и направлена в точку подвижного равновесия.

[19] Направлена в точку подвижного равновесия.

[20] Суперпозиция волн — на языке физики.

Такие важнейшие производственные процессы в химической технологии, как синтез и окисление аммиака, контактное получение серной кислоты, производство этанола из природного газа, крекинг нефти, получение чугуна в доменных печах, производство алюминия и многие другие, всецело основаны на результатах физико-химических исследованиях реакций, лежащих в основе этих процессов [10, 5].

1.1.4. Пересечение с медициной.

1.1.4.1. Взаимосвязь всех циклических процессов в организме здоровой женщины. В цикле также участвуют центральная, вегетативная и периферийная нервная системы и т. д. [11, 1114—1147; 12, 154—155][21].

1.1.5. Пересечения с техникой и технологиями.

1.1.5.1. Жизненные циклы техники, технологий и отдельных товаров (например, паровая машина Т. Ньюкомена → принципиально новые паровые машины Дж. Уайта и И.И. Ползунова, паровые машины *k*-го поколения → паровые машины (*k+1)*-го поколения, паровые машины → электроэнергия, свечи → керосиновые лампы, керосиновые лампы *l*-го поколения → керосиновые лампы (*l+1)*-го поколения, керосиновые лампы → электрические лампочки, электрические лампочки *m*-го поколения → электрические лампочки (*m+1)*-го поколения, шхуна → пароход, пароходы *n*-го поколения → пароходы (*n+1*)-го поколения, паровозы *o*-го поколения → паровозы (*o+1*)-го поколения, чугунные рельсы → железные рельсы, железные рельсы → стальные рельсы, стальные рельсы из бессемеровской стали → стальные рельсы из томасовской стали → стальные рельсы из основной мартеновской стали, паровозы → тепловозы, паровозы → электровозы; тепловозы → электровозы, тепловозы *p*-го поколения → тепловозы (*p+1*)-го поколения, железнодорожный грузовой транспорт → автомобильный грузовой транспорт, железнодорожный грузовой транспорт → трубопроводный транспорт, ЭВМ *q*-го поколения → ЭВМ (*q+1*)-го поколения, сталь марки *r* → сталь марки (*r+1*), самолеты *s*-го поколения → самолеты (*s+1*)-го поколения, атомные реакторы *u*-го поколения → атомные реакторы (*u+1*)-го поколения и т. д.) и тесно связанные с ними *S*-образные кривые (кривые Перла и Гомперца) [13, 107, 110, 112; 14, 124—127; 15, 33][22] и циклы «технологических и технических разрывов»[23] (усредненные результаты статистических ситуаций) являются во многих случаях первоосновой многих экономических (хозяйственных) циклов.

1.1.5.2. Количество крупнейших гражданских и военных технических и технологических изобретений западных стран, Российской империи, СССР и Российской Федерации, крупнейших научных открытий, основных университетов, крупных втузов, НИИ, лабораторий и прочих организаций за 1187—1420, 1600—2007 гг. (табл. 2).

[21] Аналогичное явление происходит и с экономическими (хозяйственными) циклами.

[22] Зарождение, скачкообразный рост и постепенное достижение стадии полной зрелости технологического процесса или продукта.

[23] Сумма прямых и косвенных затрат материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи.

Таблица 2

Количество крупнейших гражданских и военных технических и технологических изобретений, крупнейших научных открытий, основных университетов, крупных втузов, НИИ, лабораторий и прочих организаций западных и восточных стран, Московского царства, Российской империи, СССР и Российской Федерации за 868, 1187—1420, 1600—2007 гг.

№	Набор показателей	Страны	Годы	Количество по отдельным направлениям	
				показатели	страницы
1	Крупнейшие гражданские технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Западные и восточные страны	868, 1187—1420 1436—2007	759	130
2	Крупнейшие гражданские технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Московское царство, Российская империя, СССР и Российская Федерация	1630—1680 1689—2001	639	140
3	Крупнейшие военные технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Западные и восточные страны	1326—1544 1571—2005	178	69
4	Крупнейшие военные технические и технологические изобретения и/или внедрения изобретений	Московское царство, Российская империя, СССР и Российская Федерация	1632, 1693—2005	290	162
5	Крупнейшие научные открытия[24]	Весь мир	1288, 1480, 1543—2000	1000	148
6	Основные вехи в истории научных открытий в области ядерной энергии	Весь мир	1789, 1841—1974	164	38

[24] Естественные науки, за исключением астрономии, математики и ядерной физики, и науки, тесно связанные с развитием техники и технологий.

Продолжение табл. 2

7	Основные вехи в истории технических и технологических открытий в области ядерной энергии (мирной и военной; атомной и термоядерной)	Весь мир	1904—2009	92	23
8	Основные университеты, крупные втузы, НИИ, лаборатории и прочие организации[25]	Весь мир	1701—1961	205	22
9	Основные научно-технические журналы и книги	Весь мир	1440—1960	83	13
10	Основные вехи в истории географических открытий, завоеваний и организации по колонизации колоний	Весь мир	1187, 1301, 1434—2000	302	55
Итого				3712	800

2. Экономико-математические модели прогнозирования развития экономики СССР (по три варианта)[26] на 1991—1995 гг. и 1996—2015 гг.[27]

2.1. Пересечение с одной из естественных (эмпирических) наук с физикой

2.1.1. Система зубчатых колес (зубчатая передача).

3. Набор инновационных показателей[28]:

- отдельного изделия (9 показателей).
- отдельной отрасли народного хозяйства (13 показателей).
- всего народного хозяйства (16 показателей).

3.1. Пересечения с математикой и физикой

3.1.1. Понятие криволинейного интеграла, тесно связанное с физическим понятием работы.

3.1.2. Вектор поля $F = \{F_1, F_2, \ldots, F_n\}$ — градиент некоторой скалярной функции точки X.

---

[25] Без них были невозможны инженерные и руководящие кадры для промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д., а также конструкторы и ученые, и их научные, технические и технологические открытия.

[26] Пессимистический, средний и оптимистический варианты прогнозов.

[27] Задания СМ СССР через Государственный комитет по науке и технике и Госснаб СССР.

[28] Разработаны автором в 2009—2010 гг.

3.1.3. Теорема: криволинейный интеграл в поле градиента равен приращению потенциальной функции при переходе от начальной до конечной точки пути интегрирования G и не зависит от выбора кривой G, соединяющей эти точки.

4. Возможность взаимопонимания

Из вышесказанного (пп. 1—3) автоматически вытекает возможность взаимопонимания.

5. Ограничения и пределы

Из вышесказанного (пп. 1—3) автоматически вытекает, что необходимо, с большим и ясным умом, с большим тактом, прозорливостью и настоящим новаторством *фрагментарно* применять те или аналоги из отдельных естественных и технических наук!

Литература

1. *Кади Дж.* Количественные методы в экономике. М., 1974.

2. *Zarnowitz V.* An Appraisal of Short-Term Economic Forecasts. N. Y., 1967.

3. *Zarnowitz V.* Forecasting Economic Conditions: The Record and the Prospect // The Business Cycle Today / Zarnowitz V. (ed.). N. Y., 1972.

4. http://ru.wikipedia.org/wiki/.

5. *Тяпкин А.А., Шибанов А.С.* Пуанкаре. М., 1982.

6. *Борн М.* Моя жизнь и мои взгляды. М., 1973.

7. *Антропов А.А.* Экономико-математическая модель хозяйственных (экономических) циклов (на примере ВНП США в ценах 1929 г.) // Экономический суверенитет и суверенная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2009.

8. *Клайн М.* Математика. Поиск истины. М., 1988.

9. *Ланге О.* Введение в экономическую кибернетику. М., 1968.

10. *Стромберг А.Г., Секченко Д.П.* Физическая химия. М., 1988.

11. Большая медицинская энциклопедия. Т. 17. М., 1960.

12. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 27. М., 1958.

13. *Льюис К.Д.* Методы прогнозирования экономических показателей. М., 1986.

14. *Мартино Дж.* Технологическое прогнозирование. М., 1977.

15. *Фостер Р.* Обновление производства: атакующие выигрывают. М., 1987.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России;

Архипов Алексей Юрьевич,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, проректор по экономике, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания;

Андреев Андрей Леонидович,

действительный член АФХ, Академии политических наук, д.ф.н., профессор, заведующий отделом, Институт комплексных социальных исследований РАН;

Алексеева Наталья Андреевна,

аспирант, ассистент, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Алиев Урак Жолмурзаевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент образовательной корпорации «Туран» (г. Астана, Казахстан);

Антропов Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, научный сотрудник, экономический факультет МГУ;

Арутюнов Гаспар Борисович,

аспирант, факультет государственного управления МГУ

Бирюков Сергей Владимирович,

действительный член АФХ, к.полит.н., доцент, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет;

Богачев Станислав Петрович,

д.э.н., доцент, кафедра экономической кибернетики, Калужский филиал Российского государственного аграрного университета им. К.А. Тимирязева;

Броницкая Владислава Владимировна,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина);

Бугаян Илья Рубенович,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы (г. Ростов-на-Дону);

Бузгалин Александр Владимирович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Вахтина Маргарита Анатольевна,

к.э.н., доцент, проректор, Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти);

Воеводина Татьяна Владимировна,

президент, компания «Белый кот»;

Глазьев Сергей Юрьевич,

действительный член РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт новой экономики Государственного университета управления; заместитель генерального секретаря ЕврАзЭС;

Гордеев Валерий Александрович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Горюнов Игорь Алексеевич,

преподаватель, Московская финансово-юридическая академия;

Гузев Михаил Михайлович,

действительный член АФХ, АГН, д.э.н., профессор, директор, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета; научный руководитель Волгоградского представительства Центра общественных наук;

Диденко Нина Григорьевна,

д.н. по госуд. управ., профессор, декан, факультет менеджмента, заведующая кафедрой философии и психологии, Донецкий государственный факультет управления (Украина);

Доброчеев Олег Викторович,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ; доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Дробышевская Лариса Николаевна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра мировой экономики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Дубянская Галина Юрьевна,

к.э.н., ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;

Дутка Анна Яковлевна,

действительный член АФХ, д.пед.н., профессор, кафедра математики, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины;

Ефимчук Ирина Викторовна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

Жуликов Пётр Петрович,

действительный член АФХ, к.т.н., доцент, Московский государственный университет приборостроения и информатики;

Зарецкий Александр Дмитриевич,

д.э.н., профессор, кафедра мировой экономики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Зверев Анатолий Федорович,

к.э.н., доцент, кафедра менеджмента и маркетинга, Российский университет дружбы народов;

Иванов Алексей Анатольевич,

старший преподаватель, кафедра медицинской и биологической физики, Ярославская государственная медицинская академия;

Иванова Вера Николаевна,

инспектор по кадрам, Научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума;

Иванова Татьяна Евгеньевна,

к.э.н., доцент, кафедра мировой экономики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Ильин Владимир Васильевич,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра экономической теории, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина);

Иохин Виктор Яковлевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет;

Кара-Мурза Сергей Георгиевич,

действительный член АФХ, АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН;

Киселева Елена Станиславовна,

старший преподаватель, кафедра маркетинга и антикризисного управления, инженерно-экономический факультет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет;

Ковалев Сергей Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов;

Корняков Василий Иванович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет;

Кузнецова Татьяна Викторовна,

д.ф.н., старший научный сотрудник, кафедра эстетики, философский факультет МГУ;

Кучуков Рамазан Абсалович,

д.э.н., профессор, кафедра государственного, муниципального и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Лемещенко Петр Сергеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия);

Леонтьев Михаил Владимирович,

действительный член АФХ, политический обозреватель, публицист, главный редактор журнала «Однако»;

Лучински Веслав,

д.э.н., профессор, кафедра международных финансов, факультет международного хозяйства, Экономический университет (г. Познань, Польша);

Макар Светлана Владимировна,

к.геогр.н., доцент, старший научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Махаматова Саида Таировна,

ассистент, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Мельников Николай Михайлович,

аспирант, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Миропольский Дмитрий Юрьевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов;

Мочалов Александр Владимирович,

д.э.н., профессор, специалист, Projekt-Planungs-Teams Engineering (г. Киль, Германия);

Нисанов Яхья Исайевич,

к.э.н., научный сотрудник, кафедра народонаселения, экономический факультет МГУ;

Окунь Анжела Станиславовна,

к.э.н., доцент, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Окунь Сергей Александрович,

студент, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Олейников Александр Алексеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;

Петров Владимир Константинович,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН;

Поважный Александр Станиславович,

д.э.н., профессор, ректор, Донецкий государственный университет управления;

Пшеницын Иван Викторович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет;

Резанова Тамара Васильевна,

д.э.н., профессор, кафедра основ экономической теории и социологии, Новомосковский институт Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева;

Резванов Александр Анатольевич,

д.соц.н., профессор, декан, факультет инновационного бизнеса и менеджмента; заведующий сектором туризма и сервиса, кафедра мировой экономики, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону);

Родина Галина Алексеевна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Ярославский филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института;

Рязанов Виктор Тимофеевич,

действительный член АФХ, АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;

Рудяк Ирина Изяславовна,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ;

Рышкус Владислав Валерьевич,

аспирант, Российский государственный торгово-экономический университет;

Савка Аврора Валерьевна,

д.ф.н., профессор, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Садыков Туртубек Умутканович,

д.э.н., профессор, университет «Туран-Астана» (Казахстан); научный стажер, экономический факультет МГУ;

Сасим Екатерина Сергеевна,

аспирант, преподаватель, кафедра теоретической и институциональной экономики, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия);

Свитич Андрей Алексеевич,

аспирант, кафедра макроэкономики, Финансовый университет; эксперт, Банк России;

Сенчина Юлия Николаевна,

соискатель степени к.ф.н., кафедра философской антропологии, философский факультет МГУ;

Синяков Сергей Васильевич,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина);

Скотный Павел Валерьевич,

к.э.н., доцент, кафедра экономики, Дрогобычский педагогический университет им. И.Я. Франко (Украина)

Скрынник Зоя Эдуардовна,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных наук, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины;

Соколов Роман Евгеньевич,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия;

Сологубов Владислав Михайлович,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, директор Екатеринбургского представительства Центра общественных наук, Уральский технический институт информатики и связи (г. Екатеринбург);

Субетто Александр Иванович,

действительный член АФХ, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по внешним связям, Крестьянский государственный университет им. Кирилла и Мефодия (г. Санкт-Петербург);

Усик Нина Ивановна,

д.э.н., профессор, кафедра экономики и финансов, Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий;

Фадейчева Галина Всеволодовна,

действительный член АФХ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, к.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории, Владимирский институт бизнеса;

Филипенко Антон Сергеевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мирового хозяйства и международных экономических отношений, Институт международных отношений Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина);

Фузеев Александр Сергеевич,

соискатель степени к.э.н., Академия народного хозяйства и государственной службы при Правительстве РФ;

Чаленко Василий Иванович,

к.э.н., докторант, экономический факультет, Кубанский государственный университет (г. Краснодар);

Чекмарев Василий Владимирович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова;

Черников Тимур Станиславович,

магистрант 2-го курса, Московская академия экономики и права;

Чистяков Сергей Витальевич,

доцент, кафедра экономической теории, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова;

Шапиро Наталья Александровна,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий;

Шелкопляс Евгений Валентинович,

действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека;

Шевченко Ксения Игоревна,

аспирант, кафедра мировой экономики, Кубанский государственный университет;

Шелегина Татьяна Николаевна,

аспирант, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Шошин Сергей Владимирович,

к.ю.н., доцент, кафедра уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, юридический факультет, Саратовский государственный университет;

Шулевский Николай Борисович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ;

Шуркалин Александр Константинович,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина;

Юдина Тамара Николаевна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, факультет государственного управления МГУ;

Яковец Татьяна Юрьевна,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., старший научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева.

Содержание

Предисловие (*Ю.М. Осипов*)……..…….….. 3

Раздел I
Концептуальные ресурсы модернизации……5

Ю.М. Осипов
Самоутверждение России в модернизационном ключе
Тезисы…… 5

А.Ю. Архипов
Самоутверждение России: императивы и перспективы…… 9

А.В. Бузгалин
Субъект реализации стратегии опережающего развития.
Россия и глобальный контекст……... 13

Н.Б. Шулевский
Блеф и нищета инноваций……... 21

М.В. Леонтьев
Парадоксы модернизации…… 30

А.И. Субетто
Самоутверждение России в XXI веке как лидера
в ноосферном прорыве человечества……..31

В.В. Чекмарев
Мир нашего завтра…… 39

О.В. Доброчеев, Т.Н. Шелегина
Глобальные и региональные волны экономического развития……... 44

В.В. Ильин
От «пост» к «прото»: трансформации «денежного мира»…… 48

С.В. Синяков
Роль сознания в экономическом действии……. 54

Д.Ю. Миропольский
Эффекты мобилизации и стимуляции в неустойчивых
хозяйственных системах…….. 64

П.П. Жуликов
Философия хозяйства как матрица развития
современной экономики…….. 73

Е.В. Шелкопляс
Новые реальности софиологии в России……... 81

В.Я. Иохин
О модернизации…… 87

Р.Е. Соколов
Современная каноническая философия хозяйства
как идеология серединного пути между капитализмом
и социализмом…….. 95

Т.Н. Юдина
Новые дискурсы экономической системы (альфа и омега)…..…… 100

В.В. Броницкая
Свободное духовное производство как условие
социально-экономического развития……. 103

Т.В. Воеводина
Осмысление опыта реального социализма как фактор выхода из кризиса…… 106
Т.В. Кузнецова
Народное и национальное в эпоху индустриальной модернизации…… 114
В. Лучински
Глобальное заражение эпохи глобализации…….. 122
М.А. Вахтина
Проблемы модернизации в аспекте эволюции модели экономического человека…… 131
И.И. Рудяк
Микроэстетика как самостоятельная наука: Россия — глубина постижения……. 137
А.Ф. Зверев
Гуманитарный капитал как общественное благо глобального масштаба……. 145
Ю.Н. Сенчина
Пробуждение русского духа: альтернативный взгляд на движущие силы исторического процесса…….. 148
(что нам открыл лингвистический поворот как эпохальное событие планетарного масштаба)…… 148
А.Д. Зарецкий, Т.Е. Иванова
Интенция экономической теории и социальной политики трансформировать и модернизировать общество……. 153
Р.А. Кучуков
Усиление государственного сектора — определяющий фактор модернизации экономики…… 164
С.Т. Махаматова
Особенности интеллектуального капитала в контексте глобализации…… 172
А.С. Поважный, Н.С. Диденко
Методологические аспекты эффективных социальных коммуникаций между органами власти и гражданами в условиях сетевого общества……. 175
А.В. Савка
Национальная идея И.А. Ильина и современность……... 180
В.Н. Иванова
Динамическая модель инновационного развития…… 186
И.В. Пшеницын
Судьба России…….. 192

Раздел II
Модернизация российской экономики…….. 200
С.Ю. Глазьев
Стратегии опережающего развития российской экономики……. 200

С.Г. Кара-Мурза
Аномия России — заслон модернизации…….. 204
В.Т. Рязанов
Циклы модернизации в России: реформы
и контрреформы…….. 207
М.М. Гузев
Россия идеальная и Россия реальная: кто за кем идет?..... 215
У.Ж. Алиев
Россия: от самоосмысления к самоутверждению социума…….. 219
А.Л. Андреев
Российский менталитет в контексте модернизации……. 220
П.С. Лемещенко
Россия — Белоруссия: риторика отношений
и реальные тенденции будущего развития…… 235
А.Я. Дутка, З.Э. Скрынник
Украина как зеркало российского самоутверждения…… 246
О.В. Доброчеев
Рамки российского сверхпроекта XXI века……... 251
И.Р. Бугаян
Инновационное и модернизационное развитие
экономики России: соотношение и мера……264
И.А. Горюнов
Россия от мегапроекта к мегакорпорации?..... 268
Л.Н. Дробышевская, К.И. Шевченко
Самоутверждение России: региональный взгляд…….. 281
Н.А. Шапиро
Территория России как рыночное пространство
(или идеальная модель рынка для политики модернизации)…….. 287
В.В. Рышкус
О развитии России…… 291
В.А. Гордеев
Опередить «не самую удовлетворительную
действительность»…… 298
Г.Ю. Дубянская
Модель системного развития как императив самоутверждения
России в качестве одного из глобальных лидеров в XXI веке…… 301
С.П. Богачев
Социально-экономические особенности инновационного
развития России…… 308
Г.В. Фадейчева
Самоутверждение России в контексте общественной
потребности развития…….. 316
А.К. Шуркалин
Преодоление энерго-сырьевой специализации России
как основа перехода к целостному развивающемуся
хозяйству……... 321

И.В. Ефимчук
Экзистенциальный выбор России:
«кошелек или жизнь»…… 326
С.Г. Ковалёв
Прорывно-инновационное развитие как процесс
формирования альтернативной экономики России…….. 340
С.А. Окунь, А.С. Окунь
Трансформация российского общества
в посткризисный период…… 344
А.А. Олейников
О движущих силах национального хозяйства:
к вопросу о порочности неолиберальной модели
современного развития России…… 348
А.А.Иванов
Интеллектуальная безопасность современной России…… 354
Г.Б. Арутюнов
Инновационное развитие современной экономики Китая
как опыт для самоутверждения России…… 359
В.К. Петров
Самоутверждение России: прорыв к первоистокам…….. 363
А.А. Свитич
Национальные экономические интересы России
как приоритет в программе модернизации…… 368
Н.И. Усик
Экономическое развитие регионов России путем
кластеризации — идеальное или реальное?..... 372
В.И. Чаленко
Роль регионов в инновационно-ориентированном
развитии России…… 377

Раздел III
Актуальные проблемы общества и экономики…… 384

А.С. Филипенко
Причины и последствия мирового финансового кризиса
2008 — 2009 гг…… 384
С.В. Бирюков
Россия: менеджмент развития как ответ
на современные вызовы……... 390
В.И. Корняков
О силах самоутверждения экономики…… 396
А.А. Резванов
Неформальные практики в российском малом бизнесе…… 400
Г.А. Родина
Эволюция критериев экономического благосостояния
населения…….. 409
В.М. Сологубов
Уроки мирового финансового кризиса…….. 413

Т.В. Резанова
Разработка Л.Н. Юровским некоторых проблем теории капитализации доходов в «Очерках по теории цены»……. 417
А.Н. Алексеева
Развивающее значение производственной кооперации малого бизнеса……. 425
Е.С. Киселева
Личный контакт в контексте маркетинга взаимоотношений как средство формирования лояльности потребителей…… 428
А.В. Мочалов
Взгляд на экономику России со стороны…….. 433
Е.С. Сасим
Посткризисные изменения в экономике: белорусский опыт……. 439
Т.С. Черников
Поиск новой парадигмы экономической науки (обзор литературы)…….. 445
С.В. Макар
Лесной потенциал как ресурс развития России……. 450
П.В. Скотный
Инновационная методология как проблема современного знания…… 457
Т.У. Садыков
Методологические проблемы современной экономической науки…… 462
Н.М. Мельников
Особенности финансового капитала в условиях глобализации…… 464
Т.Ю. Яковец
Социальные катастрофы России XX века в свете теории этногенеза Л.Н. Гумилева…… 467
С.В. Шошин
Имитационное моделирование процесса установления истины в уголовном судопроизводстве с учетом современных экономических российских реалий…… 468
Я.И. Нисанов
Неуставные взаимоотношения в армии как устойчивый институт воспроизводства тоталитарных хозяйственных отношений…… 473
А.А. Антропов
Некоторые аспекты естественнонаучных и технико-технологических трактовок и аналогов экономических процессов и явлений…… 475

Наши авторы……..……...483

Ранее в серии вышли:

- **Экономическая теория на пороге XXI века** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. — СПб.: Петрополис, 1996. — 416 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 2** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 1998. — 768 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия** / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2000. — 620 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — 704 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — 624 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 6** / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой: В 2 кн. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия. — М.: Юристъ, 2002. — 655 с.
- **Экономическая теория на пороге XXI века — 7: Глобальная экономика** / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2003. — 992 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 1(8): Экономика Постмодерна** / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2004. — 752 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 2(9): Глобальное и национальное в экономике** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой: В 2 т. — М.: Экономистъ, 2004. — Т. 1. — 576 с.; Т. 2. — 512 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 3(10): Проблемы пореформенной экономики** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2005. — 384 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 4(11): Институты экономики** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2006. — 432 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 5(12): Национальная экономика и социум** / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Магистр, 2007. — 640 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 6(13): Деньги** / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2007. — 344 с.
- **Экономическая теория в XXI веке — 7(14): Инновационная экономика** / Под ред Ю.М. Осипова, И.В. Шевченко, Л.Н. Дробышевской, Е.С. Зотовой. — М.; Краснодар, 2008. — 537 с.